У 7/281

281

ДѢЛО

О

СДАЧѢ КРѢПОСТИ ПОРТЪ-АРТУРЪ

ЯПОНСКИМЪ ВОЙСКАМЪ

ВЪ 1904 Г.

ОТЧЕТЪ.

СОСТАВЛЕНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. А. АПУШКИНА.

Цѣна 2 р. 50 коп.

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.
1908.

ВЪ СКЛАДѢ

В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.

Оффиціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами во время Русско-Японской войны. Собраны *М. Кинай* (Шимбашидо. Токіо). Съ англійскаго перевелъ *М. Грулевъ*. Томъ I. 1908 г. . **3** р.

То же, томъ II. . . . . **1** р. **50** к.

Это новое изданіе даетъ возможность изучить факты прошлой войны на болѣе достовѣрной почвѣ, чѣмъ многочисленныя воспоминанія участниковъ... О прекрасныхъ достоинствахъ перевода говорить не приходится. М. Ковскій. *„Рус. Инв." 1907 г. № 34, прилож.*

Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, на каждомъ шагу попадаются новости, еще неизвѣстныя у насъ—пересказать все нѣтъ возможности въ краткомъ отзывѣ. Лучше всего, если читатель поспѣшитъ самъ прочесть эту любопытную книгу.

А. Д. Шеманскій. *„Развѣдч." 1907 г. № 892.*

Записная книжка штабнаго офицера во время Русско-Японской войны.

Сэръ Янъ Гамильтонъ, британскій военный агентъ при арміи Куроки, генер.-лейтенантъ.

ТОМЪ I. Переводъ съ англійскаго генер. штаба капитана *Б. Семенова.*

ТОМЪ II. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей подполковника *Ю. С. Лазаревича.* . . . . . **3** руб.

ЦѢНА за оба тома 6 р.

ТОМЪ I отдѣльно не продается.

... Книга написана интересно, живымъ языкомъ, читается легко и даетъ много такихъ справедливыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о японской арміи, что становятся понятными усиленные происки японцевъ о томъ, чтобы второй томъ этихъ записокъ не появлялся въ печати.

М. *Прил. къ „Русск. Инв." 1906 г. № 225.*

Переводъ, исполненный Б. Семеновымъ, отличается вполнѣ хорошимъ слогомъ и дополненъ многими примѣчаніями переводчика, обнаруживающими въ немъ необходимую въ данномъ случаѣ начитанность.

М. Грулевъ. *„Развѣдчикъ" № 829.*

По своей ясности, толковости эти записки заслуживаютъ полнаго довѣрія не только военныхъ, но и интересны для русскихъ гражданъ.

Владиміръ Сабуровъ. *„Кіевлянинъ" 1907 г. № 18.*

1/281

ДѢЛО

О

СДАЧѢ КРѢПОСТИ ПОРТЪ-АРТУРЪ

ЯПОНСКИМЪ ВОЙСКАМЪ

въ 1904 г.

ОТЧЕТЪ.

СОСТАВЛЕНЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. А. АПУШКИНА.

Публич. и Румянцов. Музеи Библіотека

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1908.

2524.

2007056839

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

Предисловіе.

Крупное общественно-историческое значеніе судебнаго процесса о сдачѣ Портъ-Артура не подлежитъ сомнѣнію.

Оно опредѣляется:

значеніемъ самого событія, для котораго данныя судебнаго слѣдствія являются цѣннымъ историческимъ матеріаломъ;

поучительностью приговора, который, по прекрасному выраженію представителя обвинительной власти въ своей рѣчи на судѣ, „долженъ сказать всѣмъ имѣющимъ честь носить военный мундиръ, что если не всѣмъ имъ дано быть героями, то всѣ должны быть честными солдатами, готовыми умереть на своемъ посту, когда обстоятельства этого требуютъ“;

тѣмъ чувствомъ высокаго нравственнаго удовлетворенія, съ которымъ вся Россія прочитала въ Высочайшемъ приказѣ арміи и флоту, отъ 5-го марта 1908 г., что „Верховный судъ, карая виновника сдачи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полномъ величіи правды, возстановилъ незабвенные подвиги храбраго гарнизона“,

и, наконецъ,—спеціальнымъ юридическимъ интересомъ, который представляетъ какъ вообще производство такого обширнаго и сложнаго дѣла, такъ въ частности и то обстоятельство, что въ немъ впервые проявилась на практикѣ дѣятельность новаго высшаго военно-судебнаго установленія—верховнаго военно-уголовнаго суда—которая, надо думать, не скоро

повторится, а потому и должна быть использована на будущее, какъ примѣръ, раскрывающій достоинства и недостатки новой организаціи порядка отвѣтственности высшихъ чиновъ военнаго управленія за преступленія по службѣ.

Всѣ эти обстоятельства придаютъ дѣлу о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ характеръ не временнаго, злободневнаго интереса—увидать на скамьѣ подсудимыхъ недавняго „народнаго героя"—руководителя обороны нашей „твердыни" на Дальнемъ Востокѣ,—а большой поучительности и цѣнности въ историческомъ и юридическомъ отношеніяхъ.

Поэтому мы признали полезнымъ представить это дѣло во всей его полнотѣ, во всѣхъ стадіяхъ его прохожденія, а не въ одномъ только конечномъ моментѣ—судебномъ слѣдствіи, какъ это обычно принято дѣлать въ отношеніи судебныхъ отчетовъ.

Полная картина этого дѣла разсѣетъ много слуховъ, порожденныхъ или невѣдѣніемъ общества, или страстностью заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Она убѣдитъ читателей, что не происками отдѣльныхъ лицъ начато это дѣло, и уже конечно, не желаніемъ государства „во что бы то ни стало унизить свои войска, нравственно добить ихъ, уничтоживъ и послѣдніе признаки боевыхъ заслугъ и отличій", какъ полагали нѣкоторые публицисты [1]); — что вопросы о привлеченіи высшихъ военныхъ начальниковъ въ Портъ-Артурѣ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, преданіе ихъ суду, осужденіе однихъ и оправданіе другихъ послѣдовали вполнѣ авторитетно и на основаніи обширнаго и разносторонняго матеріала, собраннаго слѣдствіемъ и судомъ; — что самая продолжительность того и другого, помимо внѣшнихъ обстоятельствъ, задерживавшихъ ихъ ходъ, была слѣдствіемъ желанія собрать возможно полныя и точныя данныя для рѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ, и, наконецъ, что въ предѣлахъ установленныхъ процессуальными

[1]) См. „Нов. Вр." № 11426.

законами, подсудимымъ, дѣйствительно, предоставлены были всѣ средства къ оправданію.

Все это не нуждалось бы въ доказательствахъ, если бы въ обществѣ, въ печати, даже въ рѣчахъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ на самомъ судѣ не приходилось встрѣчаться съ сѣтованіями на медленное движеніе дѣла и т. п. [1]).

Не претендуя на непогрѣшимость въ изложеніи показаній свидѣтелей на судебномъ слѣдствіи, записанныхъ не стенографически, мы всемѣрно старались избѣжать упрека въ субъективности ихъ передачи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признали полезнымъ привести въ отчетѣ тѣ многочисленныя письма въ редакціи различныхъ газетъ, которыми во время процесса обмѣнивались участники обороны Портъ-Артура въ опроверженіе, дополненіе и разъясненіе данныхъ на судѣ и оглашенныхъ въ печати свидѣтельскихъ показаній, а также и полемику въ печати по вопросамъ организаціи обороны Дальняго Востока передъ войною такихъ выдающихся историческихъ дѣятелей, какъ графъ С. Ю. Витте и генер.-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ. Ихъ полемическія статьи и „письма въ редакцію"—документы большого общественно-историческаго значенія, заслуживающіе сохраненія въ памяти долѣе, чѣмъ прочитанный номеръ газеты.

28 сентября 1908.
Спб.

[1]) Что дѣла подобнаго рода не дѣлаются быстро,—краснорѣчивый примѣръ: дѣло марш. Базена. 28-го октября 1870 года послѣдовала капитуляція предводимой Базеномъ Рейнской арміи, а судъ надъ нимъ состоялся лишь 6 октября—11 декабря 1873 года.

I.

Предварительное слѣдствіе.

Дѣятельность Слѣдственной по Высочайшему повелѣнію комиссіи о сдачѣ кр. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ.

22-го декабря 1904 года вся Россія, съ такимъ горячимъ вниманіемъ, съ такою тревогою слѣдившая за доблестною обороною Портъ-Артура, читала въ предчувствіи чего-то ужаснаго телеграмму генералъ-адъютанта Стесселя отъ 19-го декабря: „.... Я приказалъ ночью отойти на горы за Китайской стѣнкой... Большая часть восточнаго фронта въ рукахъ японцевъ. На новой позиціи долго не продержимся и затѣмъ должны будемъ капитулировать... Великій Государь, Ты прости насъ. Сдѣлали мы все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво...“

Эти послѣднія слова Главный Штабъ тогда же сопроводилъ примѣчаніемъ:

„На основаніи ст. 64 положенія объ управленіи крѣпостями, какъ бы доблестна оборона крѣпости ни была, съ какимъ бы высокимъ самоотверженіемъ оборона ни велась, но если крѣпость будетъ взята непріятелемъ, то комендантъ ея предается суду, составъ коего опредѣляется каждый разъ по особому Высочайшему повелѣнію. Отъ этого суда зависитъ оцѣнка мѣръ, принятыхъ комендантомъ крѣпости для обороны, и затѣмъ признаніе, исполнилъ ли онъ свой долгъ, или же паденіе крѣпости должно быть вмѣнено ему въ вину“.

И такъ, неизбѣжность судебнаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ паденія Портъ-Артура была предустановлена

закономъ, — и о немъ военное министерство напомнило русскому обществу какъ только обозначилась вѣроятность и возможность капитуляціи нашей „твердыни“ на Дальнемъ Востокѣ.

Это однако не помѣшало народу устраивать генералу Стесселю на пути его къ Петербургу шумныя овацiи, военному министру выѣхать навстрѣчу ген. Стесселю и лобызать его, Старочеркасской станицѣ области войска Донского поднести ему званіе почетнаго казака этой станицы, а женскому взаимно-благотворительному обществу въ Петербургѣ устраивать торжественное засѣданіе въ честь г-жи Стессель...

Но если доблесть защитниковъ Портъ-Артура была несомнѣнна въ глазахъ русскаго общества и всего міра, то прославленному вождю ихъ, генералу Стесселю, предстояло еще доказать, что и онъ, какъ подчиненный ему гарнизонъ, исполнилъ свой долгъ до конца,—предстояло оправдать свое рѣшеніе сдать крѣпость врагу, унизившее несомнѣнно честь русскаго имени, поколебавшее славу русскаго оружія и отразившееся въ другой великой катастрофѣ—подъ Мукденомъ.

Но генералъ Стессель съ легкимъ и какъ будто чистымъ сердцемъ, безъ особой скромности, принималъ всѣ эти почести. Мы склонны даже думать, что онъ не вполнѣ вѣрилъ въ возможность суда надъ нимъ [1]).

16-го февраля 1905 года онъ прибылъ въ С.-Петербургъ.

Почти черезъ мѣсяцъ, 13-го марта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе военному министру, ген.-адъютанту Сахарову, „образовать для разсмотрѣнія дѣла о сдачѣ крѣп. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ слѣдственную комиссію“.

Предсѣдателемъ ея Государю Императору угодно было назначить члена государств. совѣта, ген. штаба ген.-отъ-инфантеріи Х. Х. *Роопа* [2]), а членами ея: члена государственнаго и

---

[1]) На вопросъ слѣдственной комиссіи, почему онъ не раздѣлилъ участь гарнизона и не пошелъ въ плѣнъ, ген. Стессель, между прочимъ, отвѣтилъ: – „Я понималъ, что въ плѣну я съ войсками не буду, а, придя на родину, могу еще быть ей полезенъ...“

[2]) Христоферъ Христоферовичъ *Роопъ* род. въ 1831 году, въ теченіе службы командовалъ: 1-ю гренадер. дивизіею (1875—1878 гг.), 6-мъ арм. корпусомъ (1876—1883 гг.) и войсками Одесскаго военнаго

военнаго совѣтовъ инженеръ-генерала *П. Ѳ. Рерберга* [1]), членовъ военнаго совѣта: ген.-отъ-инф. *К. В. Комарова* [2]), ген.-отъ-артиллеріи *Н. А. Демьяненкова* [3]), ген.-отъ-арт. *П. А. Крыжановскаго* [4]) и ген.-лейт. *Я. А. Гребенщикова* [5]); коменданта Но-

---

округа (1883—1890 гг.); участвовалъ въ кампаніяхъ 1849, 1854—1855 и 1877—1878 гг.; имѣетъ орд. Св. Георгія 3 степ. (Карсъ) и золотое оружіе съ алмазами (Аладжа).

[1]) Петръ Ѳедоровичъ *Рерберъ* род. въ 1835 г.; въ теченіе службы былъ н-комъ инженеровъ Кавказскаго в. окр. (1867—1877 гг.), н-комъ Кавказск. гренад. дивизіи (1879—1881 гг.), н-комъ Закасп. обл. и командующимъ въ ней войсками (1881—1883 гг.), н-комъ 25 пѣх. дивизіи (1883—1885 гг.) и командиромъ 8 арм. корпуса (1885—1893 гг.) Состоитъ почетн. членомъ Николаевской инж. академіи. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1855—1856, 1860—1863 и 1877—1878 гг.; имѣетъ за послѣднюю кампанію золотое оружіе, украшенное брилліантами.

[2]) Константинъ Виссаріоновичъ *Комаровъ* род. въ 1832 году, въ теченіе своей службы былъ к-ромъ Кавказск. гренад. стр. б-на (1863—1868 гг.), к-ромъ 152 пѣх. Владикавказскаго полка (1868—1877 гг.). к-ромъ 2 бриг. 38 пѣх. дивизіи (1878 г.), губернаторомъ Батумской обл. (1878—1881 гг.), к-ромъ Туркестан. стр. бриг. (1883 г.), комендантомъ — сперва Ивангородской, а затѣмъ Варшавской крѣпостей (1883—1891 и 1891—1898 гг.) и помощникомъ командующ. войсками Варшавскаго военн. округа по управленію Варшавскимъ укрѣпл. раіономъ (1898—1902 гг.); участвовалъ въ кампаніяхъ 1854—1855, 1859—1864 и 1877—1878 гг. (контуженъ и раненъ); въ числѣ наградъ имѣетъ золотое оружіе (1862 г.) и ордена Св. Георгія 3 и 4 степ. (1877 г.). Нынѣ комендантъ Петропавловской крѣпости (1907 г.).

[3]) Николай Афанасьевичъ *Демьяненковъ* род. въ 1830 г., бывшій н-къ Михайловской артилл. академіи и училища; заслуженный профессоръ той же академіи, совѣщ. членъ артил. комитета и почетный членъ академій Николаевской инженерной и Михайловской артиллерійской. Умеръ въ 1907 году.

[4]) Павелъ Андреевичъ *Крыжановскій* род. въ 1831 г., въ теченіе службы былъ командиромъ Выборгской крѣпост. артиллеріи (1881—1887 гг.), инспекторомъ крѣп. артиллеріи (1887—1890 гг.) и помощникомъ нач-ка главн. артилл. управл. (1890—1897 гг.), участвовалъ въ кампаніи 1855—1856 гг. (контуженъ); почет. членъ конференціи Мих. арт. академіи.

[5]) Яковъ Александровичъ *Гребенщиковъ* род. въ 1831 году; былъ: к-ромъ 146 пѣх. Царицынскаго полка (1883—1885 гг.), к-ромъ 1 бригады 3 гв. пѣх. дивизіи (1885—1891 гг.), к-ромъ Кексгольмскаго гренадерскаго полка (1887—1891 гг.), к-ромъ 2 бриг. 3 гвард. пѣх. див. (1891—1895 гг.), н-комъ 32 пѣх. дивизіи (1895—1896 гг.), н-комъ 4 пѣх дивизіи (1896—1899 гг.), комендантомъ Ковенской крѣпости (1899—1904 гг.) и предсѣдателемъ главн. крѣп. комитета. Участвовалъ въ

вогеоргіевской крѣпости инж.-ген. *Н. В. Богаевскаго* [1]), предсѣдателя Виленскаго воен.-окруж. суда ген.-лейт. *В. С. Митрофанова* [2]), начальника Александровской военно-юридической академіи, ген.-лейт. *Ф. Н. Платонова* [3]), члена адмиралтействъ-совѣта, вице-адм. *И. М. Дикова* [4]) и предсѣдателя морского техническаго комитета вице-адмирала *Дубасова* [5]).

кампаніи 1855 года. Авторъ многихъ военно-литературныхъ трудовъ. Умеръ 10 марта 1907 г.

[1]) Николай Венедиктовичъ *Богаевскій* род. въ 1843 г., былъ н-комъ инженеровъ Туркестан. в. окр. (1874—1882 гг.) и Одесскаго в. окр. (1882—1894 гг.), н-комъ 14 пѣх. дивизіи (1894—1899 гг.), временнымъ ген.-губернаторомъ южнаго горнозаводскаго раіона (1906 г.) и помощникомъ ком. войсками Одесскаго воен. округа (1906—1908 гг.); нынѣ членъ воен. совѣта (1908 г.). Участвовалъ въ кампаніяхъ 1866, 1868 (ран.), 1870, 1875, 1876 и 1878 гг. Имѣетъ золотое оружіе (1871 г.).

[2]) Валеріанъ Сергѣевичъ *Митрофановъ* род. въ 1837 г., былъ воен. прокуроромъ Варшав. в.-окр. суда (1889—1892 гг.), предсѣдателемъ в.-окр. судовъ Омскаго (1892—1899 гг.) и Сибирскаго (1899—1901 гг.) Нынѣ, съ 1906 г. ген.-отъ-инфантеріи и предсѣдатель главнаго военнаго суда. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1855 и 1863 гг.

[3]) Флорентій Николаевичъ *Платоновъ* род. въ 1839 г., былъ воен прокуроромъ, а впослѣдствіи и предсѣдателемъ Московскаго в.-окр. суда (1884—1888 и 1888—1897 гг.). Нынѣ сенаторъ, генералъ-отъ-артиллеріи и почетный членъ конференціи Александровской военно-юридической академіи.

[4]) Иванъ Михайловичъ *Диковъ* род. въ 1833 г., командовалъ судами: парох. „Прутъ“ (1870 г.) и фрег. „Дм. Донской“ (1885—1886 гг.), былъ н-комъ отряда Нижне-Дунайской флотиліи (1877 г.), н-комъ Черноморскаго учебнаго миннаго отряда (1881—1885 гг.), н-комъ практ. эскадры Чернаго моря (1893—1896 гг.), предсѣдателемъ морского технич. комит. (1897—1900 гг.), членомъ адмиралтействъ-совѣта (1898—1907 гг.), состоитъ постоян. членомъ совѣта госуд. обороны; въ 1906 г. назначенъ ген.-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Нынѣ морской министръ (1907 г.). Участвовалъ въ кампаніяхъ: 1854—1855 гг. (зн. отл. воен. орд.), 1864 и 1877—1878 гг. (орд. Св. Георгія 4-й ст.).

[5]) Федоръ Васильевичъ *Дубасовъ* род. въ 1845 г., окончилъ курсъ Николаевской морской академіи (1870 г.), командовалъ судами: крейс. „Африка“ (1883—1885 гг.), фрег. „Свѣтлана“ (1888 г.), фрег. „Владиміръ Мономахъ“ (1888—1891 гг.), бр. „Петръ Великій“ (1891 г.), бат. „Не тронь меня“ (1891 г.), эскадрою Тихаго океана (1896—1899 гг.), былъ предсѣдателемъ морск. технич. комитета (1901—1905 гг.), членомъ международной комиссіи по выясненію гулльскаго инцидента (1904 г.) и Московскимъ ген.-губернаторомъ (1905—1906 гг.), въ 1905 г. назначенъ ген.-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству и

Этотъ составъ комиссіи на слѣдующій же день былъ увеличенъ еще однимъ членомъ отъ морского вѣдомства. 14-го марта 1905 г. Государь Императоръ соизволилъ назначить членомъ слѣдственной комиссіи главнаго командира флота и портовъ Балтійскаго моря, вице-адмирала *Бирилева* [1]).

Такой составъ комиссіи нельзя не признать блестящимъ, вполнѣ компетентнымъ для изслѣдованія сложнаго вопроса обороны современной крѣпости-порта. Въ нее входили представители всѣхъ видовъ и родовъ вооруженныхъ силъ: сухопутныхъ (9) и морскихъ (3). Въ числѣ первыхъ было три генерала генеральнаго штаба, два инженера, два артиллериста и два юриста. Въ числѣ ихъ было три коменданта крѣпости... А изъ 12 членовъ комиссіи 8 обладало солиднымъ боевымъ опытомъ, до севастопольскаго—включительно.

Завѣдываніе дѣлопроизводствомъ комиссіи возложено было по Высочайшему повелѣнію на ген.-лейт. Платонова, а въ помощь ему, въ распоряженіе предсѣдателя комиссіи, командированы были чины главнаго военно-суднаго управленія подполковникъ (нынѣ полковникъ) Апушкинъ и капитанъ (нынѣ полковникъ) Вишняковъ.

Комиссія открыла свою дѣятельность 1-го апрѣля постановленіемъ (№ 1), которое, не заключая въ себѣ указаній на планъ предстоящей слѣдственной дѣятельности, ограничивалось лишь слѣдующими положеніями:

1) просить распоряженія соотвѣтствующихъ главныхъ управленій о доставленіи плановъ, документовъ и свѣдѣній, указанныхъ въ особо составленномъ спискѣ.

членомъ совѣта госуд. обороны; въ 1906 году произведенъ въ адмиралы и назначенъ членомъ Госуд. Совѣта. Участвовалъ въ кампаніи 1877—1878 гг. и награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й ст. и золотымъ оружіемъ.

[1]) Алексѣй Алексѣевичъ *Бирилевъ* род. въ 1844 г., командовалъ судами: мин. „Взрывъ“ (1880—1885 гг.), мин. крейс. „Лейт. Ильинъ“ (1886—1887 гг.), клип. „Пластунъ“ (1888 г.), крейс. I ранга „Мининъ“ (1890—1892 гг.), бр. „Сисой Великій и „Адм. Ушаковъ“ (1893 г.), бр. „Гангутъ“ (1893—1894 г.), былъ н-комъ уч.-арт. отряда Балт. моря (1897—1898 гг.), отряда судовъ Средиземн. моря (1900—1901 гг.), практ. отр. обороны Балт. моря (1903 г.), главн. к-ромъ флота и портовъ Балт. моря (1904—1905 гг.), морскимъ министромъ (1905—1906 гг.). Нынѣ адмиралъ (1907 г.) и членъ Госуд. Совѣта (1905 г.).

2) просить штабъ Намѣстника Е. И. В. на Д. Востокѣ о доставленіи свѣдѣній, касающихся числа судовъ флота и силы ихъ со времени нападенія японцевъ на нашу портъ-артурскую эскадру, 26 января 1904 года, т. е. количества орудій и калибра ихъ, численности экипажа судовъ и запаса боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, а также о томъ, въ какомъ служебномъ отношеніи находились начальствующіе надъ флотомъ между собою и къ начальнику Квантунскаго укрѣпленнаго раіона со времени отъѣзда Намѣстника изъ Портъ-Артура,

и 3) просить членовъ комиссіи отъ морского вѣдомства составить списокъ необходимыхъ свѣдѣній, относящихся до флота.

Хотя особаго плана изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ паденія Портъ-Артура, какъ сказано выше, составлено и не было, но изъ этого постановленія видно, что комиссія, уже приступая къ своей работѣ, не считала возможнымъ ограничиваться разслѣдованіемъ одного лишь факта сдачи крѣпости японскимъ войскамъ, а предполагала охватить событіе это широко, съ момента объявленія войны. Но удалось это ей сдѣлать не сразу, а по мѣрѣ полученія тѣхъ или другихъ документовъ и возможности допросить тѣхъ или другихъ свидѣтелей.

Развитіе дѣятельности комиссіи видно будетъ изъ слѣдующаго дневника ея работъ.

1-го апрѣля 1905 г., т. е. въ томъ же первомъ засѣданіи комиссіи, осмотрѣны и оглашены были первые имѣвшіеся въ ея распоряженіи документы: донесенія и сообщенія изъ штаба укрѣпленнаго раіона командующему манчжурскою арміею, намѣстнику, военному министру и Государю Императору (протоколъ № 1).

6-го апрѣля полученъ былъ отъ ген.-адъют. Стесселя рядъ документовъ чрезвычайной важности, касавшихся переговоровъ съ японцами во время обороны и, главнымъ образомъ, во время сдачи ея.

Такъ какъ въ числѣ ихъ были и написанные на японскомъ языкѣ, то для перевода ихъ комиссія обратилась прежде всего въ 1-й департаментъ министерства иностран-

ныхъ дѣлъ съ просьбою предоставить въ ея распоряженіе переводчика съ японскаго языка.

11-го апрѣля департаментъ увѣдомилъ комиссію, что „въ его распоряженіи въ настоящее время такового лица не имѣется".

Поиски его въ Главномъ Штабѣ также успѣхомъ не увѣнчались.

Между тѣмъ война еще шла!

Пришлось обратиться къ содѣйствію частныхъ лицъ, и эту работу выполнилъ лекторъ японскаго языка при С.-Петербургскомъ университетѣ Іосибуми Куроно, японецъ, уже болѣе 15 лѣтъ прожившій въ Россіи и не покинувшій ее даже тогда, когда, съ объявленіемъ войны, всѣмъ японскимъ подданнымъ предложено было покинуть нашу страну.

16-го апрѣля получены были отъ ген.-адъют. Алексѣева документы, касающіеся командованія въ Портъ-Артурѣ сухопутными и морскими силами (копіи депешъ и приказовъ по этому вопросу).

Разбираясь въ ворохѣ документовъ, часто отрывочныхъ и случайныхъ, комиссія скоро пришла къ убѣжденію, что безъ допроса начальствовавшихъ въ Портъ-Артурѣ лицъ, находившихся въ то время въ плѣну въ Японіи (коменданта крѣпости ген.-л. Смирнова, начальника артиллеріи крѣпости ген.-м. Бѣлаго, начальника сухопутной обороны ген.-лейт. Фока, начальника артиллеріи 3 армейск. сибирскаго корпуса генералъ-лейт. Никитина, командира 4 вост.-сиб. стрѣлк. арт. бригады ген.-м. Ирмана, командовавшаго флотомъ контръ-адмирала Вирена и начальника отдѣла обороны, флиг.-адъют. полковника Семенова), нельзя изслѣдовать порученное ей дѣло съ должною полнотою и безпристрастіемъ. Къ тому 64 ст. положенія объ управленіи крѣпостями обязывало ее дать свое заключеніе не только о дѣйствіяхъ бывшаго начальника укрѣпленнаго раіона, генералъ-адъют. Стесселя, но и о другихъ чинахъ крѣпостного управленія; представленіе же заключенія о нихъ безъ предоставленія имъ возможности дать свои объясненія было бы несправедливо.

По этимъ соображеніямъ и имѣя въ виду, что допросъ указанныхъ выше лицъ въ порядкѣ 380 ст. Воен.-судеб. Устава, т. е. черезъ посылку имъ допросныхъ пунктовъ, не

дастъ ручательства въ правдивомъ и безпристрастномъ изложеніи этими лицами всѣхъ обстоятельствъ обороны и сдачи крѣпости, такъ какъ съ одной стороны допросные пункты и отвѣты на нихъ пройдутъ чрезъ японскую цензуру, а съ другой—и лица, долженствующія дать отвѣты, зная это, изъ благороднаго чувства патріотизма не пожелаютъ, можетъ быть, правдиво и искренно раскрыть всѣ обстоятельства дѣла,—комиссія въ засѣданіи *22-го апрѣля* постановила: войти съ ходатайствомъ черезъ военнаго министра къ Государю Императору о прибытіи указанныхъ выше лицъ въ Петербургъ, хотя бы временно, для дачи своихъ показаній (Постановленіе № 2).

Отвѣтъ на это ходатайство послѣдовалъ лишь *15-го іюня*. Военный министръ увѣдомилъ предсѣдателя комиссіи, что, во исполненіе воли Государя Императора, нашему послу въ Парижѣ поручено было выяснить чрезъ посредство французскаго правительства, не послѣдуетъ ли, въ случаѣ офиціальнаго о томъ обращенія, согласіе японскаго правительства на временный вызовъ въ Россію находящихся въ плѣну генераловъ: Смирнова, Бѣлаго, Фока, Никитина, Ирмана и Семенова и адмирала Вирена для допроса ихъ по дѣлу о сдачѣ Портъ-Артура, но д. т. с. Нелидовъ сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ гр. Ламсдорфу, что японскій совѣтъ министровъ не призналъ возможнымъ согласиться на временное освобожденіе изъ плѣна названныхъ генераловъ для указанной цѣли.

Становилось очевиднымъ, что слѣдствіе не могло закончиться ранѣе заключенія мира и возвращенія плѣнныхъ на родину. До этого же времени надо было ограничиваться допросомъ тѣхъ участниковъ обороны, которые вернулись въ Россію вмѣстѣ съ ген. Стесселемъ, и ознакомленіемъ съ тѣми документами, которые съ разныхъ концовъ поступали въ комиссію.

2-го мая полученъ былъ черезъ Главный Штабъ изъ Шанхая отъ нашего военнаго агента въ Китаѣ ген.-м. Огородникова цѣлый сундукъ ихъ — 31 пачка, среди которыхъ были приказы по раіону, по крѣпости, по сухопутной оборонѣ, телефонограммы, реляціи, полевыя книжки, журналы совѣта обороны и военныхъ дѣйствій и т. п.

Въ тотъ же день отъ главнаго инженернаго управленія получена была вѣдомость распредѣленія кредита (604,409 р.), израсходованнаго въ 1899 году на оборонительныя работы въ Портъ-Артурѣ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ усиленныхъ толковъ въ печати и въ обществѣ о крайне неудовлетворительномъ состояніи нашей „твердыни“ на Дальнемъ Востокѣ передъ войною, вопросъ о готовности Портъ-Артура, какъ крѣпости, болѣе всего интересовалъ въ это время комиссію. Да оно и понятно. Сила верковъ крѣпости была исходнымъ положеніемъ для оцѣнки дѣятельности ген. Стесселя, который былъ комендантомъ ея до войны и главнымъ начальникомъ въ ней во время обороны.

Съ этою цѣлью отъ главнаго инженернаго управленія были затребованы и *18-го мая* получены свѣдѣнія о проектированныхъ инженеръ-полковникомъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Величко мѣропріятіяхъ по укрѣпленію Портъ-Артура, съ указаніемъ, въ какой мѣрѣ они были выполнены къ началу войны.

27-го и *31-го мая* состоялся допросъ перваго свидѣтеля—начальника инженеровъ крѣпости, полковника *Григоренко* (Протоколы №№ 17 и 18).

27-го же мая получены ли черезъ управляющаго морскимъ министерствомъ отъ Намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ весьма секретные документы: планъ военныхъ дѣйствій флота Тихаго океана, всеподданнѣйшая телеграмма Намѣстника Государю отъ 17-го іюля 1904 г. и двѣ Высочайшихъ телеграммы отъ 18-го и 19-го іюля.

28-го мая бывшій интендантъ крѣпости подполковникъ Достоваловъ доставилъ комиссіи свѣдѣнія о количествѣ продовольственныхъ запасовъ и другихъ предметовъ интендантскаго довольствія, имѣвшихся въ магазинахъ и вещевыхъ складахъ къ началу войны, съ указаніемъ прихода и расхода ихъ во время осады; о количествѣ пріобрѣтенныхъ по реквизиціи и покупкою скота, мяса и солонины и, наконецъ, о количествѣ главныхъ предметовъ продовольствія, состоявшихъ ко дню сдачи крѣпости и сданныхъ японцамъ, съ указаніемъ, на какое число дней хватило бы этихъ продуктовъ для наличнаго состава гарнизона крѣпости (Изъ этихъ вѣ-

домостей видно, что общая стоимость сданныхъ по капитуляціи продовольственныхъ и вещевыхъ запасовъ простирается до 763 тыс. рублей).

На запросъ комиссіи главному инженерному управленію, не имѣется ли у него сдаточныхъ вѣдомостей по инженерной части, управленіе увѣдомило *14-го іюня* комиссію, что никакихъ вѣдомостей по сдачѣ крѣпости японцамъ не имѣется и что по донесенію полковника Григоренко, имъ лично сданы были японцамъ только чертежи укрѣпленій и зданій крѣпости; при фактической же передачѣ фортовъ, батарей и зданій, описей не составлялось, такъ какъ исполнить это въ установленный однодневный срокъ не было возможности. Назначенные для сдачи имущества инженерные офицеры за этотъ день успѣли лишь объѣхать совмѣстно съ японскими офицерами городъ и укрѣпленія и указать на мѣстѣ, какія именно сооруженія принадлежатъ казнѣ, какія — частнымъ лицамъ...

Вмѣсто этихъ вѣдомостей, *15-го іюня* получены были отъ главнаго инженернаго управленія новыя данныя по укрѣпленію Артура, а именно—вѣдомость кредитовъ, отпущенныхъ на работы и заготовки въ раіонѣ Квантунской области въ теченіе 1898 — 1903 гг. (Всего на оборонительныя работы — 4.623,225 р. и на необоронительныя — 10.683,737 р.).

Въ тотъ же день, *15-го іюня*, были допрошены въ качествѣ свидѣтелей: командиръ 3 роты Квантунской крѣп. артиллеріи и начальникъ 4 артил. сектора обороны капитанъ *Мошинскій* (протоколъ № 20) и и. д. штабъ-офицера для порученій при штабѣ 3 сибир. арм. корпуса, ген. шт. капитанъ *Степановъ* (протоколъ № 21).

28-го іюня—допрошены испр. обязанности интенданта крѣпости и укрѣпленнаго раіона подполковникъ *Достоваловъ* (протоколъ № 22) и бывшій корпусный врачъ 3-го сибирск. арм. корпуса, завѣдывавшій медицинскою частью Квантунскаго укрѣпл. раіона, д. с. с. *Рябининъ*.

Въ тотъ же день были получены: отъ ген.-адъют. Алексѣева документы, въ числѣ которыхъ особый интересъ представлялъ отчетъ капитана 2 ранга Клюпфеля о морской артиллеріи, дѣйствовавшей на сухопутномъ фронтѣ обороны, — и отъ начальника Главнаго Штаба – 1) свѣдѣнія, доставлен-

ныя главн. воен.-медицинскимъ управленіемъ по вопросу объ обезпеченіи гарнизона крѣп. Портъ-Артуръ медицинскимъ довольствіемъ и 2) свѣдѣнія, полученныя отъ главн. инженер. управленія по вопросу о готовности Портъ-Артура къ оборонѣ.

Намѣчая себѣ рядъ лицъ, подлежащихъ допросу въ качествѣ свидѣтелей, комиссія обратилась въ соотвѣтственныя учрежденія съ запросами: 25-го іюня — гдѣ находится бывшій полицмейстеръ Портъ-Артура г. Тауцъ, 28-го іюня — гдѣ бывшій начальникъ штаба крѣпости ген. шт. полк. Хвостовъ и шт.-кап. 5 вост. спб. стрѣлк. полка Сычевъ, герой Цзпиьчжоусскаго боя и обороны Высокой горы, и 30-го іюня — кто именно состоялъ врачами 13, 14, 15, 16, 26, 27 и 28 вост.-спб. стрѣлк. полковъ и гдѣ они находятся, а также гдѣ находятся врачи 5 и 25 восточн.-спб. стрѣлк. полковъ колл. сов. Троицкій и колл. асс. Александровъ.

Сычева въ Петербургѣ не оказалось, а изъ врачей находились въ это время въ Петербургѣ только колл. асс. Хрѣнниковъ и надв. сов. Александровъ.

Въ силу дѣйствующихъ правилъ Военно-судебн. Устава (примѣч. къ 336 и 380 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3) комиссія, признавъ необходимымъ допросить кого-либо изъ свидѣтелей, находящихся внѣ мѣста ея дѣятельности, должна была бы поручить допросъ ихъ ближайшему къ мѣсту ихъ жительства военному или судебному слѣдователю, препроводивъ послѣднему для этого предварительно составленные вопросные пункты. Такой порядокъ, гарантируя надлежащее соблюденіе интересовъ истины чрезъ компетентныхъ органовъ судебной власти и избавляя въ то же время свидѣтелей отъ обременительной для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ обязанности выѣзда въ мѣсто производства слѣдствія, иногда весьма отдаленное отъ мѣста ихъ жительства, представляется, конечно, весьма цѣлесообразнымъ для дѣлъ обычныхъ, для дѣлъ несложныхъ, возбуждаемыхъ по точно формулированнымъ обвиненіямъ. Но онъ не могъ не вызвать затрудненій на практикѣ при производствѣ такого сложнаго, неяснаго еще въ своихъ очертаніяхъ дѣла, какъ сдача крѣпости послѣ одиннадцати-мѣсячной обороны, въ которомъ обиліе матеріала, подлежащаго обслѣдованію, обиліе свидѣтелей и не-

обходимость сопоставленія между собою документовъ и свидѣтельскихъ показаній для точнаго уясненія обстановки обороны и устраненія всякаго рода противорѣчій и недоразумѣній, настоятельно требовали устнаго допроса свидѣтелей въ самой комиссіи, тѣмъ болѣе, что письменные вопросные пункты, составленные при указанныхъ выше условіяхъ, не могли быть полны и исчерпывающи; отвѣты же на нихъ, будучи даны слѣдователямъ, незнакомымъ со всѣми обстоятельствами дѣла и не могущимъ поэтому усмотрѣть возможныхъ противорѣчій и неясностей, могли потребовать новыхъ вопросныхъ пунктовъ, что должно было крайне замедлить и усложнить производство слѣдствія.

Въ силу этихъ соображеній, *29-го іюня* предсѣдатель комиссіи обратился къ военному министру съ просьбою ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи комиссіи, въ изъятіе изъ закона, вызывать къ личному допросу въ качествѣ свидѣтелей лицъ, проживающихъ и внѣ С.-Петербурга; вмѣстѣ съ тѣмъ признавая размѣръ установленнаго въ Воен.-суд. Уставѣ вознагражденія (25 коп. суточныхъ, 3 коп. съ версты или стоимость билета 3 класса по желѣзн. дорогѣ) недостаточнымъ, испрашивалось разрѣшеніе комиссіи войти въ Военный Совѣтъ съ предложеніемъ иныхъ нормъ вознагражденія.

Отвѣтъ на это ходатайство полученъ былъ комиссіею *3-го августа*: Высочайшее разрѣшеніе послѣдовало.

Однако только *12-го октября* главное военно-судное управленіе увѣдомило комиссію, что Военный Совѣтъ, журналомъ 29-го сентября 1905 г. опредѣлилъ размѣръ вознагражденія свидѣтелямъ: суточныя деньги со дня выѣзда въ С.-Петербургъ по день возвращенія — 4 рубля генераламъ, 3 рубля — штабъ-офицерамъ и 2 рубля оберъ-офицерамъ; квартирныя деньги — по положенію, установленному для военно-служащихъ, командируемыхъ по дѣламъ службы, и для проѣзда— перевозочные документы.

Только съ этого времени представилась для комиссіи возможность развить интенсивнѣе свою дѣятельность, хотя крупнымъ тормазомъ для этого все же оставалось еще нахожденіе въ плѣну такихъ важныхъ свидѣтелей, какъ генералы Смирновъ, Бѣлый, Фокъ, Ирманъ и др.

Пока же приходилось довольствоваться допросомъ лицъ, находившихся въ Петербургѣ.

29-го іюня состоялся допросъ въ качествѣ свидѣтеля кандидата на воен.-судебн. должности капит. *Вельяминова* [1]) (протоколъ № 25), командовавшаго въ Портъ-Артурѣ Саперною батареею и награжденнаго орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

29-го же іюня послѣдовало назначеніе вице-адм. Бирилева морскимъ министромъ, вслѣдствіе чего онъ и выбылъ изъ состава комиссіи. Вскорѣ, въ началѣ іюля, выбылъ изъ ея состава и вице-адм. Дубасовъ, уволенный въ продолжительный отпускъ для возстановленія разстроеннаго здоровья.

4-го іюля главное артиллерійское управленіе, въ свою очередь, увѣдомило комиссію, что вѣдомостей о передачѣ японцамъ предметовъ артиллеріи при сдачѣ крѣпости не имѣется.

Отсутствіе ихъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, при изложеніи хода судебнаго слѣдствія, сказалось потомъ весьма ощутительно.

Такія сдаточныя вѣдомости — копіи съ описей и квитанцій имуществу, сданному въ Портъ-Артурѣ при капитуляціи японскимъ войскамъ, были получены комиссіею (9-го іюля) единственно отъ главнаго интендантскаго управленія.

6-го и *9-го іюля* состоялся допросъ бывшаго начальника штаба крѣпости ген. шт. полковника *Хвостова* (протоколы №№ 26 и 27), а *27-го іюля* — и допросъ бывшаго начальника штаба укрѣпленнаго Квантунскаго раіона ген.-м. *Рейса* (протоколъ № 28).

Къ своему показанію этотъ свидѣтель приложилъ фотографическій снимокъ съ письма генерала Кондратенко отъ 18-го сентября 1904 г., въ которомъ онъ совѣтовалъ генералу Стесселю „истинно и правдиво“ донести Государю о положеніи дѣлъ и о желательности заключенія мира до паденія Портъ-Артура, — записку о фортификаціонной оборонѣ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и написанный карандашомъ, рукою свидѣтеля, черновикъ журнала военнаго совѣта 16-го декабря 1904 г., на которомъ постановлено было большинствомъ его членовъ продолжать оборону крѣпости.

Въ дѣлахъ комиссіи журналъ этотъ, напечатанный на

---

[1]) Впослѣдствіи — защитникъ подсудимаго ген. Стесселя.

машинкѣ, уже имѣлся, но, будучи завѣренъ подписью одного лишь ген.-м. Рейса, возбуждалъ сомнѣнія, какъ во времени своего составленія, такъ и въ точности изложенія мнѣній членовъ совѣта.

1-го августа отъ главнаго инженернаго управленія получена была новая, третья по счету, вѣдомость и записка о расходѣ кредитовъ на оборонительныя и необоронительныя работы въ районѣ Квантунской области съ 1898 г. по 1903 годъ включительно. На первыя было отпущено 4,623,225 р., на вторыя—6,527,311 р.

Допросивъ обоихъ начальниковъ штабовъ — крѣпости и района — и трехъ начальниковъ крѣпостныхъ и районныхъ управленій, находившихся въ Россіи, и не зная, когда явится возможность допросить остальныхъ видныхъ дѣятелей обороны, находившихся въ плѣну, комиссія предполагала уже вызвать къ допросу въ качествѣ свидѣтеля ген.-адъютанта Стесселя, но 3-го августа получено было отъ него письмо на имя предсѣдателя комиссіи, въ которомъ онъ просилъ разрѣшить ему, по состоянію здоровья, уѣхать въ деревню и отложить допросъ его до возвращенія оттуда.

Просьба эта была, конечно, уважена.

16-го сентября получено было отъ ген. Стесселя второе письмо; онъ сообщалъ въ немъ, что не доѣхалъ до Тамбова и слегъ въ Москвѣ.

Это обстоятельство создавало новое затрудненіе дѣятельности комиссіи. Въ ея распоряженіи было, правда, уже немало документовъ по оборонѣ. Но одни изъ нихъ доставлены были комиссіи въ хаотическомъ состояніи (папка съ бумагами 4-й вост.-сиб. стрѣлк. дивизіи), другіе — хотя и въ отличномъ порядкѣ (штаба отряда восточ. фронта), но всѣ вообще представлялись въ большинствѣ случайными, не вполнѣ охватывавшими какой-либо вопросъ. Восполнить эти пробѣлы въ документахъ, повѣрить ихъ, уяснить можно было только путемъ опроса свидѣтелей... Но послѣдніе были разбросаны, можно сказать, по всему лицу земли: одни были въ Японіи, другіе — въ Манчжуріи, третьи лечились и отдыхали за границею, четвертые жили или служили въ разныхъ углахъ Россіи. Не легко было установить точно мѣстопребываніе ихъ.

Такъ, 9-го августа главн. воен.-медицин. управленіе увѣдомило комиссію на запросъ послѣдней, гдѣ находится бывшій крѣпостной врачъ Портъ-Артура ст. сов. Субботинъ, что послѣднему штабомъ Одесскаго военнаго округа разрѣшенъ отпускъ на 6 мѣсяцевъ во всѣ города Имперіи и, гдѣ онъ именно теперь находится, неизвѣстно, а Главный Морской Штабъ 12-го и 26-го сентября въ свою очередь увѣдомилъ комиссію, что капитанъ 2 ранга Циммерманъ (командовавшій однимъ изъ двухъ миноносцевъ, бывшихъ въ охранѣ Портъ-Артурскаго рейда въ ночь на 26-е января 1904 г.) уволенъ на Кавказъ для леченія ранъ; что командиръ другого миноносца, капитанъ 2 ранга Саксъ, находится на службѣ въ Севастополѣ, что морской врачъ ст. сов. Ястребовъ еще не возвратился изъ Портъ-Артура, а другой врачъ, ст. сов. Обезьяниновъ уволенъ въ отпускъ за границу.

Между тѣмъ допросъ врачей Субботина, Ястребова и Обезьянинова представлялся чрезвычайно настоятельнымъ: вопросъ о развитіи цынги среди гарнизона Портъ-Артура очень заинтересовалъ комиссію, такъ какъ казалось онъ долженъ былъ сыграть роль важнаго фактора въ печальной развязкѣ обороны.

Но вниманіе комиссіи въ это время совершенно неожиданно было отвлечено въ сторону другого факта.

17-го августа комиссіею было получено изъ Херсу (въ Манчжуріи) отъ ген.-адъют. Куропаткина весьма секретное письмо, въ которомъ онъ, по собственному побужденію, сообщалъ ей о своей попыткѣ отозвать ген. Стесселя изъ Портъ-Артура.

„Получивъ депешу о своемъ отозваніи въ армію, — писалъ ген.-адъют. Куропаткинъ, — ген. Стессель *не исполнилъ приказанія* [1]), отвѣтивъ мнѣ прилагаемымъ въ копіи письмомъ...“

Этотъ фактъ, дотолѣ совершенно невѣдомый ни русскому обществу, ни комиссіи — даже послѣ допроса ею начальника штаба ген. Стесселя, ген.-маіора Рейса, и освѣщеніе, приданное ему бывшимъ командующимъ манчжурскою арміею, произвели на членовъ комиссіи огромное впечатлѣніе, можно сказать — вызвали сенсацію.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Ознакомившись съ приложенными къ письму въ копіяхъ документами переписки по поводу отозванія, комиссія *24-го августа* телеграммою запросила ген. Куропаткина, настаивалъ ли онъ на отъѣздѣ ген. Стесселя изъ Портъ-Артура послѣ данныхъ послѣднимъ объясненій.

Вопросъ этотъ, для оцѣнки дѣйствій ген. Стесселя, представлялся чрезвычайно важнымъ, онъ напрашивался самъ собою, между тѣмъ письмо ген. Куропаткина оставляло его совершенно открытымъ.

3-го сентября полученъ былъ на него отвѣтъ, уничтожавшій весь эффектъ сдѣланнаго ранѣе сообщенія. Ген. Куропаткинъ увѣдомлялъ, что отнесся къ заявленію ген. Стесселя съ довѣріемъ, доложилъ о содержаніи его Намѣстнику и не настаивалъ болѣе на удаленіи ген. Стесселя изъ Портъ-Артура.

Притокъ въ комиссію документовъ продолжался.

20-го августа Главный Морской Штабъ препроводилъ ей отчетъ о снабженіи крѣпости портомъ „Артуръ“ по минно-электрической части, вѣдомость портовыхъ зданій и сооруженій, списокъ зданій, построенныхъ морскимъ вѣдомствомъ въ Портъ-Артурѣ, списокъ судовъ и пловучихъ средствъ порта и вѣдомость сданнаго портовымъ управленіемъ японцамъ провіанта и угля.

24-го августа полученъ былъ комиссіею изъ Главнаго Штаба списокъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ Портъ-Артурскаго гарнизона, награжденныхъ орденомъ Св. Георгія и золотымъ оружіемъ „за храбрость“, долженствовавшій документально освѣтить уже возбуждавшій тогда сомнѣнія вопросъ о правильности представленій ген. Стесселемъ нѣкоторыхъ лицъ къ награжденію этими высокими знаками отличія.

Въ тотъ же день членъ комиссіи, вице-адмиралъ Дубасовъ, представилъ въ комиссію письмо морского министра съ рапортомъ на имя послѣдняго ген.-адъют. Стесселя, въ которомъ бывшій начальникъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона приносилъ жалобу на дѣйствія контръ-адмираловъ Григоровича и Лащинскаго, содѣйствовавшихъ выѣзду изъ Портъ-Артура, вопреки его распоряженія, бывшаго военнаго корреспондента газеты „Новый Край“, г-на Ножина.

Ген. Стессель просилъ морского министра все это дѣло разобрать и наказать виновныхъ въ ослушаніи. Комиссія увѣдомила вице-адмирала Бирилева, выбывшаго уже тогда изъ ея состава вслѣдствіе назначенія морскимъ министромъ, что постольку, поскольку эпизодъ этотъ относится къ разслѣдуемому ею вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ начальствовавшихъ въ Портъ-Артурѣ лицъ, она уже вполнѣ уяснила себѣ обстоятельства выѣзда г. Ножина изъ Портъ-Артура,— и возвратила доставленную ей переписку.

Наконецъ, въ засѣданіи комиссіи того же *24-го августа* состоялся допросъ и контръ-адмирала *Лащинскаго*, приложившаго къ своему показанію обширный отчетъ о военно-морскихъ операціяхъ у береговъ Квантуна въ 1904 г. (протоколъ № 31).

7-го сентября черезъ начальника генеральнаго штаба получены были отъ главнаго артиллерійскаго управленія свѣдѣнія о суммахъ, требовавшихся къ отпуску на заготовленіе орудій для Портъ-Артура, и состоялся допросъ контръ-адмирала *Щенсновича*, вмѣстѣ съ полк. Рейсомъ скрѣпившаго своею подписью актъ капитуляціи Портъ-Артура (протоколъ № 32). Показаніе этого бывшаго командира броненосца „Ретвизанъ“ впервые и очень рельефно очертило обстоятельства, при которыхъ произошло 26-го января 1904 г. нападеніе японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру.

Оно сосредоточило на нѣкоторое время вниманіе комиссіи на этомъ событіи, и мы видимъ, что *13-го сентября* состоялся допросъ бывшаго начальника эскадры вице-адмирала *Старка* (протоколъ № 33); *16-го сентября*—допросъ бывшаго сперва командиромъ броненосца „Цесаревичъ“, а затѣмъ командиромъ порта, контръ-адмирала *Григоровича* (протоколъ № 34), а *20-го сентября*—допросъ капитана 2 ранга *Сакса*, командовавшаго въ злополучную ночь съ 26-го на 27-е января 1904 г. однимъ изъ охранявшихъ рейдъ миноносцевъ (протоколъ № 36).

Пользуясь послѣдовавшимъ уже въ это время Высочайшимъ соизволеніемъ на вызовъ для допроса въ С.-Петербургъ иногородныхъ свидѣтелей, комиссія прежде всего вызвала для сего изъ Москвы начальника Алексѣевскаго воен-

наго училища, бывшаго въ Портъ-Артурѣ начальникомъ атакованнаго японцами восточнаго фронта, ген.-маіора *Горбатовскаго.*

Допросъ этого важнаго свидѣтеля состоялся въ засѣданіяхъ комиссіи *23-го, 27-го и 30-го сентября* (протоколы №№ 37, 38 и 39). Къ своему показанію ген. Горбатовскій между прочимъ приложилъ два весьма важныхъ документа: подлинную записку начальника сухопутной обороны ген.-лейт. Фока отъ 7 час. веч. 19-го декабря 1904 г., съ приказаніемъ подъ угрозою „побудительныхъ мѣръ“ очистить батарею лит. Б., послѣ того, какъ къ маршалу Ноги уже былъ посланъ парламентеръ съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости, и 2) вѣдомость о числѣ воинскихъ чиновъ Портъ-Артурскаго гарнизона, по полкамъ и родамъ оружія, сданнымъ въ плѣнъ съ 23-го по 25-е декабря 1904 г. (747 офицеровъ и 23,131 ниж. чин.).

30-го же сентября получена была отъ Главнаго Морского Штаба вѣдомость работъ, произведенныхъ въ судостроительныхъ мастерскихъ порта для надобностей обороны сухопутнаго фронта и воздухоплавательнаго парка.

11-го октября допрошены комиссіей бывшій главноуполномоченный Краснаго Креста на Квантунѣ оберъ-егермейстеръ Двора Его Величества *И. П. Балашевъ* (протоколъ № 42), и бывшій крѣпостной контролеръ, надв. сов. *И. П. Успенскій* (протоколъ № 43).

14-го октября, въ виду появившихся въ періодической печати свѣдѣній о предполагаемомъ отъѣздѣ генерала Стесселя за границу, предсѣдатель комиссіи призналъ необходимымъ сообщить ему, что комиссія, признавъ возможнымъ, вслѣдствіе писемъ его отъ 1 августа и 4 сентября, отложить вызовъ его, въ качествѣ свидѣтеля, до окончанія срока отпуска, взятаго имъ для излѣченія болѣзни, не имѣла, конечно, въ виду возможность отъѣзда его, генерала Стесселя, за границу, такъ какъ это лишило бы ее возможности допросить его тогда, когда по ходу слѣдствія это окажется необходимымъ.

Ген.-адъют. Стессель отвѣтилъ на это слѣдующимъ письмомъ, полученнымъ комиссіею 25 октября:

„Я не полагалъ и не полагаю уѣзжать никуда за границу, я бы во всякомъ случаѣ испросилъ ваше разрѣшеніе. Газетъ я не читаю теперь во время болѣзни; это, разумѣется, опять штуки тѣхъ же, которые писали о покупкѣ дома моей женой, имѣнія и т. п.; все это дѣлается, разумѣется, той партіей, которой необходимо чѣмъ-либо затронуть меня, теперь, какъ видно, это сдѣлано, чтобы показать, что и комиссія его не вызывала, а онъ уѣзжаетъ за границу. Только состояніе моего здоровья препятствуетъ, иначе я бы давно просилъ о допросѣ меня".

18-го октября допрошены были въ качествѣ свидѣтелей: бывшій главный врачъ Портъ-Артурской больницы Маріинской общины Краснаго Креста *Розановъ* (прот. № 44); бывшій главный докторъ морского госпиталя въ Портъ-Артурѣ ст. сов. *Обезьяниновъ* (прот. № 45) и инженеръ-капитанъ *фонъ-Шварцъ*, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ обороны, укрѣплявшій Цзинчжоускую позицію и затѣмъ работавшій все время на укрѣпленіяхъ восточнаго фронта (прот. № 46).

28-го октября допрошенъ бывшій гражданскій комиссаръ Квантунской области и предсѣдатель Портъ-Артурскаго городского совѣта подполковникъ *Вершининъ*, давшій обширное показаніе объ отношеніи ген. Стесселя къ гражданскому населенію крѣпости, о вмѣшательствѣ его въ сферу гражданскаго управленія и объ условіяхъ, въ которыхъ жило во время осады гражданское населеніе крѣпости.

1-го ноября допрошенъ бывшій сперва командующимъ войсками, въ Квантунской области расположенными, а потомъ помощникомъ Намѣстника Е. И. В. на Д. Востокѣ, нынѣ членъ военнаго совѣта, генералъ-лейтенантъ *В. С. Волковъ* (прот. № 48). Въ своемъ показаніи онъ далъ интересный очеркъ занятія Квантуна и Портъ-Артура, укрѣпленія послѣдняго, организаціи управленія Квантуномъ и характеристику ген. Стесселя. Послѣдняя заключала въ себѣ указанія на такіе факты, которые были до того времени лишь достояніемъ молвы. Явилась необходимость точно установить ихъ, для чего затребовано было хранящееся въ Главномъ Военно-Судномъ Управленіи слѣдственное производство по дѣлу о безпорядкахъ въ Южно-манчжурскомъ

отрядѣ въ 1900 году; обозрѣвъ его, комиссія ничего, относящагося собственно до генерала Стесселя, въ немъ не нашла. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіей истребованъ былъ отъ Главнаго Штаба и отчетъ командированнаго въ 1898 г. для осмотра Квантунской области ген.-лейт. Кононовича-Горбацкаго.

Затѣмъ послѣдовалъ допросъ ряда свидѣтелей: *8-го ноября* — исп. обязан. воен. прокурора при времен. воен. судѣ въ Портъ-Артурѣ полк. *Тыртова* (прот. № 49); *11-го ноября* — бывшаго квантунскаго уѣздн. воин. начальника и начальника всѣхъ квантунскихъ дружинъ подполк. *Дювернуа* (прот. № 50); *15-го* и *18-го ноября* - бывшаго командира 5-го вост. сибир. стрѣлковаго полка, нынѣ начальника 3-й саперной бригады, ген.-маіора *Третьякова* (прот. №№ 51 и 52); *25-го* и *29-го ноября* — бывшаго оберъ-офицера для порученій при штабѣ 4-й вост.-сиб. стр. дивизіи, ген. шт. капитана *Романовскаго* (прот. №№ 53 и 54).

Показанія первыхъ двухъ лицъ очень ярко и согласно съ показаніемъ подполк. Вершинина очертили административную дѣятельность ген. Стесселя, его отношеніе къ дружинникамъ и къ мирному населенію и его беззаботность къ судьбѣ офицерскихъ и солдатскихъ семействъ послѣ сдачи крѣпости; показанія вторыхъ освѣтили, главнымъ образомъ, Цзиньчжоускую операцію.

15-го же ноября отъ Главнаго Морского Штаба получены были цѣнныя данныя: донесенія командировъ морскихъ батарей (т. е. вооруженныхъ снятыми съ судовъ орудіями) за періодъ времени съ августа мѣсяца по декабрь, и по организаціи обороны Центральной ограды, которую предполагалось оборонять, подъ командою контръ-адмирала Вирена, остаткомъ морского десанта.

2-го декабря допрошенъ бывшій командиръ крейсера „Новикъ“ и броненосца „Севастополь“, капитанъ 1-го ранга (нынѣ свиты Его Величества контръ-адмиралъ) *фонъ-Эссенъ* (прот. № 55); *9-го декабря* — поручикъ 18 саперн. баталіона *Линденвальдъ* (прот. № 56); *13-го* и *16-го декабря* — бывшій начальникъ отряда броненосцевъ и крейсеровъ въ Портъ-Артурѣ контръ-адмиралъ *Вирен*ъ (прот. №№ 57 и 58) и инже-

неръ *Ю. Н. Зиловъ* (прот. № 59). Послѣдній въ своемъ показаніи нарисовалъ интересную картину опытовъ по разрушенію портовыхъ сооруженій гор. Дальняго и эвакуаціи его, а также обрисовалъ и отношеніе ген. Стесселя къ населенію этого города.

Комиссія предполагала также допросить въ это время командовавшаго 27 вост.-сибирск. стрѣлк. полкомъ полковника (нынѣ ген.-маіоръ въ отставкѣ) *Петруша* и 8-го декабря просила Главный Штабъ сдѣлать распоряженіе о явкѣ его въ комиссію для допроса; 14-го декабря Главный Штабъ увѣдомилъ комиссію, что Петруша прикомандированъ къ 275-му пѣх. рез. Хотинскому полку, но командиръ послѣдняго, *29-го декабря*, увѣдомилъ, что полк. Петруша назначенъ командиромъ 27-го вост.-сиб. стр. п. и отбылъ на Дальній Востокъ. Такъ допросить его комиссіи и не удалось.

16-го декабря комиссіей заслушана была, составленная въ дѣлопроизводствѣ ея, обширная историческая справка о занятіи нами Квантуна и о мѣрахъ и средствахъ удержанія его, освѣщавшая по дѣламъ счетнаго отдѣла канцеляріи военнаго министерства и журналамъ Особыхъ Совѣщаній подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго какъ цѣли занятія Россіей новой территоріи, такъ и принципы, на которыхъ зиждилось укрѣпленіе ея за нами.

20-го декабря комиссія, чрезъ военнаго прокурора суда 1-й манчжурской арміи, отправила военному слѣдователю этой арміи вопросные пункты, по которымъ онъ долженъ былъ допросить командовавшаго тогда этою арміею генералъ-адъютанта Куропаткина.

Комиссія желала получить отъ послѣдняго отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) Въ какомъ положеніи нашелъ ген.-адъют. Куропаткинъ оборону Квантуна и Портъ-Артура въ частности, во время посѣщенія имъ Дальняго Востока въ 1903 г.?

2) Такъ какъ въ телеграммѣ генералу Стесселю въ маѣ 1904 г. за № 4692 генералъ Куропаткинъ напоминалъ ему, „что годъ назадъ, на валахъ укрѣпленій Портъ-Артура, далеко не такихъ сильныхъ“, какъ въ то время, когда телеграмма эта посылалась, онъ, генералъ Стессель „съ гордостью и мужествомъ“ заявилъ, что „Портъ-Артуръ отразитъ атаку всей японской арміи“, — то какая цѣна дана была

этому заявленію и соотвѣтствовало ли оно дѣйствительному состоянію портъ-артурскихъ укрѣпленій?

3) Допускалъ ли генералъ Куропаткинъ близкую неизбѣжность войны съ Японіей?

4) Какого мнѣнія былъ генералъ Куропаткинъ о генералѣ Стесселѣ вообще, о дѣятельности его и заслугахъ въ китайскій походъ 1900 г., о его подготовкѣ къ отвѣтственной должности коменданта созидаемой крѣпости и какъ относился онъ, генералъ Куропаткинъ, къ слухамъ, обвинявшимъ генерала Стесселя въ пользованіи военной добычей?

5) По представленію ли генерала Куропаткина генералъ Стессель пожалованъ въ званіе генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества?

6) Почему, получивъ письмо и донесеніе генерала Стесселя отъ 21 іюня № 56 съ заявленіемъ, что „все на немъ въ Артурѣ держится“, что „не все будетъ идти такъ гладко при генералѣ Фокѣ, какъ при немъ“, что его, генерала Стесселя, „хорошо знаютъ и вѣрятъ ему всѣ войска и населеніе, какъ европейское, такъ и китайское“, что „моряки вѣрятъ въ него болѣе, нежели въ своихъ адмираловъ“, и что отъѣздъ его изъ Артура породитъ „общее уныніе и упадокъ духа, который онъ всемѣрно поддерживаетъ“,—онъ, генералъ Куропаткинъ отнесся къ таковымъ донесеніямъ съ довѣріемъ (телеграмма генералу Роопу изъ Херсу 25 августа 1905 г. № 187) и не принялъ мѣръ къ провѣркѣ ихъ, несмотря на то, что только что передъ этимъ, 5-го того же іюня, основываясь на полученныхъ имъ свѣдѣніяхъ, онъ далъ генералу Стесселю предписаніе сдать командованіе генералу Смирнову и прибыть въ армію, о чемъ и донесъ Государю Императору?

7) Донесъ ли генералъ Куропаткинъ о принятомъ имъ, въ отмѣну прежняго, рѣшеніи оставить въ Артурѣ генерала Стесселя не только Намѣстнику, но и Государю Императору, въ дополненіе къ всеподданнѣйшему донесенію отъ 8 іюня 1904 г., и чѣмъ мотивировалъ въ послѣднемъ случаѣ это рѣшеніе?

8) Такъ какъ онъ, генералъ Куропаткинъ указываетъ въ своемъ письмѣ на имя предсѣдателя слѣдственной комиссіи отъ 21 іюля 1905 г. № 168, что, „получивъ депешу о своемъ отозваніи въ армію, генералъ Стессель не исполнилъ этого приказанія, отвѣтивъ письмомъ отъ 21 іюня 1904 г. № 56“,—то сообщилъ ли генералъ Куропаткинъ о полученіи этого письма генералу Стесселю и о согласіи своемъ на оставленіе его, генерала Стесселя, въ Портъ-Артурѣ?

9) Такъ какъ генералъ Смирновъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Портъ-Артуръ Высочайшимъ приказомъ 31 января 1904 г., въ бытность генерала Куропаткина военнымъ министромъ,—то было ли это назначеніе непосредственнымъ актомъ Высочайшей воли, или таковое сдѣлано по представленію генерала Куропаткина, и чѣмъ онъ въ послѣднемъ случаѣ руководствовался при избраніи генерала Смирнова на столь отвѣтственную должность?

10) Почему, высказавъ въ телеграммѣ Намѣстнику отъ 29 февраля 1904 г. „откровенно“ мнѣніе свое „о несоотвѣтствіи яко бы нынѣ вручать оборону крѣпости генералу Смирнову, совершенно незнакомому съ мѣстнымъ театромъ“, генералъ Куропаткинъ, рѣшившись на отозваніе генерала Стесселя изъ Портъ-Артура, предписалъ сдать командованіе въ крѣпости тому же генералу Смирнову, а не другому, болѣе соотвѣтственному лицу?

11) Противодѣйствовалъ ли и какъ именно генералъ Куропаткинъ высадкѣ японцевъ на Квантунскій полуостровъ?

12) Что было сдѣлано генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ въ бытность военнымъ министромъ къ настоянію отпуска необходимыхъ средствъ для созданія крѣпости на отдаленной окраинѣ такой силы, при которой она дѣйствительно могла бы служить твердымъ оплотомъ?

13) На какой приблизительно срокъ сопротивленія Портъ-Артура' изолированнаго отъ источниковъ усиленія гарнизона и снабженія всѣмъ необходимымъ, разсчитывалъ генералъ Куропаткинъ?

14) Какія указанія и кому были сдѣланы къ тому, чтобы городъ Дальній по возможности менѣе могъ послужить японцамъ къ устройству базы для выгрузки людей и крупныхъ орудій?

и 15) что еще генералъ Куропаткинъ можетъ показать по дѣлу о сдачѣ крѣп. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ?

Только *6-го марта 1906 года* комиссіей полученъ былъ отвѣтъ на это предложеніе отъ военнаго слѣдователя 1-го участка Сѣверной Манчжуріи, но безъ показанія генерала Куропаткина. Подполковникъ Дабовскій рапортомъ отъ 10-го февраля доносилъ комиссіи, что требованіе о допросѣ генералъ-адъютанта Куропаткина получено имъ было въ этотъ именно день, которымъ помѣченъ его рапортъ, въ 12 час. 30 м. дня. Отправившись на вокзалъ для снятія показанія, онъ засталъ тамъ готовый къ отходу поѣздъ съ воинскимъ эшелономъ, къ которому подводили для прицѣпки и вагонъ генерала Куропаткина. По докладѣ послѣднему бывшимъ начальникомъ штаба 1-й арміи полученнаго подполковникомъ Дабовскимъ порученія слѣдственной комиссіи, ген. Куропаткинъ попросилъ оставить ему вопросные пункты, чтобы снять съ нихъ по дорогѣ копію, а подлинникъ вернуть военному слѣдователю съ ближайшей станціи. Это желаніе подполковникомъ Дабовскимъ было исполнено. И такимъ образомъ допросъ ген. Куропаткина военнымъ слѣдователемъ не состоялся.

Прождавъ отъ ген. Куропаткина съ мѣсяцъ отвѣта на полученные имъ вопросные пункты, комиссія собиралась уже въ началѣ апрѣля поручить допросъ его военному слѣдователю Петербургскаго военнаго округа, въ участкѣ котораго, въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, близъ ст. Тяполово, въ своемъ имѣніи Шешурино, проживалъ ген. Куропаткинъ, какъ *14-го апрѣля* получила, наконецъ, отъ него обширное показаніе, изложенное въ формѣ письма на имя предсѣдателя слѣдственной комиссіи.

1906-й годъ начался въ дѣятельности комиссіи допросомъ бывшаго Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, генер.-адъют. *Алексѣева*, состоявшимся *3-го января* [1]).

Его показаніе представляетъ, конечно, огромный историческій интересъ. Онъ отвѣтилъ въ немъ на вопросы: какія свѣдѣнія о возможности и близости войны съ Японіей были у него въ концѣ декабря 1903 г. и въ началѣ января 1904 г. и какъ велись чрезъ его посредство переговоры съ токійскимъ правительствомъ; какія указанія были даны имъ начальнику тихоокеанской эскадры для приведенія послѣдней въ боевую готовность и для принятія мѣръ предосторожностей противъ внезапнаго нападенія японцевъ; почему, когда таковое произошло, не было произведено разслѣдованіе объ обстоятельствахъ его; какъ было использовано время отъ 26-го января до 26-го февраля, когда японская эскадра вторично бомбардировала Портъ-Артуръ; какъ укрѣплялась Цзиньчжоуская позиція и почему оборона ея была ввѣрена генералу Фоку, проявившему впослѣдствіи мало энергіи и стойкости въ защитѣ ея; какимъ образомъ во главѣ крѣпости могъ быть поставленъ генералъ Стессель и какого мнѣнія былъ онъ самъ и генералъ Куропаткинъ объ этомъ генералѣ; какія мѣры были приняты ими впослѣдствіи къ удаленію ген. Стесселя изъ Портъ-Артура и почему онѣ не были доведены до конца; почему на устройство города Дальняго сразу нашлось 27 милліоновъ рублей, а ассигнованіе

---

[1]) Первоначально допросъ ген.-адъют. Алексѣева предположенъ былъ 20-го декабря 1905 года, но вслѣдствіе болѣзни его не могъ состояться.

25 милліоновъ рублей на укрѣпленіе Портъ-Артура было разсрочено на 10 лѣтъ; что сдѣлано было для предотвращенія устройства японцами базы въ г. Дальнемъ и какія указанія преподаны были послѣ Тюренченскаго боя объ уничтоженіи въ Дальнемъ всего, что могло послужить въ немъ на пользу врагу; какія инструкціи даны были имъ при своемъ отъѣздѣ изъ Артура начальствующимъ лицамъ, было ли среди нихъ установлено единоначаліе и почему этого не было сдѣлано даже среди морскихъ начальниковъ; принимались ли мѣры побудить адмирала Скрыдлова прибыть въ Портъ-Артуръ, и, наконецъ, былъ ли затронутъ вопросъ о готовящейся войнѣ во время пребыванія генерала Куропаткина, тогда военнаго министра, на Дальнемъ Востокѣ лѣтомъ 1903 г., что предполагалось сдѣлать, чтобы ее предотвратить и какія военныя приготовленія къ ней были сдѣланы?

Къ отвѣтамъ своимъ на эти вопросы адмиралъ Алексѣевъ приложилъ памятную записку о нуждахъ кр. Портъ-Артуръ, записку о необходимыхъ военныхъ мѣропріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ и постановленія совѣщаній о тѣхъ же мѣропріятіяхъ, происходившихъ въ присутствіи ген.-адъют. Куропаткина 24-го и 25-го іюня 1903 г. (прот. № 60).

10-го января были допрошены ген.-лейт. *Надѣинъ* (прот. № 61) и — впервые, — вернувшійся изъ плѣна комендантъ Портъ-Артура, ген.-лейт. *Смирновъ* (прот. № 62).

Допросъ послѣдняго продолжался также *13-го* и *20-го января* (прот. №№ 63 и 64).

Давая въ послѣдній разъ свое показаніе, ген. Смирновъ представилъ комиссіи и свой секретный докладъ военному министру объ оборонѣ крѣпости, составленный имъ въ Нагойѣ, въ Японіи, въ іюнѣ 1905 г.

Впослѣдствіи генералъ Стессель, игнорируя уже собранный комиссіей до допроса ген. Смирнова обширный и цѣнный матеріалъ, упорно проводилъ на судебномъ слѣдствіи мысль, что докладъ этотъ не только легъ въ основу неблагопріятнаго для ген. Стесселя заключенія слѣдственной комиссіи и обвинительнаго акта, но явился даже основаніемъ возбужденія дѣла о сдачѣ Портъ-Артура.

24-го января состоялся допросъ бывшаго начальника артиллеріи 3-го сибирскаго арм. корпуса ген.-лейт. *Никитина*,

одного изъ довѣренныхъ и приближенныхъ къ ген. Стесселю лицъ (прот. № 65).

3-го февраля комиссіей было получено отъ ген.-адъютанта Стесселя письмо. Сообщая, что явится въ Петербургъ для допроса къ 12-му числу, онъ просилъ назначить таковой около 15-го числа.

— „Такъ какъ здоровье мое все еще слабо,— писалъ онъ,— то я буду чрезвычайно благодаренъ, если не буду долго задержанъ въ Петербургѣ".

Допросъ *ген. Стесселя* состоялся 17-го, 24-го и 28-го февраля и закончился 7-го марта (протоколы №№ 66, 67, 68 и 70).

Въ промежутокъ времени между ними, именно *3-го марта*, допрошенъ былъ и генералъ-лейтенантъ *Фокъ* (протоколъ № 69).

7-го марта комиссіи доставлена была начальникомъ генеральнаго штаба записка военнаго комиссара Хейлудзянской провинціи, бывшаго начальника развѣдывательнаго отдѣленія штаба главнокомандующаго, ген. шт. полковника Линда по вопросу—„почему Манчжурская армія не двигалась на помощь Портъ-Артуру въ октябрѣ—декабрѣ 1904 года.

Записка эта написана была ея авторомъ подъ впечатлѣніемъ бесѣдъ съ вернувшимися въ Россію защитниками Портъ-Артура, которые говорили ему, что хотя крѣпость и сдана была неожиданно, но духъ гарнизона былъ истощенъ въ концѣ, главнымъ образомъ, отъ сознанія, что выручки не будетъ, ибо Манчжурская армія стоитъ на мѣстѣ и бездѣйствуетъ. И вотъ, не собираясь никого ни защищать, ни обвинять, полковникъ Линда полагалъ, что Слѣдственная комиссія, выясняя причины паденія крѣпости, должна изслѣдовать и такой вопросъ: должна ли быть взаимная связь между дѣйствіями обороны осажденной крѣпости и дѣйствіями полевой арміи и если таковая связь должна существовать, то насколько повліяло на интенсивность и энергію обороны Артура бездѣйствіе Манчжурской арміи въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1904 года и чѣмъ, наконецъ, обусловливалось это бездѣйствіе арміи?

Изложивъ данныя, имѣвшіяся въ штабѣ главнокомандующаго относительно положенія и численности противника,

стоявшаго на Шахе противъ Манчжурской арміи, и взгляды чиновъ штаба на необходимый образъ дѣйствій нашей арміи въ связи со свѣдѣніями о положеніи Портъ-Артура, полк. Линда въ заключеніе писалъ, что для всѣхъ чиновъ бывшей Манчжурской арміи будетъ большимъ утѣшеніемъ снять съ сердца тяжесть и узнать, существовали ли въ дѣйствительности какія-либо важныя причины, оправдывающія бездѣйствіе арміи подъ Мукденомъ въ то время, когда гарнизонъ Артура геройски погибалъ на полевыхъ укрѣпленіяхъ и когда стратегія, тактика и общественное мнѣніе требовали энергичнаго наступленія.

Вопросы, намѣченные въ запискѣ полк. Линда, интересные и важные сами по себѣ, перенося отвѣтственность за судьбу Портъ-Артура на главнокомандующаго нашими вооруженными силами на Дальнемъ Востокѣ, не имѣли, однако, непосредственнаго отношенія къ „оцѣнкѣ мѣръ, принятыхъ комендантомъ крѣпости для обороны“ (ст. 64 Положенія объ управленіи крѣпостями), и имѣли значеніе только для выясненія одного изъ факторовъ пониженія духа гарнизона—тягостнаго и безплоднаго ожиданія выручки. Факторъ этотъ могъ быть, однако, учтенъ и безъ выясненія причинъ бездѣйствія Манчжурской арміи, а поддержка духа гарнизона и упорная оборона крѣпости стояли внѣ зависимости отъ того, дѣйствительны или нѣтъ были причины этого бездѣйствія [1]).

Ознакомившись съ запискою полк. Линда, комиссія возвратила ее обратно начальнику генеральнаго штаба.

---

[1]) Положеніе объ управленіи крѣпостями: ст. 59: — Комендантъ долженъ принимать мѣры къ тому, чтобы въ крѣпость не проникали ... извѣстія и слухи, могущіе поколебать духъ гарнизона и жителей; ст. 61:—Комендантъ, имѣя постоянно въ виду, что паденіе крѣпости днемъ ранѣе или позже можетъ повлечь за собою весьма важныя послѣдствія не только для арміи, но и для государства, не долженъ внимать никакимъ доходящимъ до него слухамъ, какъ бы они ни казались правдоподобны, — о неудачахъ, понесенныхъ нашими войсками; онъ долженъ отвергать, съ твердостью, всякія предложенія непріятеля и всѣми способами поддерживать мужество гарнизона, руководясь въ рѣшеніяхъ своихъ исключительно соображеніями, основанными *на мѣстныхъ данныхъ* и средствахъ къ возможному продленію обороны.

7-го же марта полученъ былъ комиссіею, при запискѣ и. д. начальника Главнаго Штаба, рапортъ генералъ-адъютанта Стесселя военному министру отъ 24-го февраля 1906 года, за № 20, съ ходатайствомъ о назначеніи слѣдствія по поводу неблаговидныхъ въ отношеніи его дѣйствіяхъ бывшаго коменданта крѣпости, ген.-лейт. Смирнова.

Признавая, что обсужденіе данныхъ этого рапорта не подлежитъ компетенціи комиссіи, которая имѣетъ своею задачею исключительно оцѣнку событій, относящихся къ оборонѣ и капитуляціи крѣпости, данныя же рапорта относятся ко времени нахожденія ген. Смирнова въ плѣну,—комиссія 17-го марта возвратила рапортъ ген. Стесселя военному министру.

14-го марта ген.-адъют. Алексѣевъ, письмомъ отъ 8-го марта, сообщилъ комиссіи дополнительныя свѣдѣнія объ укрѣпленіи Портъ-Артура и назначеніи ген. Стесселя начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона.

Въ тотъ же день комиссія допросила бывшаго командира 4-й восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады и начальника обороны сѣвернаго фронта генералъ-маіора *Ирмана* [1]) (протоколъ № 71).

Затѣмъ были допрошены:

17-го марта—бывшій командиръ 26-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и начальникъ обороны западнаго фронта свиты Его Величества ген.-маіоръ *Семеновъ* [2]) (протоколъ № 72);

24-го марта—бывшій крѣпостной врачъ д. ст. сов. *Субботинъ* (протоколъ № 73);

28-го марта—бывшій командиръ 7-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго артиллер. дивизіона и начальникъ артиллеріи восточнаго фронта ген.-м. *Мехмандаровъ* (протоколъ № 74) и

11-го апрѣля — бывшій начальникъ штаба 7-й вост.-сиб. стрѣлковой дивизіи ген. штаба капитанъ (нынѣ подполковникъ) *Голованъ* (протоколъ № 75).

Въ тотъ же день комиссія ознакомилась съ всеподданнѣйшимъ отчетомъ государственнаго контролера за 1904 годъ—въ той его части, которая касается исполненія работъ

---

[1]) Нынѣ комендантъ Владивостокской крѣпости.

[2]) Нынѣ начальникъ 6-й Туркестанской стр. бригады.

по постройкѣ крѣпости Портъ-Артуръ въ 1899—1903 гг. и степени ея готовности къ началу войны съ Японіей (постановленіе № 4).

Комиссія, видимо, еще не отказывалась отъ мысли широко обслѣдовать вопросъ о созданіи „твердыни“ нашего владѣнія на Дальнемъ Востокѣ и потому *16-го апрѣля* ею было получено и пріобщено къ дѣлу въ копіи обширное и интересное само по себѣ письмо командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа ген.-лейтенанта Субботича къ военному министру, ген.-адъютанту Куропаткину по дѣламъ Дальняго Востока отъ сентября 1903 года.

28-го апрѣля—получены отъ контръ-адмирала Лащинскаго дополнительныя свѣдѣнія о дѣятельности минной обороны въ Портъ-Артурѣ.

16-го мая представлены членомъ комиссіи, ген.-отъ-артиллеріи Крыжановскимъ, съ разрѣшенія Инспектора всей артиллеріи, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Михаиловича свѣдѣнія о состояніи вооруженія и боевого комплекта крѣпости Портъ-Артуръ къ началу осады.

Въ то же время комиссіи пришлось отказаться отъ надежды допросить свидѣтеля первостепенной важности—бывшаго начальника артиллеріи крѣпости ген.-м. Бѣлаго.

По возвращеніи своемъ изъ плѣна онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи Владивостокской крѣпости. И теперь, *16-го мая*, комиссія получила отъ начальника Главнаго Штаба сразу два отношенія, въ которыхъ онъ увѣдомлялъ, что генералъ Бѣлый не можетъ прибыть въ Петербургъ для допроса, такъ какъ заканчиваетъ пріемъ Владивостокской крѣпостной артиллеріи, и что начальникъ всѣхъ войскъ Владивостока и Владивостокскаго укрѣпленнаго раіона предписалъ ген. Бѣлому задержаться во Владивостокѣ по дѣламъ службы впредь до распоряженія.

Ждать этого распоряженія въ скоромъ времени по особымъ тревожнымъ военнымъ и политическимъ обстоятельствамъ того времени было нельзя. Нельзя было, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставить въ зависимость отъ этого распоряженія и дѣятельность слѣдственной комиссіи, которая за допросомъ всѣхъ видныхъ участниковъ обороны, видимо, подходила къ концу.

Это было тѣмъ болѣе досаднымъ обстоятельствомъ, что кромѣ небольшой собственноручной записки генерала Бѣлаго отъ 28-го декабря 1904 года о количествѣ оставшихся и сданныхъ японцамъ орудій и снарядовъ, написанной генераломъ, повидимому, наскоро, собственноручно и карандашомъ, въ матеріалахъ комиссіи отъ него ничего болѣе не имѣлось. Справка въ главномъ артиллерійскомъ управленіи объ отчетѣ ген. Бѣлаго, который, какъ извѣстно было изъ свидѣтельскихъ показаній, составлялся имъ во время нахожденія въ плѣну, дала отрицательные результаты: таковой еще не былъ имъ туда представленъ.

19-го мая комиссіею получено было предложеніе адъютанта командующаго войсками, на Дальнемъ Востокѣ расположенными, поручика *Гриневича* допросить его въ качествѣ свидѣтеля, какъ бывшаго адъютанта генерала Кондратенко. Репутація, которою пользуется поручикъ Гриневичъ, въ качествѣ наиболѣе приближеннаго къ ген. Кондратенко, его „любимаго адъютанта“, которому онъ, будто бы, диктовалъ ежедневно свой дневникъ, побудила комиссію принять это предложеніе въ надеждѣ, что показаніе поручика Гриневича замѣнитъ до нѣкоторой степени показаніе погибшаго героя-генерала, „души обороны“ Портъ-Артура, и во всякомъ случаѣ освѣтитъ точку зрѣнія послѣдняго на людей и событія въ осажденной крѣпости.

Это представлялось тѣмъ болѣе желательнымъ, что въ дѣлахъ и документахъ, имѣвшихся въ распоряженіи комиссіи, для этого освѣщенія имѣлось очень мало матеріала, и то лишь офиціальнаго характера: телефонограммы, приказы по сухопутной оборонѣ и весьма краткіе, дѣловито-сухіе доклады, являвшіеся полною противоположностью по своей объективности пресловутымъ „замѣткамъ“ генерала Фока. Видимо, это былъ человѣкъ дѣла, а не бумаги, не словъ... Къ тому же на генерала Кондратенко ссылались въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, своихъ мнѣній, своихъ фактическихъ показаній, объ соперничавшія въ Артурѣ и на слѣдствіи стороны: штабъ крѣпости и штабъ укрѣпленнаго раіона.

Допросить поручика Гриневича дано было порученіе военному слѣдователю 2-го участка Сѣверной Манчжуріи, отъ

котораго *17-го іюля* и былъ полученъ протоколъ этого допроса. Послѣдній не оправдалъ, однако, возлагавшихся на него большихъ ожиданій, быть можетъ, потому что слѣдователю не былъ поставленъ комиссіей рядъ допросныхъ пунктовъ, какъ это сдѣлано было въ отношеніи ген.-адъют. Куропаткина. Веденіе допроса было всецѣло предоставлено военному слѣдователю, не бывшему въ курсѣ дѣла, который и предложилъ поручику Гриневичу разсказать все, что извѣстно ему по дѣлу о сдачѣ крѣпости. Вызывать же Гриневича въ Петербургъ изъ Харбина для личнаго допроса,— значило затягивать окончаніе слѣдствія, длившагося уже и такъ почти полтора года.

Послѣднее уже подходило къ концу допросомъ свидѣтелей, случайно оказавшихся въ Петербургѣ и могшихъ освѣтить одинъ изъ наименѣе выясненныхъ вопросовъ: обстоятельства очищенія нами 5-го декабря форта № II-го, въ каковомъ событіи комиссія усматривала начало осуществленія задуманнаго генералами Стесселемъ и Фокомъ плана прекратить оборону крѣпости.

Такъ, *26-го мая* допрошенъ былъ запаса гвардіи поручикъ *Акімовъ*, находившійся 5-го декабря съ ротою 25-го вост.-сиб. стр. полка близъ злополучнаго форта (прот. № 76).

Показаніе послѣдняго, что онъ не слыхалъ грохота взрывовъ форта и потому сомнѣвается, чтобы послѣдній былъ дѣйствительно взорванъ, побудило комиссію передопросить *2-го іюня* по этому поводу генерала *Горбатовскаго*, случайно находившагося въ то время въ Петербургѣ (прот. № 77).

Намѣреніе комиссіи допросить лично взрывавшаго фортъ саперная шт.-кап. *Адо* не осуществилось вслѣдствіе нахожденія послѣдняго въ лагерномъ сборѣ при с. Любуцкомъ, Тульской губерніи.

Для разъясненія этого обстоятельства пришлось ограничиться допросомъ одного изъ видныхъ героевъ-защитниковъ форта—мичмана (нынѣ лейтенантъ) *Витгефта 2-го*, который и состоялся *2-го іюня* (прот. № 78).

Мичманъ Витгефтъ удостовѣрилъ, что фортъ, сравненный и безъ того съ землею огнемъ непріятеля, былъ все-

таки взорванъ, и нарисовалъ яркую картину обороны форта, гарнизонъ котораго къ моменту очищенія состоялъ всего изъ 18 человѣкъ.

Наконецъ, *30-го мая* комиссіею получено было отъ ген.-адъют. Куропаткина письмо, въ которомъ онъ сообщалъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ своему показанію.

30-го іюня комиссія произвела тщательный осмотръ оригинала всеподданнѣйшей телеграммы ген.-адъют. Стесселя отъ 16-го декабря 1904 года, собственноручно имъ писанной и исправленной рукою полковника (впослѣдствіи генералъ-маіоръ) Рейса. При обозрѣніи этого документа оказалось, что составленъ онъ былъ 15-го декабря, въ 11 часовъ ночи и начинался словами: „Сегодня, въ 10-мъ часу утра, японцы произвели взрывъ бруствера форта № III...“ и оканчивается словами: „...крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ почти нѣтъ. Приму мѣры, чтобы не допустить рѣзни на улицахъ. Цынга очень валитъ гарнизонъ. У меня подъ ружьемъ теперь 10—11 тысячъ, и они нездоровые...“. Рукою ген.-адъют. Стесселя, синимъ карандашомъ, слова: „15 декабря“ и „сегодня“ зачеркнуты и сверху надписано: „16 декабря“ и „вчера“...

Поправки эти, относя отправку телеграммы къ 16-му декабря,—дню военнаго совѣта, на которомъ рѣшено было продолжать оборону крѣпости, а ген.-м. Бѣлымъ было заявлено. что „снарядовъ хватитъ на два большихъ штурма“, —укрѣпили комиссію во мнѣніи, что сдача крѣпости была предрѣшена ген. Стесселемъ, который, игнорируя мнѣніе военнаго совѣта и заявленіе ген. Бѣлаго, и даже не упоминая о послѣднихъ, донесъ Государю Императору о положеніи крѣпости несогласно съ дѣйствительностью (прот. № 79).

Этимъ осмотромъ собственно и закончились слѣдственныя дѣйствія комиссіи, которая приступила затѣмъ къ составленію своего заключенія.

Работа эта была закончена *къ 14-му іюля*, когда заключеніе это было заслушано комиссіею въ окончательной редакціи и подписано: предсѣдателемъ, ген.-отъ-инф. Роопомъ и членами: инж.-ген. Рербергомъ, ген.-отъ-арт. Крыжанов-

скимъ, инж.-ген. Богаевскимъ, ген.-отъ-инф. Митрофановымъ, ген.-адъют. Диковымъ и ген.-отъ-инф. Гребенщиковымъ [1]).

Въ заключеніи своемъ комиссія высказала прежде всего, что послѣдовавшая 20-го декабря 1904 года сдача крѣпости Портъ-Артуръ не можетъ быть оправдана ни тогдашнимъ положеніемъ атакованныхъ фронтовъ, ни недостаточною численностью гарнизона, ни состояніемъ здоровья и духа людей, а также не вызывалась и недостаткомъ продовольственныхъ и боевыхъ средствъ. Она явилась неожиданностью почти для всего гарнизона, а условія капитуляціи и выполненія ея оказались крайне тягостными и оскорбительными для чести арміи и достоинства Россіи.

Такимъ образомъ комиссія признала, что Портъ-Артуръ былъ сданъ врагу, когда не всѣ еще средства обороны были исчерпаны.

При этомъ комиссія усматривала въ дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ начальствовавшихъ въ крѣпости лицъ признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ уголовными законами, а именно:

I) *Въ дѣйствіяхъ генералъ-адъютанта Стесселя:*

1) Исходя изъ факта *временнаго* назначенія ген.-адъют. Стесселя 12-го марта 1904 года, по Высочайшему повелѣнію, руководителемъ сухопутной обороны раіона Портъ-Артуръ—Цзиньчжоу, съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, комиссія полагала, что такое временное подчиненіе крѣпости начальнику полевыхъ войскъ имѣло цѣлью придать большее единство дѣйствіямъ нашимъ при защитѣ всего Квантунскаго полуострова; съ отступленіемъ же полевыхъ войскъ въ раіонъ крѣпости, т. е. съ фактическимъ упраздненіемъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона отношеніе начальника полевыхъ войскъ къ крѣпости должно было измѣниться, что и подтверждается фактомъ троекратно отданнаго командую-

[1]) Не подписали заключенія ген.-отъ-инф. Комаровъ—за нахожденіемъ въ отпуску; ген.-отъ-арт. Демьяненковъ — за отсутствіемъ въ засѣданіи по болѣзни; адмиралы Бирилевъ и Дубасовъ и ген.-лейт. Платоновъ — за выбытіемъ къ этому времени изъ состава комиссіи въ виду назначенія ихъ: Бирилева — морскимъ министромъ, Дубасова — Московскимъ генералъ-губернаторомъ и Платонова — къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

щпмъ арміею генералу Стесселю приказанія (телеграммы 5-го и 17-го іюня и предписаніе 19-го іюня) сдать командованіе коменданту, генералу Смирнову, а самому отбыть въ Манчжурію.

Между тѣмъ генералъ Стессель приказанія этого не исполнилъ, а отправилъ генералу Куропаткину письмо, въ которомъ, выставляя себя душою обороны, старался доказать невозможность для него сдать командованіе въ крѣпости. Оставшись, такимъ образомъ, самопроизвольно въ крѣпости, ген. Стессель не принялъ къ исполненію и приказанія командующаго арміей выполнить требованіе 57 ст. положенія о крѣпостяхъ, по которой комендантъ является высшимъ руководителемъ и отвѣтственнымъ лицомъ за судьбу крѣпости, вооруженнымъ даже правомъ, при осадномъ положеніи, не исполнять инструкцій начальства [1]).

Въ этихъ дѣйствіяхъ генерала Стесселя комиссія усмотрѣла признаки преступленія, предусмотрѣннаго 255 ст. воинск. устава о наказаніяхъ (XXII кн. с. в. п. 1869 года), изд. 3 [2]).

2) Считая „ложнымъ основаніемъ“ высказанный ген.-адъют. Стесселемъ даже при допросѣ его въ слѣдственной комиссіи взглядъ, что старшій начальникъ можетъ вторгаться въ дѣятельность частныхъ начальниковъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся ихъ прямыхъ обязанностей, комиссія признала превышеніемъ власти (141 ст. XXII кн.) со стороны

---

[1]) *Ст. 57 полож. объ управл. крѣпостями*: „... Вся отвѣтственность по надлежащей оборонѣ крѣпости возлагается лично на коменданта. Въ силу сего для него необязательны мнѣнія и заключенія совѣта (обороны) и ему предоставляется полная свобода дѣйствій и право отступать отъ полученныхъ инструкцій“. Показанія генераловъ Куропаткина, Стесселя и Смирнова. Приказы Намѣстника №№ 46, 123 и 239.

[2]) *Ст. 255 воин. уст. о наказаніяхъ*: „Кто въ виду или вблизи непріятеля самовольно приметъ надъ какою-либо частью войскъ или удержитъ за собою командованіе оною, несмотря на распоряженіе начальства о передачѣ сей части въ вѣдѣніе другого лица, тотъ, если не будетъ доказано, что онъ былъ вынужденъ къ тому въ видахъ устраненія крайней, угрожавшей войскамъ, опасности, подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ или разжалованію въ рядовые, а при обстоятельствахъ особенно увеличивающихъ вину,— смертной казни“.

ген. Стесселя то, что, оставшись самовольно въ Портъ-Артурѣ, онъ, въ нарушеніе приказа Намѣстника Е. И. В. на Д. Востокѣ отъ 14-го апрѣля 1904 года № 339, разъяснившаго права коменданта крѣпости, позволялъ себѣ вмѣшиваться въ распоряженія послѣдняго по гражданской части, въ явный ущербъ населенію, вызывая въ немъ своею несправедливостью и грубостью недовольство, не могшее способствовать, особенно среди людей съ образованіемъ, подъему патріотизма до самопожертвованія, и, во-вторыхъ, что онъ, ген. Стессель, совершенно произвольно, безъ законнаго основанія измѣнялъ и отмѣнялъ распоряженія младшихъ начальниковъ и, такимъ образомъ, вносилъ полную неопредѣленность въ отношенія административныхъ лицъ и учрежденій, что не могло не отразиться вредно на дѣлѣ обороны [1]).

3) Признавъ, что ген.-адъют. Стессель ограничилъ, а по нѣкоторымъ вопросамъ и совершенно отстранилъ коменданта, принявъ на себя его обязанности, комиссія нашла, что вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Стессель оказывалъ бездѣйствіе власти (142 ст. XXII кн.) въ вопросахъ существенно важныхъ для обороны крѣпости, а именно: а) несмотря на распоряженіе Намѣстника „всѣми силами поддерживать рыбную ловлю“, не только не поощрялъ ее, но и вовсе прекратилъ на три мѣсяца, чѣмъ уменьшилъ продовольственныя средства гарнизона; б) не использовалъ своевременно въ возможной мѣрѣ мѣстныхъ средствъ Квантунскаго полуострова, разрѣшивъ производство реквизицій лишь съ 15-го мая 1904 года, когда сѣверная часть полуострова была уже въ рукахъ непріятеля и когда, послѣ пораженія нашего подъ Цзинъчжоу 13-го мая, содѣйствіе намъ китайцевъ не могло не уменьшиться, и в) не принялъ мѣръ противъ распространенія ген.-л. Фокомъ неправильныхъ свѣдѣній въ составлявшихся послѣднимъ и разсылавшихся многимъ лицамъ особыхъ „Замѣткахъ“, въ которыхъ помѣщались совершенно несправедливыя и весьма оскорбительныя выраженія для лицъ, ведшихъ оборону крѣпости, что сѣяло вражду между ними

[1]) Показанія полковника Хвостова, подполковниковъ Вершинина и Дювернуа, ген.-лейт. Смирнова и ген.-адъют. Стесселя.

и ген. Фокомъ и тѣмъ самымъ подрывало ихъ дружную и согласную работу по оборонѣ крѣпости [1]).

4) По мнѣнію комиссіи, имѣются также данныя для обвиненія ген.-адъют. Стесселя въ служебномъ подлогѣ (362 ст. улож. о нак. угол. и исправ. 1885 г.), вслѣдствіе представленія имъ Намѣстнику Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, главнокомандующему арміями, военному министру и даже Государю Императору донесеній, несогласныхъ съ дѣйствительными обстоятельствами боевъ и съ дѣйствіями какъ участвовавшихъ въ нихъ лицъ, такъ и его собственными (донесенія командующему арміей о Цзинь-чжоускомъ боѣ и объ отходѣ отряда ген. Фока къ Волчьимъ горамъ, письмо ген.-адъют. Куропаткину о своемъ всегдашнемъ участіи во всѣхъ боевыхъ столкновеніяхъ и всеподданнѣйшая телеграмма Государю Императору отъ 16-го декабря о состояніи крѣпости, гарнизона и боевыхъ запасовъ ея [2]).

5) Комиссія признала также наличность данныхъ въ дѣлѣ для обвиненія генерала Стесселя и въ томъ, что онъ неправильно и даже ложно представлялъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ къ наградамъ, по каковымъ представленіямъ и получили: полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Рейсъ—орденъ св. Георгія 4-й ст., а генералы Фокъ и Надѣинъ — знакъ того же ордена 3-й степени,—и въ то же время оставлялъ безъ наградъ истинно достойныхъ, а награжденіе знаками отличія военнаго ордена производилъ пристрастно, въ зависимости отъ расположенія своего къ воинскимъ частямъ и

---

[1]) Документы: приказы Намѣстника; показанія: генераловъ Смирнова, Стесселя, Рейса, Горбатовскаго, Ирмана и Семенова, адмирала Григоровича, полковниковъ Хвостова и Тыртова, подполковниковъ Вершинина и Достовалова, капитана фонъ-Шварца, контролера Успенскаго и инженера Зилова.

[2]) Документы: телеграммы ген.-л. Стесселя, справка развѣдыв. отдѣленія, письма: подполковника Чхейдзе, ген. Стесселя—генералу Куропаткину и ген. Куропаткина—адм. Алексѣеву; показанія: генераловъ Никитина, Рейса, Надѣина, Смирнова, Стесселя, Ирмана, Третьякова и Горбатовскаго, полковниковъ Григоренко, Тыртова и Хвостова, капитановъ Романовскаго и Степанова.

лицамъ, что также должно быть признано подлогомъ по службѣ, предусмотрѣннымъ тою же 362 ст. уложенія [1]).

6) Поступки генералъ-адъютанта Стесселя въ послѣдніе дни обороны навели комиссію на мысль, что у него созрѣло и постепенно приводилось въ исполненіе намѣреніе прекратить оборону и сдать крѣпость независимо отъ того, исчерпаны ли всѣ средства обороны. Факты же, легшіе въ основу такого убѣжденія комиссіи, слѣдующіе:

а) Когда, 2-го декабря 1904 года, былъ убитъ генералъ Кондратенко, которому, по мнѣнію комиссіи, крѣпость преимущественно была обязана своею почти пятимѣсячною обороною, ген.-адъют. Стессель назначилъ начальникомъ сухопутной обороны ген.-л. Фока, постоянно заявлявшаго и писавшаго о невозможности упорнаго сопротивленія укрѣпленій Портъ-Артура и который во все время войны не отстоялъ ни одной позиціи, а постоянно уступалъ ихъ [2]).

б) Вслѣдъ за этимъ назначеніемъ, ген. Стессель, безъ личной провѣрки донесеній ген. Фока, разрѣшилъ ему безъ боя вывести войска изъ форта № II и затѣмъ взорвать его. Отдача же этого форта, по мнѣнію комиссіи, имѣла для гарнизона крѣпости громадное значеніе, такъ какъ расшатала въ корнѣ тотъ принципъ, что гарнизонъ форта умираетъ, а не сдается, который съ такимъ постоянствомъ былъ внушаемъ войскамъ ген. Кондратенко, комендантомъ и другими начальниками [3]).

в) Несмотря на то, что на военномъ совѣтѣ 16-го декабря 1904 г. огромнымъ большинствомъ присутствовавшихъ на немъ сухопутныхъ и морскихъ начальниковъ (19 противъ 3) высказано было мнѣніе упорно продолжать оборону, доведя ее, если потребуется, до штыкового боя и борьбы на улицахъ города, ген.-адъют. Стессель, предрѣшая, по мнѣнію комиссіи, сдачу крѣпости, того же 16-го декабря телеграфи-

---

[1]) Показанія: генераловъ Смирнова, Рейса, Надѣина, Горбатовскаго, Ирмана, адмираловъ Лащинскаго и Григоровича, полковника Хвостова и подполковниковъ Вершинина и Дювернуа.

[2]) Показаніе генер. Рейса, донесеніе генер. Смирнова, записка ген. Фока.

[3]) Показанія генераловъ Рейса и Смирнова и полк. Хвостова. Донесенія ген. Стесселя.

ровалъ Государю Императору о безнадежномъ ея положеніи. Въ этомъ предрѣшеніи сдачи комиссію убѣждала черновая всеподданнѣйшей телеграммы, написанная собственноручно ген. Стесселемъ, имъ подписанная и составленная 15-го декабря; въ ней еще наканунѣ военнаго совѣта было изложено, что „крѣпость продержится лишь нѣсколько дней“ [1]).

г) Помимо ряда свидѣтельскихъ показаній, преднамѣренность сдать крѣпость комиссія усматривала также въ приказаніи ген.-адъют. Стесселя 17-го декабря, т. е. на другой день послѣ рѣшенія военнаго совѣта продолжать оборону,— отправить въ Чифу полковыя знамена [2]).

д) Владѣя еще, послѣ паденія 18-го декабря 1904 г. форта № III и укрѣпленія 3-го, всѣми батареями берегового фронта, фортами и укрѣпленіями западнаго и сѣвернаго фронтовъ, Курганною батареею, высотами Митрофаньевскою, Лаперовскою и Владимірскою, а на восточномъ фронтѣ—Малымъ Орлинымъ гнѣздомъ, Куропаткинскимъ люнетомъ, батареею Б, укрѣпленіями 1-мъ и 2-мъ, открытымъ капониромъ и фортомъ № I; отбивъ до 6 часовъ 19-го декабря всѣ штурмы на Большое Орлиное Гнѣздо; имѣя еще за первою оборонительною линіею способную къ оборонѣ позицію лейтенанта Хоменко и городъ съ внутреннею оградою, гдѣ ворвавшемуся непріятелю предстояло бы съ огромными потерями овладѣть каждымъ зданіемъ, каждой стѣнкой, насыпью, рвомъ, для чего потребовалось бы большое превосходство силъ, такъ какъ каждое закрытіе, обороняемое десяткомъ людей‘ требовало для атаки сотенъ, съ нашей же стороны даже и ослабленные болѣзнями люди могли принять участіе въ защитѣ,—ген.-адъют. Стессель, несмотря на такое вовсе не отчаянное, по мнѣнію комиссіи, положеніе крѣпости, вопреки обязательному для него, въ силу 62 статьи положенія объ управленіи крѣпостями [3]), рѣшенію военнаго совѣта 16-го

---

[1]) Журналъ совѣта и черновая телеграммы.

[2]) Показанія ген. Смирнова, к.-адмираловъ Григоровича и Лащинскаго, полковниковъ Хвостова и Тыртова и оберъ-егермейстера Балашева.

[3]) *Ст. 62:* „Когда, по мнѣнію коменданта, наступитъ время послѣднихъ усилій обороны, онъ обязанъ собрать военный совѣтъ изъ

декабря, и не созвавъ новаго совѣта, къ чему была полная возможность, въ 3 ч. дня 19-го декабря послалъ маршалу Ноги письмо съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости [1]).

е) Отправивъ письмо маршалу Ноги, ген. Стессель согласился на предложеніе ген. Фока очистить безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею Б,—эти главные опорные пункты восточнаго фронта,—между тѣмъ какъ такое очищеніе ихъ, по мнѣнію комиссіи, если и не лишало еще насъ возможности оказать упорное сопротивленіе на остававшихся въ нашей власти позиціяхъ, то во всякомъ случаѣ крайне затрудняло продолженіе обороны и давало японцамъ возможность предъявить намъ болѣе тяжкія условія капитуляціи [2]).

И, наконецъ, ж) назначивъ въ составъ парламентеровъ представителя отъ флота, начальниковъ штабовъ крѣпости и 4 и 7 дивизій и офицера генеральнаго штаба, ген.-адъют. Стессель не разъяснилъ имъ ихъ обязанностей, а ограничился лишь заявленіемъ, что онъ во всемъ уполномочилъ полковника (нынѣ ген.-маіоръ) Рейса, заявившаго уже себя на совѣтѣ обороны 25-го ноября и на военномъ совѣтѣ 16-го декабря совершенно ложно понимающимъ обязанности и долгъ осажденнаго гарнизона, тогда какъ, на основаніи ст. 60 положенія о крѣпостяхъ, слѣдовало назначить для этого офицера испытанной твердости, смѣлости и преданности престолу и отечеству [3]). Въ то же время ген.-адъют. Стессель

членовъ совѣта обороны и другихъ лицъ, по своему усмотрѣнію, для обсужденія способовъ дальнѣйшаго продолженія оной. Мнѣніе каждаго изъ членовъ этого совѣта вносится въ протоколъ его засѣданія. Засимъ комендантъ рѣшаетъ дѣло единолично, избирая изъ поданныхъ мнѣній самое мужественное и наиболѣе соотвѣтственное обезпеченію продленія обороны".

[1]) Показанія генераловъ Рейса, Горбатовскаго, Смирнова, Никитина и Фока, полковниковъ Григоренко и Хвостова. Телеграмма ген. Куропаткина.

[2]) Показанія генераловъ Стесселя, Смирнова, Рейса, Никитина и Фока и полковника Хвостова.

[3]) *Ст. 60:* „Принимая самыя строгія мѣры, чтобы непріятель не могъ имѣть сношенія съ кѣмъ-либо изъ жителей крѣпости или гарнизона, комендантъ и самъ, безъ особой крайности, не долженъ имѣть такихъ сношеній. Въ случаѣ неизбѣжности переговоровъ комендантъ

не далъ и полковнику Рейсу письменной инструкціи, опредѣляющей минимальныя условія капитуляціи, и не обязалъ его, въ случаѣ предъявленія японцами тяжелыхъ условій, предварительно подписанія капитуляціи, испросить у него согласіе на принятіе ихъ, а вполнѣ положился на оцѣнку ихъ полковникомъ Рейсомъ. Между тѣмъ послѣдній—обидныя для чести арміи условія призналъ вполнѣ почетными и согласился на нихъ сдать крѣпость.

Имѣя въ виду всѣ эти факты, комиссія единогласно признала, что ген.-адъют. Стессель, сдавшій японцамъ Портъ-Артуръ 20-го декабря 1904 года, въ то время, когда крѣпость имѣла всѣ средства продолжать оборону, тѣмъ самымъ не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и согласно требованіямъ воинской чести, и что въ его дѣйствіяхъ заключаются признаки преступленія, предусмотрѣннаго 251 ст. XXII книги [1]).

Силы же и средства крѣпости ко дню ея сдачи, по подсчету, сдѣланному комиссіей на основаніи собранныхъ ей свѣдѣній, были слѣдующія: на веркахъ крѣпости и въ резервѣ (за исключеніемъ больныхъ) было строевыхъ нижнихъ чиновъ-стрѣлковъ, артиллеристовъ, инженерныхъ и другихъ сухопутныхъ войскъ—22,434 чел. и моряковъ около 2,000 чел., нестроевыхъ—3,645 чел., а всего около 28,000 чел. Орудій способныхъ къ дѣйствію было 295, орудійныхъ снарядовъ—до 26,650, съ добавленіемъ большого запаса для 37 и 47 мм. орудій, а всего до 200,000; ружейныхъ патроновъ не менѣе 7,000,000. Муки оставалось болѣе 60,000 пуд., крупы и рису больше 4,500 пуд., сухарей—77,665 пуд., сухихъ овощей—3,087 пуд., сахару—3,792 пуд., соли—19,000 п. и чаю—2,700 пудовъ. Лошадей сдано японцамъ до 3,000 головъ, изъ конхъ,

---

никогда не выходитъ лично изъ крѣпости и ведетъ ихъ черезъ офицеровъ, испытанной твердости, смѣлости и преданности Престолу и Отечеству".

[1]) Показанія: ген. Рейса, к.-адм. Лащинскаго, полковниковъ Хвостова и Тыртова, подполк. Вершинина и ген. шт. кап. Голованя.

Ст. 251 воин. уст. о наказ.: „Комендантъ или военный начальникъ, сдавшій непріятелю крѣпость или иное укрѣпленное мѣсто, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести, или не употребивъ всѣхъ средствъ обороны, подвергается смертной казни".

по мнѣнію комиссіи, половина могла быть употреблена въ пищу, а половина оставлена для подвозки войскамъ всего необходимаго. Гражданское населеніе крѣпости было обезпечено продовольствіемъ до февраля 1905 года [1]).

II. *Въ дѣйствіяхъ полковника Рейса:*

1) что, исполняя приказанія начальника укрѣпленнаго раіона, генералъ-адъютанта Стесселя, нарушавшія существующія узаконенія и превышавшія власть его, полк. Рейсъ не докладывалъ своему начальнику соотвѣтственныя статьи законовъ и положенія объ управленіи крѣпостями, какъ того требуетъ смыслъ узаконеній, опредѣляющихъ обязанности начальниковъ штабовъ [2]);

2) что на совѣтѣ обороны 25-го ноября 1904 года полк. Рейсъ сдѣлалъ отъ имени начальника укрѣпленнаго раіона предложеніе обсудить вопросъ о предѣлѣ, до котораго слѣдуетъ оборонять крѣпость, чтобы предотвратить рѣзню внутри города и безполезное истребленіе войскъ и жителей, между тѣмъ какъ ген. Стессель отрицалъ потомъ правильность сдѣланной полковникомъ Рейсомъ постановки вопроса, и добавлялъ, что вопросъ о перенесеніи обороны на улицы онъ рѣшитъ самъ. Затѣмъ на военномъ совѣтѣ 16-го декабря того же года полк. Рейсъ представилъ, по мнѣнію комиссіи, неосновательныя и противорѣчащія воинскому долгу соображенія, не соотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію крѣпости и духу закона, по которому каждый лишній день обороны, независимо отъ числа жертвъ, сопряженныхъ съ продолженіемъ упорной борьбы, могъ имѣть большое государственное значеніе,—и первый выразилъ мнѣніе о необходимости начать переговоры о капитуляціи крѣпости.

Первый фактъ указываетъ, по мнѣнію комиссіи, на намѣреніе полк. Рейса уже въ то время, еще 25-го ноября, возбудить мысль о сдачѣ крѣпости, а во второмъ случаѣ—полковникъ Рейсъ подрывалъ вѣру въ возможность и необходимость продолженія упорной ея обороны [3]).

---

[1]) Показанія генераловъ Смирнова и Горбатовскаго, подполковниковъ Достовалова и Вершинина. Данныя записки ген.-м. Бѣлаго.

[2]) Показанія генераловъ Стесселя и Рейса.

[3]) Журналы совѣта обороны и военнаго совѣта.

3) Наконецъ, въ дѣйствіяхъ полковника Рейса, касавшихся выполненія имъ порученія ген.-адъют. Стесселя по веденію переговоровъ съ японскими уполномоченными о капитуляціи крѣпости, комиссія усмотрѣла предрѣшенное уже полк. Рейсомъ намѣреніе принять всѣ условія капитуляціи, какъ бы тяжки они ни были: онъ не испросилъ у ген. Стесселя письменныхъ условій сдачи; не сообщилъ лицамъ, вмѣстѣ съ нимъ посланнымъ, сущность требованій ген. Стесселя; согласился на требованіе японскихъ уполномоченныхъ дать отвѣтъ черезъ 45 минутъ, срокъ, по мнѣнію комиссіи, весьма краткій для перевода этихъ условій съ англійскаго языка на русскій и основательнаго обсужденія ихъ; на заявленіе капитана Голованя полк. Рейсу, что надо добиваться, чтобы весь гарнизонъ былъ отпущенъ,—отвѣтилъ, что „тутъ ничего не подѣлаешь, вѣдь они побѣдители“ и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы угрозой продолжать борьбу до послѣдней крайности, до отчаяннаго сопротивленія въ самомъ городѣ отстаивать основное требованіе—дозволить гарнизону выйти изъ крѣпости съ оружіемъ, полк. Рейсъ взялъ на себя утвержденіе позорной капитуляціи [1]).

Во всемъ этомъ комиссія усмотрѣла содѣйствіе со стороны полк. Рейса генералу Стесселю въ сдачѣ крѣпости, т. е. преступное дѣяніе, предусмотрѣнное 251 ст. XXII книги.

III. *Въ дѣйствіяхъ генералъ-лейтенанта Фока:*

1) Будучи назначенъ начальникомъ отряда, цѣль котораго заключалась въ воспрепятствованіи высадкѣ непріятеля и въ задержаніи его возможно дольше и далѣе отъ Портъ-Артура, онъ проявилъ полную нераспорядительность и не оказалъ никакого противодѣйствія высадкѣ японцевъ въ Бицзыво; затѣмъ, несмотря на заранѣе данныя ген. Стесселемъ инструкціи упорно удерживать Цзиньчжоускую позицію, не принялъ соотвѣтственныхъ мѣръ къ отстаиванію ея; во время боя на ней 13-го мая 1904 года преувеличилъ опасность положенія отряда, чѣмъ и вызвалъ распоряженіе ген. Стесселя объ очищеніи позиціи; вопреки приказанія,

---

[1]) Показанія генераловъ Рейса и Стесселя и ихъ переписка; показанія к.-адм. Щенсновича, полк. Хвостова, кап. Голованя и оберъ-егерм. Балашева.

началъ отступленіе засвѣтло; не озаботился укрѣпленіемъ Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотъ, что южнѣе Цзинь-чжоу,—и не задержался на нихъ, несмотря на то, что противникъ его не преслѣдовалъ,—и такимъ поспѣшнымъ, по мнѣнію комиссіи, ничѣмъ не вызывавшимся отступленіемъ къ Портъ-Артуру отдалъ преждевременно въ руки японцевъ Таліенванъ и Дальній, лишивъ насъ возможности испортить должнымъ образомъ все послужившее затѣмъ японцамъ для устройства въ этихъ городахъ удобной базы [1]).

Во всемъ этомъ комиссія нашла признаки неисполненія ген. Фокомъ приказанія начальника, имѣвшаго важное въ боевомъ отношеніи послѣдствіе и предусмотрѣннаго 3 ч. 104 ст. XXII кн. [2]).

2) Будучи начальникомъ резерва въ крѣпости и получивъ въ дни августовскихъ штурмовъ приказаніе коменданта двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта остававшійся въ резервѣ 14-й восточно-сибирскій стрѣлк. полкъ, ген. Фокъ вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ о направленіи имъ полка въ обстрѣливаемые непріятелемъ пункты и не только не повелъ самъ послѣднюю часть командуемаго имъ резерва къ назначеннымъ мѣстамъ, но даже и не наблюлъ за исполненіемъ приказанія коменданта, вслѣдствіе чего одинъ баталіонъ 14-го полка остался въ казармахъ и къ назначенному пункту не пошелъ [3]).

---

[1]) Показанія ген.: Стесселя, Фока, Надѣина, Ирмана, Третьякова, Никитина, Смирнова и Горбатовскаго, полков. Григоренко, кап.: Романовскаго и фонъ-Шварца, поруч. Линденвальда и инженера Зилова.

[2]) *Ст. 104, ч. 3, воин. уст. о наказ.:* „За неисполненіе общихъ или лично до кого-либо относящихся приказаній начальника по нерадѣнію или невнимательности... въ виду непріятеля, когда неисполненіе приказанія могло имѣть важныя послѣдствія для безопасности арміи, или вліяніе на успѣхъ предпринятой операціи, или на успѣхи снабженія арміи или отряда боевыми, продовольственными или другими припасами, съ виновнаго взыскивается какъ за неповиновеніе на основаніи послѣдующей (105) статьи".

Ст. 105 воин. уст. о нак.: „За неповиновеніе, т. е. умышленное неисполненіе приказанія начальника, виновный подвергается: исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ или заключенію въ крѣпости отъ 1 года и 4 мѣс. до 4-хъ лѣтъ.

[3]) Показанія генераловъ Рейса и Смирнова и докладъ ген. Фока.

Комиссія признала дѣяніе это неповиновеніемъ, предусмотрѣннымъ 105 ст. XXII книги.

3) Въ періодъ осады онъ своими разговорами и замѣтками, содержавшими критику дѣйствій начальствующихъ лицъ и разсылавшимися имъ, подрывалъ къ нимъ довѣріе и колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности, т. е. умирать въ нихъ, но не уступать врагу, а напротивъ, указывалъ на необходимость очищать таковыя, какъ только защита ихъ требовала большихъ жертвъ [1]).

Въ этихъ поступкахъ комиссія усматривала признаки преступленія, предусмотрѣннаго 262 ст. XXII кн. [2]).

4) Въ бытность начальникомъ сухопутной обороны, ген. Фокъ 5-го декабря 1904 г. приказалъ очистить фортъ № II, не испросивъ на это разрѣшенія коменданта и даже не предупредивъ его объ этомъ, въ каковомъ дѣяніи заключаются признаки превышенія власти (142 и 145 ст. XXII кн.) [3]).

5) 19-го декабря, когда уже посланъ былъ парламентеръ къ ген. Ноги съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости, ген. Фокъ приказалъ очистить безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею Б, составлявшіе оплотъ праваго фланга сѣверо-восточнаго фронта; когда же начальникъ этого фронта, ген.-м. Горбатовскій, понимая крайне невыгодное положеніе, въ которое будетъ поставлена оборона съ очищеніемъ этихъ пунктовъ, отказался исполнить это распоряженіе ген. Фока, послѣдній увѣдомилъ ген. Горбатовскаго, что въ отношеніи его будутъ приняты „побудительныя мѣры“, если онъ позволитъ себѣ дальнѣйшее противодѣйствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ непосредственно

---

[1]) Показанія ген.: Ирмана, Горбатовскаго, Смирнова и Семенова.

[2]) *Ст. 262 воин. уст. о наказ.:* „Кто будетъ изъ малодушія распускать слухи, дѣйствующіе вредно на духъ войскъ, или же дозволитъ себѣ какіе-либо другіе поступки, явно выражающіе малодушіе или робость, тотъ подвергается исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ... Когда же означенные въ сей статьѣ противозаконные поступки имѣли вредныя для военныхъ дѣйствій послѣдствія, то виновные приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

[3]) Показанія генераловъ Стесселя, Смирнова, Фока и Горбатовскаго. Документы.

начальнику оборонительнаго участка, подп. Лебединскому, приказаніе очистить перечисленныя выше укрѣпленія, а въ случаѣ наступленія японцевъ — не стрѣлять. Этими распоряженіями генералъ Фокъ поставилъ оборону крѣпости въ невыгодныя условія и тѣмъ содѣйствовалъ ген. Стесселю въ его намѣреніи сдать крѣпость (251 ст. XXII кн.) [1]).

IV. *Въ дѣйствіяхъ бывшаго коменданта крѣпости ген.-лейт. Смирнова* комиссія усмотрѣла признаки бездѣйствія власти (142 и 145 ст. XXII кн.). Они выразились въ слѣдующемъ:

1) Несмотря на вредъ, происходившій отъ вмѣшательства ген. Стесселя въ его, ген.-лейт. Смирнова, дѣйствія, какъ коменданта, онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ такого ненормальнаго положенія, создававшаго двойственность и неопредѣленность власти, и не ходатайствовалъ въ служебномъ порядкѣ о возстановленіи закономъ опредѣленныхъ положеній [2]).

2) Убѣдившись, послѣ очищенія ген. Фокомъ форта № II (какъ показалъ это самъ ген. Смирновъ на слѣдствіи), въ состоявшемся между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашеніи о скорѣйшемъ приведеніи крѣпости въ такое положеніе, при которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ, вопреки долгу и лежавшей на немъ, въ силу 57 ст. положенія объ управленіи крѣпостями, обязанности, не принялъ мѣръ къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію ихъ плана (напримѣръ, удаленіемъ ген.-лейт. Фока отъ руководства сухопутною обороною крѣпости) и не предотвратилъ послѣдовавшей 19-го декабря сдачи безъ боя Малаго Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и батареи Б [3]).

3) Узнавъ о посылкѣ ген. Стесселемъ парламентера, онъ не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ передъ нимъ, вопреки лежавшей на немъ въ силу той же 57 ст. положенія обязанности, на прекращеніи переговоровъ и на точномъ соблюденіи 62 ст. того же положенія, а равно и на исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16-го декабря [4]).

---

[1]) Показанія генераловъ Рейса, Надѣина, Смирнова, Горбатовскаго, Фока и Стесселя.

[2]) Показанія генер.: Смирнова, Стесселя и Рейса, полк. Хвостова, подполковниковъ Достовалова и Вершинина и кап. Степанова.

[3]) Показаніе ген. Смирнова.

[4]) Показанія ген. Смирнова и полковн. Хвостова и Григоренко.

4) Получивъ, наконецъ, извѣщеніе о требованіи штабомъ укрѣпленнаго раіона присылки начальника штаба крѣпости полковника Хвостова для поѣздки вмѣстѣ съ полк. Рейсомъ въ мѣсто, назначенное для переговоровъ о сдачѣ, онъ не отправился немедленно къ ген. Стесселю для заявленія ему о невозможности послать полковника Хвостова, какъ представителя коменданта, признающаго сдачу преступленіемъ, позорящимъ достоинство и честь гарнизона и подвергающимъ виновныхъ смертной казни, а, по собственному признанію, устранилъ себя отъ всякаго участія въ этомъ „грязномъ дѣлѣ“ и отправилъ своего начальника штаба для переговоровъ, не снабдивъ его даже инструкціей противиться всѣми силами заключенію капитуляціи [1]).

V. Имѣя въ виду 69 ст. воин. уст. о наказаніяхъ, по которой подчиненные, за совершеніе ими по приказанію начальства дѣянія, признаннаго судомъ преступнымъ, подлежатъ отвѣтственности, когда они не могли не видѣть, что онъ предписываетъ имъ нарушить присягу и вѣрность службы или совершить дѣяніе, явно преступное, комиссія усмотрѣла основанія для обвиненія по 251 ст. XXII кн. и контръ-адмираловъ *Лащинскаго*, *Григоровича* и *Вирена*, въ томъ:

1) что, узнавъ 19-го декабря 1904 года о посылкѣ ген. Стесселемъ парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость, они не обратились къ нему съ настоятельнымъ представленіемъ исполнить обязательное для него рѣшеніе военнаго совѣта 16-го декабря продолжать упорную оборону крѣпости или созвать вновь военный совѣтъ для разрѣшенія этого вопроса [2]).

По мнѣнію комиссіи, это было нравственнымъ долгомъ адмираловъ, такъ какъ въ гарнизонѣ крѣпости было много чиновъ флота, достоинство и честь которыхъ они должны были отстаивать;

2) получивъ изъ штаба укрѣпленнаго раіона увѣдомленіе, что только одна ночь остается для того, чтобы сдѣлать съ судами то, что они признаютъ нужнымъ, они приступили къ уничтоженію ихъ, не предъявивъ ген. Стесселю требо-

---

[1]) Показаніе ген. Смирнова.

[2]) Показанія контръ-адмираловъ Вирена, Лащинскаго, Григоровича и Щенсновича.

ванія прекратить сношеніе съ непріятелемъ, хотя изъ этого увѣдомленія не могли не видѣть окончательнаго рѣшенія ген. Стесселя сдать крѣпость [1]), и

3) получивъ, затѣмъ, распоряженіе о посылкѣ и отъ флота уполномоченнаго для переговоровъ о капитуляціи, они не отказались отъ сего, а отправили капитана 1-го ранга Щенсновича, не давъ ему положительнаго указанія не принимать условій сдачи крѣпости [2]).

VI. По тѣмъ же основаніямъ (69 ст. XXII кн.) тому же обвиненію (по 251 ст. XXII кн.) подлежалъ, по мнѣнію комиссіи, и кап. 1-го ранга (нынѣ контръ-адмиралъ) *Щенсновичъ* за то, что, не испросивъ точной инструкціи у адмираловъ относительно даннаго ему ими тяжкаго порученія быть уполномоченнымъ отъ флота при переговорахъ съ японцами о сдачѣ крѣпости, онъ безъ всякаго протеста согласился на предложеніе Рейса подписать условія капитуляціи [3]).

VII. Наконецъ, признавая основною, первоначальною причиною всѣхъ бѣдъ, постигшихъ насъ въ войнѣ съ Японіею, внезапное нападеніе японскихъ миноносцевъ въ ночь съ 26-го на 27-е января 1904 года на нашу портъ-артурскую эскадру,—нападеніе, давшее японскому флоту господство на морѣ, и объясняя успѣхъ его непринятіемъ должныхъ мѣръ къ охранѣ эскадры на рейдѣ, комиссія, на основаніи 116 ст. морского устава [4]) признавала отвѣтственнымъ за это бывшаго начальника ея, вице-адмирала *Старка* [5]).

---

[1]) Показаніе к.-адм. Вирена, Лащинскаго и Григоровича и письмо полк. Рейса.

[2]) Показанія к.-адм. Вирена, Лащинскаго и Щенсновича.

[3]) Показанія к.-адмираловъ Вирена, Лащинскаго, Григоровича и Щенсновича, ген. Рейса, полк. Хвостова, кап. Голованя и об.-егерм. Балашова.

[4]) *116 ст. Морск. Устава* (изд. 1901 г.). — „Во всѣхъ особенно важныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, вблизи непріятельскаго берега и на такихъ рейдахъ, гдѣ можно ожидать нападенія, флагманъ принимаетъ, по своему усмотрѣнію, чрезвычайныя предосторожности, какъ-то: высылаетъ развѣдчиковъ, назначаетъ ночные объѣзды около эскадры, пароли и лозунги, приказываетъ кораблямъ имѣть готовые шпринги, ставитъ на берегу въ удобныхъ мѣстахъ сторожевые посты, для обозрѣнія моря, огражденія минами и т. п.“.

[5]) Показанія адмираловъ Алексѣева, Старка, Вирена и Григоровича, кап. 1-го р. фонъ-Эссена и 2-го р. Сакса.

Составивъ во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 13-го марта 1905 года и на основаніи 64 ст. полож. о крѣпостяхъ приведенное выше въ существенныхъ его чертахъ заключеніе о дѣйствіяхъ начальствовавшихъ въ Портъ-Артурѣ лицъ, въ которыхъ усматривались признаки преступленій, предусмотрѣнныхъ уголовными законами, комиссія, руководствуясь 348 статьей воен.-суд. устава, постановила: препроводить копіи его, съ подписями председателя и членовъ, военному министру—для представленія на Высочайшее благоволеніе, и морскому—для свѣдѣнія, подлинное же заключеніе оставить при дѣлѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія составила общій очеркъ средствъ Портъ-Артура, въ которомъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, свѣдѣній и документовъ, полученныхъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій, выясняется насколько крѣпость силою своихъ верковъ, вооруженіемъ, численностью гарнизона, количествомъ боевыхъ, продовольственныхъ и иныхъ запасовъ отвѣчала своему назначенію и стратегическому положенію; каково было административное устройство крѣпости и соотвѣтствовала ли организація управленія ею положенію объ управленіи крѣпостями; въ какой степени и чѣмъ именно содѣйствовалъ оборонѣ крѣпости флотъ и населеніе.

Особый интересъ въ этомъ очеркѣ представляетъ глава, посвященная административному устройству крѣпости, составленная такимъ знатокомъ крѣпостного дѣла, какъ, покойный уже нынѣ, бывшій председатель крѣпостного комитета ген.-отъ-инф. Гребенщиковъ. Глава объ инженерной оборонѣ крѣпости, содержащая обзоръ хода работъ по укрѣпленію Портъ-Артура и критическую оцѣнку его верковъ составлена была подъ руководствомъ членовъ комиссіи инженеръ-генераловъ Рерберга и Богаевскаго; глава объ артиллерійской оборонѣ — подъ руководствомъ генераловъ-отъ-артиллеріи Демьяненкова и Крыжановскаго; обзоръ интендантской и медицинской части—подъ руководствомъ ген.-отъ-инф. Комарова и, наконецъ, о флотѣ—ген.-адъют. Дубковымъ.

Комиссія предполагала дать также и обзоръ хода обороны и выяснить, слѣдствіемъ какихъ именно причинъ была внезапность нападенія японскихъ миноносцевъ на нашу эска-

дру, каковъ былъ дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій на Квантунѣ и, наконецъ, каково было общее положеніе дѣлъ и состояніе запасовъ въ Портъ-Артурѣ ко дню капитуляціи, какъ результатъ всего хода военныхъ дѣйствій и цѣлесообразнаго использованія средствъ обороны.

Въ такомъ видѣ весь этотъ очеркъ, по мнѣнію комиссіи, долженъ былъ явиться не только подтвержденіемъ предъявленныхъ комиссіею въ своемъ заключеніи обвиненій къ начальствовавшимъ въ Портъ-Артурѣ лицамъ, но и могъ послужить къ раскрытію тѣхъ общихъ причинъ ошибокъ и недостатковъ, устраненіе которыхъ должно „избавить въ будущемъ наше отечество и армію отъ пережитыхъ ими въ русско-японскую войну несчастій".

Къ сожалѣнію, эта работа не была доведена комиссіей до конца, и изъ второй части очерка, посвященной обзору военныхъ дѣйствій въ Портъ-Артурѣ, составлена была только первая глава — о внезапномъ нападеніи японскихъ миноносцевъ на нашу портъ-артурскую эскадру.

Представленіемъ заключенія дѣятельность комиссіи собственно и кончилась.

11-го августа предсѣдателемъ комиссіи получено было отъ военнаго министра письмо отъ 1-го августа. Сообщая о своемъ намѣреніи въ ближайшемъ времени испросить Высочайшее соизволеніе на направленіе дѣла о сдачѣ кр. Портъ-Артуръ примѣнительно къ порядку, установленному статьями 1277[1] и слѣдующими воен.-судеб. устава (по редакціи, объявленной въ приказѣ по воен. вѣд. 1906 г. № 285), и представить Государю Императору о возложеніи дальнѣйшихъ слѣдственныхъ дѣйствій на постояннаго члена главнаго военнаго суда, дѣйст. тайн. сов. Быкова, военный министръ просилъ о предоставленіи д. т. с. Быкову возможности уже теперь ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ комиссіи и собраннымъ ею слѣдственнымъ матеріаломъ.

18-го августа военный министръ увѣдомилъ предсѣдателя комиссіи отношеніемъ отъ 14-го числа того же мѣсяца, что по всеподданнѣйшему докладу имъ заключенія слѣдственной комиссіи, Государь Императоръ въ 12-й день августа 1906 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) ген.-адъют. Стесселя, генералъ-лейтенантовъ Смирнова и Фока, ген.-м.

Рейса, вице-адмирала Старка и контръ-адмираловъ Лащинскаго, Григоровича, Вирена и Щенсновича, согласно съ заключеніемъ комиссіи, привлечь къ слѣдствію по дѣлу о сдачѣ кр. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ качествѣ обвиняемыхъ; 2) дальнѣйшее теченіе уголовнаго дѣла о нихъ направить въ порядкѣ, установленномъ ст. 1277[1]—1277[14] воен.-судеб. устава (по редакціи, объявленной въ приказѣ по воен. вѣд. 1906 г. № 285), и 3) производство предварительнаго слѣдствія о нихъ возложить на постояннаго члена главнаго воен. суда д. т. с. Быкова.

25-го августа комиссія составила постановленіе (№ 9) о раздѣленіи всѣхъ собранныхъ ею документовъ на три категоріи: 1) могущихъ служить для подтвержденія обвиненій, указанныхъ въ заключеніи (вещественныя доказательства), 2) могущихъ имѣть значеніе для выясненія обстоятельствъ дѣла (приложенія) и 3) подлежащихъ возвращенію, какъ не представляющихъ дальнѣйшей надобности.

Этимъ комиссія заключила свою дѣятельность.

23-го сентября 1906 года послѣдовало, по всеподданнѣйшему докладу военнаго министра, Высочайшее соизволеніе на закрытіе комиссіи; при этомъ Его Величество соизволилъ повелѣть военному министру, въ письмѣ на имя предсѣдателя, передать ему и членамъ комиссіи благодарность Его Величества за тщательное и добросовѣстное исполненіе возложеннаго на нихъ труда.

Подводя итоги дѣятельности слѣдственной комиссіи, надлежитъ сказать, что они выразились въ 10 постановленіяхъ и 81 протоколѣ допроса 44 свидѣтелей и ознакомленіи съ дѣлами и документами, охватывавшими весь періодъ владѣнія нами Квантунскимъ полуостровомъ и Портъ-Артуромъ, составившими вмѣстѣ 6 томовъ съ 2104 листами.

Комиссіи не удалось допросить 7 намѣченныхъ было ею къ допросу свидѣтелей (ген.-м. Бѣлаго, полк. Петруша, кап. Сычева, шт.-кап. Адо, капит. 2 ранга Циммермана, д-ра Ястребова и г. Тауца).

Изъ состава комиссіи за $1^1/_2$ года ея дѣятельности выбыли три члена: адмиралы Бирилевъ—въ виду назначенія его морскимъ министромъ, и Дубасовъ—въ виду назначенія его Московскимъ генералъ-губернаторомъ—и генералъ-лейт.

Платоновъ—за назначеніемъ его къ присутствованію въ Сенатѣ.

Дѣятельность исп. обяз. военнаго слѣдователя д. т. с. Быкова.

15-го августа 1906 года д. т. с. Быковъ составилъ постановленіе (№ 1) о принятіи имъ дѣла къ своему производству.

Теперь слѣдствіе должно было вестись уже не о происшествіи—сдачѣ кр. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ, а о виновности въ этомъ происшествіи опредѣленныхъ лицъ. Поэтому одновременно съ принятіемъ дѣла новымъ слѣдователемъ принята была въ отношеніи обвиняемыхъ мѣра пресѣченія имъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Таковою, на основаніи 470, 473 и 474 ст. ст. воен.-судеб. устава, „въ виду высокаго ихъ служебнаго положенія“, избранъ былъ ближайшій надзоръ начальства.

Затѣмъ послѣдовали допросы, теперь уже не въ качествѣ свидѣтелей, а какъ обвиняемыхъ, генер.-лейт. Смирнова—*9-го сентября* (протоколъ № 1), ген.-м. Рейса—*12-го сентября* (протоколъ № 2), ген.-лейт. Фока—*16-го и 17-го сентября* (протоколы №№ 3 и 4).

Для разъясненія обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя и дѣятельности во время его генераловъ Стесселя и Фока, а также для разъясненія обстоятельствъ сдѣланной было ген.-адъют. Куропаткинымъ попытки отозвать Стесселя изъ Портъ-Артура допрошенъ былъ 18-го сентября ген. шт. кап. *Одинцовъ*, состоявшій въ день боя у Цзиньчжоу при ген. Фокѣ офицеромъ для связи, а послѣ этого боя пробравшійся изъ Портъ-Артура на миноносцѣ въ Манчжурскую армію для доклада о состояніи крѣпости и, по порученію ген. Смирнова, о непригодности къ управленію ея оборонои ген. Стесселя (прот. № 5).

20-го сентября состоялся первый допросъ генер.-адъют. *Стесселя* въ качествѣ обвиняемаго (прот. № 6).

22-го, 23-го и 24-го сентября онъ продолжался (протоколы №№ 7, 8 и 9)—и каждый разъ ген. Стессель представлялъ

все новые и новые списки свидѣтелей, которыхъ онъ просилъ допросить. 22-го числа онъ просилъ допросить 28 челов., 23-го—29 чел. и 24-го—10 человѣкъ.

25-го сентября допрошены въ качествѣ обвиняемыхъ контръ-адмиралъ *Щенсновичъ* (прот. № 10) и вице-адмиралъ *Старкъ* (прот. № 11).

Въ оправданіе своей дѣятельности, вице-адмиралъ Старкъ на этотъ разъ приложилъ къ своему показанію въ копіяхъ такіе важные документы, какъ: 1) секретный циркуляръ штаба начальника эскадры Тихаго океана отъ 5-го января 1904 г., № 5, относительно дежурства судовъ по освѣщенію рейда; 2) свой секретный приказъ по эскадрѣ отъ 19-го января 1904 г., № 51, съ объявленіемъ инструкціи для судовъ охраны стратегической зоны и 3) свой рапортъ Намѣстнику Е. И. В. на Дальнемъ Востокѣ отъ 26-го января того же года, № 51, относительно учрежденія крейсерства у группы острововъ Клиффордъ и у Шантунга для наблюденія, до объявленія войны, за движеніями японскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ, идущихъ въ Чемульпо [1]).

27-го сентября вице-адмиралъ Старкъ представилъ дополнительно, для приложенія къ своему показанію, копію рапорта своего Намѣстнику, составленнаго по флагманскому вахтенному журналу и по донесеніямъ командировъ судовъ,

---

[1]) На этомъ послѣднемъ рапортѣ Намѣстникомъ положены слѣдующія историческія резолюціи: 1) по поводу крейсерства у Клиффорда: „Пока считаю достаточнымъ посылать по одному крейсеру, начавъ съ 28-го января; объ этомъ начальнику штаба передать начальнику эскадры“; 2) по поводу крейсерства у Шантунга: „Достаточно пока одинъ крейсеръ на Шантунгъ и Klifford“; 3) по поводу мѣръ экстреннаго перехода эскадры на военное положеніе: „Запросить срочно командира порта: 1) почему бонъ не изготовленъ; 2) почему не составленъ проектъ ввода судовъ въ бассейнъ и внутренній рейдъ. По отзыву н—ка эскадры, планы давно уже были изготовлены; значитъ, они остались безъ движенія! Поручаю штабу немедленно представить мнѣ справку, и если портъ до сего времени не исполнилъ порученія, то потребовать отъ к—ра порта теперь же объясненія“; 4) „Относительно сѣтей долженъ высказать, что нахожу ихъ безусловно необходимыми и ставить ихъ на ночь, находясь на наружномъ рейдѣ. Во избѣжаніе указанныхъ н—комъ эскадры недостатковъ съемки, слѣдуетъ к—рамъ позаботиться о приспособленіи быстраго удаленія сѣтей въ случаѣ экстренности“!

о нападеніи 26-го января японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ.

Между тѣмъ ген. Стессель сдѣлалъ новую попытку поднять дѣло о выпускѣ корреспондента Ножина комендантомъ и адмиралами изъ крѣпости и тѣмъ ослабить предъявленныя къ нему обвиненія.

26-го сентября онъ обратился къ д. т. с. Быкову съ просьбою о пріобщеніи къ дѣлу всѣхъ документовъ, касающихся этого эпизода. Онъ мотивировалъ это теперь тѣмъ, что выпускъ Ножина имѣетъ прямое отношеніе къ обвиненію его, Стесселя, въ томъ, что онъ совершенно несогласно съ истиной доказывалъ невозможность сдать кому-либо командованіе въ крѣпости, въ особенности же ген. Смирнову, такъ какъ послѣдній уже являлся лицомъ, не внушавшимъ довѣрія [1]).

Въ тотъ же день ген. Стессель представилъ исп. об. военнаго слѣдователя новый, уже четвертый по счету, списокъ лицъ (15 чел.), которыхъ онъ просилъ допросить въ качествѣ свидѣтелей.

27-го сентября онъ представилъ пятый списокъ на 4 человѣкъ.

28-го сентября—шестой, на 18 человѣкъ...

Разсмотрѣвъ всѣ эти ходатайства ген. Стесселя, д. т. с. Быковъ въ тотъ же день, 28-го сентября, составилъ постановленіе (№ 3) объ отказѣ въ истребованіи просимыхъ ген. Стесселемъ документовъ, касающихся выпуска г. Ножина, такъ какъ таковые уже приложены были къ дѣлу.

Изъ числа просимыхъ ген. Стесселемъ о вызовѣ лицъ исп. об. военнаго слѣдователя постановилъ вызвать лишь для допроса въ качествѣ свидѣтелей отставныхъ ген.-маіоровъ Стольникова и Некрашевича-Поклада, подполковника Галицинскаго, инженеръ-капитана фонъ-Шварца, шт.-капитановъ Дебогорія-Мокріевича и Ксидо, подпоручика Гринцевича, лейтенанта Подгурскаго и мичмана Витгефта 2-го [2]). Въ вызовѣ остальныхъ 95 человѣкъ д. т. с. Быковъ отказалъ, частью

---

[1]) Ген. Стессель упускалъ при этомъ изъ виду, что выпускъ Ножина произошелъ въ ноябрѣ, а приказаніе сдать командованіе ген. Смирнову получено было имъ въ іюнѣ.

[2]) Кап. ф.-Шварцъ и мичм. Витгефтъ уже были допрошены слѣдственной комиссіей.

потому, что ген. Стесселю не предъявлено обвиненія въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ корреспонденту Ножину (кап. 2-го ранга Кришицкій, лейтенанты Лепко, Дмитріевъ и Макалинскій), частью потому, что свидѣтели эти уже были допрошены ранѣе по указаннымъ ген. Стесселемъ обстоятельствамъ (генералы Никитинъ и Третьяковъ, подполк. Достоваловъ, ген. шт. кап. Романовскій и кап. Мошинскій); частью потому, что не указаны обстоятельства, по поводу которыхъ надлежало свидѣтеля допросить (поруч. Линденвальдъ), и, наконецъ, всѣ остальные — по непмѣнію отношенія къ дѣлу.

27-го же сентября состоялся допросъ въ качествѣ обвиняемыхъ контръ-адмираловъ *Лащинскаго* (прот. № 12) и *Вирена* (прот. № 13). Первый изъ нихъ приложилъ къ своему показанію подлинный протоколъ собранія адмираловъ 20-го декабря 1904 г. съ выраженіемъ протеста противъ начатыхъ ген. Стесселемъ переговоровъ съ марш. Ноги, копіи котораго сообщены были имп главнокомандующему и Генералъ-Адмиралу.

29-го сентября допрошенъ былъ инженеръ-капитанъ *фонъ-Шварцъ* — о взятіи Большого Орлинаго Гнѣзда, о состояніи 2-й оборонительной линіи и о посылкѣ резерва на Цзинь-чжоускую позицію въ день боя за нее (прот. № 14).

30-го сентября допрошенъ ген. шт. подполковникъ *Ромейко-Гурко*, пробравшійся изъ Портъ-Артура въ Ляоянъ съ докладами о состояніи крѣпости и—по порученію ген. Смирнова—о несоотвѣтствіи ген. Стесселя занимаемому въ ней положенію (прот. № 15).

Ген. Стессель возобновилъ свои ходатайства о допросѣ новыхъ свидѣтелей. 30-го сентября онъ просилъ д. т. с. Быкова — о вызовѣ 4-хъ человѣкъ и *2-го октября* — о вызовѣ 17-ти. Въ этотъ послѣдній день допрошены были бывшій флагъ-капитанъ эскадры Тихаго океана, теперь и. д. помощника начальника главнаго морского штаба, кап. 1-го ранга (нынѣ контръ-адмиралъ) *Эбергардъ* — въ качествѣ свидѣтеля (прот. № 16) и контръ-адмиралъ *Григоровичъ* — въ качествѣ обвиняемаго (прот. № 17). На слѣдующій день кап. Эбергардъ представилъ въ дополненіе къ своему показанію рядъ документовъ, касавшихся организаціи охраны портъ-артур-

скаго рейда и эскадры, частью уже представленныхъ вице-адмираломъ Старкомъ. Новымъ среди нихъ былъ лишь циркуляръ штаба начальника эскадры Тихаго океана № 23.

3-го октября допрошенъ былъ от. ген.-м. *Стольниковъ*, бывшій помощникъ начальника артиллеріи восточнаго фронта (прот. № 18).

3-го же октября исп. об. военнаго слѣдователя получилъ отъ военно-походной канцеляріи Его Императорскаго Величества официальное увѣдомленіе о состоявшемся по Высочайшему приказу отъ 30-го сентября увольненіи ген.-адъют. Стесселя отъ службы за болѣзнью.

Вслѣдствіе этого д. т. с. Быковъ тогда же составилъ постановленіе (№ 4) объ измѣненіи от. ген.-лейт. Стесселю мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Взамѣнъ ближайшаго надзора начальства, отъ него отобрана была теперь черезъ полицію подписка о неотлучкѣ изъ мѣста жительства (ст. 477 воен.-суд. уст. и ст. 416, 419 и 421 уст. угол. судопроизв.).

4-го октября—от. ген.-лейт. Стессель подалъ новую просьбу о допросѣ въ качествѣ свидѣтелей 10 лицъ.

6-го октября—онъ снова просилъ о допросѣ еще 11 лицъ.

Однако представлялось затруднительнымъ осуществить допросъ и тѣхъ лицъ, которыхъ постановлено было уже допросить по предшествующимъ ходатайствамъ ген. Стесселя.

Такъ, 6-го же октября д. т. с. Быковъ составилъ постановленіе (№ 5), которымъ отказывался отъ вызова лейт. Подгурскаго, такъ какъ по увѣдомленію главнаго морского штаба офицеръ этотъ находился въ заграничномъ плаваніи. А 8-го октября получено было отъ того же штаба увѣдомленіе, что мичманъ Витгефтъ 2-й также находится въ плаваніи, и допросъ этого свидѣтеля могъ состояться лишь 23-го октября.

6-го октября состоялся допросъ шт.-кап. запаса инженерныхъ войскъ *Ксидо*, бывшаго ординарца ген. Стесселя (прот. № 19), а *7-го октября* — допросъ шт.-кап. 18-го сапернаго баталіона *Дебогорія-Мокріевича* (прот. № 20).

8-го октября состоялось постановленіе исп. об. военнаго слѣдователя (№ 6) по возбужденному ген. Стесселемъ вопросу о привлеченіи къ отвѣтственности за выпускъ изъ Портъ-Артура г. Ножина контръ-адмираловъ Григоровича и Лащин-

скаго. Д. т. с. Быковъ постановилъ копію рапорта ген. Стесселя военному министру приложить къ дѣлу, въ ходатайствѣ же отказать, такъ какъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія предоставлено начальству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсмотрѣвъ ходатайство ген. Стесселя о допросѣ свидѣтелей, въ количествѣ 42 человѣкъ, псп. об. военнаго слѣдователя постановилъ вызвать одного лишь поручика Грибовскаго. Но и этого свидѣтеля не скоро разыскали. Управленіе 23-й артил. бригады, въ которую этотъ офицеръ, какъ извѣстно, былъ зачисленъ, увѣдомило д. т. с. Быкова, что онъ къ бригадѣ еще не прибылъ, и 25-го октября составлено было имъ постановленіе (№ 9) о прекращеніи розыска поручика Грибовскаго въ виду разъясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Но 2-го ноября поручикъ Грибовскій явился къ д. т. с. Быкову и былъ имъ допрошенъ (прот. № 45).

Все это не останавливало однако ген. Стесселя отъ подачи новыхъ заявленій о допросѣ новыхъ свидѣлей: *9-го октября* онъ проситъ допросить 20 человѣкъ, *11-го октября*—5 человѣкъ...

Въ тотъ же день, *11-го октября*, состоялось постановленіе псп. об. военнаго слѣдователя (№ 7), которымъ онъ отказалъ въ вызовѣ всѣхъ указанныхъ выше 25 человѣкъ.

Допросъ же другихъ свидѣтелей продолжался: *9-го октября* допрошенъ состоявшій во время Цзиньчжоускаго боя при инженеръ-капитанѣ фонъ-Шварцѣ, по укрѣпленію этой позиціи, инженерный кондукторъ *Яновъ* (прот. № 21), — по вопросу объ отказѣ ген. Фока поддержать изнемогавшій въ неравномъ бою 5-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ: *10-го октября* — инженеръ-капитанъ *Родіоновъ*, укрѣплявшій Центральную ограду и сообщившій въ своемъ показаніи любопытный и характерный фактъ о приказаніи ген. Фока очистить укрѣпленіе № 3 по первому же звуку взрыва на немъ, услышанному издалека и безъ знанія о размѣрахъ и послѣдствіяхъ взрыва (прот. № 22); *12-го октября* — личный адъютантъ ген. Стесселя, поручикъ *кн. Гантимуровъ*, прорвавшійся въ серединѣ іюня 1904 г. изъ Портъ-Артура въ Ляоянъ и привезшій оттуда ген. Стесселю какія-то депеши, въ которыхъ, предполагалось, и заключалось приказаніе ген. Куропаткина ген. Стесселю сдать командованіе въ крѣпости

ген. Смирнову (прот. № 29); *14-го октября* — подпоручикъ *Гринцевичъ*, послѣднимъ покинувшій 19-го декабря 1904 года вмѣстѣ съ 4 нижними чинами Большое Орлиное Гнѣздо (прот. № 34), и *29-го октября* — Кронштадтской крѣпостной артиллеріи шт.-кап. *Саломоновъ* (прот. № 42), допросъ котораго состоялся, согласно постановленія исп. об. воен. слѣдователя (№ 10), по словесному заявленію о томъ ген. Стесселя.

Въ то же время отъ военныхъ слѣдователей Московскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ получены были *16-го октября* и *1-го ноября* протоколы допросовъ ими 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка подполковника *Галицинскаго*, бывшаго въ послѣдній день обороны комендантомъ Большого Орлинаго Гнѣзда (проток. №№ 37 и 38), и бывшаго командира 25-го вост.-сибир. стр. полка, от. геп.-маіора *Некрашевича-Поклада* (прот. № 44).

Но ген. Стессель все еще просилъ о допросѣ новыхъ свидѣтелей. *13-го октября* онъ подалъ заявленіе, прося допросить 9 человѣкъ, но въ вызовѣ и ихъ д. т. с. Быковымъ было ему отказано постановленіемъ отъ 15-го октября (№ 8).

Изъ числа документовъ, доставленныхъ за это время исп. об. военнаго слѣдователя д. т. с. Быкову, слѣдуетъ указать на полученное имъ 12-го октября письмо генералъ-квартирмейстера генеральнаго штаба со слѣдующею справкою о численности японскихъ войскъ подъ Портъ-Артуромъ во время осады его:

„По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ прусскимъ генеральнымъ штабомъ, въ составъ 3-й японской арміи, осаждавшей Портъ-Артуръ, входили: 1, 7, 9 и 11 полевыя дивизіи и 1 и 4 резервныя бригады, всего 60 баталіоновъ. Общую нормальную численность бойцовъ (безъ артиллеріи и войскъ вспомогательнаго назначенія) слѣдуетъ считать около 60 тысячъ; опредѣлить численность арміи ко времени капитуляціи крѣпости не представляется возможнымъ за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о потеряхъ японцевъ и времени ихъ пополненія, но по нѣкоторымъ даннымъ можно предположить, что численность японской арміи ко времени сдачи Портъ-Артура весьма немногимъ отличалась въ ту или другую сторону отъ нормальной".

Слѣдствіе можно было считать законченнымъ—и д. т. с. Быковъ приступилъ къ предъявленію дѣла обвиняемымъ

для дачи имп послѣднихъ объясненій по ознакомленіи со всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ.

11-го октября оно было предъявлено вице-адмиралу *Старку* (протоколы №№ 23 и 24), контръ-адмиралу *Лащинскому* (протоколы №№ 25 и 26) и контръ-адмиралу *Щенсновичу* (протоколы №№ 27 и 28); *11-го и 13-го октября* — контръ-адмиралу *Вирену* (протоколы №№ 30 и 31); *11-го, 13-го* и *14-го октября* — ген.-лейт. *Смирнову* (прот. №№ 32 и 33); *13-го* и *14-го октября*—ген.-маіору *Рейсу* (прот. №№ 35 и 36); *16-го—20-го, 22-го и 23-го октября*—ген.-лейтенанту *Фоку* (протоколы №№ 40 и 41) и *16-го, 20-го, 22-го, 27-го, 29-го октября* и *2-го ноября*—от. ген.-лейт. *Стесселю* (протоколы №№ 43, 46 и 47).

Трое послѣднихъ обвиняемыхъ, ознакомившись съ документами дѣла, показаніями свидѣтелей и другихъ обвиняемыхъ, представили по нимъ свои объясненія, а ген. Стессель 29-го октября подалъ прошеніе о допросѣ въ качествѣ свидѣтелей еще 30 человѣкъ и о выдачѣ ему копій со всѣхъ почти документовъ, протоколовъ и постановленій слѣдственнаго производства.

По этимъ ходатайствамъ исп. об. военнаго слѣдователя д. т. с. Быковъ 30-го октября составилъ постановленіе (№ 11), которымъ отклонилъ какъ допросъ указанныхъ ген. Стесселемъ лицъ, вслѣдствіе того, что дѣло представляется достаточно уже разъясненнымъ, такъ и выдачу копій съ постановленій и протоколовъ слѣдственнаго производства, дабы, въ виду обширности такового (болѣе 2,400 листовъ), не замедлять окончаніе слѣдствія и тѣмъ не отягощать участь другихъ обвиняемыхъ, а также и потому, что при предъявленіи дѣла ген. Стессель поставленъ былъ въ извѣстность о правѣ его выписывать изъ него, сколько угодно, вслѣдствіе чего оно и находилось въ распоряженіи ген. Стесселя 12 дней [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, 7-го ноября, уже когда дѣло находилось на заключеніи у главнаго военнаго прокурора, ген. Стессель обратился къ послѣднему съ просьбою о выдачѣ ему копій показаній 23-хъ наиболѣе важныхъ свидѣтелей. Ген.-лейт. Павловъ удовлетворилъ это ходатайство въ мѣрѣ возможности — и часть копій была снята. Изготовить всѣ не успѣли, такъ какъ, по составленіи заключенія, дѣло было передано въ частное присутствіе Военнаго Совѣта. Ген.

Разсмотрѣвъ объясненія обвиняемыхъ: от. ген.-лейт. Стесселя, генералъ-лейтенантовъ Смирнова и Фока, вице-адмирала Старка, ген.-маіора Рейса и контръ-адмираловъ Вирена, Лащинскаго и Щенсновича, данныя ими при предъявленіи имъ предварительнаго о нихъ слѣдствія, и находя, что объясненія эти не содержатъ въ себѣ какихъ-либо новыхъ обстоятельствъ, исп. об. военнаго слѣдователя д. т. с. Быковъ *3-го ноября 1906 года* постановилъ слѣдственное производство, согласно 516 ст. воен.-судебн. устава, заключить и препроводить со всѣми приложеніями главному военному прокурору, о чемъ и поставить въ извѣстность обвиняемыхъ, въ томъ числѣ и контръ-адмирала Григоровича, который отказался воспользоваться предоставленнымъ ему закономъ правомъ ознакомиться съ дѣломъ и дать свои послѣднія объясненія (постановленіе № 12).

Подводя итоги дѣятельности исп. обяз. воен. слѣдователя, д. т. с. Быкова, слѣдуетъ указать, что имъ допрошено 14 новыхъ свидѣтелей и 2 свидѣтеля допрошены дополнительно; составлено 47 протоколовъ и 12 постановленій, составившихъ особый томъ въ 352 листа.

Все слѣдственное дѣло состояло теперь изъ 7 томовъ на 2,456 листахъ, 31-го №№ приложеній и 12-ти №№ вещественныхъ доказательствъ (плановъ, дѣлъ, отдѣльныхъ документовъ, полевыхъ книжекъ, телефонограммъ, приказовъ, журналовъ военныхъ дѣйствій, совѣта обороны и т. п.).

Уже по заключеніи предварительнаго слѣдствія, 11-го ноября 1906 года, д. т. с. Быковъ получилъ изъ военно-походной канцеляріи Е. И. В. увѣдомленіе, что по всеподданнѣйшему докладу временно командующимъ Императорскою Главною Квартирою просьбы отставного генералъ-лейтенанта Стесселя Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить д. т. с. Быкову извлечь нужныя для дѣла свѣдѣнія изъ хранящагося въ канцеляріи „чернового жур-

---

Стессель просилъ также главн. воен. прокурора о выдачѣ ему изъ слѣдственнаго дѣла одного экземпляра приказовъ его по укрѣпленному раіону, „необходимыхъ ему для защиты“. Въ этомъ ему было отказано въ виду того, что при дѣлѣ оставался только одинъ экземпляръ собранія ихъ, а другой былъ отосланъ вмѣстѣ съ другими непріобщенными къ дѣлу документами въ Главный Штабъ.

нала сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артура", который 18-го марта 1905 года былъ представленъ Его Величеству бывшимъ личнымъ адъютантомъ генерала Кондратенко, поручикомъ Гриневичемъ.

Во исполненіе Высочайшей воли, д. т. с. Быковъ 15-го, 17-го и 18-го ноября 1906 г. ознакомился съ содержаніемъ указаннаго выше документа. Оказалось, что журналъ этотъ помѣщенъ въ 14 писанныхъ чернилами тетрадяхъ, не пронумерованныхъ, не скрѣпленныхъ, и неизвѣстно гдѣ и кѣмъ веденныхъ. Содержаніе ихъ составляютъ краткія свѣдѣнія какъ о тѣхъ приспособленіяхъ, которыя дѣлались для обороны крѣпости, такъ и о самой оборонѣ крѣпости, начиная съ 27-го января 1904 г. по 6-е декабря того же года, при чемъ пропущены числа съ 21-го по 26-е февраля включительно и весь августъ мѣсяцъ, за исключеніемъ 20-го числа, которое помѣщено на отдѣльныхъ листахъ. Кромѣ того, въ отдѣльной тетради, записаны числа и мѣсяцы боевъ подъ Портъ-Артуромъ, начиная съ боя у Зеленыхъ горъ 13-го іюня 1904 г., и кончая оставленіемъ форта № II въ ночь на 6-е августа. Все занесенное въ этотъ журналъ оказалось не имѣющимъ ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ возникшимъ на генерала Стесселя обвиненіямъ; въ немъ нѣтъ свѣдѣній ни о числѣ защитниковъ на позиціяхъ, ни о числѣ орудій, ни о числѣ снарядовъ къ нимъ.

Независимо отъ „чернового журнала сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ" поручикомъ Гриневичемъ были представлены Его Величеству еще 14 отдѣльныхъ приложеній: 1) черновикъ донесенія ген. Стесселя Намѣстнику и командующему арміею отъ 7 часовъ утра 13-го августа 1904 г., слѣдующаго содержанія:

„Начиная съ 5-го по 13-е августа, всѣ ежедневные штурмы японцевъ отбиты съ громаднымъ урономъ для нихъ, но и мы потеряли ранеными съ 5-го по 11-е число включительно 69 офицеровъ и 3,466 нижнихъ чиновъ, убитыхъ тоже много, но число ихъ еще не приведено въ извѣстность. Въ госпиталяхъ состоитъ 132 офицера и 5,661 нижній чинъ. Снарядовъ полевой артиллеріи по 150 на орудіе. Орудія крѣпостныя въ большомъ числѣ подбиты. Подъ ружьемъ въ 4-й дивизіи 9,419, въ 7-й дивизіи 11,169 нижн. чиновъ, офицеровъ въ 4-й дивизіи 145, въ 7-й дивизіи 150. За 12-е число потери также значительны. Необходимо выслать подкрѣпленіе, хотя два полка съ боль-

шимъ числомъ офицеровъ, можно съ особою осторожностью на иностранныхъ пароходахъ; также необходимо выслать и снаряды. Редуты №№ 1 и 2 никто не занимаетъ, они представляютъ развалины. Духъ защитниковъ геройскій. Начиная съ 25-го іюня идетъ бомбардировка и города; масса домовъ разрушено.

2) приказъ ген. Стесселя по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона отъ 20-го декабря 1904 г., № 984, о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ на капитуляцію, съ изложеніемъ основаній къ сдачѣ; 3) приказъ ген. Стесселя отъ того же числа, № 985, заключающій въ себѣ распоряженія, относящіяся до передачи фортовъ японцамъ; 4) распоряженія ген. Горбатовскаго, отъ 21-го декабря, относительно сдачи японцамъ оружія, патроновъ, патронныхъ сумокъ, патронташей, поясныхъ ремней съ бляхами и шанцеваго инструмента; 5) приказъ ген. Стесселя, отъ 22-го декабря, № 994, о разрѣшеніи Государя Императора офицерамъ портъ-артурскаго гарнизона или возвратиться въ Россію подъ обязательствомъ не принимать участія въ войнѣ, или раздѣлить участь нижнихъ чиновъ; 6) письмо ген. Кондратенко къ ген. Флугу отъ 28-го января 1904 г. № 27 съ просьбою не выводить изъ Портъ-Артура 10-го полка; 7) диспозиція крѣпости Портъ-Артуръ 17-го іюля 1904 г.; 8) черновикъ доклада ген. Стесселя къ командующему войсками Манчжурской арміи (безъ числа и мѣсяца), о томъ, что

„японцы могутъ произвести высадку, подобно 1895 г., на восточномъ побережьѣ Ляодунскаго полуострова, примѣрно на линіи Бидзево—Дагушанъ, и что весь плацдармъ Ляодуна безъ войскъ, а флотъ мало поможетъ затрудненію высадки по мелководью. Между тѣмъ, на Ялу стоятъ наши войска. Зачѣмъ японцы пойдутъ чрезъ Ялу бить на трудныя позиціи. Хорошо бы сосредоточить войска у Гайджоу, это дастъ намъ ту выгоду, что будетъ неожиданностью для японцевъ. Въ настоящее время захватъ Артура равносиленъ потери флота, хотя я увѣренъ, что Артуръ не возьмутъ открытою силою, но вводить это предположеніе все-таки не невозможно“.

Къ этому ген. Стессель добавлялъ, что докладъ составленъ имъ по его личнымъ и ген. Кондратенко соображеніямъ; 9) перечень необходимыхъ построекъ для усиленія Цзиньчжоуской позиціи на сумму 60,550 руб., подписанный ген. Кондратенко, командиромъ 5-го Восточно-Сибирскаго

стрѣлковаго полка полковн. Третьяковымъ и военнымъ инженеръ-капитаномъ фонъ-Шварцемъ; 10) докладъ къ указанному выше перечню, подписанный тѣми же лицами; 11) записка ген. Кондратенко, отъ 21-го февраля 1904 г., № 58, адресованная, вѣроятно, ген. Стесселю, о необходимости предоставить ген. Фоку полную свободу въ принятіи мѣръ къ оборонѣ какъ Цзиньчжоуской позиціи, такъ и всего сѣвернаго участка Портъ-Артурскаго укрѣпленнаго раіона; 12) записка ген. Кондратенко ген. Флугу о томъ, что сдѣлано по артиллерійской и инженернымъ частямъ въ крѣпости Портъ-Артуръ съ 27-го января по 8-е февраля 1904 г., а также о сформированіи дружины въ 130 человѣкъ, запаснаго баталіона 3-й бригады и о формированіи 7-й бригады; 13) докладъ ген. Кондратенко отъ 15-го февраля коменданту крѣпости о необходимости привести въ негодность 100 большихъ шаландъ, раскиданныхъ по берегу бухты Лунзы, и 14) схема обороны Ляотешанскихъ высотъ, составленная начальникомъ Ляотешанской обороны подполковникомъ Надхиным.

Протоколъ осмотра всѣхъ этихъ документовъ, препровожденный д. т. с. Быковымъ главному военному прокурору 24-го ноября 1906 г., по распоряженію послѣдняго былъ пріобщенъ къ слѣдственному производству и составилъ 32-е приложеніе къ дѣлу.

II.

Преданіе суду.

Теперь, согласно Высочайшаго повелѣнія 12-го августа 1906 года о дальнѣйшемъ направленіи уголовнаго дѣла о генералахъ Стесселѣ, Смирновѣ, Фокѣ и Рейсѣ, адмиралахъ Старкѣ, Лащинскомъ, Григоровичѣ, Виренѣ и Щенсновичѣ въ порядкѣ, установленномъ статьями 1277^{1} — 1277^{14} воен.-суд. устава (по редакціи, объявленной въ приказѣ по воен. вѣд. 4 мая 1906 г. № 285),—оконченное слѣдственное производство о нихъ подлежало внесенію, при заключеніи главнаго военнаго прокурора, въ частное присутствіе военнаго совѣта (ст. 1277^{1} воен.-суд. уст.).

Составъ послѣдняго на этотъ случай, согласно 1277^{3} ст. воен.-суд. устава, увеличивается старшимъ изъ постоянныхъ членовъ главнаго военнаго суда.

Присутствіе постановляетъ: 1) или о прекращеніи начатаго изслѣдованія, 2) или о наложеніи на привлеченныхъ къ отвѣтственности взысканія безъ суда, или 3) о преданіи обвиняемыхъ суду (ст. 1277^{7}).

Удостоенное Высочайшаго утвержденія постановленіе о преданіи суду служитъ главному военному прокурору основаніемъ для обвинительнаго акта, который вносится имъ въ верховный военно-уголовный судъ (1277^{10} ст.).

Согласно этимъ законоположеніямъ исп. обяз. военнаго слѣдователя д. т. с. Быковъ въ самый же день заключенія имъ слѣдствія, *3-го ноября 1906 года*, препроводилъ оконченное имъ слѣдственное производство главному военному прокурору (ген.-лейт. Павлову), а *4-го ноября* (какъ это видно

изъ доклада ген. Павлова военному министру отъ 8-го ноября) приступлено къ составленію заключенія.

15-го января 1907 года работа эта была закончена, и въ тотъ же день заключеніе, подписанное вр. и. д. главнаго военнаго прокурора ген.-маіор. Гурскимъ [1]), было препровождено вмѣстѣ съ слѣдственнымъ производствомъ и всѣми къ нему приложеніями и вещественными доказательствами начальнику канцеляріи военнаго министерства для внесенія его въ частное присутствіе военнаго совѣта.

Послѣднее состояло подъ предсѣдательствомъ генерала-отъ-артиллеріи *Солтанова* [2]) изъ членовъ: генерала-отъ-кавалеріи *Маламы* [3]), генераловъ-отъ-инфантеріи *Поволоцкаго* и

---

[1]) Главный военный прокуроръ ген.-лейт. Павловъ 27-го декабря 1906 года былъ убитъ.

[2]) Павелъ Алексѣевичъ *Солтановъ* род. въ 1839 г.; произведенъ въ офицеры—въ 1857 г.; окончилъ Михайловскую артил. академію; съ 1864 г. по 1899 г. занималъ различныя должности въ канцеляріи военнаго министерства; съ 1899 г. по 1904 г. былъ завѣдующимъ эмеритальною кассою воен.-сухопутн. вѣдомства; въ 1904 году назначенъ членомъ военнаго совѣта.

[3]) Яковъ Дмитріевичъ *Малама* род. въ 1841 году; окончилъ Николаевскую академію генеральнаго штаба; въ теченіе службы командовалъ: 16-мъ драгунск. Нижегородскимъ полкомъ (1881—1885 гг.) и 1-ю бригадою кавказской кав. дивизіи (1885 г.); былъ н-комъ штаба Кубанскаго каз. войска (1885—1888 гг.), помощникомъ начальника Кубанской области (1888—1890 г.), начальникомъ штаба Кіевскаго воен. округа (1890—1892 г.), начальникомъ Кубан. обл. и наказ. атаманомъ Кубан. каз. войска (1892—1904 г.), помощникомъ главнонач. гражд. частью на Кавказѣ и командующаго войсками Кавказ. воен. округа (1904—1905 гг.), помощникомъ по воен. части Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ (1905—1906 г.); членомъ военнаго совѣта съ 1906 г.. Участвовалъ въ кампаніяхъ и походахъ въ 1869, 1870, 1871, 1877—1878, 1879 и 1880 гг. Имѣетъ орденъ св. Георгія 4 ст. (1877 г.).

[4]) Иванъ Максимовичъ *Поволоцкій* род. въ 1842 г.; оконч. курсъ Никол. акад. ген. штаба; въ теченіе службы: командовалъ 45-мъ пѣх. Азовскимъ полкомъ (1887—1890 гг.), былъ начальникомъ штаба 10-го арм. корп. и н-комъ Харьков. воен. госпиталя (1890—1895 гг.), н-комъ штаба Виленскаго воен. окр. (1895—1902 гг.), состоялъ въ распоряженіи воен. министра (1902—1903 г.); командовалъ 2-мъ арм. корпусомъ (1903—1906 г.); членомъ воен. совѣта съ 1906 г.. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1863 и 1877—1878 гг.

Скугаревскаго [1]) и генералъ-лейтенантовъ *Ставровскаго* [2]) и *Фролова* [3]). Отъ главнаго военнаго суда въ составъ частнаго присутствія назначенъ былъ ген.-лейт. *Басковъ* [4]). Обязанности дѣлопроизводителя частнаго присутствія исполнялъ и. д. помощника начальника канцеляріи военнаго министерства ген. шт. полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) *Даниловъ*.

---

[1]) Аркадій Платоновичъ *Скугаревскій* род. въ 1847 г.; окончилъ Ник. акад. ген. шт.; въ теченіе службы былъ начальникомъ штаба 1-й гвард. пѣх. дивизіи (1881—1888 гг.), командиромъ 145-го пѣхот. Новочеркасскаго полка (1888—1889 гг.), н-комъ штаба гвард. корпуса (1889—1895 гг.), н-комъ 4-й стр. бригады (1895—1896 гг.), начальникомъ 58-й пѣх. резервн. бригады (1896—1898 гг.), н-комъ 27-й пѣхот. дивизіи (1898—1904 гг.), командиромъ 6 го и 8-го армейск. корпусовъ (1904—1906 г.), членомъ военнаго совѣта съ 1906 г. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1877—1878 и 1905 гг.

[2]) Константинъ Николаевичъ *Ставровскій* род. въ 1846 г.; окончилъ Ник. акад. ген. шт.; былъ начальникомъ штаба 1-й гв. кав. див. (1880—1888 гг.), командиромъ 7-го драгунск. Новороссійскаго полка (1888—1891 г.), н-комъ шт. 7-го арм. корп. (1891—1892 г.), н-комъ штаба 4-го арм. корп. (1892—1893 г.), н-комъ шт. отд. корп. погранич. стражи (1893 1899 г.), военнымъ губернаторомъ Уральской области, к-щимъ въ ней войсками и наказнымъ атаманомъ Уральскаго каз. войска (1899—1905 г.), членомъ воен. совѣта съ 1905 г. Нынѣ генералъ-отъ-кавалеріи. Участвовалъ въ кампаніи 1877—1878 гг. и имѣетъ орденъ Св. Георгія 4-й ст.

[3]) Петръ Александровичъ *Фроловъ* род. въ 1852 г.; окончилъ Ник. акад. ген. шт.; былъ окружн. дежурн. генераломъ штаба Кіевскаго воен. округа (1893—1898 г.), помощникомъ н-ка Главн. Штаба (1898—1903 г.), дежурнымъ генераломъ Главн. Штаба (1903 1904 г.), врем.-исполн. обязанности н-ка Главнаго Штаба (1904—1905 г.); членомъ военнаго совѣта съ 1905 г. Нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи. Участвовалъ въ кампаніи 1877—1878 гг.

[4]) Владиміръ Онисимовичъ *Басковъ* род. въ 1842 году. Окончилъ воен.-юридич. академію. Былъ воен. судьею Петербургскаго в.-о. суда (1879—1890 г.), воен. прокуроромъ Московскаго в.-о. суда (1890—1893 г.), предсѣдателемъ Казанскаго в.-о. суда (1893—1905 г.), н-комъ Александровской воен.-юридич. академіи (1905—1908 г.); постояннымъ членомъ главн. воен. суда съ 1906 г. Нынѣ ген.-отъ-инфантеріи. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1863 и 1877—1878 гг.

Въ составъ частнаго присутствія входилъ также ген.-отъ-инф. *Дембовскій* (бывшій к-ръ 5-го Сибирск. арм. корпуса во время русско-японской войны), но въ занятіяхъ присутствія онъ не участвовалъ, вслѣдствіе назначенія к-ромъ своднаго корпуса, оставленнаго для оккупаціи Манчжуріи. Умеръ 22 декабря 1907 г.

Частное присутствіе приступило къ разсмотрѣнію заключенія главнаго военнаго прокурора 18-го января 1907 года и, послѣ 19-ти засѣданій [1]), 7-го апрѣля того же года представило всеподданнѣйшій докладъ Государю Императору, въ которомъ, согласно съ мнѣніемъ слѣдственной комиссіи, высказало, что послѣдовавшая 20-го декабря 1904 года сдача Портъ-Артура не была вызвана обстоятельствами, внезапно принявшими неблагопріятный оборотъ, и что она не можетъ быть оправдана тогдашнимъ положеніемъ атакованныхъ фронтовъ, недостаточною численностью гарнизона, состояніемъ здоровья людей, духомъ войскъ, а также что она не вызывалась и недостаткомъ продовольственныхъ и боевыхъ средствъ. Напротивъ того, рѣшеніе сдать крѣпость, созрѣвшее задолго до совершенія этого позорнаго, по выраженію частнаго присутствія, акта, постепенно приводилось въ исполненіе, при чемъ оно явилось неожиданностью почти для всего гарнизона, а условія капитуляціи и порядокъ выполненія ихъ оказались крайне тягостными и оскорбительными для чести арміи и достоинства Россіи.

Главными виновниками „этой позорной операціи“, по заключенію частнаго присутствія военнаго совѣта, явились генералы *Стесселъ*, *Рейсъ* и *Фокъ*; противъ остальныхъ же привлеченныхъ къ отвѣтственности по этому дѣлу лицъ, а именно ген.-лейт. *Смирнова* и контръ-адмираловъ *Лащинскаго*, *Григоровича*, *Вирена* и *Щенсновича* возникаютъ обвиненія лишь въ бездѣйствіи власти, ибо энергичное пользованіе съ ихъ стороны предоставленными имъ закономъ правами могло продлить сопротивленіе Портъ-Артура или, по меньшей мѣрѣ, устранить унизительныя для достоинства Россіи условія капитуляціи.

Что же касается обвиненій, предъявленныхъ къ вице-адмиралу *Старку*, то они, по мнѣнію частнаго присутствія, представляютъ совершенно отдѣльный эпизодъ, имѣющій съ паденіемъ Портъ-Артура лишь ту связь, что несчастье, постигшее нашу эскадру въ ночь съ 26-го на 27-е января 1904 года, въ значительной степени ослабило оборону Квантунскаго полуострова.

---

[1]) Засѣданія присутствія состоялись: 18, 25 и 27 января; 1, 5, 7, 12, 14, 19, 21, 26 и 28 февраля; 5, 7, 12, 19, 27 и 31 марта и 7 апрѣля.

Повергая на Высочайшее благовоззрѣніе свое заключеніе, частное присутствіе военнаго совѣта сочло своимъ вѣрноподданническимъ долгомъ ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ объ устраненіи цѣлаго ряда недостатковъ въ нашихъ законоположеніяхъ, которые выяснились при детальномъ изученіи преждевременной гибели Портъ-Артура: о точномъ разграниченіи правъ и обязанностей начальника укрѣпленнаго раіона и коменданта крѣпости, входящей въ этотъ раіонъ; о выясненіи взаимныхъ отношеній между военно-сухопутными и морскими начальниками въ приморской крѣпости; о точномъ разъясненіи по военному вѣдомству, что старшій начальникъ не имѣетъ права вторгаться въ сферу дѣятельности своихъ подчиненныхъ, если дѣятельность эта не нарушаетъ общихъ распоряженій старшаго начальника и если подчиненный не нарушаетъ предоставленныхъ ему закономъ правъ; о необходимости принять мѣры противъ представленія преувеличенныхъ и даже ложныхъ донесеній о боевыхъ столкновеніяхъ; о пересмотрѣ правилъ, установленныхъ для награжденія различныхъ воинскихъ чиновъ за боевыя отличія и т. д.

Заключеніе это подписали всѣ вышеназванные члены присутствія, при чемъ генералъ Скугаревскій остался при особомъ мнѣніи, выраженномъ имъ въ журналѣ присутствія № 16.

28-го апрѣля 1907 года мнѣніе большинства удостоилось Высочайшаго утвержденія, съ выраженіемъ Высочайшей воли *морскихъ чиновъ суду не предавать.*

1-го мая удостоенное Высочайшаго утвержденія постановленіе частнаго присутствія препровождено было начальникомъ канцеляріи военнаго министерства главному военному прокурору для составленія обвинительнаго акта.

5-го іюня онъ былъ внесенъ главнымъ военнымъ прокуроромъ, ген.-лейт. *Рыльке*, въ Верховный военно-уголовный судъ, вмѣстѣ со спискомъ свидѣтелей, вызываемыхъ со стороны обвинительной власти, постановленіемъ частнаго присутствія и слѣдственнымъ производствомъ, со всѣми къ нему приложеніями и вещественными доказательствами.

Главный военный прокуроръ признавалъ необходимымъ личный допросъ слѣдующихъ 28 лицъ: генералъ-адъютанта

Куропаткина, генералъ-лейтенантовъ Никитина и Надѣина, генералъ-маіоровъ Горбатовскаго, Третьякова, Ирмана, Семенова, Мехмандарова и Бѣлаго, отставн. ген.-маіора Стольникова, контръ-адмираловъ Вирена и Щенсновича, полковниковъ ген. штаба Хвостова и Дмитревскаго, инженеръ-полковника Григоренко, полк. Лебединскаго, подполковниковъ ген. штаба Степанова, Романовскаго, Одинцова и Головани, инженеръ-подполковника фонъ-Шварца, подполковниковъ Достовалова, Вершинина и Галицинскаго, инженеръ-капитана Родіонова, лейтенанта Витгефта 2-го, подпоручика Гринцевича, оберъ-егермейстера Двора Его Величества Балашева и г-на Янова.

Предложеніемъ, внесеннымъ въ Верховный военно-уголовный судъ 14-го іюня, военно-прокурорскій надзоръ увеличилъ этотъ списокъ свидѣтелей еще слѣдующими лицами: контръ-адмиралами Лащинскимъ, Григоровичемъ и фонъ Эссеномъ, военно-судебнаго вѣдомства полковникомъ Тыртовымъ, ген. штаба подполковникомъ Ромейко-Гурко, капитаномъ Акимовымъ и дѣйствит. стат. совѣтниками Рябининымъ и Субботинымъ и надворнымъ совѣтникомъ Успенскимъ; личный допросъ Рябинина, Субботина и Тыртова, въ виду имѣвшихся ихъ письменныхъ показаній, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи, не признавался необходимымъ.

Въ виду обширности обвинительнаго акта, составившаго въ печатномъ видѣ 95 страницъ листового формата, мы не признаемъ удобнымъ воспроизводить его здѣсь цѣликомъ и приводимъ лишь его выводы [1]).

Въ нихъ предъявлены обвиненія:

Отставному генералъ-лейтенанту *Стесселю*—въ томъ, что:

1) получивъ 20-го іюня 1904 года предписаніе командовавшаго манчжурскою арміею сдать крѣпость Портъ-Артуръ ея коменданту, генералъ-лейтенанту Смирнову, и выѣхать къ арміи, предписанія этого не исполнилъ и, оставшись въ крѣпости, удержалъ за собою командованіе, каковыя дѣянія предусмотрѣны 255 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

[1]) Обвинительный актъ полностью изданъ въ видѣ отдѣльной брошюры редакціей „Военнаго Сборника", какъ приложеніе къ № 1 этого журнала за 1908 годъ.

2) въ нарушеніи приказа Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, отъ 14-го апрѣля 1904 года, № 339, вмѣшивался въ права и обязанности коменданта крѣпости Портъ-Артуръ, подрывая авторитетъ послѣдняго, вѣру въ него и тѣмъ понижая обороноспособность крѣпости, каковое вмѣшательство выразилось, между прочимъ: а) въ разрѣшеніи имъ, генераломъ Стесселемъ вопреки распоряженіямъ коменданта, вывоза изъ крѣпости продуктовъ: б) въ назначеніи статскаго совѣтника Рябинина завѣдывающимъ медицинскою частью, безъ подчиненія его коменданту крѣпости; в) въ переводѣ Дальнинской больницы, въ отмѣну распоряженія коменданта и ущербъ пользѣ дѣла, на выбранный имъ, генераломъ Стесселемъ, по своему личному усмотрѣнію, пунктъ; г) въ отрѣшеніи брантмейстера Вейкапена отъ должности; д) въ удаленіи жандармовъ на Ляотешань; е) въ прекращеніи изданія газеты „Новый Край“ и въ приказѣ объ арестованіи сотрудника ея, г. Ножина, и ж) въ отмѣнѣ работъ по укрѣпленію 2-й и 3-й оборонительныхъ линій; дѣянія эти предусмотрѣны 141 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости Портъ-Артуръ, а именно: а) не пополнилъ запаса овощей, несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность; б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнной мобилизаціоннымъ расписаніемъ, и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота и в) оставилъ безъ распоряженія представленія коменданта крѣпости объ увеличеніи дачи конины, каковое увеличеніе было настоятельно необходимо для поддержанія силъ истомленнаго гарнизона; дѣянія эти предусмотрѣны 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

4) получая и читая во время осады Портъ-Артура „замѣтки“ генералъ-лейтенанта Фока, написанныя въ насмѣшливомъ и рѣзкомъ тонѣ, подрывавшія авторитетъ нѣкоторыхъ начальниковъ, набрасывавшія тѣнь на доброе ихъ имя, расшатывавшія дисциплину и понижавшія духъ гарнизона,— не взирая на вредъ, приносившійся имъ дѣлу обороны, не принялъ мѣръ къ прекращенію ихъ изданія и распростра-

ненія среди гарнизона, каковое дѣяніе предусмотрѣно 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

5) изъ личныхъ выгодъ представилъ командовавшему Манчжурскою арміею 14-го и 18-го мая и Намѣстнику Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ 17-го мая донесенія о боѣ при Цзиньчжоу, въ которыхъ, несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла и дѣйствіями участвовавшихъ въ немъ лицъ, а равно и своими собственными, изложилъ, что „въ этомъ жаркомъ дѣлѣ — мы выпустили всѣ снаряды“ и „что отступили въ отличномъ порядкѣ до Нангалина...“, при чемъ придалъ всѣмъ этимъ донесеніямъ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ, генералъ Стессель, лично и притомъ съ большой энергіей руководилъ дѣйствіями войскъ, между тѣмъ какъ: а) во время боя при Цзиньчжоу онъ, генералъ Стессель, оставался въ Портъ-Артурѣ и личнаго участія въ бою не принималъ; б) снарядовъ для скорострѣльной артиллеріи оставалось на ст. Нангалинъ большое количество и объ этомъ артиллерійскимъ частямъ было извѣстно, и в) отступленіе къ Нангалину было безпорядочнымъ и поспѣшнымъ, при чемъ нѣкоторыя части пробивались чрезъ проволочныя загражденія; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о нак. угол. и исправ., изд. 1885 г.;

6) изъ личныхъ выгодъ и желая выставить дѣйствія своихъ подчиненныхъ въ болѣе благопріятномъ видѣ, представилъ 15-го мая 1904 года донесеніе командовавшему Манчжурскою арміею о томъ, что отрядъ генералъ-лейтенанта Фока „постепенно отходитъ къ Волчьимъ горамъ“, между тѣмъ какъ это было несогласно съ обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ дѣйствительности, такъ какъ отступленіе этого отряда прямо къ Волчьимъ горамъ, т. е. къ послѣдней передовой позиціи, было безпорядочное и настолько поспѣшное, насколько допускала горная дорога, запруженная обозами и бѣжавшими въ Портъ-Артуръ жителями города Дальняго; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. угол. и испр., изд. 1885 г.;

7) изъ личныхъ выгодъ, имѣя цѣлью выставить себя передъ начальствомъ участникомъ несуществовавшихъ боевыхъ столкновеній, представилъ командовавшему Манчжурскою

арміею въ письмѣ отъ 1-го іюня 1904 года донесеніе о собственной дѣятельности въ крѣпости Портъ-Артуръ, въ которомъ, несогласно съ дѣйствительными обстоятельствами, сообщалъ: „всегда бываю при всѣхъ возможныхъ столкновеніяхъ“, между тѣмъ, какъ съ 26-го января 1904 года по 1-е іюня, т. е. по день письма его, генерала Стесселя, къ генералъ-адъютанту Куропаткину, не было ни одного столкновенія съ японскими войсками, кромѣ боя при Цзиньчжоу, въ которомъ онъ, генералъ Стессель, не участвовалъ, и кромѣ бомбардировокъ, во время которыхъ подвергалось опасности все населеніе Портъ-Артура; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. уложен. о наказан. угол. и исправ., изд. 1885 г.;

8) желая оправдать себя въ предумышленной сдачѣ крѣпости врагу, донесъ Государю Императору телеграммою отъ 16-го декабря 1904 года, что „по занятіи форта № III японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта и крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ почти нѣтъ“..., каковое донесеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію крѣпости, такъ какъ на военномъ совѣтѣ, состоявшемся того же 16-го декабря, огромное большинство членовъ котораго высказалось за оборону до послѣдней крайности, генералъ-маіорами Бѣлымъ и Никитинымъ было заявлено, что снаряды для обороны еще есть; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., изд. 1885 г.;

9) завѣдомо неправильно и ложно представилъ: къ ордену св. Георгія 3-й степени генералъ-лейтенанта Фока — за проигранный имъ бой при Цзиньчжоу, въ которомъ названный генералъ проявилъ полную нераспорядительность и растерянность, и генералъ-маіора Надѣина — за тотъ же бой при Цзиньчжоу, въ которомъ генералъ этотъ не оказалъ никакого выдающагося подвига, — и къ ордену св. Георгія 4-й степени генералъ-маіора Рейса, который самъ призналъ, что подвиговъ, дающихъ право на полученіе этой высокой награды, не совершилъ; дѣяніе это предусмотрѣно 362 ст. улож. о наказ. угол. и исправ., изд. 1885 г., и

10) состоя начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона и старшимъ начальникомъ въ осажденной японскими

войсками крѣпости Портъ-Артуръ, съ подчиненіемъ ему коменданта ея, онъ задумалъ сдать крѣпость японцамъ, для чего, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, состоявшагося 16-го декабря 1904 года, на которомъ громадное большинство членовъ его высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія, къ чему представлялась полная возможность, и не созвавъ, въ нарушеніи 62 ст. полож. объ управл. крѣп. (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) новаго военнаго совѣта, между 3—4 часами пополудни 19 декабря 1904 года отправилъ къ командовавшему японскою осадною арміею, генералу Ноги, парламентера съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея, — послѣ чего согласился на предложеніе начальника сухопутной обороны генерала Фока очистить безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею лит. Б., что значительно ослабило силу обороны крѣпости, а на слѣдующій день, 20-го декабря, уполномочилъ своего начальника штаба, полковника Рейса, окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не давъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условій, вслѣдствіе чего полковникъ Рейсъ и подписалъ тогда же, въ дер. Шуйшинъ, условія капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, оказавшіяся невыгодными и унизительными для достоинства Россіи, и тѣмъ самымъ онъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и воинской чести; сдавъ же крѣпость врагу, онъ, генералъ-лейтенантъ Стессель, не раздѣлилъ участи гарнизона (63 ст. Полож. объ управл. крѣпостями,—приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) и не пошелъ съ нимъ въ плѣнъ, дѣянія эти предусмотрѣны 251 и 252 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3.

Генералъ-маіору *Рейсу*—въ томъ, что, состоя начальникомъ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать крѣпость Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ то время, когда численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ

запасовъ обезпечивали возможность продолженія обороны ея, и раздѣляя это намѣреніе, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно, во-первыхъ, на совѣтѣ обороны 25-го ноября 1904 г. и на военномъ совѣтѣ 16-го декабря того же 1904 г. преувеличивалъ тяжелое положеніе крѣпости и доказывалъ безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и необходимость сдачи ея; во-вторыхъ, по порученію генерала Стесселя заблаговременно составилъ и 19-го декабря 1904 г. отправилъ къ командующему осадною японскою арміею, генералу Ноги, письмо съ предложеніемъ вступить въ переговоры о капитуляціи, и, въ третьихъ, на слѣдующій день, 20-го декабря, не испросивъ у генерала Стесселя точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ условій сдачи, хотя зналъ, что переговоры эти должны быть окончательными, отправился въ дер. Шуйшуинъ, мѣсто, назначенное для переговоровъ, и не возражая противъ предъявленныхъ японскими уполномоченными требованій, подписалъ въ тотъ же день капитуляцію крѣпости Портъ-Артуръ на невыгодныхъ и унизительныхъ для достоинства Россіи условіяхъ, каковыми своими дѣйствіями онъ, генералъ-маіоръ Рейсъ, содѣйствовалъ генералу Стесселю сдать крѣпость японскимъ войскамъ; дѣянія эти предусмотрѣны 13 ст. улож. о наказ. угол. и испр. и ст. ст. 251 и 252 XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3.

Генералъ-лейтенанту *Фоку*—въ томъ, что:

1) получивъ 14-го февраля и 6-го мая 1904 г. категорическія приказанія генералъ-лейтенанта Стесселя упорно оборонять Цзиньчжоускую позицію, и не только 5-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ, но и находившимися вблизи позиціи 13-мъ и 14-мъ полками, доведя дѣло до штыковыхъ свалокъ, онъ, не обращая вниманія на эти указанія, а также и на то, что оборону бухты Инчензы въ тылу позиціи принялъ на себя генералъ Стессель самъ: а) когда бой уже начался утромъ 13-го мая вмѣсто того, чтобы руководить имъ, отправился къ бухтѣ Инчензы для выбора тамъ позиціи 15-му полку на случай высадки японцевъ и прибылъ на атаковавшую позицію только около 2-хъ часовъ дня; б) изъ четырехъ полковъ, сосредоточенныхъ къ Цзиньчжоу,

ввелъ въ бой только одинъ и этимъ подвергъ его отдѣльному пораженію; в) во время боя не только не использовалъ резерва, но и остановилъ движеніе въ боевую линію двухъ батальоновъ, посланныхъ генераломъ Надѣинымъ, г) не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны и не доводя дѣло до штыковъ, отправилъ генералъ-лейтенанту Стесселю въ Портъ-Артуръ телеграмму, въ которой, съ цѣлью получить отъ него приказаніе объ отступленіи, указывалъ на „критическое положеніе“ и на полное отсутствіе снарядовъ, между тѣмъ какъ таковые имѣлись еще въ большомъ количествѣ на ст. Нангалинъ, и д) получивъ вслѣдствіе сего разрѣшеніе генерала Стесселя отступить съ наступленіемъ темноты, началъ отступленіе засвѣтло, что подвергло отрядъ его большимъ потерямъ, и, такимъ образомъ, отдалъ японцамъ заблаговременно укрѣпленную Цзиньчжоускую позицію, не употребивъ всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ для упорной ея обороны; дѣяніе это предусмотрѣно 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

2) во время боя 8-го августа 1904 года, получивъ отъ своего непосредственнаго начальника — коменданта крѣпости приказаніе двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта два батальона 14-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, сразу не исполнилъ этого приказанія, вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ и не пошелъ самъ съ этою послѣднею частью командуемаго имъ резерва, каковыя дѣянія предусмотрѣны 104 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

3) не неся во время осады съ 9-го августа по 3-е декабря 1904 года какихъ-либо служебныхъ обязанностей и посѣщая по своей иниціативѣ позиціи, подъ предлогомъ желанія оказать помощь дѣлу обороны, а въ дѣйствительности изъ малодушнаго тщеславія выставить себя болѣе способнымъ, свѣдущимъ и мужественнымъ, чѣмъ другіе, руководившіе оборономъ начальники, позволялъ себѣ вести разговоры и издавать „замѣтки“, въ которыхъ не только критически и иногда въ очень рѣзкой формѣ разбиралъ дѣйствія этихъ не подчиненныхъ ему лицъ, обвиняя ихъ въ неумѣніи и трусости, но также проводилъ мысль, что укрѣпленія и форты слѣдуетъ защищать безъ большихъ жертвъ, при чемъ

дѣлалъ все это такъ, что разговоры его, а равно и „замѣтки“, становились извѣстны не только начальствовавшимъ лицамъ, но вообще офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ гарнизона, чѣмъ колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіи до послѣдней крайности; дѣянія эти предусмотрѣны 262 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3;

4) вступивъ 3-го декабря 1904 года въ должность начальника сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ и находя невозможнымъ долѣе удерживать фортъ № II, лично доложилъ объ этомъ начальнику укрѣпленнаго раіона, а не коменданту крѣпости, которому былъ непосредственно подчиненъ, а затѣмъ, получивъ на испрашиваемое согласіе генерала Стесселя и не доведя о семъ даже до свѣдѣнія коменданта, 5-го декабря того же года приказалъ очистить фортъ и взорвать его; дѣяніе это предусмотрѣно 141 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3, и

5) состоя начальникомъ сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать крѣпость японскимъ войскамъ, когда еще не всѣ средства обороны были исчерпаны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея, и раздѣляя это намѣреніе, онъ, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно: 19-го декабря 1904 года доложилъ генералу Стесселю о необходимости немедленно отправить парламентера къ генералу Ноги съ предложеніемъ капитуляціи крѣпости, а затѣмъ, уже послѣ отправки парламентера, по собственной иниціативѣ и вопреки приказанію коменданта, приказалъ начальнику обороны восточнаго фронта, генералу Горбатовскому, очистить безъ боя, подъ угрозою побудительныхъ мѣръ, батарею лит. Б., а также Малое Орлиное Гнѣздо и Куропаткинскій люнетъ, каковыя укрѣпленія, во исполненіе этого приказанія, вечеромъ и были дѣйствительно очищены нашими войсками, при чемъ онъ, генералъ-лейтенантъ Фокъ, вполнѣ сознавалъ, что такими своими распоряженіями ставилъ оборону крѣпости въ крайне невыгодныя условія въ случаѣ, если бы перего-

воры о сдачѣ крѣпости почему-либо были прекращены, и давалъ этимъ возможность японскимъ уполномоченнымъ предъявить невыгодныя и унизительныя для насъ условія капитуляціи; дѣяніе это предусмотрѣно 13 ст. улож. о нак. угол. и исправ., и 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

Генералъ-лейтенанту *Смирнову* — въ томъ, что:

1) заподозривъ послѣ сдачи 5-го декабря 1904 г. японцамъ форта № II о существованіи между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашенія привести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ, вопреки лежавшей на немъ въ силу 57-й ст. Положенія объ управленіи крѣпостями (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358) обязанности, не устранилъ тотчасъ же генералъ-лейтенанта Фока отъ командованія и, вообще, не принялъ энергичныхъ мѣръ къ воспрепятствованію имъ въ исполненіи ихъ плана, а ограничился лишь посылкою главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить его въ полныхъ правахъ коменданта, или сложить съ него обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости; дѣяніе это предусмотрѣно 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 года изд. 3, и

2) узнавъ 19-го декабря 1904 года о посылкѣ генералъ-адъютантомъ Стесселемъ письма генералу Ноги съ предложеніемъ войти въ переговоры относительно капитуляціи крѣпости, онъ, вопреки 69 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, и 57 ст. Положенія объ управленіи крѣпостями (приказъ по военному вѣдомству 1901 г. № 358), не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ предъ генералъ-адъютантомъ Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ статьи 62 вышеупомянутаго Положенія, а равно и на исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16-го декабря того же года продолжать упорную оборону крѣпости, каковыя дѣянія предусмотрѣны 69, 142 и 145 ст. ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3.

III.

Приготовительныя къ суду распоряженія.

Со внесеніемъ 5-го іюня 1907 года главнымъ военнымъ прокуроромъ обвинительнаго акта въ верховный военно-уголовный судъ началась дѣятельность этого новаго судебнаго учрежденія.

Согласно приказа по военному вѣдомству 4-го мая 1906 года № 285, онъ образуется изъ пяти членовъ Военнаго Совѣта, избираемыхъ по непосредственному усмотрѣнію Государя Императора на одинъ годъ изъ числа не состоящихъ въ частномъ присутствіи совѣта, изъ предсѣдателя и постоянныхъ членовъ главнаго военнаго суда (за исключеніемъ члена, входившаго въ составъ частнаго присутствія и члена, производившаго предварительное слѣдствіе) и двухъ командующихъ войсками въ военныхъ округахъ или корпусныхъ командировъ, также по Высочайшему избранію.

Старшій изъ этого состава — предсѣдательствуетъ въ верховномъ военно-уголовномъ судѣ. Представителемъ обвиненія является въ немъ главный военный прокуроръ. Подсудимымъ предоставляется избирать себѣ защитниковъ, съ соблюденіемъ установленныхъ для этого правилъ военно-судебнаго устава.

Исполненіе обязанности секретаря возлагается на одного изъ чиновъ главнаго военно-суднаго управленія по назначенію начальника его (ст. 1277[11] воен.-судеб. устава).

На 1907 годъ въ составъ суда были избраны Государемъ Императоромъ члены военнаго совѣта, генералы-отъ-инфан-

теріи *Дукмасовъ* [1]), *Водаръ* [2]), *Гончаровъ* [3]), и *Мыловъ* [4]) и генералъ-отъ-кавалеріи баронъ *Бильдерлингъ* [5]).

---

[1]) Павелъ Григорьевичъ *Дукмасовъ* род. въ 1838 г.; окончилъ Ник. акад. Ген. Штаба; въ теченіе службы былъ начальникомъ штаба 12-го арм. корпуса (1876—1877 г.), помощ. н-ка штаба Кіев. воен. окр. (1877 г.), начальникомъ штаба 13-го арм. корп. (1877—1886 г.), начальникомъ 2-й гренад. дивизіи (1886—1894 г.), командиромъ 11-го и 7-го корпусовъ (1894—1895 г.; 1895—1900 г.), членомъ военнаго совѣта—съ 1900 г.; числится по ген. штабу и въ войскѣ Донскомъ. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1857—1859, 1862—1864, 1877—1878 гг.

[2]) Александръ Карловичъ *Водаръ* род. въ 1836 году; въ теченіе службы былъ н-комъ штаба 24-й пѣх. див. (1871—1878 г.), командовалъ л.-гв. Литовскимъ полкомъ (1878—1886), былъ н-комъ 2-го воен. Константиновскаго училища (1886—1891 г.), н-комъ 1-й гренад. дивизіи (1891—1898 г.) и командиромъ 21-го арм. кор. (1898—1903 г.); членомъ военнаго совѣта—съ 1903 г. Числится по ген. штабу и въ спискахъ л.-гв. Литовскаго полка и 2-го воен. Констант. училища. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1855—1856, 1863, 1877—1878 гг.

[3]) Степанъ Осиповичъ *Гончаровъ* род. въ 1831 г.; окончилъ Ник. акад. ген. шт.; былъ н-комъ штаба 5-й кав. див. (1865—1869 г.), помощн. н-ка штаба Харьков. воен. округа (1870—1874 г.), н-комъ того же штаба (1874—1884 г.), комендантомъ Свеаборгской крѣп. (1887—1893 г.), помощн. финлянд. ген.-губ. и к-щаго войсками Финлянд. в. округа (1893—1898 г.), членомъ военнаго совѣта—съ 1898 г., предсѣдателемъ главн. воен.-санит. комитета—съ 1904 г. Числится по ген. штабу. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1853—1856 г., 1858—1859 г.

[4]) Сергѣй Николаевичъ *Мыловъ* род. въ 1842 г.; окончилъ Ник. акад. ген. штаба, былъ к-ромъ 78-го пѣх. Навагинскаго полка (1878—1881 г.), помощ. н-ка шт. Кавк. воен. окр. (1881—1890 г.), н-комъ Кавказской тузем. резервн. бригады (1890—1894 г.), н-комъ 20-й пѣх. див. (1894—1901 г.), к-щимъ 3-мъ Спб. арм. корпусомъ (1900—1901 г.), командиромъ 8-го арм. корп. (1901—1905 г.), членомъ Совѣта Госуд. Обороны въ 1905 г., предсѣдателемъ комитета по образов. войска съ 1906—1907 г. Членомъ военнаго совѣта съ 1905 г. Числится по генер. штабу. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1877—1878 г. и 1904—1905 г. Имѣетъ за боевыя отличія золотое оружіе.

[5]) Александръ Александровичъ бар. *Бильдерлингъ* род. въ 1846 г.; окончилъ Ник. акад. генер. штаба; былъ н-комъ Твер. кав. училища (1875—1877 г.), к-ромъ 12-го драг. Стародубовскаго полка (1877—1878 г.), н-комъ Никол. кав. училища (1878—1890 г.), помощн. н-ка глав. штаба (1891—1898 г.), членомъ в.-учен. комитета главн. шт. (1891—1899 г.), к-ромъ 17-го арм. корп. (1899—1905 г.), членомъ военнаго совѣта съ 1905 г. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1877—1878 г. и 1904—1905 г. Имѣетъ золотое оружіе (1877 г.) и золотое оружіе, украшенное бриліантами (1904 г.).

Когда, въ концѣ апрѣля, состоялось Высочайшее соизволеніе на преданіе суду генераловъ Стесселя, Смирнова, Фока и Рейса и стало яснымъ, что суду предстоитъ открыть свои дѣйствія, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на назначеніе въ составъ его командировъ корпусовъ: 19-го—генералъ-лейтенанта *Саранчева* [1]) и 21-го—генералъ-лейтенанта *Рузскаго* [2]).

Изъ постоянныхъ членовъ главнаго военнаго суда въ составъ верховнаго суда вошли: генералъ-отъ-инфантеріи *Аникѣевъ* [3]) и генералъ-лейтенанты баронъ *Остенъ-Сакенъ* [4]) и *Щербовичъ-Вечоръ* [5]).

---

[1]) Евграфъ Семеновичъ *Саранчевъ* род. въ 1850 г.; оконч. Никол. инж. академію; въ теченіе службы былъ н-комъ штаба Кавк. сапер. бригады (1882—1888 г.), к-ромъ 10-го сапер. б-на (1888—1892 г.), к-ромъ 1-го Кавказ. саперн. б-на (1892—1893 г.), н-комъ 4-й саперн. бригады (1893—1899 г.), н-комъ Никол. инж. академіи и училища (1899—1905 г.), н-комъ 23-й пѣх. дивизіи (1905—1906 г.), командиромъ 19-го арм. корпуса съ 1906 г. Числится по арм. пѣхотѣ; почет. чл. конференціи Никол. инж. акад.; участвовалъ въ кампаніи 1873 г. (ран.) и 1877—1878 г.

[2]) Николай Владиміровичъ *Рузскій* род. въ 1854 г.; окончилъ Ник. акад. ген. штаба, былъ н-комъ штабовъ 11-й кав. дивизіи (1887—1891 г.) и 32-й пѣх. див. (1891—1896 г.), к-ромъ 151-го пѣх. Пятигорскаго полка (1896 г.), ген.-квартирм. шт. Кіев. в. окр. (1896—1902 г.), н-комъ шт. Вилен. в. окр. (1902—1904 г.), н-комъ полев. штаба 2-й Манчжур. арміи (1904—1906 г.), к-ромъ 21-го арм. корп. съ 1906 г. Числится по ген. штабу. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1877—1878 г. (раненъ) и 1904—1905 гг.

[3]) Петръ Никаноровичъ *Аникѣевъ* род. въ 1844 г.; окончилъ воен.-юридич. академію; въ теченіе службы по в.-судеб. вѣдомству былъ воен. судьею Одесск. в.-о. суда (1879—1894 г.), воен. прокуроромъ Кіев. в.-о. суда (1894—1897 г.), предсѣдателемъ Москов. в.-о. суда (1897—1906 г.), членомъ главн. воен. суда съ 1906 г.

[4]) Эрнестъ Рудольфовичъ бар. *Остенъ-Сакенъ* род. въ 1846 г.; окончилъ курсъ воен.-юрид. акад.; въ теченіе службы по в.-судебн. вѣдомству былъ воен. прокуроромъ Вилен. в.-о. суда (1881—1892 г.) и Петерб. в.-о. суда (1892—1894 г.), предсѣдателемъ Петерб. в.-о. суда (1894—1906 г.), членомъ главн. воен. суда (1906—1908 г.). 29-го апрѣля 1908 г. назначенъ главнымъ воен. прокуроромъ и н-комъ главн. воен.-суд. управленія.

[5]) Ольгердъ Карловичъ *Щербовичъ-Вечоръ* род. въ 1843 г.; окончилъ курсъ воен.-юрид. академіи; во время службы по воен.-судеб. вѣдом. былъ воен. прокуроромъ Кіевск. в.-о. суда (1883—1888 г.) и Кавказ.

Поддерживать на судѣ обвиненіе поручено было главнымъ военнымъ прокуроромъ ген.-лейт. *Рыльке* своему помощнику, ген.-лейт. *Гурскому* [1]), а исполненіе обязанностей секретаря возложено на полковника *Апушкина;* впослѣдствіи, передъ самымъ открытіемъ судебнаго засѣданія, въ помощь ему были назначены подполковникъ *Вишняковъ* и помощникъ секретаря Петербургскаго военно-окружнаго суда надворный совѣтникъ *Соколовскій.*

12-го іюня въ судъ поступили прошенія подсудимаго отст. ген.-лейт. Стесселя.

Пріѣхавъ по собственной иниціативѣ въ С.-Петербургъ для полученія копіи обвинительнаго акта, онъ узналъ, что не можетъ получить ее ранѣе конца іюня или начала іюля.

Чувствуя себя больнымъ и пользуясь по совѣту врачей отдыхомъ и лѣченіемъ въ окрестностяхъ Москвы, ген. Стессель просилъ теперь судъ освободить его отъ личной явки въ С.-Петербургъ для полученія обвинительнаго акта и списка судей и прокурора, а переслать эти документы ему въ Москву, по мѣсту его постояннаго жительства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вторымъ своимъ прошеніемъ, ген. Стессель, въ виду „чрезмѣрно большого размѣра письменнаго матеріала по слѣдственному производству“ и „огромнаго размѣра обвинительнаго акта“, — просилъ продолжить установленный закономъ для изученія дѣла и указанія свидѣтелей семидневный срокъ до двухъ мѣсяцевъ. При этомъ ген. Стессель указывалъ, что защитниками своими онъ избираетъ подполковника Вельяминова и капитана запаса Сыртланова.

в.-о. суда (1888—1901 г.), предсѣдателемъ Сибирскаго в.-о. суда (1901—1906 г.), предсѣдателемъ кассац. присутствія Манчжурскихъ армій (1904—1905 г.), предсѣдателемъ кавказскаго в.-о. суда (1905—1907 г.), членомъ главн. воен. суда съ 1907 г. Умеръ въ ночь на 13 е апрѣля 1908 г.

[1]) Александръ Михайловичъ *Гурскій* род. въ 1856 г.; окончилъ военно-юрид. акад.; во время службы по воен.-суд. вѣдомству былъ воен. судьею Варшав. в. о. суда (1898—1906 г.), членомъ кассаціон. присутствія Манчжурскихъ армій (1904—1905 г.), воен. прокуроромъ Кіев. в.-о. суда (1906 г.), помощникомъ главн. воен. прокурора съ 1906 г. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1877—1878 г. и 1904—1905 г.

15-го іюня состоялось первое распорядительное засѣданіе верховнаго военно-уголовнаго суда. Разсмотрѣвъ предложенія главнаго военнаго прокурора отъ 5-го и 14-го іюня, при которыхъ внесенъ былъ обвинительный актъ и два списка свидѣтелей, и выслушавъ заключеніе вр. и. д. главнаго военнаго прокурора ген.-лейт. Гурскаго, судъ постановилъ: дать дѣлу дальнѣйшій ходъ и всѣхъ свидѣтелей, проживающихъ далѣе 300 верстъ отъ Петербурга, указанныхъ прокуроромъ, вызвать въ судебное засѣданіе, такъ какъ личный допросъ ихъ является желательнымъ; что же касается свидѣтелей д. с. с. Субботина, полк. Тыртова и кап. Акимова, то ихъ, за дальностью разстоянія, въ силу 2 п. 749 ст. в.-с. уст. въ судебное засѣданіе не вызывать.

Объ открытіи дѣйствій суда предсѣдатель его донесъ въ тотъ же день военному министру и Августѣйшему Главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

25-го іюня состоялось врученіе подсудимымъ генералъ-лейтенантамъ Смирнову и Фоку и ген.-маіору Рейсу копій обвинительнаго акта и списка свидѣтелей, вызываемыхъ главнымъ военнымъ прокуроромъ; при этомъ генералы Фокъ и Рейсъ, такъ же какъ и ген. Стессель, заявили ходатайство о продленіи имъ указаннаго въ законѣ семидневнаго срока на изученіе дѣла для вызова свидѣтелей и просили допустить къ защитѣ ихъ: ген. Смирновъ—капитана 2-го ранга фонъ-Шульца, ген. Фокъ — отстав. ген.-лейт. Домбровскаго, бывшаго военнаго судью, и ген. Рейсъ — помощника присяжнаго повѣр. В. Н. Нечаева.

27-го іюня состоялось второе распорядительное засѣданіе верховнаго военно-уголовнаго суда для разсмотрѣнія какъ этихъ ходатайствъ, такъ и ранѣе заявленныхъ ходатайствъ ген. Стесселя.

Выслушавъ заключеніе вр. и. д. главнаго военнаго прокурора и принимая во вниманіе: а) что слѣдственное производство по настоящему дѣлу состоитъ изъ 7-ми томовъ, на 2,456 листахъ и что сверхъ того къ дѣлу приложено значительное количество разныхъ документовъ; б) что изученіе всего этого матеріала для рѣшенія вопроса, кого именно защитникамъ подсудимыхъ надлежитъ просить судъ о вы-

зовѣ въ судебное засѣданіе въ качествѣ свидѣтелей, сверхъ указанныхъ главнымъ военнымъ прокуроромъ, — представляется невозможнымъ въ семидневный срокъ, верховный военно-уголовный судъ, съ цѣлью предоставленія подсудимымъ всѣхъ средствъ къ оправданію, постановилъ: 1) продолжить имъ срокъ на дополненіе списка свидѣтелей до 27-го августа 1907 года; 2) ходатайство ген. Стесселя о вызовѣ въ С.-Петербургъ подполковника Вельяминова, состоящаго въ должности помощника военнаго прокурора Виленскаго военно-окружнаго суда, дабы онъ могъ приступить къ изученію дѣла, отклонить, такъ какъ такое распоряженіе не входитъ по военно-судебному уставу въ кругъ обязанностей верховнаго военно-уголовнаго суда, сообщивъ ген. Стесселю, что съ ходатайствомъ по этому вопросу ему надлежитъ обратиться къ начальнику главнаго военно-суднаго управленія; 3) избранныхъ подсудимыми защитниковъ допустить теперь же къ изученію дѣла и 4) по поводу ходатайства ген. Фока о заграничномъ отпускѣ сообщить дежурному генералу Главнаго Штаба, что судъ, за невозможностью установить внѣ предѣловъ Россіи надзоръ военнаго начальства за ген.-л. Фокомъ, — не признаетъ возможнымъ уволить его въ отпускъ за границу; къ отпуску же въ Псковскую губернію препятствій не встрѣчаетъ, съ условіемъ, чтобы отъ этого не могло произойти промедленія въ движеніи дѣла и чтобы онъ и тамъ находился подъ надзоромъ военнаго начальства.

Копія этого постановленія вмѣстѣ съ копіями обвинительнаго акта, списка свидѣтелей, вызываемыхъ главнымъ военнымъ прокуроромъ и постановленія суда отъ 15-го іюня, чрезъ канцелярію Московскаго градоначальника, отправлены были ген. Стесселю въ Москву.

28-го іюня ген. Стессель подалъ въ верховный военно-уголовный судъ новое прошеніе, въ которомъ сообщалъ, что главн. воен. прокуроръ, ген.-л. Рыльке, письмомъ 17-го февраля 1907 г., увѣдомилъ его, ген. Стесселя, что въ случаѣ невызова подполк. Вельяминова свидѣтелемъ, военнымъ министромъ немедленно будетъ сдѣлано распоряженіе о переводѣ этого штабъ-офицера въ крѣпостную артиллерію (въ которой онъ ранѣе служилъ), дабы устранить тѣмъ препят-

ствіе къ принятію имъ, какъ лицомъ военно-прокурорскаго надзора, на себя защиты, и что самъ онъ, главн. воен. прокуроръ, идя навстрѣчу желанія ген. Стесселя, отказывается отъ вызова подполк. Вельяминова въ качествѣ свидѣтеля.— „Принимая во вниманіе, писалъ ген. Стессель, что подполк. Вельяминовъ, какъ свидѣтель легко можетъ быть замѣненъ другимъ офицеромъ, бывшимъ въ Портъ-Артурѣ, а какъ защитника, уже ознакомившагося съ дѣломъ его замѣнить трудно", ген. Стессель, въ нарушеніе принциповъ судопроизводства, просилъ допустить Вельяминова къ защитѣ „даже и въ томъ случаѣ, если кто-либо пожелаетъ вызвать его свидѣтелемъ" [1]).

30-го іюня ген.-лейт. Смирновъ представилъ въ судъ списокъ своихъ свидѣтелей, всего 15 человѣкъ. Онъ просилъ вызвать бывшаго предсѣдательствующаго во времен. воен. судѣ въ Портъ-Артурѣ ген.-м. Костенко [2]), бывшаго начальника жандармской команды въ Портъ-Артурѣ полк. кн. Микеладзе, бывшаго редактора-издателя издававшейся въ Портъ-Артурѣ газеты „Новый Край", отст. полк. Артемьева, бывшаго Квантунскаго воинскаго начальника, и начальника всѣхъ дружинъ въ Портъ-Артурѣ подполковника Дювернуа, бывш. командира Квантунской саперной роты подполк. Жеребцова, 28-го в.-сибир. стр. п. подполк. Киленина, бывшей Квантунской крѣп. артиллеріи шт.-капитановъ Бѣлаго и Вознесенскаго, шт.-капит. 4-й в.-сибир. стр. артил. бригады Аноева, бывш. строевого офицера штаба крѣпости поручика Гаммера, 28-го в.-сиб. стр. полка пор. Ерофѣева, лейт. Ромашева, хорунжаго 5-го сиб. каз. полка Штенгера, прапорщика запаса Тагѣева и бывшаго воен. корреспондента газеты „Новый Край", г. Ножина [3]).

16-го августа представилъ таковой же списокъ защитникъ ген. Фока, от. ген.-лейт. Домбровскій, ходатайствуя о вызовѣ 12 человѣкъ: бывшаго командира 25-го в.-сиб. стр. полка,

---

[1]) Никѣмъ изъ остальныхъ подсудимыхъ подполк. Вельяминовъ не былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, былъ переведенъ на время процесса въ Петербургскую крѣп. артиллерію и допущенъ къ защитѣ ген. Стесселя.

[2]) Авторъ книги—„Осада Портъ-Артура".

[3]) Авторъ трехтомнаго труда „Правда о Портъ-Артурѣ".

нынѣ от. ген.-маіора Некрашевича-Поклада, 5-го в.-спб. стр. полка подполк. Бѣлозора, капитановъ: 4-й в.-спб. стр. арт. бригады Ясенскаго, 13-го в.-спб. стр. полка Ратайскаго, 14-го в.-спб. стр. полка Сойманова и Соколова, поручика того же полка Руссау, подпоручика того же полка Ушакова [1]), прикомандированнаго къ Главному Штабу подпоручика Музалевскаго, прикомандированнаго къ Пажескому Его Величества корпусу поручика Орелъ, поручика 136-го пѣхотн. Таганрогскаго полка Кондрашева и поручика 23-й арт. бригады Грибовскаго.

20-го августа, въ дополненіе къ этому списку, защитникъ ген. Фока указалъ еще шт.-капитановъ 14-го вост.-спб. стр. полка Кишинскаго и Кузьмина, 25-го вост.-спб. стр. полка капитана Курдюкова и поручика 28-го в.-спб. стр. полка Падейскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ от. ген.-л. Домбровскій ходатайствовалъ о доставленіи въ судебное засѣданіе находящагося въ Николаевской инженерной академіи рельефнаго плана крѣпости.

27-го августа представилъ списокъ своихъ 130-ти свидѣтелей и ген. Стессель. Онъ сопроводилъ его слѣдующимъ заявленіемъ суду:

„Въ дополненіе къ мотивамъ, высказаннымъ мною въ прошеніи о вызовѣ свидѣтелей, довожу до свѣдѣнія верховнаго военно-уголовнаго суда, что перечисленные свидѣтели (каждый въ части, до него относящейся) могутъ показать, что я, генералъ Стессель, исчерпалъ всѣ средства обороны. Показанія эти могутъ опровергнуть голословныя заявленія коменданта, генералъ-лейтенанта Смирнова, котораго не знали войска и который въ погонѣ за славою, пріобрѣтенною путемъ корреспонденціи изъ „Новаго Края“, а также средствами доноса, говорилъ о томъ, чего онъ не видѣлъ. Свидѣтели эти опровергнутъ также заявленіе о показаніи генераловъ Бѣлаго и Никитина, показывающихъ, что снаряды были, тогда какъ всѣ командиры батарей подтвердятъ, что въ послѣдніе дни обороны они принуждены были молчать, такъ какъ на просьбы о присылкѣ снарядовъ имъ отвѣчали тѣ же генералы, что снарядовъ нѣтъ...

„Я прослужилъ 40 лѣтъ офицеромъ и былъ въ 3 кампаніяхъ; тѣ обвиненія, которыя были предъявлены мнѣ, угрожаютъ моей чести (что они угрожаютъ моей жизни — это для меня, бывшаго въ Ар-

[1]) По справкамъ оказался подполковникомъ.

турѣ,—значенія не имѣетъ), и я для защиты чести моей прошу верховный военно-уголовный судъ вызвать свидѣтелей, о которыхъ, о каждомъ въ отдѣльности, прошу я теперь. Линія обороны въ Портъ-Артурѣ тянулась на 28 верстъ, — не было части позиціи, гдѣ бы я не былъ во время сраженія, съ солдатами и офицерами не говорилъ и распоряженій не отдавалъ бы. Показанія боевыхъ начальниковъ участковъ, ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, командировъ полковъ и командировъ батарей докажутъ, что я, генералъ Стессель, исчерпалъ всѣ средства обороны, что отступалъ тогда, когда не было возможности удержать позицію, послѣ цѣлаго ряда кровопролитныхъ боевъ, при чемъ я былъ послѣднимъ, который произносилъ слово „отступленіе“.

„Подавая это прошеніе въ верховный военно-уголовный судъ, мнѣ тѣмъ легче говорить о вопросѣ чести мундира, что въ этомъ судѣ эти вопросы наиболѣе близки каждому изъ военныхъ судей“.

„Одиннадцать мѣсяцевъ сражаясь въ Портъ-Артурѣ, томясь въ неизвѣстности среди постоянныхъ ужасовъ осады, оторванный отъ Россіи, я утѣшался мыслію, что интересы артурцевъ встрѣтятъ живое сочувствіе въ Россіи вездѣ. Ставъ теперь мишенью злобы и измѣнчиваго настроенія толпы, горстью жителей тыла забросанный грязью, я буду безоруженъ передъ судомъ, если не будутъ вызваны мои свидѣтели, и я буду судимъ лишь на основаніи показаній враждебныхъ для меня по личнымъ и эгоистическимъ причинамъ лицъ, изъ среды которыхъ съ каждымъ днемъ подымаются все новыя и новыя клеветническія измышленія.

„Вотъ почему я и прошу верховный военно-уголовный судъ не отказать мнѣ въ вызовѣ свидѣтелей, перечисленныхъ въ прошеніи, поданномъ мною, что дастъ возможность услышать, наконецъ, изъ устъ борцовъ передовыхъ позицій и атакованной непріятелемъ части крѣпости истинную исторію обороны Артура, правду объ Артурѣ не генерала Смирнова и корреспондента Ножина, а правду, переданную лицами, пролившими въ этой крѣпости свою кровь“.

Защитникъ генералъ-маіора Рейса, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Нечаевъ, въ прошеніи своемъ, поданномъ въ судъ того же 27-го августа, заявилъ, что онъ присоединяется всецѣло къ списку, представленному ген.-л. Стесселемъ—„для опроверженія, составляющаго жизненный нервъ всего обвиненія по настоящему дѣлу,—предположенія объ обезпеченной возможности продолженія обороны крѣпости“; въ этомъ спискѣ онъ видитъ, тщательно провѣренный и всемѣрно сокращенный минимумъ того, что безусловно необходимо для всесторонняго выясненія настоящаго дѣла, и верховный военно-уголовный судъ не можетъ остановиться

на точкѣ зрѣнія обвинительнаго акта, считающаго, что какихъ-нибудь 38 свидѣтелей совершенно достаточно, чтобы дать исчерпывающій отвѣтъ по такому грандіозному историческому дѣлу"; „истина такъ легко не дается, заявляетъ онъ, и необходимость не ограничиваться малымъ кругомъ, по преимуществу высшихъ начальниковъ крѣпости, а обратиться прежде всего къ рядовымъ бойцамъ ея, настолько настоятельна, что очевидна съ перваго взгляда", а потому онъ и ходатайствуетъ о вызовѣ всѣхъ свидѣтелей, указанныхъ защитою генералъ-лейтенанта Стесселя, долженствующихъ дать показаніе по вопросу о несвоевременной сдачѣ крѣпости.

Итакъ, всѣ четверо подсудимыхъ ходатайствовали о вызовѣ 154 новыхъ свидѣтелей, проживавшихъ въ разныхъ городахъ Россіи и при этомъ большинство—въ мѣстахъ, отстоящихъ отъ г. С.-Петербурга, гдѣ предстояло разсмотрѣть настоящее дѣло,—далѣе 300 верстъ по желѣзной и 100 верстъ по грунтовой дорогамъ (2 п. 749 ст. XXIV кн.); изъ числа этихъ 150 человѣкъ только 10 человѣкъ были допрошены на предварительномъ слѣдствіи.

Основанія, по которымъ подсудимые и ихъ защитники ходатайствовали о вызовѣ того или другого свидѣтеля, были доложены въ распорядительномъ засѣданіи верховнаго военно-уголовнаго суда 3-го—4-го сентября 1907 г., по отношенію каждаго свидѣтеля отдѣльно.

Выслушавъ заключенія главнаго военнаго прокурора ген.-лейт. Рылке и его помощника ген.-м. Грейма и принявъ во вниманіе степень важности тѣхъ обстоятельствъ, которыя должны свидѣтельствовать лица, просимыя къ вызову, отдаленность мѣстонахожденія ихъ отъ г. С.-Петербурга и вообще всѣ обстоятельства настоящаго дѣла, верховный военно-уголовный судъ постановилъ вызвать въ судебное засѣданіе 72 человѣка [1]); въ вызовѣ 79 человѣкъ отказалъ вовсе на томъ основаніи, что обстоятельства, о которыхъ эти лица, по заявленію обвиняемыхъ и ихъ защитниковъ, должны свидѣтельствовать на судѣ, не имѣютъ отношенія къ тѣмъ обви-

---

[1]) Списокъ всѣхъ лицъ, вызванныхъ въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, помѣщается ниже.

нениямъ, которыя предъявлены къ подсудимымъ, при чемъ большинство изъ нихъ проживаетъ въ отдаленныхъ отъ г. С.-Петербурга мѣстахъ, а мѣстожительство одного изъ нихъ не указано вовсе; двухъ человѣкъ, спрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, судъ постановилъ включить въ списокъ свидѣтелей и въ случаѣ надобности показанія ихъ огласить, но лично ихъ въ судъ не вызывать за дальностью разстоянія (2 п. 749 ст. в.-с. уст.); что же касается ходатайства защитника от. ген.-лейт. Стесселя о вызовѣ контръ-адмирала Эссена, то верховный военно-угол. судъ указалъ, что имъ уже постановлено 15-го іюня о вызовѣ этого свидѣтеля со стороны военно-прокурорскаго надзора. Судъ удовлетворилъ также и ходатайство защитника генерала Фока объ истребованіи въ судебное засѣданіе по дѣлу рельефнаго плана крѣпости.

Такъ какъ 747 ст. воен.-судеб. устава предоставляетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, въ трехдневный срокъ отъ объявленія имъ объ отказѣ въ вызовѣ просимыхъ свидѣтелей заявлять суду, что они принимаютъ ихъ вызовъ на свой счетъ или желаютъ пригласить ихъ въ судъ отъ себя, по добровольному соглашенію, то ген. Стессель, пользуясь этимъ правомъ, *14-го сентября*, чрезъ своего защитника и заявилъ желаніе вызвать тринадцать человѣкъ свидѣтелей на свой счетъ, въ обезпеченіе чего представилъ въ судъ 450 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ходатайствовалъ о вызовѣ всѣхъ просимыхъ имъ свидѣтелей путемъ командированія ихъ въ Петербургъ, „такъ какъ только при такомъ вызовѣ, писалъ онъ, всѣ они могутъ явиться въ судъ, и право мое, право защиты, получитъ не формальное, а дѣйствительное осуществленіе“. Онъ ходатайствовалъ также объ истребованіи судомъ отъ бывшаго начальника Квантунской крѣпостной артиллеріи книги огнестрѣльныхъ и боевыхъ припасовъ, по которой можно точно установить количество снарядовъ, оставшихся въ крѣпости ко дню ея сдачи.

Одновременно съ этимъ ген. Стессель возбудилъ и предъ Верховною властью ходатайство, въ обезпеченіе явки вызываемыхъ имъ съ разрѣшенія суда свидѣтелей,—командировать ихъ въ судъ съ выдачей имъ путевого довольствія, не по нормамъ, установленнымъ 705 ст. воен.-судеб. устава

(25 коп. суточныхъ, 3 коп. съ версты или билетъ 3-го класса по жел. дорогѣ), а по тому же расчету, по которому удовлетворялись свидѣтели, вызывавшіеся для допроса слѣдственной комиссіей по настоящему дѣлу. При этомъ онъ указывалъ, что изъ просимыхъ имъ 136 свидѣтелей верховный военно-уголовный судъ постановилъ вызвать только 55 чел., да и изъ нихъ обязалъ явиться только 4-хъ. Ходатайство это, чрезъ военнаго министра, было представлено на разрѣшеніе суда.

Ген. Смирновъ также обратился къ суду съ новымъ ходатайствомъ о вызовѣ въ судъ бывшаго адъютанта Квантунской крѣпостной артиллеріи шт.-кап. Вознесенскаго, въ чемъ ему предшествующимъ постановленіемъ суда было отказано, и объ истребованіи отъ главнаго артиллерійскаго управленія представленнаго туда ген-м. Бѣлымъ отчета о дѣйствіяхъ артиллеріи въ Портъ-Артурѣ за время обороны.

22-го сентября 1907 года состоялось по этимъ ходатайствамъ третье распорядительное засѣданіе верховнаго военно-уголовнаго суда.

Разсмотрѣвъ эти ходатайства и выслушавъ по нимъ заключенія главнаго военнаго прокурора, ген.-лейт. Рыльке, и его помощника, ген.-м. Грейма, судъ постановилъ:

а) изъ числа 13 человѣкъ, о вызовѣ которыхъ на собственный счетъ проситъ ген. Стессель, семерымъ послать установленный закономъ вызовъ отъ суда, троихъ предоставить самому ген. Стесселю пригласить въ судъ по добровольному съ ними соглашенію; и въ вызовѣ трехъ отказать, потому что обстоятельства, о которыхъ долженъ свидѣтельствовать одинъ, не имѣютъ никакого отношенія къ предъявленнымъ ген. Стесселю обвиненіямъ, а показанія остальныхъ двухъ являются не существенными;

б) въ ходатайствѣ ген. Стесселя о вызовѣ свидѣтелей путемъ командированія ихъ по службѣ—отказать, въ виду того, что въ кругъ вѣдомства верховнаго военно-уголовнаго суда не входитъ дѣлать распоряженія о вызовѣ свидѣтелей не установленнымъ военно-судебнымъ уставомъ (755 ст. XXIV кн.) порядкомъ, а также потому, что вызовъ свидѣтелей путемъ командированія ихъ въ г. С.-Петербургъ вызоветъ громадные расходы для казны;

в) ходатайство его же объ истребованіи отъ ген.-м. Бѣлаго книги огнестрѣльныхъ припасовъ за время обороны крѣпости Портъ-Артуръ, какъ могущей имѣть значеніе по дѣлу, удовлетворить;

г) относительно ходатайства ген.-лейт. Смирнова, судъ, принимая во вниманіе, что хотя проситель и предъявилъ его съ пропускомъ сроковъ, указанныхъ въ 728 и 747 ст. воен. судеб. устава и въ рапортѣ своемъ не изъявилъ намѣренія пригнать вызовъ шт.-капит. Вознесенскаго на свой счетъ, — призналъ однако: что обстоятельство нахожденія въ настоящее время въ глав. артил. управленіи просимаго ген. Смирновымъ отчета является обстоятельствомъ новымъ, которое по настоящее время не было ему, суду, извѣстно и могло быть неизвѣстно также ген. Смирнову въ моментъ подачи имъ 27-го іюня своего рапорта о вызовѣ свидѣтелей; что отчетъ этотъ имѣетъ существенное значеніе по дѣлу; что объясненія по поводу этого отчета штабсъ-капитана Вознесенскаго являются желательными— и, потому, руководствуясь 748 ст. в.-с. уст., постановилъ ходатайство просителя уважить, вытребовавъ изъ главнаго артиллерійскаго управленія вышеуказанный отчетъ и вызвавъ шт.-кап. Вознесенскаго въ судебное засѣданіе;

д) по поводу внесенной главнымъ военнымъ прокуроромъ всеподданнѣйшей телеграммы отст. ген.-лейт. Стесселя Его Величеству Государю Императору судъ прежде всего установилъ, что ген. Стессель въ своемъ заявленіи отъ 27-го августа просилъ о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей не 136, а 130 человѣкъ и что опредѣленіемъ отъ 3-го—4-го сентября постановлено изъ числа этихъ 130 человѣкъ вызвать въ судебное засѣданіе 55 человѣкъ, а въ вызовѣ остальныхъ отказать, такъ какъ обстоятельства, о которыхъ они, по заявленію подсудимаго, должны свидѣтельствовать на судѣ, не имѣютъ отношенія къ предъявленнымъ къ нему обвиненіямъ; что никакого опредѣленія о томъ, чтобы изъ этого числа 55-ти человѣкъ только четверо были обязаны явиться въ судъ, а остальнымъ предоставлялось бы право явки по ихъ усмотрѣнію, судъ не постановлялъ, а лишь въ спискѣ, переданномъ главному военному прокурору, отмѣтилъ, что признаетъ особенно необходимымъ выслушать

личное показаніе четырехъ лицъ изъ числа просимыхъ ген. Стесселемъ, а именно: подполковника 5-го Вост.-Сиб. мортир. парк. артил. дивизіона Блахина, коменданта крѣпости въ Николаевскѣ на Амурѣ полк. Гандурина, подпор. 25-го Вост.-Сиб. стрѣлк. полка князя Гантимурова и капитана 27-й артил. бригады Аноева. Перейдя затѣмъ къ обсужденію существа всеподданнѣйшаго прошенія от. ген.-лейт. Стесселя, верховный военно-уголовный судъ, не признавая за собою право имѣть какое-либо сужденіе по поводу этого прошенія, потому что отставной генералъ-лейтенантъ Стессель ходатайствуетъ не объ осуществленіи какого-либо права, предоставленнаго ему закономъ, а проситъ объ оказаніи ему Его Величествомъ особой милости, внѣ закона, призналъ лишь необходимымъ довести до свѣдѣнія военнаго министра, что, разсмотрѣвъ всѣ ходатайства ген. Стесселя отъ 27-го августа и 13-го сентября, онъ нашелъ необходимымъ изъ числа просимыхъ имъ лицъ, кромѣ указанныхъ выше четырехъ, вызвать еще 57 человѣкъ, такъ какъ обстоятельства, о которыхъ они должны показывать на судѣ, имѣютъ значеніе по дѣлу, а, вслѣдствіе отсутствія въ дѣлѣ письменныхъ показаній большинства изъ нихъ, устныя показанія ихъ являются желательными, и что независимо отъ этого судъ постановилъ предоставить ген. Стесселю право трехъ лицъ пригласить въ судъ, по добровольному съ ними соглашенію;

е) такъ какъ по справкамъ оказалось, что указанный ген. Стесселемъ въ числѣ другихъ свидѣтелей прапорщикъ Мальченко находится не въ вѣдѣніи главнаго штаба, а состоитъ въ запасѣ и на частной службѣ въ г. Ханькоу, то судъ, въ отмѣну своего опредѣленія отъ 3-го—4-го сентября, согласно 749 ст. XXIV кн. С. В. П., изд. 3, постановилъ Мальченко въ судебное засѣданіе не вызывать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ судъ отклонилъ ходатайство ген.-лейт. Фока о разрѣшеніи ему отправиться на климатическую станцію въ Гагры до 15-го ноября и постановилъ сообщить начальнику главнаго штаба, что со стороны суда не встрѣчается препятствій на продолженіе пребыванія ген. Фока въ селѣ Лысая Гора, Псковской губ., до 3-го октября 1907 года.

18-го сентября приказомъ по суду было объявлено, что

судебное засѣданіе по дѣлу начнется 27-го ноября, въ 10½ ч. утра и будетъ происходить въ большомъ залѣ офицерскаго собранія арміи и флота. Помѣщеніе это избрано было въ виду его обширности и готовности администраціи собранія отвести въ распоряженіе суда всѣ комнаты средняго этажа, въ которыхъ впослѣдствіи дѣйствительно свободно размѣстилось и большое количество свидѣтелей, и военно-прокурорскій надзоръ и судъ—для отдыха и совѣщаній. Залъ же вмѣстѣ съ хорами могъ вмѣстить около 600—700 человѣкъ, желавшихъ присутствовать на засѣданіи, которое долженствовало быть публичнымъ.

30-го сентября полученъ былъ судомъ изъ главнаго артиллерійскаго управленія „Отчетъ о дѣйствіи артиллеріи бывшей крѣпости Портъ-Артуръ въ минувшую войну съ Японіей“ (въ двухъ частяхъ), составленный ген.-м. Бѣлымъ во время бытности въ плѣну.

Что же касается книги огнестрѣльныхъ припасовъ, затребованной судомъ по телеграфу изъ Владивостока отъ ген. Бѣлаго, то оказалось, что таковой, общей для всего гарнизона Портъ-Артура, во время обороны установлено не было; шнуровыя же книги огнестрѣльныхъ припасовъ крѣпостной артиллеріи, артиллерійскаго магазина и полевыхъ батарей велись самостоятельно этими частями и за невозможностью вывезти ихъ изъ Артура были тамъ оставлены.

10-го октября главный военный прокуроръ увѣдомилъ судъ, что по докладѣ имъ временно управлявшему въ то время военнымъ министерствомъ ген.-лейт. Поливанову постановленій распорядительныхъ засѣданій суда отъ 3-го, 4-го и 22-го сентября относительно ходатайствъ подсудимыхъ и, въ частности, по всеподданнѣйшему ходатайству ген. Стесселя о вызовѣ просимыхъ имъ свидѣтелей за счетъ казны, управляющій военнымъ министерствомъ приказалъ 34 человѣка свидѣтелей, указанныхъ въ особомъ спискѣ, для обезпеченія ихъ явки въ судъ, вызвать въ Петербургъ ко дню судебнаго засѣданія *по дѣламъ службы*, съ вознагражденіемъ ихъ за явку не на основаніи 705 ст. в.-суд. уст., а по тому же расчету, который положеніемъ военнаго совѣта отъ 29-го сентября 1905 года установленъ былъ для лицъ, вызывавшихся въ С.-Петербургъ для допроса въ качествѣ

свидѣтелей слѣдственною комиссіей. На тѣхъ же основаніяхъ разрѣшено было вызвать въ Петербургъ и 12 человѣкъ изъ числа свидѣтелей, вызываемыхъ по дѣлу военно-прокурорскимъ надзоромъ, указанныхъ въ томъ же спискѣ [1]). Объ этомъ распоряженіи главный военный прокуроръ 19-го сентября сообщилъ Главному Штабу для надлежащихъ съ его стороны распоряженій.

Что же касается чиновъ флота, подлежавшихъ вызову въ судъ по ходатайству ген. Стесселя и проживавшихъ далѣе 300 верстъ по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга, то для обезпеченія ихъ явки, главный военный прокуроръ снесся съ морскимъ министромъ.

Въ дополненіе къ этому сообщенію, главный военный прокуроръ, *13-го октября*, увѣдомилъ судъ, что Военный Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 6-го октября утвердилъ представленіе Главнаго Штаба о выдачѣ 17-ти вызываемымъ въ судъ, личный допросъ которыхъ съ самаго начала призна-

---

[1]) По этому списку вызывались: *изъ Москвы*—г.-м. Горбатовскій, подполк. Галицинскій, подпор. Гринцевичъ и подполк. Карповъ; *изъ Кіева*: ген.-м. Третьяковъ, кап. Васильевъ и кап. Флоровъ; *изъ Ник.-Уссурійскаго*: подполк. Достоваловъ, пор. Васильевъ и кап. Сычевъ; *изъ Владивостока:* г.-м. Ирманъ, г.-м. Бѣлый, пор. Гаммеръ, шт.-кап. Ручьевъ, подполк. Жуковскій и кап. Зейцъ; *изъ Иркутска:* г.-м. Мехмандаровъ, полк. Лебединскій, пор. кн. Гантимуровъ, подпор. Писаревъ, капит. Мацкунасъ, шт.-кап. Кацъ и кап. Курдюковъ; *изъ Выборга:* ген. шт. подполк. Степановъ и кап. Андреевъ; *изъ Севастополя:* полк. Григоренко и шт.-кап. Шпиллеръ; *изъ Лодзи:* ген. шт. полк. Дмитревскій; *изъ Николаевска на Амурѣ:* полк. Гандуринъ; *изъ с. Спасскаго, Примор. обл.:* подполк. Блахинъ; *изъ Вильны:* шт.-кап. Аноевъ; *изъ уроч. Новокіевскаго*, Примор. обл.: кап. Шпаковскій и полк. Сейфулинъ; *изъ м. Пещанка*, близъ Читы: подполк. Музеусъ и подпор. Козинъ; *изъ г. Закатали:* полк. Сайчукъ; *изъ Ломжи:* полк. Бжозовскій; *изъ Вилькоміра:* пор. Садыковъ; *изъ Н.-Новгорода:* шт.-кап. Невельской; *изъ Пскова:* д-ръ, с. с. Кржевецъ; *изъ Смоленска:* кап. Студитовъ; *изъ с. Верхнеключи*, близъ Нерчинска: подполк. Бенуа; *изъ Одессы:* кап. Версе; *изъ Пултуска:* г.-м. Грязновъ; *изъ с. Кимильтей*, Балаганск. у., Иркутской губ.: подполк. Бончъ-Осмоловскій и *изъ Двинска:* полк. Верховскій. Такимъ образомъ, явка этихъ 46 челов. свидѣтелей, проживавшихъ далѣе 300 в. отъ Петербурга, признавалась военно-прокурор. надзоромъ и подсудимыми особенно настоятельною.

вался особо необходимымъ [1]), денежнаго довольствія въ слѣдующемъ размѣрѣ: суточныя деньги за все время командировки: 4 р. для генераловъ, 3 руб.—для штабъ-офицеровъ и 2 р.—для оберъ-офицеровъ; перевозочные документы (предложенія) на проѣздъ по жел. дорогѣ въ оба конца пути и квартирныя деньги по существующему въ воен. вѣдомствѣ положенію для чиновъ, командируемыхъ по службѣ. О распространеніи этого положенія Военнаго Совѣта на остальныхъ 29 человѣкъ главнымъ военнымъ прокуроромъ сдѣлано было сношеніе съ Главнымъ Штабомъ и послѣдній, *25-го октября*, увѣдомилъ, что положеніе это распространено на всѣхъ 46 человѣкъ, указанныхъ нами въ примѣчаніи [2]).

---

[1]) Гл. воен. пр-ръ еще 19-го сент. возбудилъ вопросъ объ обезпеченіи явки 12-ти своихъ свидѣтелей и 5-ти—со стороны подсудимыхъ, личный допросъ которыхъ, при разсмотрѣніи судомъ списковъ свидѣтелей, признавался особо необходимымъ. Это были: генералы Горбатовскій, Третьяковъ, Прманъ, Бѣлый, Мехмандаровъ, полковники Григоренко, Дмитревскій, Лебединскій, Гандуринъ, подполковники Достоваловъ, Степановъ, Галицинскій, Блахинъ, шт.-капит. Аноевъ, поруч. кн. Гантимуровъ и подпор. Гринцевичъ. Малый размѣръ установленнаго в.-суд. уставомъ вознагражденія признавался для многихъ изъ этихъ лицъ несоотвѣтствующимъ ни ихъ болѣе или менѣе высокому служебному положенію, ни расходамъ, вызываемымъ явкою въ судъ изъ отдаленныхъ мѣстностей.

[2]) Впослѣдствіи, когда по ходу судебнаго слѣдствія выяснилась продолжительность пребыванія свидѣтелей въ С.-Петербургѣ, по возбужденному нѣкоторыми изъ нихъ ходатайству объ увеличеніи вознагражденія за явку въ судебное засѣданіе, верховный военно-уголовный судъ, принимая во вниманіе, что расходы, вызываемые продолжительнымъ пребываніемъ въ С.-Петербургѣ одинаково обременительны, какъ для лицъ прибывшихъ изъ другихъ городовъ, отстоящихъ далѣе 300 в. отъ Петербурга, такъ и ближе этого разстоянія, самъ возбудилъ вопросъ о сравненіи всѣхъ иногородныхъ свидѣтелей въ размѣрѣ вознагражденія съ указанными выше 46-ю человѣками на основаніи положенія Военнаго Совѣта 6-го октября 1907 г. 8-го января 1908 года представленъ былъ еще списокъ 27-ми свидѣтелей, подлежавшихъ сравненію. Военный министръ призналъ справедливымъ уравнять—и на основаніи этой резолюціи, а также и разъясненія канцеляріи Военнаго Министерства, Главный Штабъ 29-го января 1908 г. увѣдомилъ судъ, что имъ сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ всѣмъ свидѣтелямъ по настоящему дѣлу денежнаго довольствія, согласно постановленія Военнаго Совѣта 6-го октября 1907 года.

12-го октября ген.-м. Рейсъ подалъ въ судъ два рапорта съ ходатайствами о допускѣ къ изученію дѣла второго избраннаго имъ себѣ защитника, присяж. повѣр. Квашнина-Самарина и объ истребованіи изъ военно-исторической комиссіи по описанію русско-японской войны документовъ— донесеній командировъ батарей и начальниковъ участковъ— о дѣятельности ввѣренныхъ имъ частей и о количествѣ боевыхъ припасовъ, имѣвшихся у нихъ къ моменту капитуляціи крѣпости.

„Изъ донесеній командировъ батарей и начальниковъ участковъ, писалъ ген. Рейсъ, будетъ видно, что они, начиная съ октября, неотступно просили о присылкѣ имъ снарядовъ, но послѣдніе имъ отпускали въ минимальной пропорціи, а въ декабрѣ прекратили отпускъ совсѣмъ, за исключеніемъ неразорвавшихся японскихъ 11-дюймовыхъ снарядовъ и тѣхъ, которые были выдѣланы въ мастерскихъ Портъ-Артура. Отчетъ же генер. Бѣлаго составленъ съ большими поправками и цифры, написанныя въ немъ, при невозможности провѣрить ихъ по первоисточнику, документамъ, являются голословными".

По сношеніи верховнаго военно-уголовнаго суда съ военно-исторической комиссіей изъ послѣдней получены были *25-го и 31-го октября* просимыя генер. Рейсомъ приложенія къ отчету ген. Бѣлаго: инструкціи, наставленія, вѣдомости, планы и разныя бумаги, относящіяся къ дѣйствію артиллеріи въ Портъ-Артурѣ.

16-го октября состоялось четвертое распорядительное засѣданіе суда, которымъ постановлено было: а) изъ числа внесенныхъ ген. Стесселемъ 450 руб. возвратить 270 рублей, въ виду отказа въ вызовѣ на его счетъ трехъ свидѣтелей и въ предоставленіи ему права пригласить трехъ въ судъ по добровольному съ ними соглашенію; б) допустить къ изученію дѣла прис. пов. Квашнина-Самарина и в) отказать свидѣтелю кап. Верде въ предварительномъ разрѣшеніи на неявку въ судъ, такъ какъ законныя причины таковой указаны въ законѣ и своевременно должны быть надлежащимъ порядкомъ удостовѣрены.

17-го октября генералъ Стессель обратился въ судъ съ прошеніемъ о вызовѣ еще двухъ свидѣтелей: капитана 1-й гренад. артил. бригады Гудима и поручика Михайловской

артиллеріи Безсалова, которые, по заявленію просителя, должны были удостовѣрить „стихійность“ послѣдняго штурма японцами крѣпости въ ночь на 20-е декабря и утромъ 20-го, „чѣмъ и подтверждается, писалъ ген. Стессель, мое убѣжденіе, что не вышли я парламентера, и наступленіе всей японской арміи привело бы къ рѣзнѣ на улицахъ, войсками, не остановившими свое наступленіе до $8^1/_2$ часовъ утра 20-го декабря и не пожелавшими слушать приказаніе офицеровъ остановить штурмъ вслѣдствіе начатыхъ переговоровъ“.

21-го октября онъ подалъ прошеніе о вызовѣ еще одного офицера—Выборгской мишной роты капитана Протасова для удостовѣренія того же обстоятельства.

26-го октября по этимъ ходатайствамъ состоялось пятое распорядительное засѣданіе суда. Выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, судъ постановилъ: съ цѣлью предоставленія подсудимому от. ген.-л. Стесселю всѣхъ средствъ къ оправданію и признавая, что обстоятельства, о которыхъ должны свидѣтельствовать просимые свидѣтели, могли быть ему неизвѣстны,—возстановить ген. Стесселю срокъ на вызовъ этихъ свидѣтелей и вызвать капитановъ Гудима и Протасова и поручика Безсалова.

20-го ноября состоялось шестое распорядительное засѣданіе суда, постановленіемъ котораго отст. ген.-лейт. Стесселю возвращена была, согласно его просьбѣ, остальная сумма представленныхъ имъ на вызовъ свидѣтелей денегъ, „въ виду того, что надобность въ расходѣ этихъ денегъ миновала“. За исключеніемъ трехъ человѣкъ (пшж.-полк. Крестинскаго, подполк. Павловскаго и тов. прокурора пограничнаго окруж. суда Азарова), которыхъ Стесселю предоставлено было пригласить въ судъ отъ себя, по добровольному съ ними соглашенію, всѣ остальные вызываемые имъ съ разрѣшенія суда свидѣтели оказались вызываемыми за счетъ казны, какъ бы по дѣламъ службы.

22-го ноября верховный военно-уголовный судъ обратился къ начальнику Главнаго Штаба и начальнику Генеральнаго Штаба съ просьбою сдѣлать распоряженія о прибытіи состоящихъ въ ихъ распоряженіи подсудимыхъ ген.-лейтенантовъ Смирнова и Фока и ген.-м. Рейса въ судебное засѣданіе къ

10½ час. утра 27-го числа того же мѣсяца. Подсудимому отставному ген.-лейт. Стесселю повѣстка о прибытіи въ судъ вручена была черезъ С.-Петербургскаго градоначальника *25-го ноября.*

23-го ноября всѣмъ подсудимымъ объявленъ былъ списокъ судей и военнаго прокурора, участвующихъ въ судебномъ засѣданіи, и разъяснены смыслъ 770 — 773 ст. ст. воен.-суд. устава, опредѣляющихъ условія отвода кого-либо изъ нихъ.

Уже послѣ сего, за четыре дня до открытія судебнаго засѣданія, отст. ген.-л. Стессель обратился въ судъ съ новымъ ходатайствомъ о вызовѣ еще нѣсколькихъ свидѣтелей (кап. Шевцова и врачей Александрова и Кочетова) и объ истребованіи изъ военно-исторической комиссіи по описанію русско-японской войны цѣлаго ряда документовъ: „медицинскаго“ и „артиллерійскаго“ дѣлъ штаба крѣпости Портъ-Артуръ, медицинской книги о заболѣвшихъ и раненыхъ и „дневника обороны генерала Кондратенко“, а изъ главнаго инженернаго управленія—докладовъ ген. Кондратенко отъ 16-го и 21-го января 1904 г., „о полной неготовности крѣпостныхъ укрѣпленій“ и „о необходимости устранвать форты западнаго фронта и доканчивать постройки восточнаго“.

„Дневнику обороны ген. Кондратенко“ ген. Стессель, какъ видно изъ его прошенія, придавалъ чрезвычайно важное значеніе.

„Это есть дневникъ обороны, писалъ онъ, веденный подъ руководствомъ великаго человѣка до самой смерти и могущій показать, сколько куда назначалось рабочихъ, по чьему распоряженію возводились постройки и какія мѣры принимались мною для созданія второй и третьей линій обороны. Изъ этого дневника судъ увидитъ, что я исчерпалъ всѣ силы обороны, чтобы создавать искусственныя препятствія непріятелю, и если въ чемъ не успѣлъ, то причиной этого была Божья воля—сильное переутомленіе людей, обиліе раненыхъ и больныхъ и страшная цынга... Нельзя говорить о средствахъ обороны, не ссылаясь на дневникъ обороны, да еще какой дневникъ, веденный подъ руководствомъ такого дѣятеля, какимъ былъ покойный Р. И. Кондратенко“.

Читателямъ уже извѣстно, что дневникъ этотъ и всѣ приложенія къ нему были осмотрѣны производившимъ слѣд-

ствіе д. т. с. Быковымъ и признаны не имѣющими ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ дѣлу, а подробный протоколъ этого осмотра составилъ 32-е приложеніе къ дѣлу.

Доклады ген. Кондратенко объ осмотрѣ имъ крѣпостныхъ верковъ должны были опровергнуть обвиненіе, предъявленное просителю, въ подчиненіи имъ этому генералу инженеровъ, и доказать цѣлесообразность этого распоряженія.

„Постигнувъ скоро, писалъ въ объясненіе этого ходатайства ген. Стессель, что въ генералѣ Кондратенко я имѣю не заурядnаго помощника, а крупную военную силу, я поручилъ ему приводить крѣпость въ надлежащую боевую готовность, сдѣлавъ его главнымъ распорядителемъ крѣпостныхъ построекъ въ Портъ-Артурѣ. Насколько плодотворна была дѣятельность ген. Кондратенко и насколько подчиненіе ему инженерныхъ работъ соотвѣтствовало потребности времени, доказываетъ, кромѣ всей послѣдующей дѣятельности генер. Кондратенко, и благодарность ген. Линевича за это, объявленная мною въ приказѣ отъ 28-го февраля 1904 г. за № 160... Къ сказанному добавлю, что истребованіе названныхъ документовъ сниметъ съ вопроса о подчиненіи ген. Кондратенко инженеровъ ту обидную окраску, которая, въ силу невыясненнаго положенія вещей, имѣется теперь, объяснивъ не отсутствіемъ знаній, не какими-либо позорящими причинами, а чисто историческимъ путемъ, подчиненіе ген. Кондратенко инженеровъ, которые въ громадномъ большинствѣ являлись честными, неутомимыми и многополезными слугами Государя и отечества, создавъ безпримѣрную въ военной исторіи оборону Портъ-Артура подъ руководствомъ военнаго генія Портъ-Артура, окончившаго курсъ въ инженерной академіи и въ академіи Генеральнаго Штаба, генерала Кондратенко“.

„Медицинское дѣло“ и „медицинская книга о заболѣвшихъ и раненыхъ“ должны были дать документальныя свѣдѣнія о наличномъ составѣ гарнизона. Доктора Кочетовъ и Александровъ долженствовали подтвердить, что всѣ свѣдѣнія въ вышеупомянутой книгѣ собраны въ силу приказанія ген. Стесселя со всѣхъ частей.

„Артиллерійское дѣло“ и показаніе кап. Шевцова долженствовали точно установить число снарядовъ ко дню капитуляціи Артура.

„Въ обвинительномъ актѣ, писалъ ген. Стессель, упомянуто со словъ ген. Бѣлаго, генераломъ Мехмандаровымъ, что снарядовъ сдано 200,000. Въ настоящее время въ отчетѣ ген. Бѣлаго цифра эта возросла до 240,000... Въ вѣдомости отъ 19-го декабря, скрѣпленной

ген. Бѣлымъ и капитаномъ Шевцовымъ, число снарядовъ указано 31,845".

Къ своему прошенію ген. Стессель приложилъ копіи своихъ приказаній по Квантунскому укрѣпленному раіону: №№ 53 и 54 отъ 3-го сентября и 22-го октября 1904 г.—о представленіи всѣми безъ исключенія лечебными заведеніями крѣпости рапортичекъ о числѣ больныхъ крѣпостному врачу Рябинину, и №№ 72, 75, 79, 85 и 87 — о слабосильныхъ командахъ и о сосредоточеніи отчетности о нихъ у того же врача Рябинина.

Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ ходатайствъ 24-го ноября 1907 г. состоялось седьмое—и послѣднее—распорядительное засѣданіе суда.

Выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора ген.-лейт. Гурскаго, верховный военно-уголовный судъ постановилъ: за пропускомъ ген. Стесселемъ срока на вызовъ свидѣтелей и истребованіе необходимыхъ ему документовъ, въ ходатайствѣ его отказать, тѣмъ болѣе, что показанія просимыхъ къ вызову свидѣтелей, а также указанные документы не имѣютъ существеннаго значенія по дѣлу.

Теперь контингентъ свидѣтелей, вызывавшихся въ судъ къ личному допросу, можно было считать окончательно установленнымъ и потому приводимъ алфавитный имъ списокъ.

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
1.	Товар. прок. Пограничнаго окруж. суда *Азаровъ*.	Харбинъ.	Стессель.	
2.	Выборгск. крѣп. арт. кап. *Андреевъ*.	Выборгъ.	„	
3.	27-й арт. бриг. кап. *Аноевъ*.	Вильна.	Стессель и Смирновъ.	
4.	Отст. полк. *Артемьевъ*.	Харбинъ.	Смирновъ.	
5.	Об. Егерм. Дв. Его Величества д. с. с. *Балашевъ*.	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
6.	4-й В.-Сиб. стрѣлк. арт. бриг. подполковн. *Бенуа*.	с. Верхнеключи (бл. Нерчинска).	Стессель.	

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
7.	Михайловской крѣп. арт. поруч. *Безсаловъ.*	Батумъ.	Стессель.	
8.	Командиръ 5-го В.-Сиб. морт. арт. парк. див. подполк. *Блажинъ.*	с. Спасское (Приморской обл).	„	
9.	3-го В.-Сиб. морт. арт. дивиз. подполк. *Бончъ-Осмоловскій.*	с. Кимельтей (Балаганскаго уѣзда, Иркутской губер.).	„	
10.	Командиръ Ломжинской крѣп. арт. полк. *Бжозовскій.*	Ломжа.	„	
11.	5-го В.-Сиб. стрѣлк. п. подполк. *Бѣлозоръ.*	Никольскъ-Уссурійскій.	Фокъ.	
12.	Командиръ Владивостокской крѣп. артиллеріи ген.-м. *Бѣлый.*	Владивостокъ.	Гл. военный Прокур.	
13.	5-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Васильевъ.*	Никольскъ-Уссурійскій.	Стессель.	
14.	3-го осад. арт. п. кап. *Васильевъ.*	Кіевъ.	„	
15.	Финляндскаго арт. п. шт.-кап. *Васильевъ.*	С.-Петербургъ.	„	
16.	Инж.-кап. *Версе.*	Одесса.	„	
17.	99-го пѣх. Ивангородскаго п. полк. *Верховскій.*	Двинскъ.	„	
18.	Бывшій Гражд. Ком. Квантун. обл. Подполк. *Вершининъ.*	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
19.	Главный командиръ Черноморскаго флота к.-адм. *Виренъ.*	Севастополь.	„	
20.	Лейт. *Витгефтъ* 2.	Либава.	„	
21.	Владивостокск. крѣп. арт. шт.-кап. *Вознесенскій.*	Владивостокъ.	Смирновъ.	
22.	1-го л.-гренад. Екатеринославскаго п. подп. *Галишинскій.*	Москва.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
23.	26-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Гаммеръ*.	Владивостокъ.	Смирновъ.	
24.	Комендантъ кр. Николаевскъ на Амурѣ полк. *Гандуринъ*.	Николаевскъ-на-Амурѣ.	Стессель и Рейсъ.	
25.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. кн. *Гантимуровъ*.	Иркутскъ.	Стессель.	Спрошенъ при слѣдствіи.
26.	Механическ. мастеръ *Гладовъ*.	Свеаборгъ.	„	
27.	Ген. шт. подполк. *Голованъ*.	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
28.	Начальникъ Алексѣевскаго воен. училища ген.-м. *Горбатовскій*.	Москва.	„	
29.	Инж.-полк. *Григоренко*.	Севастополь.	„	
30.	Команд. порта Императора Александра III к.-адм. *Григоровичъ*.	Либава.	„	
31.	23-й арт. бриг. поруч. *Грибовскій*.	Гатчина.	Стессель и Фокъ.	
32.	Командиръ 2-й бриг. 8-й пѣх. див. ген.-м. *Грязновъ*.	Пултускъ.	Стессель и Рейсъ.	
33.	1-го л.-грен. Екатеринославскаго п. подпор. *Гринцевичъ*.	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
34.	Ген. шт. подполковн. *Гурко*.	С.-Петербургъ.	„	Спрошенъ при слѣдствіи.
35.	Ст. ординаторъ Николаевскаго воен. госп. д. с. с. *Гюббенетъ*.	„	Стессель.	
36.	1-й грен. арт. бриг. кап. *Гудимъ*.	Москва.	„	
37.	18-го сап. бат. шт.-кап. *Дебогорій-Мокріевичъ*.	С.-Петербургъ.	„	Спрошенъ при слѣдствіи.
38.	Ген. шт. полковникъ *Дмитревскій*.	Лодзь.	Гл. военный Прокур.	
39.	Корпусн. интендантъ 1-го Сиб. арм. корпуса подполк. *Достоваловъ*.	Никольскъ-Уссурійскій.	„	Спрошенъ при слѣдствіи.
40.	Мастеръ Петръ *Дылевскій*.	С.-Петербургъ.	Стессель.	

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
41.	171-го пѣх. Кобринск. п. шт.-кап. *Ерофѣевъ.*	Гродна.	Смирновъ.	
42.	3-го сап. бат. полк. *Жеребцовъ.*	Вильна.	„	
43.	Владивостокск. крѣп. арт. подполк. *Жуковскій.*	Владивостокъ.	Стессель.	
44.	Инж.-подполк. *Заборовскій.*	„	„	
45.	Инж.-подполк. *Затурскій.*	С.-Петербургъ.	„	
46.	Владивостокск. крѣп. арт. подполк. *Зейцъ.*	Владивостокъ.	„	
47.	Мл. врачъ Л.-Гвард. Драгунскаго п. *Ивановъ.*	Петергофъ.	„	
48.	Комендантъ Владивостокской крѣп. ген.-м. *Ирманъ.*	Владивостокъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
49.	Исп. об. ст-ка канцеляріи Высочайше учрежд. совѣщанія для разсмотрѣнія претензій къ воен. вѣд. шт.-кап. *Калининъ.*	С.-Петербургъ.	Стессель.	
50.	221-го пѣх. Троицко-Сергіевскаго п. подполк. *Карповъ.*	Москва.	„	
51.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Кватцъ.*	Иркутскъ.	„	
52.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. шт.-кап. *Кишинскій.*	м. Пещанка (бл. Читы).	Фокъ.	
53.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. подпор. *Козинъ.*	„	Стессель.	
54.	Воен. судья Кіевскаго в.-окружн. суда ген.-маіоръ *Костенко.*	Кіевъ.	Смирновъ.	
55.	5-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Костюшко-Валюжиничъ.*	С.-Петербургъ.	Стессель.	
56.	Дивизіонн. врачъ 24-й пѣх. див. с. с. *Кржевецъ.*	Псковъ.	„	
57.	Кап. 1-го р. *Криницкій.*	С.-Петербургъ.	„	
58.	Инж.-пол. *Крестинскій.*	Кіевъ.	„	

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
59.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Курдюковъ.*	Иркутскъ.	Стессель и Фокъ.	
60.	Помощникъ командира Азовскаго порта *Куриловъ.*	Азовъ.	Стессель.	
61.	Ген.-адъют. *Куропаткинъ*	Ус. Шешурино (Пск. губ.).	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
62.	К.-адм. *Лашинскій.*	С.-Петербургъ.	„	
63.	Коман. 25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. *Лебединскій.*	Иркутскъ.	„	
64.	Капитанъ 2-го ранга *Лепко.*	Севастополь.	Стессель.	
65.	18-го сап. бат. поруч. *Линденвальдъ.*	С.-Петербургъ.	„	Спрошенъ при слѣдствіи.
66.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Лофицкій.*	„	„	
67.	Лейт. *Максимовъ.*	„	„	
68.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Мацкунасъ.*	Иркутскъ.	„	
69.	Нач. арт. 3-го Сиб. арм. корп. ген.-маіоръ *Мехмандаровъ.*	„	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
70.	Нач. Саратов. губ. жандарм. управл. полк. кн. *Микеладзе.*	Саратовъ.	Смирновъ.	
71.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. подпор. *Музалевскій.*	С.-Петербургъ.	Фокъ.	
72.	16-го В.-Сиб. стрѣлк. п. подпол. *Музеусъ.*	м. Пещанка (бл. Читы).	Стессель.	
73.	Членъ Александровскаго комитета о раненыхъ генер.-лейт. *Надѣинъ.*	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
74.	Нач. арт. 1-го арм. корпуса генералъ-лейт. *Никитинъ.*	„	„	
75.	Нижегородскаго графа Аракчеева кад. корп. шт.-кап. *Невельскій.*	Нижн.-Новгородъ.	Стессель.	
76.	От. ген.-м. *Некрашевичъ-Покладъ.*	Кіевъ.	Фокъ и Рейсъ.	Спрошенъ при слѣдствіи.

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
77.	Дворянинъ *Ножинъ.*	С.-Петербургъ.	Смирновъ.	
78.	Ген. шт. подполковн. *Одинцовъ.*	„	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
79.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Орелъ.*	„	Фокъ.	
80.	5 го В.-Сиб. стрѣлк. п. подполк. *Павловскій.*	Никольскъ-Уссурійскій.	Стессель.	
81.	28-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Падейскій.*	Иркутскъ.	Фокъ.	
82.	От. ген.-м. *Петруша.*	Ялта.	Стессель и Рейсъ.	
83.	26-го В.-Сиб. стрѣлк. п. поднор. *Писаревъ.*	Иркутскъ.	Стессель.	
84.	Лейт. *Подгурскій.*	Либава.	„	
85.	Нач. Выборгск. станціи искрового телеграфа кап. *Протасовъ.*	Выборгъ.	„	
86.	13-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Ратайскій.*	м. Пещанка (бл. Читы).	Фокъ.	
87.	Инж.-кап. *Родіоновъ.*	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
88.	Врачъ *Розановъ.*	Харбинъ.	Стессель.	Спрошены при слѣдствіи.
89.	Ген. шт. подполковн. *Романовскій.*	Свеаборгъ.	Гл. военный Прокур.	
90.	Лейт. *Ромашовъ.*	Кронштад.	Стессель и Смирновъ.	
91.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. пор. *Руссау.*	м. Пещанка (бл. Читы).	Фокъ.	
92.	3-го Владивостокскаго крѣп. арт. п. шт.-кап. *Ручьевъ.*	Владивостокъ.	Стессель.	
93.	Корп. врачъ 3-го арм. корп. д. с. с. *Рябининъ.*	Вильна.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
94.	79-го пѣх. Куринскаго п. полк. *Сайчукъ.*	Закаталы.	Стессель.	
95.	45-й арт. бриг. пор. *Садыковъ.*	Вилькоміръ.	„	
96	Св. Его Величества ген.-м. *Семеновъ.*	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
97.	Ком. 6-го В.-Сиб. стрѣлк. п. полк. *Сейфулинъ.*	Уроч. Ново-Кіевское (Приморской обл.).	Стессель.	
98.	Чиновникъ *Серебренниковъ.*	С.-Петербургъ.	»	
99.	Кронштадтской крѣп. арт. шт.-кап. *Соломоновъ.*	Кронштад.	»	Спрошенъ при слѣдствіи.
100.	14-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Сойлановъ.*	м. Пещанка (бл. Читы).	Фокъ.	
101.	Нач. Штаба Выборгской крѣпости ген. шт. подполк. *Степановъ.*	Выборгъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
102.	От. ген.-м. *Стольниковъ.*	С.-Петербургъ.	»	
103.	3-го пѣх. Нарвскаго п. кап. *Спудитовъ.*	Смоленскъ.	Стессель.	
104.	5-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Сычевъ.*	Никольскъ-Уссурійскій.	»	
105.	От. ген.-м. *Трынтовіусъ.*	С.-Петербургъ.	»	
106.	Нач. 3-й сап. бриг. ген.-м. *Третьяковъ.*	Кіевъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
107.	Пом. пр. воен.-морск. суда въ Кронштадтѣ кап. *Твердый.*	Кронштад.	Стессель.	
108.	Коллежск. совѣтникъ *Успенскій.*	С.-Петербургъ.	Гл военный Прокур.	Спрошенъ при слѣдствіи.
109.	142-го пѣх. Звенигородскаго полк. подпор. *Ушаковъ.*	Орелъ.	Фокъ.	
110.	168-го пѣх. Миргородскаго. п. кап. *Флоровъ.*	Кіевъ.	Стессель.	
111.	Ген. шт. полковникъ *Хвостовъ.*	С.-Петербургъ.	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
112.	Инж.-подполк. фонъ *Шварцъ.*	»	»	
113.	Капитанъ 2 р. *Шельтингъ.*	Кронштад.	Стессель.	

№№ по порядку.		Мѣсто службы или жительства.	Кто вызываетъ.	
114.	27-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Шпаковскій.*	Уроч. Ново-Кіевское (Приморской обл.).	„	
115.	Севастопольск. крѣп. арт. шт.-кап. *Шпиллеръ.*	Севастополь.	„	
116.	Отставной хорунжій *Штенгеръ.*	С.-Петербургъ.	Смирновъ.	
117.	К.-адм. *Щенсновичъ.*	„	Гл. военный Прокур.	Спрошены при слѣдствіи.
118.	Св. Его Величества к.-адм. фонъ-*Эссенъ.*	Кронштадтъ.	„	
119.	Отставн. кондукторъ *Яновъ.*	С.-Петербургъ.	„	
120.	4-й В.-Сиб. стр. арт. бриг. кап. *Ясенскій.*	„	Стессель и Фокъ.	

Не подлежали вызову къ личному допросу, спрошенные при слѣдствіи:

№№ по порядку.		Кто вызывалъ.	Мѣсто службы или житель-
1.	25-го В.-Сиб. стрѣлк. п. кап. *Акимовъ.*	Гл. военный Прокур.	Иркутскъ.
2.	3-го Западно-Сиб. стрѣлк. бат. подполк. *Дю-Вернуа.*	Смирновъ.	г. Вѣрный.
3.	Владивостокск. крѣп. арт. кап. *Мошинскій.*	Стессель.	Владивостокъ.
4.	Дивиз. врачъ 1-й В.-Сиб. стр. дивизіи д. с. с. *Субботинъ.*	Гл. военный Прокур.	Никольскъ-Уссурійскій.
5.	Воен. слѣдователь Приамурск. воен. окр. полк. *Тыртовъ.*	„	Владивостокъ

Еще 8-го ноября отъ канцеляріи верховнаго военно-уголовнаго суда было объявлено черезъ петербургскія газеты во всеобщее свѣдѣніе, что судебное засѣданіе суда по дѣлу объ отст. ген.-лейт. Стесселѣ, генер.-лейтенантахъ Фокѣ и Смирновѣ и ген.-м. Рейсѣ откроется 27-го ноября, въ 11 ч. утра, въ помѣщеніи собранія арміи и флота (Кирочная, 1).

„Хотя разсмотрѣніе дѣла—гласило объявленіе—и будетъ происходить при открытыхъ дверяхъ, однако, въ интересахъ порядка какъ въ самомъ судѣ, такъ и въ остальныхъ помѣщеніяхъ офицерскаго собранія, дѣятельность котораго во все время слушанія дѣла не должна ничѣмъ нарушаться, допускъ лицъ, желающихъ присутствовать въ судебномъ засѣданіи верховнаго военно-уголовнаго суда, будетъ производиться по билетамъ, выдаваемымъ изъ канцеляріи суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ предваряется, что число мѣстъ, отводимыхъ по этимъ билетамъ для публики, не можетъ быть большимъ, такъ какъ значительная часть ихъ, по ходатайству военнаго начальства, будетъ предоставлена офицерамъ частей войскъ и военныхъ управленій округа и отдѣльнымъ лицамъ, для которыхъ по ихъ служебному положенію настоящій процессъ представляетъ особый спеціальный интересъ и поучительность“.

По предварительному сношенію съ штабомъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа для послѣднихъ было отведено 300 мѣстъ (изъ 500—600) частью на хорахъ, частью въ самомъ залѣ.

Въ распоряженіе суда предоставленъ былъ для поддержанія порядка усиленный нарядъ чиновъ С.-Петербургскаго комендантскаго управленія (комендантскій штабъ-офицеръ и два комендантскихъ адъютанта), а въ помощь имъ, сверхъ дежурнаго по суду оберъ-офицера, наряжались ежедневно еще четыре строевыхъ оберъ-офицера съ 8-ю унтеръ-офицерами. Почетный караулъ при судѣ былъ также усиленнаго состава.

На канцелярскія и мелочныя хозяйственныя надобности въ распоряженіе суда, по приказанію военнаго министра, изъ кредита канцеляріи военнаго министерства, былъ отпущенъ особый авансъ въ 500 рублей.

Послѣднія распоряженія были сдѣланы.

IV.

Судъ.

I. 27-е ноября 1907 г.—засѣданіе 1-е.

Открытіе засѣданія. — Повѣрка свидѣтелей. — Допускъ къ допросу новыхъ свидѣтелей. — Чтеніе обвинительнаго акта.

Съ ранняго утра 27-го ноября обширный вестибюль, лѣстницы и столовыя офицерскаго собранія арміи и флота были полны многочисленными свидѣтелями по дѣлу, — доблестными защитниками Портъ-Артура — и избранною публикою Петербурга, впускаемой по билетамъ, тщательно контролируемымъ комендантскими адъютантами и ихъ помощниками, офицерами гвардіи. У каждой двери, ведущей въ залъ суда, помѣщенія для судей и свидѣтелей—молодцоватые гвардейскіе унтеръ-офицеры.

Почетный караулъ выстроился шпалерами вдоль перваго марша лѣстницы, на нижней площадкѣ.

Въ публикѣ оживленные разговоры. Вспоминаютъ Артуръ и то напряженное біеніе народнаго сердца, съ которымъ ожидались и читались вѣсти оттуда.

Когда-то все это было „народною гордостью“ и вызывало искреннее умиленіе, восторгъ, готовность помочь, чѣмъ можно,—и чѣмъ можно поддержать, среди нечеловѣческихъ страданій и усилій обороны, духъ бойцовъ.

Съ любопытствомъ вглядываются въ лица тѣхъ, кто уцѣлѣлъ и пришелъ сюда свидѣтельствовать о томъ „по чистой совѣсти“, какъ все это было...

И они сами,—украшенные орденами, отмѣченные ранами, взволнованные, возбужденные и, какъ будто, недоумѣвающіе...

Думали ли они *тамъ*, среди ужасовъ смерти и страданія, отстаивая созданную ими на-спѣхъ *твердыню* русскаго могущества, что ихъ великое дѣло завершится на судѣ, ихъ подвиги станутъ предметомъ судебнаго изслѣдованія, ихъ вожди, недавніе „народные герои“ предъ лицомъ этой изыскапной, чиновной и элегантной публики, предъ лицомъ всего міра, который слѣдитъ за ними глазами и ушами сотрудниковъ газетъ всѣхъ странъ, — взойдутъ на скамью подсудимыхъ, и она, а не гранитъ, не мраморъ, не металлъ, станетъ отнынѣ пьедесталомъ ихъ памяти въ потомствѣ.

Ждутъ и ищутъ глазами и ихъ, — теперь „героевъ процесса“, а недавно „народныхъ героевъ“...

Спорятъ уже теперь, страстно и безтолково, объ ихъ винѣ и невиновности... Говорятъ о превратностяхъ человѣческой судьбы, вознесшей безвѣстнаго, заурядпаго армейскаго офицера, съ головокружительной быстротой, на вершину славы, извѣстности, почестей, — окружившей его ореоломъ вѣковой чести и доблести арміи, спасителя народнаго дѣла — и вдругъ разбившей всѣ его мечты о почетной будущности, низвергнувшей въ пучину безславія, позора суда и тяжкихъ обвиненій предъ арміей, народомъ, государствомъ.

И вотъ они появляются, окруженные близкими имъ людьми съ печальными, взволнованными лицами, съ поникшими, подавленными взорами, — и защитниками, озабоченными и волнующимися предъ тяжестью задачи, взятой на себя.

Вотъ Стесселъ — крупная, массивная фигура, плотный, коренастый, съ краснымъ лицомъ, „неладно скроенный, но крѣпко сшитый“ — и отъ того какъ бы не павшій духомъ предъ несчастьемъ, съ вѣрою въ свою невиновность, которую онъ готовъ отстаивать предъ всякимъ, кто подходитъ къ нему,—грубыми, рѣзкими, короткими фразами... Онъ въ черномъ сюртукѣ, съ орденами св. Георгія на шеѣ и въ петлицѣ, съ палкою въ рукѣ.

Вотъ Фокъ,—прозванный „злымъ геніемъ Артура“, худо-

щавый старикъ, съ нервнымъ лицомъ, выдающимъ все его душевное волненіе, подвижной, но молчаливый...

Вотъ Рейсъ — высокій, такой же какъ Стессель — массивный, съ крупными чертами потемнѣвшаго отъ внутреннихъ страданій лица.

И, наконецъ, Смирновъ — съ сѣдой головой, сѣдой бородой, съ сѣдыми же лихо закрученными усами — и моложавымъ лицомъ, на которомъ горятъ небольшіе, но живые глаза. И онъ, видимо, волнуется...

Въ 10 часовъ открываются двери суда. Высокій, двусвѣтный, бѣлый залъ собранія арміи и флота быстро наполняется публикою — внизу и наверху, на хорахъ. Подсудимые, съ своими защитниками, проходятъ къ своимъ мѣстамъ отдѣльно, лѣвой колоннадой, члены суда — правой, чрезъ парадную гостиную... За небольшимъ столомъ, слѣва у эстрады для суда садятся представители печати.

Сперва количество ихъ пытались ограничить и подчинили ихъ цензурѣ. Но затѣмъ, очень скоро рамки гласности были раздвинуты — и почти всѣ органы петербургской печати имѣли всегда въ залѣ суда своихъ представителей... Были также корреспонденты московскихъ, провинціальныхъ и заграничныхъ изданій... [1])

11 часовъ, — по звонка, возвѣщающаго о томъ, что судъ сейчасъ выйдетъ, еще нѣтъ. Секретари спѣшно повѣряютъ, кто изъ свидѣтелей прибылъ.

---

[1]) Насколько намъ извѣстно, были представители слѣдующихъ газетъ: *петербургскихъ:* „Нов. Вр.“, „Рѣчь“, „Слово“, „Товарищъ“, „Бирж. Вѣд.“, „Русь“, „Петерб. Газ.“, „Петерб. Листокъ“, „Сегодня“, „С. Петерб. Вѣд.“, „Россія“, „Рус. Инв.“, „Рус. Чтеніе“, „Вѣстн. Финансовъ“, „Kraj“, „St.-Petersb. Herold“, „St.-Petersb. Zeitung“, „St.-Petersb. Politischen Correspondenz“; *московскихъ:* „Русское Слово“, „Голосъ Москвы“, „Рус. Вѣд.“; *заграничныхъ:* „Frankfurter Zeitung“ „Vossische Zeitung“. „Neue Freie Presse“, „Berliner Local-Anzeiger“ „The Tribune“, New-York Times“, „Le Petit Parisien“, „The Manchester Gardian“, „The Associated Presse of America“, „The Standard“; С.-Петерб. Телеграфн. Агентства и агентства „Рейтеръ“. Среди представителей печати былъ авторъ извѣстной въ русскомъ переводѣ книги „Великая осада“, м-ръ Норригардъ, бывшій военный корреспондентъ при японской арміи подъ Портъ-Артуромъ. Была допущена также группа частныхъ стенографовъ.

Наконецъ, все кончено. Въ 11 ч. 15 мин. раздается звонокъ и обычный возгласъ — „судъ идетъ“!

Всѣ встаютъ.

На эстраду медленно поднимаются судьи и занимаютъ свои мѣста. На предсѣдательскомъ креслѣ — ген.-отъ-инф. Дукмасовъ; справа отъ него — ген.-отъ-инф. Водаръ, ген.-отъ-кав. бар. Бильдерлингъ, ген.-отъ-инф. Аникѣевъ и ген.-лейт. Саранчевъ; слѣва — ген.-лейт. бар. Остенъ-Сакенъ, ген.-отъ-инф. Гончаровъ, ген.-отъ-инф. Мыловъ, ген.-лейт. Щербовичъ-Вечоръ и ген.-лейт. Рузскій. За прокурорскимъ столомъ — ген.-лейт. Гурскій, на мѣстахъ для подсудимыхъ — ближе къ суду — отст. ген.-л. Стессель, рядомъ — ген.-м. Рейсъ, далѣе ген.-лейт. Фокъ; между нимъ и ген.-л. Смирновымъ — защитникъ послѣдняго, кап. 2-го ранга фонъ-Шульцъ. Защитники остальныхъ подсудимыхъ впереди, за столиками — прис. пов. Сыртлановъ, подполков. Вельяминовъ, пом. прис. пов. Нечаевъ и от. ген.-лейт. Домбровскій [1]); за секретарскимъ столомъ — полк. Апушкинъ, подполк. Вишняковъ и надв. сов. Соколовскій.

Въ креслахъ за судомъ — нѣсколько старшихъ генераловъ, членовъ Государств. Совѣта и Госуд. Думы и сенаторовъ.

Воцаряется тишина.

Генералъ Дукмасовъ открываетъ засѣданіе словами:

— Объявляю верховный военно-уголовный судъ открытымъ. Разсмотрѣнію суда подлежитъ дѣло о противозаконныхъ поступкахъ начальствовавшихъ въ Портъ-Артурѣ лицъ, которые привели къ непочетному для доблестнаго гарнизона и унизительному для Россіи заключенію капитуляціи....

Затѣмъ слѣдуетъ опросъ подсудимыхъ — объ ихъ имени, возрастѣ, исповѣданіи и о томъ, получили ли они копіи обвинительнаго акта и списокъ судей.

Въ залъ суда приглашаются свидѣтели... Во главѣ ихъ идетъ бывшій военный министръ и главнокомандующій нашими арміями на Дальнемъ Востокѣ ген.-адъютантъ Куропаткинъ...

---

[1]) Второй защитникъ ген. Рейса—прис. пов. Квашнинъ-Самаринъ на этомъ засѣданіи не присутствовалъ.

Предсѣдатель выкликаетъ ихъ по списку и затѣмъ секретарь докладываетъ суду справку о причинахъ неявки нѣкоторыхъ свидѣтелей.

— Не прибыли: отст. полк. Артемьевъ — за дальностью разстоянія; об.-егермейстеръ Балашевъ — по болѣзни (простуда); кап. Версе — по болѣзни жены; подполк. Зейцъ и ген.-м. Ирманъ — по служебнымъ обстоятельствамъ; подполковникъ, нынѣ полковникъ въ отставкѣ, Карповъ — по болѣзни (параличъ правой руки и ноги); ген.-л. Надѣинъ — по болѣзни (склерозъ и суставной ревматизмъ [1]); подпоруч. Писаревъ — не розысканъ, въ 26-мъ в.-сиб. стр. полку, куда по указанію ген. Стесселя направленъ былъ вызовъ, его не оказалось; д. с. с. д-ръ Рябинишъ — по служебнымъ обстоятельствамъ; от. ген.-м. Трентовіусу повѣстка не вручена въ виду его нахожденія за границею; подполк. Ушаковъ, ошибочно названный по свѣдѣніямъ подсудимаго ген. Фока — подпоручикомъ, — по служебнымъ обстоятельствамъ; отст. хорунж. Штенгеръ не розысканъ, д-ру Розанову, служащему въ Харбинѣ, въ управленіи китайской восточной жел. дороги, повѣстка вручена, о причинѣ же неприбытія свѣдѣній не имѣется.

Итого — изъ 154-хъ человѣкъ свидѣтелей не прибыло тринадцать.

Прокуроръ находилъ возможнымъ продолжать слушаніе дѣла въ ихъ отсутствіе. Защита подсудимыхъ не протестовала, но сдѣлала рядъ заявленій.

Защитникъ ген. Стесселя, прис. пов. Сыртлановъ, просилъ допустить къ свидѣтельству находившихся въ залѣ суда отст. полк. Малыгина, капитановъ Дунина-Слѣпця и Булгакова, поручиковъ Яфимовича и Кальнина и врачей Александрова и Кочетова.

Второй защитникъ ген. Стесселя, подполк. Вельяминовъ, поддерживая это ходатайство, возражалъ противъ мнѣнія представителя обвиненія, признавшаго показаніе врача Розанова несущественнымъ, и просилъ таковое впослѣдствіи огласить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ истребовать для

---

[1]) 1-го января 1908 г., т. е. еще во время разсмотрѣнія дѣла ген. Надѣинъ скончался.

приложенія къ дѣлу комплектъ №№ газеты „Новый Край“, изданіе которой было пріостановлено Стесселемъ въ виду ея вредной дѣятельности.

Защитникъ ген. Фока, отст. ген.-л. Домбровскій, признавая личный допросъ ген. Надѣина очень важнымъ, просилъ судъ повторить ему вызовъ для личной явки на случай, если ген. Надѣинъ получитъ облегченіе отъ болѣзни.

Защитникъ ген. Рейса, пом. прис. пов. Нечаевъ, поддерживалъ ходатайство защиты ген. Стесселя о допросѣ новыхъ свидѣтелей, находившихся въ залѣ суда:

Защитникъ ген. Смирнова, кап. 2-го ранга фонъ-Шульцъ, ходатайствовалъ объ оглашеніи показанія ген. Ирмана и о допросѣ отст. полк. Артемьева, если онъ къ концу процесса явится.

Судъ всѣ эти ходатайства уважилъ, отклонивъ лишь истребованіе газеты „Новый Край“... Впрочемъ защитѣ предоставлено было право пользоваться ею въ случаѣ надобности.

Тотчасъ послѣ оглашенія предсѣдателемъ этого постановленія, поднимается ген. Стессель и проситъ о допросѣ новыхъ свидѣтелей, также находящихся въ залѣ суда: полк. Романовскаго, подполк. Вадина и штабсъ-капитана Карамышева.

Судъ допускаетъ и этихъ свидѣтелей.

Затѣмъ начинается чтеніе обвинительнаго акта.

До 5½ часовъ дня, когда засѣданіе прерывается, успѣваютъ прочитать только двѣ его трети.

28-го ноября засѣданіе не состоялось вслѣдствіе неявки по болѣзни въ судъ члена суда, ген.-отъ-инф. Гончарова.

Такъ какъ по закону (ст. 1277[11] воен.-суд. уст.—прик. по воен. вѣд. 1906 г. № 285), верховный военно-уголовный судъ не имѣетъ запасныхъ членовъ, то, чтобы съ первыхъ же дней не обезсиливать его состава, рѣшено было выждать выздоровленія ген. Гончарова, прервавъ засѣданіе суда.

Хотя и не совсѣмъ оправившись, онъ прибылъ въ засѣданіе на слѣдующій же день.

II. 29 ноября — засѣданіе 2-е.

Окончаніе чтенія обвинительнаго акта.—Приводъ свидѣтелей къ присягѣ. — **Изслѣдованіе обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя.** — Допросъ свидѣтелей: генер.-адъют. **Куропаткина** и подпоруч. **Музалевскаго.**

Чтеніе обвинительнаго акта закончено. Предсѣдатель опрашиваетъ подсудимыхъ по выводамъ обвинительнаго акта, признаютъ ли они себя виновными въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ.

Генералъ Стессель десять разъ говоритъ „нѣтъ“ и заключаетъ свое отрицаніе слѣдующимъ заявленіемъ:

— Въ комиссіи генерала Роопа меня все время допрашивали какъ свидѣтеля и потому я не могъ вызывать свидѣтелей съ своей стороны. Теперь я въ первый разъ буду говорить, какъ обвиняемый, (?!) и я заявляю, что все обвиненіе противъ меня построено на докладѣ генералъ-лейтенанта Смирнова, а не на показаніяхъ тѣхъ лицъ, которыя прибыли изъ Портъ-Артура.

Это было первой вспышкой страстности, такъ сильно разгорѣвшейся потомъ за два съ половиною мѣсяца процесса въ отношеніяхъ между подсудимыми (ген. Стесселемъ, Фокомъ и Рейсомъ — съ одной стороны и ген. Смирновымъ— съ другой) и ихъ защитниками.

Отрицаніемъ своей виновности отвѣтили и остальные подсудимые на предложенные имъ вопросы.

Послѣ часового перерыва въ залъ суда, для принесенія присяги, приглашаются свидѣтели.

На вопросъ предсѣдателя, не имѣетъ ли кто изъ нихъ особыхъ отношеній съ подсудимыми, отзываются двое: ген. Бѣлый и г. Ножинъ.

Первый заявляетъ суду, что дочь его замужемъ за сыномъ ген. Стесселя и потому онъ съ этимъ подсудимымъ состоитъ въ свойствѣ; второй — что въ С.-Петербургскій окружный судъ подана имъ жалоба на ген. Стесселя за клевету и что судъ увѣдомилъ его о необходимости выждать приговора верховнаго военно-уголовнаго суда.

Предсѣдатель объявляетъ, что ген. Бѣлый освобождается отъ присяги. Но противъ этого протестуетъ защитникъ ген. Фока.

— Я очень заинтересованъ, — говоритъ онъ, — присягой ген. Бѣлаго и я его не отвожу, да и никто его не отводитъ; онъ лишь самъ заявляетъ объ этомъ.

— Я заявляю только по вопросу, замѣчаетъ ген. Бѣлый,— но ни отъ показаній, ни отъ присяги не отказываюсь.

Заявленіе г. Ножина вызываетъ больше споровъ.

Защита ген. Стесселя прежде всего заявляетъ, что г. Ножинъ потерялъ срокъ на право жалобы за клевету, для которой существуетъ по закону двухлѣтній срокъ, потомъ,— что она не имѣетъ никакого доказательства, чтобы такая жалоба была подана имъ въ судъ.

— Прошу допросить г. Ножина подъ присягой,—говоритъ присяж. повѣр. Сыртлановъ, потому что, если г. Ножинъ дастъ неправильное показаніе, то оно будетъ служить матеріаломъ ген. Стесселю для привлеченія г. Ножина къ отвѣтственности [1]).

Прокуроръ по этому поводу сообщаетъ суду, что о привлеченіи г. Ножинымъ ген. Стесселя къ суду по обвиненію въ клеветѣ офиціально извѣстно главному военно-судному управленію и такъ какъ вопросъ объ отводѣ, по закону, принадлежитъ не только защитѣ, а вообще сторонамъ, то онъ, имѣя въ виду заявленіе г. Ножина, въ силу 4 п. 848 ст. воен.-судеб. устава, проситъ допросить этого свидѣтеля безъ присяги.

Прис. повѣр. Сыртлановъ и отст. ген.-лейт. Домбровскій протестуютъ.

---

[1]) Цитируемъ эти слова по „Стенографич. отчету портъ-артурскаго процесса“, издаваемаго подъ редакціей гг. Ксидо и Соколовскаго (вып. 1, стр. 75). Самъ г. Сыртлановъ, въ письмѣ въ редакцію газ. „Слово“ (1907 г. № 320), изложилъ ихъ въ нѣсколько иной редакціи: „...я, между другими мотивами, не освобождающими его, г. Ножина, отъ присяги, упомянулъ, согласно желанія своего подзащитнаго, и о томъ, что неправильныя показанія г. Ножина, *если таковыя будутъ даны подъ присягой*, будутъ служить для ген. Стесселя гарантіей для привлеченія г. Ножина къ отвѣтственности“.

— Мы не имѣемъ никакихъ офиціальныхъ документовъ для отвода г. Ножина, заявляетъ защитникъ ген. Фока.

Судъ удаляется на совѣщаніе и выноситъ постановленіе: генерала Бѣлаго отвести отъ присяги, а г. Ножина допросить подъ присягой, такъ какъ у суда нѣтъ никакихъ документовъ о наличности у этого свидѣтеля тяжбы съ ген. Стесселемъ.

Происходитъ еще одинъ инцидентъ.

Прис. пов. Сыртлановъ заявляетъ суду, что, какъ ему извѣстно, въ канцеляріи суда приготовлена записка, повидимому, о событіяхъ обороны...

— Фактъ не существующій, перебиваетъ его предсѣдатель. Это не записка, а перечень событій [1])... Предстоитъ судебное слѣдствіе по Цзиньчжоускому бою...

Свидѣтели удаляются.

Въ залѣ суда оставляется лишь генералъ-адъютантъ *Куропаткинъ.*

Допросъ его начинается вопросомъ прокурора, ген. Гурскаго — о планѣ стратегическаго развертыванія войскъ на Квантунскомъ полуостровѣ и о планѣ его обороны. **Генер.-адъют. Куропаткинъ.**

Генералъ Куропаткинъ спрашиваетъ судъ: долженъ ли онъ говорить здѣсь обо всемъ томъ, что до послѣдняго времени считалось государственной тайной.

Предсѣдатель разрѣшаетъ ему не говорить о томъ, что составляетъ служебную тайну. Но противъ этого протестуетъ защитникъ генерала Фока, ген. Домбровскій.

— Предъ верховнымъ военно-уголовнымъ судомъ,—говоритъ онъ,—у свидѣтеля не можетъ быть тайнъ. Все, что онъ знаетъ и что относится къ дѣлу, должно быть имъ показано. Если секреты эти не должны быть извѣстны публикѣ, то

---

[1]) Канцеляріей суда, дѣйствительно, былъ составленъ и отпечатанъ по числу членовъ суда „Краткій хронологическій перечень событій обороны кр. Портъ-Артуръ въ 1904 г.“, начиная съ 26-го января по 23 декабря включительно. По своему характеру онъ не имѣлъ ничего общаго съ запискою, составленною слѣдственной комиссіей. Составлены были также и розданы сторонамъ списки свидѣтелей—алфавитный и по отдѣламъ обвиненія.

можно закрыть для нея на это время двери судебнаго засѣданія.

Предсѣдатель предоставляетъ генералу Куропаткину говорить все, что онъ знаетъ.

— Вопросъ о силахъ, которыя надо было оставить на Квантунѣ, — начинаетъ свое показаніе Куропаткинъ,—былъ рѣшенъ опредѣленно въ бытность мою въ Портъ-Артурѣ въ 1903 году: Силы эти были опредѣлены въ корпусъ войскъ для обороны собственно Квантунскаго полуострова, отъ Артура до Цзиньчжоу и далѣе, до Корейскаго берега,—и дивизія отдѣльно для крѣпости. Въ основу нашихъ соображеній по оборонѣ было принято положеніе, подтвержденное намѣстникомъ, что при настоящемъ соотношеніи нашихъ морскихъ силъ къ силамъ японскаго флота, пораженіе нашего флота японцами не признается возможнымъ. При такой вѣрѣ въ нашъ флотъ, корпуса, внѣ района крѣпостныхъ сооруженій, было вполнѣ достаточно для обезпеченія Квантунскаго полуострова. Тогда же свидѣтель лично убѣдился въ важности цзиньчжоуской позиціи и указалъ построить на ней фортъ. Осуществленіе этого дѣла затормозилось.

— Если бы я зналъ, что позиція будетъ укрѣплена не только съ сѣвера, но и съ юга, какъ объ этомъ я потомъ узналъ, я протестовалъ бы, говоритъ онъ.

— Но развѣ вамъ не извѣстенъ былъ проектъ укрѣпленія ея? — спрашиваетъ ген. Домбровскій. — Въ одномъ изъ пунктовъ его прямо было указано укрѣпленіе Цзиньчжоуской позиціи и съ юга.

— Такихъ плановъ я не видѣлъ, — категорически отвѣчаетъ Куропаткинъ.

Затѣмъ онъ продолжаетъ излагать свои взгляды на значеніе этой позиціи.

— До войны я придавалъ ей гораздо большее значеніе. Но измѣнническое нападеніе японцевъ на нашу эскадру въ Артурѣ измѣнило мой взглядъ на нее. Обстановка складывалась такъ, что значеніе Цзиньчжоу слабѣло. Ея оборона основывалась на совмѣстномъ дѣйствіи флота и арміи. Но флотъ былъ ослабленъ съ перваго же дня войны. Гибель „Петропавловска“ и смерть Макарова обезсилили его еще болѣе. Измѣнилась и другая данная. Изъ Артура, съ Кван-

туна, ушла 3-я дивизія, знакомая съ мѣстностью. Свѣдѣнія о двухъ японскихъ арміяхъ — одной уже высадившейся въ Кореѣ, другой — готовой къ высадкѣ — заставляли насъ дѣйствовать на Квантунѣ осторожно и не выдвигать далеко отъ Артура войска, въ немъ находившіяся.

— Изъ обвинительнаго акта,—признается бывшій командующій арміей,—мнѣ стало извѣстно, что также думалъ и намѣстникъ. И ген. Стессель вполнѣ сознательно отнесся къ этому. Оцѣнивая обстановку на мѣстѣ лучше, чѣмъ я или намѣстникъ, и видя, что опасность ему не угрожаетъ между Цзинъчжоу и Артуромъ, онъ и далъ ген. Фоку вполнѣ опредѣленныя и твердыя указанія для обороны Цзинъчжоуской позиціи, вполнѣ согласныя съ моими и намѣстника директивами.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Куропаткинъ призналъ, что эти указанія, продиктованныя осторожностью, явились „зацѣпкой“ для подчиненныхъ, считавшихся съ мнѣніями старшихъ начальниковъ.

— Я не могу признать, чтобы ген. Фокъ использовалъ всѣ силы и средства, какія у него были, для упорной обороны позиціи, и не могу также признать, чтобы оборона эта велась упорно... Большая часть людей, у него бывшихъ, не была введена въ дѣло и даже два баталіона...

Предсѣдатель прерываетъ свидѣтеля предложеніемъ не вдаваться въ заключенія.

— Во всякомъ случаѣ,—кончаетъ Куропаткинъ,—оборона позиціи должна была быть ведена не однимъ полкомъ. Предполагалось выдвиженіе къ ней 7 полковъ и всего флота. Но флотъ, какъ сказано, былъ обезсиленъ и не вышелъ.

— Посѣтили ли вы Артуръ по прибытіи къ арміи?—спрашиваетъ Куропаткина прокуроръ.

— Нѣтъ,— отвѣчаетъ онъ,— моя просьба о поѣздкѣ въ артурскій районъ была отклонена намѣстникомъ-главнокомандующимъ, который тамъ былъ самъ, все видѣлъ и который призналъ, что одновременное отсутствіе изъ арміи (?) обоихъ старшихъ начальниковъ неудобно.

— Не видѣли ли вы въ донесеніяхъ ген. Стесселя объ этомъ боѣ,—спрашиваетъ далѣе прокуроръ,—желанія съ его

стороны внушить мысль, что онъ, ген. Стессель, лично участвовалъ въ бою?

Послѣ нѣкотораго раздумья, ген. Куропаткинъ отвѣчаетъ отрицательно.

— Нѣтъ, не видѣлъ ничего, что дало бы мнѣ право обвинять его въ этомъ.

Защитникъ генерала Фока, генералъ Домбровскій, отмѣчаетъ изъ показанія ген. Куропаткина ссылку его на обвинительный актъ.

— Обвинительный актъ, — говоритъ онъ, — читается въ отсутствіи свидѣтелей, онъ не долженъ быть имъ знакомъ, иначе они невольно связываютъ свои показанія съ его матеріаломъ.

— Какъ вы хотите, — возражаетъ ему Куропаткинъ,— чтобы мы, получая утромъ газеты и видя въ нихъ напечатаннымъ обвинительный актъ, не прочитали его. Ваше дѣло, дѣло суда, принимать мѣры, чтобы онъ не оглашался въ газетахъ, а наше дѣло читать, что тамъ напечатано...

Встаетъ подсудимый, генералъ Фокъ, и спрашиваетъ свидѣтеля, извѣстно ли ему, что 6-го мая, въ 3 часа дня, имъ, ген. Фокомъ, получена была телеграмма отъ генерала Стесселя съ приказаніемъ оборонять позицію, не доводя дѣло до большихъ потерь?

И затѣмъ ген. Фокъ начинаетъ пространно излагать свой планъ обороны Цзиньчжоу, впрочемъ, не столько обороны, сколько прорыва со своею дивизіею отъ Цзиньчжоу на сѣверъ, на соединеніе съ манчжурскою арміею.

Куропаткинъ внимательно слушаетъ все это и уничтожаетъ всѣ разсужденія подсудимаго заявленіемъ:

— Все, что я выслушалъ, убѣждаетъ меня, что если бы я зналъ о вашемъ намѣреніи идти на соединеніе со мною, то я долженъ былъ бы тогда же напомнить вамъ, что ваша дивизія—для Артура, а не для манчжурской арміи.

Поднимается Стессель и напоминаетъ бывшему командующему арміей о телеграммѣ его, въ которой говорилось о своевременномъ очищеніи позиціи, дабы не было новыхъ трофеевъ врагу, въ родѣ брошенныхъ пушекъ.

Но Куропаткинъ парируетъ и это.

— Между оставленіемъ позиціи безъ боя и своевремен-

нымъ ея очищеніемъ — цѣлая пропасть. Отводить надлежало только при опасности съ юга. А ея не было. Долженъ ли былъ участвовать флотъ въ оборонѣ позиціи, — мнѣ неизвѣстно. Знаю только одно, что послѣ смерти Макарова флотъ нашъ долженъ былъ „притаиться".

На этомъ пока допросъ генерала Куропаткина прерывается.

Вызывается свидѣтель, подпоручикъ *Музалевскій*... На немъ три знака отличія военнаго ордена [1]). Отъ тяжелой раны въ голову онъ оглохъ—и слабымъ голосомъ отвѣчаетъ на вопросы предсѣдателя, задаваемые ему на весь залъ. **Подпоручикъ Музалевскій.**

Свидѣтель во все время боя 13-го мая 1904 г. стоялъ съ охотничьею командою 14-го вост.-сиб. стр. полка на крайнемъ правомъ флангѣ цзишьчжоуской позиціи.

Изъ занесеннаго въ обвинительный актъ показанія ген.-маіора Третьякова и имѣющагося въ дѣлѣ письма подпоручика Садыкова видно, что именно чрезъ этого свидѣтеля отдано было ген. Фокомъ приказаніе 5-му полку отступать съ позиціи.

Но свидѣтель это обстоятельство отрицаетъ. Кто отдалъ приказаніе отступать, онъ не знаетъ. При немъ на станціи Тафашинъ явился съ позиціи офицеръ съ конным охотникомъ и доложилъ ген. Фоку, что часть 5-го полка очистила окопы. Ген. Фокъ сказалъ на это, что разъ часть полка отступила, пусть и весь полкъ отступаетъ. Офицеръ уѣхалъ, а минуты черезъ двѣ солдаты 5-го полка были уже въ Тафашинѣ. Такъ какъ разстояніе отъ послѣдняго до Цзишьчжоу большое, то, видимо, полкъ уже отступалъ ранѣе санкціи Фока. При немъ дана была только генераломъ Фокомъ санкція начавшемуся уже отступленію. Очищеніе позиціи было слѣдствіемъ перевѣса силъ японцевъ и бездѣйствія нашего флота.

Въ 6 час. вечера засѣданіе прерывается.

---

[1]) Нынѣ подпоручикъ Музалевскій, за подвигъ мужества и храбрости, выказанной имъ въ Портъ-Артурѣ, 17-го іюля 1904 г. въ бою на Волчьихъ горахъ, при спасеніи орудій, награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

III. 30-е ноября — засѣданіе 3-е.

Изслѣдованіе обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя. — Допросъ свидѣтелей: ген.-адъют. Куропаткина, ген.-м. Третьякова, ген.-лейт. Никитина, ген.-м. Грязнова и кап. Ясенскаго.

Оно открывается чтеніемъ документовъ, которые, по мнѣнію защитника генерала Фока, должны объяснить отсутствіе генерала Фока утромъ 13-го мая на цзиньчжоуской позиціи и удостовѣрить, что послѣдній предъ боемъ имѣлъ основанія опасаться за свой тылъ и ожидать высадки японцевъ съ юга.

Но представитель обвинительной власти ослабляетъ впечатлѣніе отъ этихъ документовъ указаніемъ, что одинъ изъ нихъ относится еще къ февралю, т. е. содержитъ указанія на слухи, циркулировавшіе о возможности высадки тамъ, еще за три мѣсяца до боя, а телеграмма отъ 12-го мая, т. е. накануѣ боя, содержитъ сообщеніе, что слухи о появленіи къ югу отъ позиціи броненосца и миноносца не подтвердились.

Генер.-адъют. Куропаткинъ.

Тѣмъ не менѣе ген. Домбровскій настаиваетъ, что ген. Фокъ имѣлъ полное основаніе ожидать высадки въ тылу позиціи.

— Кажется, и ген. Куропаткинъ этого не отрицаетъ?— говоритъ онъ, обращаясь къ бывшему командующему манчжурской арміей.

Тотъ уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Высадка на Цзиньчжоу имѣла мѣсто 13-го мая, начинаетъ онъ...

Но его перебиваютъ сразу и генералъ Фокъ, и его защитникъ...

— Вотъ вы вчера сказали,—говоритъ послѣдній,—обращаясь къ свидѣтелю, что ген. Фокъ не исчерпалъ всѣхъ средствъ для обороны Цзиньчжоу... Какія же еще средства обороны не исчерпалъ ген. Фокъ?

— Прежде всего, войска,—говоритъ методичнымъ, наставительнымъ тономъ бывшій командующій арміей.—У гене-

рала Фока было нѣсколько полковъ. А въ бою былъ одинъ только—5-й, да двѣ роты 14-го полка и охотничьи команды. Другія части не были введены въ дѣло. По крайней мѣрѣ, я просилъ васъ вчера,—иронически говоритъ Куропаткинъ защитнику Фока,—указать мнѣ, какія потери понесли въ этомъ бою другія части. Вы мнѣ не указали. И я остаюсь при убѣжденіи, что потери имѣлъ только 5-й полкъ, и въ правѣ прійти къ убѣжденію, что только этотъ полкъ и велъ тамъ бой. Да и въ телеграммахъ генерала Стесселя я читалъ только про 5-й полкъ... „5-й полкъ велъ себя геройски...“, „5-й полкъ отступилъ...“, „5-й полкъ потерялъ столько-то...“ и т. д.

Тогда, волнуясь, говоря съ какимъ-то пафосомъ, вмѣшивается въ показаніе своего командующаго самъ ген. Фокъ.

— Я прошу васъ, ваше высокопревосходительство, отвѣтить мнѣ, допускала ли цзиньчжоуская позиція введенія другихъ частей въ боевую линію для ея обороны?

— На этотъ вопросъ можно отвѣтить, только измѣривъ траншеи, — спокойно отвѣчаетъ Куропаткинъ. — Но когда часть людей выбываетъ изъ строя, ее замѣняютъ другими; когда одна часть отступаетъ подъ натискомъ врага, ее подпираютъ сзади другою. Мнѣ неизвѣстно, чтобы въ цзиньчжоускомъ бою было такое подкрѣпленіе и возмѣщеніе потерь.

— Если вы не знаете длины траншей, то какъ же вы можете говорить о томъ, исчерпалъ ли я по условіямъ обстановки цзиньчжоускаго боя всѣ средства обороны ея?

— На Цзиньчжоу я былъ, производилъ тамъ маневръ и по старымъ учебникамъ тактики знаю, что ее слѣдовало занять дивизіей. Правда, въ дневникѣ моего путешествія на Дальній Востокъ записано, что при наличности тѣхъ укрѣпленій, которыя я тамъ засталъ, ее долженъ былъ оборонять одинъ полкъ при содѣйствіи флота... Но рѣшить этотъ вопросъ безъ картъ трудно. Во всякомъ случаѣ, изъ донесенія Стесселя я знаю, что бой рѣшился не въ нашу пользу, когда японцы обошли позицію по водѣ съ лѣваго фланга. Противодѣйствовать этому обходу можно было. Надо было поставить уступомъ сзади какую-нибудь часть изъ резерва. Но этого сдѣлано не было. И у меня сложилось объ этомъ

боѣ такое представленіе: одинъ полкъ дрался и умиралъ, а остальные были зрителями.

И ген. Куропаткинъ дѣлаетъ далѣе любопытное сопоставленіе между цзиньчжоускимъ и тюренченскимъ боями.

— Какъ ни кажутся они различны между собою,—говоритъ онъ,—но у нихъ есть большое сходство. Тамъ и здѣсь, на Ялу и на Цзиньчжоу, были выдвинуты авангарды, и возможность пораженія для обоихъ этихъ авангардовъ была очень велика. Они должны были задерживать противника, чтобы выиграть время для сосредоточенія манчжурской арміи и для укрѣпленія Артура. Тутъ дорогъ былъ каждый день. Но корпусный командиръ на Ялу (ген. Засуличъ) принялъ по собственной иниціативѣ упорный бой, а ген. Фокъ на Цзиньчжоу упорнаго боя не принялъ. Первому этого дѣлать не слѣдовало, а второму надлежало, такъ какъ съ юга ему ничто не угрожало. Оба понесли большія потери. Но если каждый выигранный день покупается такими потерями, то это ужъ невыгодно.

— Затѣмъ,—добавляетъ ген. Куропаткинъ,—я имѣю сдѣлать суду личное заявленіе. Вчера я показалъ, что донесенія ген. Стесселя о цзиньчжоускомъ боѣ не произвели на меня впечатлѣнія въ томъ смыслѣ, что въ нихъ онъ хотѣлъ затемнить мѣсто своего пребыванія. Вернувшись домой, я нашелъ въ своихъ матеріалахъ одинъ документъ, доставленный мнѣ въ копіи изъ военно-исторической комиссіи, который побуждаетъ меня сдѣлать поправку... Документъ этотъ—докладъ корнета Приморскаго драгунскаго полка Іолкина, сдѣланный мнѣ имъ 21-го мая 1904 г. по порученію ген. Стесселя и отъ имени послѣдняго. Изъ него я вижу, что ген. Стесселемъ дѣйствительно допущены были такія выраженія, которыя позволяютъ судить о томъ, что ген. Стессель лично былъ во время боя на цзиньчжоуской позиціи. Въ докладѣ говорится:

Приморскаго драгунскаго полка корнетъ Іолкинъ получилъ приказаніе отъ генералъ-лейтенанта Стесселя передать командующему манчжурской арміей шифрованную депешу и доложить *лично* слѣдующее:

Первое. Послѣ боя на Цзиньчжоуской позиціи при отступленіи на Портъ-Артуръ, я рѣшилъ останавливаться на всѣхъ удобныхъ

позиціяхъ, заставлять противника развертываться, но въ бой не вступать, такъ какъ всѣ позиціи обстрѣливались съ фланговъ канонерскими лодками. Нашъ флотъ поддержать насъ съ фланговъ не можетъ, въ виду того, что вблизи береговъ японцами разбросано множество минъ и движеніе нашихъ судовъ крайне опасно. *Второе.* Укрѣпленія сухопутнаго фронта представляютъ слишкомъ ясную цѣль для противника и обстрѣливаются съ командующихъ высотъ. *Третье.* При объѣздѣ позицій 18-го мая было выяснено, что принимать бой на Волчьихъ горахъ невыгодно. *Четвертое.* Всѣ возможные пути наступленія противника минированы. *Пятое.* Два моста на желѣзной дорогѣ взорваны нами. *Шестое.* Гарнизонъ обезпеченъ довольствіемъ мясомъ на двѣ недѣли. Сухарей достаточно. *Седьмое.* Орудія на всей линіи обороны обезпечены запасомъ снарядовъ на два боя. Снарядамъ ведется точный учетъ. Патроновъ много. *Восьмое.* Духъ войскъ прекрасный, даже и въ 5-мъ полку, потерявшемъ въ бою 13-го мая до 600 нижнихъ чиновъ и 31 офицера. *Девятое.* Черезъ 10 дней (примѣрно 28-го мая) флотъ будетъ починенъ и готовъ къ выходу въ море. Какъ только японцы обложатъ окончательно Артуръ, то флотъ будетъ пробиваться на Владивостокъ. *Десятое.* Первоначально было рѣшено принять бой на Волчьихъ горахъ, но затѣмъ выяснено, что непріятельскія канонерки могутъ появиться на флангахъ. Я просилъ адмирала Витгефта оказать намъ содѣйствіе высылкой канонерокъ и миноносцевъ въ бухту Хэси, но адмиралъ отказалъ. Послѣ этого я рѣшилъ боя на Волчьихъ горахъ не принимать. *Одиннадцатое.* Во всѣхъ случаяхъ, когда я обращался за помощью къ адмиралу Витгефту, я получалъ отказъ, за исключеніемъ высылки канонерской лодки „Бобръ“ и двухъ миноносцевъ для обезпеченія праваго фланга Цзиньчжоуской позиціи. Для обезпеченія ея лѣваго фланга, я тоже просилъ выслать канонерки, но въ этомъ было отказано, въ виду того, что японскій флотъ, стоявшій на горизонтѣ къ западу отъ Артура, могъ ихъ отрѣзать; броненосцы же и крейсера не могли выйти, такъ какъ не всѣ были починены. Кромѣ того, съ западной стороны Квантуна разбросано японцами такъ много минъ, что движеніе въ этомъ направленіи очень опасно. *Двенадцатое.* Въ ночь съ 12-го на 13-е мая, во время сильной грозы, подъ покровомъ темной ночи, японцы втянули на гору Самсонъ 120 орудій, между которыми были полевыя, горныя и часть осадныхъ. Съ разсвѣтомъ начался артиллерійскій огонь. Въ то же время открыли огонь шесть миноносцевъ и 4 канонерки, обстрѣливавшіе позицію съ лѣваго фланга. Канонерки стрѣляли изъ 10-ти д. орудій. На нашей позиціи было 52 орудія (большинство китайскихъ) и два 6-ти д. съ „Ретвизана“. Около 11-ти часовъ утра прислуга при нашихъ орудіяхъ была перебита и ее замѣнили стрѣлки. Японцы сосредоточили сначала весь огонь канонерокъ и миноносцевъ противъ нашего лѣваго фланга, а потомъ постепенно переносили его по линіи расположенія нашихъ войскъ. Когда ощутился недостатокъ въ снарядахъ, то я приказалъ подвезти ихъ на поѣздѣ, на которомъ

прибылъ и самъ. По проходѣ станціи Ипчендзы, насъ замѣтили канонерки и открыли огонь. Поѣздъ отошелъ назадъ. Я пѣшкомъ отправился на позицію. Японцы сбили ж. д. насыпь и мѣшали исправленію пути высланнымъ рабочимъ. Прикрывалъ отступленіе 5 й полкъ, послѣднимъ отошедшій съ позиціи. Наши орудія были частью подбиты противникомъ, частью испорчены нами. На позиціи осталось 48 пулеметовъ, такъ какъ при нихъ только остались патроны, и они прикрывали отступленіе. Японцы, зная, что берегъ противъ лѣваго фланга былъ минированъ, пошли по горло въ водѣ колоннами и обошли нашъ лѣвый флангъ. Тогда я приказалъ отступать. Необходима немедленная помощь отрядомъ въ размѣрѣ 3½—4 дивизій. Японцы поставили пока на позиціи только полевыя орудія и потому съ выручкой надо спѣшить. Паденіе Портъ-Артура зависитъ отъ времени, снарядовъ и сухаря. Когда защита крѣпости окажется невозможной, то я буду съ войсками пробиваться. Если я буду навѣрно знать, что съ сѣвера идутъ на помощь, то я со всѣми свободными войсками выйду навстрѣчу и постараюсь пробиться до самой Цзиньчжоуской позиціи. За послѣднее время наступленіе передовыхъ частей противника идетъ поспѣшно, при чемъ они все время окапываются. У меня мало кавалеріи. Охотничью команду 16-го полка вооружилъ шашками. Нижнихъ чиновъ я уже награждаю знаками отличія военнаго ордена, для награжденія же офицеровъ орденомъ Св. Георгія я установилъ кавалерскую думу на броненосцѣ „Севастополь". Изъ жителей образовалъ вольныя дружины подъ начальствомъ полиціймейстера Тауцъ. 5-го мая вблизи бухты Кэръ появилась непріятельская эскадра, отъ которой отдѣлились 3 миноносца, вошедшіе въ бухту. На берегу находилась охотничья команда 16-го полка и полурота. Миноносцы открыли огонь; охотники и стрѣлки отступили. Миноносцы, поставивъ въ бухтѣ буйки, отошли къ эскадрѣ. Послѣ ихъ ухода прапорщикъ флота Дейчманъ съ 3-мя матросами подошелъ на шлюпкѣ къ поставленнымъ буйкамъ и переставилъ ихъ на мины. На другой день непріятельскіе крейсера, прикрывавшіе транспорты, вошли въ бухту. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ одному изъ буйковъ и, моментально взорвавшись, затонулъ. Погибшій крейсеръ не изъ большихъ. По постановленію думы, Дейчмана наградилъ георгіевскимъ крестомъ, матросовъ знаками отличія военнаго ордена.

Опросъ корнета Іолкина, въ присутствіи полковника ген. штаба Плинскаго, производилъ 21-го марта 1904 г. подполковникъ Люповъ

Генералъ Стесселъ пытается отрицать достовѣрность этого документа.

— Елкинъ все навралъ, — говоритъ онъ взволнованно и грубо. — Ничего подобнаго я не поручалъ ему говорить. Онъ все перепуталъ...

— Елкинъ сошелъ съ ума, — громко, сидя на своемъ мѣстѣ, заявляетъ и Фокъ.

— Да, для меня также этотъ документъ является сомнительнымъ, — признается и Куропаткинъ, — такъ какъ подлинникъ этого доклада не найденъ, а шифрованная депеша, о которой въ немъ говорится, мною не получена. Но онъ составленъ начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія моего штаба, подполковникомъ Люповымъ, со словъ корнета Іолкина, при чемъ послѣдній говорилъ отъ имени Стесселя, по своей записной книжкѣ, въ которую занесъ все порученное сказать мнѣ отъ имени Стесселя.

— Не можетъ быть, чтобы я это говорилъ ему,—настаиваетъ Стессель.—Если вѣрить Елкину, то выходитъ, что отъ того мѣста, гдѣ я оставилъ поѣздъ, я прошелъ пѣшкомъ до позиціи 35 верстъ. Правда, прежде я былъ хорошій ходокъ, но теперь мнѣ не подъ силу такой переходъ. Главное, это должно быть за моею подписью... Подобной штуки я не могъ послать, и корнета Елкина я совсѣмъ не помню.

Недоумѣніе, вызываемое этимъ документомъ, пытается разрѣшить защитникъ Стесселя, г. Сыртлановъ.

— Мнѣ кажется,—заявляетъ онъ суду,—что здѣсь рѣчь идетъ о самомъ корнетѣ Елкинѣ. Не онъ ли это ѣхалъ сперва въ поѣздѣ, потомъ оставилъ его и пѣшкомъ пошелъ на позицію...

— Если принять такое толкованіе,—съ усмѣшкой замѣчаетъ Куропаткинъ,—то придется допустить, что онъ же, корнетъ Іолкинъ, отдалъ и приказъ объ отступленіи... Но до этого еще мы не дошли [1])...

---

[1]) Въ разъясненіе всего этого эпизода, шт.-ротм. Іолкинъ напечаталъ въ № 11426 „Нов. Вр.“ слѣдующее „письмо въ редакцію“:

„Въ виду заявленія ген. Стесселя на судѣ по поводу привезеннаго отъ него мною ген. Куропаткину донесенія о цзинчжоускомъ боѣ, что онъ, ген. Стессель, меня совершенно не знаетъ и никакихъ донесеній черезъ меня не посылалъ, а донесеніе, копію котораго ген. Куропаткинъ представилъ на судъ, написано будто бы мною, считаю долгомъ сообщить подробности этого дѣла, которыя, быть можетъ, нѣсколько освѣжатъ память ген. Стесселя и заставятъ его болѣе воздерживаться отъ подобнаго отрицанія истинъ, выбраннаго имъ, какъ единственный способъ своей защиты, а также и заставятъ подтвердить подлинность этой депеши офицеровъ его штаба, шифровав-

Генер.-маіоръ Третьяковъ.

Генерала Куропаткина смѣняетъ предъ судомъ ген.-маіоръ Третьяковъ, командовавшій въ цзинь-чжоускомъ бою тѣмъ самымъ 5-мъ полкомъ, который по выраженію ген. Куропаткина, умиралъ, когда другіе полки были только зрителями.

шихъ ее въ теченіе шести часовъ 17-го мая 1904 г. и нынѣ находящихся на судѣ въ качествѣ свидѣтелей.

„Одиннадцатаго мая 1904 г. я получилъ переданное мнѣ начальникомъ нашего авангарднаго отряда ген. Самсоновымъ приказаніе командующаго арміей: съ разъѣздомъ прорваться въ отрѣзанный непріятелемъ Артуръ и привезти донесеніе объ общемъ положеніи дѣлъ въ крѣпости, откуда долгое время не получалось никакихъ извѣстій.

„Съ 12-го по 17-е мая мнѣ удалось пробраться на китайской лодкѣ съ 5-ю драгунами Приморскаго полка мимо Киньчжоу почти вслѣдъ за непріятельскими судами, уходившими изъ Киньчжоуской бухты послѣ боя за эту позицію, и 17-го числа въ 10 часовъ утра быть въ кабинетѣ ген. Стесселя, которымъ былъ очень любезно принятъ. Генералъ послѣ радушныхъ привѣтствій, отдавъ распоряженіе объ устройствѣ меня и моихъ драгунъ въ штабѣ и, разспросивъ про новости въ арміи, отпустилъ, пригласивъ къ 12-ти часамъ обѣдать. Послѣ обѣда, когда всѣ гости разъѣхались, ген. Стессель, разложивъ въ столовой двухверстную карту Ляодунскаго полуострова, началъ по ней мнѣ подробно разсказывать военныя дѣйствія съ 4-го мая: отступленіе на киньчжоускую позицію, бой на этой позиціи и отступленіе. Выйдя затѣмъ со мной на террасу, генералъ долго говорилъ мнѣ о нуждахъ крѣпости, о флотѣ, который никогда не хотѣлъ помогать, а только даромъ жегъ уголь, стоя въ гавани, объ инженерахъ, не желавшихъ работать и упорно отказывавшихся ѣхать на передовыя позиціи, и о многомъ другомъ, о чемъ впослѣдствіи я давалъ свои письменныя показанія въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба арміи. Простившись съ генераломъ и получивъ отъ него любезное приглашеніе на ужинъ, я свободное время провелъ въ гостиной m-me Субботиной, жены медицинскаго инспектора. Послѣ ужина ген. Стессель оставилъ меня у себя, въ ожиданіи окончанія депеши, которую я долженъ былъ отвезти генералу Куропаткину. Перешли въ кабинетъ. Разговоръ шелъ о флотѣ, на который все время нападали ген. Стессель и ген. Никитинъ. „Однако, депешу долго шифруютъ“,—сказалъ ген. Стессель, смотря на часы, и послалъ узнать, скоро ли она будетъ готова. Получивъ отвѣтъ, что не ранѣе, какъ черезъ два часа, генералъ простился со мною. Я отправился къ подп. Іолшину, у котораго и продолжалъ сидѣть въ ожиданіи депеши. Въ 1 часъ ночи 18-го, наконецъ, принесли депешу вмѣстѣ съ ея черновикомъ, который мнѣ дали прочесть, дабы, если придется уничтожить депешу въ виду непріятеля, могъ знать ея содержаніе, на случай удачи вырваться изъ его рукъ. Въ депешѣ было сообще-

— Полкъ сталъ на позиціи за годъ до войны. Объ укрѣпленіи ея никто тогда не думалъ. Только когда наши дипломаты заговорили о возможности войны, стали объ этомъ заботиться. Работали уже спѣшно, подъ угрозою высадки, и потому, конечно, были ошибки, упущенія. Первоначально

ніе: о ходѣ киньчжоускаго боя и послѣдующаго отступленія, при чемъ руководилъ босмъ ген. Стессель (но не указано, на самомъ мѣстѣ боя или приказаніями по телеграфу), объ отрѣшеніи отъ должности командира 27-го стрѣлковаго полка полковника Селинина, о назначеніи Георгіевской думы по положенію отрѣзанной крѣпости и награжденіи орденомъ св. Георгія 4-й ст. кого-то изъ офицеровъ (фамиліи не помню). Депеша заканчивалась подлинными словами: „того же (т. е. награжденія означеннымъ орденомъ) считаю достойными моего Гантимурова и корнета Іолкина; мало есть такихъ молодцовъ". Подписано было тоже шифромъ: ген. Стессель. Затѣмъ депешу запечатали въ пакетъ и передали мнѣ; передавалъ, кажется, капитанъ ген. штаба Степановъ. Въ 7 час. утра всѣ отправились на вокзалъ, куда и я поѣхалъ со своими драгунами. Черезъ часъ пріѣхали верхомъ генералы: Стессель, Кондратенко, Смирновъ и чины штаба. По дорогѣ на 19-ю версту, гдѣ былъ штабъ ген. Фока, изъ окна купэ вагона ген. Стессель показывалъ мнѣ расположеніе фортовъ и укрѣпленій, критикуя работу инженеровъ, не сумѣвшихъ даже замаскировать ихъ рѣзкіе профили. Поѣздъ остановился, навстрѣчу вышелъ ген. Фокъ со штабомъ. Послѣ совѣщанія генераловъ въ домикѣ, гдѣ жилъ ген. Фокъ, на которое почему-то пригласили и меня, всѣ сѣли на коней и во главѣ съ ген. Стесселемъ направились къ бухтѣ Хэси, гдѣ какъ разъ я высадился. Не доѣзжая версты двѣ до бухты, спѣшились и вышли на гору, откуда открывался видъ на непріятельскія позиціи и бухту, въ которой, къ моему удивленію, не оказалось моей шаланды (лодки). Ген. Стессель былъ также обезпокоенъ ея отсутствіемъ и тщетно искалъ ее, смотря въ бинокль. На противоположныхъ возвышенностяхъ были видны японцы, роющіе окопы. Сѣли вновь на коней и направились вдоль нашихъ позицій, рекогносцируя мѣстность и рѣшая вопросъ о возможности удерживать эти позиціи. Только къ 5-ти часамъ дня возвратились обратно къ поѣзду. Ген. Стессель все время предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ Артуръ, такъ какъ мою шаланду навѣрное захватили японцы, занявшіе бухту. „Пообѣдаете у меня, отдохнете, а я прикажу искать по берегамъ вашу шаланду, а если не найдется, то дадимъ возможность проѣхать въ Чифу",—уговаривалъ меня генералъ, но я отклонилъ всѣ его предложенія и просилъ разрѣшенія остаться тамъ же, будучи увѣренъ, что оставленные мною на шаландѣ два драгуна, съ приказаніемъ отнюдь не сходить съ нея, не могли прозѣвать японцевъ, а просто спрятались гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, изъ разспросовъ пограничниковъ ока-

изъ разговоровъ съ ген. Стесселемъ я вынесъ впечатлѣніе что онъ не хочетъ оборонять ее упорно. И тогда я былъ съ нимъ въ этомъ согласенъ. Но когда высадка произошла и притомъ въ большихъ силахъ, то я измѣнилъ свое мнѣніе. Чтобы задержать движеніе японцевъ къ слабо укрѣпленъ-

---

залось, что на разсвѣтѣ подп. Бутусовъ, снимая своихъ людей съ поста „Опасный“ въ виду приближенія непріятеля, приказалъ присоединиться къ нимъ и моимъ драгунамъ, но тѣ передали, что не нарушатъ моего приказанія; тогда подп. Бутусовъ подъѣхалъ къ берегу и объяснилъ одному изъ нихъ (Безперстову), съѣхавшему на берегъ по его приказанію, что бухта занимается японцами, посовѣтовалъ отойти за мысъ, гдѣ было удобно спрятаться, тѣмъ болѣе, что показались непріятельскіе крейсеръ и канонерки изъ-за Лаотешаня, и далъ въ награду за примѣрное исполненіе своего долга по 10 руб. на каждаго. Доложивъ обо всемъ изложенномъ ген. Стесселю, я настоятельно просилъ его отпустить меня. Все клонилось къ успѣху моего возвращенія. Вѣтеръ, всѣ эти дни дувшій въ противную сторону, съ утра повернулъ на сѣверъ и, постепенно усиливаясь, предвѣщалъ бурю; небо заволакивалось темными, зловѣщими тучами.

„Оставалось подождать ухода японскихъ судовъ, чтобы успѣть проскочить Киньчжоускій заливъ, гдѣ они ежедневно къ ночи показывались, сигнализируя съ Киньчжоу, а стоявшая на виду шаланда, конечно, была замѣчена японцами. Ген. Стессель, трогательно простившись со мною и поблагодаривъ и поздравивъ георгіевскими кавалерами моихъ драгунъ, далъ мнѣ письмо, тутъ же написанное имъ самимъ на листкѣ полевой книжки, къ командиру батареи, расположенной на ближайшей возвышенности, обрывавшейся въ море, подп. Скрыдлову, въ которомъ просилъ накормить меня и драгунъ, такъ какъ мы съ самаго утра ничего не ѣли, а также способствовать моему отъѣзду.

„Воспользовавшись любезностью артиллеристовъ и взявъ отъ нихъ огромную пачку писемъ и телеграммъ, я въ 7 час. вечера, пославъ телефонограмму на имя ген. Стесселя о своемъ отбытіи, поднялъ паруса и полетѣлъ, несомый сильнымъ вѣтромъ, черезъ Киньчжоускій заливъ. Избѣгнувъ, благодаря мраку бурной ночи, преслѣдованія искавшей меня японской канонерки, я 20-го числа уже примчался въ Ляоянъ на экстренномъ поѣздѣ, высланномъ мнѣ на ст. Сенюченъ, распоряженіемъ командира нашего корпуса ген. Штакельберга, и въ 9 час. утра былъ принятъ ген. Куропаткинымъ. Къ этому времени прибылъ изъ Артура прапорщикъ князь Гантимуровъ, выѣхавшій изъ крѣпости еще ранѣе моего туда пріѣзда переодѣтымъ въ китайское платье, отлично говорящій на китайскомъ языкѣ. Въ присутствіи Гантимурова я передалъ ген. Куропаткину пакетъ съ шифрованной телеграммой прямо въ руки, послѣ чего въ развѣдывательномъ отдѣленіи штаба арміи я давалъ, кромѣ того, письменныя

ному Артуру, надо было оборонять Цзинъчжоу упорно, до послѣдней капли крови. И это я внушалъ каждому солдату. Для упорной же продолжительной обороны строилъ блиндажи, рылъ колодцы... Измѣнилъ свой взглядъ и Стессель. Но отъ генерала Фока такихъ указаній я не получалъ и не видѣлъ вообще намѣренія держаться на Цзинъчжоу крѣпко. Его тактическіе взгляды были таковы: не занимать позицію густо, не держать резервовъ близко. Онъ, видимо, не довѣрялъ человѣческой натурѣ, которую могла соблазнить эта близость резервовъ, и боялся, что они будутъ скоро и безъ настоятельной нужды израсходованы... И этотъ шаблонъ ген. Фокъ примѣнилъ ко мнѣ.

— Не существовала ли опасность высадки противника въ тылу?—спрашиваетъ его ген. Гурскій.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Третьяковъ.—Судя по тѣмъ силамъ, которыя высадились у Бицзыво,—3 или 4 дивизіи,—высадки въ тылу у насъ опасаться уже было нечего... И я не опасался... Тамъ, видно, все было высажено...

— По чьей же иниціативѣ была укрѣплена позиція съ юга?—спрашиваетъ его затѣмъ защитникъ Фока.

показанія по многимъ вопросамъ, касающимся Артура, которыя были записаны подп. генер. штаба Гаврилицей, а затѣмъ мною подписаны. Эти показанія видѣлъ у начальника штаба намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ, ген.-лейт. Жилинскаго уже отпечатанными и дополнялъ подробностями на словахъ по каждому пункту, когда являлся намѣстнику въ Мукденѣ.

„Изъ всего вышеизложеннаго полагаю, что отреченіе ген. Стесселя на судѣ, выраженное въ слѣдующихъ словахъ: „Я совершенно не знаю корнета Іолкина, никакихъ донесеній черезъ него не посылалъ“ (газета „Русь“), и въ томъ, что ген. Стессель указываетъ, что донесеніе никѣмъ не подписано и онъ его не посылалъ: „его, вѣроятно, написалъ корнетъ Іолкинъ, который былъ посланъ съ донесеніемъ къ главнокомандующему. Корнетъ, видимо, все перепуталъ“... (газета „Бирж Вѣдомости“),—лишено всякаго основанія, такъ какъ шифрованную депешу я не могъ самъ написать, по незнанію шифра; перепутана же она могла быть только самимъ ген. Стесселемъ, ее подписавшимъ, или офицерами его штаба, ее шифровавшими, которые и могутъ подтвердить ея подлинность, равно какъ и офицеры развѣдывательнаго отдѣленія штаба арміи, ее расшифровавшіе.

Приморскаго драг. полка шт.-ротм. *Іолкинъ*.

— Идея эта выросла вообще изъ ожиданія первоначальной высадки въ тылу... Ожидалъ ее сперва тамъ и ген. Кондратенко... Тогда и стали укрѣплять. Ген. Фокъ былъ съ этимъ вполнѣ согласенъ. Всего окоповъ было выкопано 8 верстъ, а занималъ ихъ одинъ только мой полкъ. Этого было совершенно недостаточно... Недѣли за двѣ стали присылать артиллерію... Я не думалъ, что ея будетъ много, но прислали много, хотя это былъ все сбродъ. Это было то, что ненужно въ Артурѣ. Трубокъ было много, снарядовъ по 60-ти, снаряды и трубки по калибрамъ. Мѣстамп артиллерія имѣла прикрытіе. Былъ ли гдѣ-нибудь складъ снарядовъ, я не знаю, но если бы зналъ, то принялъ бы мѣры къ доставкѣ ихъ на позицію. 13-го мая, на разсвѣтѣ, очень рано, непріятель открылъ артиллерійскій огонь. Такъ какъ у противника было болѣе 100 орудій, то наша артиллерія скоро стала замолкать. Она была забита непріятельской артиллеріей.... Шт.-кап. Высокихъ говорилъ мнѣ потомъ, что не хватило снарядовъ, а у нѣкоторыхъ батарей была перебита прислуга. Первой замолчала батарея № 2, послѣднею—батарея № 5. Это было около 12-ти часовъ дня. Непріятель окружилъ позицію кольцомъ со всѣхъ сторонъ. Оттуда, гдѣ я находился, онъ былъ виденъ весь, какъ на ладони, до послѣдняго человѣка... И я почувствовалъ, что силы наши ничтожны. Роты моего полка были расположены по сомкнутымъ укрѣпленіямъ: траншеи между ними были не заняты. Роты отдѣлялись одна отъ другой большими пространствами, вовсе не защищенными. Непріятель могъ прорваться свободно въ эти промежутки... Въ резервѣ у меня было двѣ роты. Этого было слишкомъ мало, чтобы упорно оборонять позицію, и я просилъ поддержки у ген. Фока... Главный ударъ былъ направленъ японцами на нашъ правый флангъ... Тутъ было нѣсколько незанятыхъ нами деревень, прикрываясь которыми противникъ могъ подойти незамѣтно. Поэтому я послалъ туда одну роту, которая должна была занять промежутокъ между 8-й и 3-й ротами. Атака на нашъ правый флангъ была, однако, блистательно отбита. Тогда противникъ сталъ угрожать нашему лѣвому флангу. Батарея № 15, главная опора этого фланга, была совершенно разбита. Я послалъ туда одну роту 14-го полка... Прошелъ часъ... Охот-

никъ возвращается и докладываетъ, что роты не нашелъ... Я обратился къ ген. Фоку съ просьбой обезпечить лѣвый флангъ отъ обхода высылкой частей уступами. Японцы вѣдь шли уже по водѣ. Огонь непріятеля по позиціи былъ невѣроятно силенъ—и мнѣ казалось, что никто не останется въ живыхъ. Дѣйствительно, я получилъ отъ командира 5-й роты записку о томъ, что весь его окопъ уничтоженъ и что онъ отвелъ остатокъ людей въ оврагъ. Чтобы какъ-нибудь обезпечить этотъ пунктъ, я послалъ на редутъ № 8-й небольшую команду. Она туда дошла, заняла его, и бой продолжался... Вдругъ я замѣтилъ, что съ лѣваго фланга выходятъ люди... Это были охотники 13-го и 14-го полковъ... Начиналось отступленіе. Замѣтивъ его, я послалъ ген. Фоку донесеніе о томъ и просилъ его поддержать полкъ... Самъ я пошелъ навстрѣчу отступавшимъ и отъ нихъ узналъ, что „приказано отступать“... Я былъ пораженъ... Но командиръ 7-й роты подтвердилъ мнѣ это... Затѣмъ прискакалъ солдатъ, охотникъ, и также передалъ это приказаніе отступать. Сперва я пытался было остановить уходившихъ съ позиціи людей—и вернуть ихъ въ окопы... Но отступленіе дѣлалось общимъ, и я уже старался только привести его въ порядокъ... Та часть полка, которая была со мною, отходила цѣпью и заняла позицію въ тылу, на которой простояли до ночи...

Изъ этого разсказа, не краснорѣчиваго, но потрясающаго своею простотою, ясно одно: высшаго руководства босмъ не было. Не было ни диспозиціи, ни какихъ-либо категорическихъ приказаній со стороны ген. Фока. Отъ него получено было во время боя одно лишь указаніе на необходимость беречь лѣвый флангъ, да благодарность полку за стойкость.

Изнемогая подъ огнемъ противника, потерявъ во время боя 75 проц. офицеровъ, ген. Третьяковъ трижды просилъ о поддержкѣ и только по третьему разу получилъ двѣ роты. Онѣ, однако, не спасли лѣвый флангъ.

— Но если бы я получилъ два батальона, посланные мнѣ Надѣинымъ,—говоритъ Третьяковъ...

— Довели ли бы вы, однако, эти два батальона до окоповъ подъ тѣмъ огнемъ, о которомъ вы говорили?—перебиваетъ его защитникъ Фока.

— Нѣтъ, до окоповъ не довелъ бы,—признается Третьяковъ,—но я занялъ бы ими окопы сзади.

— Сколько войскъ было всего на позиціи въ день боя?—спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ.

— Одинъ мой полкъ и двѣ роты 14-го полка.

— А гдѣ были остальныя войска и самъ ген. Фокъ?

— Генералъ находился на ст. Тафашинъ, это верстахъ въ трехъ отъ позиціи, и оттуда отдалъ приказъ отступать... А гдѣ были остальныя войска, я не знаю...

— О томъ, что позиція недостаточно прочно занята войсками, вы докладывали ген. Стесселю и Фоку?

— Да, я просилъ ген. Стесселя усилить мой полкъ... И онъ согласился... Но ген. Фокъ сказалъ, что эту позицію можно защищать и двумя ротами... Для меня стало тогда ясно, что онъ ее вовсе не хочетъ защищать...

— Отъ кого же исходило приказаніе отступать? Поручикъ Музалевскій говоритъ, что такого приказа не было?..

— Помнится, въ письмѣ, мною полученномъ, прямо говорилось, что Музалевскій видѣлъ офицера, который передалъ приказъ ген. Фока отступать. И фактъ тотъ, что такой приказъ былъ... Онъ полученъ на позиціи между 4—5 часами дня.

— А не предполагалъ ли ген. Фокъ перейти 13-го мая въ наступленіе?

— Предполагалъ... И это было возможно...

— Считали ли вы себя начальникомъ позиціи? — спрашиваетъ свидѣтеля членъ суда, ген. Рузскій.

— Считалъ.

— И вамъ были подчинены орудія?

— Да.

— На чемъ было основано ваше убѣжденіе защищать позицію до послѣдней капли крови?

— На словахъ ген. Кондратенко, котораго я просилъ выяснить мою роль, роль моего полка и степень упорности обороны позиціи.

— Наканунѣ боя получали ли вы отъ ген. Фока приказанія?

— Категорическихъ—нѣтъ. И диспозиціи—также.

— А во время боя?

— Я сносился съ ген. Надѣинымъ.

— Объясните же вашу роль 13-го мая,—обращается тогда къ подсудимому генералу Фоку членъ суда, баронъ Остенъ-Сакенъ. Опредѣлили ли вы мѣсто, гдѣ васъ надо было найти?

— Ничего я не опредѣлялъ,—отвѣчаетъ Фокъ.—Я поручилъ Надѣину командовать на позиціи, а самъ остался на ст. Тафашинъ... Когда же узналъ, что бой склоняется не въ нашу пользу, то поѣхалъ самъ на Цзиньчжоу... Говорятъ, что я былъ взволнованъ и выругалъ какого-то рядчика... Ну, это понятно!.. Пришелъ какой-то...

— Защищая свою честь,—останавливаетъ его предсѣдатель,—прошу не увлекаться и не оскорблять чужое достоинство.

Допросъ этого свидѣтеля занялъ не много времени. Онъ установилъ лишь тотъ фактъ, что въ Нангалинѣ, въ тылу Цзиньчжоуской позиціи, по требованію Фока, устроенъ былъ складъ снарядовъ для скорострѣльной артиллеріи отряда, оборонявшаго Цзиньчжоу, и переданъ свидѣтелемъ въ распоряженіе штаба 4-й в.-сиб. стр. дивизіи. Всѣ объ этомъ знали. Благодаря ему, скорострѣльная артиллерія отряда генерала Фока была вполнѣ обезпечена снарядами. Изъ нангалинскаго склада было израсходовано очень немного. Слабая поддержка обороняющагося со стороны этой артиллеріи—всего 4-хъ батарей—объясняется большою дистанціею до противника съ Тафашинскихъ высотъ, гдѣ расположены были полевыя батареи. Ихъ роль была скорѣе противоштурмоваго средства.

Генералъ-лейт. Никитинъ.

— Развѣ полевую артиллерію нельзя было поставить ближе?—спрашиваютъ свидѣтеля.

— Нѣтъ, тамъ не было позиціи... Тамъ известковыя горы, очень близко подходившія къ цзиньчжоуской позиціи...

— Чѣмъ же вы объясняете отступленіе?

— Не могу доложить, но отъ кап. Гобято знаю, что первое приказаніе объ отступленіи онъ получилъ отъ Ирмана въ 2 часа 5 мин., а батарея Романовскаго—отъ него же въ 4½ часа. Почему онъ далъ такое приказаніе, не могу доложить.

— Генералъ-лейт. Фокъ,—обращается къ этому подсуди-

мому предсѣдатель,—было ли вамъ извѣстно о существованіи запасовъ для артиллеріи Цзиньчжоуской позиціи.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ ген. Фокъ,—я зналъ только о снарядахъ для пушекъ Канэ.

Генер.-маіоръ Грязновъ. — Участіе мое въ бою было небольшое, объясняетъ ген. Грязновъ.

Свидѣтель командовалъ 15-мъ вост.-спб. стр. полкомъ, для котораго ген. Фокъ въ самый разгаръ боя выбиралъ позицію въ бухтѣ Инчензы.

— Зачѣмъ вы ѣздили въ бухту Инчензы?—спрашиваютъ свидѣтеля.

— На разсвѣтѣ 13-го мая я получилъ донесеніе, что тамъ появился миноносецъ. Я сообщилъ объ этомъ генералу Фоку, но самъ былъ спокоенъ. Тамъ было двѣ роты при батальонномъ командирѣ. Когда ген. Фокъ ѣхалъ на позицію, то спросилъ меня: что вы тутъ стоите, когда въ бухтѣ перестрѣлка?.. Стрѣлялъ миноносецъ... Я и поѣхалъ туда...

— А генералъ Фокъ?

— Онъ также туда поѣхалъ.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Да вы-то зачѣмъ поѣхали?

— Посмотрѣть, какъ стоятъ мои двѣ роты.

— Выбирали позицію для полка?

— Нѣтъ, какая же позиція для двухъ ротъ... Полкъ остался у Тафашина...

— Можетъ быть, генералъ Фокъ выбиралъ?

— Не знаю.

Такъ ничего опредѣленнаго отъ свидѣтеля этого и не добились. Ясно было только одно, что если свидѣтелю, какъ полковому командиру, можетъ быть, и можно было туда съѣздить, то генералу Фоку ѣздить было незачѣмъ.

Капитанъ Ясенскій. Свидѣтель командовалъ въ цзиньчжоускомъ бою 2-й батареей 4-й бригады. Она стояла на лѣвомъ флангѣ Тафашинскихъ высотъ. Стрѣляли на предѣльную дистанцію. Снаряды въ Нангалинѣ были, но не для скорострѣльныхъ орудій... Въ 6 час. батарея получила приказаніе ген. Фока отступать. При отступленіи онъ перемѣшанныхъ частей не видѣлъ.

IV. 1-е декабря. — Засѣданіе 4-е.

Продолжается изслѣдованіе обстоятельствъ цзиньчжоускаго боя: допросъ свидѣтелей: генераловъ Бѣлаго, Никитина и Третьякова, полковника Дмитревскаго, подполковниковъ Романовскаго, Одинцова и Гурко.

Сегодня допрашиваются болѣе или менѣе второстепенные свидѣтели — участники боя; тѣмъ не менѣе показанія ихъ создаютъ въ судѣ чрезвычайно напряженную атмосферу, вызываютъ, большія, страстныя пререканія между сторонами и между свидѣтелями и подсудимыми. Видимо, вражда, разъединявшая защитниковъ Артура во время обороны его, не погасла отъ времени, но вспыхнула съ новою силою, разгорѣлась яркимъ пламенемъ и захватила даже тѣхъ, кто тамъ не былъ, а теперь, по своему положенію, долженъ сохранять полное спокойствіе, трезвость ума и душевное равновѣсіе.

И вотъ, въ сегодняшнемъ засѣданіи поводомъ къ взрыву страстей явилось показаніе бывшаго начальника Квантунской (Портъ-Артурской) крѣпостной артиллеріи, генералъ-маіора *Бѣлаго*.

Генер.-маіоръ Бѣлый.

Онъ говоритъ:

— Позиція на Цзиньчжоу — не полевая, а позиція-застава. Поэтому и артиллерійское вооруженіе предполагалось дать ей солидное. Ея назначеніе — задерживать противника съ сѣвера. Но до войны ее не укрѣпляли, а во время войны уже не могли выполнить въ отношеніи ея вооруженія то, что предполагалось. Пушки Канэ послало на позицію морское начальство Артура передъ самымъ боемъ. Почему такъ поздно, — не знаю. Одну вовсе не успѣли поставить—и объ онѣ достались непріятелю. Объ этомъ предупреждали. Говорили, что посылать не слѣдуетъ, будутъ потеряны, а между тѣмъ, онѣ дороги въ Артурѣ. Но Кондратенко настоялъ. Однако, всѣ русскія позиціонныя орудія были снабжены комплектомъ въ 200 снарядовъ, всѣ китайскія—военная добыча 1900 г.—комплектомъ въ 146 снарядовъ, увеличеннымъ потомъ до 170. Этого количества ихъ, по всѣмъ расчетамъ,

должно было хватить на пять дней боя. Сорокъ снарядовъ на день, это выработано опытомъ и установлено табелью. Это расчетъ комплекта для крѣпостныхъ пушекъ. Почему ихъ не хватило даже на одинъ, свидѣтель не знаетъ. Полагаетъ, что на нѣкоторыхъ батареяхъ они еще оставались... Не получая никакихъ требованій объ усиленіи артиллерійской обороны позиціи, свидѣтель доложилъ ген. Стесселю, что по собственной инициативѣ посылаетъ на Цзиньчжоу снаряды и артиллеристовъ. Люди были посланы 12-го мая, снаряды ранѣе. Имъ же доставленъ былъ на позицію еще суточный запасъ снарядовъ, для позиціонной артиллеріи—по 60 на орудіе... Вагонъ съ ними прибылъ на станцію Тафашинъ въ 6 ч. утра 13-го мая, но кѣмъ-то возвращенъ оттуда на 5-ю версту, изъ опасенія, чтобы онъ не былъ обстрѣлянъ противникомъ, огонь котораго достигалъ до станціи. Ему донесъ объ этомъ подполковникъ Тахателовъ. Ему и теперь удостовѣрилъ этотъ фактъ капитанъ Ручьевъ.

Нангалинскій складъ снарядовъ также не былъ использованъ.

Слыша послѣ боя нареканія на своихъ артиллеристовъ, свидѣтель произвелъ формальное разслѣдованіе ихъ дѣйствій и узналъ, что еще до боя отдано было приказаніе артиллеристамъ, разстрѣлявъ патроны, уходить съ позиціи, а орудія взрывать рокъ-а-рокомъ.

Свидѣтель полагаетъ, что это обстоятельство имѣло вліяніе на быстрый разстрѣлъ снарядовъ. Онъ узналъ также, что сами артиллеристы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда орудія были подбиты, взрывали снаряды, вмѣсто того, чтобы передать ихъ на уцѣлѣвшія еще батареи. Это роковое приказаніе отдано было начальникомъ позиціи полк. Третьяковымъ, а этотъ послѣдній говорилъ, что получилъ его отъ начальника отряда, ген. Фока.

По предложенію защитника ген. Фока изъ отчета ген. Бѣлаго читается страница, посвященная описанію цзиньчжоускаго боя. Это краткая, но рѣзкая критика боя: въ немъ участвовалъ только 5-й полкъ, 13-й, 14-й, 15-й и 16-й полки (послѣдній — въ г. Дальнемъ) и два запасныхъ батальона не были введены въ дѣло... Ген. Фокъ, съ началомъ отступленія, уѣхалъ въ Артуръ...

Упоминается въ отчетѣ и объ отданномъ будто бы послѣднимъ распоряженіи: артиллеристамъ, разстрѣлявъ снаряды, уходить съ позиціи.

— Какъ могли вы, говоритъ свидѣтелю защитникъ ген. Фока,—писать объ этомъ въ докладѣ, когда знаете это только по слухамъ?

— Я считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это хотя бы для раскрытія правды, — возражаетъ ген. Бѣлый. — Наконецъ, я слышалъ это не изъ невѣдомыхъ источниковъ, а отъ извѣстныхъ мнѣ офицеровъ, моихъ подчиненныхъ, отъ самого полк. Третьякова.

Встаетъ Фокъ и въ свою очередь обрушивается на Бѣлаго.

— Вы обвиняете меня въ томъ, что я бросилъ ввѣренную моей защитѣ позицію... Уѣхалъ въ Артуръ... Но вѣдь это преступленіе, караемое смертною казнью? Какъ могли вы это сдѣлать на основаніи только слуховъ!? Нѣтъ, я заявляю, что въ Артуръ я попалъ впервые въ іюлѣ.

— Только 17-го іюля,—удостовѣряетъ и Стессель.

— Отъ своихъ офицеровъ, участниковъ боя, и отъ другихъ я слышалъ, что вы уѣхали изъ Тафашина въ Артуръ.

— А вы вѣрили?

— Тогда вѣрилъ. Вы могли и не доѣхать до Артура. Но такъ оцѣнивался тогда вашъ отъѣздъ съ позиціи другими.

Тогда генералъ Фокъ подробно разсказываетъ суду объ обстоятельствахъ своего отъѣзда изъ Тафашина.

— До поста „Перелетный“ я ѣхалъ верхомъ. На ст. Напгалинъ должна была собраться вся дивизія. Туда шелъ поѣздъ съ ранеными и отъ „Перелетнаго“ къ нему прицѣпленъ былъ мой вагонъ. Но произошла паника. Я вышелъ изъ вагона — и пока усмирялъ ее, поѣздъ ушелъ и увезъ мою лошадь. Тогда я пошелъ пѣшкомъ на огонь стрѣлявшихъ въ панникѣ людей. Какой-то офицеръ далъ мнѣ лошадь. На ней я и пріѣхалъ въ Напгалинъ, гдѣ пробылъ до 7-ми часовъ утра 14-го мая...

— А можно ли было питать позицію снарядами?—спрашиваетъ генерала Бѣлаго членъ суда, баронъ Остенъ-Сакенъ.

— Можно было — почью.

— А увезти орудія?

— Предполагалось позицію оборонять упорно. Но приказаніе свыше измѣнило положеніе дѣла. Все-таки позиціонныя орудія можно было почью увезти. Они были колесныя. О легкихъ пушкахъ и говорить нечего. А зачѣмъ тамъ брошены были пулеметы,—я не знаю. Ихъ могли унести двое солдатъ каждый. Они были дороги намъ въ Артурѣ.

Защитникъ генерала Фока продолжаетъ сомнѣваться въ нахожденіи вагона со снарядами на ст. Тафашинъ.

Ген. Бѣлый энергично отстаиваетъ свое заявленіе.

— Удостовѣряю, что на ст. Тафашинъ вагонъ со снарядами стоялъ и былъ возвращенъ при отступленіи.

— Зналъ ли объ этомъ полк. Третьяковъ?

— Точно не знаю, но полагаю, что зналъ.

Въ заключеніе допроса этого свидѣтеля, ген. Домбровскій возбуждаетъ вопросъ о необходимости пріостановить до окончанія суда опубликованіе отчета ген. Бѣлаго, предположенное артиллерійскимъ комитетомъ, на разсмотрѣніи котораго онъ находился.

— Это подрываетъ достоинство моего подзащитнаго,—говоритъ онъ.

Согласно съ заключеніемъ ген. Гурскаго, судъ отклоняетъ это ходатайство, находя его преждевременнымъ и не относящимся къ компетенціи суда.

— Генералъ Фокъ не обвиняется въ томъ, что уѣхалъ въ Артуръ, а въ томъ, что оставилъ позицію.

Допросъ ген. Бѣлаго конченъ. По просьбѣ защитника читается реляція о боѣ командира 14-го вост.-сиб. стр. полка полковника Савицкаго. Защита хочетъ ею доказать, что въ бою участвовалъ и этотъ полкъ. Изъ нея оказывается, что нѣкоторыя роты его дѣйствительно были введены въ бой и полкъ потерялъ въ немъ двухъ офицеровъ и около 100 нижнихъ чиновъ ранеными, и 20 нижнихъ чиновъ убитыми. Патроновъ же полкомъ израсходовано 62 тысячи.

Ген. шт. подп. Романовскій.

Георгіевскій кавалеръ. Состоялъ въ штабѣ 4-й вост.-сиб.стр. дивизіи оберъ-офицеромъ для порученій и въ бою сопровождалъ ген. Фока на позицію.

— Когда это было?—спрашиваютъ его.

— Около 9 час. утра ген. Фокъ вернулся въ Нангалинъ

изъ рекогносцировки бухты, гдѣ появился непріятельскій миноносецъ... Около 11 час. утра мы переѣхали на ст. Тафашинъ... На самую позицію, собственно къ казармамъ 5-го полка, мы прибыли около 2 часовъ дня, а ушли съ нея въ четверть четвертаго часа. Къ этому времени артиллерія уже молчала. По дорогѣ встрѣтили отходящій обозъ и патронныя двуколки 5-го полка. Генералъ ихъ вернулъ... Третьякову послано было приказаніе держаться до послѣдняго человѣка. Онъ же доносилъ, что на батареяхъ нѣтъ снарядовъ, орудія подбиты, артиллеристы ушли... Въ 1 часъ дня просилъ подкрѣпленія. Ему послали двѣ роты. Генералу Стесселю ген. Фокъ доносилъ: „Какъ 5-й полкъ держится и представить себѣ не могу, но держится молодцомъ...“

Въ Нангалинѣ не было снарядовъ для позиціонной артиллеріи, а если и были, то, можетъ быть, для скорострѣльныхъ пушекъ или для пушекъ Канэ.

По словамъ свидѣтеля, ген. Фокъ не отдавалъ приказанія вернуть два батальона, высланные изъ резерва ген. Надѣинымъ на помощь 5-му полку.

Въ 6 ч. 50 м. свидѣтель увидалъ, что 5-й полкъ отходитъ... Пріѣхалъ полковой адъютантъ съ докладомъ, что японцы прорвались на лѣвомъ флангѣ. Приказанія объ отступленіи ген. Фокъ не отдавалъ, а лишь санкціонировалъ совершившійся фактъ и уѣхалъ на Перелетный постъ. Прекративъ начавшуюся здѣсь панику, генералъ Фокъ уѣхалъ въ Нангалинъ. Войска отошли отъ позиціи на 40 верстъ и стали передъ Волчьими горами. Штабъ ген. Фока расположился въ д. Талингоу.

— Какое участіе приняли въ бою 13-й и 14-й полки? — спрашиваетъ прокуроръ.

— Изъ 13-го полка участвовали въ бою 2 роты и охотничья команда, а изъ 14-го полка—7 ротъ и 2 пѣшихъ охотничьихъ команды.

— Прокуроръ опредѣляетъ время моего нахожденія на позиціи пребываніемъ на батареѣ № 10, — говоритъ подсудимый ген. Фокъ по поводу допроса свидѣтеля представителемъ обвиненія.—Это невѣрно. Начальникъ долженъ находиться въ сферѣ распоряженія боемъ, а не въ сферѣ огня. И то, что я туда поѣхалъ, было безумiемъ. Я былъ въ Та-

фашинѣ, а онъ уже сильно обстрѣливался... Но я хотѣлъ произвести на войска впечатлѣніе... Хотѣлъ имъ показать, что я все тотъ же Фокъ, какимъ былъ въ турецкую войну. Когда я былъ на самой позиціи, окруженный офицерами, вотъ тогда я и говорилъ имъ, что здѣсь хуже, чѣмъ на Шипкѣ... Я сравнивалъ свои старыя впечатлѣнія отъ 5-ти пудовыхъ мортиръ съ тѣмъ, которое огонь японскихъ орудій долженъ былъ производить теперь на молодыхъ офицеровъ... Мое появленіе имѣло огромные результаты...

— Но вы доносили ген. Стесселю и утверждали на слѣдствіи, что положеніе критическое, что хуже, чѣмъ на Шипкѣ?—спрашиваетъ его обвинитель.—По крайней мѣрѣ въ обвинительный актъ это внесено изъ вашихъ собственныхъ объясненій...

— Я не помню, что говорилъ въ слѣдственной комиссіи. Я былъ взволнованъ... Мнѣ ставились такіе вопросы...

— Генералъ Фокъ обладаетъ такимъ темпераментомъ,— поддерживаетъ его и ген. Домбровскій, — что прилетаетъ всякія слова... Онъ это, можетъ быть, и говорилъ, но не для донесенія, которое писалъ адъютантъ...

Генералъ-лейт. Никитинъ. Послѣ этого у суда проситъ слова уже допрошенный однажды свидѣтель, бывшій начальникъ артиллеріи 3-го спб. арм. корпуса, ген.-л. Никитинъ. Онъ также говоритъ, что въ слѣдственной комиссіи онъ нервничалъ...

— Всѣ мы изнервничались. Когда я давалъ показаніе въ слѣдственной комиссіи, я только что вернулся изъ плѣна. Онъ меня измоталъ... Тогда я и говорилъ, что ген. Стессель, оставаясь во время боя на Цзишьчжоу въ Артурѣ, нервничалъ... Это невѣрно... Онъ былъ взволнованъ, но потомъ успокоился и сталъ какъ камень... Какъ камень!— восклицаетъ ген. Никитинъ, простирая руку къ Стесселю.

Но защитительная рѣчь свидѣтеля переходитъ въ обличительную, когда онъ говоритъ о крѣпостныхъ артиллеристахъ.

— Когда я встрѣтилъ подполковника Тахателова послѣ боя, я сказалъ ему: „Какъ вы, старый артиллеристъ, не были на позиціи, чтобы импонировать тамъ своимъ видомъ?.. Мы, старые артиллеристы, должны обладать пассивною стойкостью

и умирать у своихъ орудій“... И знаете, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ? — „Я не могъ прибыть, потому что путь былъ прерванъ“... Гдѣ былъ Тахателовъ, тамъ были и снаряды, о которыхъ ген. Бѣлый говорилъ здѣсь, что они были въ Тафашинѣ. Гдѣ же былъ Тахателовъ?

— Генералъ Фокъ,—продолжаетъ свидѣтель,—все время былъ при отрядѣ... Когда я доложилъ ген. Стесселю, что отрядъ Фока отходитъ съ позиціи, онъ сказалъ:—5-й полкъ я поставлю на Волчьихъ горахъ, — пусть успокоится, отдохнетъ, а отрядъ будетъ драться на передовыхъ позиціяхъ... Полевой артиллеріи подъ Цзинъчжоу было не 9 батарей, а всего пять.

— Что вамъ угодно еще, ваше превосходительство?— обращается Никитинъ въ заключеніе своей рѣчи къ защитнику ген. Фока. Тотъ молчитъ [1]).

---

[1]) По поводу брошенныхъ ген. Никитинымъ въ этомъ своемъ показаніи полков. Тахателову обвиненій, въ „Нов. Времени“ (№ 11452) появилось слѣдующее „письмо въ редакцію“:

„По поводу вышеприведеннаго показанія свидѣтеля генерала Никитина адъютантомъ генерала Бѣлаго штабсъ-капитаномъ Вознесенскимъ получена изъ гор. Владивостока телеграмма отъ генералъ-маіора Тахателова: „...генералъ Бѣлый приказалъ мнѣ 13-го мая въ 9 часовъ утра выѣхать на Кинь-Чжоу, поѣздъ отошелъ въ 11 часу и дошелъ только до Инчензы, гдѣ я досталъ съ большимъ трудомъ въ деревнѣ китайскую лошаденку и поѣхалъ дальше, прибылъ въ Нангалинъ въ 5—6 часовъ вечера, гдѣ встрѣтилъ всѣхъ своихъ; узнавъ обстоятельства дѣла, приказалъ имъ готовиться къ выступленію, на позицію, куда выѣхалъ самъ вмѣстѣ съ подполковникомъ Шварцомъ узнать положеніе дѣла. Въ Тафашинѣ узналъ, что позиція войсками оставлена. Все это извѣстно Баранову и Садыкову. Я ничего общаго со снарядами не имѣлъ, съ Никитинымъ не встрѣчался. Заявлено ли суду обо всемъ этомъ? Если нѣтъ, попросите Баранова написать опроверженіе въ газету. Ген.-м. *Тахателовъ*“.

Вышеприведенная телеграмма прислана мнѣ свидѣтелемъ по дѣлу капитаномъ Вознесенскимъ, такъ какъ послѣдній по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, не могъ сдѣлать верховному уголовному суду заявленіе по содержанію вышеприведенной телеграммы. Какъ одинъ изъ участниковъ боя при Кинь-Чжоу, я съ своей стороны могу подтвердить нижеслѣдующее: 1) Послѣ того какъ рота крѣпостной артиллеріи, не имѣя въ своемъ распоряженіи зарядовъ, снарядовъ и трубокъ для продолженія артиллерійскаго боя, потерявъ значительную часть своихъ орудій подбитыми и больше двухъ-третей личнаго состава убитыми и ранеными, получила отъ коменданта

Генер.-маіоръ Бѣлый. Встаетъ генералъ Бѣлый.

— Въ первый разъ слышу,—говоритъ онъ,—что

позиціи полковника Третьякова приказаніе отойти къ мѣсту расположенія обоза 5-го В.-С. стрѣлковаго полка, на станцію Нангалинъ, я пробирался по дорогѣ къ Нангалину съ остатками людей своей батареи (изъ 50 человѣкъ только 7 могли ходить, остальные либо остались на мѣстѣ, либо были увезены въ лазаретныхъ двуколкахъ), тутъ я встрѣтилъ поручика Ручьева, который спросилъ меня, гдѣ можно найти коменданта позиціи, въ распоряженіе котораго онъ присланъ; сказалъ онъ мнѣ также, что прибылъ вагонъ со снарядами, но что вслѣдствіе перерыва желѣзнодорожнаго сообщенія и страшнаго непріятельскаго огня по всѣмъ дорогамъ къ позиціи, онъ не знаетъ, какимъ образомъ эти снаряды могутъ быть доставлены на батареи. 2) Подполковникъ Тахателовъ (нынѣ генералъ-маіоръ) исполнялъ обязанности во время войны завѣдывающаго практическими занятіями Квантунской крѣпостной артиллеріи и жилъ въ Портъ-Артурѣ, гдѣ на немъ лежала забота по приведеніи крѣпости въ боевую готовность и руководство огнемъ береговыхъ батарей въ непрерывныхъ бояхъ съ непріятельскимъ флотомъ. Вечеромъ 13-го мая, когда остатокъ бывшей на позиціи артиллерійской роты собрался на станціи Нангалинѣ, къ намъ прибылъ подполковникъ Тахателовъ, онъ немедленно приказалъ намъ идти обратно на позицію. Мы, артиллерійскіе офицеры, попробовали было замѣтить ему, что позиціи уже не существуетъ, на что подполковникъ Тахателовъ сильно разсердился, заявивъ намъ, что по имѣющимся въ Артурѣ свѣдѣніямъ, положеніе дѣла на позиціи вполнѣ благопріятно для насъ и что японскія атаки отбиты и что японцы отступили. По его распоряженію люди были построены на желѣзнодорожной платформѣ, при чемъ разрѣшено было оставить на станціи лишь тѣхъ, которые совершенно не могли двигаться, приказаніе это было исполнено, и мы готовы уже были идти вновь на позицію, когда подполковникъ Тахателовъ нѣсколько измѣнилъ свое приказаніе: онъ рѣшилъ предварительно лично проѣхать впередъ на позицію, приказавъ быть всѣмъ въ полной готовности къ выступленію. Часа черезъ полтора подполковникъ Тахателовъ вернулся — позиція дѣйствительно была уже въ рукахъ японцевъ съ 5-ти часовъ вечера и наши войска отступали.

„Вотъ то, чему я былъ лично свидѣтелемъ. Изъ того, что мною изложено, слѣдуетъ: 1) что посылка снарядовъ на позицію и командировка подполковника Тахателова связи между собой не имѣли и 2) что подполковникъ Тахателовъ именно горячо желалъ „быть во время боя на батареяхъ, умереть вмѣстѣ съ умирающей артиллеріей“ и сдѣлалъ для этого все отъ него зависящее.

Севастопольской крѣпостной артиллеріи капитанъ *Барановъ*.
Бывшій командиръ батареи № 1 на позиціи подъ Кинь-Чжоу“.

снаряды не дошли. Я имѣю отъ Тахателова телеграмму о томъ, что онъ туда прибылъ, явился генералу Фоку, который распредѣлилъ посланныхъ мною артиллерійскихъ офицеровъ по пѣхотнымъ частямъ, а снаряды отправилъ обратно... Того, что высказалъ ему ген. Никитинъ, Тахателовъ мнѣ не докладывалъ...

— Ну, это понятно,—замѣчаетъ предсѣдатель и проситъ ген. Бѣлаго представить суду эту телеграмму.

Ген. шт. полк. Дмитревскій.

Новый свидѣтель былъ начальникомъ штаба дивизіи ген. Фока. Отъ его показаній можно было ожидать многаго. Но эти ожиданія не оправдались, какъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ діалогамъ:

— Вы имѣли въ бою какое-либо особое порученіе,—спрашиваетъ свидѣтеля членъ суда, генералъ Мыловъ.

— Нѣтъ.

— Стало быть, вы исполняли во время боя обязанности начальника штаба при генералѣ Фокѣ?

— Никакъ нѣтъ.

— Что же вы дѣлали?

— Я оторвался отъ генерала съ ранняго утра...

— Почему?

— Услыхавъ въ 4 часа утра выстрѣлы на Цзиньчжоу, я поѣхалъ туда...

— Стало быть, вы имѣли особое порученіе?

— Нѣтъ, не имѣлъ...

— Поѣхали безъ разрѣшенія?

— Безъ...

— Странно!—заканчиваетъ допросъ ген. Мыловъ.

Тогда его начинаетъ другой членъ суда, ген. Саранчевъ...

— Была ли отдана диспозиція на 13-е мая?

— Не знаю.

— Но вѣдь вы были начальникомъ штаба ген. Фока?— недоумѣвающе спрашиваетъ генералъ.

— Диспозиціи на 13-е мая отдано не было... Я всѣмъ распоряжался на словахъ,—заявляетъ ген. Фокъ.

Сущность показанія полк. Дмитревскаго сводится къ слѣдующему:

— Свѣдѣній о высадкѣ японцевъ въ тылу было очень много, но имъ нельзя было придавать значеніе. Въ 5-мъ

часу утра 13-го мая свидѣтель уѣхалъ на позицію и донесъ ген. Року, что бой начался. На рекогносцировку позиціи для 15-го полка въ бухту Хенуеза—не ѣздилъ. Около 12-ти часовъ дня, близъ батареи № 13, отчетливо видѣлъ ген. Фока поднимающимся на цзиньчжоускую позицію. Въ 6 часовъ вечера къ ген. Року явился адъютантъ 5-го полка, поруч. Глѣбъ-Кошанскій и доложилъ, что 5 рота отступила, а за нею отступили и другія. Въ это время ген. Фокъ стоялъ на платформѣ станціи „Тафашанъ“ и обсуждалъ съ начальникомъ охотничьихъ командъ вопросъ о переходѣ ночью въ наступленіе этими командами. Но въ это время свидѣтель увидалъ на батареѣ № 13 японскаго знаменщика и доложилъ генералу, что теперь уже поздно объ этомъ думать, что надо отдать распоряженіе объ организаціи отступленія и что людей можно собрать и остановить на полустанкѣ „Перелетный постъ“. — „Пусть идутъ прямо на ст. Нангалинъ въ томъ порядкѣ, какъ сейчасъ идутъ, съ офицерами“, —сказалъ ген. Фокъ, потребовалъ себѣ лошадь и отправился къ биваку 15-го полка.

Вечеромъ 13-го мая свидѣтель слышалъ, что ген. Фокъ вернулъ два батальона, высланные на позицію изъ резерва.

— Почему? — не знаю. Генералъ мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ.

Подъ начальствомъ полк. Третьякова на позиціи было 12 ротъ 5-го полка (въ томъ числѣ одна рота цѣлкомъ изъ запасныхъ), 1 рота 13-го полка (шт.-кап. Ратайскаго), рота пограничной стражи и нѣсколько охотничьихъ командъ. Остальныя части дивизіи стояли на Тафашинской позиціи.

О существованіи склада снарядовъ въ Нангалинѣ свидѣтель не помнитъ.

— Сомнительно,—говоритъ онъ,—потребности не было. Относительно снарядовъ для китайскихъ пушекъ, бывшихъ на позиціи, ген. Фокъ говорилъ мнѣ, что ген. Бѣлый выслалъ для нихъ всѣ снаряды. Но они были плохого качества. Вопросъ о пріобрѣтеніи для нихъ новыхъ снарядовъ возникъ еще въ 1903 году, но главн. артил. управленіе не признало возможнымъ разрѣшить заказъ ихъ заводу Круппа, какъ въ виду принятія системы покровительства отечественной промышленности, такъ и потому, что не хо-

тѣли вообще увеличивать еще китайскими образцами разнообразіе калибровъ крѣпостной артиллеріи... Вообще же, китайскія пушки, поставленныя на позиціи, пользы намъ не принесли. Это былъ артиллерійскій хламъ.

Отрицаніе свидѣтелемъ склада снарядовъ въ Нангалинѣ вызываетъ горячее возраженіе ген. Никитина, котораго поддерживаетъ и генер. Фокъ заявленіемъ, что снаряды для полевой артиллеріи въ Нангалинѣ дѣйствительно были, но сложены они были тамъ хозяйственнымъ способомъ, почему полк. Дмитревскій могъ объ этомъ и не знать.

Возражаетъ свидѣтелю и ген. Бѣлый.

— Полк. Дмитревскій говорилъ о китайскихъ орудіяхъ не того калибра, въ заказѣ снарядовъ для которыхъ было отказано. Снаряды же для тѣхъ пушекъ, что стояли на Цзиньчжоу, были выписаны отъ Круппа. Называя китайскія пушки „хламомъ“, свидѣтель обвиняетъ меня въ томъ, что я подготовилъ паденіе позиціи. Нѣтъ, это былъ не „хламъ“. Была пробная стрѣльба и хотя снаряды рвались на разныхъ дистанціяхъ, но это еще не говоритъ о негодности снарядовъ. Во время боя стрѣльба всей позиціонной артиллеріи была очень успѣшна.

Ген. шт. подп. Одинцовъ.

Свидѣтель — бывшій оберъ-офицеръ для порученій при штабѣ 3-го спб. арм. корп. Его показаніе весьма неблагопріятно для генерала Фока.

— Когда утромъ 13-го мая ген. Фокъ потребовалъ себѣ лошадь, мы полагали, что онъ отправляется на позицію... Но оказалось, что онъ поѣхалъ совсѣмъ въ другое мѣсто, въ бухту Хенуэза, выбирать позицію для 15-го полка на случай высадки японцевъ въ тылу позиціи. Командиръ 15-го полка, баталіонные и ротные командиры должны были сопровождать ген. Фока... Я доложилъ генералу, что хорошо знаю эту мѣстность и, можетъ быть, это несложное дѣло онъ поручитъ мнѣ совмѣстно съ полк. Грязновымъ. Генералъ Фокъ промолчалъ. Когда выстрѣлы на позиціи усилились, я вторично доложилъ, не слѣдуетъ ли ѣхать на позицію, но ген. Фокъ и на это ничего не отвѣтилъ.

Поѣздка заняла около 3-хъ часовъ дорогого времени. Въ морѣ были видны два японскихъ миноносца. Ген. Фокъ убѣдился, что высадки тутъ не будетъ, и уѣхалъ въ Нан-

галишъ. Между тѣмъ опасаться высадки въ тылу вообще было нечего. Этого и не опасались ни комендантъ крѣпости, ни ген. Кондратенко. Объ этомъ послѣдній даже писалъ генер. Фоку 11-го мая.

По прибытіи на ст. Нангалишъ свидѣтель испросилъ у генерала Фока разрѣшеніе не ставить 15-й полкъ на выбранныя позиціи въ виду отсутствія въ морѣ транспортныхъ судовъ и невѣроятности ни высадки, ни демонстраціи, а отвести его въ общій резервъ у разъѣзда Перелетный постъ. Отведя полкъ и вернувшись на ст. Тафашишъ, свидѣтель узналъ, что ген. Фокъ пошелъ на правый флангъ позиціи. Свидѣтель послѣдовалъ за нимъ и нашелъ ген. Фока на высотѣ, у мѣста, гдѣ расположилась охотничья команда и полурота 5-го полка со знаменемъ и взводомъ саперъ. Все, происходившее на правомъ флангѣ позиціи, было ясно видно невооруженнымъ глазомъ. Наблюдалось приближеніе резервовъ; готовилась новая атака со стороны противника. Приказано было написать полк. Третьякову, чтобы онъ обращалъ болѣе вниманія на свой лѣвый флангъ. Полагая, что 5-й полкъ къ вечеру придется смѣнить однимъ изъ полковъ, стоявшихъ сзади позиціи, свидѣтель предложилъ генералу Фоку усилить пока флангъ позиціи саперами и полуротой 5-го полка, знамя этого полка отвести къ 15-му полку, а послѣдній подтянуть къ ст. Тафашишъ въ виду возможности болѣе сильнаго штурма. Получивъ согласіе генерала Фока, свидѣтель отвелъ знамя и привелъ $2^1/_2$ батальона 15-го полка, посовѣтовавъ расположить его въ 2-хъ неглубокихъ промоинахъ къ югу и западнѣе станціи. Полкъ тамъ и расположился. Но смѣны 5-го полка сдѣлано не было. Вернувшись на ст. Тафашишъ, свидѣтель нашелъ здѣсь генерала Фока со штабомъ. Генералъ Фокъ сказалъ свидѣтелю, что около 5 час. вечера онъ послалъ ген. Стесселю телеграмму, характеризующую положеніе дѣла, и ждетъ теперь отвѣта. Свидѣтель понялъ, что генералъ Фокъ находитъ нужнымъ очистить позицію. Противникъ въ это время велъ артиллерійскій огонь по площадямъ. Черезъ часъ получена была телеграмма отъ генерала Стесселя, прочитавъ которую, генералъ Фокъ сказалъ окружавшимъ его чинамъ штаба: „приказано отступать“, и почти немедленно уѣхалъ. Никакихъ распоряженій его по организаціи отступ-

ленія при этомъ свидѣтель не слышалъ. Первые отступавшіе съ позиціи люди появились въ Тафашинѣ черезъ 15—20 мин. послѣ отъѣзда Фока.

Одного полка для занятія позиціи, по мнѣнію свидѣтеля, было мало. Нужна была бригада. 13-й, 14-й и 15-й полки въ бой не были введены, кромѣ 2 ротъ и охотничьей команды.

— Развѣ тактическіе принципы допускаютъ въ бою смѣну однихъ частей другими? —спрашиваетъ иронически защитникъ ген. Фока. — Можно ли въ бою вывести одинъ полкъ изъ окоповъ, а другой въ нихъ посадить?

— Тактика этого дѣйствительно не рекомендуетъ, отвѣчаетъ Одинцовъ. — Но минувшая война не оправдала многихъ старыхъ принциповъ...

Предсѣдатель прекращаетъ этотъ диспутъ о тактическихъ принципахъ.

Ген. Фокъ въ своемъ объясненіи на показаніе свидѣтеля говоритъ, что капитанъ Одинцовъ ему не предлагалъ, а приказывалъ.

— Этого я допустить не могъ. Мой характеръ извѣстенъ. Показаніе этого свидѣтеля кратко.

Генер. штаба подполк. Гурко.

Генералъ Фокъ просилъ его до боя убѣдить генерала Смирнова, что оборонять Цзиньчжоу ни одинъ порядочный человѣкъ не станетъ и что центръ тяжести обороны слѣдуетъ перенести на Волчьи горы. Но генералъ Смирновъ съ этимъ не былъ согласенъ.

Стесселъ же говорилъ свидѣтелю, что на Цзиньчжоу надо задерживаться около мѣсяца.

Ген. Фокъ считалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „преступленіемъ“ помѣщать на позицію болѣе полка. По мнѣнію же свидѣтеля, требовалось болѣе.

Спрашивается, слѣдовало ли генералу Стесселю поручать оборону Цзиньчжоу именно ген. Фоку при такомъ различіи во взглядахъ на существо дѣла?

Генер.-маіоръ Третьяковъ.

Въ концѣ засѣданія, по поводу показаній ген. Бѣлаго, подполк. Романовскаго и ген. Никитина, передопрашивается ген. Третьяковъ, который показываетъ, что за три дня до боя онъ получилъ рокъ-а-рокъ и роздалъ его батареямъ для взрыва орудій и снарядовъ, на случай

очищенія позиціи. Приказанія скорѣе разстрѣливать свои снаряды и уходить, конечно, отдано не было... Былъ случай, что ушедшіе по недоразумѣнію артиллеристы вернулись снова на позицію дострѣливать остатки снарядовъ (шт.-кап. Барановъ).

Вслѣдствіе доклада начальника позиціонной артиллеріи, шт.-кап. Высокихъ, сдѣланнаго около 12 час. дня, свидѣтель былъ убѣжденъ, что артиллерія разстрѣляла всѣ свои запасы, и только вслѣдствіе этого далъ ему разрѣшеніе отводить артиллеристовъ съ позиціи...

О существованіи въ Нангалипѣ артиллерійскаго склада свидѣтель слышалъ. Диспозиціи для боя отдано не было, но распредѣленіе частей полка для боя было сдѣлано задолго. Были даже репетиціи занятія позиціи.

Въ заключеніе свидѣтель еще разъ категорически утверждаетъ, что ротъ 14-го полка онъ на позиціи не видѣлъ и въ своемъ распоряженіи ихъ не имѣлъ.

V. 3-е декабря—засѣданіе 5-е.

Продолжается изслѣдованіе цзиньчжоускаго боя. Допросъ свидѣтелей: инж.-подполк. **фонъ-Шварца**, инжен. десятника **Янова**, кап. 2-го ранга **Шельтинга**, к.-адм. **Лащинскаго**, ген. шт. подполк. **Одинцова**, подполк. **Бончъ-Осмоловскаго**, г-на **Курилова**, подполк. **Сычева**, поруч. **Садыкова**, шт.-кап. **Соломонова** и поруч. **Костюшко-Вилюжинича**; объясненія ген.-лейт. **Смирнова.**

Засѣданіе начинается съ заявленія генер. штаба подполковника Одинцова, что онъ желаетъ дать дополнительное показаніе, очень важное и имѣющее значеніе не только для него, свидѣтеля, но и для суда, который по тому, что онъ, подполковникъ Одинцовъ, имѣетъ сообщить, будетъ имѣть возможность оцѣнить по достоинству достовѣрность объясненій подсудимаго генерала Фока.

Такъ какъ подполковникъ Одинцовъ—тотъ самый свидѣтель, которому въ прошломъ засѣданіи ген. Фокъ далъ аттестацію офицера ген. штаба, „болтавшагося во время боя въ тылу“, то желаніе его дать новое и важное показаніе воз-

буждаетъ особый интересъ и сразу создаетъ въ залѣ суда атмосферу борьбы и сенсаціонныхъ разоблаченій.

Судъ сперва, какъ будто, хотѣлъ уклониться отъ нихъ, боясь, что вопросъ ставится подполковникомъ Одинцовымъ на личную почву, и предсѣдатель суда оставляетъ предложеніе свидѣтеля пока открытымъ, предполагая обсудить его потомъ, но представитель обвиненія, со стороны котораго вызванъ подп. Одинцовъ, проситъ судъ, при обсужденіи сдѣланнаго заявленія, имѣть въ виду его, прокурора, ходатайство о передопросѣ этого свидѣтеля.

Становится яснымъ, что подполковнику Одинцову будетъ предоставлено слово, пока же въ залъ приглашается для дачи показанія инженеръ подполковникъ фонъ-Шварцъ.

Инж.-подполк. фонъ-Шварцъ.

Свидѣтель—молодой инженерный офицеръ, георгіевскій кавалеръ, преподаватель Николаевской инж. академіи... Его перу за истекшее со времени осады время принадлежитъ рядъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій объ осадѣ Портъ-Артура:—„Изъ дневника инженера“; „Укрѣпленіе цзиньчжоуской позиціи“; „Борьба за Портъ-Артуръ“ (пер. съ нѣмецкаго); „Осада Портъ-Артура“ (пер. съ англійскаго) и, наконецъ „Вліяніе данныхъ борьбы за Портъ-Артуръ на устройство крѣпостей“ [1]). Послѣднее сочиненіе—его диссертація на каѳедру преподавателя инженерной академіи... Словомъ, предъ судомъ не только боевой офицеръ, но и ученый. Судъ слушаетъ этого свидѣтеля съ напряженнымъ вниманіемъ, а онъ говоритъ спокойно, ясно, съ отчетливымъ знаніемъ дѣла, не только какъ свидѣтель-очевидецъ и участникъ, но и какъ историкъ, ученый... — Говорятъ, что его академической работой, премированной серебряною медалью, былъ проектъ укрѣпленія позиціи на цзиньчжоускомъ перешейкѣ. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого ему выпало на долю и въ самомъ дѣлѣ укрѣплять Цзиньчжоу.

— По чьей иниціативѣ избрана была цзиньчжоуская позиція для прегражденія доступа японцевъ на Квантунъ? — спрашиваетъ свидѣтеля ген. Домбровскій, защитникъ Фока.

— Это не относится къ дѣлу,—останавливаетъ его предсѣ-

[1]) Во время печатанія настоящаго отчета вышелъ первый томъ новаго большого труда его, исполненнаго вмѣстѣ съ генер. штаба подполк. Романовскимъ—„*Оборона Портъ-Артура*“.

датель.—У генерала Фока были чисто исполнительныя обязанности. Кѣмъ бы позиція ни была выбрана, генералу Фоку поручено было ее защищать, и насъ интересуетъ, какъ онъ это выполнилъ.

II показаніе свидѣтеля остается въ сферѣ событій, разыгравшихся на Цзиньчжоу 13-го мая.

— ... Къ 9 часамъ утра наши батареи уже дострѣливали свои снаряды и постепенно замолкали... Ихъ командиры и прислуга отходили на Тафашинъ... Послѣднею замолкла на позиціи батарея № 5,—около 11-ти часовъ... Между $1^1/_2$ и 2 часами дня полк. Третьяковъ попросилъ свидѣтеля пойти на ст. Тафашинъ и доложить ген. Фоку его просьбу о присылкѣ подкрѣпленій... Но ген. Фокъ не далъ говорить свидѣтелю... Онъ сталъ такъ неприлично и грубо кричать на свидѣтеля за то, что фугасы не рвутся, что потрясенный и измученный всѣмъ пережитымъ на позиціи свидѣтель позабылъ сказать генералу то, что ему было поручено.

— О какихъ фугасахъ говорилъ вамъ ген. Фокъ?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Не могу знать. Вѣроятно о тѣхъ, которые были заложены на позиціи... Но я ими не вѣдалъ.

— Говорилъ ли вамъ ген. Надѣинъ, что онъ посылалъ 2 б—на, а ген. Фокъ ихъ вернулъ?

— Да, онъ сказалъ мнѣ: „Когда я замѣтилъ, что японцы стали передвигаться съ праваго фланга на лѣвый (тотъ самый, который ген. Фокъ велѣлъ особенно беречь Третьякову), я послалъ туда 2 б на, но Фокъ ихъ вернулъ“.

— Были ли пустые окопы на позиціи?

— Были, и на обоихъ флангахъ.

Между тѣмъ защита ген. Фока въ подкрѣпленіе той мысли, что оборонять позицію болѣе чѣмъ однимъ полкомъ по географическимъ и геометрическимъ условіямъ было нельзя, стремилась доказать, что въ окопахъ было такъ тѣсно, что сажать людей было уже некуда.

— При какихъ условіяхъ началось отступленіе войскъ?

— По словамъ командира 7-й роты 5-го полка кап. Стемпневскаго, на позицію пріѣхалъ охотникъ на бѣлой лошади и сталъ махать шапкой. Это было принято за сигналъ къ отступленію—и рота стала отходить.

Показаніе подполк. фонъ-Шварца въ концѣ концовъ все-таки сводится путемъ отдѣльныхъ предложенныхъ ему вопросовъ къ выясненію того, какъ укрѣплялась цзиньчжоуская позиція.

— Предполагалъ ли ген. Фокъ спустить окопы ниже, до берега моря.

— Да, онъ мотивировалъ это тѣмъ, что выстрѣлъ изъ этихъ окоповъ внизу будетъ настильнѣе.

Ген. Фокъ и его защитникъ до сихъ поръ настойчиво обращали вниманіе суда на то, что лѣвому флангу, гдѣ произошелъ прорывъ и обходъ позиціи японцами, все время придавалось особое значеніе и на него ген. Фокъ все время обращалъ вниманіе Третьякова. Между тѣмъ подполковникъ фонъ-Шварцъ удостовѣряетъ, что до боя ген. Фокъ совершенно не былъ озабоченъ лѣвымъ флангомъ. Только 8-го мая онъ приказалъ свидѣтелю укрѣпить лѣвый флангъ. Свидѣтель докладывалъ ген. Кондратенко, что надо укрѣплять оба фланга, и по поводу этого доклада ген. Кондратенко сказалъ свидѣтелю: „Какой позоръ для великой державы имѣть въ такомъ состояніи такую позицію, какъ Цзиньчжоу".

Кондукторъ Яновъ.

Сотрудникъ Шварца по укрѣпленію позиціи, инженерный десятникъ Яновъ, вполнѣ подтвердилъ его показаніе въ той части, которая касалась даннаго имъ обоимъ полк. Третьяковымъ порученія доложить ген. Фоку о необходимости подкрѣпить 5-й полкъ.

Выслушавъ докладъ Янова, генералъ сталъ бранить Третьякова. „Передайте коменданту позиціи, командиру 5-го полка, полковнику Третьякову, что онъ не комендантъ позиціи, не командиръ полка, а... (слѣдуютъ бранныя выраженія, которыя свидѣтель постѣснялся передать суду)... Сидитъ въ окопахъ и требуетъ подкрѣпленія... Ни одного человѣка я ему не дамъ.. А патроны вышлю...". Какой-то офицеръ предложилъ ген. Фоку сообщить объ этомъ Третьякову, но тотъ отклонилъ, сказавъ, что пошлетъ ординарца. Посылалъ ли,— свидѣтель не знаетъ, но три патронныя двуколки были посланы.

Показаніе этого свидѣтеля производитъ впечатлѣніе полной достовѣрности. Между тѣмъ это про него отозвался въ одномъ изъ предшествовавшихъ засѣданій генералъ Фокъ:

— Говорятъ, что я былъ взволнованъ и выругалъ какого-то рядчика... Ну это понятно... Пришелъ какой-то гражданскій чиновникъ...

— Эка, молъ, важность такого и выругать.

Кап. 2-го ранга Шельтинга.

Первый свидѣтель отъ флота,—командиръ канонерской лодки „Бобръ“, единственнаго судна Портъ-Артурской эскадры, принявшаго участіе въ оборонѣ Цзиньчжоуской позиціи—кап. 2-го р. Шельтинга показалъ:

— 12 мая я получилъ предписаніе выйти въ море. Былъ штормъ. Вышелъ. 13-го, въ часъ ночи прибылъ въ Дальній... Сказано — идти въ бухту Таліенванъ, потомъ въ бухту Хенуеза и обстрѣливать все, что увижу. Пошелъ. Увидавъ японскія войска, открылъ огонь. Маневрировалъ на глубинѣ 12 футовъ... Около 2-хъ часовъ дня подошелъ катеръ съ капитаномъ 2-го ранга Скорупо. Сказано: идите въ Дальній и ждите приказаній атаковать японцевъ съ тылу утромъ 14-го. Ушелъ... Поздно вечеромъ 13-го сказано: поступайте согласно распоряженій. Они заключались въ томъ, чтобы, въ случаѣ оставленія позиціи и Дальняго, взорвать лодку и присоединиться съ командой къ отряду ген. Фока, съ которымъ и отступить въ Артуръ... Взорвать лодку не счелъ нужнымъ. Рѣшилъ прорваться на ней въ Артуръ—и прорвался.

— Чьимъ именемъ дѣйствовалъ Скорупо, отдавая вамъ приказаніе перестать стрѣлять?—спрашиваетъ Фокъ и получаетъ въ отвѣтъ:

— Вашимъ именемъ, ваше превосходительство.

— Была ли возможность флоту выйти для поддержки сухопутныхъ войскъ на Цзиньчжоу? — спрашиваетъ защитникъ ген. Смирнова, капитанъ 2-го ранга фонъ-Шульцъ.

— При господствѣ на морѣ японскаго флота, вслѣдствіе численнаго его перевѣса надъ нашимъ, — безусловно нѣтъ.

Контръ-адмир. Лащинскій.

Вопросъ о возможномъ содѣйствіи флота болѣе подробно освѣщается показаніемъ контръ-адмирала Лащинскаго.

— Этотъ вопросъ,—говоритъ онъ,—обсуждался очень обстоятельно еще 25-го апрѣля на собраніи флагмановъ и генераловъ, происходившемъ на броненосцѣ „Севастополь“. Рѣшено было, что, вслѣдствіе мелководья и глубокой осадки нашихъ судовъ, можно выслать только мелкія суда... Но

они имѣли очень слабое вооруженіе... Командиръ лодки „Отважный“, кап. 2-го р. Лебедевъ прямо сказалъ на собраніи, что если его пошлютъ въ цзиньчжоускую бухту сражаться, то онъ будетъ просить его списать на сухопутный фронтъ, потому что онъ хочетъ съ пользою умереть за отечество... А тамъ будетъ смерть безполезная. Его потомъ списали и онъ оправдалъ свои слова геройской смертью. И такъ рѣшено было, что наши канонерскія лодки со стороны Цзиньчжоу помочь не могутъ. Однако, секретно отъ свидѣтеля, капитану Шельтинга дано было порученіе идти въ Дальній въ сопровожденіи 2-хъ миноносцевъ. На томъ же совѣщаніи, командующій эскадрой адм. Витгефтъ напомнилъ генералу Стесселю, что ему дано было для Цзиньчжоу два большихъ морскихъ орудія, но они до сихъ поръ не поставлены на позицію. Стессель промолчалъ. 6-го мая свидѣтель предлагалъ Стесселю же послать туда двѣ 6-ти дюйм. пушки Канэ.— „Гдѣ я ихъ возьму! Переговорите сами съ Витгефтомъ“, сказалъ Стессель.

Пушки были посланы и поставлены сперва на лѣвомъ флангѣ, на томъ самомъ флангѣ, который Фокъ велѣлъ такъ беречь Третьякову. Однако тотъ же Фокъ приказалъ перенести ихъ на правый... Сдѣлать этого однако не успѣли...

— Знали ли вы, что намѣстникъ, уѣзжая изъ Артура, приказалъ флоту въ случаѣ высадки, а тѣмъ болѣе въ случаѣ боя за Цзиньчжоу помочь своимъ сухопутнымъ товарищамъ?— спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ Стесселя, подполковникъ Вельяминовъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Обращаю вниманіе суда,—говоритъ Вельяминовъ,—на показаніе адмирала Алексѣева, имѣющееся въ дѣлѣ.

На вопросы защитника ген. Смирнова, капит. 2-го ранга фонъ-Шульца, все о томъ же,—о возможности нашей эскадры, при наличности блокады Артура японскимъ флотомъ, выйти въ море для противодѣйствія высадкѣ и содѣйствія оборонѣ Цзиньчжоу,—адмиралъ отвѣчаетъ категорическимъ отрицаніемъ.

— Одни малыя суда идти не могли, а лучшія, крупныя суда эскадры чинились послѣ подрыва ихъ японцами въ ночь на 27-е января.

Генер.-лейтен. Смирновъ. Бывшій комендантъ Портъ-Артура, давая суду свои объясненія, какъ свидѣтель по этому обвиненію, подтверждаетъ показаніе ген. штаба подполк. Гурко, что этому офицеру поручено было Фокомъ убѣдить его, коменданта, въ томъ, что оборонять Цзиньчжоу нельзя.

— Правда ли, будто ген. Фокъ велѣлъ вамъ передать, что этого не станетъ дѣлать ни одинъ порядочный человѣкъ?— спрашиваетъ его членъ суда бар. Остенъ-Сакенъ.

— Да, приблизительно въ такихъ словахъ мнѣ передано было мнѣніе ген. Фока.

— А сообщали ли вы объ этомъ генералу Стесселю?

— Нѣтъ. Цзиньчжоу—это въ укрѣпленномъ раіонѣ, а не въ крѣпости. А мои отношенія съ начальникомъ раіона были таковы, что я предпочелъ довести объ этомъ до его свѣдѣнія не лично, а черезъ генерала Кондратенко.

По поводу директивъ объ оборонѣ Цзиньчжоу ген. Смирновъ говоритъ, что колебанія въ нихъ были такъ велики, что онъ считалъ лучшимъ не придавать имъ значенія и дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ.

— Я лично понималъ директиву 6-го мая „о самой упорной оборонѣ“ Цзиньчжоу въ томъ смыслѣ, что при данномъ положеніи вещей для этого можно было пожертвовать цѣлую дивизію. По состоянію верковъ Артура оборона его разсчитана была на 5 полковъ, а у насъ было 9.

Подполковникъ Одинцовъ. Послѣ перерыва подполковникъ Одинцовъ приглашается сдѣлать свое заявленіе.

Онъ подтверждаетъ все, что говорилъ наканунѣ. Онъ объясняетъ суду, что предложеніе, сдѣланное имъ генералу Фоку въ самой почтительной формѣ, ѣхать на позицію, а не въ тылъ, для выбора ненужной позиціи для 15-го полка, имѣло не только логическое, но и фактическое оправданіе... И въ бою подъ Саншилипу 3-го мая ген. Фокъ также поѣхалъ не на позицію, а куда-то въ сторону отъ нея [1]).

---

[1]) По поводу этого обстоятельства, вызванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, но не спрошенный по этому предмету обвиненія ген. Фока, полк. Гандурпнъ напечаталъ въ № 11450 „Нов. Времени“ слѣдующее письмо въ редакцію:

„Изъ газетъ и изъ разговоровъ въ обществѣ я замѣтилъ небольшое недоразумѣніе въ выясненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ Кинь-

Затѣмъ Одинцовъ опровергъ сдѣланное наканунѣ такъ рѣшительно заявленіе суду генералами Фокомъ и Стесселемъ, что ген. Фокъ не былъ въ Артурѣ до 17-го іюля.

— Нѣтъ, генералъ Фокъ въ маѣ мѣсяцѣ былъ тамъ трижды. Въ первый разъ онъ былъ тамъ 18-го мая, тотчасъ же послѣ сосредоточенія его дивизіи у Волчьихъ горъ; свидѣтель хорошо это знаетъ, потому что самъ посылалъ ему туда те-

---

чжоускаго боя въ процессѣ о паденіи Портъ-Артура. Какъ очевидецъ событій, позволю себѣ описать ихъ, какъ они происходили въ дѣйствительности. По газетамъ выходитъ, будто г.-л. Фокъ уѣхалъ во время боя у Кинь-чжоу для рекогносцировки бухты Инчензы въ тылу, оставивъ для этого поле сраженія. На дѣлѣ было такъ. 15-й вост.-сиб. стр. полкъ стоялъ бивакомъ у Нангалина. Наканунѣ кинь-чжоускаго боя вечеромъ въ полку получено было приказаніе всѣмъ офицерамъ 15-го вост.-сиб. стр. полка, до ротныхъ командировъ включительно ѣхать на другое утро (часа не помню) для изученія побережья бухты Инчензы въ присутствіи ген. Фока. Командиръ полка рѣшилъ ротныхъ командировъ оставить при ротахъ, взявъ на рекогносцировку только батальонныхъ командировъ. Во время производства рекогносцировки были услышаны выстрѣлы со стороны Кинь-чжоу, и затѣмъ пришло и донесеніе о началѣ боя. Ген. Фокъ тотчасъ же бросилъ рекогносцировавшихъ и ускакалъ, приказавъ и 15-му вост.-сиб. стрѣлк. полку идти къ Кинь-чжоу. Офицеры полка, бывшіе на рекогносцировкѣ, карьеромъ возвратились къ мѣсту бивака и полка не нашли, онъ уже ушелъ съ одними ротными командирами. Поскакавъ въ догонку, батальонные и полковой командиры нагнали полкъ у самой почти станціи Тафашинъ. Я состоялъ въ этотъ день въ должности командира 2-го баталіона 15-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и лично участвовалъ во всѣхъ описанныхъ событіяхъ. Какъ видите, рекогносцировка предшествовала бою у Кинь-чжоу и повторять ее во время боя не было нужды. Фактъ рекогносцировки утромъ, до боя, могутъ подтвердить всѣ офицеры 15-го вост.-сиб. стр. полка".

Полк. Гандурину возразилъ письмомъ въ редакцію той же газеты (№ 11452), свидѣтель ген. шт. подполк. Одинцовъ. „Г-нъ И. Гандуринъ, пишетъ онъ, называющій себя очевидцемъ событій, допустилъ большія неточности и даже искаженіе описываемыхъ имъ событій. Бой на Кинь-Чжоу 13 мая 1904 г. начался около 5½ ч. утра. Выѣздъ на рекогносцировку позиціи для 15-го вост.-сиб. стр. полка на случай высадки японцевъ у желѣзнодорожной водокачки (что у бухты Кэсн) состоялся около 7½ час. утра. Увидѣвъ, что транспортовъ нѣтъ, ген. Фокъ оставилъ рекогносцирующихъ продолжать рекогносцировку, самъ же уѣхалъ по направленію къ ст. Нангалинъ. Я остался со всѣми. Можетъ быть г. Гандуринъ припомнитъ и разговоръ мой о той задачѣ, которая возложена на 15-й полкъ, о тѣхъ 3-хъ гребняхъ

леграмму. На это есть документальное доказательство... Второй разъ ген. Фокъ былъ въ Артурѣ послѣ 20-го мая... Онъ ѣздилъ туда въ баню, — скороговоркой поясняетъ Одинцовъ суду... Въ третій разъ свидѣтель былъ вмѣстѣ съ ген. Фокомъ на большомъ обѣдѣ у ген. Кондратенко—въ концѣ мая... 3-го іюня свидѣтель уѣхалъ изъ Артура. На обвиненіе его ген. Фокомъ въ томъ, что онъ „болтался“ въ тылу во время боя, подполк

которые надо послѣдовательно занимать подъ натискомъ противника, и какъ на 3-мъ гребнѣ полкъ долженъ будетъ умереть, но не дать противнику выйти на тыловую дорогу генерала Фока, что это воля генерала Кондратенка, приславшаго полкъ. Такимъ образомъ, *никто и никому* въ это время приказаній о движеніи 15-го вост.-спб. стр. полка къ Кинь-чжоуской позиціи *не отдавалъ*. Оставивъ полковника Грязнова и сопровождавшихъ его офицеровъ продолжать детальный выборъ позиціи для батальоновъ и ротъ, я поскакалъ догнать генерала Фока, чтобы подѣлиться съ нимъ сомнѣніями въ необходимости занимать выбранную позицію. Ген. Фокъ вернулся на ст. Нангалинъ около 10 ч. утра и только здѣсь я получилъ разрѣшеніе, не ожидая начальствующихъ лицъ полка, вести его къ посту Перелетному. Тогда отъ себя я уже послалъ доложить полк. Грязнову о послѣдовавшей перемѣнѣ въ назначеніи полка, а офицерамъ полка объявилъ, что поведу полкъ къ позиціи я. Если бы приказъ о движеніи 15-го вост.-спб. стр. полка былъ отданъ на высотѣ у кумирни, откуда началась рекогносцировка (это выходитъ по смыслу письма г. П. Гандурина), то и командиръ полка и г. Гандуринъ должны были бы обогнать генерала Фока и меня, такъ какъ по словамъ г. Гандурина „офицеры полка, бывшіе на рекогносцировкѣ, *карьеромъ* возвратились къ мѣсту бивака и полка не нашли“. Ген. Фокъ весьма спѣшилъ вернуться, но шелъ только очень большой рысью и *полкъ засталъ на бивакѣ* (Первый разъ въ жизни слышу, чтобы можно было 7—8 верстъ скакать *карьеромъ*, да еще немолодымъ пѣхотнымъ офицерамъ, на неготовыхъ къ скачкѣ лошадяхъ). Прошло болѣе ½ часа, прежде, чѣмъ полкъ поднялся, вытянулся; когда же онъ подходилъ къ посту Перелетному (болѣе 5 верстъ отъ ст. Нангалинъ), то полкъ нагнали полк. Грязновъ и сопровождавшія его лица, но отнюдь не у ст. Тафашинъ, какъ пишетъ г. Гандуринъ. Полкъ подходилъ къ посту Перелетному въ 12 ч. дня и только черезъ три часа послѣ этого мною же былъ выведенъ, по приказанію ген. Фока, и расположенъ южнѣе ст. Тафашинъ. Такимъ образомъ рекогносцировка позиціи для 15-го полка производилась именно *во время боя*, начавшагося въ 4¾ ч. ночи (уже свѣтало), *а не предшествовала бою*, какъ говорилъ г. Гандуринъ. Подтвержденіе моихъ доводовъ г. П. Гандуринъ можетъ найти въ подлинныхъ документахъ в.-истор. комиссіи по описанію Русско-Японской войны“.

Одинцовъ напоминаетъ, что онъ тотъ самый офицеръ, который вызвался провести къ Артуру поѣздъ подполк. Спиридонова со снарядами; тотъ самый офицеръ, который послѣднимъ ушелъ изъ Тафашина, подготовивъ тамъ все къ взрыву станціи и взорвавъ ее; тотъ самый офицеръ, котораго выбрали прорваться изъ Артура въ Чифу на миноносцѣ „Лейтенантъ Бураковъ“ для личнаго доклада Куропаткину о положеніи дѣлъ на Квантунѣ, при чемъ по условіямъ блокады Артура это былъ трудный подвигъ, и миноносцу поставлено было условіемъ, въ случаѣ неудачи взорваться, но не попасть въ руки врага.

Все это Одинцовъ говоритъ рѣшительно, безъ всякихъ колебаній.

— Я не помню, когда Одинцовъ водилъ меня въ баню, кратко возражаетъ ген. Фокъ. Ген. Стессель молчитъ.

Свидѣтель между прочимъ подтвердилъ, что видѣлъ въ день боя Тахателова. По мнѣнію Одинцова, войска могли задержаться на Нангалинскихъ высотахъ, которыя можно было ночью укрѣпить и затѣмъ дать бой. Но ген. Фокъ хотѣлъ было задержаться въ равнинѣ на Средне-Артурской дорогѣ. Это было неблагоразумно. Позиція была слишкомъ широка. Свидѣтель сообщилъ объ этомъ Стесселю и тотъ приказалъ Фоку отходить.

— На Талингоуской позиціи я не хотѣлъ давать боя, возражаетъ Фокъ, а только дать войскамъ отдыхъ.

Въ этомъ засѣданіи допрошены были также свидѣтели-артиллеристы—подполк. *Бончъ-Осмоловскій*, шт.-кап. *Саломоновъ* и поручикъ *Садыковъ*; офицеры 5-го полка—подполк. *Сычевъ* и поручикъ *Костюшко-Валюжиничъ* и служившій въ инженерномъ паркѣ *Куриловъ*. Всѣ они были въ кипени цзиньчжоускаго боя. Ихъ показанія содержатъ цѣлый рядъ мелкихъ, характерныхъ штриховъ и эпизодовъ, но для пониманія обстановки боя ничего существеннаго уже не даютъ.

Подп. Бончъ-Осмоловскій.

Подполк. *Бончъ-Осмоловскій* съ полубатареей 1-й батареи 7-й вост. сиб. стр. арт. див. прибылъ къ мѣсту боя въ 7 ч. у. 13-го мая и стоялъ на лѣвомъ флангѣ, на Тафашинскихъ высотахъ. Первый выстрѣлъ—съ дистанціи болѣе 4 верстъ—около 10 ч. утра; отошелъ съ позиціи послѣ взрыва ст. Тафашинъ, въ 7—8 ч. вечера.

Г-нъ Куриловъ. Г-нъ *Куриловъ*, собравъ человѣкъ 100 нижнихъ чиновъ различныхъ частей, засѣлъ съ ними въ окопы впереди батареи № 15, расположенной у самой воды. Отсюда онъ увидѣлъ стоящимъ вблизи въ морѣ какой-то коммерческій пароходъ съ 2 орудіями, и японскую канонерку съ двумя миноносцами... По водѣ шелъ въ обходъ позиціи японскій б—нъ съ 3-мя орудіями, но огнемъ одной изъ нашихъ полевыхъ батарей съ Тафашина онъ на глазахъ свидѣтеля былъ уничтоженъ. По мнѣнію свидѣтеля, наши канонерки могли свободно пройти въ цзиньчжоускую бухту до боя, числа 8-го—9-го мая.

Подполк. Сычевъ. Подполк. *Сычевъ*—георгіевскій кавалеръ -въ бою командовалъ 6 ротой 5-го полка, на редутѣ № 8. Въ боевой линіи былъ одинъ только полкъ и 2 рабочихъ роты, резервовъ у него не было, если не считать дивизіи, стоявшей у Нангалина. Окопы тянулись на 6 верстъ дугообразно; фланги не могли поддерживать другъ друга. Въ окопахъ можно было помѣстить цѣлую дивизію; свободные окопы имѣлись на лѣвомъ флангѣ. Днемъ вводить резервы было нельзя, а до ночи мы не додержали позиціи. Отступленіе началось часовъ въ 7 вечера.

Поруч. Садыковъ. Поручикъ *Садыковъ* подтвердилъ, что лично слышалъ отъ поручика Музалевскаго о томъ, что приказаніе объ отступленіи было отдано ген. Фокомъ. Въ бою находился при батареѣ 42-хъ лин. орудій. Снарядовъ было по 200 на орудіе. Такъ какъ стрѣляли и до 13-го числа, то ко времени боя на всѣ 4 орудія осталось около 500 снарядовъ. Кончилъ стрѣлять въ 11 часовъ утра и оставилъ батарею потому, что два орудія было разбито, а среди прислуги было много убитыхъ и раненыхъ. Отошелъ съ 10 человѣками. Передъ уходомъ испортилъ орудія и снаряды, но ихъ не взрывалъ, хотя для этого имѣлъ рокъ-а-рокъ. Послѣ отхода явился къ Третьякову и получилъ разрѣшеніе идти въ Тафашинъ. Тамъ встрѣтилъ ген. Фока, который приказалъ свидѣтелю и бывшему съ нимъ поручику Дудорову идти обратно на позицію. Пошелъ и оставался до конца боя при Третьяковѣ, съ которымъ вмѣстѣ отступалъ. Приказанія объ отступленіи не получали и послѣднее было для Третьякова неожиданностью. Куда надо было обращаться за снарядами, свидѣтелю никто не говорилъ.

Свидѣтель командовалъ батареей № 16 на Известковой горѣ (Тафашинскія высоты). Было 4 крѣп. орудія съ 60 снарядами на каждое. Велъ огонь до 2-хъ часовъ дня. **Штабсъ-капит. Саломоновъ.**

Свидѣтель кратокъ въ своемъ показаніи. **Пор. Костюшко-Валюжиничъ.**

— Отступили въ силу обстоятельствъ—и разсуждать о нихъ не наше дѣло. Послѣ боя въ полку настроеніе было тяжелое, хотя полкъ дрался хорошо и по словамъ Стесселя „сдѣлалъ все, что можно".

VI. 4-е декабря. — Засѣданіе 6-е.

Окончаніе изслѣдованія обстоятельствъ цзиньчжоускаго боя. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Бѣлозора**, ген. **Бѣлаго**, шт.-кап. **Ручьева**, полк. **Хвостова**, г-на **Курилова**, полк. **Романовскаго**, ген.-м. **Мехмандарова**, кап. **Аноева** и **Карамышева**, шт.-кап. **Ратайскаго**, **Руссау** и **Кишинскаго**, пор. **Орелъ**, подпор. **Козина**. Показаніе ген.-л. **Надѣина**. Объясненіе ген. **Стесселя**.

Въ этомъ засѣданіи защитой ген. Фока была сдѣлана еще одна попытка доказать, что флотъ, на который такъ разсчитывали для обороны цзиньчжоуской позиціи, могъ помочь дѣлу, но не помогъ... Хотѣли это сдѣлать черезъ контръ-адмирала фонъ-Эссена, геройскаго командира „Новика" и „Севастополя", всегда высказывавшагося въ Артурѣ за рѣшительныя дѣйствія флота, и на совѣтѣ флагмановъ и капитановъ 6-го августа 1904 года, послѣ неудачной попытки эскадры прорваться во Владивостокъ 28-го іюня, все-таки высказавшагося за новую попытку. Думали, очевидно, что и здѣсь онъ выскажетъ рѣшительное мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ другихъ портъ-артурскихъ моряковъ,—о возможности флоту содѣйствовать оборонѣ позиціи. **Контръ-адмир. фонъ Эссенъ.**

Но адм. фонъ-Эссенъ показалъ, что относительно хода боя сказать ничего не имѣетъ, такъ какъ былъ въ то время на своемъ „Севастополѣ". Съ эскадры были посланы на позицію двѣ 6-дюйм. пушки, пулеметы и команды къ нимъ. Генер. Стессель просилъ начальника эскадры выслать суда въ бухту

Хенуэза и въ бухту Цзиньчжоу, но былъ высланъ только „Бобръ“. Выслать лодки „Отважный“, „Гилякъ“ и „Гремящій“ адм. Витгефтъ не согласился, такъ какъ имъ пришлось бы идти изъ Артура къ Цзиньчжоу открыто и при отступленіи съ позиціи возвращаться вдоль берега, не защищеннаго приморскими батареями, не подъ прикрытіемъ огня своихъ орудій.

Словомъ, онъ сообщилъ только факты.

На вопросъ ген. Стесселя адмиралу фонъ-Эссену: — „Извѣстно ли вамъ распоряженіе намѣстника о поддержкѣ флотомъ обороны Цзиньчжоуской позиціи?“—предсѣдатель разъяснилъ, что это не относится къ дѣлу, такъ какъ клонится, видимо, къ обвиненію въ бездѣйствіи чиновъ флота, а послѣдніе суду не преданы.

Шт.-кап. Дебогорій-Мокріевичъ.

Новый свидѣтель, молодой саперный офицеръ, георгіевскій кавалеръ—также въ бою не участвовалъ. Но ему поручено было до боя (5 мая) заложить фугасы передъ позиціей. Работы начались по указанію полк. Третьякова съ праваго фланга, который онъ признавалъ наиболѣе слабымъ. И это было вѣрно. Атака японцевъ поведена была вначалѣ именно противъ этого фланга и перенесена на лѣвый только вслѣдствіе огня съ „Бобра“, поддерживавшаго этотъ флангъ. 8-го мая веденіе работъ передано было свидѣтелемъ командиру Квантунской саперной роты подполковнику Жеребцову. У послѣдняго былъ свой планъ этихъ работъ. Онъ хотѣлъ минировать не подступы къ позиціи, а самую позицію—бруствера батарей и окоповъ, чтобы нажатіемъ кнопки съ Тафашинскихъ высотъ въ моментъ завладѣнія японцами позиціей взорвать на воздухъ побѣдителей. Полк. Третьяковъ воспротивился осуществленію этого плана. — „Намъ надо думать сперва объ отбитіи атаки, а потомъ объ отступленіи“,—говорилъ онъ.

Въ результатѣ—ни бруствера, ни подступы позиціи, по словамъ свидѣтеля, не были минированы.

Подполковникъ Бѣлозоръ.

Диву даешься, слушая показаніе подполковника 5-го в.-сиб. стр. полка Бѣлозора, какъ живъ остался этотъ человѣкъ. Положимъ, онъ раненъ былъ, замертво оставленъ на полѣ сраженія, взятъ японцами въ плѣнъ, — но все-таки живъ. Свидѣтель говоритъ о себѣ съ почтенной

скромностью и такъ тихо, что вызываетъ добродушное замѣчаніе предсѣдателя: — „Баталіонный командиръ, а голоса нѣтъ!“.

Свидѣтель былъ начальникомъ средняго участка на позиціи отъ люнета № 3 до линіи желѣзной дороги. Около 9 часовъ утра 13-го мая онъ отбилъ японскую атаку съ такою легкостью, что въ солдатахъ создалась увѣренность, державшаяся почти до конца боя, что мы позицію отстоимъ. Такихъ атакъ было всего шесть... Но въ плѣну свидѣтелю японцы говорили, что ихъ было 12... Остальныя шесть, видимо, и не доведены были до позиціи.

Въ 4-мъ часу дня свидѣтель былъ раненъ въ руку, ушелъ на перевязку въ тылъ и тутъ понялъ, что въ окопахъ—хорошо сдѣланныхъ, было безопаснѣе... Вся площадь позиціи засыпалась снарядами.

Въ 4 часа японцы зашли въ тылъ одной его ротѣ—4-й

— Японцы близко!—прибѣжалъ ему доложить ординарецъ

— Ну, вотъ и хорошо. Вы все жаловались, что они далеко держатся,—попытался пошутить Бѣлозоръ, но по лицу солдата увидѣлъ, что тутъ уже не до шутокъ... Японцы были въ 200 шагахъ отъ окоповъ въ тылу—и рота дралась на два фронта. Такой стойкости враги не ожидали и знаками предлагали сдаться... Рота пробилась... Но изъ защитниковъ средняго участка никого въ живыхъ не осталось... Не было ихъ и въ плѣну, кромѣ самого Бѣлозора.

— Приказанія объ отступленіи не было; около 3-хъ ч. дня по окопамъ разносили записку Фока—„объ отступленіи не думать“. И отступленія не было, а было „передвиженіе слѣва направо“...

— Послѣ полудня я просилъ подкрѣпленія; мнѣ прислали полуроту 14-го полка.

— Свободно ли было въ окопахъ?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Да, въ нихъ можно было помѣстить и другія части, но потери были бы больше... Мы же мало теряли именно потому, что были просторно расположены.

— Да, именно на среднемъ участкѣ,—поясняетъ Фокъ,— гдѣ было свободно, и можно было маневрировать слѣва направо, какъ это дѣлалъ Бѣлозоръ, тамъ же, гдѣ было густо, тамъ и случился прорывъ.

Генер.-маіоръ Бѣлый. Согласно даннаго суду обѣщанія ген. Бѣлый представляетъ телеграммы, которыми онъ 13-го мая 1904 г. обмѣнялся съ полк. Тахателовымъ по поводу отправки вагона со снарядами на цзиньчжоускую позицію. Онѣ оглашаются. Оказывается, что снаряды для 6″ и 42‴ пушекъ, трубки и порохъ для фугасовъ были отправлены на Цзиньчжоу съ поѣздомъ въ 12 часовъ ночи на 13-е мая, подъ наблюденіемъ штаб.-кап. Ручьева, и прибыли на ст. Тафашинъ въ 6 час. утра 13-го мая. Но здѣсь начальникъ станціи объявилъ, что вагонъ велѣно вернуть на 5-ю версту. Полк. Тахателовъ былъ посланъ ген. Бѣлымъ вслѣдъ за шт.-кап. Ручьевымъ. О прибытіи вагона со снарядами на Тафашинъ подтвердилъ свидѣтелю и полк. Жеребцовъ.

— Эти документы ничего не разъясняютъ, – говоритъ защитникъ ген. Фока, выслушавъ ихъ.

— Это рѣшитъ судъ,—замѣчаетъ внушительно предсѣдатель.

Штабсъ-капит. Ручьевъ. Свидѣтель удостовѣряетъ ссылку на него генерала Бѣлаго относительно отправки на ст. Тафашинъ вагона со снарядами, порохомъ и трубками и содержаніе только что прочитанныхъ телеграммъ. Получивъ отъ начальника станціи въ Тафашинѣ сообщеніе, что вагонъ приказано отвезти на 5-ю версту, свидѣтель сдалъ его подъ отвѣтственность начальника станціи, а самъ пошелъ на позицію и сталъ въ окопы 13-го полка, съ которымъ потомъ и отступилъ въ Нангалинъ; здѣсь встрѣтилъ полк. Тахателова и доложилъ ему о судьбѣ вагона. Ночью Тахателова вытребовалъ къ себѣ въ Тафашинъ ген. Фокъ.

— Какова же была дальнѣйшая судьба вагона?—интересуется прокуроръ,

— Мнѣ говорили потомъ, что его прицѣпили къ какому-то поѣзду съ ранеными и отправили въ Артуръ...

Полк. Хвостовъ. Бывшій начальникъ штаба крѣпости подтверждаетъ, что сверхъ комплекта снарядовъ, для позиціонной артиллеріи былъ доставленъ на ст. Тафашинъ еще вагонъ со снарядами, но возвращенъ обратно. Снарядами этими, однако, можно было еще воспользоваться. Артиллерійскій бой начался въ 5-мъ часу утра, какъ только начало свѣтать. 4-я дивизія стояла въ раіонѣ Нангалина.

Г-нъ Куриловъ.

Свидѣтель удостовѣряетъ, что 13-го мая, около 10 часовъ вечера, онъ встрѣтилъ на ст. Тафашинъ полк. Тахателова, который сказалъ ему, что сегодня утромъ пріѣхалъ изъ Артура.

Полковн. Романовскій.

Свидѣтель командовалъ 3-й батареей 4-й в.-сиб. стр. арт. бригады. Онъ также удостовѣряетъ, что въ Нангалинѣ былъ артиллерійскій складъ; при образованіи его работали нижніе чины его батареи; во время боя онъ посылалъ туда свои зарядные ящики, и они вернулись къ нему на батарею около 3-хъ часовъ дня. Въ складѣ было по два комплекта снарядовъ на полевую батарею.

— Могу сказать точно,—замѣчаетъ защитникъ ген. Фока,— въ немъ было 2000 снарядовъ.

Въ 4½ ч. дня свидѣтель получилъ отъ командующаго бригадою полк. Прмана приказаніе снять батарею съ позиціи и стать въ резервѣ. При отходѣ батарея встрѣтила два б—на 13-го полка, шедшіе на позицію къ Цзиньчжоу. По ошибкѣ, она присоединилась было къ нимъ, но потомъ повернула обратно вмѣстѣ съ батальонами.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Пространное и вполнѣ опредѣленное показаніе о дѣятельности полевыхъ батарей въ бою 13-го мая даетъ затѣмъ бывшій командиръ 7-го вост.-сиб. стр. арт. дивизіона ген.-м. *Мехмандаровъ*.

Изъ оглашенныхъ уже документовъ мы знаемъ, что еще въ началѣ 20-хъ чиселъ апрѣля, тотчасъ послѣ высадки японцевъ, ген. Кондратенко предлагалъ Фоку, вслѣдствіе сложившейся обстановки, воспользоваться его 7-мъ артиллерійскимъ дивизіономъ... Тотъ тогда уклонился. Но 10 мая дивизіонъ былъ высланъ на Цзиньчжоу. 11 мая Мехмандаровъ явился къ ген. Надѣину и получилъ приказаніе „стать въ резервѣ и ждать распоряженій“. 12-го мая свидѣтель снова спросилъ Надѣина, что ему дѣлать и гдѣ быть — и снова получилъ въ отвѣтъ: „ждать распоряженій“. 13-го мая, когда бой начался,—тотъ же вопросъ и тотъ же отвѣтъ. Наконецъ, около 7 ч. утра послѣдовало приказаніе — „выбрать позицію и принять начальство надъ всей полевой артиллеріей, бывшей въ бою“. Выбралъ—и огнемъ отбилъ обходъ японцевъ по водѣ нашего праваго фланга.

Около 2 часовъ дня пріѣхалъ на батареи командиръ 4-й

вост.-сиб. стр. арт. бригады полковникъ Ирманъ и сообщилъ, что ген. Надѣинъ проситъ поддержать огнемъ 5-й полкъ. Стали обдумывать, гдѣ бы выбрать позицію, — мѣстность была незнакомая... Ирманъ уѣхалъ ее искать. Свидѣтель ждалъ его съ часъ и, не дождавшись, самъ поѣхалъ выбирать позицію и нашелъ ее возлѣ Чумныхъ бараковъ.

Батареи готовы уже были двинуться туда, когда часа въ 4 пришла отъ Ирмана записка, гласившая: „Ген. Фокъ выѣздъ не разрѣшилъ“... А черезъ часъ стало извѣстно объ отступленіи 5-го полка.

Генералъ Фокъ язвительно возражаетъ на показаніе свидѣтеля въ томъ смыслѣ, что Мехмандаровъ „хотѣлъ выѣхать“, но все ждалъ, когда ему это не разрѣшатъ.

— Генералъ Фокъ не вѣрно освѣщаетъ дѣло—со сдерживаемымъ предъ лицомъ суда негодованіемъ сейчасъ же отвѣчаетъ Мехмандаровъ.—Если бы мнѣ приказано было, я сейчасъ же пошелъ бы, но мнѣ было только сказано, что нужно помочь 5-му полку, и полк. Ирманъ пріѣхалъ ко мнѣ посовѣтоваться, какъ это сдѣлать...

Предсѣдатель прекращаетъ эту полемику.

Затѣмъ слѣдуетъ допросъ ряда менѣе крупныхъ участниковъ боя—артиллеристовъ: капит. *Аноева* и капит. *Карамышева*, стрѣлковъ—штабсъ-капитановъ *Ратайскаго*, *Руссау* и *Кишинскаго*, поручика *Орелъ* и подпоручика *Козина*.

Кап. Аноевъ. Первый изъ нихъ, между прочимъ, показалъ, что часовъ около 2-хъ, къ нему, на полевую батарею, пришелъ начальникъ штаба Фока, подполковникъ Дмитревскій.

— Мы встрѣтили его радостно. Бой затихалъ. Цѣлей не было видно.—„Здорово раскатали мы японцевъ“—сказали мы ему, а онъ отвѣтилъ: „а все-таки позицію придется бросить“.

Штабсъ-капит. Кишинскій. Показаніе шт.-кап. Кишинскаго, бывшаго полковымъ адъютантомъ 14-го вост.-сиб, стр. полка, оживляетъ вниманіе, утомленное мелочами.

— Полкъ стоялъ въ резервѣ у полотна желѣзной дороги,— разсказываетъ онъ, — когда ген. Надѣинъ приказалъ подвести къ мѣсту боя 2 баталіона, но на позицію не вводить. Повелъ баталіоны свидѣтель, подвелъ ихъ на версту и остановилъ тамъ, гдѣ указалъ Надѣинъ. Тамъ былъ генералъ Фокъ...

Прокуроръ спрашиваетъ свидѣтеля, слыхалъ ли онъ о возвратѣ ген. Фокомъ двухъ баталіоновъ, посланныхъ Надѣинымъ на поддержку 5-го полка.

— То были баталіоны 13-го полка, а здѣсь говорятъ о 14-мъ полку,—возражаетъ ген. Домбровскій, желая дать понять суду, что прокуроръ путаетъ.

Происходитъ споръ, остроумно резюмированный прокуроромъ.

— Ясно, что ген. Фокъ остановилъ и два баталіона 13-го полка, и два баталіона 14-го.

По показанію шт.-кап. Кишинскаго, изъ ротъ 14-го полка въ бою участвовали 2-я, 4-я, 6-я, 7-я и 8-я, всѣ были въ окопахъ, открывали огонь и потеряли 252 человѣкъ.

Затѣмъ читается показаніе ген. Надѣина, данное имъ при предварительномъ слѣдствіи. Изъ него видно, что послѣ 2-хъ часовъ дня, для усиленія нашего лѣваго фланга (за который такъ опасался и ген. Фокъ), свидѣтель послалъ приказаніе командующему 13-мъ полкомъ немедленно съ двумя баталіонами занять окопы на лѣвомъ флангѣ. Подполковникъ кн. Мачабели [1]), исполняя это приказаніе, около 3-хъ часовъ дня, встрѣтилъ у цзиньчжоуской позиціи ген. Фока, который и остановилъ дальнѣйшее движеніе баталіоновъ, о чемъ Мачабели донесъ свидѣтелю... Около 4½ час. на батареѣ № 10 поднялся японскій флагъ. Увидѣвъ его со ст. Тафашинъ, ген. Фокъ приказалъ немедленно отступать. Части отходили въ безпорядкѣ, такъ какъ нѣкоторымъ приходилось пробираться черезъ проволочныя заграждения, устроенныя въ тылу позиціи на случай ея атаки съ юга.

Засѣданіе кончается объясненіемъ подсудимаго **Ген. Стессель.** генерала Стесселя по поводу вчерашняго заявленія ген. Смирнова, что для обороны Цзиньчжоу можно было „пожертвовать“ дивизіей.

— Взгляды мои и генерала Смирнова, видимо, въ этомъ вопросѣ рѣзко расходились. Я никогда не позволилъ бы себѣ думать, чтобы изъ двухъ дивизій можно было уложить одну на Цзиньчжоу. Да не таковы были и директивы ген. Куропаткина. Быть можетъ, ген. Смирнову двухъ дивизій для

---

[1]) Впослѣдствіи убитъ.

обороны Артура и казалось много, но конецъ обороны показалъ, что ихъ было мало. Состояніе крѣпостныхъ верковъ требовало задержанія японцевъ впереди крѣпости. И наша главная заслуга въ томъ, что мы на два мѣсяца ихъ задержали.

Предсѣдатель объявляетъ, что судебное слѣдствіе по первому обвиненію ген. Фока закончено. Судъ переходитъ къ изслѣдованію дѣятельности его и генерала Стесселя въ Артурѣ во время осады.

VII. 5-е декабря. — Засѣданіе 7-е.

Объ отозваніи Стесселя изъ Портъ-Артура. Допросъ свидѣтелей: ген.-адъют. **Куропаткина**, поруч. **кн. Гантимурова**, кап. **Аноева**, подполковниковъ **Голованя, Степанова, Одинцова** и **Гурко.**

Настоящее засѣданіе представляло выдающійся интересъ какъ по обширному показанію генерала Куропаткина, чрезвычайно интересному и характерному для личности самого свидѣтеля и для всего строя нашего военнаго управленія, такъ и по сенсаціоннымъ разоблаченіямъ, которыя сдѣлалъ свидѣтель, ген. штаба подполковникъ Головань.

Судомъ изслѣдовался фактъ неудавшагося отозванія генерала Стесселя изъ Портъ-Артура.

Свидѣтельствовать о томъ, въ силу какихъ причинъ отзывался ген. Стессель изъ осажденнаго Портъ-Артура, почему онъ тамъ остался, какъ къ этому факту отнеслось высшее на Дальнемъ Востокѣ начальство, какъ оно послѣ того смотрѣло на генерала Стесселя и какъ опредѣляло его положеніе въ крѣпости, гдѣ былъ свой комендантъ, назначенный Высочайшимъ приказомъ и не смѣщенный, — и призванъ былъ бывшій командующій манчжурской арміей.

Генер.-адъют. Куропаткинъ. Онъ началъ издалека.

— Вопросъ о назначеніи коменданта въ Портъ-Артуръ возникъ въ 1903 году. Намѣстникъ предполагалъ назначить Стесселя. Онъ отзывался о немъ съ самой лучшей стороны. Ни о какихъ недоразумѣніяхъ по китайскому походу, о которыхъ стали говорить позднѣе, тогда и рѣчи

не было. И я самъ, признается свидѣтель, будучи въ Артурѣ и произведя тамъ маневры, былъ удивленъ знакомствомъ Стесселя съ мѣстностью и укрѣпленіями, хотя въ то время Стессель былъ только начальникомъ 3-й стр. бригады.

— 1-го іюня 1903 года въ Таліенванѣ, гдѣ былъ я и Алексѣевъ, происходило обсужденіе вопроса о состояніи Портъ-Артура. Крѣпости еще не было, коменданта не было назначено. Нужно было опредѣлить прежде всего размѣръ крѣпости и классъ ея. Положили считать ее крѣпостью 2-го класса. Тогда же было предположено, что на Квантунѣ будетъ образованъ особый корпусъ. Стессель предназначенъ былъ быть комендантомъ Портъ-Артура, но съ правами и содержаніемъ коменданта крѣпости 1-го класса. Въ октябрѣ или ноябрѣ того же года неожиданно для меня послѣдовало вдругъ представленіе намѣстника о назначеніи Стесселя командиромъ 3-го спб. арм. корпуса, а 27-го января 1904 года — о назначеніи генерала Смирнова комендантомъ Портъ-Артура. Я былъ тогда военнымъ министромъ и потребовалъ отъ начальника главнаго штаба, ген. Сахарова справку о Смирновѣ. Аттестованъ онъ былъ отлично; у него были всѣ данныя занять этотъ постъ,—кромѣ боевого опыта. Но аттестація гласила, что ген. Смирновъ обладаетъ чрезвычайно твердымъ характеромъ. Сообщивъ адм. Алексѣеву, что докладъ о назначеніи Смирнова составленъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ его, не выберетъ ли онъ кого другого на это мѣсто. Если бы я зналъ о высокихъ душевныхъ качествахъ Кондратенко, я бы его и назвалъ Алексѣеву. Но Кондратенко мы всѣ не знали,—онъ былъ скроменъ. Намѣстникъ настаивалъ на Смирновѣ. И Смирновъ былъ назначенъ. Я принялъ только мѣры къ тому, чтобы онъ возможно скорѣе выѣхалъ въ Артуръ. И дѣйствительно, 4 марта онъ туда прибылъ. А 12-го марта Стессель оставленъ былъ въ цзинъчжоускомъ раіонѣ, причемъ права коменданта, ген. Смирнова, вопреки закона, были умалены въ пользу начальника раіона, и онъ былъ подчиненъ послѣднему. Я полагалъ, что это временно, что съ уничтоженіемъ раіона все войдетъ въ норму... И назначенный Высочайшимъ приказомъ ген. Смирновъ могъ добиваться осуществленія своихъ правъ...

— Послѣ Цзиньчжоу, у меня стали являться сомнѣнія въ соотвѣтствіи Стесселя... Донесенія его указывали на упадокъ въ немъ духа. Онъ только и писалъ, что „нужна немедленная помощь,—не менѣе 3—4 дивизій...“: что „снарядовъ осталось самое малое количество...“ Это еще въ самомъ началѣ войны! Своими сомнѣніями я подѣлился съ Алексѣевымъ. Онъ согласился на отозваніе Стесселя, но я просилъ его запросить депешею мнѣніе о Стесселѣ представителя другого вѣдомства въ Артурѣ, морского. Спрошенъ былъ Витгефтъ, и онъ далъ о Стесселѣ неблагопріятный отзывъ... Тогда мною три раза были посланы депеши Стесселю объ отъѣздѣ его изъ Артура и въ копіяхъ сообщено о томъ же Смирнову...

Генералъ Куропаткинъ читаетъ текстъ этихъ депешъ.

„5-го іюня. Генералу Стесселю. Такъ какъ ваше командованіе укрѣпленнымъ раіономъ окончилось и вы вошли въ крѣпость, то, согласно съ мнѣніемъ намѣстника, предлагаю вамъ сдать, на основаніи положенія объ управленіи крѣпостями, особенно ст. 57-й, командованіе въ крѣпости коменданту ея и прибыть выбраннымъ вами путемъ, напримѣръ, на миноносцѣ, въ маньчжурскую армію, гдѣ, при первой возможности, вы займете положеніе командира корпуса. Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. № 759“.

— Содержаніе этой депеши было повторено мною потомъ 17-го и 19-го іюня. Послѣдняя была шифрованная.

Въ отвѣтъ на нихъ въ концѣ іюня я получилъ отъ ген. Стесселя письмо отъ 26-го іюня, № 56, въ которомъ онъ писалъ;

„Секретное предписаніе отъ 19-го іюня № 814-й я получилъ вчера поздно вечеромъ, находясь на передовой артиллерійской позиціи батареи капитана Пузанова, здѣсь мы уже второй день деремся за обладаніе высотами, прилегающими къ горѣ Кушисань. Предписаніе это, по правдѣ сказать, меня очень поразило, и я рѣшаюсь высказать все то, что, по моему глубокому убѣжденію, сопряжено съ немедленнымъ его выполненіемъ. Меня хорошо знаютъ всѣ войска и вѣрятъ мнѣ: меня хорошо знаетъ какъ европейское, такъ и, главное, китайское населеніе, и хотя, можетъ быть, мѣры мои кому-нибудь и кажутся строгими, но всѣ сознаютъ, что только этими мѣрами въ такое время держится порядокъ. Мой отъѣздъ породитъ общее уныніе, что теперь самое опасное, и упадокъ духа, который я всемѣрно поддерживаю. Я неоднократно просилъ намѣстника разрѣшить мнѣ выѣхать къ корпусу, просилъ и въ день послѣдняго его отъѣзда, но онъ всякій разъ категорически мнѣ отказывалъ въ этомъ. Тогда, при обстоятельствахъ сравнительно спокойныхъ, мнѣ мо-

жно было выѣхать, теперь,—въ такой острый періодъ блокады и когда на мнѣ все держится,—нельзя. Генералы Фокъ, Кондратенко и Никитинъ дружно и отъ души работаютъ со мной и вѣрятъ въ меня. Зная и высоко уважая Фока и зная его взгляды, я не увѣренъ, что все будетъ идти такъ гладко, какъ при мнѣ, а это будетъ во вредъ дѣлу. Положеніе мое здѣсь, разумѣется, гораздо труднѣе командованія въ полѣ; повторяю, я неоднократно просился уѣхать, когда возможно было безъ ущерба для дѣла, теперь же, докладываю, будетъ большой вредъ. *Теперь, послѣ славныхъ двухдневныхъ боевъ, раіонъ моихъ дѣйствій вновь расширился.* Докладывая обо всемъ вышеизложенномъ по долгу и совѣсти, я твердо увѣренъ, что ваше высокопревосходительство примете все это во вниманіе. Прошу принять во вниманіе и взглядъ мой на ген. Смирнова; онъ, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но скорѣй—профессоръ: если бы Кондратенко дѣло бы другое. Если же все-таки признаете мое прибытіе необходимымъ, то докладываю, что я сочту долгомъ принять всѣ мѣры къ выполненію, хотя въ настоящее время сообщеніе все затрудняется по усиленію надзора за всѣми выходящими судами. *Стесселъ*".

— Получали ли вы,—спрашиваетъ прокуроръ свидѣтеля,—донесенія генерала Смирнова о трепіяхъ между нимъ и Стесселемъ?

— Устно докладывалъ мнѣ объ этомъ кап. Одинцовъ, но письменнаго донесенія отъ Смирнова я не получалъ. Мы, свидѣтели, заявляетъ Куропаткинъ,— въ тяжеломъ положеніи. Намъ трудно помнить все, что случилось 3—4 года назадъ... Вотъ, если бы намъ показали документы...

— Какимъ путемъ доставлялись вамъ депеши изъ Артура?

— Владѣя Ишкоу, мы могли сравнительно легко и удобно съ нимъ сноситься. Изъ Артура прорывались туда миноносцы, и я помню, что начальникъ штаба намѣстника, генералъ Жилинскій, мнѣ телеграфировалъ именно по этому поводу: „Если вы не раздумали отозвать Стесселя, то не воспользуетесь ли миноносцемъ, который доставитъ ему вашу депешу?". Съ потерей Ишкоу пришлось депеши посылать съ китайцами, офицерами, на шаландахъ, черезъ Чифу и даже кружнымъ путемъ, черезъ Петербургъ.

— Какъ же вы распорядились, получивъ объясненія Стесселя?

— Содержаніе его письма я передалъ намѣстнику. По взаимному соглашенію, мы признали, что къ объясненіямъ Стесселя можно отнестись съ довѣріемъ, и оно было выражено хотя, быть можетъ, и не въ той формѣ, въ которой

слѣдовало. Мы не послали ему ничего: ни „оставайтесь“, ни „уѣзжайте“, такъ какъ изъ объясненій его можно было понять, что время для отъѣзда не назрѣло. Я начиналъ свое предписаніе словами: „Такъ какъ ваше командованіе укрѣпленнымъ раіономъ окончилось, и вы вошли въ крѣпость, то...„ и т. д. А, между тѣмъ, Стессель мнѣ доносилъ: —„Мой раіонъ расширился...“ Стало быть, я ошибся, не зналъ хорошо обстановки... И Стессель могъ разсуждать: „буду ждать отвѣта“. И ждалъ. Съ формальной стороны, можетъ быть, онъ былъ и неправъ въ этомъ, но съ нравственной стороны, какъ мнѣ кажется, имѣлъ на то основаніе... И я позволю себѣ сказать, что довѣріе, оказанное нами, мною и Алексѣевымъ, Стесселю, было блистательно оправдано имъ вплоть до 2-го декабря, до дня смерти Кондратенко. До этого времени крѣпость пережила геройски долгій и трудный періодъ. Надо вспомнить, что крѣпость Портъ-Артуръ и нами признавалась совершенно неоконченной. Въ три года нельзя было создать крѣпость... Достаточно прочесть прекрасный трудъ подполковника фонъ-Шварца, чтобы понять это, понять, какимъ условіямъ должна удовлетворять современная крѣпость и въ частности — всю трудность созданія Артура. Шварцъ говоритъ, что по размѣрамъ Артура гарнизонъ его долженъ былъ состоять изъ 129 тысячъ. Это, конечно, много, но и пяти полковъ, о которыхъ говорилось здѣсь, мало. Надо было имѣть двѣ дивизіи. Большую роль сыграло отсутствіе серьезной артиллеріи. Дать настоящую артиллерію мы не могли, приходилось брать ее, откуда можно,—ослабляя себя на Западѣ, беря старыя орудія. Заказы артиллеріи за границей не разрѣшались. Поощрялась отечественная промышленность, а свои заводы работали слабо. Но самая главная бѣда была въ созданіи города Дальняго безъ нашего вѣдома, моего и намѣстника. Дальній являлся базою для противника, и я тогда же указывалъ, что при наличности его намъ слѣдуетъ Артуръ отдать китайцамъ, Дальній—продать и утвердиться въ Манчжуріи. Но мы преувеличивали свои силы, непобѣдимость своего флота—и это рѣшило вопросъ вопреки моего и заявленія. А выводъ 3-й вост.-сиб. стр. дивизіи изъ Артура и послѣдовавшее послѣ атаки 27 января ослабленіе нашего флота увеличили

еще болѣе трудность задачи обороны Артура... Но я долженъ свидѣтельствовать, что въ теченіе пяти мѣсяцевъ она выполнялась блистательно. Телеграммы Стесселя объ отбитыхъ штурмахъ въ дни ляоянскаго сраженія и позже поднимали духъ манчжурской арміи. Войска, выслушивая ихъ, кричали „ура“...

— Только 17 іюля прекратилось существованіе раіона и совмѣщеніе Стесселемъ въ своемъ лицѣ двухъ должностей... Но и тогда донесенія Стесселя показывали мнѣ, что духъ гарнизона бодръ и ждать такого конца обороны нельзя. А ген. Смирновъ еще за двѣ недѣли до начала конца—смерти Кондратенко -телеграфируя о нуждахъ Артура, доносилъ о готовности защитниковъ его умереть на развалинахъ крѣпости. Даже 27 ноября, т. е. только за пять дней до смерти Кондратенко, Стессель мнѣ телеграфировалъ: „Люди утомлены, но духъ прекрасный“... И намъ нечего было сожалѣть объ оставленіи тамъ Стесселя. Мы получали въ то же время сообщенія, что и розни съ флотомъ исчезла и что флотъ ведетъ себя, какъ въ Севастополѣ, отдавъ войскамъ свои орудія, снаряды, команды и офицеровъ. Но то, что случилось послѣ 2-го декабря было для насъ совершенной неожиданностью, и протестъ ген. Смирнова, послѣ очищенія форта № II, отъ 7 декабря, былъ уже запоздалымъ. Телеграмма же его отъ 19 декабря о томъ, что Стессель, безъ вѣдома его и адмираловъ, вступилъ съ Ноги въ переговоры, совпала съ извѣстіемъ о сдачѣ. Такъ конецъ геройской обороны былъ совершенно не связанъ съ началомъ.

— Скажу еще, что если бы ген. Стессель, нарушившій приказаніе, довелъ до конца геройскую оборону Артура, то мое глубокое убѣжденіе, что и вопроса о неповиновеніи не возникало бы, а всѣ признали бы, что онъ дѣйствовалъ во славу русскаго оружія и къ чести героевъ-защитниковъ.

Генералъ Куропаткинъ окончилъ свою рѣчь громко, съ воодушевленіемъ.

Но защитникъ ген. Стесселя проситъ его дать еще свидѣтельство о достоинствахъ своего кліента.

— Генерала Стесселя я зналъ еще со школьной скамьи. Онъ мнѣ всегда казался хорошимъ солдатомъ, немного грубоватымъ, но любившимъ военное дѣло. И все въ немъ

импонировало солдатамъ—внѣшность, громкій голосъ, грубоватость манеръ... На турецкую войну онъ пошелъ изъ Ростовскаго полка охотникомъ и въ болгарскихъ дружинахъ велъ себя геройски. Кампанія 1900 года подтвердила его боевую репутацію, особенно дѣло у Тяньцзиня. Адм. Алексѣевъ называлъ его мнѣ „надеждою Артура". И то отличное состояніе, въ которомъ я видѣлъ 3-ю стрѣлковую бригаду Стесселя, убѣждало меня въ томъ, что адмиралъ не ошибается...

— А какъ состоялось пожалованіе Стесселя званіемъ генералъ-адъютанта?

— Когда родился Наслѣдникъ Цесаревичъ мнѣ предложено было указать лицъ, достойныхъ зачисленія въ Государеву свиту. Я назвалъ нѣсколько лицъ, помѣстивъ ихъ въ спискѣ по старшинству: первымъ—генерала Бильдерлинга, вторымъ—Зарубаева, третьимъ—Стесселя... Избранъ и пожалованъ былъ Стессель.

— Послѣ 17 іюля сносились ли вы непосредственно съ Стесселемъ, а вашъ штабъ—съ его штабомъ?

— Да, доносилъ Стессель—мы ему отвѣчали, доносилъ Смирновъ—ему...

Получали ли вы донесенія Стесселя съ просьбою о поддержкѣ и что ему отвѣчали?

— Ошибки вождей,—отвѣчаетъ на это ген. Куропаткинъ съ понятною намъ скромностью,—играютъ, конечно, какъ всегда, огромную роль; но не могли же мы въ отвѣтъ на радостныя намъ донесенія Стесселя отвѣчать ему: „еще разъ отступили...",—„еще разъ отошли..." Правда, подъ Ляояномъ мы потеряли 50 тыс., многіе полки вели себя геройски, но обстановка сложилась такъ, что мы должны были очистить Ляоянъ... Но и японцы не сумѣли сбить насъ.

— Скажите, ваше высокопревосходительство,— спрашиваетъ Куропаткина ген. Домбровскій, — какого мнѣнія вы были о генералѣ Фокѣ.

— Впервые,—отвѣчаетъ онъ,—я узналъ о Фокѣ въ турецкую войну, послѣ переправы черезъ Дунай, гдѣ онъ заслужилъ георгіевскій крестъ. Его имя стало тогда извѣстно всей арміи. Потомъ онъ попалъ ко мнѣ подъ команду, когда я управлялъ Закаспійской областью. Онъ командовалъ тамъ

5-мъ стрѣл. б-номъ въ Серахсѣ, и его начальникъ бригады, генералъ Линевичъ, потомъ главнокомандующій манчжурскими арміями, былъ о немъ самаго высокаго мнѣнія. Поэтому я съ радостью привѣтствовалъ назначеніе ген. Фока на Дальній Востокъ. Но уже въ 1900 году до меня стали доходить извѣстія, что, по болѣзнямъ и возрасту, Фокъ уже не тотъ, что былъ въ турецкую войну. по все-таки еще въ 1903 году я и намѣстникъ полагали его въ числѣ генераловъ, могущихъ доблестно послужить..

Допросъ ген.-адъют. Куропаткина продолжается. Онъ отвѣчаетъ на вопросы защиты рѣзко, отрывисто, съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ — то и дѣло спрашивая судъ, долженъ ли онъ отвѣчать на предлагаемый ему вопросъ. Особенно онъ рѣзокъ съ защитникомъ генерала Смирнова, капитаномъ 2-го ранга фонъ-Шульцемъ, хотя вопросы его, долженствующіе выяснить постепенно дѣйствія свидѣтеля относительно отозванія Стесселя, предлагаются имъ въ очень деликатной формѣ.

На вопросъ кап. фонъ-Шульца: какъ были посланы телеграммы Стесселю и Смирнову, вмѣстѣ или порознь, въ одномъ пакетѣ или въ разныхъ, — ген. Куропаткинъ, понимая всю важность этого обстоятельства, отвѣчаетъ рѣзко:

— Не знаю. Командующіе арміями сами пакетовъ не запечатываютъ. Это дѣло штаба. Нѣтъ сомнѣнія въ одномъ: телеграммы посланы одновременно, но въ одномъ конвертѣ или нѣтъ,—не знаю, да и знать не долженъ.

Свидѣтель обращаетъ затѣмъ вниманіе суда на то, что въ его депешѣ Стесселю, подлежавшей сообщенію и Смирнову, важно было указаніе на 57 ст. полож. объ управленіи крѣпостями, возлагающую отвѣтственность за крѣпость на коменданта.

— О полученіи вами отвѣтнаго письма Стесселя, былъ ли вами кто-нибудь увѣдомленъ: Стессель или Смирновъ?— спрашиваетъ далѣе фонъ-Шульцъ.

— Я уже сказалъ, что не отвѣчалъ на это письмо.

— Почему?

— Я не могъ написать Стесселю письмо и не высказать въ немъ своего мнѣнія по содержанію его отвѣта.

— Какое же, въ такомъ случаѣ создавалось, по вашему

мнѣнію, положеніе въ крѣпости? — вмѣшивается въ допросъ членъ суда, баронъ Остенъ-Сакенъ.

— Послѣ отхода войскъ въ крѣпость районъ уничтожался, и ген. Смирновъ могъ тогда же выяснить свое положеніе, требовать его выясненія, но онъ это сдѣлалъ только 7-го декабря. До этого дня имъ ничего сдѣлано не было. Если бы такая депеша была получена въ іюлѣ, я доложилъ бы ее адм. Алексѣеву.

— Но могъ ли ген. Смирновъ просить объ этомъ въ виду Высочайшаго повелѣнія, которымъ комендантъ былъ подчиненъ ген. Стесселю?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Да, положеніе его было трудное,—признается Куропаткинъ и высказываетъ сужденіе, странно звучащее въ устахъ бывшаго командующаго арміей:—Но онъ могъ арестовать Стесселя, если бы увидѣлъ, что дѣйствія его клонятся во вредъ дѣлу [1]).

— Но вѣдь вамъ объ этомъ докладывали и Одинцовъ и Гурко?—продолжаетъ свой допросъ прокуроръ.

— Если бы ген. Смирновъ смотрѣлъ на это дѣло серьезно, надо было коротко и ясно мнѣ объ этомъ написать вмѣсто длинныхъ объясненій Одинцова. Нельзя было путать въ такое дѣло капитана, хотя бы и генеральнаго штаба. Мы были тогда въ очень тяжеломъ положеніи: одни пріѣзжаютъ говорятъ одно; другіе — другое. Мы не знали, кому вѣрить... [2])

— Какую же степень довѣрія оказываетъ ген. Куропаткинъ словеснымъ докладамъ сравнительно съ письменными?—поднимается со своего мѣста и спрашиваетъ Смирновъ.

— Письменный или словесный докладъ — для меня безразлично,—отвѣчаетъ ему Куропаткинъ.—Но я разумѣю, что съ вашей стороны это было некорректно поручать такой докладъ капитану... Таково мое мнѣніе, мнѣніе стараго солдата,—добавляетъ онъ.

---

[1]) Однако самъ ген. Куропаткинъ признавалъ, что до 2 декабря дѣла у Стесселя шли отлично, и только назначеніе Фока и очищеніе 5-го декабря форта II-го раскрыли ему, какъ и ген. Смирнову, глаза на грозящій доблестной оборонѣ позорный конецъ.

[2]) Можно было бы, казалось, послать для выясненія этого важнаго вопроса въ Портъ-Артуръ довѣренное лицо изъ штаба манчжур. арміи.

— Получали ли вы депеши отъ Куропаткина?—спрашиваетъ Смирнова предсѣдатель.

— Ни одной объ отозваніи Стесселя. Непосредственно я получилъ отъ него только телеграмму о рожденіи Наслѣдника Цесаревича. Затѣмъ черезъ Стесселя тѣ, которыя помѣчены были: „копія—коменданту“.

— Помните ли вы о полученіи депеши отъ командующаго арміей объ отозваніи Стесселя?—задается вопросъ ген. Рейсу.

— Помню только одну,—во второй половинѣ іюня, позднѣе или одновременно съ письмомъ ген. Стесселя Куропаткину. Я ее лично дешифрировалъ. Я всегда это лично дѣлалъ при помощи подчиненныхъ мнѣ офицеровъ ген. штаба.

Вопросъ снова возвращается къ тому, чѣмъ же былъ въ крѣпости Стессель послѣ уничтоженія раіона.

— Полагаю, говоритъ Куропаткинъ, — что онъ долженъ былъ чувствовать все-таки, что онъ не исполнилъ приказанія. Вѣдь письмо его ко мнѣ могло и не дойти. По существу, онъ могъ остаться въ крѣпости и командовать, могъ не исполнить приказанія и дважды, и трижды, но и взять при этомъ на себя всю отвѣтственность... [3]).

Снова выясняется, когда возникъ вопросъ объ отозваніи Стесселя и какъ онъ проводился. Ген. Куропаткинъ пользуется этимъ, чтобы объяснить причины Вафангоуской неудачи. Онъ говоритъ:

— Приказаніе о спѣшномъ движеніи къ Вафангоу было дано вопреки сложившейся обстановкѣ. И я тогда же указывалъ на необходимость отозвать Стесселя и полагалъ, что сдѣлать это нужно самому намѣстнику. Но адм. Алексѣевъ указалъ мнѣ на статью положенія объ управленіи арміями,— какую не помню—и предложилъ мнѣ это сдѣлать самому.

Послѣ перерыва засѣданій судъ предоставляетъ сторонамъ право допрашивать ген. Куропаткина по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, дабы затѣмъ освободить этого свидѣтеля отъ явки въ судъ.

Генералъ Куропаткинъ пользуется этимъ и даетъ въ своихъ

---

[3]) Казалось бы, съ точки зрѣнія командующаго арміей, вопросъ не въ чьей-либо отвѣтственности, но въ результатахъ дѣла, въ его пользѣ.

отвѣтахъ рядъ общихъ соображеній, касающихся всей кампаніи.

— Получали ли вы донесенія о недостаткѣ снарядовъ?— спрашиваетъ защитникъ ген. Рейса, пом. прис. пов. Нечаевъ.

— Объ этомъ говорилось почти въ каждомъ донесеніи,

— Просилось ли о пополненіи ихъ?

— Высказывались пожеланія, но, конечно, это было условно· Дѣлали, что могли... Совершился фактъ невѣроятный: геройское поведеніе подполковника Спиридонова позволило, уже послѣ высадки японцевъ на Квантунъ, доставить въ отрѣзанную крѣпость поѣздъ со снарядами, трубками и порохомъ. Послѣ этого снарядовъ доставить намъ уже не удалось.

— Были ли донесенія о критическомъ положеніи Артура?

— Онѣ начались съ мая мѣсяца. Особенно тревожныя депеши стали получаться послѣ паденія Высокой горы и послѣ смерти Кондратенко. Но помощи мы не могли подать. Если бы мы и разбили японцевъ, то, владѣя моремъ, они могли бы, съ помощью флота, оборонять Цзиньчжоу и задержать насъ на немъ нѣсколько мѣсяцевъ. Мы полагали, что если въ сердцахъ вождей сохранится готовность умереть на развалинахъ крѣпости, если будутъ патроны, а, главное—провіантъ, то прорывъ на одномъ форту, при владѣніи другими и при наличности 2-й и 3-ей линій обороны, не опасенъ... Паденія форта II-го можно было ждать, но позднѣе мы узнали, что фортъ этотъ былъ очищенъ безъ боя—и это было неожиданностью для насъ.

— Докладывали ли вамъ Одинцовъ и Гурко о срокѣ, въ теченіе котораго Артуръ можетъ держаться, если оборона его будетъ вручена Смирнову?

— Да, говорили, что до октября.

— Какъ вы отнеслись къ этому?

— Мы стояли тогда такъ близко къ японцамъ и такъ еще надѣялись на желѣзную дорогу, что полагали возможнымъ выручить Артуръ.

Послѣ жаркаго спора съ предсѣдателемъ, защитнику ген. Рейса пом. прис. пов. Нечаеву удается спросить у свидѣтеля мнѣніе его объ обороноспособности Артура.

И вотъ что онъ отвѣтилъ:

— Мы не знали, какая обороноспособность можетъ быть

развита крѣпостью, и выполнитъ ли флотъ свои задачи. Странно, но даже я, командующій арміей, не зналъ, обезпечена ли крѣпость полуторагодовымъ запасомъ провіанта. Всѣмъ этимъ вѣдалъ штабъ намѣстника...

Дѣйствительно странно, если вспомнить, что ген. Куропаткинъ былъ до войны военнымъ министромъ, а собираніе полуторагодового запаса началось не съ началомъ же войны.

— Мы должны были помочь Артуру,—продолжалъ Куропаткинъ,—если не матеріально, то морально... Вѣдь это была „крѣпость—не крѣпость", какъ отозвался мнѣ о ней Алексѣевъ. И когда мы получили приказаніе помочь Артуру, то нашъ восточный фронтъ на манчжурскомъ театрѣ войны былъ протяженіемъ въ 100 верстъ, а охранялся всего лишь 14-ю батальонами. Поймите это Куроки,—Ляоянъ былъ бы захваченъ у насъ ранѣе...

— Какова была роль Артура для сосредоточенія армія?

Лично отвѣтить не могу. Это было дѣло намѣстника, а мое личное мнѣніе, какъ я уже сказалъ, было такое: лучше всего отдать его японцамъ.

— Какъ снабженъ былъ Артуръ продовольствіемъ?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ судъ найдетъ въ отчетѣ полевого интенданта, ген. Губера. Отъ себя могу прибавить, что когда онъ хотѣлъ вмѣшаться въ это дѣло, то ему не позволили, а когда высадка японцевъ уже произошла, ему велѣли. Но онъ отказался. Было уже поздно. Я въ это дѣло не мѣшался... Изъ отчета Губера видны тренія между штабомъ намѣстника и интендантомъ [1]).

— Послѣ телеграммы объ отозваніи Стесселя сносились ли вы непосредственно съ ген. Смирновымъ?—спрашиваютъ Куропаткина.

И послѣдній, въ противорѣчіе съ тѣмъ, что показывалъ ранѣе, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не посылалъ, да и считалъ себя не въ правѣ это дѣлать, пока тамъ сидѣлъ Стессель, назначенный по Высочайшему повелѣнію, и пока онъ не увѣдомилъ меня о выѣздѣ.

---

[1]) Въ виду того, что полевой интендантъ ген. Губеръ составлялъ часть штаба манчжурской арміи, а не штаба главнокомандующаго, казалось бы, ген. Куропаткину было основаніе вмѣшаться въ это дѣло!...

Кончаетъ онъ свои объясненія слѣдующимъ признаніемъ:

— Крѣпость держалась шесть мѣсяцевъ. Для крѣпости слабой это очень большой срокъ. Выведя изъ рядовъ японцевъ 80 тыс. и задержавъ передъ собою армію, самую сильную, наилучше укомплектованную, съ самымъ энергичнымъ начальникомъ, гарнизонъ Портъ-Артура оказалъ манчжурской арміи могущественную поддержку—и, съ этой стороны, я ничего не могу сказать противъ гарнизона и его вождей [1]).

---

[1]) По поводу нѣкоторыхъ заявленій ген. Куропаткина на судѣ, графъ С. Ю. Витте обратился съ письмомъ къ предсѣдателю суда, въ которомъ заявилъ, что показанія ген.-адъют. Куропаткина относительно заказовъ орудій за границею, возникновенія Дальняго и мысли о продажѣ южной вѣтви вост. кит. жел. д. вмѣстѣ съ Дальнимъ и Артуромъ „не соотвѣтствуютъ дѣйствительности". Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Витте, въ качествѣ лица, бывшаго до войны въ теченіе 10 лѣтъ министромъ финансовъ, подъ высшимъ надзоромъ котораго строились кит. вост. ж. д. и портъ Дальній, и посѣтившаго Портъ-Артуръ и Дальній за 1½ года до войны,—выразилъ готовность дать суду свои объясненія, если это будетъ признано судомъ полезнымъ. Предсѣдатель суда отвѣтилъ гр. Витте, что такъ какъ тѣ части показаній ген. Куропаткина, на которыя онъ указываетъ, носятъ случайный характеръ, не вызваны ни судомъ, ни сторонами и для существа настоящаго дѣла значенія не имѣютъ, то въ вызовѣ и допросѣ его, гр. Витте, въ качествѣ свидѣтеля, судомъ не представляется надобности.

Тогда гр. Витте напечаталъ свои объясненія въ видѣ „письма въ редакцію „Нов. Времени" (№ 11402),—и между нимъ и ген. Куропаткинымъ завязалась въ печати обширная полемика, представляющая огромный историческій и общественный интересъ, какъ по личности авторовъ, такъ и по чрезвычайной важности темы ея. Беремъ изъ нея наиболѣе существенныя части.

Вотъ что писалъ *гр. Витте* въ своемъ первомъ „письмѣ" (№ 11402):

„Въ № 11400 „Нов. Врем." помѣщенъ отчетъ о 7-мъ засѣданіи верх. воен.-угол. суда по дѣлу о сдачѣ П.-Артура. Въ отчетѣ этомъ два мѣста изъ показанія ген.-адъют. А. Н. Куропаткина остановили мое вниманіе явнымъ несоотвѣтствіемъ своимъ съ дѣйствительными обстоятельствами. Ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ заявилъ, что „снабженіе Портъ-Артура *нѣсколькими стами* орудій встрѣчало огромныя трудности, приходилось брать орудія изъ существующихъ крѣпостей, въ томъ числѣ и уже устарѣлыхъ образцовъ. Заказъ новыхъ орудій крупныхъ калибровъ за границею признавался нежелательнымъ, а изготовленіе этихъ орудій на Обуховскомъ заводѣ морского вѣдомства происходило весьма медленно: мы получали въ годъ лишь по нѣсколько орудій". По всей вѣроятности, ген.-адъют. А. Н. Куропаткинъ далъ на судѣ болѣе опредѣлительное

Послѣ ген.-адъют. Куропаткина допрашиваются: бывшій личный адъютантъ ген. Стесселя, поручикъ кн. Гантимуровъ и капитанъ Аноевъ. Оба прорывались въ іюнѣ 1904 года изъ Артура въ манчжурскую армію и возвратились обратно съ депешами изъ штаба арміи. Ихъ по-

Поруч. князь Гантимуровъ.

показаніе, заявивъ, что заказы орудій за границею признавались имъ, воен. м—рюмъ, нежелательными, или же, быть можетъ, онъ заявилъ, что таковые заказы признавали нежелательными, вопреки желаніямъ воен. министра. Дѣйствительное же положеніе вещей было таково: хотя постановленіями *Комитета* Министровъ вообще заграничные заказы и признаваемы были нежелательными, но о полномъ воспрещеніи таковыхъ заказовъ никогда постановляемо не было. И всѣ вѣдомства, *по собственной власти*, прибѣгали къ заграничнымъ заказамъ, когда по обстоятельствамъ дѣла это оказывалось необходимымъ. Что же касается въ частности потребностей государственной обороны, то для этихъ цѣлей заграничные заказы всегда практиковались въ широкихъ размѣрахъ и осуществлялись они помимо какого-либо вліянія министра финансовъ, которому вообще о заграничныхъ заказахъ сообщалось лишь *по совершеніи таковыхъ*. Такимъ образомъ, если для обороны Портъ-Артура нужно было заказывать за границею пушки, и таковыя не были заказаны, то это произошло *исключительно* потому, что военный министръ ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ, не считалъ нужнымъ или желательнымъ дѣлать такіе заказы.

„Второе заявленіе ген.-ад. А. Н. Куропаткина, по тексту отчета „Нов. Врем.“, гласитъ: „Тяжелый ударъ значенію Портъ-Артура былъ нанесенъ основаніемъ города Дальняго, возникшаго по иниціативѣ министра финансовъ безъ предварительнаго сношенія съ адм. Алексѣевымъ и военнымъ министромъ“. Въ такой формѣ показаніе представляется мало вѣроятнымъ уже по явственному нарушенію хронологіи: во время возникновенія гор. Дальняго адм. Алексѣевъ не имѣлъ никакого отношенія къ дальневосточнымъ дѣламъ и служилъ, кажется, въ Черноморскомъ флотѣ. Роль же военнаго министра въ этомъ дѣлѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: въ началѣ декабря 1897 года, по иниціативѣ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Муравьева, русскимъ судамъ, стоявшимъ въ Нагасаки, приказано было идти въ Портъ-Артуръ. Извѣстіе о занятіи русскою эскадрою китайскихъ портовъ вызвало тревогу въ Англіи, въ виду чего нашимъ посломъ въ Лондонѣ, согласно инструкціи графа Муравьева, было сдѣлано сенть-джемскому кабинету заявленіе, что, въ случаѣ пріобрѣтенія Россіей въ китайскихъ водахъ порта, таковой будетъ открытъ для коммерческихъ флотовъ всего міра.

„Въ совѣщаніи, происходившемъ 24 февраля 1898 года, по вопросу объ условіяхъ уступки намъ въ арендное пользованіе Портъ-Артура и Да-Лянь-Ваня, управляющимъ воен. м вомъ ген.-лейт. А. Н. Куропаткинымъ было указано на необходимость, чтобы Портъ-Артуръ считался

казанія интересны сами по себѣ, но они не разъясняютъ суду основного вопроса—почему депеши Куропаткина, адресованныя Смирнову, не попали въ его руки.

И вдругъ, совершенно неожиданно для суда, для прокурора и подсудимыхъ, все это разъясняется.

закрытымъ для иностранныхъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и коммерческихъ; что же касается Да-Лянь-Ваня (Дальняго), то ген.-лейт. Куропаткинъ признавалъ возможнымъ открыть этотъ заливъ, за исключеніемъ одной изъ его бухтъ, для торговли. Соотвѣтствующее постановленіе и было затѣмъ включено въ пекинскую конвенцію 15 марта 1898 года.

„Письмомъ отъ 24-го апрѣля 1898 года управляющій воен. м—вомъ А. Н. Куропаткинъ увѣдомилъ м—ра финансовъ о необходимости ускоренія постройки жел. дороги на Гуань-Дунскомъ полуостровѣ по арендованной Россіей территоріи. Для разрѣшенія этого вопроса была образована, подъ предсѣдательствомъ командира тихоокеанской эскадры к.-адм. Дубасова, комиссія, которая пришла къ единогласному заключенію, что наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства въ указанной бухтѣ коммерческаго порта (Дальняго) является юго-западная часть ея, носящая названіе „Victoria Bay". Означенное представленіе было заслушано комитетомъ Сибирской жел. дороги въ засѣданіи 9-го февраля 1899 года и въ протоколѣ этого засѣданія не значится ни одного возраженія воен. м—ра А. Н. Куропаткина ни противъ сооруженія коммерческаго порта вообще, ни въ частности противъ произведеннаго комиссіей выбора мѣста сооруженія порта. Напротивъ, въ протоколѣ имѣется заявленіе воен. м—ра ген.-лейт. Куропаткина, что по вопросу о постройкѣ и эксплоатаціи коммерческаго порта онъ *„не встрѣчаетъ возраженія противъ осуществленія намѣченныхъ въ семъ отношеніи предположеній"*, а лишь имѣетъ возраженія противъ проектированнаго порядка административнаго управленія портомъ. Потомъ и этотъ послѣдній вопросъ былъ разрѣшенъ съ общаго согласія. Засимъ ни центральными, ни мѣстными органами ни военнаго, ни морского вѣдомства никогда, со времени приступа къ устройству Дальняго, въ теченіе почти пяти лѣтъ до войны, не было заявляемо м—ру финансовъ, ни въ Петербургѣ, ни на мѣстѣ, при посѣщеніи имъ Дальняго Востока, о серьезныхъ опасностяхъ для защиты Портъ-Артура проистекающихъ отъ сосѣдства торговаго порта. Въ частности такого заявленія не заключается и въ особо важной запискѣ *военнаго министра* А. Н. Куропаткина, представленной имъ въ іюлѣ 1903 года, по возвращеніи съ Дальняго Востока (за полгода до войны). Напротивъ, въ запискѣ этой, разсматривающей наше стратегическое положеніе на Дальнемъ Востокѣ, удостовѣряется, что „мы можемъ быть вполнѣ спокойны за участь Приамурскаго края, *мы нынѣ можемъ быть спокойны за судьбу Портъ-Артура* и мы вполнѣ надѣемся отстоять сѣверную Манчжурію".

Ген.-адъют. *Куропаткинъ* отвѣтилъ на это гр. Витте въ томъ же „Нов. Вр." (№№ 11412 и 11413) обширной статьей („Отвѣтъ графу С. Ю. Витте"),

Подполковникъ Головань.

Молодой офицеръ генеральнаго штаба, съ георгіевскимъ крестомъ, говоритъ громко, спокойно, увѣренно:

— 13-го іюня пришла джонка изъ Чифу съ китайцами, привезла шифрованныя телеграммы. Въ началѣ осады я де-

---

въ которой, въ свою очередь, утверждалъ, что такія заявленія С. Ю. Витте не отвѣчаютъ вполнѣ дѣйствительности.

„Вопросъ о заграничныхъ заказахъ постоянно составлялъ предметъ самыхъ настойчивыхъ указаній министровъ финансовъ на недопустимость или возможное ограниченіе такихъ заказовъ. По иниціативѣ министровъ финансовъ устанавливался контроль за заграничными заказами всѣхъ вѣдомствъ и опредѣлялся порядокъ сихъ заказовъ, отличный для мелкихъ отъ крупныхъ заказовъ. Въ 1896 году Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: *„Наиболѣе значительные правительственные заказы производить за границею не иначе, какъ по испрошеніи на то всякій разъ Высочайшаго соизволенія"*. Мелкіе заказы предоставлено разрѣшать министрамъ собственною ихъ властью и за ихъ личною отвѣтственностью.

„10 декабря 1902 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, коимъ постановлено: при производствѣ заказовъ за границею всѣ вѣдомства должны руководствоваться составленными министерствомъ финансовъ списками предметовъ, допустимыхъ къ пріобрѣтенію за границей, а при производствѣ заказовъ внутри Россіи въ контракты надлежало включать условіе, чтобы заказы полностью исполнялись на русскихъ заводахъ и изъ матеріаловъ русскаго происхожденія. Изъ изложеннаго видно, что заявленіе министра финансовъ о томъ, что всѣ вѣдомства прибѣгали къ заграничнымъ заказамъ *по собственной власти*, неправильно. Военное министерство прибѣгало къ заграничнымъ заказамъ лишь въ случаяхъ крайней необходимости по непроизводимости нѣкоторыхъ предметовъ въ Россіи или по несоотвѣтствію продуктовъ отечественной промышленности предъявляемымъ требованіямъ. Поэтому, при существованіи въ Россіи заводовъ, изготовляющихъ орудія, лафеты, снаряды и прочіе предметы къ нимъ, въ означенный 6-лѣтній періодъ управленія мною военнымъ министерствомъ заказано за границей только пять полевыхъ скорострѣльныхъ орудій, кои были необходимы намъ какъ образцы для сравнительныхъ опытовъ съ таковыми же орудіями, изготовляемыми на нашихъ заводахъ. За границею, кромѣ того, заказывались пулеметы, до пріобрѣтенія нами правъ у изобрѣтателя выдѣлывать эти пулеметы у себя дома. Изъ изложеннаго видно, что заявленіе С. Ю. Витте о томъ, что, если орудія для Порть-Артура не были заказаны за границей, то это происходило *исключительно* потому, что военный министръ не считалъ нужнымъ или желательнымъ дѣлать такіе заказы, не вполнѣ правильно. Военное вѣдомство, не дѣлая такихъ заказовъ, руководилось рядомъ правительственныхъ

шифрировалъ ихъ одинъ. Сталъ дешифрировать и эти. Одна изъ нихъ оказалась адресованной на имя ген. Смирнова.

Головань передаетъ содержаніе ея.

— Въ это время въ комнату вошелъ ген. шт. кап. Степановъ. Я показалъ ее ему. Мы были изумлены. Посовѣтовав-

---

распоряженій, которыя были обязательны для всѣхъ министровъ и, прибавлю, которымъ нельзя было не сочувствовать, въ видахъ поощренія отечественной промышленности.

„По вопросу объ основаніи города Дальняго, въ дѣйствительности, дѣло обстояло не совсѣмъ такъ, какъ изложено въ объясненіяхъ С. Ю. Витте. Территорія Квантунскаго полуострова была получена нами отъ китайскаго правительства въ арендное пользованіе главнымъ образомъ съ цѣлью обезпечить выходъ для Россіи на Дальнемъ Востокѣ къ незамерзаемому морю. Въ извлеченіяхъ изъ доклада министра финансовъ о поѣздкѣ на Дальній Востокъ, печатавшихся въ газетахъ, видно, что съ занятіемъ Квантунскаго полуострова „явилась плодотворная мысль создать на оконечности величайшей въ мірѣ желѣзнодорожной линіи и притомъ на берегу незамерзающаго Желтаго моря *первоклассный коммерческій портъ*. Предполагалось открыть въ этотъ портъ свободный доступъ судамъ всѣхъ націй и предоставить ему право порто-франко. Очевидно этимъ условіямъ не могъ удовлетворять Портъ-Артуръ, предназначенный для стоянки нашей тихоокеанской эскадры. Военному вѣдомству назначалась задача прикрыть П.-Артуръ, ставшій базою нашей эскадры, съ суши, а морякамъ—защита этого пункта съ моря. Портовыя сооруженія были недостаточны и тѣсны. Внутренній „Ковшъ“ вмѣщалъ лишь нѣсколько судовъ. Небольшое внутреннее озеро годилось при приливѣ лишь для джонокъ. Даже для одной нашей Тихоокеанской эскадры, а не только для торговыхъ судовъ всѣхъ націй П.-Артуръ, какъ портъ, представлялъ большіе недостатки. Нашимъ военнымъ судамъ все время приходилось стоять на совершенно открытомъ рейдѣ. Даже по исполненіи къ 1904 году огромныхъ работъ по устройству внутренняго бассейна значительная часть нашей эскадры была расположена открыто на рейдѣ. Этимъ и воспользовались японцы, напавъ на наши суда почью, ранѣе объявленія войны, при чемъ нѣсколько наиболѣе сильныхъ судовъ нашихъ были выведены надолго изъ строя.

„Окружающая Портъ-Артуръ мѣстность опредѣляла линію укрѣпленій, относительно близко расположенную къ порту и городу. На этой линіи китайцами уже были возведены довольно сильныя укрѣпленія и стѣна. На этой же линіи и мы построили свои форты. Пространство между фортами и моремъ было совершенно недостаточно, чтобы удовлетворить военнымъ потребностямъ морского и сухопутнаго вѣдомствъ и въ то же время удѣлить достаточную площадь для торговыхъ цѣлей. Предполагалось, согласно съ мнѣніемъ министра финансовъ, необходимымъ образовать „оживленный центръ международной торговли“, для чего требова-

шись, я отнесъ ее полк. Рейсу и спросилъ, что дѣлать, нести ли ее Стесселю. Онъ сказалъ, что отнесетъ ее самъ. Черезъ нѣсколько времени Рейсъ пришелъ и сказалъ, что эту телеграмму Стессель велѣлъ считать неполученной...

— Мнѣ это извѣстно въ первый разъ!—вскакиваетъ, какъ

лось: „чтобы въ немъ были установлены такія нормы гражданской, торговой и вообще культурной жизни, которыя, насколько возможно, были бы сходны съ порядками, привычными для населенія въ наиболѣе благоустроенныхъ центрахъ Дальняго Востока, отнюдь не стѣсняли бы торговой и промышленной дѣятельности и возможно менѣе ограничивали бы свободу пребыванія и поселенія какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ подданныхъ". Очевидно, что въ военномъ портѣ и крѣпости П.-Артурѣ, независимо естественныхъ неудобствъ морскихъ и сухопутныхъ, эти условія не могли быть выполнены. Въ торговомъ отношеніи П.-Артуръ, расположенный на наиболѣе выдвинутой въ море оконечности Ляодунскаго полуострова, представлялъ невыгоды для транзитныхъ грузовъ, ибо сокращалъ морскую перевозку и увеличивалъ сухопутную по желѣзной дорогѣ. По этимъ соображеніямъ управляющій морскимъ министерствомъ покойный адмиралъ Тыртовъ и воен. м—ръ высказались за то, чтобы П.-Артуръ, какъ то было и у китайцевъ, сохранилъ значеніе только военнаго порта и крѣпости.

„Такимъ образомъ для коммерческаго порта надо было отыскивать другое мѣсто. При желаніи во что бы то ни стало основать торговый портъ на Квантунѣ, Далянь-ваньская бухта, по произведеннымъ изслѣдованіямъ, обладала серьезными, сравнительно съ другими бухтами на Квантунскомъ полуостровѣ, морскими выгодами. Въ военномъ отношеніи, при силѣ нашего флота, Далянь-вань, расположенный всего въ 30 верстахъ отъ Портъ-Артура, признавался находящимся подъ защитою нашей эскадры. Указывалось, но уже послѣ рѣшенія вопроса о Далянь-ванѣ, на удобство для устройства комерческаго порта бухты Голубиной, сосѣдней съ Портъ-Артуромъ. Эта бухта находилась бы не только подъ защитою нашего флота, но и подъ защитою портъ-артурскихъ батарей. С. Ю. Витте остановилъ свой выборъ на Далянь-ваньской бухтѣ.

„Изъ письма С. Ю. Витте представляется возможнымъ сдѣлать заключеніе, что поводомъ къ постройкѣ южной вѣтви вост.-кит. жел. дор. отъ Харбина до Портъ-Артура послужило требованіе военнаго министра, изложенное въ письмѣ его отъ 24 апрѣля 1898 г., и что въ цѣляхъ скорѣйшаго выполненія этого требованія поспѣшили избраніемъ и мѣста для коммерческаго порта. Таковое толкованіе неправильно. Еще до занятія нами Квантунскаго полуострова, какъ значится въ запискѣ министра иностранныхъ дѣлъ отъ 12 ноября 1897 г., уже существовало предположеніе связать Сибирскую магистраль съ Гиринъ и Мукденомъ. Въ представленіи м ства финансовъ въ Сибирскій комитетъ отъ 18-го декабря 1898 г., на которое ссылается въ своемъ письмѣ С. Ю. Витте,

ужаленный этими словами. Стессель.— Мнѣ такой депеши Рейсъ не докладывалъ. Рѣшительно не получалъ ничего, кромѣ письма 19-го іюня.

Ген. Рейсъ?—приглашаетъ объясниться предсѣдатель.

Рейсъ поднимается медленно и глухимъ голосомъ говоритъ:

значится, что по пекинской конвенціи, 15-го марта 1898 г., мы получили право соединить магистраль вост.-кит. жел. дор. съ портами Портъ-Артуръ и Далянь-ванъ. *Уже послѣ рѣшенія вопроса о томъ, что такая магистраль будетъ строиться,* военный министръ письмомъ отъ 24 апрѣля просилъ м-ра финансовъ ускорить производство желѣзнодорожныхъ работъ собственно по Квантунскому полуострову и продолжить эту дорогу до Инкоу. Никакихъ заявленій о постройкѣ южной вѣтви отъ Харбина въ моемъ письмѣ не дѣлалось. Съ цѣлью ускоренія этихъ работъ мною предлагалось участіе войскъ, въ особенности сапоръ. Наша помощь была отклонена. Работы энергично повелись инженеромъ Гиршманомъ, но еще во время посѣщенія мною Портъ-Артура въ 1903 году крѣпость Портъ-Артуръ все еще не была оборудована въ желѣзнодорожномъ отношеніи. Несмотря на важность въ военномъ и морскомъ отношеніяхъ Портъ-Артура, тамъ была назначена *лишь станція 5-го класса*, многіе поѣзда останавливались и разгружались въ полѣ. Въ то же время въ Дальнемъ, гдѣ въ 1903 г. было очень мало людей и почти не было грузовъ, строилась станція перваго класса.

„Изъ письма С. Ю. Витте можно также предположить, что въ представленіи министра финансовъ, отъ 18 декабря 1898 года, въ Сибирскій комитетъ, испрашивалось утвержденіе предположеній министра финансовъ о постройкѣ коммерческаго порта въ Далянь-ваньской бухтѣ и передачѣ постройки порта обществу вост.-кит. жел. дор. и что военный министръ участвовалъ въ обсужденіи этого вопроса и не сдѣлалъ возраженій противъ осуществленія намѣченныхъ въ представленіи предположеній. Въ дѣйствительности дѣло обстояло не такъ.

„Въ указанномъ представленіи 18-го декабря 1898 года въ комитетъ Сибирской жел. дороги сообщалось, что вопросъ какъ о выборѣ мѣста для порта, такъ и о томъ, кто его будетъ строить, *уже былъ рѣшенъ и комитету Сибирской жел. дор. предстоялъ обсудить представленіе министра финансовъ не о постройкѣ, а лишь объ эксплоатаціи порта.*

„Телеграммою изъ Портъ-Артура, отъ 23 мая 1898 г., инженеры Кербедзъ и Юговичъ увѣдомили правленіе общества кит.-вост. жел. дор., что для установленія направленія конечнаго участка Южно-маньчжурской вѣтви необходимо избрать мѣсто для будущаго коммерческаго порта. Особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ адм. Дубасова, изслѣдовавъ бухту Далянь-ванъ, нашла, что наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для устройства коммерческаго порта является юго-западная ея часть, носящая названіе „Viktoria Bay“.

„Инженеры Кербедзъ и Юговичъ признали, что при существованіемъ

— Совершенно не помню этого факта.

На эстрадѣ суда и въ публикѣ движеніе.

— А о повторной телеграммѣ и письмѣ ген. Куропаткина вамъ извѣстно? спрашиваютъ Голованя.

— Извѣстно. Поручикъ Гантимуровъ привезъ двѣ теле-

тогда положеніи бухта Далянь-вань *была совершенно открыта* и что вслѣдствіе сего для выгрузки строительныхъ матеріаловъ и укрытія рабочаго каравана необходимы временныя приспособленія. Принимая также во вниманіе, что представлялось желательнымъ неотлагательно приступить къ отчужденію земельныхъ участковъ, потребныхъ для коммерческаго порта, инженеры Кербедзъ и Юговичъ находили, что *немедленное разрѣшеніе вопроса относительно коммерческаго порта въ бухтѣ Далянь-вань является въ интересахъ скорѣйшей постройки Южно-Манчжурской вѣтви крайне настоятельнымъ*. С. Ю. Витте призналъ доводы вышеуказанныхъ инженеровъ о необходимости немедленнаго разрѣшенія вопроса настолько доказательными, что черезъ шесть дней по полученіи депеши отъ инженеровъ Кербедза и Юговича, уже 29-го мая 1898 года, испросилъ: 1) разрѣшеніе строить коммерческій портъ, названный позже городомъ и портомъ Дальнимъ, въ бухтѣ Далянь-вань; 2) предоставленіе постройки порта обществу Китайской восточной дороги; 3) предоставленіе ему, С. Ю. Витте, лично права распорядиться постройкою порта, не упуская времени.

„Докладъ по этимъ вопросамъ былъ сдѣланъ С. Ю. Витте безъ предварительныхъ сношеній съ министрами: военнымъ и морскимъ, и рѣшеніе этихъ вопросовъ послѣдовало по иниціативѣ С. Ю. Витте, безъ обсужденія ихъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ: Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ Министровъ или комитетѣ Сибирской дороги.

„О такомъ рѣшеніи вопроса военный министръ получилъ для свѣдѣнія письмо министра финансовъ отъ 30 мая 1898 года. Разъ рѣшеніе вопроса о коммерческомъ портѣ послѣдовало безъ предварительнаго запроса заключенія военнаго министра, не могло быть сдѣлано и заявленія объ опасностяхъ для защиты Портъ-Артура, проистекающихъ отъ сосѣдства торговаго порта. Строить рядомъ съ Портъ-Артуромъ новую крѣпость-портъ представлялось вполнѣ нежелательнымъ, да было и не по нашимъ силамъ: мы не могли достаточно успѣшно подвигать работы даже по укрѣпленію Портъ-Артура. Нашъ представитель на вост.-кит. жел. дор. инженеръ-полковникъ Шевалье указывалъ въ 1901 г. на необходимость укрѣпить и Дальній, но это мнѣніе не могло быть принято. Вмѣсто укрѣпленія Дальняго было рѣшено значительно усилить войска Квантунскаго полуострова. Въ этихъ видахъ и былъ сформированъ корпусъ войскъ для защиты Квантунскаго полуострова отъ Портъ-Артура до Кинъчжоускаго перешейка и защиты Дальняго. Въ то же время былъ выработанъ проектъ минированія подступовъ къ Дальнему.

граммы. Ихъ взялъ дешифрировать полк. Рейсъ. Потомъ сказалъ, что это было „разъясненіе первой"—„разъясненіе положенія Стесселя". Въ тотъ же день прибылъ кап. Аноевъ и привезъ Стесселю письмо генерала Куропаткина.

Ген. Рейсъ вспоминаетъ:

намѣчены и частью укрѣплены позиціи, съ коихъ можно было защищать эти минныя заграждения.

„Но и независимо заботъ по военной части, представители военнаго министерства дѣлали заявленія съ цѣлью, дабы расходы по устройству порта и города Дальняго производились въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Указаніе С. Ю. Витте, что въ моей запискѣ, представленной въ іюлѣ 1903 г., по возвращеніи съ Дальняго Востока, не было упомянуто объ опасности для Портъ-Артура отъ сосѣдства съ Дальнимъ, тоже неправильно. Въ означенной запискѣ были помѣщены слѣдующія строки: „Нынѣ на Квантунѣ, съ благоустройствомъ города Дальняго, явился для противника важный и выгодный предметъ для дѣйствій. Поэтому ограничиваться обороною только Портъ-Артура нельзя. Придется защищать и Дальній". Выше уже указано было, какъ предполагалось организовать эту оборону. Въ заключеніе своего письма С. Ю. Витте приводитъ нѣсколько словъ изъ той же записки (24-го іюля 1903 г.) о томъ, что мы можемъ быть спокойны за судьбу Портъ-Артура. Эта судьба главнымъ образомъ зависѣла отъ дѣйствій нашего флота, а сила нашего флота въ то время признавалась достаточною, чтобы съ успѣхомъ вести борьбу противъ японскаго флота. Расчеты нашихъ моряковъ подтвердились бы и на дѣлѣ, если бы мы не потеряли въ Портъ-Артурѣ наши лучшія суда: „Ретвизанъ", „Цесаревичъ", „Палладу", еще ранѣе объявленія войны. Такое недостаточное соотвѣтствіе объясненій С. Ю. Витте, изложенныхъ въ его письмѣ отъ 8 декабря въ „Новомъ Времени", съ фактами я объясняю лишь поспѣшностью отвѣта на мое заявленіе, сдѣланное въ судѣ о городѣ и портѣ Дальнемъ. Это заявленіе, какъ не относящееся прямо къ заданному мнѣ въ судѣ вопросу, не слѣдовало бы и дѣлать, что я нынѣ вполнѣ и сознаю".

Графъ *Витте* не оставилъ этихъ объясненій безъ возраженія и въ новомъ письмѣ въ редакцію „Нов. Времени" (№ 11415) высказалъ:

„Вся исторія о заграничныхъ заказахъ (приводить которую было бы слишкомъ длинно) съ полною очевидностью показываетъ, что цѣль правительственной политики въ этомъ дѣлѣ, начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, заключалась въ томъ, чтобы сосредоточить казенные заказы внутри страны, поскольку внутреннее производство оказывалось приспособленнымъ для удовлетворенія казенныхъ потребностей. Но никогда не было да и не могло быть такой безумной политики, при которой государственныя нужды объявлялись бы не подлежащими удовлетворенію только потому, что отечественное производство не въ состояніи доставить необходимыя казнѣ издѣлія въ потребномъ количествѣ, по-

— Послѣ письма ген. Стесселя Куропаткину,—говоритъ онъ,—рѣшено было до отвѣта на него не разглашать въ гарнизонѣ этого факта.

— Вы не ошибаетесь насчетъ адреса депеши именно Смирнову?—спрашиваютъ Голованя.

требнаго качества или въ потребные сроки. Всего менѣе, конечно, возможенъ былъ подобный уголъ зрѣнія въ отношеніи нуждъ государственной обороны. Въ дѣйствительности, всѣ вѣдомства и производили при необходимости заграничные заказы, какъ я настаиваю,—по собственному усмотрѣнію, т. е. внѣ какой-либо зависимости отъ постороннихъ вѣдомствъ и въ частности отъ министерства финансовъ. Совершенно ошибочно указываетъ ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ, будто вѣдомства должны были руководствоваться составленными министерствомъ финансовъ списками предметовъ, допускаемыхъ къ пріобрѣтенію за границею. Списки эти составлялись не министерствомъ финансовъ, а организованною при этомъ министерствѣ междувѣдомственною комиссіею, которая составляла списки на основаніи требованій, предъявлявшихся каждымъ вѣдомствомъ, при чемъ порядокъ этотъ былъ введенъ, и то весьма непрочно, только съ 1903 года. Чтобы поставить возникшее между ген.-ад. А. Н. Куропаткинымъ и мною разногласіе о фактическихъ обстоятельствахъ на практическую почву, я позволю себѣ предложить вопросъ, на который могли бы отвѣтить бывшіе государственные дѣятели, а равно и члены междувѣдомственной комиссіи. Я спрашиваю: если бы военный министръ ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ до войны поручилъ своему представителю въ междувѣдомственной комиссіи заявить то, что нынѣ, послѣ войны, онъ счелъ возможнымъ заявить на судѣ по дѣлу о сдачѣ Портъ-Артура, а именно:—„для защиты Портъ-Артура необходимо нѣсколько сотъ орудій, коломенскіе же заводы въ состояніи доставить лишь нѣсколько орудій въ годъ,—то спрашивается, могла ли комиссія воспротивиться заграничному заказу пушекъ для этой крѣпости, могли ли другія вѣдомства и члены комитета министровъ что-либо возразить противъ такого способа удовлетворенія потребности государственной обороны, и самое важное: могъ ли всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра въ этомъ смыслѣ не получить Высочайшаго одобренія? Не ясно ли, что суть дѣла совсѣмъ не въ обстоятельствахъ, якобы препятствовавшихъ надлежащей постановкѣ вопроса объ оборонѣ Портъ-Артура, а въ томъ, что таковой постановки сдѣлано не было.

„Что касается вопроса о сооруженіи порта Дальняго, то я ограничусь лишь выясненіемъ вопроса, дѣйствительно ли сооруженіе порта Дальняго явилось для военнаго министра грозной неожиданностью, создавшеюся по иниціативѣ министра финансовъ. Для этой цѣли вполнѣ достаточно привести краткій перечень событій въ хронологическомъ ихъ порядкѣ. Я особенно настаиваю на хронологическомъ порядкѣ, ибо все возраженіе ген.-ад. А. Н. Куропаткина построено на смѣшеніи хронологіи,

— Не ошибаюсь,—говоритъ онъ твердымъ голосомъ.—Я велъ дневникъ. Тамъ все записано...

Дневникъ передается свидѣтелемъ суду. Защитникъ генерала Стесселя, подполк. Вельяминовъ, пытается подорвать юридическое значеніе этого документа. Но Головань даетъ

какимъ способомъ можно доказывать самыя невѣроятныя вещи. Дѣйствительно теченіе событій было таково:

„Въ началѣ декабря 1897 года, по иниціативѣ м-ра иностр. дѣлъ Муравьева, наша эскадра вошла въ П.-Артуръ. Отношеніе министра финансовъ къ дальне-восточной политикѣ графа Муравьева явствуетъ уже изъ того, что съ этого момента министръ финансовъ прекратилъ съ нимъ всякія внѣслужебныя отношенія, не возобновившіяся до смерти графа Муравьева въ іюнѣ 1900 года. Таково было отношеніе министра финансовъ къ созданію какихъ бы то ни было военныхъ или торговыхъ портовъ на китайской территоріи.

„14 января 1898 года, вслѣдствіе политической тревоги, вызванной занятіемъ П.-Артура, графъ Муравьевъ телеграфировалъ нашему послу въ Лондонѣ, чтобы онъ заявилъ Сентъ-Джемскому кабинету, что, въ случаѣ пріобрѣтенія нами порта въ Тихомъ океанѣ, „такой портъ, конечно, былъ бы открытымъ для коммерческихъ флотовъ всего свѣта, а слѣдовательно Англія, обладающая громаднымъ торговымъ флотомъ, первая извлекла бы наибольшую отсюда пользу". Такимъ путемъ возникъ вопросъ о томъ, что Россіи придется имѣть на Дальнемъ Востокѣ открытый торговый портъ.

„23 февраля 1898 года, въ письмѣ за № 21, оставшемся, повидимому, неизвѣстнымъ автору его, воен. м-ръ А. Н. Куропаткинъ сообщилъ м-ру иностр. дѣлъ „въ отношеніи къ нашимъ воен.-сухопут. потребностямъ условія, которыя намъ предстоитъ предъявить китайскому правительству". Въ числѣ этихъ условій воен. м-ръ выставилъ слѣдующее: „П.-Артуръ долженъ считаться закрытымъ для иностранныхъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и коммерческихъ. Тальяванъ же можетъ быть открытъ для торговли, за исключеніемъ одной изъ его бухтъ, которая, по выбору морского вѣдомства, будетъ предназначена для нашихъ военныхъ судовъ". Такъ рѣшены были и никѣмъ инымъ, какъ самимъ же военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ два коренные вопроса, а именно, что П.-Артуръ долженъ быть исключительно военнымъ портомъ, а Тальяванъ можетъ быть сдѣланъ торговымъ портомъ.

„25 февраля 1898 года состоялось особое совѣщаніе для выработки условій аренды кит. территоріи. Въ совѣщаніи этомъ было постановлено выговорить право постройки соединительной вѣтви отъ Сибирской магистрали къ П.-Артуру или къ другому порту на Квантунскомъ полуостровѣ. Участвовавшій въ этомъ совѣщаніи воен. м—ръ А. Н. Куропаткинъ не высказывалъ въ немъ теперешнихъ его соображеній о жела-

вполнѣ опредѣленныя, убѣдительныя объясненія—и страница его, съ записью 13-го іюня, оглашается...

Вызывается подполк. Степановъ. Также офицеръ генер. штаба и также георгіевскій кавалеръ. Его показаніе не столь опредѣленно. Не онъ дешифриро- **Подполковникъ Степановъ.**

тельности устроить торговый портъ внѣ Квантуна. Такъ разрѣшенъ былъ вопросъ о томъ, что торговый портъ будетъ устроенъ на Квантунѣ.

„15 марта 1898 года состоялось подписаніе конвенціи съ Китаемъ объ арендѣ Квантуна на условіяхъ, выработанныхъ указаннымъ совѣщаніемъ. 17 марта 1898 года м—вомъ иностр. дѣлъ было помѣщено въ „Правит. Вѣсти." торжественное сообщеніе, въ которомъ объявлялось объ „открытіи коммерческимъ флотамъ всѣхъ иностранныхъ державъ порта Таляньвань", который „создастъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго нынѣ соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта". Такъ состоялось оповѣщеніе всего міра (кромѣ, какъ оказывается, военнаго министра А. Н. Куропаткина) о томъ, что торговый портъ будетъ сооруженъ въ Таляньванѣ.

„24-го апрѣля 1898 года воен. м—ръ А. Н. Куропаткинъ увѣдомилъ м—ра финансовъ о необходимости ускоренія постройки жел. дороги на Квантунскомъ полуостровѣ. Для установленія конечнаго пункта дороги въ Таляньваньской бухтѣ была образована на мѣстѣ комиссія, въ которую вошли представители мѣстныхъ военныхъ властей. Комиссія единогласно избрала для сооруженія порта (Дальняго) юго-запад. часть бухты, носящую названіе „Victoria Bay". Надо полагать, что о состоявшемся постановленіи комиссіи военные представители донесли воен. м—ру, и отъ воен. м—ра никакихъ протестовъ противъ этого рѣшенія не послѣдовало. Такъ состоялся выборъ мѣста для порта въ предѣлахъ Таляньванской бухты.

„Теперь остается только провѣрить, признавало ли воен. вѣдомство до войны, что „тяжелый ударъ значенію Портъ-Артура нанесенъ основаніемъ города Дальняго", какъ это утверждаетъ нынѣ, послѣ войны, ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ. Вопросъ этотъ опять-таки разрѣшается простымъ перечнемъ фактовъ въ ихъ хронологической послѣдовательности.

„29 мая 1898 года м—ру финансовъ повелѣно было „распорядиться устройствомъ порта въ Таляньванѣ распоряженіемъ правленіемъ вост.-кит. дороги. О распоряженіи семъ сообщить м—ру иностр. дѣлъ и управляющему воен. м—вомъ". На увѣдомленіе это никакого отзыва отъ воен. м—ра не послѣдовало. 18 декабря 1898 года было внесено, а въ засѣданіи 9 февраля 1899 года заслушано представленіе въ комитетъ Сибирской желѣзной дороги о сооруженіи желѣзнодорожной вѣтви и порта въ Таляньванѣ. Въ протоколѣ этого засѣданія не значится ни одного возраженія военнаго министра ни противъ сооруженія коммерческаго порта вообще, ни въ частности противъ произведеннаго комиссіей выбора

валъ телеграмму [illegible] и потому не помнитъ точно, кому она была адресована Смирнову или Стесселю. Велѣлъ ли Рейсъ считать депешу недоставленной онъ также не помнитъ... Вопросъ объ отозваніи Стесселя обсуждался въ тѣсномъ кружкѣ, и ген. штаба подполк. Іолшинъ, умершій въ Ар-

---

мѣста сооруженія порта. Нынѣ дѣлаемая ген.-ад. А. Н. Куропаткинымъ ссылка на то, что къ этому времени вопросъ о сооруженіи порта въ Талянванѣ былъ уже предрѣшенъ, конечно, не имѣетъ никакого значенія, ибо нѣтъ и не можетъ быть такого положенія вопроса, при которомъ указаніе военнаго министра на возникающую стратегическую опасность не служило бы вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для пересмотра вопроса, хотя бы уже и рѣшеннаго. Но дѣло именно въ томъ, что такого вопроса военнымъ министромъ возбуждаемо не было. За время сооруженія порта Дальняго въ комитетъ Сибирской желѣзной дороги былъ вносимъ цѣлый рядъ представленій о ходѣ этого сооруженія, равнымъ образомъ учреждаемъ былъ цѣлый рядъ особыхъ совѣщаній по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ Квантуна, и какъ въ сибирскомъ комитетѣ, такъ и въ особыхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ военный министръ или его представители, но никѣмъ изъ нихъ не было указываемо на опасности, угрожающія оборонѣ Портъ-Артура отъ сосѣдства торговаго порта Дальняго. Съ октября 1900 года въ составъ правленія вост.-кит. жел. дороги вошелъ, спеціально въ военныхъ интересахъ, избранный военнымъ министромъ А. Н. Куропаткинымъ, представитель военнаго вѣдомства ген.-лейт. Сологубъ, однако и имъ никогда не было дѣлаемо указаній на возникающую для Портъ-Артура опасность отъ сооруженія порта Дальняго. Вообще я вновь подтверждаю, что ни центральными, ни мѣстными органами, ни военнаго, ни морского вѣдомствъ, никогда, со времени приступа къ устройству Дальняго въ теченіе пяти лѣтъ до войны, министру финансовъ не было заявляемо ни въ Петербургѣ, ни на мѣстѣ, при посѣщеніи имъ Дальняго Востока и осмотрѣ Дальняго и Портъ-Артура, о серьезныхъ опасностяхъ для защиты Портъ-Артура, проистекающихъ отъ сосѣдства торговаго порта.

„Такимъ образомъ вполнѣ безспорные факты удостовѣряютъ, что „тяжелаго удара значенію Портъ-Артура“ военнымъ министромъ до войны не усматривалось. И это находится въ полномъ соотвѣтствіи съ тою оцѣнкою нашего стратегическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ, которая дѣлалась военнымъ министромъ и будущимъ главнокомандующимъ передъ самымъ возникновеніемъ войны. Въ концѣ іюля 1903 года, т. е. за 7 мѣсяцевъ до войны, военный министръ ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ, только что вернувшись съ поѣздки на Дальній Востокъ, предпринятой спеціально для провѣрки на мѣстѣ нашего стратегическаго положенія, докладывалъ: „Нынѣ вопросъ объ оборонѣ предѣловъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ стоитъ еще прочнѣе. Мы можемъ быть вполнѣ спокойны за участь Приамурскаго края, мы нынѣ можемъ быть спокойны за

турѣ отъ рапъ, высказывалъ, что лучше, если Стессель останется...

Показанія генеральнаго штаба подполковниковъ *Одинцова и Гурко* касаются данныхъ имъ генераломъ Смирновымъ порученій, доложить командующему арміей въ Ляоянѣ о по-

---

судьбу Портъ-Артура и мы вполнѣ надѣемся отстоять сѣверную Манчжурію". А въ концѣ ноября того же 1903 года, т. е. за 2 мѣсяца до возникновенія войны, ген.-ад. А. Н. Куропаткинъ докладывалъ: „Укрѣпленія Портъ-Артура приходятъ къ концу и сдѣлаютъ его при достаточномъ гарнизонѣ и запасахъ неприступнымъ съ моря и съ суши. Гарнизонъ Квантуна усилился въ значительной степени. Запасы доведены до годовой порціи. Нынѣ можно не тревожиться, если даже большая часть, напримѣръ, японской арміи обрушится на Портъ-Артуръ. Мы имѣемъ силы и средства отстоять Портъ-Артуръ, даже борясь одинъ противъ 5 -10 враговъ. Ко всему этому надо прибавить, что успѣхъ работъ для образованія внутренняго порта полный и часть флота можетъ найти безопасное и надежное закрытіе во внутреннемъ портѣ. Дальнѣйшія работы дадутъ возможность найти безопасное убѣжище всей нашей тихоокеанской эскадрѣ. Уже и нынѣ эта эскадра можетъ смѣло мѣрить свои силы со всѣмъ флотомъ Японіи съ надеждою на полный успѣхъ. Такимъ образомъ Портъ-Артуръ, обезпеченный съ моря и съ суши, снабженный сильнымъ гарнизономъ и поддержанный могущественнымъ флотомъ, представляетъ вполнѣ самостоятельную силу. Запасовъ собрано столько, что наши войска успѣютъ собраться въ Манчжуріи, нанести рѣшительное пораженіе противнику и освободить осажденный или блокированный Портъ-Артуръ. Два года назадъ, даже годъ тому назадъ, мы могли тревожиться оторванностью Портъ-Артура отъ Россіи и Приамурья. Теперь можно и не тревожиться".

„Все вышеизложенное только лишній разъ подтверждаетъ общечеловѣческую истину, что людямъ свойственно ошибаться. Бывшій главнокомандующій А. Н. Куропаткинъ явилъ на судѣ примѣръ благороднаго мужества, сознавшись, что во время войны онъ ошибался; этому благородному примѣру могъ бы послѣдовать и бывшій военный министръ А. Н. Куропаткинъ, сознавшись, что онъ ошибался и до войны. Такое сознаніе не умалило бы издавна извѣстнаго имени генерала Куропаткина, какъ образца высокаго военнаго мужества и самоотверженнаго, кровью запечатлѣннаго, служенія своему Государю и родинѣ".

Къ полемикѣ бывшихъ министровъ интересное воспоминаніе напечаталъ въ газетѣ „Рѣчь" (№ 302) и бывшій гражданскій комиссаръ Квантунской области и предсѣдатель портъ-артурскаго городского совѣта подполковникъ (нынѣ от. ген.-маіоръ) *А. Вершининъ*. Онъ разсказываетъ, что „при посѣщеніи въ 1903 году Портъ-Артура министръ финансовъ С. Ю. Витте, обозрѣвая съ Золотой горы городъ и портъ съ внутренними водами, перенесъ взглядъ съ раскинутой передъ нимъ карты на мѣст-

ложеніи дѣлъ въ Артурѣ, о трепіяхъ между комендантомъ, и Стесселемъ, и о томъ, что если Стесселю нельзя выѣхать изъ Артура, то надо назначить надъ ними третье лицо, напр., ген. Субботича.

Подполковникъ Одинцовъ.

Первому изъ нихъ ген. Стессель поручилъ 30-го мая доставить Куропаткину донесеніе, оправдывающее его въ обвиненіи въ слабости, высказанное командующимъ арміей въ одной изъ телеграммъ. Отъ Стесселя свидѣтель зашелъ къ Смирнову доложить, что уѣзжаетъ изъ Артура въ армію.

— Вы знаете все, сказалъ ему Смирновъ, Мнѣ не хотѣлось бы писать: какъ старый кадетъ я не люблю письменныхъ передачъ... Доложите Куропаткину, что я ручаюсь честью своей и своихъ дѣтей, что до 1-го октября удержу Артуръ, если Стессель не будетъ мнѣ мѣшать.

Выслушавъ эти слова, Куропаткинъ сказалъ Одинцову:— „Ну, если это такъ, то я Артуръ выручу...“

Подполковникъ Гурко.

Свидѣтель, уѣзжая изъ Артура съ донесеніемъ ген. Стесселя, также получилъ порученіе отъ ген. Смирнова доложить командующему арміей о существующихъ между нимъ и Стесселемъ отношеніяхъ.

— Неслужебныя отношенія наши хороши, говорилъ ему Смирновъ;—служебныя—ниже средняго. Мои приказанія отмѣняются, приказанія отдаются непосредственно мнѣ подчиненнымъ лицамъ; въ случаяхъ неудовольствія, тѣ жалуются ген. Стесселю на меня, и онъ ихъ охотно выслушиваетъ... Самъ Стессель хотя и обладаетъ здравымъ смысломъ, но теряетъ

ность и громко сказалъ, не обращаясь ни къ кому изъ присутствовавшихъ: — „Что же мнѣ говорили, что здѣсь нѣтъ площади для созданія города и нѣтъ внутреннихъ бассейновъ для торговаго флота. Здѣсь есть мѣсто и для города, и для большого числа торговыхъ судовъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Дальній?!„ И, помолчавъ немного, прибавилъ: „Дальній не моя выдумка... Не я выдумалъ Дальній...“

„Далѣе министръ финансовъ С. Ю. Витте говорилъ о печальной судьбѣ нашего торговаго флота, который нигдѣ не можетъ найти себѣ прочнаго пристанища. Изъ всѣхъ портовъ его вытѣсняетъ военный флотъ. ...Кронштадтъ... Севастополь... и пр. Созданіе же новыхъ коммерческихъ портовъ ложится непосильнымъ бременемъ на наши финансы... Не я выдумалъ Дальній“.

Итакъ: кто же его „выдумалъ“? спрашиваетъ г-нъ Вершининъ.

его въ минуты опасности... Можно ждать паническихъ распоряженій, а въ такомъ случаѣ я его арестую. Физически храбрымъ генерала Стесселя не считаю...

— Если я доложу все это отъ себя, сказалъ ему тогда свидѣтель,—это не будетъ имѣть значенія.

— Нѣтъ, можете сказать отъ моего имени.

Свидѣтель признается, что хотѣлъ просить письменнаго у Смирнова приказанія на этотъ докладъ, но побоялся, что бумаги могутъ попасть въ руки японцевъ. Когда же ему указали на фотографическій способъ сокрытія доклада, то онъ Смирнова трижды не засталъ дома. Генералъ былъ на позиціи, медлить же отъѣздомъ было нельзя.

На вопросъ Куропаткина послѣ этого доклада свидѣтелю, какого онъ самъ мнѣнія о Стесселѣ, Гурко доложилъ, что такого же, какъ и комендантъ...

— Я два раза видѣлъ ген. Стесселя подъ огнемъ, и храбрости онъ не проявилъ. Во время поѣздки въ Цзиньчжоу 4 мая, при первомъ же выстрѣлѣ японскаго разъѣзда, ген. Стессель скомандовалъ намъ—„на 50 шаговъ дистанціи, галопомъ!“ — и поскакалъ къ кумирнѣ. Мы должны были поѣхать на стѣну, но такъ и не поѣхали. Когда же выстрѣлы прекратились, мы вернулись въ Артуръ. Все это произвело нехорошее впечатлѣніе. Доложилъ также Куропаткину, что начальникъ штаба Стесселя, ген. Разпатовскій боленъ прогрессивнымъ параличомъ, что въ Фокѣ сильно всѣ разочаровались, послѣ того, какъ онъ только черезъ четыре дня послѣ высадки непріятеля установилъ съ нимъ связь... На вопросъ ген. Куропаткина, можетъ ли Смирновъ арестовать Стесселя, отвѣтилъ: „едва ли; Стесселя въ Артурѣ всѣ знаютъ, Смирнова — нѣтъ“. Обо всемъ этомъ я докладывалъ и намѣстнику, начальникъ штаба котораго, ген. Жилинскій, мнѣ сказалъ:—„Я говорю вамъ это частнымъ образомъ: намѣстнику очень непріятно, въ силу личныхъ отношеній, смѣщать Стесселя. Пусть Куропаткинъ самъ возбудитъ объ этомъ ходатайство, онъ поддержитъ его передъ Государемъ... Я и явился Куропаткину, доложилъ, подалъ рапортъ и получилъ распоряженіе никому ничего о Стесселѣ не говорить.

— Считали ли вы порученіе генер. Смирнова некор-

ректностью?—спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ этого генерала.

— Нѣтъ; если бы у ген. Смирнова были другіе способы сношенія, то это было бы некорректно... Но другихъ способовъ у него не было... О передачѣ власти въ его руки ген. Смирновъ мнѣ ничего не говорилъ, а лишь о томъ, что Артуръ можетъ быть сданъ, когда будутъ съѣдены всѣ сухари.—„Я не настаиваю на своихъ правахъ коменданта, говорилъ ген. Смирновъ,—чтобы не ухудшать отношеній во вредъ дѣлу“. Относительно же внутренняго порядка долженъ сказать, заканчиваетъ свидѣтель свое показаніе, что Стессель поддерживалъ его въ отличномъ видѣ. Его всѣ боялись...

То же высказалъ по этому вопросу и подполк. Одинцовъ.

— Порядокъ въ крѣпости былъ желѣзный...

VIII. 7-е декабря.—Засѣданіе 8-е.

„Замѣтки“ ген. Фока. Допросъ свидѣтелей: ген.-маіоровъ **Горбатовскаго** и **Семенова**, к.-адм. **Григоровича**, полк. **Хвостова**, подполк. **фонъ-Шварца**, инж.-кап. **Родіонова**. — Показаніе ген.-м. **Ирмана**. — Вопросъ о предѣлахъ крѣпостного раіона.

Изслѣдуется дѣятельность генерала Фока въ Портъ-Артурѣ послѣ отхода его войскъ съ Цзиньчжоу и другихъ передовыхъ позицій.

Неудачная оборона Цзиньчжоу сильно поколебала боевой авторитетъ ген. Фока. Онъ былъ назначенъ начальникомъ общаго резерва, а когда тотъ быстро растаялъ въ дни жестокихъ августовскихъ штурмовъ, онъ остался „не у дѣлъ“, какъ говорятъ свидѣтели.

Надо было возстановить свой боевой авторитетъ, свое вліяніе, и вотъ, неотвѣтственный ни за что, онъ начинаетъ посѣщать позиціи, форты и укрѣпленія, всѣхъ и все критикуетъ, поучаетъ и обличаетъ въ своихъ „замѣткахъ“... Онѣ раздражаютъ, ссорятъ между собою и безъ того изпервничавшихся защитниковъ крѣпости. И дѣйствительно, рядомъ съ разсужденіями, какъ и что надо сдѣлать на какой-нибудь

Курганной батареѣ или на Ляотешанѣ, куда надо поставить какія орудія или передвинуть роты, — обличеніе лѣности русскаго чиновническаго міра, и „этой мерзкой гаагской конференціи“, и ссылки на Карѳагенъ, на Севастополь, Тотлебена и Вобана, цитаты изъ евангелія и разсужденія, взятыя изъ послѣдней прочитанной книжки по тактикѣ... И надъ всѣмъ этимъ какой-то мрачный злобный духъ, раздраженный на всѣхъ и все презирающій... И это презрѣніе сказывается прежде всего въ томъ, что онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ.

Особенно изумительны и характерны для пониманія хотя бы только что изслѣдованнаго судомъ цзиньчжоускаго боя тактическія разсужденія Фока, — напримѣръ, понятіе объ упорной оборонѣ. Оказывается, что разъ защита позиціи требуетъ большихъ человѣческихъ жертвъ, то защищать ее не надо; разъ позиція взята противникомъ, то отбивать ее не надо, дабы не доставить врагу двукратнаго торжества... Фокъ заранѣе не вѣритъ въ возможность взять ее обратно. Становится понятнымъ, почему онъ подъ Цзиньчжоу не ввелъ въ дѣло другіе полки, почему при отступленіи одной только роты онъ приказываетъ отходить всему полку, почему, ставъ послѣ смерти ген. Кондратенко, начальникомъ сухопутной обороны, онъ начинаетъ очищать одно за другимъ укрѣпленія... Упрекая ген. Смирнова за то, что онъ назвалъ какъ-то, послѣ одного дѣла, солдатъ „смердами“ и „бѣгунцами“, ген. Фокъ, въ свою очередь говоритъ въ своихъ замѣткахъ о солдатахъ, „обросшихъ жиромъ“ за нѣсколько дней отдыха гдѣ-то въ Чайной долинѣ, въ резервѣ!...—„Онъ всѣхъ ругалъ: артиллеристовъ, моряковъ, инженеровъ, генеральный штабъ. всѣхъ высшихъ начальниковъ, даже намѣстника...“—слышимъ мы изъ оглашеннаго на судѣ показанія ген. Ирмана, нынѣ коменданта Владивостокской крѣпости...—„У него всѣ мерзавцы, мошенники, трусы, воры и предатели...“ И если ген. Фокъ такъ не стѣснялся съ лицами старше себя, то легко себѣ представить, какъ легко жилось и служилось его подчиненнымъ. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ тотъ же ген. Ирманъ.

Послѣдній, признанный всѣми за безумно храбраго человѣка, проявилъ выдающіяся энергію и мужество въ бою за

Угловыя горы. Онъ упорно оборонялъ тамъ каждую пядь земли, задерживая противника,—и Кондратенко благодарилъ его за то, что онъ выигралъ ему время собрать резервъ и подвести его, куда нужно. Ирманъ былъ представленъ за это къ Георгіевскому кресту, но такового не получилъ. Помѣшала, какъ оказывается, замѣтка Фока, который назвалъ въ ней Ирмана чуть не предателемъ за такую упорную оборону. Понятно, какъ обиженъ и возмущенъ былъ ею Ирманъ, беззавѣтно жертвовавшій себя: подъ нимъ убили лошадь, онъ былъ въ стрѣлковой цѣпи... Но возмущенъ былъ и Кондратенко, предложившій Фоку извиниться передъ Ирманомъ.— „Я хотѣлъ обругать ген. Смирнова этой замѣткой,—отвѣтилъ Фокъ:—но такъ какъ комендантъ былъ моимъ начальникомъ, то прямо сдѣлать этого не могъ, поэтому ругалъ подчиненнаго, котораго можно ругать, сколько хочешь“...

Замѣтки эти печатались черезъ копировальную бумагу на машинкѣ и разсылались начальствующимъ лицамъ [1]):

---

[1]) Приводимъ для образчика три изъ нихъ. 1) *„—21-го сентября 1904 года.* Крѣпость можетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока существуютъ укрѣпленія. Оборонять какую либо часть крѣпости, когда укрѣпленія ея уничтожены, человѣческимъ мясомъ нельзя, въ чемъ защитники Артура могли убѣдиться при защитѣ Дагу- шана, предгорья Угловыхъ горъ и 1-го и 2-го редутовъ. Противникъ обыкновенно старался фугаснымъ огнемъ уничтожить всѣ укрытія, въ родѣ блиндажей, козырьковъ отъ шрапнельнаго огня и затѣмъ уже обстрѣливалъ войска шрапнелью. Хотя наши укрѣпленія не могли противостоять снарядамъ, но, благодаря тому, что войска по ночамъ успѣвали часть разрушенныхъ блиндажей возстановлять, противнику надо было вести непрерывную бомбардировку отъ трехъ до пяти дней, чтобы снести всѣ закрытія.

„Въ это время онъ обыкновенно велъ первыя атаки, которыя наши войска отбивали со страшными для него потерями; мы несли сравнительно малыя потери. Наконецъ противнику удалось смести всѣ наши укрытія; казалось бы, тогда намъ слѣдовало оставлять позиціи; мы и въ крѣпость отошли потому, что не могли, считали не въ силахъ держаться въ чистомъ полѣ. Но не тутъ-то было: мы почему-то упорствовали, пробовали оборонять солдатскимъ мясомъ; но эти попытки были каждый разъ тщетны, мы несли ужасныя потери, а все-таки черезъ два—три часа бывали принуждены кидать позиціи, и это, несмотря на то, что войсками командовали такіе люди, какъ ген. Кондратенко, Ирманъ, подн. ген. штаба Іолшинъ. Такъ, въ бою за предгорье Угловыхъ горъ эти лица, сознавая безполезность и невозможность долѣе держаться на позиціи, просили разрѣшенія отступить, но когда получили приказаніе

О значеніи ихъ такъ говорятъ слѣдующіе свидѣтели:

Генер.-маіоръ Горбатовскій.

— Въ моемъ раіонѣ, на восточномъ фронтѣ, такія замѣтки получались черезъ писаря и черезъ адъютанта попадали ко мнѣ, иногда въ конвертѣ, иногда уже вскрытыя... Не думаю, чтобы ихъ читали солдаты — имъ не до того было въ окопахъ, но офицеры — конечно. Вѣдь замѣтки эти были своего рода артурскою газетою. Вліяніе онѣ имѣли высоко-отрицательное, потому что заключали въ себѣ прямо нечистоплотныя слова и брань... Замѣчаній по существу дѣла въ нихъ было мало... Защитникъ ген. Фока силится утверждать, что онѣ не имѣли развращающаго вліянія. Это невѣрно. Изъ прочитанныхъ здѣсь замѣтокъ я впервые услыхалъ по своему адресу выраженія: „Палашка“, „бабушка“ и т. п. Но ихъ я слыхалъ и въ Артурѣ отъ своихъ подчиненныхъ... Очевидно, замѣтки, ихъ содержащія, дошли до нихъ и дали имъ поводъ надо мною посмѣяться...

отъ коменданта держаться во что бы то ни стало, бросились къ войскамъ и именемъ коменданта ген.-лейт. Смирнова приказывали держаться на позиціи до послѣдняго человѣка. Но и это имя не удержало войска; они оставили позицію, такъ какъ держаться на ней было сверхъ человѣческихъ силъ. Достаточно сказать, что у полк. Ирмана и подп. Зубова вся одежда была простѣлена пулями и лошади убиты, подп. Іолшинъ получилъ нѣсколько пульныхъ и шрапнельныхъ ранъ. Кондратенко, умъ Артурской обороны, какимъ-то чудомъ остался цѣлъ.

Отойди двумя-тремя часами раньше, мы не имѣли бы почти никакихъ потерь, войска были бы горды побѣдою, сознавая, что они исполнили свой долгъ, дорого продали даже не ничтожную передовую позицію, а мѣсто, гдѣ стояло сторожевое охраненіе; вѣдь для этого онѣ, эти передовыя позиціи, и занимаются. Отъ того, что войскамъ не было своевременно приказано отступить, они понесли громадныя потери, одинъ Іолшинъ чего стоитъ; но хуже всего то, что въ душу защитниковъ могло запасть ложное сознаніе неисполненія ими своего долга а это сознаніе вещь ужасная, особенно для молодыхъ войскъ. Кутузовъ послѣ Бородинскаго боя не назвалъ свои войска „смердами и бѣгунцами“, хотя они оставили село Бородино и Багратіоновскія флеши, а тутъ же на полѣ сраженія благодарилъ войска и поздравилъ съ побѣдою. Суворовъ также не назвалъ свои войска „смердами и бѣгунцами“, хотя они бѣжали подъ Треббіей и заставили его, 70-ти лѣтняго старика, явиться между ними. Бородинецъ отступалъ и гордился своимъ пораженіемъ; въ этомъ проявилось величіе души Кутузова; да послужитъ онъ намъ примѣромъ“.

2. *„26-го сентября 1904 года.* Выходъ флота на внѣшній рейдъ не измѣняетъ его положенія: противникъ переставитъ батареи и тогда уже будетъ стрѣлять по видимой цѣли. Снаряды не всегда разбиваютъ рельсы,

— Въ васъ опѣ не подрывали вѣру въ успѣхъ обороны?

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ много для нихъ, но онѣ удручали, озлобляли, ссорили насъ между собою.

— Но вѣдь это только ваше убѣжденіе, не основанное на фактахъ?—спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ Фока.

— Да, это мое глубокое убѣжденіе... Высказывая его, я помню, что давалъ присягу... Да это подтверждается и тѣмъ, что случилось въ Артурѣ. Ген. Фокъ имѣлъ сильное вліяніе на Стесселя, и я убѣжденъ, что многое дурное, бывшее въ Артурѣ, было дѣломъ Фока, стоявшаго за его спиною... Генералы Стессель и Смирновъ обладали высокими боевыми качествами, каждый въ своемъ родѣ. Стессель восхитительно говорилъ съ солдатами, могъ вести ихъ за собою, куда угодно... Генералъ Смирновъ обладаетъ обширными познаніями. Онъ такъ точно опредѣлилъ, предугадалъ главный пунктъ атаки на восточномъ фронтѣ, что я былъ изумленъ

часто они ихъ только коверкаютъ; послѣднее случается большею частью тогда, когда рельсы сложены правильно. Рельсъ въ городѣ много, палубу можно ими уложить, тогда вторая палуба останется цѣла. А если сверхъ рельсъ уложить рядъ большихъ камней,—на пристани я видѣлъ и гранитъ,—тогда совсѣмъ будетъ хорошо; выдержитъ ли только палуба? Одна бѣда—много работы, а русскій чиновничій міръ лѣнивъ".

3. *„26-го ноября 1904 года.* Мы занимаемся собираніемъ резервовъ, почему и бѣгаемъ по кораблямъ, разыскивая всякихъ коковъ, и вообще занимаемся пѣкосниманіемъ. А резервы мы можемъ образовать и безъ коковъ, и резервы будутъ настоящими резервами, а не коковскими. За доказательствомъ ходить не далеко. Командиръ 26-го полка во время парада говорилъ, что рота 15-го полка, присланная къ нему, ложементовъ не имѣетъ, а потому онъ приказалъ ей копать ложементы для себя. Ложементовъ у насъ накопано слишкомъ много, которые только вредятъ оборонѣ, такъ какъ растягиваютъ фронтъ. Но эти ложементы сдѣланы непростительно накостно, потому что мы, генералы, не смотримъ, чтобъ ихъ дѣлали хорошо, Мы, какъ свиньи, изрыли Плоскую гору, и для занятія всѣхъ этихъ окоповъ двухъ полковъ мало, и въ то же время къ ключу позиціи, Высокой горѣ, не было сдѣлано ходовъ для расположенія резервовъ; тамъ не было никакихъ укрытій, оттого-то мы и несли такія страшныя потери. А японцы даже и не плюнули на наше копанье. Роту 15-го полка слѣдовало поставить въ резервъ, устроивъ ей укрытіе, и разработать ходы къ боевой линіи. А покостные ложементы углубить. Такихъ ротъ на западномъ фронтѣ не одна, ихъ только собрать, и резервъ будетъ. Слѣдуетъ строго воспретить копать новые стрѣлковые окопы, а только улучшить прежніе и устраивать ходы и укрытія для резервовъ".

его проницательностью. Вмѣстѣ они много могли бы сдѣлать но между ними сталъ Фокъ, этотъ, поистинѣ злой геній Артура...

Генер.-маіоръ Семеновъ.

Новый свидѣтель вполнѣ подтверждаетъ эту характеристику. Онъ вспоминаетъ нѣкоторыя замѣтки—и говоритъ о нихъ съ неостывшимъ еще возмущеніемъ.

— ...Помнится, въ одной стрѣлки названы были „лентяями“... Это въ Артурѣ-то! Въ другой говорилось, что „можетъ быть для эстетическаго чувства и нужно, чтобы окопы украшались женскими юбками“ [1])... И это тамъ, гдѣ умирали люди!... Фокъ сравнивалъ крѣпость съ зараженнымъ гангреною организмомъ, нуждающимся въ удаленіи больныхъ органовъ... Но вѣдь эти органы были Высокая гора, фортъ П-й—наша гордость! Если поступать по Фоку, то ихъ надо было бы очистить еще въ октябрѣ!..

По поводу одной такой замѣтки прибылъ къ свидѣтелю ген. Кондратенко и привезъ ее съ собою. Далъ было ее ему читать, но потомъ отнялъ.—„Не стоитъ. Въ ней сказано, что мы, генералы, изрыли Плоскую гору, какъ свиньи, а защитить ее не сумѣли“.

Кондратенко возвратилъ ее Фоку съ надписью приблизительно такого содержанія:—„Въ такое трудное время, подобная брань недостойна... А совѣты я готовъ принять“...

Ген. Кондратенко потомъ говорилъ свидѣтелю, что Фокъ на него за это обидѣлся,—прибылъ въ штабъ и сказалъ:—„я ему помогаю, а онъ мнѣ такое пишетъ“...

Но вообще Кондратенко говорилъ, что, будь эти замѣтки написаны въ другомъ тонѣ, онѣ принесли бы большую пользу...

Контръ.-адмир. Григоровичъ.

Свидѣтель самъ „замѣтокъ“ ген. Фока не видалъ и не читалъ, но слышалъ о нихъ и знаетъ, что ген. Кондратенко обижался на нихъ и сердился. Надъ предложеніемъ, сдѣланнымъ въ одной замѣткѣ, покрыть палубы судовъ камнями и рельсами, чтобы предохранить ихъ отъ снарядовъ, много смѣялись.

---

[1]) Рѣчь шла, очевидно, о мѣшкахъ, покрывавшихъ бруствера и сдѣланныхъ за израсходованіемъ холста изъ разныхъ дамскихъ матерій.

Полковникъ Хвостовъ. Бывшій начальникъ штаба крѣпости, подтверждая все высказанное о замѣткахъ ранѣе, разсказываетъ любопытный фактъ.

— Одной изъ такихъ замѣтокъ ген. Кондратенко, вообще очень незлобивый человѣкъ, былъ такъ возмущенъ, что незадолго до смерти пересталъ подавать Фоку руку. Въ этой замѣткѣ говорилось, что Кондратенко бережетъ полки своей дивизіи, а не бережетъ фоковскіе. Стессель пытался было ихъ помирить, но это ему не удалось... И ген. Кондратенко умеръ, не примирившись съ Фокомъ.

Подполковникъ фонъ-Шварцъ. Подполк. фонъ-Шварцъ удостовѣряетъ фактъ, что замѣтки читались не только тѣми, кому они Фокомъ посылались, но и случайными людьми.

— Когда я былъ на форту Ш-мъ,—разсказываетъ свидѣтель,—кто-то принесъ замѣтку, въ которой сравнивались дѣйствія флота въ Артурѣ и Севастополѣ. Она была прочитана вслухъ въ кругу офицеровъ форта.

Черезъ мѣсяцъ свидѣтелю попалась другая замѣтка, въ которой начальникъ инженеровъ крѣпости назывался вахтеромъ...

Инж.-капитанъ Родіоновъ. Показаніе этого свидѣтеля вкрапливаетъ въ характеристику Фока и его замѣтокъ новую черту.

— Однажды ген. Фокъ пришелъ ко мнѣ на 2-ю линію и сказалъ, что, посѣтивъ Высокую гору, онъ видѣлъ тамъ, что инженерныя работы производятся не лопатою, которою трудно и долго работать въ скалистомъ грунтѣ, а взрывами. Я повелъ его наверхъ и показалъ, что и у меня работаютъ взрывами, но что русскихъ рабочихъ у меня человѣка четыре, пять, остальные китайцы. Работы же эти требуютъ спеціальнаго знанія... И я разсказалъ, какъ они дѣлаются... А на другой день прочиталъ замѣтку, въ которой мнѣ дѣлается упрекъ, что я не работаю взрывами, и разсказывается, какъ надо это дѣлать...

Затѣмъ предсѣдатель суда предлагаетъ огласить документы, указанные подполковникомъ Одинцовымъ въ подтвержденіе правдивости своего показанія, что Фокъ былъ нѣсколько разъ въ Артурѣ въ маѣ мѣсяцѣ. Они доставлены суду изъ военно-исторической комиссіи по описанію русско-японской войны. Защитникъ ген. Фока отказывается отъ этого, говоря, что не стоитъ „мыть грязное бѣлье“, что про-

тивъ этого они спорить не станутъ и что это фактъ вообще не важный...

Поднимается и самъ Фокъ и заявляетъ, что онъ дѣйствительно былъ въ Артурѣ 16-го мая.

— Но вѣдь вы утверждали, что не были тамъ до 17 іюля?— спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Да, но теперь я вспомнилъ...

Затѣмъ оглашается показаніе ген. Ирмана въ части, касающейся замѣтокъ ген. Фока... Сущность отзыва о нихъ приведена уже нами выше.

Засѣданіе закончилось выясненіемъ возбужденнаго защитою ген. Стесселя вопроса о предѣлахъ укрѣпленнаго и крѣпостного раіоновъ. Данныя эти нужны были ей для доказательства того, что въ отвѣтъ на предложеніе Куропаткина сдать командованіе Смирнову, „такъ какъ войска вступили уже въ крѣпость“, Стессель, вполнѣ согласно съ дѣйствительностью, доносилъ ему, что войска его не только не вступили въ крѣпость, но что раіонъ его расширился.

Положеніемъ объ управленіи крѣпостями нормальный крѣпостной раіонъ установленъ въ 25 верстъ. Но это, конечно, лишь теоретическое положеніе. Въ дѣйствительности, конфигурація мѣстности, наличность естественныхъ оборонительныхъ линій могутъ съ одной стороны сокращать этотъ раіонъ, а съ другой—увеличивать. И ген. Смирновъ на одномъ изъ предшествующихъ засѣданій высказался въ томъ смыслѣ, что по географическимъ условіямъ весь Квантунскій полуостровъ долженъ составлять крѣпостной раіонъ Портъ-Артура, лежащаго на оконечности его... Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, и съ нимъ согласились до войны, памѣчая цзинь-чжоускую позицію, какъ первую грань для врага на пути къ крѣпости, но когда война настала и на Квантунѣ столкнулись двѣ власти въ лицѣ Стесселя и Смирнова, то для сферы ихъ вліянія крѣпостной раіонъ совершенно искусственно былъ разграниченъ приказомъ намѣстника умственною линіею отъ бухты Сяо-биндао до бухты 10-ти кораблей. И вотъ теперь возникъ вопросъ: въ день 21 іюня, когда посланъ былъ Стесселемъ Куропаткину отвѣтъ на приглашеніе прибыть въ маньчжурскую армію,—

гдѣ стояли войска Фока: въ раіонѣ крѣпости или еще внѣ его. Стессель, конечно, утверждаетъ, что раіонъ расширился, какъ онъ о томъ и доносилъ. Смирновъ же на рельефномъ планѣ Артура доказываетъ, что онъ сузился, такъ какъ намъ не удалось даже вернуть тѣхъ позицій, которыя были потеряны нами 13-го іюня.

Такъ какъ ни плана обороны, ни мобилизаціоннаго плана, ни особой инструкціи для Портъ-Артура не было, то представляется дѣломъ очень труднымъ опредѣлить дѣйствительныя границы раіона крѣпости.

IX. 8-е декабря.—Засѣданіе 9-е.

Продолжается **выясненіе предѣловъ крѣпостного раіона**. Допросъ полк. **Дмитревскаго.** Снова—**о замѣткахъ ген. Фока.** Допросъ свидѣтелей: подполк. **Романовскаго**, ген.-м. **Грязнова**, полк. **Дмитревскаго**, отст. ген.-м. **Петруши**, полк. **Гандурина**, полк. **Верховскаго** и полк. **Галицинскаго**. **Невысылка ген. Фокомъ резерва 8-го августа 1904 г.** Объясненія ген. **Смирнова** и **Фока**.

Для разрѣшенія спорнаго вопроса о предѣлахъ крѣпостного раіона вызывается бывшій начальникъ штаба дивизіи ген. Фока, ген. шт. полк. Дмитревскій.

Полковникъ Дмитревскій. — Въ половинѣ іюня войска вашей дивизіи вошли уже въ крѣпостной раіонъ?—спрашиваютъ его.

— Не зная предѣловъ раіона, я затрудняюсь отвѣтить,— говоритъ онъ. Тогда я былъ убѣжденъ, что дивизія еще не вошла. Лѣвый флангъ, занимавшійся нашей 4-й дивизіей, отстоялъ отъ крѣпости верстъ на 30, тогда какъ правый, гдѣ были части 7-й дивизіи, верстъ на 12.

Видимо, жизнь не укладывалась въ теоретическія рамки и круги, описываемые „положеніями“, сочиняемыми въ мирное время.

Затѣмъ судъ переходитъ къ допросу свидѣтелей, указанныхъ защитой генерала Фока для опредѣленія достоинствъ „замѣтокъ“ этого генерала, сферы ихъ распространенія и степени вліянія.

По ходатайству генерала Домбровскаго, свидѣтельство-

вать объ этомъ вызвано на сегодня около 25-ти человѣкъ—„весь гарнизонъ Портъ-Артура“, какъ говорилъ онъ вчера.

Вызываютъ одного.

Подполковникъ Романовскій.

Свидѣтель, офицеръ ген. штаба, служилъ въ штабѣ дивизіи Фока.

— Читали вы замѣтки генерала Фока?

— Въ Артурѣ—нѣтъ.

— Разговоры о нихъ слышали?

— Нѣтъ.

— Любили солдаты Фока?

— Да.

— Пользовался онъ авторитетомъ среди офицеровъ?

— Да. Я лично высоко цѣню генерала Фока. Онъ очень начитанный человѣкъ. Ему всецѣло принадлежитъ заслуга занятія передовыхъ позицій. Онъ проводилъ мысль о продолженіи обороны Артура на Ляотешанѣ.

Генер.-маіоръ Грязновъ.

Бывшій командиръ одного изъ полковъ дивизіи Фока—15-го. Онъ слыхалъ о замѣткахъ, даже читалъ ихъ и считалъ ихъ полезными, такъ какъ въ нихъ Фокъ „хотѣлъ ознакомить насъ съ совершеннымъ способомъ веденія инженерной войны“. Онъ идеализируетъ Фока, обрисовывая этого „злого генія Артура“, какъ вчера его назвали, совсѣмъ другими чертами.

— Фокъ всегда шутилъ съ солдатами, съ офицерами. Всегда бывалъ въ веселомъ настроеніи; когда онъ пріѣзжалъ, вокругъ него всегда былъ смѣхъ... Онъ даже замѣчанія дѣлалъ всегда въ шутливомъ тонѣ. Давалъ солдатамъ деньги, папиросы...

Но когда свидѣтеля спрашиваютъ: поднималъ ли всѣмъ этимъ ген. Фокъ духъ своихъ войскъ или нѣтъ,—этотъ командиръ полка вдругъ отвѣчаетъ:

— Виноватъ, не знаю, не замѣтилъ.

Полковникъ Дмитревскій.

Бывшій начальникъ штаба дивизіи Фока пытался сперва утверждать на основаніи своей весьма, видимо, шаткой памяти, что замѣтки ген. Фока печатались въ одномъ экземплярѣ, что переписывались онѣ или имъ самимъ или офицеромъ изъ штаба, и что до нижнихъ чиновъ онѣ не доходили, но когда ему, по желанію прокурора,

предъявили, какъ вещественное доказательство, тетрадь этихъ замѣтокъ, онъ долженъ былъ признать, что одна изъ нихъ переписана съ грубыми грамматическими ошибками, видимо, рукою писаря, а копія, сдѣланная на пишущей машинѣ, далеко не первый оттискъ...

Допрашиваются еще бывшій к-ръ 27-го полка отст. ген.-м. Петруша, полк. Гандуринъ, полк. Верховскій, полковникъ Галицинскій. Всѣ они благопріятно отзываются о ген. Фокѣ, его замѣткахъ и разговорахъ съ солдатами.

Отст генер.-м. Петруша. Напримѣръ, *Петруша* говоритъ, что до назначенія ген. Фока начальникомъ сухопутной обороны онъ о замѣткахъ его ничего не слыхалъ, а послѣ того получилъ ихъ разъ или два. Въ нихъ ничего дурного, кромѣ хорошаго, не было. Онѣ никого не оскорбляли, давали темы для размышленій и поводъ посмѣяться. Разговоры Фока съ солдатами всегда послѣднихъ подбадривали.

Полковникъ Верховскій. Полк. *Верховскій* также свидѣтельствуетъ, что разговоры Фока всегда поднимали духъ. О замѣткахъ ничего не слыхалъ. Впрочемъ свидѣтель почти въ началѣ осады былъ тяжело раненъ и оправился отъ раны только въ ноябрѣ.

Вызываютъ новаго свидѣтеля.

Вдругъ встаетъ ген. Фокъ и заявляетъ:

— Я противъ того, чтобы мнѣ давали аттестацію поручики!..

— Это уже дѣло вашего защитника,—отвѣчаетъ предсѣдатель.

Ген. Домбровскій отказывается отъ допроса остальныхъ свидѣтелей.

Встаетъ ген. Стессель и рекомендуетъ Фока.

— Онъ—человѣкъ рачительный по службѣ и добрый, а если кого и обидѣлъ, то такой уже у него характеръ—насмѣшливый... Своими замѣтками онъ принесъ пользу...

— А почему вы не принимали противъ нихъ мѣръ?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Въ нихъ не было ничего дурного.

— Даже тогда, когда генералы ссорились?

— Такихъ случаетъ было немного. Тогда я самъ гово-

рилъ ему: „Ты рѣзко пишешь“.—„Что дѣлать, такъ ужъ мы Богомъ созданы“—отвѣчалъ мнѣ Фокъ.

— Нѣтъ, я вижу, что надо опросить всѣхъ, спохватывается Фокъ, соглашаясь выслушать аттестацію себѣ и отъ „поручиковъ“.—Вы тогда увидите, что солдаты и офицеры меня любили.

— Они-то васъ любили, а вотъ ваши товарищи—генералы—на васъ сердились и съ вами ссорились,—добродушно-остроумно замѣчаетъ предсѣдатель.

Судъ переходитъ къ выясненію виновности ген. Фока въ неповиновеніи генералу Смирнову, выразившемуся въ томъ, что когда, въ дни августовскихъ штурмовъ, руководившій отбитіемъ ихъ комендантъ крѣпости въ критическую минуту приказалъ ген. Фоку, какъ начальнику общаго резерва, подвести остатокъ такового (2 б—на 14 полка) къ мѣсту боя, то Фокъ вступилъ съ нимъ въ пререканіе... Полкъ былъ выведенъ только по второму приказанію ген. Смирнова и подъ личнымъ его наблюденіемъ. Фокъ же съ нимъ не вышелъ, а остался дома.

Предсѣдатель предлагаетъ ген. Смирнову раз- **Ген.-л. Смирновъ**
сказать обстоятельства дѣла.

— 8-го августа,—говоритъ онъ,—начался рядъ отчаянныхъ штурмовъ противъ сѣверо-восточнаго фронта крѣпости на участкѣ отъ укрѣпленія № 2-й до форта № III, при чемъ главный ударъ былъ направленъ японцами противъ редутовъ №№ 1-й и 2-й. Руководя непосредственно обороной атакованнаго фронта съ Опасной горы, я въ 12 ч. дня послалъ ген. Фоку, какъ начальнику общаго резерва, записку за своею подписью слѣдующаго содержанія:—„Предписываю двинуть два б-на 14-го полка немедленно къ питательному погребу за лит. А, что лежитъ между Большою горою и укрѣпленіемъ № 2“. Какъ бы въ отвѣтъ на это, получаю отъ ген. Фока одновременно двѣ записки: въ одной онъ пишетъ, что „ген. Горбатовскій растерялся, всѣхъ спрашиваетъ много ли японцевъ... Набилъ всѣ окопы людьми... 14-й полкъ очень близокъ и всегда можетъ подать помощь, а потому просьбы растерявшагося Горбатовскаго не заслу-

живаютъ уваженія... Баталіонъ 14-го полка отозвать теперь нельзя“... [1]). А во второй—что „мѣстность у новаго питательнаго погреба сильно обстрѣливается“... Видя въ этомъ отказъ исполнить мое приказаніе, я, не отвѣчая ген. Фоку по существу высказанныхъ имъ соображеній, послалъ ему въ 12 ч. 15 м. вторую записку совершенно категорическаго характера: „Вторично предписываю двинуть немедленно два б-на 14-го полка въ лощину у питательнаго погреба, что за лит. А“. Я отдавалъ вѣдь свои распоряженія съ Опасной горы, у подножія которой расположенъ этотъ погребъ, и прекрасно зналъ и видѣлъ, что онъ вовсе не обстрѣливается непріятелемъ... Пославъ вторую записку, я черезъ 10 минутъ послалъ къ ген. Фоку и своего адъютанта, поручика Гаммера, а затѣмъ, видя, что бомбардировка стихаетъ и безпокоясь, что б-ны не идутъ, поѣхалъ и самъ къ казармамъ 14-го полка. На плацу увидѣлъ двѣ колонны. Спрашиваю у командира полка, полк. Савицкаго,—„Что это такое?“—„Это авангардъ“, отвѣчаетъ онъ мнѣ. Я сказалъ ему, что въ тылу позиціи нѣтъ надобности въ такомъ порядкѣ. Тогда Савицкій сталъ жаловаться, что наканунѣ его б-нъ, назначенный въ резервъ, введенъ былъ Горбатовскимъ въ боевую линію и на половину истребленъ. Не имѣя времени разбирать этотъ вопросъ, я предложилъ Савицкому подать мнѣ памятную записку, а батальоны двинуть, куда указано... Пригласивъ къ себѣ на завтракъ ген. Никитина, я уѣхалъ съ нимъ на квартиру. Во время завтрака ко мнѣ прибыли Стесэлъ и Фокъ, и я сказалъ послѣднему: — „А что же это вы, ваше превосходительство, не исполнили моего приказанія и не выслали немедленно резервъ къ питательному погребу?„—„Я исполнилъ, и исполнилъ тотчасъ,—отвѣчалъ Фокъ.—Но я хотѣлъ ознакомить васъ съ тѣмъ, что мѣстность у питательнаго погреба сильно обстрѣливается“.—„Ну, я тамъ былъ и самъ все видѣлъ“,—сказалъ я ему. На этомъ разговоръ и кончился.

Ни ген. Фокъ, ни ген. Стессель теперь этого факта не опровергаютъ.

— Около 6 час. утра 9-го августа, продолжаетъ Смирновъ,

---

[1]) Одинъ изъ 3-хъ б-новъ этого полка уже былъ ранѣе взятъ изъ резерва и введенъ въ бой... Теперь требовались и два остальные.

подсчитывая силы, находившіяся у Горбатовскаго, я обнаружилъ, что у него только два б-на 14-го полка, а по моимъ расчетамъ должны были быть всѣ три. Тогда я приказалъ своему начальнику штаба, при посредствѣ полк. Дмитревскаго, найти этотъ третій б-нъ. Къ вечеру 9-го августа его нашли и отправили на позицію. Полагаю, что онъ оставался въ казармахъ съ вѣдома ген. Фока.

Ген.-л. Фокъ.

Ген. Фокъ горячо возражаетъ противъ показанія ген. Смирнова. Прежде всего онъ утверждаетъ, что получилъ только одну записку ген. Смирнова, на которую тотчасъ же и отвѣтилъ запиской слѣдующаго содержанія:—„Распоряженіе объ отправленіи двухъ б-новъ резерва было отдано мною тотчасъ же по полученіи приказанія, но въ то же время я считалъ своимъ долгомъ донести, что мѣсто, которое назначено для расположенія резерва, обстрѣливалось всю ночь шрапнельнымъ огнемъ, а также я ожидаю, что японцы и ночью поведутъ атаку, а потому желалъ имѣть свѣжій, неутомленный резервъ. Въ настоящее время японцы дѣйствуютъ строго по рецепту Зауэра — на удочку имъ достаточно и резерва ген. Горбатовскаго“.—Всѣ другіе документы къ дѣлу не относятся. Это ясно изъ расчета времени отправки приказанія и моего отвѣта. Баталіоны были посланы. Ни въ какія объясненія ни устно, ни письменно я не входилъ. И я не знаю, почему же ген. Смирновъ тогда, въ Артурѣ, ничего мнѣ по поводу этого отказа не сказалъ, не сдѣлалъ замѣчанія... А теперь мнѣ предъявляютъ обвиненіе, основанное всецѣло на докладѣ ген. Смирнова, составленномъ въ плѣну и представленномъ по возвращеніи оттуда военному министру.

— Давая свое показаніе въ комиссіи ген. Роопа,—отвѣчаетъ ген. Смирновъ,—я не хотѣлъ обвинять ген. Фока въ неповиновеніи; я только хотѣлъ уяснить этимъ фактомъ, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ мнѣ приходилось дѣйствовать. За спиною ген. Фока стоялъ ген. Стесселъ, который оправдывалъ каждый поступокъ Фока.

Прокуроръ, въ свою очередь, обращаетъ вниманіе суда, что въ указанной Фокомъ запискѣ говорится:—„я считалъ своимъ долгомъ донести“... Стало быть, были и другія допе-

сенія?.. „Распоряженіе *было* отдано по полученіи приказанія“... „Стало быть, была получена и первая записка?.

— Были ли эти два б-на послѣднею частью резерва и слѣдовало ли ген. Фоку идти самому съ ними въ бой? — спрашиваетъ ген. Гурскій Смирнова.

— Да, это были послѣдніе баталіоны,—говоритъ онъ;— больше у Фока ничего не оставалось...

— Слѣдовало идти не мнѣ, а Надѣину. заявляетъ Фокъ. Честь же вести послѣдній резервъ принадлежитъ старшему начальнику на полѣ сраженія. Такъ дѣлалъ Суворовъ—въ рубашкѣ и съ нагайкой... Старшимъ здѣсь былъ Смирновъ.

— Генералу Смирнову, говоритъ торжественно послѣдній,—насталъ бы часъ вести послѣдній резервъ тогда, когда въ бой шелъ бы послѣдній солдатъ и послѣдній матросъ...

X. 10-е декабря.—Засѣданіе 10-е.

Дослѣдованіе факта **о невысылкѣ резерва ген. Фокомъ 8-го августа 1904 года.** Допросъ поручика **Гаммера. Вмѣшательство ген. Стесселя въ дѣятельность коменданта крѣпости.** Объясненія ген. **Смирнова.** Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова,** подполк. **Вершинина,** полк. **Григоренко,** подполк. **Достовалова** и ген.-м. **Бѣлаго.**

Засѣданіе начинается дослѣдованіемъ факта неповиновенія, оказаннаго ген, Фокомъ, въ качествѣ начальника общаго резерва, генералу Смирнову 8 августа 1904 года. Допрашивается поручикъ *Гаммеръ*, бывшій адъютантъ ген. Смирнова. Его показаніе не вноситъ ничего новаго, но своею опредѣленностью укрѣпляетъ то убѣжденіе, которое сложилось по этому вопросу въ предыдущемъ засѣданіи. Такъ какъ въ допросѣ его принимаетъ участіе и защитникъ генерала Смирнова, кап. 2 ранга фонъ-Шульцъ, то защитникъ ген. Фока, ген. Домбровскій, двукратно обращаетъ вниманіе суда на то, что кап. 2 ранга фонъ-Шульцъ участвуетъ въ процессѣ скорѣе въ роли прокурора, чѣмъ защитника ген. Смирнова.

— Пусть онъ помнитъ,—говоритъ Домбровскій,—что его обязанность защищать генерала Смирнова отъ предъявлен-

ныхъ къ послѣднему обвиненій, а не выяснять виновность другихъ.

— Я энергично противъ этого протестую,—возражаетъ фонъ-Шульцъ.—Требованіе защитника ген. Фока противно закону, его формѣ и духу. Всѣ мы здѣсь служимъ одной цѣли—выясненію истины. То, въ чемъ въ данномъ случаѣ обвиняется ген. Фокъ, тѣсно связано съ дѣйствіями моего подзащитнаго. И мнѣ, его представителю, должно быть предоставлено право предлагать тѣ вопросы, которые могутъ удостовѣрить суду правдивость словъ ген. Смирнова. Выясненіе этого въ результатѣ должно отразиться на довѣріи суда ко всѣмъ объясненіямъ ген. Смирнова. Законъ предоставляетъ мнѣ, его защитнику, участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ суда. И я позволяю себѣ доложить суду, что и впредь буду задавать вопросы свидѣтелямъ по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, которыя такъ или иначе будутъ касаться ген. Смирнова.

Инцидентъ разрѣшается предсѣдателемъ. Съ добродушіемъ и твердостью судьи, судящаго не по буквѣ, а по совѣсти, онъ говоритъ:

— Во-первыхъ, защитникъ генерала Фока, вы поторопились. Свидѣтель Гаммеръ вызванъ не вами, а генераломъ Смирновымъ. Дайте же ему его и спрашивать. Во-вторыхъ, всякое несчастье имѣетъ свои права, но права эти имѣютъ границы... И, вообще, господа, поменьше всякихъ выступленій безъ надобности...

Судъ переходитъ къ выясненію той распри, которая получилась въ осажденной крѣпости, вслѣдствіе оставленія въ ней генерала Стесселя рядомъ съ комендантомъ, уклончивости ген. Куропаткина отъ опредѣленія юридическаго положенія въ ней перваго и неясной редакціи приказа намѣстника отъ 14-го апрѣля 1904 года за № 339, которымъ сдѣлана была попытка разграничить права того и другого.

— Какія послѣдствія имѣлъ для васъ приказъ № 339 и почему онъ отданъ?—спрашиваетъ предсѣдатель генерала Смирнова. **Ген.-лейт. Смирновъ.**

— Потому,—отвѣчаетъ онъ,—что намѣстникъ усмотрѣлъ изъ доклада чиновъ гражданской администраціи вмѣша-

тельство ген. Стесселя въ предѣлы моей власти. Приказъ этотъ предоставлялъ мнѣ въ Артурѣ и въ предѣлахъ его эсплапады власть генералъ-губернатора. Но еще не уѣхалъ Алексѣевъ изъ Артура, какъ приказъ этотъ сталъ Стесселемъ нарушаться. Мнѣ предоставлено было разрѣшать къ вывозу продукты изъ Артура. Но ген. Стессель дѣлалъ это самъ: я не разрѣшалъ, а онъ разрѣшалъ. Я ему указывалъ на неправильность дѣйствій его, а онъ грозилъ арестовать моего начальника штаба за то, что тотъ, исполняя приказъ, не согласился разрѣшить вывести продукты одному артил. капитану безъ моего разрѣшенія. Мнѣ подчинена была крѣпостная команда жандармовъ, а онъ выселилъ ее безъ моего вѣдома на Ляотешань, начальнику же ея, кн. Мпкеладзе, запретилъ даже появляться въ Артурѣ. Тому же Микеладзе онъ грозилъ арестомъ за то, что онъ напомнилъ домашнимъ ген. Стесселя о моемъ обязательномъ постановленіи закрывать по вечерамъ огни въ домѣ, чтобы по нимъ не могли оріентироваться блокирующія насъ японскія суда... Когда понадобились деньги для расплаты съ рабочими за постройку верковъ и не было свободныхъ суммъ въ Русско-Китайскомъ банкѣ, а таковыя были въ корпусномъ казначействѣ ген. Стесселя, онъ мнѣ, моему начальнику штаба и начальнику инженеровъ крѣпости въ этомъ грубо отказалъ, какъ будто они были намъ нужны не на общее дѣло. Пришлось поручить ген. Кондратенко „выпросить“ денегъ у Стесселя, и тотъ выпросилъ. Стессель вмѣшивался и въ дѣло обороны, которое я ставилъ на первый планъ. Онъ расходовалъ боевые запасы, продовольствіе и инженерные матеріалы безъ всякаго сношенія со мною и тѣмъ путалъ всѣ мои расчеты. Онъ приказалъ прекратить работы на второй линіи обороны, которой я придавалъ огромное значеніе... Издавалась въ Артурѣ газета „Новый Край“. Ее всѣ охотно читали. Она поднимала духъ, служила развлеченіемъ... Но, когда тамъ стали появляться свѣдѣнія и обо мнѣ, газета была пріостановлена, приказано было арестовать ея военнаго корреспондента и отобрать у него его дневникъ, бумаги и записки, чтобы лишить его возможности описать, что дѣлалось въ Артурѣ. Мои распоряженія по санитарной части отмѣнялись, какъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ крѣпостного упра-

вленія... Я перевелъ Дальнинскую больницу изъ-подъ огня въ казармы 28-го полка, а Стессель, провѣдавъ объ этомъ, приказалъ тотчасъ водворить ее обратно въ Пушкинскую школу. Все это не давало мнѣ возможности планомѣрно вести оборону и способствовало болѣе успѣху аттаки, чѣмъ обороны...

— Я считалъ такъ,—объясняетъ Стессель глухимъ, грубымъ голосомъ,—что предоставлено младшему, то и мнѣ... Я терпѣть не могъ, когда въ мои распоряженія вмѣшивались...

Полковникъ Хвостовъ.

Бывшій начальникъ штаба крѣпости столь же опредѣленно разсказываетъ о внутреннемъ разладѣ въ управленіи обороною крѣпости.

— Приказъ намѣстника не улучшилъ дѣло, а ухудшилъ. Въ немъ часто упоминалось о комендантѣ и совершенно не упоминалось о начальникѣ укрѣпленія раіона. Отсюда Стессель вывелъ, что онъ изданъ не для него, а для Смирнова, и толковалъ его въ томъ смыслѣ, что власть, предоставленная младшему, принадлежитъ и старшему.

Онъ передаетъ рядъ фактовъ, разсказанныхъ уже Смирновымъ, но иногда подробнѣе касаясь ихъ подоплеки. Вотъ, напримѣръ, почему жандармская команда была выслана на Ляотешань. Однажды жандармъ донесъ по начальству, что люди 27-го полка, которымъ до назначенія начальникомъ штаба Стесселя командовалъ Рейсъ, недовольны однимъ изъ ротныхъ командировъ и заявляютъ, что не пойдутъ за нимъ въ бой. Объ этомъ доложили свидѣтелю, какъ начальнику штаба крѣпости. Онъ посовѣтовалъ не давать этому дѣлу офиціальнаго хода, а частно доложить Кондратенко, который будетъ имѣть это въ виду и приметъ мѣры. Какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ Рейсъ—и вотъ готовъ приказъ о высылкѣ жандармской команды на Ляотешань. На фортахъ ихъ замѣнили строевые унтеръ-офицеры, что было и невыгодно, и непрактично...

Приказаніе о прекращеніи работъ на 2-й оборонительной линіи было сдѣлано по докладу командира 13-го полка полк. Гандурина, который жаловался, что мало рабочихъ на первой и что ему тамъ тяжело. Правда, мы продолжали работать по почамъ на свой страхъ и рискъ, но уже малымъ

количествомъ рабочихъ—и это сильно отразилось на финалѣ обороны.

По интендантской части ген. Стессель совершенно самостоятельно распоряжался средствами. Отсюда выходило то, что о суточной дачѣ отдавалъ одновременно приказъ и комендантъ, и начальникъ раіона.

— Помню такой случай, — разсказываетъ свидѣтель,— однажды, въ моемъ присутствіи, крѣпостной интендантъ дѣлалъ докладъ коменданту о суточной дачѣ крупы. Ген. Смирновъ велѣлъ увеличить ея норму до 32 золотниковъ, но, не желая, чтобы его приказъ былъ отмѣненъ, поручилъ мнѣ предварительно переговорить съ ген. Стесселемъ. Тотъ сказалъ мнѣ, что ничего не имѣетъ противъ этого. Мы отдали приказъ, а вечеромъ прочитали о томъ же и приказъ Стесселя.

Санитарному инспектору, начальникамъ артиллеріи и инженеровъ и крѣпостному интенданту Стессель отдавалъ распоряженія помимо коменданта; перемѣщалъ чиновъ управленія, назначалъ, отстранялъ, опять-таки безъ предувѣдомленія о томъ Смирнова. Командиръ 27-го полка полк. Рейсъ былъ назначенъ начальникомъ штаба раіона, Церпицкій смѣщенъ съ должности начальника ляотешанскаго отдѣла обороны и назначенъ инспекторомъ госпиталей; корпусный врачъ Рябининъ назначенъ завѣдывающимъ медицинскою частью,—все безъ согласія и вѣдома коменданта. Отправка депешъ была воспрещена Стесселемъ помимо штаба раіона— и это создало для насъ неудобную цензуру, избѣгали которую пользуясь любезностью морского вѣдомства. Послѣднее, однако, не такъ часто посылало свои миноносцы въ Чифу, и это затрудняло и сокращало до минимума непосредственное сношеніе штаба крѣпости съ командующимъ арміей.

— Слыхали ли вы,—спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ,— что Стессель громко говорилъ о томъ, что онъ „упразднилъ“ коменданта?

— Да, слыхалъ. Хотя это и было сказано въ частномъ кругу, у себя дома, но не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, какъ начальника штаба крѣпости.

Относительно „Новаго Края“ свидѣтель утверждаетъ, что тамъ не печаталось ничего, вредившаго дѣлу обороны, да

и не могло печататься. Военныя извѣстія цензуровались въ штабѣ Стесселя. И эти нарекапія на газету странны.

Въ заключеніе свидѣтель даетъ любопытную справку объ организаціи крѣпостного управленія въ Артурѣ.

Лѣтомъ 1903 года Стесселя назначили комендантомъ Портъ-Артура. Только въ октябрѣ того же года издали штатъ крѣпостного управленія. Но въ немъ не было такого важнаго органа, какъ крѣпостное инженерное управленіе. Безъ него же крѣпость строиться не могла. Стессель обратился съ просьбой о сформированіи этого управленія. Ему отвѣтили тѣмъ, что прикомандировали къ нему одного инженернаго полковника, Крестинскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ оставался въ подчиненіи у начальника инженеровъ области, генерала Базилевскаго. Понятно, онъ ничего не могъ сдѣлать въ Артурѣ и давалъ лишь совѣты. Когда же за осуществленіемъ ихъ обращались къ Базилевскому, тотъ не отвѣчалъ, и Стессель принужденъ былъ жаловаться намѣстнику. Крѣпостное инженерное управленіе сформировали съ началомъ войны, но и объ этомъ въ приказѣ не отдали, такъ что оно существовало всю осаду неофиціально.

Стессель, по поводу этого показанія, напоминаетъ, что Хвостовъ послѣ китайской войны былъ удаленъ изъ ген. штаба, хотя теперь онъ снова въ немъ.

Защитникъ ген. Стесселя, подполк. Вельяминовъ задаетъ свидѣтелю, въ свою очередь, лукавый вопросъ, почему вылазки перестали дѣлаться съ тѣхъ поръ, какъ Стессель разрѣшилъ ихъ организацію и производство только подъ руководствомъ и начальствомъ свидѣтеля.

— Потому, — отвѣчаетъ свидѣтель, — что у начальника штаба крѣпости много своей работы въ дни осады, и пользованіе имъ для этой цѣли я нахожу нерацiональнымъ.

Подполковникъ Вершининъ.

Вызывается бывшій гражданскій комиссаръ области и предсѣдатель городского совѣта въ Артурѣ подполк. (нынѣ отст. ген.-м.) Вершининъ.

— Обращались ли вы къ намѣстнику съ указаніемъ на вредное вмѣшательство ген. Стесселя въ область гражданскаго управленія?

— Да, я былъ вынужденъ это сдѣлать, — рѣшительно и твердо заявляетъ онъ.

— Вмѣшательство началось съ первыхъ же дней войны. Первое нарушеніе—это нарушеніе установленной санитарной системы. Ген. Стессель спѣшно приказалъ домовладѣльцамъ рыть у себя на дворахъ ямы для свалки нечистотъ. Ассенизаціонный же обозъ не дѣйствовалъ, потому что неразсчетливо всѣ служащіе въ немъ были забраны по мобилизаціи въ ряды гарнизона. Приказъ былъ срочный по исполненію, а исполнить его не было рабочихъ рукъ, да и страшно было. Это отравило бы колодцы, загрязнило бы почву и грозило развитіемъ эпидемій. Затѣмъ ген. Стессель отмѣнилъ платежъ городскихъ налоговъ, что поставило городъ въ критическое положеніе въ самое трудное время. Потомъ онъ повысилъ таксы въ ресторанахъ и у извозчиковъ — и это удорожило жизнь въ то время, когда заработки населенія сократились, а все и такъ вздорожало.

— Какъ отнесился ген. Стессель къ гражданскому населенію Артура?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Презрительно.

— Какъ?—переспрашиваетъ тономъ изумленія предсѣдатель.

Вершининъ повторяетъ громко свой отвѣтъ и освѣщаетъ его новыми фактами.

Вотъ одинъ изъ нихъ. Была въ Артурѣ крупная торговая фирма Кунста и Альберса. Служили въ ней все образованные люди съ дипломами высшихъ заведеній. Встрѣчаетъ ихъ однажды на улицѣ Стессель. — „Вы кто? — спрашиваетъ. — А! это. тѣ, что склепы себѣ дѣлаютъ, блиндажи строятъ! Эка важность, что васъ убьютъ! Эка важность!“

Населенію Артура приходилось бояться не японцевъ, а своего артурскаго владыки. И оно боялось, что ихъ будутъ вѣшать и разстрѣливать безъ суда. Ихъ убѣждали въ этомъ слѣдующіе примѣры.

Донесли однажды Стесселю, что у десятника Саламатина осталась тайно въ Артурѣ преданная ему жена-японка. Десятника приказано было повѣсить. Его уже исповѣдали, причастили... Да вмѣшался, по ходатайству свидѣтеля, добрый геній Артура—Кондратенко, и несчастнаго десятника послали на позицію, гдѣ онъ и былъ убитъ.

— А какъ же вы сами отнеслись бы къ такому факту,

что въ осажденной японцами крѣпости проживаетъ японка?— задаетъ свидѣтелю лукавый вопросъ одинъ изъ защитниковъ Стесселя.

— Я полагаю, что этотъ случай надо было прежде всего разслѣдовать и передать на разрѣшеніе суда, — отвѣчаетъ спокойно Вершининъ.

— Вотъ вы, говоря о томъ, что реквизиціи не удались,— допытываетъ его другой защитникъ,— указывали на то, что этому виной было неназначеніе для этого нижнихъ чиновъ въ помощь производившимъ реквизицію. А вы сами просили объ этомъ?

— Я полагаю, что мобилизаціонный планъ — парируетъ ударъ Вершининъ,—подлежитъ исполненію безъ всякихъ просьбъ.

Поднимается самъ Стессель и напоминаетъ свидѣтелю о непріятности, постигшей его отъ какихъ-то портъ-артурскихъ хулигановъ.

Предсѣдатель звонитъ...

— А какъ относилось городское населеніе къ Смирнову?— спрашиваетъ Вершинина кап. 2 ранга фонъ-Шульцъ.

— Оно его любило,—слѣдуетъ отвѣтъ.—Я всегда находилъ у него содѣйствіе и поддержку.

Допрашиваются еще бывшій начальникъ инженеровъ крѣпости полк. *Григоренко*, бывшій крѣпостной интендантъ *Достоваловъ* и бывшій начальникъ артиллеріи въ крѣпости ген.-м. *Бѣлый*. Показаніе полк. Григоренко очень неблагопріятно для Стесселя.

Полковникъ Григоренко.

— Почему прекратились работы на 2-й оборонительной линіи?—спрашиваютъ его.

— Онѣ, можно сказать, не прекращались до послѣдняго времени, только велись по ночамъ и малымъ количествомъ рабочихъ. Работать надо было непремѣнно.

— Извѣстно-ли вамъ, что запретилъ эти работы ген. Стессель?

— Да, его приказаніе передалъ мнѣ ген. Смирновъ. По приказанію послѣдняго рабочіе и высылались потомъ на 2-ю линію. Онъ очень внимательно къ ней относился и полагалъ, что именно на ней и можно долго держаться.

Защита ген. Стесселя спрашиваетъ свидѣтеля, почему

онъ безъ вѣдома Стесселя отправилъ изъ Артура въ Ляоянъ запасъ шанцеваго инструмента, въ которомъ крѣпость такъ потомъ нуждалась.

Григоренко объясняетъ.

— Въ крѣпости былъ крѣпостной инженерный складъ, а при немъ отдѣленіе склада съ инструментомъ для полевыхъ войскъ. Когда 3-я в.-спб. стр. дивизія ушла изъ Артура, я получилъ отъ начальника инженеровъ арміи, генерала Александрова, приказаніе выслать отдѣленіе въ Ляоянъ. Такъ какъ хранившійся въ немъ инструментъ всегда былъ предназначенъ для полевыхъ войскъ, а не для крѣпости, то я его и выслалъ. Объ этомъ я не долженъ былъ и докладывать коменданту. Это было еще въ февралѣ или въ мартѣ...

Подполковникъ Достоваловъ. Показаніе подполковника Достовалова очень безцвѣтно.

Свидѣтель былъ интендантомъ и крѣпости и укрѣпленнаго раіона и потому получалъ приказанія по довольствію войскъ и отъ Стесселя и отъ Смирнова. Впрочемъ послѣдній, предварительно исполненія своихъ распоряженій, приказывалъ свидѣтелю докладывать о нихъ начальнику укрѣпленнаго раіона... Отсюда и проистекали недоразумѣнія... Ген. Стессель часто отмѣнялъ распоряженія ген. Смирнова.

Генер.-маіоръ Бѣлый. Ген. Бѣлый также удостовѣряетъ, что часто получалъ отъ ген. Стесселя приказанія, отмѣнявшія полученныя имъ ранѣе отъ коменданта распоряженія. Такъ, ген. Стессель отмѣнилъ распоряженіе ген. Смирнова о перестановкѣ одного крупнаго орудія для обстрѣливанія японскихъ блиндажей на Куинсанѣ. Нѣкоторыя приказанія отдавались Стесселемъ и совершенно помимо коменданта.

Въ засѣданіи были оглашены приказы Намѣстника отъ 27-го января 1904 года, № 41 и отъ 14-го апрѣля 1904 г., № 339.

Защита подсудимаго ген.-м. Рейса ходайствовала о приглашеніи въ судъ эксперта для сводки и выясненія имѣющихся въ дѣлѣ цифровыхъ данныхъ по артиллерійской оборонѣ, преимущественно изъ артиллерійскихъ офицеровъ, но судъ призналъ это ходатайство преждевременнымъ.

XI. 11-е декабря—засѣданіе 11-е.

Изслѣдованіе дѣятельности ген. Стесселя въ Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: г-на **Успенскаго**, инж.-кап. **Родіонова**, ген.-м. **Костенко**, полк. кн. **Микеладзе**, г-на **Ножина**, полковниковъ **Крестинскаго, Павловскаго, Верховскаго** и **Галицинскаго**, г-на **Серебренникова**. Показанія свидѣтелей: врачей **Рябинина** и **Субботина** и подполковника **Дювернуа**.

Допрашивается рядъ свидѣтелей: бывшій крѣпостной контролеръ Успенскій, военный инженеръ капитанъ Родіоновъ, военный судья ген.-м. Костенко (авторъ книги „Осада Портъ-Артура"), военный корреспондентъ Ножинъ, военный инженеръ полк. Крестинскій, полковники Павловскій, Верховскій и Галицинскій; дополнительныя показанія даютъ полковники Григоренко и Вершининъ и, въ заключеніе оглашаются показанія двухъ портъ-артурскихъ врачей Рябинина и Субботина и начальника портъ-артурскихъ добровольныхъ дружинъ подполковника Дювернуа.

Всѣ они освѣтили суду все ту же бытовую картину взаимной вражды начальниковъ осажденной и многострадательной крѣпости.

Остановимся на двухъ свидѣтеляхъ, наиболѣе полно и ярко сдѣлавшихъ это.

Полковникъ кн. Микеладзе.

Бывшій начальникъ крѣпостной жандармской команды, изгнанной Стесселемъ изъ Артура на Ляотешань, кн. Микеладзе подтверждаетъ разоблаченіе полк. Хвостовымъ относительно причинъ этого изгнанія.

Отправили насъ неожиданно и спѣшно. Въ приказѣ по району глухо было сказано: „для важной цѣли". Спросилъ въ штабѣ района: что за цѣль? Сказали: „тамъ увидите". Пошелъ къ Стесселю. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „тамъ шпіоны". Я доложилъ, что никакихъ шпіоновъ тамъ нѣтъ, но Стессель сказалъ: „отправляйтесь" — и разговаривать долѣе не приходилось. Утромъ получили этотъ приказъ, вечеромъ — перебрались безъ всего, безъ палатокъ, безъ запасовъ воды и продовольствія... Мѣстность же тамъ угрюмая, безлюдная, суровая... Воды нѣтъ... Сообщеніе трудное...

— Что же вы тамъ дѣлали?

— Да ничего. И не могли ничего дѣлать. Въ Голубиной бухтѣ были войсковыя части, сношеніе съ которыми вызвали трешія, такъ какъ начальники ихъ считали мои дѣйствія тамъ вмѣшательствомъ. Чтобы избѣжать столкновеній — ничего и не дѣлали.

— Ну, а шпіоновъ-то ловили?

— Поймали разъ одного американскаго корреспондента, который подошелъ къ берегу на джонкѣ, высадился и пошелъ было на позицію. Его доставили, куда слѣдуетъ.

— А въ Артуръ васъ пускали?

— Нѣтъ. Однажды я хотѣлъ туда поѣхать, запросилъ штабъ района, могу ли это сдѣлать, мнѣ отвѣтили: „его пр—ство, начальникъ укр. района пріѣздъ вашъ въ Артуръ находитъ излишнимъ“. Больше уже и не пытался ѣхать. Даже жалованье получить не могъ.

— И долго крѣпость была лишена вашего надзора?

— Три недѣли. Вернули насъ по иниціативѣ и ходатайству Кондратенки.

— Чѣмъ же это все было вызвано?

— До сихъ поръ не знаю. Полагаю, что имѣлъ вліяніе случай имѣвшій мѣсто въ 27-мъ полку.

И онъ разсказываетъ то, что судъ слышалъ уже изъ устъ Хвостова.

При этомъ свидѣтель обмолвливается характерной фразой — „чтобы не было кляузъ, я велѣлъ отобрать жандарму письменное показаніе отъ унтеръ-офицеровъ, разсказавшихъ о недовольствѣ солдатъ однимъ изъ ротныхъ командировъ“...

Какъ личныя отношенія вліяли на дѣло обороны, повѣдалъ тотъ же кн. Мпкеладзе. Былъ онъ однажды у коменданта и засталъ тамъ Кондратенко. Генералы о чемъ-то совѣщались, разсматривая карту, — и вотъ когда они кончили, свидѣтель услыхалъ слѣдующую характерную фразу Смирнова.

— Только вы, Романъ Исидоровичъ, пожалуйста, не говорите Стесселю, что вы со мной совѣщались, а то онъ поступитъ какъ разъ наоборотъ.

— Ну, а что вы скажете про Ножина?

— Относительно его никакихъ компрометирующихъ дан-

ныхъ не было. Полковникъ Урановъ меня о немъ не предупреждалъ, и подъ надзоромъ онъ не состоялъ...

— А не при вашемъ ли содѣйствіи послалъ Ножинъ шифрованную телеграмму Государю о Стесселѣ? — спрашиваетъ защитникъ послѣдняго, опираясь, очевидно на какой-то слухъ.

— Содѣйствія не было. Я отправлялъ телеграммы и письма очень многихъ артурцевъ, можетъ быть отправилъ и его.

Г-нъ Ножинъ.

Приглашаютъ въ залъ самого Ножина. Вниманіе всѣхъ напрягается. Защита ген. Стесселя утверждаетъ, что онъ — японскій шпіонъ; друзья Стесселя въ публикѣ распускаютъ слухи, что онъ — рускій жандармскій агентъ... Изъ-за него, гдѣ-то, когда-то и у кого-то не рвались фугасы... Его отъѣздомъ изъ Артура Стессель былъ такъ взволнованъ, что съ тѣхъ поръ у него упала вѣра въ возможность продолжать оборону... Словомъ, въ оборонѣ Артура, это крупная личность. И публика съ любопытствомъ его разглядываетъ, пока онъ приноситъ присягу, повторяя слова ея громко и отчетливо.

Средняго роста, худощавый, въ очкахъ, съ однимъ усами, въ черномъ сюртукѣ съ орд. св. Станислава съ мечами въ петлицѣ, онъ производитъ впечатлѣніе застѣнчиваго, скромнаго человѣка... Разсказываетъ онъ гладко, съ нюансами, вполнѣ литературнымъ языкомъ.

— 4-го февраля 1904 г. я прибылъ въ Артуръ изъ Японіи и остановился у своего стараго знакомаго, инж. подполк. Рашевскаго. Явился къ ген. Флугу и доложилъ ему подробно, что видѣлъ на пути изъ Цинтао въ Артуръ. Онъ обѣщалъ мнѣ выдать билетъ на право быть военнымъ корреспондентомъ въ Артурѣ... Черезъ нѣсколько дней меня вызвали къ Стесселю. Принятъ былъ имъ я очень неласково: — „Я уѣзжаю изъ Артура къ корпусу, — сказалъ онъ. — Не мое дѣло строить крѣпости и всякую эту штуку. Сюда ѣдетъ ген. Смирновъ. Онъ кончилъ что-то десять академій — и все это можетъ устроить...“ Узнавъ, что я сталъ сотрудникомъ „Нов. Края“, онъ сказалъ, что эта газета все вретъ, и если я буду тоже врать, то буду повѣшенъ...

Былъ однажды парадъ, на которомъ Стессель говорилъ

войскамъ рѣчь. Редакція просила свидѣтеля описать это событіе. Пришлось опять идти къ Стесселю, чтобы получить отъ него текстъ его рѣчи: — „Я къ рѣчамъ не готовлюсь и не помню...“ Однако при содѣйствіи свидѣтеля, вспомнилъ — и рѣчь была скомпанована. — „Только не говорите, что были у меня“, — добавилъ Стессель, отпуская Ножина. За описаніе цзиньчжоускаго боя, очевидцемъ котораго былъ и Ножинъ, Стессель выразилъ ему благодарность. Словомъ, отношенія налаживались, и вдругъ все пошло прахомъ. Ножинъ сталъ сопровождать Смирнова въ поѣздкахъ по позиціямъ и писать о немъ. Въ штабѣ крѣпости ему давали кое-какіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ составлялъ обозрѣніе военныхъ событій, иллюстрируя ихъ личными впечатлѣніями. Отчеты эти цензуровались сперва въ штабѣ крѣпости, потомъ въ редакціи, которою завѣдывалъ полковникъ Артемьевъ, и, наконецъ, оттуда попадали на цензуру въ штабъ района, гдѣ ихъ въ третій разъ просматривали и сокращали. Тѣмъ не менѣе, и „Новому Краю“, и Ножину предъявлено было обвиненіе въ томъ, что газета сообщаетъ свѣдѣнія, полезныя японцамъ; газету пріостановили на мѣсяцъ, а Ножина лишили на все время осады права быть ея сотрудникомъ... По мнѣнію свидѣтеля, повліяло вотъ что: когда Стессель былъ пожалованъ Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени, Ножинъ, въ числѣ другихъ, явился поздравить его.

— Почему въ газетѣ я не вижу вашей фамиліи? — спросилъ его новый кавалеръ.

— Я собираю матеріалы, чтобы *потомъ* все описать, — уклончиво отвѣтилъ Ножинъ, не желая разоблачать свое анонимное участіе въ газетѣ.

— Всѣ-то вы врете изъ-за пятачка, — сказалъ Стессель презрительно и грубо.

Ножинъ вспылилъ.

— Прошу васъ не забываться. Я принадлежу къ старинной дворянской фамиліи, ничѣмъ незапятнанной!

И ушелъ. Когда онъ вечеромъ разсказывалъ въ своемъ кругу объ этомъ инцидентѣ, ему совѣтовали успокоиться, не обращать вниманія.

— Теперь по физіономіи получишь, не замѣтишь, — сказалъ ему въ утѣшеніе одинъ полковникъ-философъ.

Такъ жилось въ Артурѣ въ дни осады, подъ двойною угрозой: японцевъ и Стесселя.

Жизнь становилась свидѣтелю все труднѣе. Его выселяли изъ квартиръ, которыя онъ занималъ, преслѣдовали людей, которые ему пріютъ давали; группа офицеровъ дивизіи ген. Фока грозила ему избіеніемъ.

Нѣсколько разъ Ножинъ просилъ коменданта позволить ему выѣхать изъ Артура. Тотъ успокаивалъ, совѣтывалъ терпѣть, ибо всѣ терпятъ,—наконецъ, согласился, что дольше терпѣть невозможно и разрѣшилъ ему уѣхать. Ножинъ уѣхалъ въ Чифу.

— Что послужило поводомъ къ обвиненію васъ въ измѣнѣ? — спросилъ его прокуроръ.

— Вѣроятно, запрещеніе мнѣ Стесселя посѣщать форты и батареи; другихъ причинъ не знаю. Говорятъ, что я скрывалъ свое пребываніе въ Японіи. Неправда. Свои впечатлѣнія отъ нея я изложилъ въ газетѣ за своею подписью.

— А что было причиною грубой выходки противъ васъ офицеровъ?

— Вѣроятно, то, что я не о всѣхъ говорилъ въ своихъ обзорахъ. Меня многіе просили объ этомъ, присылали отчеты о дѣйствіяхъ своихъ командъ и ротъ, сообщали мнѣ секретные документы. Такъ отъ пор. Дебагорія-Мокріевича были получены мною свѣдѣнія о дѣйствіи его фугасной команды на Зеленыхъ горахъ и инструкція для минныхъ работъ [1]). Но я писалъ лишь о томъ, что я самъ видѣлъ.

---

[1]) По поводу этого заявленія шт.-кап. Дебогорій-Мокріевичъ напечаталъ въ № 11410 „Нов. Врем.“ слѣдующее опроверженіе:

„По просьбѣ Ножина одинъ разъ, къ сожалѣнію, ему были посланы свѣдѣнія о дѣйствіи фугасовъ на Зеленыхъ горохъ. Г. Ножинъ писалъ объ нихъ въ „Новомъ Краѣ“, но самъ онъ не могъ видѣть дѣйствія фугасовъ, такъ какъ это видѣть могли только непосредственные участники боя“.

Г-нъ Ножинъ отвѣтилъ ему на это въ той же газетѣ (№ 11413) „письмомъ въ редакцію“ слѣдующаго содержанія:

„Насколько заслуживаетъ довѣрія это голословное опроверженіе,

Не могъ же, напримѣръ, хвалить я Фока, если самъ былъ очевидцемъ тому, какъ велся имъ цзиньчжоускій бой...

Кстати о Фокѣ свидѣтель разсказалъ слѣдующій характерный эпизодъ.

Пріѣхалъ какъ-то Ножинъ на Зеленыя горы, на лѣвый флангъ, въ расположеніе войскъ ген. Фока.

— Я оттягиваю войска, а вы пріѣзжаете, — сказалъ тотъ. — Поѣзжайте вонъ туда, — и онъ показалъ на правый флангъ, гдѣ были части дивизіи Кондратенко. — Тамъ умники вамъ все разскажутъ...

— Вы знали, что газета „Новый Край“ цензуруется у васъ въ штабѣ? — спросилъ подсудимаго Стесселя членъ суда ген. бар. Остенъ-Сакенъ.

— Да, но только я самъ газетъ не читалъ.

— Ну, а инструкцію дали для этой цензуры?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, первый отвѣтчикъ — вашъ цензоръ.

свидѣтельствуетъ письмо Дебогорія-Мокріевича, полученное мною въ Артурѣ въ сентябрѣ 1904 года:

„Милостивый государь, г-нъ корреспондентъ Ножинъ. Препровождаю вамъ офиціальный отчетъ безъ мелкихъ деталей и впечатлѣній. Все написанное правда. Плана не прилагаю, но могу при случаѣ и на планѣ указать. Если васъ вообще интересуетъ минная оборона крѣпости, то не полюбопытствуете ли прочесть прилагаемую инструкцію. Военный инженеръ подполковникъ Илья Андреевичъ Крестинскій очень будетъ радъ васъ видѣть и многое разсказать, сколько труда, перипетій, интригъ и прочаго пришлось перенести, чтобы создать минную оборону до такого положенія, какъ она находится сейчасъ (слово не разобрано) и сейчасъ приходится многаго желать. Илья Андреевичъ кромѣ того вращается въ сферахъ, близкихъ къ двигающему механизму, и можетъ быть вамъ полезенъ. Онъ выражалъ какъ-то живѣйшее удовольствіе видѣть у себя корреспондента. Живетъ онъ въ домахъ инженеровъ, близъ васъ. Уважающій васъ покорный слуга Леонидъ Ивановичъ Дебогорій-Мокріевичъ“.

„Присланный отчетъ въ „Новомъ Краѣ“ помѣщенъ не былъ, а гг. Крестинскаго и Дебогорія-Мокріевича я увидѣлъ лишь нынѣ, въ залѣ верховнаго военно-уголовнаго суда. Этимъ обстоятельствомъ я и объясняю распространившіеся слухи о томъ, что я продалъ Японцамъ планъ фугасныхъ загражденій въ Артурѣ“.

— Не могу знать, — сказалъ Стессель и сѣлъ подъ легкій смѣхъ въ публикѣ.

Выручить его взялся ген. Рейсъ.

— Неудобныя замѣтки попадались въ „Новомъ Краѣ“ не однажды. Ген. Стессель это замѣтилъ и указалъ мнѣ. Я вызвалъ Артемьева и сказалъ ему, чтобы онъ не полагался на цензуру, а смотрѣлъ самъ. Но, очевидно, и онъ не усмотрѣлъ... Тогда газету и пріостановили.

Г-нъ Успенскій.

Бывшій крѣпостной контролеръ кол. сов. Успенскій показалъ, что ко дню прекращенія сообщеній крѣпости съ маньчжурской арміей въ крѣпостномъ интендантствѣ было запасовъ (для гарнизона въ 40 тыс. человѣкъ) муки и сухарей на 10 мѣсяцевъ, крупы—на 4 мѣсяца, солонины—до 20 тысячъ пудовъ и нѣсколько сотъ головъ скота. Квантунскій полуостровъ далеко не былъ использованъ для пріобрѣтенія у населенія всего, что могло послужить довольствію войскъ, въ особенности не были использованы сѣверные участки полуострова, въ которыхъ, по заявленію начальника участка, капитана (нынѣ полковника) Павловскаго, было много скота. Противъ ранняго назначенія реквизиціи возражалъ гражданскій комиссаръ, Вершининъ, который, ссылаясь на указанія, полученныя имъ отъ Намѣстника, говорилъ, что реквизиція лишитъ китайское населеніе скота, безъ котораго оно лишено будетъ возможности обработать свои поля. Съ доводами его согласились и назначили реквизицію на 15-е мая. Но было уже поздно. 13-го мая мы лишились Цзиньчжоу, а съ нимъ и всей сѣверной половины области. Въ южной же ея части было взято немного скота, менѣе того, что было пріобрѣтено до реквизиціи покупкою.

Своевременно не позаботились также, по мнѣнію свидѣтеля, пріобрѣтеніемъ овощей, къ чему была полная возможность.

Инж.-капитанъ Родіоновъ.

Свидѣтель, завѣдывавшій работами по укрѣпленію 2-й оборонительной линіи, показалъ, что ген. Смирновъ называлъ эту линію обороны своимъ дѣтищемъ и надѣялся оказать на ней послѣднее сопротивленіе съ резервомъ изъ морскихъ командъ. Генералъ Стессель же былъ на этой линіи всего лишь два—три раза.

Генер.-маіоръ Костенко. Военный судья, предсѣдательствовавшій во время осады во врем. воен. судѣ въ Портъ-Артурѣ, ген. Костенко показалъ, что ген. Смирновъ неоднократно совѣщался съ нимъ о возможности арестовать Стесселя. Свидѣтель указывалъ ему на необходимость опираться на факты явно преступныхъ дѣйствій и намѣреній Стесселя, послѣдніе же проявились слишкомъ поздно, когда не было уже фактической возможности осуществить эту рѣзкую мѣру.

Инж.-полковн. Крестинскій. Единственный военный инженеръ, находившійся до войны въ распоряженіи Стесселя, какъ коменданта Портъ-Артура, а стало быть и хорошо освѣдомленный свидѣтель о состояніи крѣпости, повѣдалъ суду о полной ея неготовности передъ войной: фортъ V-й — груда камней, бетонныхъ сооруженій совсѣмъ не было; на батареѣ Б — не поставлено пушекъ; промежутокъ между фортомъ V-мъ и временнымъ укрѣпленіемъ 4-мъ — ничѣмъ не былъ занятъ; фортъ IV-й — конченъ, но пушекъ — ни одной; на Зубчатой батареѣ — пушки въ сараѣ; долина Лунъхе совершенно не подготовлена къ оборонѣ; на Паплуньшанѣ — также ничего; Кумирнскій редутъ — не конченъ; укр. 3-е — вчернѣ отрытъ наружный ровъ — и груда камней; фортъ III-й — въ такомъ же состояніи... Половины долговременныхъ укрѣпленій совсѣмъ не было, половина— была сдѣлана вчернѣ. До войны въ крѣпости не было ни военныхъ инженеровъ, ни крѣпостного инженернаго управленія.

Подполковникъ Дювернуа. Оглашенное на судѣ показаніе бывшаго начальника всѣхъ портъ-артурскихъ дружинъ подполковника Дювернуа обрисовало грубость Стесселя яркими чертами. Добровольцевъ-дружинниковъ, людей разныхъ профессій, состояній и образованія, онъ не любилъ и ругалъ ихъ „мерзавцами и баранами“, жалѣлъ, что Дювернуа не поретъ „эту сволочь“ и обѣщалъ самъ ихъ пороть и вѣшать.

— „...Браниться онъ умѣлъ, — говорится въ показаніи Дювернуа, — въ этомъ я убѣдился за долгую совмѣстную службу...“

Полковникъ Павловскій, бывшій до войны н-комъ Годзалинскаго участка области, ничего особеннаго о неудовольствіи населенія на Стесселя не слыхалъ.

Г-нъ Серебренниковъ, бывшій секретаремъ гражданск. управленія области, показываетъ, что особаго вмѣшательства Стесселя въ городское управленіе онъ не замѣчалъ и о грубости Стесселя въ Артурѣ не слыхалъ. Онъ объясняетъ всѣ эти слухи и обвиненія Стесселя интригами подполк. Вершинина...

Засѣданіе закончилось новымъ и на этотъ разъ коллективнымъ заявленіемъ защитниковъ генераловъ Фока и Рейса противъ защитника ген. Смирнова. Только защитникъ ген. Стесселя ничего не имѣлъ, въ интересахъ выясненія дѣла, противъ того положенія, которое заняли въ процессѣ силою вещей Смирновъ и его адвокатъ. Смирновъ, въ свою очередь, изъявилъ полную готовность отвѣчать на всѣ вопросы защитниковъ Стесселя, Фока и Рейса.

Судъ сказалъ, что разберется въ этой распрѣ адвокатовъ.

Изъ состава суда выбылъ ген.-отъ-инф. Мыловъ, котораго постигъ апоплексическій ударъ [1]).

---

[1]) Еще послѣ болѣзни ген.-отъ-инф. Гончарова, вынудившей судъ отложить засѣданіе 28-го ноября, до его выздоровленія (см. стр. 112), предсѣдатель Верховнаго военно-уголовнаго суда телеграммой увѣдомилъ военнаго министра о затруднительности разсмотрѣнія дѣла безъ наличности запасныхъ членовъ. По всеподданнѣйшему о томъ докладу военнаго министра, Государь Императоръ 30-го ноября 1907 г. Высочайше повелѣть соизволилъ установить, что для законности состава присутствія Верхов. воен.-угол. суда необходимо участіе въ засѣданіи его не менѣе *семи* членовъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя; въ случаѣ же отсутствія сего послѣдняго, мѣсто его заступаетъ старшій по немъ изъ наличныхъ членовъ.

Этимъ распоряженіемъ Верховный военно-уголовный судъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ военно-окружные и временные военные суды, имѣющіе запасныхъ членовъ, такъ какъ ему предоставляется возможность продолжать засѣданія при выбытіи одной трети всего состава и въ томъ числѣ даже предсѣдателя. Назначеніе же запасныхъ членовъ, особенно въ то время, когда дѣло о сдачѣ Порт-Артура уже было начато, грозило затяжкой процесса на неопредѣленное время, такъ какъ запасные члены могли быть введены въ составъ Верховнаго военно-уголовнаго суда лишь въ законодательномъ порядкѣ, и по назначеніи запасныхъ членовъ всѣ судебныя дѣйствія должны были быть возобновлены съ самаго начала въ ихъ присутствіи, какъ въ томъ случаѣ, если бы они были призваны къ участію въ засѣданіяхъ немедленно по назначеніи, такъ и въ томъ, когда они призывались бы

XII.—12-е декабря—засѣданіе 12-е.

О дѣятельности ген. Стесселя въ Портъ-Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: кап. 1-го р. **Криницкаго,** кап. 2-го р. **Лепко.** Объясненія **Стесселя** и **Смирнова.** Показанія кап. **Флорова,** шт.-кап. **Васильева,** подполк. **Романовскаго,** поруч. **Кальнина,** г-на **Курилова,** г-на **Дылевскаго,** шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича,** кап. **Аноева,** пор. **Линденвальда,** подполк. **Музеуса,** отст. г.-м. **Петруши,** к.-ад. **Вирена.**

Засѣданіе суда открывается объявленіемъ опредѣленія суда по вчерашнимъ ходатайствамъ защиты генераловъ Фока и Рейса: „судебное слѣдствіе вести въ предѣлахъ обвинительнаго акта, а ген.-лейт. Смирнова, какъ обвиняющагося въ самостоятельномъ преступленіи, допрашивать въ качествѣ свидѣтеля въ отношеніи другихъ подсудимыхъ.“

Затѣмъ передъ судомъ проходитъ длинная вереница свидѣтелей, второстепеннаго и третьестепеннаго служебнаго положенія, выставленныхъ защитою генерала Стесселя для опроверженія тѣхъ показаній, которыя дали вчера не въ пользу Стесселя свидѣтели прокурора и генерала Смирнова. Наиболѣе цѣннымъ изъ нихъ является показаніе бывшаго начальника отряда миноносцевъ въ Артурѣ капитана 1 ранга Криницкаго объ обстоятельствахъ выѣзда военнаго корреспондента Ножина изъ Артура.

Капит. 1 ранга Криницкій. Свидѣтель — георгіевскій кавалеръ. Отъ контузіи или раны плохо слышитъ, но разсказываетъ гладко, послѣдовательно.

— Въ концѣ октября 1904 года я получилъ отъ к.-адм. Лащинскаго предложеніе явиться къ нему по дѣламъ службы. Адмиралъ Лащинскій сообщилъ мнѣ, что у Ножина вышли недоразумѣнія со Стесселемъ, и что ген. Смирновъ проситъ вывезти Ножина изъ Артура.

лишь при возникшей уже необходимости замѣны кого-либо изъ членовъ суда.

При кратковременномъ же отсутствіи кого-либо изъ членовъ суда, рекомендовалось дѣлать перерывы засѣданія, чтобы не устранять изъ состава присутствія, безъ крайней надобности, слишкомъ большого числа членовъ.

— Я пріѣхалъ сюда воевать съ японцами, а не вывозить корреспондентовъ,—отвѣтилъ будто бы свидѣтель своему адмиралу и, высказавъ ему свое убѣжденіе, что „тутъ интрига“, просилъ его освободить отъ этого порученія.

— Укажите тогда хорошій миноносецъ,—сказалъ Лащинскій. Свидѣтель указалъ на миноносецъ „Сильный“ подъ командой лейт. Гадда.

Но и Гаддъ отказался везти корреспондента. Остановились на миноносцѣ „Сердитый“, подъ командой лейт. Дмитріева 5-го. Послѣдній трижды пытался выйти въ море, но каждый разъ возвращался. То—„три японскихъ миноносца встрѣтили“, то „большая волна“, то „наткнулись на мину, надо чиниться“ и т. д.

1-го ноября свидѣтеля снова вызвали къ Лащинскому, жившему вмѣстѣ съ к.-адм. Григоровичемъ, командиромъ порта. Въ кабинетѣ послѣдняго былъ уже жандармскій ротмистръ Познанскій, который сообщилъ, что Ножина приказано не выпускать изъ Артура, арестовать его бумаги и не позволять ему жить на военныхъ судахъ. Свидѣтель тотчасъ же оповѣстилъ объ этомъ приказомъ по отряду миноносцевъ. На другой день, 2-го ноября, онъ снова былъ вызванъ къ Лащинскому. Приказано выбрать самый старый миноносецъ. Указалъ на миноносецъ „Расторопный“. Послѣдній тотчасъ же былъ переданъ въ портъ, на немъ произведена смѣна командира (лейт. Пленъ вмѣсто лейт. Лепко), офицера и механика. Что было дальше, свидѣтель не знаетъ, но дней черезъ шесть его вызвалъ къ себѣ Стесселъ. „На одномъ изъ вашихъ миноносцевъ ушелъ Ножинъ“,—грозно сказалъ генералъ.

— Ножинъ, можетъ быть, и ушелъ, но не на моемъ миноносцѣ. „Расторопный“ отчисленъ отъ моего отряда...

Въ Чифу „Расторопный“ былъ утопленъ.

Вызывается бывшій командиръ „Расторопнаго“, сдавшій его лейт. Плену. Онъ заявляетъ, что относительно арестованія Ножина ничего не знаетъ. Тѣмъ не менѣе, защитникъ ген. Стесселя пытается задать ему новые вопросы.

Капит. 2 ранга Лепко.

— Зачѣмъ вамъ это?—спрашиваетъ предсѣдатель.—Все

это не имѣетъ отношенія къ дѣлу, да и морскіе чины суду не преданы.

— Ножинъ увезъ изъ Артура секретные документы и опубликованіемъ ихъ содѣйствовалъ паденію крѣпости.

Сидящій въ ряду допрошенныхъ свидѣтелей Ножинъ не выдерживаетъ и проситъ судъ занести въ протоколъ, что защита ген. Стесселя все время обвиняетъ его въ томъ, что своими разоблаченіями онъ повредилъ крѣпости.

— Это неправда,—заявляетъ онъ.—Уѣзжая изъ Артура, я далъ честное слово ген. Смирнову, что ничего не буду писать о Стесселѣ, и до конца осады сдержалъ свое слово.

— Свидѣтелямъ не предоставлено права просить судъ объ этомъ,—возражаетъ подполк. Вельяминовъ.

— Всякій человѣкъ, призванный въ судъ,—разъясняетъ предсѣдатель,—долженъ быть огражденъ отъ оскорбленій своей чести... Зачѣмъ же вы выбираете судъ орудіемъ вашихъ личныхъ счетовъ!—говоритъ онъ укоризненно защитникамъ Стесселя... Однако Ножину въ его ходатайствѣ отказывается.

Поднимается самъ Стессель и объясняетъ:

Ген. Стессель. Генералъ Смирновъ, будучи запрошенъ лично 9-го ноября о выѣздѣ Ножина, отвѣтилъ мнѣ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. Тогда я донесъ на Высочайшее Имя, что Ножинъ выпущенъ адмиралами. А теперь изъ дѣла я узналъ, что ихъ просилъ о томъ Смирновъ. Мнѣ не важенъ Ножинъ, а тотъ грузъ, который онъ увезъ изъ Артура: его бумаги и снимки... Начальница Пушкинской школы, гдѣ жилъ Ножинъ, г-жа Савельева, передавала мнѣ, что Ножинъ все читалъ газеты, въ которыхъ меня бранятъ. Она ему сказала, что все это неправда, а онъ, Ножинъ, ей отвѣтилъ: „если Смирновъ прикажетъ, то и неправда будетъ правдой...“

Ген. Смирновъ. Стесселю возражаетъ Смирновъ.

— Приказъ Намѣстника за № 339 предоставлялъ исключительно мнѣ право давать разрѣшеніе на выѣздъ изъ Артура. И такихъ разрѣшеній за время осады я выдалъ около тысячи. Давались они подъ контролемъ моего начальника штаба и начальника жандармской команды. Въ сомнительныхъ случаяхъ въ дѣло вмѣшивался я самъ.

Ножинъ обратился ко мнѣ за такимъ разрѣшеніемъ и просилъ отправить его на миноносцѣ, такъ какъ у него нѣтъ средствъ на наемъ джонки, цѣны на которыя въ то время очень возросли. Такъ какъ командиру порта намѣстникомъ былъ оставленъ авансъ на организацію и поддержку сношеній съ внѣшнимъ міромъ, то я и просилъ его вывезти Ножина на первомъ же очередномъ, отходящемъ изъ Артура, миноносцѣ. Это и было сдѣлано, но когда именно, я тогда не прослѣдилъ,—не до того мнѣ было. Вотъ почему я отвѣтилъ ген. Стесселю, что не знаю. Когда онъ мнѣ сказалъ, что донесъ объ ослушаніи адмираловъ не выпускать Ножина изъ Артура на Высочайшее Имя, я сказалъ ему, что весьма неосторожно, не провѣривъ ни обстоятельствъ дѣла, ни основательности подозрѣній относительно Ножина, взводить такія обвиненія, да еще въ донесеніяхъ Государю.

На этомъ выясненіе обстоятельствъ выѣзда Ножина изъ Артура и оканчивается.

Судъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что все это не имѣетъ никакого отношенія къ настоящему дѣлу.

Тогда, вмѣсто Ножина, на сцену выдвигается новый подсудимый—газета „Новый Край“.

Несмотря на твердо установленный и никѣмъ не отрицаемый фактъ, что газета проходила черезъ двѣ-три цензуры, защитники ген. Стесселя стремятся доказать, что въ ней печатались свѣдѣнія, полезныя японцамъ. Вотъ какими фактами это аргументируется:

Кап. Флоровъ.

— Однажды японцы, съ которыми мы въ минуты затишья разговаривали черезъ брустверъ форта II-го,—показываетъ кап. Флоровъ,—сказали намъ, что Стессель раненъ.—„Откуда вы это узнали?“—спросили мы ихъ.—„Мы также, какъ и вы, получаемъ „Новый Край“—былъ отвѣтъ.

Штабсъ-капит. Васильевъ.

— Однажды,—показываетъ артиллерійскій штабсъ-кап. Васильевъ,—на Зеленыхъ горахъ наша батарея стояла по-взводно въ трехъ мѣстахъ, указанныхъ ей Кондратенко, при которомъ былъ и Ножинъ. Въ бою 13-го іюля мой взводъ стоялъ укрыто и не терпѣлъ потерь отъ огня противника. А на другой день сталъ терпѣть. Мнѣ потомъ сказали, что въ этотъ день мѣсто расположенія моего взвода было указано въ газетѣ.

Подполковникъ Романовскій. То же самое разсказываетъ ген. шт. подполк. Романовскій, добавляя, что по поводу такихъ сообщеній онъ говорилъ съ редакторомъ газеты, полковникомъ Артемьевымъ.

— А вы знали, что газета цензуруется?—спрашиваетъ его прокуроръ.

— Зналъ.

— Почему же вы не обратились съ своими указаніями на опасность такихъ сообщеній къ цензорамъ?

Поруч. Кальнинъ. Съ жалобами, что сообщенія „Новаго Края“ о военныхъ событіяхъ вносятъ разладъ въ гарнизонъ, обращался къ редактору „Новаго Края“ и поручикъ Кальнинъ.

Г-нъ Куриловъ. Другой свидѣтель, г-нъ Куриловъ, кратко заявилъ, что „многіе жители возмущались замѣтками „Новаго Края“; тамъ сообщалось о нашихъ позиціяхъ, перелетахъ и недолетахъ снарядовъ...“ Г-нъ Куриловъ вообще категоричепъ и кратокъ въ своихъ отзывахъ.

— Генерала Стесселя всѣ въ Артурѣ любили. Возмущеніе имъ выходило изъ одного дома, который назывался „домомъ старыхъ грѣшниковъ“.

— Кто же жилъ въ этомъ домѣ?—спрашиваютъ его.

Свидѣтель мнется...

— Артурцы всѣ знали этотъ домъ...

Еще короче показаніе г-на Дылевскаго.

— Генералъ Стессель никого не притѣснялъ. И всѣ имъ были довольны.

И только. Ни одного факта въ подтвержденіе.

Предсѣдатель укоризненно качаетъ головой защитнику ген. Стесселя, подполковнику Вельяминову.

— Вотъ вы требовали отъ другихъ свидѣтелей, чтобы они не говорили голословно. А что же говорятъ ваши свидѣтели? Вызвали вы ихъ много; а много ли отъ нихъ пользы? Несчастное положеніе подсудимыхъ не даетъ вамъ права тиранить судъ и свидѣтелей. Вы задаете имъ совершенно ненужные вопросы. Не забывайте, что казна несетъ изъ-за такихъ свидѣтелей огромные расходы... Поберегите казну, тщательнѣе провѣрьте вашъ списокъ свидѣтелей и не заставляйте судъ терять время на нихъ...

О прекращеніи работъ на 2-й линіи обороны и объ отмѣнѣ

производства вылазокъ допрошены были въ этомъ же засѣданіи шт.-кап. Дебогорій-Мокріевичъ, кап. Аноевъ, поруч. Линденвальдъ, отст. г.-м. Петруша, подполковники Музеусъ и Гандуринъ.

Шт.-кап. Дебогорій-Мокріевичъ показалъ, что о распоряженіи прекратить работы на 2-й линіи не слыхалъ; поруч. Линденвальдъ—что въ послѣднее время осады рабочихъ было мало; составъ ротъ былъ уже 30—35 человѣкъ вмѣсто 100—130 чел., бывшихъ вначалѣ; кап. Аноевъ—что на 2-й линіи ничего не дѣлалось; подполк. Музеусъ—что вылазки сперва были часты, а потомъ сократились; отст. г.-м. Петруша—что съ конца октября онъ уже не могъ давать рабочихъ съ западнаго фронта, гдѣ былъ его 27-й полкъ,—на восточный.

Подъ конецъ засѣданія началось изслѣдованіе вопроса о пристрастіи ген. Стесселя въ раздачѣ наградъ. Первымъ допрошенъ по этому вопросу—главный командиръ черноморскаго флота, бывшій командиръ „Баяна“ и начальникъ эскадры въ Артурѣ послѣ смерти адм. Витгефта, контръ-адм. Виренъ.

Контръ-адмир. Виренъ.

— Я не особенно интересовался наградами,— сказалъ онъ,—такъ какъ находилъ, что онѣ выдаются и рано и щедро. Читая приказы ген. Стесселя о наградахъ нижнимъ чинамъ, я однако замѣтилъ, что на долю матросовъ ихъ выпадаетъ мало. Между тѣмъ, флотъ выставилъ на сухопутный фронтъ до 300 орудій и 1,200 человѣкъ матросовъ. Я отношу это къ пристрастію Стесселя...

XIII.—14-е декабря—засѣданіе 13-е.

О неправильномъ награжденіи Стесселемъ подчиненныхъ ему лицъ. Объясненія ген. **Стесселя** и **Рейса.** Показаніе полк. **Хвостова.**—Предписаніе ген. Стесселя о прекращеніи работъ на 2-й и 3-й оборон. линіяхъ. **Совѣтъ обороны 25-го ноября.** Объясненія генераловъ **Смирнова, Фока, Стесселя** и **Рейса.**—Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова** и **Григоренко,** ген.-м. **Горбатовскаго** и **Бѣлаго,** ген.-л. **Никитина** и поруч. **Гаммера.**—**Назначеніе ген.-л. Фока начальникомъ сухопутн. обороны.**—Объясненія ген. **Смирнова, Рейса** и **Стесселя.**—Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова,** ген.-м. **Третьякова** и **Мехмандарова,** к.-адм. **Григоровича** и **Лащинскаго.**

Продолжается разслѣдованіе случаевъ завѣдомо неправильнаго и ложнаго представленія генераломъ Стесселемъ подчиненныхъ ему лицъ къ наградамъ, въ частности—къ

ордену св. Георгія. Обвинительный актъ называетъ нѣсколько именъ, но судебное слѣдствіе касается только трехъ генераловъ: Фока, Надѣина и Рейса.

Читается рядъ телеграммъ ген. Стесселя, въ которыхъ говорится на разные лады: „Фокъ и Кондратенко заслуживаютъ всякой награды", „ходатайствую объ особомъ награжденіи Фока и Кондратенко", „священною обязанностью почитаю...", „долгомъ почитаю...", „особенно прошу..."—и все о Фокѣ, иногда о Кондратенко или Надѣинѣ и только одинъ разъ слышится въ такихъ представленіяхъ имя генерала Смирнова.

По поводу всѣхъ этихъ ходатайствъ Стесселю предлагается дать объясненіе.

Ген. Стессель. — Фокъ храбрый человѣкъ и распоряжался на Цзиньчжоу... Рейсъ давалъ совѣты, всегда приводившіе къ отличнымъ результатамъ, передавалъ подъ огнемъ приказанія, производилъ рекогносцировки... Надѣинъ также былъ на Цзиньчжоу..

— Ну, а 1-го мая за что вы представили Фока?—спрашиваютъ Стесселя.—Вѣдь тогда еще никакихъ боевъ не было...

— Не было никакихъ,—признается Стессель.—Но были стычки... Фокъ занималъ передовыя позиціи, всѣмъ распоряжался...

Ген. Рейсъ, въ свою очередь, объясняетъ, что считаетъ награжденнымъ себя орденомъ св. Георгія не по заслугамъ. Это награда высокая, даваемая за исключительные подвиги, таковыхъ же онъ не совершалъ. Награжденіе совершалось по телеграммамъ, въ которыхъ подробно описывать заслуги было нельзя, представлять же наградные листы и вовсе было затруднительно.

— Почему же вы не собирали кавалерской георгіевской думы для присужденія наградъ?—спрашиваютъ Стесселя.

— Не имѣлъ возможности собирать. Георгіевскихъ кавалеровъ было мало, да и тѣ—на позиціяхъ. Разъ попробовалъ какъ-то,—началась бомбардировка... Не до того стало. Впрочемъ, потомъ два раза думу удалось собрать.

Полк. Хвостовъ. Нѣкоторую поправку въ эти объясненія вноситъ бывшій начальникъ штаба крѣпости.

— Наградные листы составлялись; черезъ штабъ крѣпости они доставлялись въ штабъ раіона, а послѣдній испрашивалъ награды по телеграфу. Въ военно-исторической комиссіи, среди старыхъ листовъ, я видѣлъ и наградной листъ на полк. Рейса съ представленіемъ его къ Георгіевскому кресту. Онъ писанъ сплошь рукою Стесселя.

На этомъ изслѣдованіе вопроса о наградахъ прекращается.

Оглашается предписаніе ген. Стесселя коменданту крѣпости, данное 3-го ноября 1904 года, о прекращеніи всѣхъ работъ на 2-й и 3-й линіяхъ обороны, „въ виду необходимости усиленныхъ работъ на первой какъ по усиленію ея обороны, такъ и по приспособленію на ней помѣщеній для жилья, а также въ виду необходимости отдыха для нижнихъ чиновъ“.

Въ концѣ ноября работы вездѣ возобновились явно, послѣ запрета онѣ, какъ мы знаемъ, производились Смирновымъ тайно, по ночамъ: этого Смирновъ достигъ путемъ воздѣйствія на Стесселя все того же ген. Кондратенко.

Затѣмъ судъ переходитъ къ изслѣдованію обстоятельствъ, предшествовавшихъ сдачѣ крѣпости.

Первое же изъ нихъ—совѣтъ обороны, происходившій 25-го ноября, на которомъ впервые гласно поднятъ былъ вопросъ о предѣлѣ сопротивленія крѣпости,—освѣщается неожиданно для суда новымъ свѣтомъ.

Совѣтъ былъ собранъ по иниціативѣ ген. Стесселя, вслѣдъ за паденіемъ Высокой горы, оборона которой намъ дорого стоила, а паденіе повлекло уничтоженіе нашей эскадры, разстрѣлянной японцами съ этой горы, и измѣнило въ общемъ обстановку обороны, вслѣдствіе потери цѣлаго ряда передовыхъ опорныхъ пунктовъ. На совѣтѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ комендантъ крѣпости, ген. Смирновъ, сперва обсуждались вопросы о способахъ обороны Ляотешаня и Голубиной бухты, объ образованіи резерва для парированія случайностей и объ увеличеніи продовольственной дачи, въ виду наступившихъ холодовъ и развитія болѣзненности въ войскахъ. Въ заключеніе, полк. Рейсъ, отъ имени генерала Стесселя, предложилъ обсудить и вопросъ „о предѣлѣ, до котораго слѣдуетъ оборонять крѣпость, чтобы предотвратить безполезное кровопролитіе войскъ и жителей.“ Всѣми чле-

нами совѣта это было принято за замаскированное предложеніе обсудить вопросъ, когда можно сдать крѣпость,—и единодушно отвергнуто. Встрѣтивъ такой дружный отпоръ, полк. Рейсъ, въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ журналу засѣданія совѣта, а ген. Стессель—въ обширной резолюціи на этомъ журналѣ, стали утверждать, что вопросъ этотъ былъ понятъ неправильно.

И вотъ, что показали члены совѣта.

Генер.-лейтен. Смирновъ. — Я полагалъ, что засѣданіе окончено; главные вопросы—о резервѣ и продовольствіи—были разсмотрѣны. Но полк. Рейсъ предложилъ обсудить еще вопросъ о предѣлѣ обороны. Мы всѣ поняли это, какъ вопросъ о сдачѣ. Генералъ Фокъ первый сказалъ: „Это преждевременно и обсужденію не подлежитъ“. Я высказался въ томъ же смыслѣ. Въ то время мы еще не получили 50 тыс. муки изъ Бомбея, на пароходѣ „Кингъ-Артуръ“, и интендантская справка указывала, что имѣющихся у насъ припасовъ хватитъ до 1 января 1905 г. Лошадей было около трехъ тысячъ, и, увеличивая дачу конины, мы все-таки сохранили къ этому сроку еще 800 лошадей для работы.

Прибытіе парохода съ мукой оттягивало еще на мѣсяцъ указанный мною срокъ. Я напомнилъ, что 27-го декабря исполнится 11 мѣсяцевъ осады, и если мы доживемъ до этого, то въ правѣ будемъ сказать, что внукъ (Портъ-Артуръ) не отсталъ отъ дѣда (Севастополя). Напомнилъ я о Севастополѣ для укрѣпленія духа старшихъ начальниковъ.

Въ заключеніе свидѣтель обращаетъ вниманіе суда, что журналъ совѣта обороны, въ которомъ изложено было такое именно пониманіе возбужденнаго Рейсомъ вопроса, подписанъ всѣми членами совѣта, за исключеніемъ Рейса.

Ген.-лейт. Фокъ. — Признаете ли вы правильность изложеннаго въ журналѣ?—спрашиваетъ его прокуроръ.

Ген. Фокъ медлитъ отвѣтомъ. Признать—это не въ пользу товарищей и союзниковъ по несчастью; не признать нельзя—подписанъ имъ самимъ безъ оговорокъ.

— Какъ вами понято было предложеніе Рейса?—настаиваетъ прокуроръ.—Считали ли вы, что это вопросъ о сдачѣ?

Фокъ все еще мнется и, наконецъ, говоритъ:

— Я считалъ, будто бы, вопросъ шелъ о времени, т. е. со взятіемъ какихъ пунктовъ оборона невозможна...

Тутъ именно ген. Фокомъ спутано было то, что полк. Рейсъ желалъ такъ раздѣлить...

— Да подписывая журналъ, вы его читали?—не отстаетъ прокуроръ.

— Не читалъ... Не знаю, кажется, читалъ... Я только свое читаю...

Ген. Стессель. — Я посылалъ Рейса послѣ паденія Высокой горы, чтобы указать предѣлъ обороны каждой части, — какія части займутъ Чайную долину, форты V-й и VI-й... Я и велѣлъ Рейсу опредѣлить въ совѣтѣ предѣлъ обороны на мѣстности. А мнѣ и въ голову не приходила еще 25-го ноября мысль о сдачѣ крѣпости; у насъ все еще было въ рукахъ...

Ген.-маіоръ Рейсъ. Рейсъ разъясняетъ болѣе понятно то, что хотѣлъ сказать Стессель.

— Паденіе Высокой неожиданно создало для крѣпости критическое положеніе. До того времени все наше вниманіе обращено было на группу Угловыхъ горъ, на Высокую же не обратили вниманія. Отсюда же, съ паденіемъ ея, японцы по Чайной долинѣ могли свободно двинуться къ городу. Она не была ни укрѣплена, ни занята войсками... Ставя по порученію ген. Стесселя свой вопросъ, я предлагалъ обсудить: потеря какихъ пунктовъ можетъ поставить Артуръ въ такое положеніе, при которомъ дальнѣйшее сопротивленіе могло повлечь лишь истребленіе жителей и войскъ. Но, не давъ мнѣ объяснить, меня прервали. Ген. Смирновъ началъ говорить о Севастополѣ, о штыкахъ и патронахъ, а затѣмъ, вынувъ интендантскій листокъ, сказалъ — вотъ предѣлъ сопротивленія... Высказавшись противъ опредѣленія срока, онъ самъ его опредѣлилъ — до 1-го января 1905 года... Я же ничего не говорилъ о запасахъ продовольствія, патроновъ и снарядовъ, и потому выраженіе обвинительнаго акта, что я преувеличивалъ на совѣтѣ тягостное положеніе крѣпости — невѣрно. О предѣлѣ во времени я также ничего не говорилъ. Считалъ это безцѣльнымъ. Вѣдь, отправляя Одинцова, комендантъ самъ опредѣлилъ этотъ предѣлъ до октября — и ошибся...

— Не былъ ли тотчасъ же послѣ совѣта, — спрашиваетъ защитникъ Стесселя, — установленъ этотъ предѣлъ, т. е. тѣ опорные пункты, потеря которыхъ ставила Артуръ въ критическое положеніе?

— Да, — отвѣтилъ Рейсъ. — Въ Чайной долинѣ были сдѣланы окопы и туда стянуты войска.

— Вы считали вопросъ этотъ важнымъ? — спрашиваетъ Стесселя членъ суда, ген. Водаръ.

— Да.

— И, вѣроятно, вы хотѣли знать по этому вопросу мнѣнія членовъ совѣта?

— Да.

— Но вы видѣли, что члены совѣта этотъ вопросъ не поняли, почему же вы не собрали ихъ вновь, чтобы разъяснить имъ, въ чемъ дѣло и узнать-таки ихъ мнѣніе?..

Стессель отвѣчаетъ, что онъ уже высказалъ свое мнѣніе въ резолюціи.

Полковн. Хвостовъ. Бывшій н-къ штаба крѣпости показалъ, что утромъ 25-го ноября была получена изъ штаба раіона записка, подписанная полк. Рейсомъ, — о томъ, что начальникъ раіона предлагаетъ созвать совѣтъ обороны для обсужденія вопроса о состояніи крѣпости. Совѣтъ сейчасъ же былъ созванъ. Нѣсколько запоздалъ Кондратенко. Начали безъ него. Въ концѣ засѣданія Рейсъ предложилъ обсудить вопросъ о „предѣлѣ обороны“. Едва это было сказано, сейчасъ же послышались протесты. Рейсу не дали говорить. Всѣ поняли, что рѣчь идетъ о сдачѣ крѣпости. Особенно близко принялъ это къ сердцу Кондратенко, который страшно горячился. Когда расходились, то Ирманъ и Григоренко прямо говорили съ возмущеніемъ: — „вотъ для чего собирали“, „вотъ гдѣ зарыта собака“... Я, какъ понялъ слова Рейса, такъ и занесъ ихъ въ журналъ, — и всѣ, кромѣ Рейса, его подписали.

Полк. Григоренко. — Я также понялъ вопросъ о предѣлѣ сопротивленія, какъ вопросъ о времени сдачи крѣпости. Когда онъ былъ заданъ, всѣ замолкли. Ген. Фокъ первый развелъ руками и сказалъ: „Позвольте, это еще рано!..“ Такъ поняли и всѣ остальные.

— Полковника Рейса перебили комендантъ и ген. Никитинъ потому, что всѣ мы поняли, что вопросъ шелъ о томъ, до какой поры надо держаться... Данныхъ о положеніи крѣпости Рейсъ не приводилъ.

Генералъ-маіоръ Горбатовскій.

Защита ген. Стесселя пытается доказать, что Рейсу не дали высказаться до конца, развить свою мысль; если бы это было сдѣлано, всѣ увидали бы, что рѣчь шла не о сдачѣ.

Высказавъ, что предложеніе Рейса было понято имъ одинаково со всѣми, свидѣтель заявилъ, что онъ считаетъ долгомъ разсказать суду о слѣдующемъ:

Генералъ-маіоръ Бѣлый.

— Въ день совѣта, утромъ, ко мнѣ явился полковникъ Рейсъ, ранѣе у меня никогда не бывавшій, и заявилъ, что онъ пришелъ поговорить по секретному дѣлу... Посмотрѣлъ на дверь... Я ее тотчасъ же затворилъ — и мы сѣли. — „Я сейчасъ былъ у Кондратенко,—сказалъ мнѣ полк. Рейсъ.— Тамъ былъ и Стессель. Мы обсуждали вопросъ о состояніи крѣпости, оно критическое... Всѣ запасы на исходѣ, помощи нѣтъ, если японцы ворвутся ,— будетъ рѣзня...“ Произносилъ ли Рейсъ при этомъ слово„ сдача“, я не помню, но у меня осталось впечатлѣніе, что въ этомъ смыслѣ мнѣ все это и говорилось. Я отвѣтилъ, что все это долженъ обсудить совѣтъ обороны, что же касается артиллеріи, то снарядовъ еще достаточно и духъ въ ней хорошъ. Рейсъ сказалъ мнѣ, что сегодня совѣтъ обороны соберется. Придя на совѣтъ, я ждалъ, что съ этого мы и начнемъ... Сидѣлъ, ждалъ и волновался... Мое волненіе было замѣчено другими, и меня спрашивали объ его причинахъ. Когда же предложеніе было сдѣлано Рейсомъ и его всѣ поняли въ смыслѣ сдачи, я сказалъ: „Развѣ вы не поняли, что для этого насъ и собрали?“ И у меня до сихъ поръ осталось такое впечатлѣніе, что рѣчь шла о сдачѣ и что меня приходили подготовить къ ней.

Разсказъ этотъ вызываетъ сильное движеніе и въ публикѣ, и въ судѣ.

Рейсъ протестуетъ въ рядѣ язвительныхъ вопросовъ свидѣтелю и рѣзкихъ возраженій. Онъ не отрицаетъ, что посѣтилъ ген. Бѣлаго, но сдѣлалъ это по порученію Стесселя, который желалъ только знать о состояніи артиллерійскихъ средствъ обороны.

— Я не заходилъ къ ген. Бѣлому — заявляетъ ген. Стессель.

— Я этого и не говорилъ, возражаетъ свидѣтель — и мнѣ не „кажется“, а это вѣрно, что Рейсъ сказалъ мнѣ, что ему поручено зайти ко всѣмъ членамъ совѣта.

— И я заявляю, запальчиво говоритъ Рейсъ, — что это мнѣ не кажется, а совершенно точно, что я этого генералу Бѣлому не говорилъ.

— А вамъ это было извѣстно? — спрашиваютъ Смирнова.

— Я узналъ это только въ плѣну отъ генерала Бѣлаго. Онъ выражалъ мнѣ удивленіе, что я два часа заставлялъ обсуждать вопросы объ оборонѣ, а не о сдачѣ, полагая, что о предложеніи Стесселя черезъ Рейса я былъ уже предувѣдомленъ.

Генер.-лейтен. Никитинъ.

Свидѣтель волнуется, какъ и при первомъ допросѣ его на судѣ. Отъ того смыслъ его показанія теменъ.

— Какъ вы поняли предложеніе Рейса? — спрашиваютъ его.

— Для меня безразлично... Я и другіе съ такими вотъ жестами (простираетъ руки и отмахивается отъ кого-то) воскликнули: „Не время, не время объ этомъ теперь говорить!“ На восточномъ фронтѣ мы удержались, на западномъ насъ никто еще не трогалъ... Мы еще не въ периметрѣ крѣпости... Стало быть, и рѣчи не могло быть о предѣлѣ...

— Подписывая журналъ, прочитали вы его?

— Несомнѣнно!

Свидѣтелю читаютъ, какъ записано тамъ предложеніе Рейса, предъявляютъ самый журналъ.

— Не помню — говоритъ онъ. — Кажется, этого не было. Полк. Рейсъ, быть можетъ, не успѣлъ высказать свою мысль... Мнѣ рѣшительно все равно... Не сомнѣваюсь, что Рейсу не дали досказать свою мысль, — не сомнѣваюсь...

— Не заходили ли къ вамъ Рейсъ или Стессель? — спрашиваютъ его далѣе.

— Ну, вотъ! — хватается за голову свидѣтель...— Ко мнѣ никто никогда не ходилъ, а если бы и пришли, то не застали бы дома.

Свидѣтель удостовѣряетъ, что переписывалъ журналъ засѣданія совѣта обороны съ черновика, даннаго ему полк. Хвостовымъ; онъ же лично носилъ его членамъ совѣта для прочтенія и подписи. Твердо помнитъ, что Кондратенко и Григоренко передъ подписью его прочитали. **Поручикъ Гаммеръ.**

Судъ переходитъ затѣмъ къ выясненію слѣдующаго обстоятельства, поставленнаго въ обвинительномъ актѣ въ связи со сдачею крѣпости, — къ назначенію ген. Фока, послѣ смерти ген. Кондратенко, начальникомъ сухопутной обороны.

Какъ обставлено было это назначеніе, поясняетъ ген. Смирновъ.

— Около 9 час. вечера 2-го декабря я узналъ, что на форту II-мъ убитъ Кондратенко. Вслѣдъ за симъ ко мнѣ прибылъ полк. Хвостовъ. Я сказалъ ему, что намѣренъ взять на себя руководство обороной восточнаго фронта, сохранивъ за собой и званіе коменданта, а западный фронтъ предоставить Фоку. Тамъ инженерныя работы были еще въ самомъ началѣ, до противника было еще версты полторы... Чтобы не было треній, пошелъ съ Хвостовымъ къ Стесселю. Было часовъ 11 вечера. У Стесселя долго не могъ достучаться: наконецъ, вышелъ его вѣстовой и сказалъ, что генералъ спитъ и не велѣно его будить. Пошелъ къ Фоку. И тамъ встрѣтилъ насъ вѣстовой и сказалъ, что генералъ очень боленъ и въ постели. Сходя съ крыльца дома Фока, встрѣтили его начальника штаба, полк. Дмитревскаго. — „Радъ, что васъ встрѣтилъ“, — сказалъ я ему. — Я хочу васъ посадить до выздоровленія Фока на западный фронтъ, а потомъ вы останетесь тамъ въ роли начальника штаба“. Онъ согласился, и мы уже втроемъ пошли въ штабъ раіона къ полк. Рейсу. У входа встрѣтили какую-то темную фигуру. Это былъ самъ полк. Рейсъ. Я изложилъ ему свои соображенія объ организаціи управленія обороной и просилъ его завтра пораньше доложить объ этомъ Стесселю. Онъ обѣщалъ. **Ген.-л. Смирновъ.**

На другой день, на панихидѣ Кондратенко, Рейсъ сказалъ мнѣ, что доложилъ, и все устроилось, какъ я хотѣлъ, но только съ нѣкоторыми нюансами. Со Стесселемъ послѣ

панихиды мнѣ переговорить не пришлось. Я отправился къ нему на квартиру. Его тамъ не было. Ждалъ часъ и поѣхалъ къ Фоку. Засталъ его совершенно здоровымъ. Изложилъ ему всѣ свои соображенія, онъ со всѣмъ согласился и посовѣтовалъ идти скорѣе къ Стесселю. Пошелъ—снова ждалъ. Наконецъ, дождался. На мой докладъ ему, онъ мнѣ сказалъ, что до сихъ поръ въ руководствѣ сухопутной обороной соблюдалось единоначаліе. Поручая же мнѣ восточный фронтъ, а Фоку западный, надо было бы назначить объединяющее насъ лицо. Это неудобно.—„Вы комендантъ и имъ должны остаться, а начальникомъ сухопутной обороны я назначилъ Фока“,—сказалъ Стессель. Я пытался возражать ему, но онъ рѣзко меня оборвалъ, сказавъ, что онъ приказъ уже отдалъ и что своихъ приказовъ онъ не отмѣняетъ.

Полк. Хвостовъ. Полковникъ Хвостовъ подтвердилъ во всѣхъ частяхъ показаніе ген. Смирнова и добавилъ, что въ тотъ же день приказъ о назначеніи ген. Фока былъ имъ полученъ.

Ген. Рейсъ. Ген. Рейсъ припомнилъ, что ген. Смирновъ, дѣйствительно, заходилъ къ нему въ эту ночь, но подробностей разговора не помнитъ, такъ какъ былъ сильно взволнованъ смертью Кондратенко. О предложеніи Смирнова Стесселю докладывалъ утромъ, но получилъ въ отвѣтъ, что принято уже рѣшеніе назначить Фока.

Ген. Стессель. Ген. Стессель также призналъ, что все, сказанное Смирновымъ, вѣрно, но онъ назначилъ Фока потому, что вѣрилъ въ него, считалъ его храбрымъ, знающимъ дѣло и способнымъ вести оборону.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ. — Сочувствующіе назначенію Фока были (Гандуринъ, Галицинскій, Кириковъ и др.), но общее мнѣніе было противъ Фока. Свидѣтель это послѣднее мнѣніе раздѣлялъ.

Контръ-адмир. Григоровичъ. — Когда былъ назначенъ Фокъ, всѣ стали говорить, что крѣпость долго не продержится. Свидѣтель былъ того же мнѣнія, и слѣдующій фактъ пассивнаго отношенія Фока къ дѣлу обороны еще болѣе укрѣпилъ его въ немъ. Кондратенко, въ день своей смерти, просилъ свидѣтеля, бывшаго командиромъ порта, прислать шанцевый инструментъ. Черезъ нѣсколько дней, свидѣтель увѣдомилъ Фока, что его предмѣстникъ просилъ о присылкѣ шанцеваго

инструмента, что послѣдній готовъ и надо за нимъ прислать. Отвѣта на это онъ, однако, не получилъ. Ждалъ нѣсколько дней—и сообщилъ объ этомъ Смирнову, который и взялъ инструментъ.

Свидѣтель также удостовѣряетъ, что назначеніе Фока произвело на моряковъ дурное впечатлѣніе. Въ каютъ-компаніяхъ стали говорить о скоромъ паденіи крѣпости. Свидѣтель, на основаніи предыдущей дѣятельности Фока, раздѣлялъ это мнѣніе въ полной мѣрѣ.

Контръ-адмир. Лащинскій.

Генералъ *Третьяковъ* и полковникъ *Хвостовъ* показали, что назначеніе Фока было встрѣчено старшими начальниками, какъ дурное предзнаменованіе. Въ военный талантъ Фока они не вѣрили и знали, что онъ всегда заводитъ дрязги. Особенно былъ недоволенъ, по словамъ ген. Третьякова, 5-й полкъ, заплатившій такъ дорого на Цзиньжчоу своею кровью за эти качества Фока.

XIV. 15-е декабря—засѣданіе 14-е.

Оборона и очищеніе форта № II-й. Объясненія подсудимыхъ генераловъ **Смирнова, Фока** и **Стесселя**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго** и **Мехмандарова**, полковниковъ **Хвостова, Григоренко** и **Дмитревскаго**, подполк. **Степанова**, кап. **Кватца** и лейт. **Витгефта** 2-го.

3-го декабря генералъ Фокъ былъ назначенъ начальникомъ сухопутной обороны, а 5-го декабря уже былъ очищенъ нами фортъ № II-й. За нѣсколько мѣсяцевъ обороны крѣпости это была первая утрата нами долговременнаго укрѣпленія.

Какъ будто въ самомъ дѣлѣ начали сбываться зловѣщіе слухи, что назначеніе Фока—начало конца обороны.

Визитъ полк. Рейса къ генералу Бѣлому, неожиданно всплывшій на поверхность судебнаго слѣдствія, визитъ, имѣвшій цѣлью, по словамъ Бѣлаго, подготовить или, во всякомъ случаѣ, позондировать почву, какъ будетъ принято предложеніе Стесселя опредѣлить предѣлъ обороны; возбужденіе вопроса объ этомъ предѣлѣ на совѣтѣ обороны

25-го ноября; упорство Стесселя въ намѣреніи назначить Фока на мѣсто убитаго Кондратенко и, наконецъ, это очищеніе форта № II-й, на которомъ всегда было трудно держаться, но на которомъ держались,—все это, дѣйствительно кажется цѣпью уликъ для обличенія замысла Стесселя, Фока и Рейса прекратить сопротивленіе, сдать крѣпость. Понятно поэтому, что судъ разсматриваетъ это событіе шире рамокъ, очерченныхъ обвинительнымъ актомъ, по которому Фокъ обвиняется только въ томъ, что очистилъ фортъ II-й безъ вѣдома коменданта, т. е. въ превышеніи власти. Судъ хочетъ знать не только, почему ген. Фокъ, минуя своего начальника, коменданта крѣпости, испросилъ разрѣшеніе очистить это укрѣпленіе непосредственно у Стесселя, но и то, могъ ли фортъ еще держаться, что было сдѣлано для его спасенія, когда, при какихъ обстоятельствахъ и кѣмъ именно принято было рѣшеніе и отдано приказаніе очистить фортъ.

По даннымъ предварительнаго слѣдствія, обстоятельства, сопровождавшія очищеніе форта № II-й, а равно и предшествовавшія ему, представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Со времени тѣсной осады крѣпости и послѣ гибели части нашей эскадры, разстрѣлянной съ Высокой горы, всѣ штурмы японцевъ на восточномъ фронтѣ убѣждали въ томъ, что ихъ усилія, главнымъ образомъ, направлены были къ тому, чтобы завладѣть фортами №№ II-й и III-й, укрѣпленіемъ № 3-й и Китайской стѣнкой; эти усилія, по словамъ бывшаго командира 7-го вост.-сиб. стр. арт. дивизіона ген.-м. Мехмандарова, привели къ тому, что къ концу октября 1904 года японцы не только прочно утвердились на гласисахъ фортовъ №№ II-й и III-й, но и фактически владѣли напольными рвами и вели минную войну. Вслѣдствіе такой близости непріятеля, линія огня на этихъ фортахъ постоянно забрасывалась ручными бомбами и минами, день и ночь обстрѣливалась ружейнымъ огнемъ—съ гласисовъ и артиллерійскимъ—съ среднихъ и дальнихъ дистанцій; все это дѣлало положеніе стрѣлковъ на линіи огня донельзя тяжелымъ, и стрѣлки находили укрытіе за ретраншаментомъ, оставляя на линіи огня однихъ часовыхъ; вотъ почему еще съ конца октября эти форты лишены были самообороны, а оборона ихъ лежала на обязанности артиллеріи; такъ, оборона форта № II-й возложена была на бата-

ренъ Малаго Орлинаго Гнѣзда, лит. Б, Заредутную и Волчью Мортирную, а также на скорострѣльныя пушки, стоявшія между Малымъ Орлинымъ Гнѣздомъ и лит. Б. Положеніе этого форта становилось съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, матеріальнаго значенія онъ для насъ уже не имѣлъ, и отстаиваніе его при генералѣ Кондратенко вытекало изъ чисто моральнаго принципа. Съ утра 5-го декабря японцы стали сильно бомбардировать фортъ № II-й, а около 11 час. утра произвели на брустверѣ его три взрыва, послѣ чего приступили къ обстрѣливанію форта; гарнизонъ не въ состояніи былъ долѣе его удерживать за собою, вслѣдствіе чего, по приказанію генерала Фока, около 11 часовъ вечера указаннаго 5-го декабря фортъ № II-й былъ нашими войсками очищенъ и взорванъ.

Первымъ допрашивается бывшій начальникъ обороны восточнаго фронта г.-м. Горбатовскій. **Генер.-маіоръ Горбатовскій.**

— Съ самаго утра 5-го декабря японцы начали усиленно бомбардировать фортъ № II-й. Около 1 часу дня они произвели три взрыва... Я тотчасъ же послалъ на фортъ роту изъ резерва и спросилъ по телефону начальника отдѣла обороны подполковника Глаголева, занятъ ли напольный фасъ форта. Получилъ въ отвѣтъ, что рота задержана ген. Фокомъ, который находитъ необходимымъ сперва подготовить атаку напольнаго фаса огнемъ, а потомъ взять его открытой силой. Я былъ несогласенъ съ этимъ, но подчинился. Около 3-хъ часовъ я получилъ по телефону, черезъ кого—не знаю, увѣдомленіе, что ген. Фокъ рѣшилъ очистить фортъ II-й и взорвать его. Я лично чувствовалъ, что это должно было не сегодня, завтра случиться. Это былъ фортъ—смерти... Но удержаніе его имѣло моральное значеніе. И мнѣ было очень горько, что это приказаніе было отдано по телефону. Объ этомъ долженъ былъ бы знать только я да Фокъ, а теперь знали и другіе, что сдача форта предрѣшена. Это должно было отразиться на стойкости его гарнизона. У меня даже вырвалось, стоя у телефона;—„Господи, да развѣ можно такія распоряженія отдавать по телефону!“

Вечеромъ Глаголевъ мнѣ донесъ, что добраться до напольнаго фаса нельзя. Противникъ закидываетъ насъ бомбочками. Считая, что съ окончательной потерей напольнаго

фаса держать фортъ нельзя, я доложилъ объ этомъ коменданту. Около 7 ч. веч. или позже я получилъ отъ ген. Фока телефонограмму. Онъ сообщалъ мнѣ, что ген. Стессель приказалъ очистить фортъ и взорвать его.

Но такъ какъ полк. Мехмандаровъ и кап. Степановъ, посланные на Большое Орлиное Гнѣздо, доложили, что напольный фасъ противникомъ еще не занятъ и что они видѣли, какъ на немъ, около воронки взрыва, работаютъ 1 японскій офицеръ и 3 солдата, то мнѣ предоставляется держать фортъ *по возможности.*

— Однако Глаголевъ доносилъ мнѣ, что положеніе форта критическое, поэтому около 9 ч. веч. я рѣшилъ фортъ очистить. Донесъ объ этомъ Фоку и присовокупилъ, что самъ туда ѣду для отдачи соотвѣтствующихъ распоряженій. На фортъ сообщилъ, чтобы приступили къ работамъ по очисткѣ и взрыву форта и выноскѣ раненыхъ, но до полнаго окончанія ихъ форта не очищали и что я самъ туда ѣду. Запросилъ н-ка инженеровъ, когда могутъ быть окончены подрывныя работы. Сказали—около 2—3 часовъ ночи. У меня, стало быть, было еще время... Подъѣзжаю къ штабу Глаголева, около Куропаткинскаго люнета, и вижу: навстрѣчу мнѣ въ темнотѣ идетъ куча людей... человѣкъ 40—50.— „Откуда? Куда?..—„Съ форта второго“... Приказалъ имъ немедленно вернуться на фортъ, но изъ толпы кто-то сказалъ, что фортъ уже взорванъ... Я былъ пораженъ... Было 11 час. вечера, а мнѣ сказали, что работы кончатъ къ 3-мъ часамъ. Однако подошелъ Глаголевъ и подтвердилъ мнѣ, что фортъ очищенъ. Некогда было вступать съ нимъ въ объясненія и пререканія по этому поводу. Я приказалъ гарнизону форта II-го идти на Куропаткинскій люнетъ, занять тамъ окопы и углубить ихъ, чтобы отгородиться отъ II-го форта. Затѣмъ подошелъ и шт.-кап. Кватцъ. Это хорошій, дѣльный офицеръ. Въ день сдачи онъ сталъ комендантомъ форта. Раньше былъ шт.-кап. Флоровъ, беззавѣтно храбрый человѣкъ, державшій фортъ 46 дней въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ 5-го декабря, и уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ 2-го декабря, когда погибъ Кондратенко. Я думая, что будь онъ, Флоровъ, въ этотъ день на форту, напольный фасъ былъ бы занятъ своевременно и мы на форту еще удержались.

бы. Послѣ Флорова былъ Мацкунасъ, но онъ скоро былъ раненъ. Назначили Кватца, который лечился въ госпиталѣ; но я просилъ его прибыть—и онъ явился.

— Полагая, что Кватцъ самовольно оставилъ фортъ, я набросился на него, но онъ предъявилъ мнѣ записку Глаголева о взрывѣ и очищеніи форта. Спросить у Глаголева объясненій относительно этой записки мнѣ не пришлось, такъ какъ онъ, будучи посланъ мною занять Куропаткинскій люнетъ, былъ раненъ и скоро умеръ... Я былъ удивленъ еще и тѣмъ, что не слыхалъ взрыва на форту. Но взрывавшій его шт.-кап Адо доложилъ мнѣ, что фортъ онъ взорвалъ. На другой день утромъ я осматривалъ издали фортъ; я замѣтилъ, что казарма покосилась, но не была сильно разрушена, а за ночь японцы укрѣпили горжевую часть форта.

— Какова была сила гарнизона форта II-го?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Трудно отвѣтить на это.

Мнѣ говорили, что въ моментъ очищенія форта оставалось человѣкъ 20, но я встрѣтилъ толпу въ 40—50 человѣкъ.

— Въ чемъ выразилось участіе ген. Фока?

— Онъ прибылъ самъ на участокъ къ штабу Глаголева. Въ распоряженіи очистить фортъ ген. Фокъ ссылался на приказаніе Стесселя.

— А вы были въ этотъ день на форту?—спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ ген. Фока.

— Не былъ.

— Стало быть, вы рѣшили взорвать фортъ на основаніи лишь донесеній?

— Да.

— Но вѣдь вамъ предписано было удерживать брустверъ?

— Безусловно—нѣтъ.

— Но въ телефонограммѣ отъ 7 час. 40 м. веч. было сказано; „если японцы уйдутъ, то укрѣпитесь за брустверомъ“...

— Да, „если уйдутъ“!..—возражаетъ свидѣтель.

— Но я хочу этимъ сказать, что въ 7 ч. 40 м. веч. у Фока не было мысли очищать фортъ.

— Мысль объ очищеніи форта II-го явилась у Фока давно. Она была высказана еще въ его „замѣткахъ“, а 5-го де-

кабря, въ 1 ч. дня, я получилъ отъ него приказаніе очистить форт...

— А вы сами не докладывали ген. Кондратенко еще 2-го декабря, что нужно взорвать на форту галлерею? — продолжаетъ допрашивать свидѣтеля защитникъ Фока.

— Кондратенко былъ у меня 1-го декабря, 2-го — онъ у меня не былъ. Отправляясь на фортъ II-й, онъ не взялъ меня съ собою, чтобы не быть убитыми вмѣстѣ.

— Но вы ему въ 6 ч. 45 м. веч. 2-го декабря писали: „въ случаѣ если японцы займутъ галлерею, то лучше взорвать эту часть...“.

– Да, но вѣдь „въ случаѣ если займутъ...“.

Ген.-лейт. Фокъ. Поднимается подсудимый и дастъ свое объясненіе.

– Ген. Горбатовскому извѣстно, что въ моментъ взрыва на форту, я былъ въ своемъ штабѣ. Ѣхать на фортъ надо было нѣсколько верстъ подъ самымъ сильнымъ огнемъ. Поэтому, когда я пріѣхалъ къ Глаголеву, время было пропущено. Горбатовскій говоритъ, что я остановилъ роту, посланную для поддержки форта. Этого быть не могло. Подъ адскимъ огнемъ нельзя было останавливаться. Было вотъ какъ: я все это время лично вливалъ резервы, а не задерживалъ ихъ. Когда солнце уже закатилось, вижу—пѣтъ резерва. Огонь противъ форта II-го стихъ, зато на Куропаткинскомъ люнетѣ—адъ. Пользуясь затишьемъ, я продвинулся впередъ!... До входа на фортъ оставалось шаговъ 200. Спускъ въ ходъ сообщенія градусовъ въ 35 былъ набитъ мертвыми тѣлами и ранеными. Буквально набитъ. Стонъ стоялъ невыразимый... Велѣлъ по телефону прислать бамбуковыя лѣстницы, отнятыя у японцевъ. Прислали. Но сообщеніе съ фортомъ можно было установить все-таки черезъ отдѣльныхъ людей. Я выбралъ для этого моряковъ... Отчаянный народъ! Тѣмъ, кто возвращался, давалъ Георгіевскій крестъ. Послѣ заката солнца рѣшилъ, что фортъ надо очистить. Пошелъ къ Стесселю, доложилъ и получилъ его согласіе на это. Когда узналъ, что только четыре японца вѣнчаютъ воронку взрыва, не повѣрилъ, но сдѣлалъ видъ, что вѣрю, и предоставилъ усмотрѣнію Горбатовскаго удерживать фортъ или его очистить. Въ 9 ч. 35 м. веч. онъ самъ мнѣ донесъ,

что сдѣлалъ распоряженіе о взрывѣ форта. Я еще днемъ видѣлъ неосновательность его донесенія...

Ген. Стессель.

- Еще въ ноябрѣ, когда былъ живъ Кондратенко, я приказалъ подготовить ко взрыву нѣкоторые форты и укрѣпленія. Коменданту это было извѣстно Когда 5-го декабря Фокъ доложилъ мнѣ, что фортъ II-й въ критическомъ положеніи, что люди гибнутъ сотнями, что пушки подбиты, я и сказалъ ему: „извольте сдѣлать то, что было приказано".

— Почему вы не увѣдомили объ этомъ коменданта?

— Зачѣмъ же?—удивляется Стессель.—Я начальникъ. Фокъ былъ назначенъ мною.

— Но субординація существуетъ?—спрашиваетъ подсудимаго членъ суда, бар. Остенъ-Сакенъ.

— Существуетъ.

— Почему же вы миновали эту субординацію?

— Время было такое. Во время своей службы я видѣлъ, что многіе это дѣлали,—и много разъ...

Предлагаютъ дать объясненія Смирнову.

Генер.-лейтен. Смирновъ.

— Когда вы узнали о сдачѣ форта II-го? — спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Около часу или двухъ ночи—отъ начальника своего штаба. На слѣдующій день ко мнѣ явился Фокъ, при шарфѣ, и рапортовалъ о своемъ назначеніи начальникомъ сухопутной обороны. Я спросилъ его, почему онъ сдалъ фортъ II-й. Онъ отвѣтилъ:—„по приказанію ген. Стесселя".—„Пока Царскимъ велѣніемъ я комендантъ крѣпости и вы *мнѣ* подчинены",—возразилъ я Фоку. Онъ сталъ оправдываться тѣмъ, что искалъ меня на Дачныхъ мѣстахъ и не нашелъ.—„Я всегда на своей квартирѣ",—сказалъ я ему...—„Виноватъ, виноватъ"... сталъ бормотать Фокъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ мнѣ докладъ о Куропаткинскомъ люпетѣ и вернулся къ вопросу о сдачѣ форта II-го. Я сказалъ ему, что хотя фортъ этотъ тактическаго значенія не имѣлъ, но моральное—большое. Фокъ мнѣ на это возразилъ, что на примѣрѣ этого форта защитники другихъ укрѣпленій убѣдятся, что ихъ не бросаютъ на избіеніе, и выразилъ сожалѣніе, что въ Академіи Ген. Штаба не изучаютъ психологіи, и я съ ней, видимо, не знакомъ... При этомъ разговорѣ были полковники Хвостовъ и Григоренко. Я дѣлалъ замѣчаніе Фоку въ такой

рѣзкой формѣ, что онъ не имѣлъ основаній принять его иначе, какъ за выговоръ.

— Послѣ сдачи форта II-го я послалъ главнокомандующему донесеніе, что фортъ сданъ безъ моего вѣдома, и просилъ его или отозвать меня, или предоставить мнѣ полноту власти по оборонѣ крѣпости, не ручаясь въ противномъ случаѣ за ея исходъ... Еще 4-го декабря ген. Фокъ вывелъ съ форта II-го роту 25-го полка шт.-кап. Акимова и мнѣ объ этомъ не донесъ. Между тѣмъ я придавалъ большое значеніе численности гарнизона при первомъ столкновеніи... 14-го декабря послѣдовалъ приказъ по укрѣпленному раіону, въ которомъ ген. Фоку объявлена благодарность за порядокъ при очищеніи форта и все это дѣло представлено, какъ подвигъ.

— А когда очищали Высокую, Плоскую и Дивизіонную горы, спрашивалъ ли вашего разрѣшенія ген. Кондратенко?

— Да, Кондратенко меня спрашивалъ. Я сказалъ ему, что Высокую мы передержали, но нужно сдѣлать еще одну попытку ее удержать—и далъ ему самое лучшее, что было у меня въ резервѣ—роту „баянцевъ“. Когда же и эта попытка не удалась, то я сказалъ Кондратенко: „отводите съ Высокой войска, но на Дивизіонной держите сторожевое охраненіе для декораціи. Этого однако, сдѣлано не было—и Кондратенко извинялся, что не дослышалъ или не понялъ моего приказанія, такъ какъ былъ сильно утомленъ...

Оглашается приказъ по укрѣпленному раіону, отъ 14-го декабря 1904 г., № 961 объ очищеніи форта II-го.

По поводу его дастъ свои объясненія ген. Стессель.

— Я и теперь считаю эта дѣло подвигомъ, говоритъ онъ. Теперь я знаю изъ японскихъ источниковъ, что въ этотъ день на фортъ велась атака двумя полками, и въ японской арміи взятіе форта II-го отъ кучки защитниковъ признается подвигомъ. Тѣмъ болѣе мы должны признавать его таковымъ. И я не знаю, признаетъ ли и теперь ген. Смирновъ, что я имѣлъ право приказать очистить фортъ... Имѣлъ!!..— отвѣчаетъ онъ самъ себѣ, сильно волнуясь.—Имѣлъ!.. Я велъ оборону!!.. Я былъ начальникомъ!!!

— Но признаете ли вы, что и—къ сухопут. обороны обязанъ былъ доложить коменданту о полученномъ отъ васъ приказаніи?—спрашиваетъ его бар. Остенъ-Сакенъ.

— Не знаю... отвѣчаетъ раздраженно Стессель.

— Да вы-то какъ это понимали: долженъ или нѣтъ?

— Не знаю...

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Свидѣтель вмѣстѣ съ ген. шт. капитаномъ Степановымъ наблюдалъ съ Б. Орлинаго Гнѣзда за ходомъ боя на II-мъ форту. Фортъ былъ видѣнъ весь, какъ на ладони. За ретраншаментовъ виднѣлось нѣсколько человѣкъ, за казематами—поршневое орудіе поручика Голдина... Видна была и воронка отъ взрыва горна подъ брустверомъ. Съ нашей стороны не было попытки забросать ее мѣшками. Два, три японца вѣнчали ее... Свидѣтель распорядился открыть огонь по ней. Онъ полагаетъ, что положеніе форта было очень трудное, но удержать его было можно...

Полковникъ Хвостовъ.

Бывшій начальникъ штаба крѣпости подтверждаетъ объясненія, данныя комендантомъ.

— Когда возникла мысль о минированіи фортовъ и какъ относился къ этому ген. Смирновъ?—спрашиваютъ его.

— Это распоряженіе было сдѣлано Стесселемъ ранѣе. Комендантъ протестовалъ, находя, что это дурно отзовется на духѣ гарнизона. Кондратенко также этому не сочувствовалъ.

Ген. шт. подполк. Степановъ.

Бывшій начальникъ штаба восточнаго фронта подтверждаетъ показанія, данныя генералами Мехмандаровымъ и Горбатовскимъ. По его словамъ, уже съ конца ноября фортъ былъ въ тяжеломъ положеніи. Японцы давно присосались къ нему, гласисъ былъ въ ихъ рукахъ; переходъ черезъ ровъ—также. Минная война подъ брустверомъ—въ полномъ ходу. Положеніе такъ ухудшилось, что Кондратенко сталъ каждый день бывать на немъ. 4-го декабря свидѣтель донесъ въ штабъ сухопут. обороны, что японцами кончена забивка минъ; это значило, что судьба форта могла рѣшиться каждую минуту. 5-го декабря, въ 1 ч. 35 м. дня, донесли, что фортъ взорванъ. Свидѣтель провѣрилъ это и убѣдился, что, несмотря на взрывы, часовые наши все еще стоятъ за брустверомъ. Тогда послали на фортъ изъ резерва большую морскую роту. Свидѣтель спрашивалъ по телефону о положеніи форта Глаголева, но тотъ отвѣчалъ уклончиво, что свидѣтеля удивляло, такъ какъ это былъ отличный, энергичный офицеръ... Донесенія отъ него

также стали получаться все рѣже... И вотъ, въ 7 час. 40 мин. веч. получена была телефонограмма ген. Фока о томъ, что Стессель разрѣшилъ очистить фортъ...

- А ранѣе не было такого распоряженія?—спрашиваютъ Степанова.

— Нѣтъ; знаю только, что по какому-то поводу Горбатовскій, находясь у телефона, сказалъ:—„развѣ можно передавать такія приказанія по телефону?!.“

Полковникъ Дмитревскій. Бывшій начальникъ штаба ген. Фока и по этому вопросу не даетъ ничего опредѣленнаго въ своемъ показаніи.

– Послѣ взрыва на форту японскихъ горновъ, Фокъ поѣхалъ къ форту, къ блиндажу Глаголева, и оттуда дѣлалъ распоряженія.

— Какія?

— Не помню... Я оставался въ штабѣ и связь со мной поддерживалась черезъ ординарца.

Полковникъ Григоренко. Бывшій начальникъ инженеровъ крѣпости показываетъ, что ген. Стесселемъ еще при жизни ген. Кондратенко приказано было минировать форты II-й и III-й, укрѣпленіе 3-е и батарею Б. Комендантъ крѣпости былъ противъ этого, а комендантъ II-го форта прямо сказалъ, что не позволитъ внести заряды на фортъ, такъ какъ тогда ему не удержать на немъ людей, которые будутъ нервничать въ постоянномъ ожиданіи взрыва форта отъ каждаго непріятельскаго снаряда. Пришлось ограничиться тѣмъ, что приготовили лишь камеры для зарядовъ, а послѣднихъ не клали. Около 7 час. вечера 5-го декабря кап. Степановъ далъ свидѣтелю знать, что надо подготовить фортъ II-й ко взрыву. Послалъ туда шт.-кап. Адо и донесъ въ штабъ, что работы будутъ закончены къ 3—4 часамъ утра. Однако около 11 час. вечера мнѣ сообщили, что фортъ уже очищенъ и взорванъ. На другой день я осматривалъ издали фортъ. Напольный брустверъ былъ цѣлъ, а офицерскій флигель разрушенъ и входъ на фортъ также. Въ общемъ—разрушенія не сильныя. Впечатлѣніе отъ очищенія форта было скверное.

Затѣмъ даютъ показанія сами доблестные защитники форта—шт.-кап. Кватцъ и лейтенантъ Витгефтъ 2-й.

Штабсъ-капит. Кватцъ.

— 4-го декабря, находясь въ госпиталѣ, я получилъ записку о назначеніи меня комендантомъ II-го форта. Рано утромъ 5-го числа отправился; явился начальнику отдѣла обороны подполков. Глаголеву, который мнѣ сказалъ, что ген. Фокъ приказалъ уменьшить резервъ на форту, такъ какъ вечеромъ онъ будетъ очищенъ, а до тѣхъ поръ его надо держать. Это было около 8 часовъ утра 5-го декабря. На форту я никому объ этомъ не говорилъ. Около 1 часу дня произошелъ взрывъ японскаго горна подъ брустверомъ. Оставивъ на немъ часового, я отвелъ гарнизонъ—40—60 чел.—за траверсъ. Вслѣдъ за взрывомъ группа японцевъ бросилась на брустверъ. Мы встрѣтили ихъ огнемъ и отбили. Послѣдовалъ второй взрывъ—и новая группа японцевъ бросилась на фортъ... Она погибла какъ и первая, частью отъ взрыва, частью отъ нашего огня. Вѣнчать ворошку намъ было невозможно. Не было мѣшковъ, да и людей было мало. Одно время у меня за траверсомъ было только 4 человѣка. Къ тому же фортъ сильно осѣлъ. Въ это время получаю записку отъ Глаголева: по приказанію ген. Горбатовскаго занять брустверъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщано прислать 100 бомбочекъ и моряковъ изъ резерва. Приказываю занять брустверъ. Но японцы начинаютъ стрѣлять воздушными минами... У меня сразу выбываетъ 18 человѣкъ. Разрушенія отъ минъ страшныя. Подходитъ Витгефтъ съ моряками и дѣлаетъ попытку занять брустверъ... Безуспѣшно. Страшныя потери въ людяхъ. Я запрещаю Витгефту повторять ее. Около 3-хъ часовъ дня получаю отъ Глаголева вторую записку: „держитесь до вечера, фугасы пришлютъ, взрывать по приказанію Стесселя“... Когда стемнѣло, японцы стали прыгать черезъ брустверъ и прятаться въ ямахъ отъ взрыва. Отбиваемся бомбочками. Часовъ въ 9 вечера явился Адо и сказалъ, что пришелъ взрывать фортъ. Отвѣтилъ ему, что безъ приказанія не позволю. Черезъ полчаса получилъ третью записку Глаголева: взорвать [1])... Стали выносить ра-

---

[1]) Всѣ три записки представлены Кватцемъ суду. Всѣ онѣ адресованы „коменданту форта № II-й“; даты времени ихъ отправленія и полученія не имѣютъ; писаны карандашомъ. Вотъ ихъ содержаніе:

1. „Генералъ Горбатовскій приказалъ категорически занять передній брустверъ, что можно сдѣлать съ посылаемыми моряками. Если по Ва-

неныхъ... Нѣсколько разъ просилъ прислать мнѣ санитаровъ. Отвѣта не было. Выносили на шинеляхъ, на ружьяхъ. Поручикъ Голдинъ вынулъ замокъ у своего поршневого орудія. Витгефтъ взялъ пулеметъ. Убитыхъ оставилъ на форту. Ушелъ съ 21 человѣкомъ. Меня вели подъ руки... Я былъ очень слабъ... Еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. По дорогѣ встрѣтилъ Горбатовскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что завтра,—6-го декабря,—Царскій день, а онъ вынужденъ отдать меня подъ судъ за самовольное оставленіе форта. Я показалъ ему записку Глаголева.—„Ну, ваше счастье“, сказалъ тогда Горбатовскій. Будучи на форту, я просилъ ген. Горбатовскаго прибыть на фортъ и дать мнѣ непосредственно указанія, но отвѣта не получилъ.

— А я не получилъ записки Кватца, объясняетъ суду Горбатовскій [1]).

Лейтенантъ Витгефтъ 2-й.

— Около 12 час. дня я получилъ отъ подполк. Глаголева приказаніе идти съ ротою на Куропаткинскій люнетъ, но въ это время на форту № II-й раздался взрывъ и мнѣ приказано немедленно идти на фортъ. Я отправился съ 60 человѣками, ходъ сообщенія былъ разрушенъ, огонь сильнѣйшій; во время перехода я потерялъ почти половину людей и довелъ только 38 чел. На форту брустверъ былъ уже уничтоженъ, оставались по концамъ его

шему мнѣнію, этого будетъ недостаточно, то черезъ мичмана Витгефта можете потребовать еще съ Куропаткинскаго люнета. Посылаю 100 бомбочекъ — выбивайте ими. Дѣйствуйте *немедленно*, не давайте японцамъ устроиться. Подполковникъ Глаголевъ“.

2. „Бомбочки и фугасы будутъ присланы съ первымъ наступленіемъ темноты. Къ тому же времени будутъ подведены резервы, чтобы дать возможность заложить фугасы въ казематахъ; взрывать ихъ послѣдуетъ особое распоряженіе генерала Стесселя. Держитесь до послѣдней возможности, съ темнотой пришлю веревочныя лѣстницы. Подполковникъ Глаголевъ“.

3. „Прошу немедленно распорядиться о скорѣйшемъ выносѣ раненыхъ и убитыхъ съ форта № II-й; держитесь за вторымъ брустверомъ до конца выноса раненыхъ и закладки фугасовъ. Подполковникъ Глаголевъ“.

[1]) Изъ письма г-жи Ел. Витгефтъ въ „Нов. Вр.“ мы знаемъ, что послѣ оглашенія въ печати показанія шт.-кап. Кватца, Тамбовское дворянство почтило этого доблестнаго офицера адресомъ.

только два кусочка. Японцы били по ретраншаменту и по подступамъ, повторяли непрерывно атаки; мы сбивали ихъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Около 2—3 часовъ дня я получилъ приказаніе выбить японцевъ съ бруствера. Взявъ съ собой всѣхъ своихъ людей, человѣкъ 30, повелъ ихъ въ атаку, но попавшей миной почти всѣ они были уничтожены: осталось лишь 3 человѣка. Отступилъ... Скоро приходитъ унтеръ-офицеръ и сообщаетъ, что идетъ атака съ горжи и что кап. Кватцъ отражаетъ ее. Съ наступленіемъ темноты я хотѣлъ сдѣлать попытку отбить ретраншаментъ, но огонь былъ до такой степени силенъ, что едва я успѣлъ вывести людей, какъ новая мина ударила въ пулеметъ и осколками его снова всѣхъ ихъ уничтожила — остался я и одинъ матросъ. Самъ я получилъ контузію, много мелкихъ ранъ и потерялъ сознаніе. Когда очнулся, для меня было ясно, что фортъ долѣе держаться не можетъ, ретраншаментъ сталъ разваливаться. Раненыхъ было столько, что они устилали все свободное пространство; подавать помощь имъ было некому. Кап. Кватцъ запретилъ дѣлать новыя попытки идти на брустверъ, такъ какъ оставшихся людей и на полчаса не хватило бы. Пришелъ прапорщикъ Семеновъ со взводомъ, но при входѣ онъ былъ раненъ, а изъ 72 его солдатъ вскорѣ осталось 9. Тогда кап. Кватцъ послалъ записку съ просьбой о поддержкѣ, иначе черезъ полчаса никого не останется, и просилъ ген. Горбатовскаго прибыть лично на фортъ. Черезъ нѣсколько времени получился отвѣтъ, что резервовъ больше нѣтъ и чтобы держались до утра; вслѣдъ за ней другая записка—выносить раненыхъ. Въ 9½ часовъ вечера пришелъ шт.-кап. Адо и осмотрѣлъ фугасы; оказалось, что ихъ можно взорвать только бикфордовымъ шнуромъ, но его было только на полминуты горѣнія. Въ 11¼ часовъ ночи все было готово ко взрыву. Вынули замокъ изъ старой китайской пушки, вынесли пулеметы, 7 снарядовъ, а консервы разложили по карманамъ,—болѣе ничего не оставалось. Распоряжаться взрывомъ поручили мнѣ. Послѣ заложенія бикфордова шнура, по свистку, солдаты должны были зажечь шнуръ и бѣжать. Гарнизонъ вышелъ въ составѣ 18 человѣкъ. Едва пробѣжали шаговъ сто, начались взрывы; ихъ было не менѣе четырехъ, одинъ былъ очень сильный, въ воздухѣ летали

куски бетона и падали около насъ. Отойдя, вспомнили, что не взорвали моста; онъ вцѣлъ на одной балкѣ. Заурядъ-прапорщикъ Колесниковъ и нѣсколько охотниковъ-матросовъ вернулись и взорвали мостъ.

— Могъ ли фортъ еще держаться?—спрашиваютъ свидѣтеля.

— Форта не существовало... А если бы каждый часъ посылали по 40—50 человѣкъ резерва,—отвѣчаетъ лейт. Витгефтъ,—то мѣсто, гдѣ былъ фортъ, можно было бы держать, какъ всякое другое мѣсто. Форта же, повторяю, не было.

— Сколько человѣкъ потребовала оборона форта № II-й?

— Со 2 до 5 декабря,—отвѣчаетъ лейт. Витгефтъ,—на форту было истреблено 570 человѣкъ, при чемъ на 5-е число приходится 400.

XV. 17-е декабря.—Засѣданіе 15-е.

Военный совѣтъ 16-го декабря 1904 г.—Объясненія подсудимыхъ, генераловъ **Смирнова** и **Рейса**. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Голованя**, полковниковъ **Дмитревскаго, Гандурина, Хвостова, Григоренко,** к.-ад. **Вирена,** ген.-м. **Семенова** и от. ген.-м. **Петруши.**

Черезъ 10 дней послѣ очищенія II-го форта, 15 декабря 1904 г. палъ и другой фортъ—№ III-й. Говорятъ, защитники его, послѣ взрыва бруствера, не проявили уже той энергіи и упорства въ оборонѣ ретраншамента, какъ это было на форту II-мъ. Все это вмѣстѣ взятое побудило ген. Стесселя на другой же день послѣ паденія форта III-го, 16 декабря, собрать военный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, на который прибыли: генералы Смирновъ, Фокъ, Горбатовскій, Надѣинъ, Никитинъ и Бѣлый, контръ-адмиралы—Вирепъ и Лащинскій, полковники—Ирманъ, Мехмандаровъ, Рейсъ, Савицкій, Семеновъ, Грязновъ, Петруша, Григоренко, подполковники—Гандуринъ, Дмитревскій, Хвостовъ, Некрашевичъ-Покладъ и ген. шт. капитанъ Головань.

Обстоятельства, при которыхъ совѣтъ этотъ былъ созванъ, и мнѣнія, которыя на немъ были высказаны, и были предметомъ судебнаго слѣдствія 17-го декабря 1908 года, ровно черезъ 3 года послѣ этого событія.

Генералъ-лейт. Смирновъ.

Первымъ даетъ свое показаніе комендантъ крѣпости.

— Когда мы собрались, ген. Стессель предложилъ намъ совершенно откровенно высказать свое мнѣніе о настоящемъ положеніи крѣпости и указать мѣры, которыя надлежитъ принять въ будущемъ. Начали высказываться съ младшаго,— капитана Голованя. Онъ высказался за продолженіе обороны. Дмитревскій указалъ на недостатокъ снарядовъ и невозможность потому ожидать успѣха въ дальнѣйшей борьбѣ. Гандуринъ выразилъ мнѣніе, что при настоящемъ состояніи войскъ и укрѣпленій борьба невозможна и безцѣльна. Полковники Савицкій, Покладъ и Грязновъ сказали лишь, что теперь защита трудна. Полковникъ (нынѣ генералъ) Рейсъ произнесъ довольно длинную рѣчь, клонившуюся къ тому, чтобы доказать, что миссія Артура кончилась. Крѣпость должна была служить убѣжищемъ флота,—флотъ пересталъ теперь существовать; другой ея задачей было облегчить сосредоточеніе манчжурской арміи,—армія, вѣроятно, уже сосредоточилась. Теперь Портъ-Артуръ болѣе не нуженъ. Дальнѣйшая его защита можетъ привести лишь къ безцѣльной рѣзнѣ на улицахъ. Всѣ остальные участники совѣта, за исключеніемъ Фока, высказались за дальнѣйшую оборону крѣпости, находя ее хотя и трудной, но возможной. При этомъ ген. Бѣлый указалъ на ошибочность взгляда, будто мало снарядовъ. По его словамъ, ихъ должно было хватить еще на два большихъ штурма. Самъ я сказалъ приблизительно слѣдующее: „По существующимъ правиламъ, въ каждой крѣпости должна быть Высочайше утвержденная инструкція, категорически опредѣляющая цѣль и назначеніе крѣпости. На основаніи такой инструкціи, комендантъ въ каждый періодъ войны можетъ судить, въ какой мѣрѣ крѣпость выполнила свое назначеніе. Къ сожалѣнію, Портъ-Артуръ такой инструкціи не имѣетъ, и о задачахъ его намъ приходится судить самимъ. Одна изъ такихъ задачъ уже нами исполнена, вслѣдствіе гибели флота; другая задача—прикрывать армію или содѣй-

ствовать ея стратегическому развертыванію—еще нѣтъ... Но каково бы ни было на этотъ счетъ мнѣніе,—положеніе объ управленіи крѣпостями категорически требуетъ отъ насъ вести оборону крѣпости до полнаго истощенія силъ и средствъ, чего у насъ еще не наступило... Если число защитниковъ уменьшилось втрое, число орудій—наполовину, а продовольствіе—съ года на мѣсяцъ, то это нужно считать положеніемъ нормальнымъ для крѣпости малой. Сейчасъ, считая раненыхъ и населеніе вмѣстѣ, численность послѣдняго достигаетъ 20 тыс., продовольствія осталось на $1^1/_2$ мѣсяца, полигонъ крѣпости—прежній; хотя гарнизонъ не отвѣчаетъ протяженію линіи фортовъ, но у насъ есть двѣ запасныхъ полевыхъ позиціи, которыя, въ крайности, можно очистить; это—Ляотешань и Сигнальная горка. Если защитниковъ останется еще меньше, можно перейти на внутреннія линіи. На 2-й линіи можно держаться съ недѣлю. Затѣмъ мы можемъ держаться на 3-й линіи: когда же гарнизонъ сократится хотя бы до 3 тысячъ, можно оборонять съ нимъ внутренность Стараго города... Сдача можетъ быть вызвана только истощеніемъ запасовъ продовольствія".

Признавая важность Китайской стѣны, ген. Смирновъ полагалъ держать ее до послѣдней возможности, хотя бы для этого потребовалось ослабить оборону остальныхъ участковъ

— Въ заключеніе ген. Стессель призналъ желаніе держать крѣпость почти единодушнымъ,—„т. е. совсѣмъ единодушнымъ,—поправился онъ,—какъ и подобаетъ русскимъ воинамъ". И мы всѣ разошлись—убѣжденные, что дальнѣйшая оборона обязательна... Открывая же засѣданіе совѣта, ген. Стессель сказалъ, что прочтетъ въ концѣ его записку Фока—и я видѣлъ ее у него въ рукахъ,—но записка осталась непрочитанной.

— Каково было мнѣніе Фока, высказанное на совѣтѣ?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Уклончивое... Онъ особенно расхваливалъ выносливость солдатъ.

— А сколько войскъ, по вашему мнѣнію, можно было взять съ Ляотешаня?—спрашиваетъ Смирнова защитникъ Стесселя...

— Около тысячи человѣкъ.

— На этотъ вопросъ лучше всего намъ можетъ отвѣтить начальникъ участка, подполковникъ Романовскій,—замѣчаетъ Фокъ.

— А можно ли было ожидать прорыва на лѣвомъ флангѣ? Вѣдь, по слухамъ, въ Голубиной бухтѣ собирались двѣ девизіи японцевъ,—спрашиваетъ Вельяминовъ.

— Хотя это и относится къ курсу тактики,—отвѣчаетъ Смирновъ,—но скажу, что на западномъ фронтѣ прорывъ не имѣлъ для насъ значенія, да и былъ невѣроятенъ. Все наше вниманіе должно было быть обращено на Восточный фронтъ.

Генер.-маіоръ Рейсъ.

— На какомъ основаніи вы считали, что—разъ флота нѣтъ, то роль Артура кончена?—спрашиваетъ подсудимаго прокуроръ.

— Мнѣ кажется, что это не нуждается въ разъясненіи. Факты говорили за себя. Эскадры не было,—отвѣчаетъ Рейсъ.

— Вы имѣли на это какія-либо указанія, инструкціи?

— Нѣтъ.

— Откуда вамъ извѣстно также, что сосредоточеніе арміи было закончено?

— Мнѣ казалось, что это должно было быть такъ послѣ 11 мѣсяцевъ кампаніи. На это есть, наконецъ, указанія въ телеграммахъ Куропаткина.

О происхожденіи журнала военнаго совѣта, никѣмъ изъ членовъ его не подписаннаго, а лишь завѣреннаго имъ самимъ, ген. Рейсъ показалъ, что составилъ его начисто въ день совѣта вечеромъ по черновымъ запискамъ, веденнымъ въ засѣданіи.

Защитникъ ген. Смирнова, кап. 2-го ранга фонъ-Шульцъ считаетъ нужнымъ внести поправку въ понятіе—„убѣжище флота“.

— Это не значитъ,—говоритъ онъ,—что крѣпость служитъ убѣжищемъ для того только флота, который находится въ данный моментъ въ данномъ порту. Артуръ и послѣ гибели своей эскадры оставался крѣпостью-убѣжищемъ для шедшей на Дальній Востокъ балтійской эскадры, для владивостокской эскадры и вообще для всего возможнаго тихо-

океанскаго флота. Въ этомъ смыслѣ роль Артура не была еще закончена.

Затѣмъ допрашиваются свидѣтели—участники совѣта.

Подполковникъ Головань. — Я высказался на военномъ совѣтѣ въ томъ смыслѣ, что „не нахожу, чтобы въ крѣпости произошло что-либо такое, что требовало бы особаго измѣненія въ оборонѣ ея... Японцы послѣ каждаго успѣха долго его закрѣпляютъ и тѣмъ даютъ намъ время и возможность отдохнуть. Такъ, вѣроятно, поступятъ они и теперь... Держаться еще можно“. Ген. Стессель въ заключительномъ словѣ сказалъ, что на 2-й линіи держаться нельзя, надо на 1-й, а относительно возможной рѣзни онъ приметъ мѣры.

Полковникъ Дмитревскій. — Отправляясь на совѣтъ, я захватилъ съ собою вѣдомости о числѣ людей и снарядовъ. Съ доклада цифръ ихъ я и началъ говорить. Указалъ на то, что на позиціи остается мало людей — тысячъ 12; что общаго резерва пѣтъ; что на слабосильныя команды, какъ на послѣдній рессурсъ, мы теперь уже расчитывать не можемъ... Я самъ видѣлъ, какъ передвигалась слабосильная команда 16-го полка. 300 шаговъ она шла часа полтора. По моему приблизительному расчету мы теряли ежедневно, когда не было боевъ и штурмовъ, въ однѣхъ лишь перестрѣлкахъ, около 100 челов. Снаряды я раздѣлилъ на двѣ категоріи — по калибру и конструкціи орудій—и, по моему расчету, для серьезной артиллеріи (6-дюйм., 9-дюйм. и 42-лин. орудія) у насъ оставалось около 6,000 снарядовъ. Для артиллеріи мелкой—50—60 тыс., можетъ быть и болѣе. Что касается вопроса, сколько еще времени можно крѣпость держать, то мнѣ казалось, что это зависитъ отъ японцевъ...

— Считалъ и считаю до сихъ поръ, что Стесселемъ предложенъ былъ совѣту вопросъ о состояніи крѣпости, а не о мѣрахъ ея обороны. Насколько помню, занесенныхъ въ журналъ словъ:—„оборопяться еще можно“—я не говорилъ... Журналъ совѣта я тогда не читалъ.

— Что говорилъ ген. Бѣлый о числѣ снарядовъ?—спрашиваютъ свидѣтеля.

— Не помню,—отвѣчаетъ онъ.

— Генералъ Фокъ собирался прочитать на совѣтѣ какую-нибудь записку?

— Не помню.

И т. д.—„не помню“, „не помню“...

Полковникъ Гандуринъ.

Бывшій командиръ 13-го Вост.-Сиб. стр. полка, занимавшаго Китайскую стѣнку, показалъ, что, 16-го декабря 1904 года, находясь въ своемъ блиндажѣ, получилъ отъ Стесселя приглашеніе прибыть къ 4 ч. дня въ штабъ раіона.

— Явившись, я засталъ тамъ много начальствующихъ лицъ, которыхъ видѣлъ впервые. Еще не всѣ были въ сборѣ. Ген. Стессель сказалъ, что желаетъ познакомиться съ положеніемъ дѣла непосредственно отъ тѣхъ, кто стоитъ у него. Положеніе было тяжелое. Горячей пищи люди совсѣмъ не имѣли. Въ 14-й полкъ хлѣбъ доставляли ползкомъ, пищу не всегда доносили. Но все-таки моимъ глубокимъ убѣжденіемъ было, что Китайскую стѣнку надо держать. Самъ я былъ въ этотъ день сильно разстроенъ. Почему,—говорить не буду. Часа въ 2 дня со мной была даже истерика. На совѣтѣ я присоединился къ мнѣнію Дмитревскаго и сказалъ, что у меня половина бойцовъ—безногихъ (отъ цынги) и что если мы бросимъ Китайскую стѣнку, то унести ихъ оттуда не сможемъ и тогда, нѣтъ сомнѣнія, они будутъ прикончены японцами. Мое общее впечатлѣніе отъ высказанныхъ на совѣтѣ мнѣній таково, что—чѣмъ дальше былъ начальникъ отъ боевой линіи, тѣмъ громче и красивѣе были его слова. И они не подняли духъ у меня, а озлобили... Мы, работники Артура, рѣзко дѣлились на двѣ категоріи: штабныхъ и боевыхъ. И вотъ въ словахъ штабныхъ я прочелъ мысль, что еще неприлично сдаваться, пусть перебьютъ побольше, — флагъ поднять успѣемъ... Меня это возмутило и ослабило мою энергію...

Свидѣтель говоритъ это рѣзкимъ, нервнымъ тономъ. Можно было ждать, что такъ же увѣренно и категорично онъ будетъ говорить и дальше.

Но когда прокуроръ предложилъ ему перечислить тѣхъ, кто говорилъ „красиво“, свидѣтель замялся.

— Кто же?—настаивалъ прокуроръ.

— Адмиралы, — отвѣтилъ, наконецъ, Гандуринъ послѣ долгой паузы.—Фамиліи ихъ я тогда не имѣлъ чести знать...

— Еще?!

Опять долгая, томительная пауза.

— Надѣнъ... Горбатовскій говорилъ уклончиво.

— Онъ „штабной?“—спрашиваетъ прокуроръ.

— Нѣтъ...

— Такъ вы мнѣ потрудитесь называть штабныхъ, которые красиво говорили. Рейсъ, напримѣръ, къ какимъ защитникамъ принадлежалъ?

— Къ тыловымъ?

— А еще, еще?—пытаетъ прокуроръ.

Опять пауза. Видимо, какія-то фамиліи не сходятъ у него съ языка.

— Я боюсь быть неточнымъ...—наконецъ, заявляетъ онъ.

Объ этомъ раздѣленіи мнѣній, проведенномъ Гандурины мъ, членъ суда, бар. Остенъ-Сакенъ, спрашивалъ потомъ почти каждаго свидѣтеля, но никто его не подмѣтилъ и не подтвердилъ.

Полковникъ Хвостовъ. — Вѣдь всѣхъ начальниковъ надо было бы тогда считать тыловыми защитниками Портъ-Артура, — сказалъ полковн. Хвостовъ.—Рейсъ—„тыловой“, а съ нимъ согласны были „боевые“ Гандуринъ и Савицкій. Такіе передовые бойцы, какъ Ирманъ и Мехмандаровъ, высказались категорически за продолженіе обороны.

Полк. Хвостовъ высказалъ далѣе, что его мнѣніе тогда было такое: положеніе крѣпости трудное, многое зависитъ отъ интенсивности дѣйствій японцевъ. Но вся обстановка, которая была 16-го декабря, убѣждала свидѣтеля въ томъ, что держаться еще можно, если не на 1-й, то на 2-й линіи. Теперь, ознакомившись съ литературой объ осадѣ, онъ можетъ сказать, что на 2-й линіи *должно* было держаться...

Полковникъ Григоренко. — Я сказалъ тогда, что къ дальнѣйшимъ активнымъ дѣйствіямъ мы неспособны и пытаться отбирать у японцевъ то, что они взяли у насъ, мы не можемъ. Намъ надо только пользоваться особенностями войны, заключавшимися въ томъ, что непріятель всегда давалъ намъ передышки послѣ штурмовъ, а штурмы назначалъ всегда 13-го числа каждаго мѣсяца. Мы должны обороняться пассивно, отходя съ одной позиціи на другую, выигрывая время. Въ общемъ, обороняться и можно, и должно. 2-ю

линію считаю хуже 3-й. Она хороша, пока Большое Орлиное Гнѣздо въ нашихъ рукахъ, 3-я линія внѣ зависимости отъ обладанія этимъ пунктомъ. Это была сплошная траншея съ профилемъ въ 7 футовъ, бруствера ея сбить было нельзя, такъ какъ онъ былъ материковый. Работы на ней не были еще вполнѣ закончены, но ихъ было уже немного. Оставалось додѣлать козырьки отъ шрапнели и кое-гдѣ траверсы. Блиндажей для житья не было, но сзади былъ городъ, въ домахъ и фанзахъ котораго можно было удобно размѣстить людей.

Мнѣнія ген. Фока я не понялъ. Это были общія мѣста. Стессель держалъ въ рукахъ какую-то бумагу. Сказалъ, что прочтетъ ее потомъ, но не прочиталъ... Кажется, удержалъ его отъ этого Фокъ...

Контръ-адмир. Виренъ.

Свидѣтель высказался за продолженіе обороны. Съ мнѣніемъ, что Портъ-Артуръ сыгралъ роль убѣжища флота, онъ былъ не согласенъ; не протестовалъ тотчасъ же потому, что не хотѣлъ затягивать совѣта; хотѣлъ подать Стесселю письменно особое мнѣніе, но опоздалъ,—наступилъ конецъ Артура.

Мнѣніе это было теперь прочитано имъ передъ судомъ. Въ немъ к.-адм. Виренъ высказывалъ между прочимъ, что, несмотря на очевидность факта — войны съ Японіей, за 6 лѣтъ обладанія Артуромъ, мы не оборудовали ни крѣпости, ни порта. Война застала насъ врасплохъ и началась печально. Чтобы вернуть господство на морѣ, мы должны были вести ее здѣсь пассивно, сберегая свой флотъ до подхода балтійской эскадры, такъ какъ только пораженіемъ на морѣ можно было нанести японцамъ рѣшающій войну ударъ. Поэтому Артуръ долженъ былъ быть дѣйствительнымъ убѣжищемъ флота.

Генер.-маіоръ Семеновъ.

— Я указалъ на совѣтѣ на массу цынготныхъ; кто еще не боленъ, тотъ зараженъ цынгою. Но держаться надо безусловно. Въ крайнемъ случаѣ вѣдь сидятъ же на позиціи и цынготные... Я сказалъ, что мы должны еще бороться и потому, что у насъ скоро будутъ пулеметы. Квантунской крѣпост. артиллеріи кап. Моллеръ изобрѣлъ когда-то пулеметъ весьма простой конструкціи. Проектъ его въ главномъ артиллерійскомъ упра-

вленіи былъ тогда „положенъ подъ сукно“. Я узналъ объ этомъ и поручилъ Моллеру возстановить чертежи и приготовить пулеметы... Командиръ порта, к.-адм. Григоровичъ, предоставилъ ему для этого всѣ средства портовыхъ мастерскихъ... Числа 18—20-го декабря образцы этихъ пулеметовъ должны были быть готовы... Сдача помѣшала...

Никакого опредѣленнаго мнѣнія ген. Фокъ на совѣтѣ не высказалъ... Ген. Бѣлый въ отвѣтъ на заявленія нѣкоторыхъ членовъ совѣта, что снарядовъ нѣтъ, сказалъ: „Это неправда, снаряды есть, ихъ хватитъ еще на два штурма, но я ихъ берегу...“. И онъ дѣйствительно берегъ ихъ. Я видѣлъ самъ, какъ онъ записывалъ каждый случай стрѣльбы...

Отст. генер.-м. Петруша.

По мнѣнію свидѣтеля, высказанному на совѣтѣ, состояніе крѣпости по всѣмъ отдѣламъ было очень плохое.

— Число штыковъ—около 11 тысячъ. Числа снарядовъ мы не знали... Изъ словъ ген. Бѣлаго, сказанныхъ на совѣтѣ, я понялъ, что ихъ есть по 60 — 70 на орудіе. Люди были утомлены. Но борьбу считалъ необходимой продолжать, пока крѣпость не падетъ сама собою. Я высказался такъ потому, что я строевой офицеръ и всегда училъ свой полкъ въ томъ смыслѣ, что если я прикажу защищать до послѣдней капли крови хотя бы яичную скорлупу, то это должно быть исполнено. И съ моей стороны было бы безчестно говорить теперь иначе...

Итакъ, всѣ свидѣтели согласно показали, что полковн. Рейсъ говорилъ на совѣтѣ объ исполненной миссіи Артура и о необходимости предотвратить рѣзню на улицахъ; что Фокъ говорилъ уклончиво, неопредѣленно; что Бѣлый утверждалъ, что снарядовъ хватитъ на два штурма; что Стессель всѣхъ благодарилъ за мужественное желаніе продолжать оборону и что затѣмъ хотѣлъ прочесть какую-то записку Фока, но не прочелъ...

— Я скажу,—поднялся подъ конецъ засѣданія Стессель,— что записка, которой здѣсь интересуются,—„замѣтка“ Фока. Онъ писалъ въ ней, что на II-мъ и III-мъ фортахъ люди гибли героями, а ихъ Смирновъ назвалъ „бѣгунцами“ и „смердами“. О сдачѣ тамъ и слова не было...

XVI. 18-е декабря—засѣданіе 16-е.

Военный совѣтъ 16-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: ген.-маіора **Мехмандарова**, отст. г.-м. **Некрашевича-Поклада**, ген.-маіоровъ **Грязнова** и **Горбатовскаго**, ген.-л. **Никитина**, подполк. **Голованя.** Объясненія подсудимыхъ ген.-м. **Рейса**, ген.-л-товъ **Фока**, **Смирнова** и **Стесселя.**

Продолжается разслѣдованіе обстоятельствъ, связанныхъ съ военнымъ совѣтомъ 16-го декабря 1904 года.

Опять предъ судомъ проходятъ одинъ за другимъ участники его.

Первымъ—бывшій начальникъ артиллеріи атакованнаго фронта.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Онъ отмѣчаетъ, что мнѣнія на совѣтѣ расходились. Одни (большинство) высказались рѣшительно, опредѣленно за продолженіе обороны. Другіе — шесть человѣкъ (полковники: Дмитревскій, Рейсъ, Савицкій, Гандуринъ, Некрашевичъ-Покладъ и Грязновъ) — болѣе или менѣе опредѣленно — за сдачу. Впрочемъ, слова этого произнесено не было, но сущность ихъ мнѣній была такова, что они желаютъ сдачи.

— Характерно,—отмѣчаетъ свидѣтель,—что всѣ четыре представителя 4-й дивизіи, которой командовалъ Фокъ, были за сдачу—Дмитревскій, Гандуринъ, Савицкій, Грязновъ... И, мнѣ думается,—добавилъ онъ,—не явились ли они лишь выразителями желанія своего начальника. Самъ Фокъ высказался неопредѣленно. Онъ говорилъ о выносливости нашего солдата, о какой-то позиціи, и закончилъ указаніемъ на то, что если японцы поставятъ орудіе на взятый ими у насъ фортъ № III-й, то продолжать оборону немыслимо. При этихъ словахъ Стессель вопросительно повернулъ ко мнѣ голову. Я сказалъ, что эта постановка вопроса выше моего пониманія. У японцевъ превосходство артиллеріи во всѣхъ отношеніяхъ, я же долженъ дрожать надъ каждымъ снарядомъ. Но я обязуюсь, сказалъ я Стесселю, если японцы поставятъ орудіе на фортъ, сбить его въ самый кратчайшій срокъ. Стессель мнѣ сказалъ на это, что такъ и слѣдовало понимать вопросъ... Во всѣ послѣдующіе дни орудія на III-мъ

форту не были поставлены японцами. Тѣмъ не менѣе, сдача была совершена и внѣ зависимости отъ этого условія.

Что касается самого свидѣтеля, то онъ сказалъ кратко:— слѣдуетъ продолжать оборону.

Отст. ген.-м. Некрашевичъ-Покладъ. Бывшій командиръ 25-го Вост.-Сиб. стр. полка высказался на совѣтѣ въ томъ смыслѣ, что, пока 1-я линія обороны въ нашихъ рукахъ, мы держаться можемъ, о 2-й—и думать нечего. Тамъ нѣтъ ни блиндажей, ни укрѣпленій. Что касается 3-й, то она ничего не представляетъ. Гарнизонъ не только физически слабъ, но и духовно. Свидѣтель видѣлъ плачущаго солдата.—„Что съ тобой?—спросилъ онъ его.—Тяжело...—Усталъ, что ли?—Нѣтъ, на душѣ тяжело...“

Генер.-маіоръ Грязновъ. Бывшій командиръ 15-го вост.-сиб. стр. полка разсказывалъ о состояніи своего полка.

— Изъ 3,860 чел., въ составѣ которыхъ полкъ прибылъ въ Артуръ, осталось 2,234 человѣка; убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ было около 4,000 человѣкъ. Эта послѣдняя цифра, не укладывающаяся въ итогъ, объясняется тѣмъ, что многіе были ранены по нѣсколько разъ. Довольствіе было слабое; не было зелени—и оттого свирѣпствовала цынга. Но нравственное состояніе полка было отличное.

— Собираясь на совѣтъ, я, на всякій случай, спросилъ своихъ офицеровъ, можно ли, по ихъ мнѣнію, еще драться. И всѣ они сказали — можно. Вотъ почему на совѣтѣ я и сказалъ: какъ ни скверно, а держаться можно.

Свидѣтель иллюстрируетъ свой отзывъ о высокомъ духѣ своего полка слѣдующимъ трогательнымъ фактомъ:

— Былъ у меня вѣстовой... Чахоточный такой... Жилось ему хорошо. Жилъ онъ не на позиціи, а въ городѣ, въ домикѣ и смотрѣлъ за моими вещами. Вдругъ просится на позицію. — „Почему?“ — Да, люди говорятъ про насъ, нестроевыхъ, что — „лодари мы“. Пустилъ я его на позицію, и въ тотъ же день онъ былъ тяжко раненъ... О сдачѣ ни у кого и мысли не было. До самаго послѣдняго дня я вѣрилъ въ приказъ Стесселя, что отступленія нѣтъ:—съ трехъ сторонъ море, съ четвертой—непріятель. Эту мысль внушалъ и солдатамъ.

Впечатлѣніе отъ своего показанія свидѣтель испортилъ ссылкою на слухи, говорившіе о томъ, будто на западномъ фронтѣ стоитъ появиться одному японцу, и всѣ побѣгутъ...

Это заинтересовываетъ судъ.

— Почему же это?

— Тамъ былъ 5-й полкъ...—вдругъ говоритъ свидѣтель и вызываетъ у члена суда, ген. Саранчева, страстный, негодующій вопросъ:

— Скажите, отъ кого вы слышали эту возмутительную клевету на доблестный полкъ?..

Свидѣтель отвѣчаетъ что-то сбивчивое, неопредѣленное...

— Я удивленъ этимъ показаніемъ,—заявляетъ сидящій въ ряду допрошенныхъ свидѣтелей, бывшій начальникъ западнаго фронта, ген. Семеновъ. — Я такихъ рѣчей не слыхалъ. У меня на фронтѣ были 33 роты разныхъ частей, въ томъ числѣ отъ доблестныхъ полковъ 5-го и 15-го... Духъ у всѣхъ былъ прекрасный... Помина о сдачѣ не было!..

Поднимается и Некрашевичъ-Покладъ съ протестомъ.

— Нравственное состояніе я не смѣшивалъ съ упадкомъ духа. И подумать нельзя, что солдаты склонны были къ прекращенію обороны. Они не стѣснялись говорить мнѣ, что имъ тяжело, но это не значитъ, чтобы они хотѣли сдачи.

Генер.-маіоръ Горбатовскій.

Указавъ, что на совѣтѣ тремя лицами было высказано мнѣніе о безсмысленности дальнѣйшаго сопротивленія,—это Дмитревскимъ, Рейсомъ и Гандуринымъ, изъ которыхъ послѣдній говорилъ, что теперь на позиціи стрѣлка нужно поднять, прислонить грудью къ брустверу и вложить въ его руки винтовку,—при чемъ самъ говорившій это расплакался,—свидѣтель передаетъ свое мнѣніе.

— Я сказалъ: національное и личное самолюбіе должны побуждать насъ, насколько возможно долѣе отдалять возможность попасть подъ конвой японскаго унтеръ-офицера...

Полк. Рейсъ перебилъ меня: — Вы, стало-быть, хотите рѣзни?.. — Нѣтъ,—сказалъ я,—но нужно держаться... У насъ есть еще позиція, и главнымъ образомъ—первая... — Стало быть, вы хотите драться на первой? — Да, конечно.

Отмѣтивъ далѣе мнѣнія генераловъ Бѣлаго, Никитина и Смирнова, свидѣтель такъ охарактеризовалъ мнѣніе Фока.

— Что онъ сказалъ, право, сказать не могу. Видимо, онъ хотѣлъ сказать одно, а пришлось говорить другое...

— Вотъ вы говорили, что нужно „отдалить“ моментъ, когда попадешь подъ конвой японскаго солдата...—говоритъ свидѣтелю защитникъ Стесселя.—Когда же этотъ моментъ, вы полагали, долженъ наступить?

— Я въ это не входилъ...

— Г-нъ защитникъ,—вмѣшивается членъ суда, ген. бар. Бильдерлингъ,—вы неправильно толкуете слова свидѣтеля и дѣлаете изъ нихъ ненадлежащій выводъ. Попасть подъ конвой японскаго солдата—это не значитъ сдаться; можно быть взятымъ въ плѣнъ и въ открытомъ бою.

Генер.-маіоръ Бѣлый. Показаніе этого свидѣтеля ожидается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Именно—на приписываемомъ ему заявленіи, сдѣланномъ на совѣтѣ, что снаряды есть, что ихъ хватитъ на два штурма, и базируется обвиненіе Стесселя въ преждевременной сдачѣ крѣпости и въ ложномъ донесеніи его Государю 16-го декабря, что снарядовъ почти нѣтъ.

И онъ подтверждаетъ это заявленіе.

— Въ своей рѣчи я главнымъ образомъ счелъ нужнымъ протестовать противъ свѣдѣній по артиллерійской части, приведенныхъ на совѣтѣ полковникомъ Дмитревскимъ. Я удивлялся смѣлости, съ которой онъ давалъ ихъ въ моемъ присутствіи. У насъ было 150 тыс. снарядовъ тѣхъ калибровъ орудій, которыми мы стрѣляли. И это по тѣмъ еще неполнымъ свѣдѣніямъ, которыя у меня въ то время были. Я не имѣлъ ихъ еще отъ флота. Этого количества могло хватить на два большихъ штурма, если не болѣе, понимая подъ штурмомъ періодъ отъ пяти дней до двухъ недѣль и считая, что въ среднемъ намъ каждый такой штурмъ обходится въ 50 тыс. снарядовъ. Матеріальная часть артиллеріи, конечно, была уже не та, что прежде, но все же мы ею до сихъ поръ, не далѣе, какъ въ ноябрѣ, отбивали штурмы.

— Среди этихъ 150 тыс. снарядовъ были безполезные?

— Нѣтъ, могли быть только негодные, вслѣдствіе плохой выдѣлки.

— Сколько вы изъ нихъ израсходовали въ послѣдніе три дня обороны—17, 18 и 19 декабря?

— Тысячи три, самое большое—четыре.

— Каковъ былъ порядокъ снабженія укрѣпленій снарядами?

— Ихъ доставляли, главнымъ образомъ, по ночамъ, на подводахъ. Я самъ ежедневно требовалъ по телефону отъ всѣхъ командировъ батарей отчетъ о состояніи снарядовъ и записывалъ ихъ въ особую книжку. Доставлялъ ихъ на батареи, не ожидая требованій... Но, правда, иногда не успѣвалъ доставить.

Поднимается защитникъ ген. Смирнова, кап. 2-го ранга фонъ-Шульцъ, и съ оговоркою, что судъ можетъ его остановить, задаетъ свидѣтелю вопросъ:

— Событія въ промежутокъ времени отъ 25-го ноября до 16-го декабря,—предложеніе обсудить вопросъ о предѣлахъ обороны, визитъ Рейса въ день совѣта обороны, назначеніе Фока, паденіе форта II-го и высказанныя Дмитревскимъ и Рейсомъ мнѣнія на совѣтѣ 16-го декабря, не заставляли ли свидѣтеля тревожиться за участь крѣпости?

— Я лично не тревожился... Но мнѣ приходилось успокаивать другихъ... Меня въ городѣ спрашивали,—правда ли, что скоро будетъ сдача... Слухъ о ней сталъ циркулировать съ половины ноября... 16-го декабря въ городѣ говорили по поводу совѣта, что генералы собираются сдаваться...

– Указывали ли при этомъ на кого-нибудь изъ генераловъ?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Прямого указанія не было, но говорили, что есть люди, которые говорятъ болѣе о сдачѣ, чѣмъ объ оборонѣ...

— Кто же эти люди?—настаиваетъ прокуроръ.

— Называли Фока и Рейса...

Это вызываетъ горячіе протесты на скамьяхъ подсудимыхъ и защиты.

Бѣлаго закидываютъ вопросами:—кто сказалъ, отъ кого онъ это слышалъ, а ген. Фокъ проситъ судъ произвести дознаніе по такому обвиненію, которое теперь разойдется по всей Россіи... Въ дознаніи ему, конечно, судъ отказываетъ. Ген. Бѣлый же напоминаетъ, что онъ передавалъ лишь слухи—и отъ лицъ ему извѣстныхъ, напримѣръ,—врачей Васильева и Константинова.

— Они прямо меня спрашивали: „а скоро ли Фокъ и Рейсъ сдадутъ крѣпость?“ Я ихъ спросилъ: „а на какомъ основаніи вы это говорите?“ Они сказали: „это слухъ“. А я теперь вамъ говорю, что это подтверждается и фактами, — закончилъ Бѣлый.

— Никогда Фокъ и Рейсъ ни слова мнѣ не говорили о сдачѣ, ни въ какой періодъ обороны, — горячо протестуетъ и Стессель.—И не смѣли сказать. Я былъ начальникъ!...

Генер.-лейтен. Никитинъ.

Съ обычной нервностью свидѣтель этотъ воспроизводитъ рѣчь, сказанную имъ три года назадъ на военномъ совѣтѣ.

— Среди высказанныхъ мнѣній я схватилъ два крайнихъ, пессимистическихъ... Первое принадлежало Дмитревскому, который сказалъ, что дни и даже часы Артура сочтены, — пали форты II-й и III-й, скоро падетъ укрѣпленіе 3-е, а Китайскую стѣнку противникъ прорветъ въ 2—3 часа, и тогда начнется „рѣзня“...

— Опять—„рѣзня“!—хватается при этомъ за голову свидѣтель.—Я слышалъ уже это слово на совѣтѣ 25-го ноября.

— Второе мнѣніе принадлежало Рейсу. Онъ сказалъ, что Артуръ выполнилъ свою задачу въ отношеніи флота и арміи. И я началъ съ того, что крайне несвоевременно говорить, будто дни и часы Артура сочтены. Паденіе фортовъ II-го и III-го ни для кого изъ насъ не было неожиданностью. То же самое—и относительно укрѣпленія 3-го. Намъ нечего огорчаться, что укрѣпленіе 3-е взлетитъ на воздухъ... Японцы страшно медленно, научно медленно ведутъ минную борьбу. Духъ войскъ у насъ хорошъ, не ниже японскаго. Въ письмахъ убитыхъ японцевъ мы читали просьбы прислать имъ изъ Японіи свѣжихъ людей, не бывавшихъ въ бою, стало быть, не видавшихъ смерти... А наши солдаты закалились въ презрѣніи къ ней. Помнится, пришелъ съ Китайской стѣнки солдатъ. — „Дайте, говоритъ, намъ г-на офицера... Всѣхъ перебили...“. „Хотите поремѣнимъ васъ? — спрашиваютъ его.—Вѣдь устали?“ — „Нѣтъ, не надо,—отвѣчаетъ,—дайте только г-на офицера...“. Дрались за клочки чужой земли, какъ за родной домъ. Я возразилъ Рейсу, что Артуръ не закончилъ своей роли ни въ отношеніи флота, ни въ отношеніи арміи. Если Куропаткинъ сосредоточился, то онъ

идетъ и намъ надо его ждать. Если онъ не сосредоточился, то Артуру, уже столько принявшему ударовъ на свою голову, надо стоять. Послѣ паденія Высокой горы флотъ получилъ такія аваріи, что онъ неспособенъ выйти въ море... Мы сняли съ него орудія, чудныхъ бойцовъ-моряковъ... Что же имъ теперь — топиться или взрываться. Нѣтъ, мы не хотимъ знать, гдѣ Куропаткинъ, гдѣ его армія, каковы задачи Артура. Онъ намъ порученъ, и мы должны его защищать до послѣдней капли крови. У насъ есть снаряды, патроны, штыки, продовольствіе... Рейсъ упомянулъ про рѣзню... Рѣзни мы не боялись. Насъ не должны заботить женщины, больные и раненые... Сдадимъ ихъ Балашеву. Намъ нужно сохранить бойцовъ. Кормить нужно не больныхъ и раненыхъ, а здоровыхъ. Нужно заставить противника идти на Восточный фронтъ, держать упорно Китайскую стѣнку, не позволять японцамъ ставить пушки на форту Ш-мъ... Правда, насъ немного, но мы не знаемъ, много ли японцевъ... Я на артурскій гарнизонъ смотрѣлъ какъ на часового, который ждетъ, когда его сниметъ съ поста разводящій изъ Манчжурской арміи...

Относительно полевой артиллеріи, которою завѣдывалъ свидѣтель, онъ показалъ, что орудій полевыхъ оставалось 60 и къ нимъ по 35 снарядовъ...

— Признавалъ ли ген. Фокъ дальнѣйшую оборону возможной.

— Онъ этого не высказалъ.

— Не хотѣлъ ли ген. Стессель прочитать какую-то записку?

— Да, хотѣлъ и сказалъ Фоку: „Александръ Викторовичъ, я прочитаю?..“. Но Фокъ отвелъ рукою записку, бывшую въ рукахъ Стесселя, и сказалъ: „нѣтъ“...

Фокъ и Стессель энергично противъ этого протестуютъ.

— Ничего этого не было, — говоритъ ген. Стессель.—Въ рукахъ у меня были вѣдомости о числѣ гарнизона, продовольствіи, снарядахъ и т. п.

Ген. Фокъ доказываетъ, что свидѣтели все спутали. Это было въ сентябрѣ, а не въ декабрѣ, и замѣтка его отъ 24-го сентября содержала не мнѣніе о сдачѣ, а касалась генер. Смирнова, называвшаго солдатъ „смердами“ и „бѣгунцами“,

почему онъ и не позволилъ прочесть ее въ присутствіи своемъ и Смирнова... Это вѣдь было бы для него обидой...

Подполковникъ Головань. Спросили подполковника Голованя. Онъ показалъ:

— Въ началѣ засѣданія совѣта ген. Стессель сказалъ приблизительно слѣдующее: „А послѣ этого начальникъ сухопутной обороны прочтетъ записку“... Или — „я прочту записку начальника сухопутной обороны“... Точно редакціи фразы не помню, но хорошо помню ея смыслъ. Сидя сзади ген. Фока, я видѣлъ, какъ онъ обратился къ Стесселю съ какими-то словами и затѣмъ, кажется, онъ взялъ у Стесселя записку. Она не была прочитана.

Генер.-лейтен. Смирновъ. Поднимается ген. Смирновъ.

— Это выпадъ—и выпадъ, недостойный на судѣ. Случай, что я назвалъ одну полуроту „смердами“ и „бѣгунцами“, произош. вотъ какъ: ген. Кондратенко разсказалъ, что эта полурота побѣжала въ паникѣ отъ удара грома во время грозы... Я и сказалъ—„смерды“, „бѣгунцы“! Это было однажды. Но на этомъ основали всѣ инсинуаціи противъ меня. А между тѣмъ у Стесселя о „бѣгунцахъ“ есть приказъ по раіону... Ген. Фокъ говоритъ здѣсь, что про записку кто-то спуталъ все, что это было на совѣтѣ 16-го сентября... Нѣтъ, онъ самъ ошибается. Ни о какой запискѣ тогда рѣчи не было. А было это, дѣйствительно, 16-го декабря. Въ началѣ совѣта Стессель объявилъ, что прочтетъ записку—и не прочелъ... Фокъ же не постѣснился, на совѣтѣ, въ моемъ присутствіи, расхваливая солдатъ, сказать, что нѣкоторые называютъ ихъ „смердами“ и „бѣгунцами“...

Предлагается дать объясненіе подсудимымъ—генераламъ Рейсу и Фоку.

Ген.-маіоръ Рейсъ. — Ген. Стессель предложилъ всѣмъ высказаться откровенно. Полагаю, что долгъ и присяга обязывали меня къ этому. Обвиненіе, что я преувеличилъ критическое положеніе крѣпости, для меня непонятно. Я скорѣе уменьшилъ... На немедленной капитуляціи я не настаивалъ. Я указывалъ на необходимость держаться на 1-й линіи и признавалъ ненадежность 2-й. Про 3-ю линію едва ли нужно говорить. Она была устроена единственно противъ прорыва въ Артуръ шаекъ хунхузовъ... Наша крѣпостная артиллерія не

могла быть вполнѣ использована нами по условіямъ мѣстности. Перенесеніе борьбы на улицы города я и тогда считалъ и теперь считаю недопустимымъ. Продолжительной она быть не могла, а должна была сопровождаться рѣзней...

— Допускалъ ли ген. Рейсъ сдачу крѣпости?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Безусловно,—отвѣчаетъ подсудимый; — разъ средства обороны истощены и можно ожидать вторженія противника на улицы,—капитуляція является умѣстной.

Оговорившись, что онъ не помнитъ, что говорили другіе,—что, какъ начальникъ сухопутной обороны, онъ могъ говорить только дѣло, — подсудимый изложилъ свой планъ обороны Артура послѣ паденія форта III-го, основанный на удержаніи Китайской стѣнки и Большого Орлинаго Гнѣзда. **Ген.-лейт. Фокъ.**

— На восточномъ фронтѣ всѣ форты, всѣ укрѣпленія, всѣ капониры были уже въ рукахъ противника. У насъ оставалось только укрѣпленіе 3-е, Большое Орлиное Гнѣздо и нашъ главный жизненный нервъ — Китайская стѣнка. И я говорилъ, что намъ надо держать ее до послѣдней крайности. А для этого не допустить противника поставить орудія на Щ-мъ форту. Тутъ у насъ и вышло разногласіе съ ген. Бѣлымъ. Онъ говорилъ, что снарядовъ хватитъ на два штурма, а когда говорили ему о стрѣльбѣ по III-му форту, онъ возражалъ, что у него снарядовъ мало. Мнѣ же не нужны были штурмы. Мнѣ нужно было держать все время III-й фортъ въ огнѣ. Наша же артиллерія стрѣляла прекрасно, но съ перерывами... Для удержанія Китайской стѣнки надо было также во что бы то ни стало укрѣпить Скалистый хребтикъ и Большое Орлиное Гнѣздо. Еще до смерти Кондратенко начали укрѣплять первый. Стрѣлки рыли окопы. Руководилъ работой Шварцъ... Но его взяли. Я поручилъ дѣло Гандурину... Я настаивалъ на сплошной траншеѣ внизу. Если бы тутъ хорошо укрѣпились, то японцы не завладѣли бы Скалистымъ хребтикомъ, и мы имѣли бы время укрѣпить и Большое Орлиное Гнѣздо. Но артиллерія слабо насъ поддерживала—скупо стрѣляла... Я понималъ, что солдаты утомлены, но духъ у нихъ прекрасный... Поэтому о немъ и говорилъ на совѣтѣ. Примѣръ—Гандуринъ. На совѣтѣ онъ былъ пессимистомъ, а когда былъ раненъ при защитѣ Скалистаго хреб-

тика двумя пулями, онъ сказалъ солдатамъ: „братцы, дайте мнѣ слово, что вы до вечера не уйдете...“.—„Даемъ!“.—„Повторите, а то я, можетъ быть, сегодня умру...“. И солдаты повторили. Вотъ какой былъ духъ.

XVII.—19-е декабря.—Засѣданіе 17-е.

Очищеніе форта II-го 5-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: капитановъ **Мацкунаса** и **Флорова**, лейтенантовъ **Подгурскаго** и **Максимова** 7-го, поручика **Садыкова. Очищеніе Скалистаго кряжа и Китайской стѣнки 18-го декабря 1904 г.** Объявленіе ген. **Смирнова**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго**, полк. **Дмитревскаго** и подполк. **Степанова.—Послѣдній день обороны—19-е декабря.** Объясненіе ген. **Смирнова**; допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго**, полк. **Степанова** и полк. **Дмитревскаго.**

Три года назадъ это былъ послѣдній день героической обороны Артура. Въ этотъ день три года назадъ Стессель послалъ къ Ноги парламентера съ предложеніемъ сдачи крѣпости, а въ Петербургъ телеграфировалъ: „...Суди насъ, Великій Государь, но суди милостиво... Мы все сдѣлали, что было въ нашихъ силахъ“...

И вотъ теперь „судятъ“...

Но чѣмъ дальше развивается судебное слѣдствіе, тѣмъ все яснѣе становится, что гарнизонъ Артура суду не подлежитъ, что онъ до конца исполнялъ свой долгъ. Исполнилъ ли свой Стессель, все ли было и имъ сдѣлано, что было въ его силахъ, въ силахъ гарнизона—вотъ въ чемъ вопросъ, что составляетъ нынѣ предметъ судебнаго изслѣдованія...

Съ особеннымъ вниманіемъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ выслушиваются сегодня показанія живыхъ свидѣтелей-участниковъ послѣдняго дня Артура, съ болѣзненнымъ любопытствомъ вглядываются въ ихъ лица, чтобы прочесть въ ихъ душѣ все пережитое ими тогда, въ этотъ день, все болѣе задергиваемый завѣсою времени... Прошлое оживаетъ съ новою силою, съ новою страстью, которую рождаетъ судъ въ его исканіяхъ истины.

По ходатайству защиты ген. Фока и Стесселя судъ возвращается къ изслѣдованію обстоятельствъ очищенія форта П-го. Допрашиваются два бывшихъ коменданта этого форта—кап. Мацкупасъ и кап. Флоровъ. Показаніе перваго не существенно. Онъ пробылъ на немъ со 2-го декабря, когда былъ раненъ Флоровъ, до 4-го декабря, когда былъ назначенъ Кватцъ.

Показаніе второго даетъ яркую картину состоя- **Кап. Флоровъ.**
нія форта и условій его обороны до 2-го декабря, когда на немъ былъ убитъ Кондратенко и раненъ свидѣтель...

— Японцы,—говоритъ онъ,—занимали капониръ праваго рва и поставили въ немъ 75-мм. пушку, они увѣнчали весь гласисъ форта и занимали уже наружную сторону бруствера, будучи въ 6-ти шагахъ отъ насъ. Они вели три минныя галлереи, и двѣ изъ нихъ были уже готовы. 2-го декабря въ 10 ч. утра они пробили въ капонирѣ стѣнку и стали наполнять галлерею праваго рва удушливыми газами. Нѣсколько человѣкъ у насъ задохлось. Мы отошли къ потернѣ, и я вызвалъ Рашевскаго... Вечеромъ пріѣхалъ Кондратенко—и былъ убитъ. Онъ былъ у насъ наканунѣ и приказалъ рыть колодцы для закладки фугасовъ. Хотѣли это сдѣлать еще въ сентябрѣ, но я воспротивился. Гарнизонъ хотѣлъ умереть на форту, а не очищать его. Минированіе форта могло поколебать это рѣшеніе. Положеніе было тяжелое: Послѣ 15-го октября люди были всегда на ногахъ, спали урывками, въ водѣ былъ недостатокъ — и мы не умывались. Свобода передвиженія на форту была сильно стѣснена. Шагу нельзя было сдѣлать не подъ пулями. Внутренность форта все время обстрѣливалась изъ пулеметовъ... Я мало доносилъ начальству, чтобы не было упрека въ томъ, что жалуемся на тяжесть положенія... О вылазкахъ никогда не доносилъ, о перестрѣлкахъ тоже, а только объ убыли и о генеральныхъ штурмахъ... Мнѣ приказало было ген. Кондратенко держаться—и мы держались. Стрѣлки были далеки тому, что дѣлалось въ Артурѣ. Они умирали и не думали, что борьба изъ-за власти начальниковъ лишитъ ихъ добраго имени.

Допрашиваются также лейтенанты Подгурскій и Максимовъ 7-й.

Лейтенантъ Подгурскій. Первый — въ ночь съ 4-го на 5-е декабря былъ на Куропаткинскомъ люнетѣ и минами уничтожалъ траверсы во рву II-го форта, занятомъ японцами. На самомъ фортѣ онъ не былъ и участія въ оборонѣ его не принималъ. По показанію свидѣтеля, къ назначенію Фока и-комъ сухопутной обороны отнеслись хорошо, такъ какъ среди маленькихъ чиновъ онъ пользовался симпатіями.

— Впрочемъ,—добавляетъ онъ,—что пойдетъ хуже, чѣмъ при Кондратенко, это чувствовалось всѣми...

— Почему?

— Потому, что Кондратенко былъ головою выше всѣхъ въ Артурѣ.

Лейтенантъ Максимовъ 7-й. Свидѣтель командовалъ десантной ротой съ „Пересвѣта“, имѣвшей назначеніе „вышибать“ японцевъ съ занятыхъ ими нашихъ укрѣпленій.

— Около полудня 5-го декабря мы невольно обратили вниманіе на зловѣщую тишину на фронтѣ... Въ 1-мъ часу начались взрывы на форту II-мъ. Они были такъ сильны, что къ намъ на Куропаткинскій люнетъ залетѣло семь японскихъ труповъ... А разстояніе было порядочное... Затѣмъ огонь—по форту, подступамъ, ходу сообщенія, батареѣ Б и Кумирнскому редуту... Около половины 2-го часа на военной дорогѣ показался Фокъ.—„Здорово, вышибалы“,—поздоровался онъ съ нами.—„Нѣтъ ли среди васъ охотниковъ пойти на фортъ II-й и принести мнѣ донесеніе?“ — Вызвался Кириллъ Бова и черезъ часъ вернулся. — „Жаль, что наши мало стрѣляютъ, сказалъ онъ, — на форту держатся, и если пришлютъ подкрѣпленій, то удержатся...“. Вечеромъ я узналъ, что на фортъ были посланы рота 25-го полка, рота съ „Побѣды“, запасная рота — и все было мало. Глаголевъ велѣлъ мнѣ послать еще взводъ. Пошелъ онъ съ прапорщикомъ Семеновымъ. Скоро принесли оттуда боцманмата Осминовскаго съ оторванной выше колѣна ногой.—„Взводъ пропалъ, — сказалъ онъ, — японецъ самосильно бьетъ...“ Дѣйствительно, во взводъ попала летательная мина — и изъ 76 чел. осталось 9. Принесли раненымъ и Семенова. Онъ сказалъ, что положеніе форта критическое. Донесли Горбатовскому. Тотъ увѣдомилъ, что идетъ на фортъ самъ.

Съ форта просили еще подкрѣпленій, но Глаголевъ не призналъ возможнымъ послать ихъ, такъ какъ на его участкѣ находился рядъ атакованныхъ укрѣпленій, — и написалъ Кватцу приказаніе объ очищеніи форта. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи начались взрывы на форту. Я пошелъ къ форту посмотрѣть и, возвращаясь, встрѣтилъ Горбатовскаго. Навстрѣчу ему шла толпа людей.—„Откуда“?—спросилъ генералъ. — „Съ форта“. — „Почему“? — „Фортъ, очищенъ“! — „Остановите людей“! Мы бросились устраивать эту толпу, но въ это время разорвалась шрапнель, ранила Глаголева въ челюсть, и онъ не успѣлъ ничего доложить Горбатовскому. Послѣдній набросился на Кватца. Тотъ показалъ записку, а я подтвердилъ, что она писалась Глаголевымъ въ моемъ присутствіи... Ген. Фокъ резерва не задерживалъ. Съ 8-го августа я каждый день видѣлъ Фока. Моя рота и мои офицеры были рады его назначенію.

Подпоручикъ Садыковъ.

Подпоручикъ Садыковъ показалъ, что на форту II-мъ былъ въ маѣ. Тогда онъ былъ готовъ наполовину. Въ началѣ августа—видъ его былъ тотъ же. Онъ не могъ служить убѣжищемъ для гарнизона. 6-го августа снарядъ попалъ въ ничѣмъ не прикрытую дверь каземата и выбилъ около 50 человѣкъ. 8-го августа свидѣтель былъ тяжело раненъ въ голову и по день сдачи находился въ госпиталѣ [1]).

О дняхъ, послѣдовавшихъ за паденіемъ форта III-го и военнымъ совѣтомъ 16-го декабря, первымъ даетъ показаніе бывшій комендантъ Портъ-Артура.

Генер.-лейтен. Смирновъ.

— День 17 декабря прошелъ въ относительномъ затишьѣ, непріятель лишь слабо бомбардировалъ сѣверо-восточный фронтъ. 18-го декабря на укрѣпленіи 3-мъ произошли два взрыва, съ промежутками между ними въ

[1]) Въ первыхъ числахъ марта 1908 года, по возвращеніи изъ Петербурга въ Вилькоміръ, подпоруч. Садыковъ застрѣлился.—„Тяжелый процессъ, длившійся съ крайне нервнымъ напряженіемъ два съ половиною мѣсяца, по словамъ корреспондента „Нов. Врем.“ настолько повліялъ на подпоруч. Садыкова, что онъ возвратился послѣ приговора въ Вилькоміръ въ удрученномъ душевномъ состояніи и застрѣлился въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ бригады, внезапно вынувъ револьверъ и нанеся себѣ смертельную рану“.

10 минутъ. Полагаютъ, что второй взрывъ произошелъ отъ детонаціи — взорвался складъ бомбочекъ, хранившійся на укрѣпленіи въ потернѣ. Этими взрывами казематы укрѣпленія были разрушены и около сотни защитниковъ погребено подъ ихъ развалинами... Но телефонъ чудомъ уцѣлѣлъ и работалъ, поддерживая сношенія заваленныхъ защитниковъ укрѣпленія съ центрами крѣпости—штабами. Заживо погребенные, они спрашивали, что имъ дѣлать. Имъ дали разрѣшеніе покинуть ввѣренное имъ укрѣпленіе... Но это было нелегко. Тогда Стессель далъ имъ позволеніе сдаться. Все же около 12-ти человѣкъ ночью пробрались къ своимъ. Около 12 часовъ того же дня японцы двинулось въ атаку противъ форта III-го и Скалистаго кряжа. Рота 13-го полка отошла на Скалистый кряжъ. Японцы не посмѣли идти дальше. Подъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи они отхлынули отъ Китайской стѣнки. Около 3—4 часовъ дня я получилъ телефонограмму, въ которой сообщалось, что начальникъ укрѣпленнаго раіона приказалъ очистить Китайскую стѣнку... А накануѣ еще я сказалъ Фоку: „Держите Китайскую стѣнку до послѣдней возможности. Я дамъ вамъ для этого весь комендантскій резервъ“... Я запросилъ Фока, протестовалъ, требовалъ держаться... Но въ 4 ч. 20 м. дня получилъ отъ него телефонограмму слѣдующаго содержанія: „Ген.-адъют. Стессель вполнѣ согласился съ вашимъ мнѣніемъ, но затѣмъ получена была телефонограмма ген. Горбатовскаго, который проситъ разрѣшенія очистить стѣнку. Но Курганную батарею держите крѣпко“. И вечеромъ того же числа Китайская стѣнка была нами очищена. Въ 2 ч. ночи на 19-е число войска наши заняли 2-ю позицію—отъ р. Лунхе на Курганную батарею, на горы Лаперовскую, Владимірскую, Митрофаньевскую, Безымянную, Морской кряжъ, Отрожную и Опасную горы, батарею А, откр. капонпръ № 1, фортъ I-й, редутъ Тахе и Сигнальную гору.

Фокъ протестуетъ.

— Я не получалъ отъ Смирнова никакого категорическаго приказанія защищать Скалистый хребтикъ... Онъ не говорилъ мнѣ, что я получу весь резервъ. Это я самъ распорядился занять Скалистый хребтикъ, а полк. Гандурипъ его укрѣпилъ, выполнивъ гигантскую работу. И фортъ III-й

отданъ не по моему распоряженію, а по приказанію Горбатовскаго.

Смирновъ напоминаетъ Фоку обстоятельства, при которыхъ происходилъ между ними разговоръ о Китайской стѣнкѣ.

— Быть можетъ, ген. Фокъ вспомнитъ, что я говорилъ еще ему при этомъ о необходимости дать отдохнуть утомленному, изнервничавшемуся Гандурину...—„Кого же прикажете назначить?“—спросилъ меня Фокъ.—„Другого штабъ-офицера“.—„У меня въ 13 полку остались только капитаны...“ Гандуринъ остался... Оборона Китайской стѣнки только выразила на дѣлѣ то, чего желали на словахъ нѣкоторые члены военнаго совѣта.

— Ничего этого положительно не было,—заявляетъ рѣзко Фокъ.—Если бы это было такъ, то ген. Смирновъ, вѣроятно, запасся бы какимъ-нибудь документомъ, письменнымъ предписаніемъ, что ли. Гандуринъ, это—герой!

Выходитъ, что Горбатовскій, если и не самовольно очистилъ Китайскую стѣнку, стало быть,—1-ю линію обороны, на которой рѣшено было совѣтомъ держаться во что бы то ни стало возможно долѣе,— то это было сдѣлано по его представленіямъ, по его настоянію.

Приглашается самъ начальникъ обороны восточнаго фронта.

Генер.-маіоръ Горбатовскій.

— Двѣ атаки,—говоритъ онъ—на Китайскую стѣнку въ этотъ день, 18-го декабря, были отбиты. Но при послѣдней, около 1 часа дня, небольшой отрогъ Скалистаго гребня, очень важный въ тактическомъ отношеніи, былъ все-таки занятъ японцами, и они получили возможность обстрѣливать фланговымъ огнемъ всю Китайскую стѣнку. Гандуринъ, ее защищавшій, нѣсколько разъ доносилъ, что оставаться у Китайской стѣнки нѣтъ возможности,—отовсюду обстрѣливаютъ... Въ 4 часа дня онъ былъ тяжело раненъ. Когда его проносили мимо меня, онъ сказалъ мнѣ:—„Прикажите отступать на 2 линію, а я взялъ съ своихъ солдатъ честное слово, что до вечера они продержатся“. Эти слова и видъ раненаго Гандурина такъ меня взволновали, что я сообщилъ объ этомъ коменданту. Но онъ требо-

валъ держать стѣнку во что бы то ни стало [1]). Но въ это время пришла телеграмма, что начальникъ укр. раіона разрѣшилъ ее очистить. Я сообщилъ объ этомъ коменданту... Онъ попрежнему противился, но когда я сказалъ ему, что начальникъ раіона разрѣшилъ ее очистить,—онъ согласился. Тогда мы принялись вывозить со стѣнки орудія, снаряды, отводить войска. Они отходили въ удивительномъ порядкѣ и тихо. Но кто-то на оставленной позиціи зажегъ блиндажъ, разгорѣлся пожаръ, и при свѣтѣ его японцы обнаружили наше отступленіе...

— Я долженъ прибавить,—сказалъ Горбатовскій,—что пока начальникомъ сухопутной обороны былъ Кондратенко, я распоряжался на своемъ фронтѣ всѣмъ самолично; съ назначеніемъ же ген. Фока я сталъ играть какую-то странную роль. Изъ его штаба сносились съ моими подчиненными помимо меня, и они стали дѣлать то же самое. Очевидно полк. Гандуринъ снесся прямо со штабомъ укр. раіона о необходимости очистить Китайскую стѣнку, и тамъ, не спросивъ меня, распорядились объ этомъ... То же самое было и въ отношеніи III-го форта.

— Свидѣтель вполнѣ подтверждаетъ мое показаніе,—говоритъ Смирновъ.—Онъ убѣдилъ меня согласиться на очищеніе стѣнки именно тѣмъ, что разрѣшеніе Стесселя уже получено. Я запросилъ тогда Фока: какъ? что? почему? Отвѣтъ его суду уже извѣстенъ. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Отмѣнять приказаніе начальника?

Полковникъ Дмитревскій. Начальникъ штаба генерала Фока, полк. Дмитревскій, какъ всегда, говоритъ, что не помнитъ,

---

[1]) Въ развитіе этого мѣста своего показанія ген. Горбатовскій напечаталъ въ № 4 „Рус. Инв.“ слѣдующее письмо въ редакцію этой газеты: „Хотя въ отчетѣ „Рус. Инв.“ (№ 282) мое показаніе передано въ общемъ довольно правильно, но все же при той редакціи, въ которой оно изложено, можно подумать, будто я сказалъ, что соглашеніе полковника Гандурина съ нижними чинами, т. е. взятіе съ нихъ слова держаться до вечера, подорвало въ нихъ духъ для дальнѣйшей обороны. Я этого сказать не хотѣлъ. Можетъ быть даже, что именно этотъ разговоръ полковника Гандурина съ нижними чинами его полка заставилъ ихъ еще продержаться нѣсколько часовъ на Китайской стѣнкѣ, но самъ я уже не могъ вѣрить въ возможность упорной обороны позиціи тѣми нижними чинами, съ которыхъ взято слово держаться только до вечера“.

какія телефонограммы поступали 18-го декабря въ штабъ сухопутной обороны и требовались ли въ этотъ день резервы.

Подполковникъ Степановъ.

Бывшій начальникъ штаба восточнаго фронта, наоборотъ, далъ подробное показаніе, вполнѣ подтвердившее то, что сказалъ Горбатовскій.

— Съ паденіемъ форта III-го намъ пришлось,—разсказываетъ онъ,—очистить часть Китайской стѣнки, примыкающую къ форту и влѣво отъ него. Утромъ 18-го декабря произошелъ взрывъ 3-го укрѣпленія. Послѣ этого японцы атаковали Скалистый кряжъ—и очень энергично. Мы получили отъ Гандурина два донесенія, что онъ держится, отбиваетъ атаки и проситъ подкрѣпленія. Потомъ пришло тревожное донесеніе, что продержится только до вечера. Скоро послѣ этого его ранили и пронесли мимо насъ. Его видъ и слова произвели на насъ сильное впечатлѣніе. Изъ штаба раіона получена была затѣмъ телефонограмма о томъ, что Скалистый кряжъ можно очистить. Ген. Горбатовскій по этому поводу говорилъ по телефону съ комендантомъ. Тотъ сперва какъ будто бы не соглашался на это, но когда ему сказали, что начальникъ раіона разрѣшаетъ, согласился. Стали отводить войска съ 1-й линіи. На весь восточный фронтъ въ резервѣ было 400—500 человѣкъ.

Послѣ этого судъ переходитъ собственно къ событіямъ 19-го декабря. Первымъ приглашается разсказать о нихъ комендантъ крѣпости.

Генер.-лейтен. Смирновъ.

— Съ ранняго утра 19-го декабря непріятель началъ сильную бомбардировку сѣверо-восточнаго фронта, сосредоточивъ свой огонь по Большому Орлиному Гнѣзду. Уже съ 9 час. утра стали поступать донесенія, что Гнѣздо занято японцами. Провѣрили это: оказалось, невѣрно. Борьба за этотъ пунктъ продолжалась до 3-хъ часовъ дня. Въ началѣ 4-го было получено донесеніе, что его заняли японцы. Лично я не придавалъ Большому Орлиному Гнѣзду значенія тактическаго ключа позиціи. Въ полуверстѣ сзади его была Безымянная гора съ запущеннымъ, правда, редутикомъ, который начали усиливать и исправлять. Гора эта, во всякомъ случаѣ, была не ниже Большого Орлинаго Гнѣзда, если не выше его,—и потому вопросъ о командномъ значеніи этихъ высотъ былъ спорнымъ. На совѣтѣ 16-го де-

кабря я и вовсе не упоминалъ о Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ но включилъ Безымянную гору во вторую линію обороны. Къ тому же Большое Орлиное Гнѣздо окаймлялось рядомъ нашихъ батарей, и японцы не могли тамъ поставить орудія. Весь приморскій фронтъ могъ бы также обстрѣливать Орлиное Гнѣздо. Около 4 час. дня я получилъ отъ своего начальника штаба извѣстіе, что проскакалъ парламентеръ. Въ послѣднее время было не рѣдкостью, что мы вступали въ переговоры относительно уборки тѣлъ. Спросилъ по телефону Горбатовскаго—правда ли это? Нѣтъ ли распоряженія о прекращеніи огня, о посылкѣ парламентера? Отвѣтили:—ничего подобнаго. Оказалось, что парламентеръ поѣхалъ не кратчайшей дорогой, черезъ восточный фронтъ, а дальней—черезъ сѣверный. Спустя нѣсколько времени Горбатовскій спросилъ меня, правда ли, что я, комендантъ, разрѣшилъ очистить батарею Б. Я ему отвѣтилъ: — ничего подобнаго... Явился адм. Виренъ съ письмомъ Рейса, въ которомъ говорилось, что настало время топить суда. Это было въ 7 час. вечера. Для меня стало ясно, что затѣвается сдача и что, быть можетъ, наступилъ моментъ для переворота. Я поѣхалъ къ адмираламъ. Обсудивъ положеніе вещей, мы признали, что для переворота осталась одна ночь, въ теченіе которой надо было арестовать Стесселя, Фока и Рейса и выслать ихъ на миноносцѣ изъ Артура; устранить отъ командованія полками полковниковъ Савицкаго, Грязнова и Гандурина, снять часть войскъ съ западнаго фронта и перевести ихъ на восточный; организовать новую линію обороны, ослабленную не только паденіемъ Больш. Орл. Гнѣзда, но, главнымъ образомъ, отдачею безъ боя, по распоряженію Фока, Малаго Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и батареи Б. Первымъ я не придавалъ большого значенія, а батареѣ Б, вмѣстѣ съ Залитерной горой,—громадное. Это была опора нашего фланга 2 и 3 линій. Тамъ были бетонныя сооруженія. Это былъ сильный опорный пунктъ. Послѣ 11-ти часовъ вечера я получилъ отъ полк. Рейса рапортъ съ приложеніемъ копіи съ письма, посланнаго Ноги...

Изъ двухъ послѣдующихъ показаній—ген. Горбатовскаго и его начальника штаба, подполковника Степанова, вполнѣ тожественныхъ по содержанію, мы приводимъ здѣсь разсказъ

послѣдняго о томъ, что дѣлалось въ этотъ день на восточномъ фронтѣ, и при какихъ обстоятельствахъ узнали тамъ о посылкѣ парламентера.

Подполковникъ Степановъ.

— Едва начало разсвѣтать, японцы повели наступленіе на Заредутную гору... Послышалась перестрѣлка. Въ это время штабъ нашего отряда очутился уже спиною къ атакованному пункту. Отошли на новое мѣсто, ранѣе намѣченное. Блиндажъ еще не былъ готовъ. Остановились у перевязочнаго пункта. Отсюда послали роту для занятія окоповъ на Безымянной горѣ. До Большого Орлинаго Гнѣзда, на которомъ сосредоточился бой, было около 1,000 шаговъ. Мы видѣли, какъ на него лѣзли японцы. Видѣли, какъ заволокло его дымомъ отъ безчисленнаго числа снарядовъ, рвущихся надъ нимъ. Даже у насъ въ лощинѣ со всѣхъ сторонъ летѣли пули. Въ 10 час. утра получили отъ коменданта горы, подполк. Галицинскаго, донесеніе, что нужны подкрѣпленія. Стали посылать туда полуроту за полуротой... Получили донесеніе и отъ начальника 2 отдѣла обороны фронта, подполковника Лебединскаго. Это былъ бодрый, всегда веселый человѣкъ. Но въ этотъ день онъ съ утра доносилъ, что держаться на Куропаткинскомъ люнетѣ нельзя. Просилъ меня пріѣхать, чтобы убѣдиться въ этомъ, но ген. Горбатовскій не пустилъ, а велѣлъ Лебединскому держаться во что бы то ни стало до вечера. Глухо было сказано. Очистить люнетъ и вечеромъ разрѣшенія ему не давалось. Тогда, видимо, Лебединскій сталъ сноситься прямо со штабомъ сухопутной обороны. Около 4 ч. дня на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ произошелъ страшный взрывъ. Стрѣльба вдругъ стихла, и скоро къ намъ явился едва очнувшійся отъ контузіи Галицинскій и сказалъ, что на Б. Орлиномъ Гнѣздѣ мы не удержались, что, насколько было силъ, онъ сдержалъ данное слово и что японцы ставятъ тамъ орудіе. Это дало намъ возможность донести ген. Фоку, что Б. Орлиное Гнѣздо не за нами. Въ виду того, что взятіемъ его наша позиція разрѣзалась на-двое, надо было сообразить, куда отводить войска, какую позицію занять. Плана дальнѣйшихъ дѣйствій мы не знали. Рѣшилъ переговорить со штабомъ сухопутной обороны по телефону. Долго пытался соединиться съ нимъ,—наконецъ, удалось. Вызываю полк. Дмитревскаго. Говорятъ, занятъ

на какомъ-то совѣщаніи... Требую его. Наконецъ, онъ подошелъ.—„Что вы тамъ волнуетесь?“—сказалъ онъ. Это было слишкомъ въ такую критическую минуту, и я наговорилъ ему дерзостей... Тогда онъ сказалъ, что посылаетъ мнѣ письмо. Черезъ полчаса получаю его. Вотъ его приблизительное содержаніе: „Начальникъ укрѣпленнаго раіона выслалъ парламентера для переговоровъ о сдачѣ. Позицію надо держать, какъ завѣсу. Письмо это уничтожьте“. — Оно ударило меня какъ обухомъ по головѣ. Я передалъ его Горбатовскому, онъ долго его читалъ и молча вернулъ мнѣ. Я разорвалъ его въ клочки и бросилъ въ печку. Однако, положеніе наше какъ никакъ прояснилось. Я понялъ, что все нужно держать, какъ завѣсу: и Куропаткинскій люнетъ, и М. Орлиное Гнѣздо. Но затѣмъ случилось что-то странное и непонятное. Лебединскій донесъ, что получилъ приказаніе очистить Куропаткинскій люнетъ и Малое Орлиное Гнѣздо. Я сообщилъ объ этомъ коменданту. Тотъ отвѣтилъ, что безъ его приказанія ничего не очищать, и былъ этимъ вообще страшно возмущенъ. Горбатовскій между тѣмъ уѣхалъ въ новый штабъ, помѣщавшійся въ Новомъ городѣ, а я остался въ старомъ. Въ началѣ 8 часа вечера получилъ на имя Горбатовскаго собственноручную записку Фока. Въ ней подъ угрозой побудительныхъ мѣръ предписывалось очистить батарею Б. Послалъ ее Горбатовскому—и батарея была очищена. Тогда стали поступать тревожныя донесенія съ укрѣпленія № 2, которое уже стало обстрѣливаться съ батареи Б. Ночью очистили и его...

Разсказъ о письмѣ Дмитревскаго, согласный во всемъ въ показаніяхъ Степанова и Горбатовскаго, возбуждаетъ нѣкоторую сенсацію среди защиты Стесселя и Фока. Ген. Домбровскій, несмотря на свидѣтельство двоихъ лицъ, что это письмо было сожжено, заявляетъ, что оно есть въ дѣлѣ и оглашеніе всего его содержанія сведетъ къ нулю весь 5 пунктъ обвиненія ген. Фока.

Оглашаютъ...

Оказывается, по признанію тутъ же сдѣланному Дмитревскимъ, что это не письмо и даже не черновикъ его, а

просто составленная имъ, — онъ не помнитъ, гдѣ и когда, но уже послѣ паденія Артура и выѣзда изъ него свидѣтеля,—памятная записка о фактѣ посылки имъ письма въ штабъ восточнаго фронта. Въ запискѣ говорится, что письмо было послано ген. Горбатовскому, между тѣмъ и Горбатовскій и Степановъ говорятъ, что оно было адресовано послѣднему. Слова „держите позицію, какъ завѣсу“, сопровождаются въ этой памятной запискѣ (кстати—даже не датированной) указаніемъ, что это нужно для того, чтобы выговорить наиболѣе выгодныя условія.

— Нѣтъ, содержаніе того письма было другое... не такое,—говорятъ и Горбатовскій, и Степановъ.

— А зачѣмъ вы просили уничтожить это письмо? Ради чего это было нужно? — спрашиваетъ Дмитревскаго членъ суда, бар. Остенъ-Сакенъ.

— Ген. Фокъ приказалъ...

— Я не приказывалъ,—рѣшительно заявляетъ Фокъ.

— Утвердительно не могу сказать. Это изъ моей памяти улетучилось,—заявляетъ и Дмитревскій.

Понятно, что у генерала Горбатовскаго могли появиться „темныя мысли“, когда онъ получилъ приказаніе Фока во что бы то ни стало, „подъ угрозой побудительныхъ мѣръ“ очистить батарею Б.

Такъ отвѣтилъ этотъ генералъ на вопросъ защитника Фока: „было ли тутъ тактическое разномысліе или преступленіе?“.

XVIII. 28-е декабря — засѣданіе 18-е.

Очищеніе Китайской стѣнки 18-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: полк. **Гандурина** и ген.-м. **Мехмандарова.—Оборона и паденіе Большого Орлинаго Гнѣзда** 19-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Галицинскаго** и подпоруч. **Гринцевича.**

Послѣ недѣльнаго перерыва засѣданіе возобновляется подъ предсѣдательствомъ ген.-отъ-инф. *Водара.*

Ген.-отъ-инф. Дукмасовъ, по болѣзни, выбылъ изъ состава

суда. Численность послѣдняго опредѣляется теперь въ 8 человѣкъ.

Засѣданіе открывается не въ 11 часовъ утра, а въ 2 часа дня, и начинается изслѣдованіемъ событій 18-го декабря, когда была очищена Китайская стѣнка, самый надежный оплотъ Портъ-Артура.

Даетъ показанія защитникъ ея—полков. Гандуринъ.

Полковникъ Гандуринъ. По его разсказу дѣло происходило такъ:

— 18-го декабря съ утра—канонада. Около 11 ч. утра японцы повели наступленіе на примыкающій къ стѣнкѣ Скалистый кряжъ со стороны очищеннаго нами 15-го декабря III-го форта. Первое нападеніе ихъ на образуемый тутъ Китайскою стѣною уголъ было отбито легко, несмотря на то, что оно было нѣсколько неожиданно. Люди 5-й роты 13-го полка, занимавшіе этотъ участокъ, обѣдали... Ротный командиръ, кап. Краевскій, съ нѣсколькими стрѣлками кинулся на японцевъ въ штыки и отбросилъ ихъ. Затѣмъ атаки стали повторяться одна за другою и длились цѣлый день. Резервовъ у меня было немного, и я посылалъ подкрѣпленія небольшими пачками. Около 4 час. дня пришло изъ 3-й роты 13-го полка извѣстіе, что держаться нельзя, что японцы все лѣзутъ и лѣзутъ на Скалистый кряжъ. Въ это время у меня въ резервѣ было только 60 чел. моряковъ съ боцманматомъ. Моряки — отличный народъ, молодцами дерутся, но они плохо оріентируются въ обстановкѣ. Пришлось самому лично обрекогносцировать мѣстность. Дѣло было трудное... Японцы, одѣтые въ хаки, отлично примѣнялись къ мѣстности. Я долго присматривался, а въ это время меня откуда-то обдали струей изъ пулемета,—должно быть, съ укрѣпленія 3-го,—и я былъ раненъ 3 пулями въ голову. Когда штабъ-трубачъ велъ меня въ блиндажъ, я былъ еще раненъ пулями въ ноги. Велѣлъ нести себя на перевязочный пунктъ... Пока выжидали момента, чтобы вынести меня изъ сферы огня, я назначилъ себѣ замѣстителя,—того, кто былъ изъ старшихъ подъ рукою, и послалъ съ 5-ю охотниками объявить людямъ, что я раненъ и что я завѣщаю людямъ держаться до ночи, ночью же начальство скажетъ, что дальше надо дѣлать. Затѣмъ меня понесли. Около штаба восточнаго отряда я просилъ носильщиковъ остановиться и

сказалъ генералу Горбатовскому, что положеніе на Китайской стѣнкѣ скверное, но что за сегодняшій день на своемъ отдѣлѣ я ручаюсь... Я просилъ Горбатовскаго принять мѣры или для дальнѣйшей обороны стѣнки, или же сдѣлать какія-либо другія распоряженія... Затѣмъ я уже дальнѣйшаго участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ не принималъ. Въ послѣднее время артиллерія очень слабо помогала оборонѣ. Она была несостоятельна по недостатку снарядовъ и прислуги. Былъ случай, что на 4 орудія былъ одинъ только артиллеристъ. Очевидно, что это все равно, какъ бы у меня этихъ орудій и вовсе не было. Мнѣ извѣстно, что Заредутная батарея получила приказаніе не тратить болѣе 20 снарядовъ въ день. Я сказалъ командиру, что можетъ не стрѣлять и вовсе. Отъ 20 снарядовъ пользы мало...

— Не отразилась ли дѣятельность ген. Фока на ускореніи конца Артура?—спрашиваетъ его прокуроръ.

— Дѣло шло къ концу,—былъ бы ген. Кондратенко или нѣтъ, — все равно. Правда, смерть его была для всѣхъ насъ огромной моральной утратой. Это былъ истинный начальникъ, котораго всѣ мы любили, уважали, слушались, у котораго всегда находили поддержку, совѣтъ, утѣшеніе... Онъ былъ всѣмъ намъ родной человѣкъ... Помню, однажды я получилъ приказаніе, исполнить котораго не могъ. Считая, что, не будучи въ состояніи исполнить требованіе начальника, я не могу продолжать быть начальникомъ отдѣла на позиціи, я рѣшилъ просить о смѣнѣ меня и поѣхалъ въ Артуръ съ этою цѣлью. По дорогѣ встрѣчаю Кондратенко. Онъ обласкалъ меня, завезъ къ себѣ и въ дружеской бесѣдѣ разсказалъ, какъ ему самому тяжело. И мнѣ стало совѣстно своего малодушія. Я ничего не сказалъ и вернулся на свой участокъ. Ген. Фокъ, быть можетъ, черезчуръ былъ пылокъ, но ничѣмъ не повредилъ дѣлу обороны. По тому количеству матеріаловъ, которое намъ отпускали для ремонта Китайской стѣны, и по тому количеству снарядовъ, которое намъ давали, чтобы подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня можно было вести ея исправленія,—держаться долѣе на Китайской стѣнкѣ было нельзя.

Въ противовѣсъ показанію Гандурина, генералы Смирновъ и Горбатовскій повторяютъ данное уже ими ранѣе объясне-

ніе, какъ, помимо ихъ, по чьему-то донесенію въ штабъ раіона, было приказано очистить Китайскую стѣнку.

— Вопросъ, могли ли мы долѣе держать Китайскую стѣнку, долженъ былъ рѣшить бой, а не донесенія, что оттуда стрѣляютъ или отсюда стрѣляютъ,—говоритъ генералъ Смирновъ.—Мы могли потерять Китайскую стѣнку въ бою, подъ натискомъ штыковъ, но не очищать ее отъ свистанія пуль.

Ген. Стессель произноситъ рѣчь въ честь Гандурина, называетъ его „храбрѣйшимъ“ и говоритъ, что вѣсть о ранѣ Гандурина такъ же потрясла гарнизонъ, какъ и смерть ген. Кондратенко.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Очищенію Китайской стѣнки свидѣтель придаетъ роковое значеніе.

— Въ теченіе 4½ мѣсяцевъ,—говоритъ онъ,—японцы вели безпрерывные, постоянные штурмы на Китайскую стѣнку, но каждый разъ мы ихъ отбивали и ни одинъ аршинъ ея не былъ взятъ японцами. Мы отдали ее сами — и вотъ черезъ 14 часовъ Артура не стало. Мы должны были оборонять ее, во что бы то ни стало. Мы должны были знать, что съ очищеніемъ ея, мы лишаемся не только артиллерійской, но и ружейной обороны слѣва. Было ясно, что безъ нея нельзя держать и Большого Орлинаго Гнѣзда... Но когда и оно пало, — еще болѣе ужасною ошибкою было очищеніе батареи Б. Съ нея видны были и Старый, и Новый городъ, и, отдавая ее японцамъ безъ боя, мы подвергли риску городъ...

Свидѣтель, бывшій начальникъ артиллеріи восточнаго фронта, на которомъ и разыгралась наиболѣе упорная борьба, удостовѣряетъ, что за все время обороны онъ не помнитъ случая, чтобы ему отказывали въ требованіи снарядовъ. Съ ними только экономили, т. е. присылали ихъ нѣсколько менѣе того, что просилось. Но и просилось-то вѣдь болѣе, чѣмъ требовалось.

Интересъ засѣданія сосредоточивается затѣмъ на потрясающихъ картинахъ обороны горстью людей Большого Орлинаго Гнѣзда.

Два человѣка вышли живыми изъ этого ада—и они

передъ нами. Прежде всего, это комендантъ горы—полк. Галицинскій.

Полковникъ Галицинскій.

— Я жилъ на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ,— говоритъ онъ,—съ 18 августа. На вершинѣ его стояли на платформѣ двѣ подбитыя канэтовскія пушки. Потомъ поставили туда морское 47-мм. орудіе, но изъ него стрѣлять не пришлось. Оно было подбито первымъ же выстрѣломъ японцевъ. Мы устраивали свои пушечки-мортирки. Брали пустую гильзу отъ 6-дюйм. снаряда Канэ, начиняли ее порохомъ, камнями и осколками, придѣлывали бикфордовъ шнуръ и во время штурма его зажигали. На одинъ выстрѣлъ, дальностью шаговъ на 100, такой „пушки“ хватало. Никакихъ укрѣпленій на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ не было; мы сами уже смастерили впереди платформы окопъ, въ которомъ могло помѣститься человѣкъ 15, впереди еще небольшой окопецъ, и два хода сообщеній... Помню, что послѣ паденія Высокой горы ко мнѣ на гору пришелъ инж.-подполк. Рашевскій и сказалъ, что начальство рѣшило укрѣплять Большое Орлиное Гнѣздо, такъ какъ на него теперь, вѣроятно, японцы поведутъ свои атаки; безъ Орлинаго Гнѣзда же нельзя защищать и Артуръ. Однако это такъ и осталось только добрымъ намѣреніемъ. Укрѣплять гору начали не съ рытья окоповъ, а съ устройства пещеры... Ночью съ 18-го на 19-е декабря я получилъ отъ Горбатовскаго по телефону приказаніе быть комендантомъ Большого Орлинаго Гнѣзда. Онъ указалъ мнѣ при этомъ на всю важность этого пункта, но я и самъ зналъ, что это не только важный тактическій, но и отличный оріентировочный пунктъ. У меня въ это время было на немъ всего 22 стрѣлка. Горбатовскій обѣщалъ помочь, чѣмъ могъ. Въ 5 час. утра, дѣйствительно, прибыла охотничья команда моего баталіона съ подпоруч. Гринцевичемъ. Въ это время на передовой линіи, съ которой отступали наши войска, вспыхнулъ пожаръ, освѣтивъ отступленіе, и японцы тотчасъ же полѣзли... Когда посвѣтлѣло, мы замѣтили, что японцы уже покрывали всю Заредутную батарею, укрѣпленіе 3-е и спускались въ лощину за Б. Орлин. Гнѣздомъ. Но стрѣлять въ нихъ было еще нельзя. Гора имѣетъ скатъ въ 45^0, а на самой вершинѣ — еще круче... Когда, наконецъ, можно стало прицѣливаться, я

схватилъ винтовку, первый выстрѣлилъ и скомандовалъ огонь пачками. Онъ былъ губителенъ для японцевъ, и они всѣ тутъ полегли. Тогда они начали двигаться со стороны укр. 3-го и форта III-го. Пока я сообщалъ объ этомъ по телефону въ штабъ генерала Горбатовскаго, началось адское обстрѣливаніе горы снарядами всевозможныхъ калибровъ. Гора такъ разсыпалась отъ нихъ, что дымъ и пыль совершенно насъ окутали, и мы перестали видѣть другъ друга. Подъ покровомъ этой пелены японцы подползли къ окопамъ, но мы бросились на нихъ въ рукопашную со штыками, камнями и бомбочками, сбросили ихъ внизъ и открыли въ догонку имъ по скату безпорядочную стрѣльбу. Тогда обстрѣливаніе горы возобновилось. Мы лежали въ окопахъ, не шевелясь, закутанные другъ отъ друга туманомъ дыма и пыли... Я поползъ было къ телефону, но блиндажъ оказался разрушеннымъ и провода перебитыми. Написалъ двѣ записки, послалъ ихъ съ солдатами, а въ это время японцы снова бросились на штурмъ и снова были сбиты Гринцевичемъ. Но мы удержались уже только въ верхнемъ окопѣ. Въ это время у Гринцевича оставалось только 6 человѣкъ. Смотрю, однако, сзади къ намъ ползутъ въ гору кучками люди моего баталіона—9 и 10 ротъ. Съ ихъ помощью были отбиты еще 3-й и 4-й штурмы. Подошла рота 28-го полка съ поручикомъ Рачко. Послѣдній былъ скоро убитъ, а мы уже засѣли отъ снарядовъ въ ямы и подъ платформу. Около 11½ час. утра пришла полурота моряковъ съ лейт. Темировымъ. Съ нею мы отбили 5-й штурмъ. Около 3 часовъ дня снарядъ попалъ въ кучу бомбочекъ и взорвалъ ихъ; отъ взрыва загорѣлась платформа и рухнула. Меня оглушило, забросало камнями, землей... Я лишился чувствъ, но, теряя сознаніе, слышалъ еще крики: „банзай“ и „лѣзутъ, лѣзутъ!“ Я очнулся подъ Б. Орлинымъ Гнѣздомъ.

Подпоручикъ Гринцевичъ.

— Это было въ 3 часа 20 мин.,—дополняетъ показаніе Галицинскаго его боевой товарищъ,— когда мы потеряли Б. Орлиное Гнѣздо... Послѣ взрыва бомбочекъ у меня осталось только три человѣка (движеніе въ публикѣ). Я рѣшилъ, что дальше не могу держаться и отошелъ съ ними съ горы... Солдаты, которые подходили къ намъ на гору, человѣкъ по 5—6 съ бомбочками, говорили:

„Ваше благородіе, пришли умирать на Орлиное“... И умирали героями... Раненыхъ не приказано было выносить; кто могъ, самъ уползалъ. Потомъ одинъ солдатъ сказалъ мнѣ, что часть раненыхъ была задавлена въ блиндажѣ 11-дюйм. снарядомъ, а другая была переколота ворвавшимися на Большое Орлиное Гнѣздо японцами. Очень помогала оборонѣ наша артиллерія: слѣва, съ Митрофаньевской горы—2 орудія, и справа—батарея поручика Грибовскаго.

Оба свидѣтеля утверждаютъ, что съ паденіемъ Б. Орлинаго Гнѣзда дальнѣйшая оборона крѣпости была немыслима.

— Мы помѣнялись съ японцами ролями; они заняли теперь крѣпость, а мы, осажденные,—полевые окопы,—говоритъ Галицинскій.

XIX. 29-е декабря.—Засѣданіе 19-е.

Событія 18-го и 19-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Мехмандарова**, подполк. **Степанова**, полковн. **Галицинскаго**, объясненіе ген. **Фока**. Показанія ген.-м. **Горбатовскаго**, полк. **Лебединскаго**, подполк. **фонъ-Шварца**, кап. **Курдюкова**, пор. **Падейскаго**, подполковниковъ **Бончъ-Осмоловскаго** и **Васильева**, кап. **Ясенскаго**, шт.-кап. **Ручьева**, поручиковъ **Грибовскаго, Кальнина** и **Безсалова**.

Судебное слѣдствіе и на этотъ разъ сосредоточивается вокругъ роковыхъ событій послѣднихъ двухъ дней обороны, 18-го и 19-го декабря—очищенія Китайской стѣны, паденія Большого Орлинаго Гнѣзда и уступки безъ боя батареи Б.

Выясняется—возможно ли было еще удерживать эти пункты, имѣла ли утрата ихъ существенное значеніе на печальный исходъ обороны и не направляла ли къ этому концу ходъ событій, не ускоряла ли ихъ чья-то злонамѣренная рука. Особенно загадочнымъ и спорнымъ представляется дѣйствительно странный фактъ очищенія нашими войсками по приказанію генерала Фока, подъ угрозой побудительныхъ мѣръ, батареи Б. черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ парламентеръ съ предложеніемъ сдачи былъ уже отправленъ.

Постепенно слѣдствіе сводится къ выясненію средствъ обороны, главнымъ образомъ—артиллерійскихъ... Въ общемъ оно принимаетъ довольно безпорядочный характеръ: свидѣ-

тели спорятъ между собою, съ подсудимыми,—спорятъ по поводу такихъ фактовъ, которые, казалось бы, должны быть непреложны, очевидны; напримѣръ, одинъ, два или три ряда окоповъ было на батареѣ Б. Высказываются самыя противоположныя частныя мнѣнія, нагромождаются мелкія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ уголка своей жизни, своей дѣятельности. Мелочей этихъ дѣлается такъ, въ концѣ концовъ, много, что за деревьями становится не видно лѣса.

Первымъ начинаетъ эту полемику ген. Мехмандаровъ.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Онъ возвращается къ вопросу объ очищеніи Китайской стѣнки и Скалистаго хребта. Онъ настаиваетъ на томъ, что оборону ихъ надо было продолжать.

— Дѣло не въ томъ,—говоритъ онъ,—когда Портъ-Артуръ палъ, сколько времени могли мы продержаться на той или другой позиціи, а въ томъ: какъ палъ Артуръ. На него смотрѣлъ весь міръ—и удивлялся доблестной его защитѣ. Эта защита должна была увѣнчаться и доблестнымъ концомъ, а, между тѣмъ, она вдругъ какъ-то странно оборвалась.

Подполковникъ Степановъ.

Ему возражаетъ подполковникъ Степановъ, который оспариваетъ взглядъ Мехмандарова.

— Здѣсь придаютъ большое значеніе Скалистому кряжу и тому обстоятельству, что въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ ни одинъ аршинъ Китайской стѣнки не былъ взятъ у насъ японцами. Почему не былъ взятъ? Потому, что у насъ была тогда живая сила бойцовъ, были форты. Взявъ у насъ фортъ III, японцы клиномъ врѣзались на этомъ тактическомъ пунктѣ въ грудь крѣпости и начали какъ бы раздвигать ее. И вотъ тогда уже положеніе наше стало критическимъ... Его нельзя было спасти, цѣпляясь за ту или другую сопку. Надо было взглянуть на дѣло шире, прямѣе, смѣлѣе. У насъ была крѣпостная ограда въ 23 версты, а ее занимала теперь только $^1/_4$—$^1/_5$ той части гарнизона, который оборонялъ ее вначалѣ. Надлежало, можетъ быть, вовсе отказаться отъ мысли долѣе удерживать ее съ такими силами и сосредоточенно занять ими другую, новую линію... Держать Скалистый хребетъ можно было нѣсколько и долѣе, но все это временно, все это частности, которыя не мѣняли конца... Разъ фортъ III былъ уже не въ нашихъ рукахъ, мы не

могли удерживать Китайскую стѣнку такъ прочно, какъ прежде. Объ оборонѣ Скалистаго кряжа въ штабѣ много думали... Объ укрѣпленіи его я говорилъ еще въ концѣ ноября съ подполковникомъ Рашевскимъ, но онъ сказалъ, что на этой грядѣ камней трудно создать что-либо искусственное; надо пользоваться ею, какъ она есть...

Съ новымъ возраженіемъ Степанову поднимается ген. Мехмандаровъ.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

— Какъ смотрѣли въ штабѣ на Скалистый хребетъ, я не знаю, но знаю одно, что онъ уступленъ былъ съ легкимъ сердцемъ, безъ упорнаго сопротивленія... Удерживать же его еще можно было.

— А вы знаете,—спрашиваетъ его защитникъ ген. Фока,— каковы потери были на Скалистомъ хребтѣ?

— Нѣтъ, числа потерь я не знаю, но знаю, сколько подкрѣпленій послано было на другой день на Б. Орлиное Гнѣздо.

Полковникъ Галицинскій.

Полковникъ Галицинскій опровергаетъ утвержденіе Мехмандарова, что ни одинъ аршинъ Китайской стѣнки не былъ взятъ японцами.

— Въ 4 часа дня 18-го декабря,—заявляетъ онъ,—часть Китайской стѣнки на участкѣ 14-го полка была занята японцами на протяженіи 30 шаговъ.

Наконецъ, въ этотъ споръ свидѣтелей вмѣшивается подсудимый, ген. Фокъ.

Генералъ Фокъ.

— Мы были тогда въ такомъ положеніи,—откровенно признается бывшій начальникъ сухопутной обороны,— что цѣплялись за что угодно, сами не понимая. Уцѣпились и за Скалистый хребетъ... Можетъ быть, мы дурно поступили, что погубили тутъ, на оборонѣ Китайской стѣнки, 13-й и 14-й полки...

Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію батареи Б, очищеніе которой ему инкриминируется какъ дѣйствіе, ничѣмъ прямо не вызывавшееся и несвоевременное.

— Батарея Б построена на конусообразномъ холмѣ. На верху его—яма въ видѣ бетонной кастрюли, въ которой стояли четыре 6 дюйм. орудія. Ихъ назначеніемъ было бороться съ осадною артиллеріею противника. Но эта роль ихъ кончилась еще въ августѣ. Три орудія были уничтожены, а

одно—сегодня стрѣляло, завтра—нѣтъ. Впереди батареи было выкопано два ряда окоповъ, но одинъ изъ нихъ былъ засыпанъ еще при Кондратенко. За четыре дня, именно 14-го декабря, я обходилъ этотъ послѣдній окопъ. Попасть въ него съ Китайской стѣнки было нелегко. Укрыто можно было идти шаговъ 10, а шаговъ 70—100 надо было бѣжать открыто. Окруженный непріятелемъ, бросавшимъ въ окопъ бомбочки, онъ былъ совсѣмъ отрѣзанъ отъ Китайской стѣнки. Но гарнизонъ его на рѣдкость былъ бодръ духомъ. За батареей Б. находилась Залитерная батарея съ 2-мя 15-см. орудіями, поставленными открыто. Они были подбиты еще въ сентябрѣ. Окоповъ на батареѣ не было. Лѣвѣе ея стояли 2 противоштурмовыхъ орудія. Рано утромъ 19-го декабря я пошелъ, по обыкновенію, осматривать работы. Выѣхалъ на Китайскую стѣнку между батареей Б и Куропаткинскимъ люнетомъ и встрѣтилъ тутъ начальника отдѣла, Лебединскаго... Онъ обратилъ мое вниманіе на крики „банзай“... Я говорю ему—„это пустяки: японцы занимаютъ брошенныя нами укрѣпленія и кричатъ“... Слышу,—опять кричатъ „банзай“... Думаю — дѣло плохо. Поѣхалъ къ Большому Орлиному Гнѣзду. Къ 9-ти часамъ вернулся въ свой штабъ и написалъ Горбатовскому записку: „Сегодня Б. Орлиное Гнѣздо удержать во что бы то ни стало“... Въ 3 час. дня оно пало. Въ 5 час. начало темнѣть. Тогда я отдалъ приказаніе Лебединскому очистить Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею Б. Объ очищеніи первыхъ двухъ меня еще ранѣе просилъ Лебединскій... Спросятъ, почему я прибавилъ сюда и бат. Б, о которой Лебединскій не просилъ? Но вѣдь начальникъ отдаетъ распоряженія не вслѣдствіе просьбъ подчиненныхъ, а по своимъ тактическимъ соображеніямъ. Истинно трагическое положеніе бат. Б началось съ того момента, когда были очищены М. Орлиное Гнѣздо и Куропаткинскій люнетъ. Въ 400 шагахъ отъ нея — японцы; на ней 4 подбитыхъ орудія безъ прислуги, японскіе пулеметы никого туда не пускаютъ. Развѣ надо было ждать просьбы Лебединскаго? Или надо было, чтобы онъ самъ ее очистилъ? Это недостойно! Да и самъ гарнизонъ, отрѣзанный отъ Артура, не могъ оставаться спокойнымъ. Вотъ почему я и приказалъ сразу очистить всѣ эти три пункта.

Это, конечно, тактическія соображенія, но они, можетъ быть, не нужны „господину генералу прокурору“... Ему нужны юридическія...

— Прошу васъ не касаться того, что нужно прокурору,— останавливаетъ Фока предсѣдатель.—Это его дѣло.

— Но была ли необходимость очищать бат. Б. уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ посылки парламентера?—ставитъ Фоку вопросъ прокуроръ.

— А какъ же?! Непремѣнно! Это былъ мой долгъ!—гордо отвѣчаетъ Фокъ.

Иначе оцѣниваетъ этотъ фактъ бывшій начальникъ обороны восточнаго фронта ген. Горбатовскій. Онъ говоритъ:

Генер.-маіоръ Горбатовскій.

— Очищеніе бат. Б.—конецъ Артура. Она имѣетъ залитерную батарею, которая обстрѣливала подступы къ городу. Очищать ее не слѣдовало. На батареѣ Б. было два окопа, а не одинъ...

Того же мнѣнія и бывшій начальникъ II отдѣла обороны этого фронта полк. Лебединскій.

Полковникъ Лебединскій

— Съ паденіемъ Б. Орл. Гнѣзда надо было очистить и М. Орлиное Гнѣздо, и Куропаткинскій люнетъ, но не бат. Б. На ней еще можно было держаться дня два, три... Приказъ очистить батарею я получилъ отъ Фока около 4 час. дня безъ моего представленія о томъ. Доложилъ объ этомъ Горбатовскому. Тотъ разрѣшилъ исполнить приказаніе Фока относительно М. Орлин. Гнѣзда и Куропаткинскаго люнета, но бат. Б велѣлъ держать. Я былъ въ затруднительномъ положеніи, не зная, что дѣлать. Два начальника приказываютъ разное. Наконецъ, около 8 час. веч., и отъ Горбатовскаго пришло согласіе. Отвелъ войска на Опасную гору къ Некрашевичу-Покладу. Пришелъ къ нему (это было уже около 1 часа ночи)—и говорю:—„Ну, слава Богу, ушелъ благополучно и все унесъ“.—А онъ мнѣ вдругъ и говоритъ: „Нечего было стараться, все равно крѣпость сдается“.—„Какъ“?!—говорю.—„Да развѣ вы не знаете, что вечеромъ еще посланъ парламентеръ?“—„Чего же я тогда мучился?! Солдатъ, какъословъ, вьючилъ всякимъ добромъ, патроны имъ въ карманы набилъ... Бомбочки, пушки на себѣ тащили...“

Полковникъ *Лебединскій*, генералъ *Мехмандаровъ* и инж.-

подполк. *фонъ-Шварцъ* категорически опровергаютъ заявленіе Фока, что на бат. Б былъ лишь одинъ окопъ. Всѣ видѣли, что было три окопа; по показанію фонъ-Шварца: нижній—очень хорошій, остальные два—похуже; въ нихъ можно было помѣстить роты двѣ, по 300 чел. каждая.

Капитанъ Курдюковъ. Въ согласіи съ Фокомъ показываетъ, что тамъ былъ всего одинъ окопъ, капитанъ Курдюковъ, занимавшій ранѣе эту батарею, а 19-го декабря стоявшій въ резервѣ съ своею ротою въ 35 чел. у М. Орл. Гнѣзда. Свидѣтель также жалуется, что наша артиллерія не мѣшала работать японцамъ, которые шли тихой сапой отъ Волчьихъ горъ цѣлый мѣсяцъ, работая днемъ и ночью. Онъ сообщаетъ, будто артиллеріи нашей приказано было тратить только по 3 снаряда въ день, а въ дни штурмовъ—по 5 на орудіе; для подъема же духа пѣхоты—стрѣлять холостыми выстрѣлами.

Поручикъ Падейскій. Свидѣтель былъ комендантомъ Куропаткинскаго люнета, который, по приказанію полк. Лебединскаго, очистилъ въ 2 ч. ночи съ 19-го на 20-е декабря... Отходилъ съ боемъ, отбиваясь бомбочками. Японцы обстрѣливали люнетъ съ Б. Орлинаго Гнѣзда. Съ люнета увезли изъ 10 орудій одну лишь пушку Барановскаго.

Выясняется также попутно вопросъ, было ли заготовлено ранѣе письмо ген. Ноги съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ.

При предварительномъ слѣдствіи ген. Фокъ показалъ, что изъ разговоровъ съ полк. Рейсомъ 19-го декабря онъ узналъ, что у ген. Стесселя есть уже письмо къ Ноги съ просьбою прислать парламентера. На вопросъ, когда это письмо будетъ отправлено, полк. Рейсъ сказалъ ген. Фоку—„завтра“.—„Но это уже будетъ поздно“, возразилъ Фокъ и, отправившись къ ген. Стесселю, доложилъ послѣднему о положеніи дѣла, сказавъ, что восточный фронтъ болѣе держаться не можетъ. Послѣ этого доклада и посланъ былъ парламентеръ, прапорщ. Мальченко, съ письмомъ.

На судебномъ слѣдствіи Фокъ это подтверждаетъ. Ему возражаетъ ген. Рейсъ.

Ген.-м. Рейсъ. — 19-го декабря я впервые увидалъ ген. Фока послѣ паденія Б. Орлинаго Гнѣзда, въ началѣ 4-го часа дня. Онъ спросилъ, дома ли Стессель. Узнали, что Стессель дома. Фокъ разсказалъ мнѣ, что былъ у Б. Орлинаго Гнѣзда и

видѣлъ, что долѣе держаться нельзя. Объ этомъ онъ хотѣлъ доложить Стесселю и спросилъ меня, много ли надо времени написать Ноги письмо. Я отвѣтилъ—„нѣсколько минутъ“...

Затѣмъ допрашивается рядъ артиллерійскихъ офицеровъ: отст. ген.-м. Стольниковъ, подполк. Бончъ-Осмоловскій и Васильевъ, капитанъ Ясенскій, шт.-кап. Ручьевъ, поручики Грибовскій, Безсаловъ и Кальнинъ. Всѣхъ ихъ спрашиваютъ о количествѣ оставшихся у нихъ ко дню сдачи орудій и снарядовъ; о томъ, довольно ли было послѣднихъ и какъ они доставлялись на батареи.

Отст. генер.-м. Стольниковъ.

Бывшій помощникъ генерала Мехмандарова показываетъ, что при очищеніи Китайской стѣнки увезъ съ нея снаряды на 34 подводахъ, что батареи безъ снарядовъ не оставались, но стрѣляли экономно, что всего на его участкѣ оставалось годныхъ къ бою около 100 орудій, къ нимъ снарядовъ: большого и средняго калибровъ—по 10 на орудіе, а малаго калибра—по 15, да часть снарядовъ при первомъ же извѣстіи о сдачѣ была уничтожена,—зарыта въ землѣ.

Подполковникъ Бончъ-Осмоловскій.

Подполк. Бончъ-Осмоловскій показываетъ, что въ 8 ч. утра 19-го декабря онъ открылъ по обыкновенію огонь по непріятельскимъ работамъ, но капит. Музеусъ передалъ ему съ форта № I, что ген. Бѣлый приказалъ не стрѣлять, пока японцы не пойдутъ на штурмъ. Въ 4-мъ часу утра 20-го декабря онъ услышалъ выстрѣлы,—поднялъ прислугу и открылъ огонь. Его поддержали другія батареи. Стрѣляли минутъ 20. Когда разсвѣло, увидѣлъ на Курганной и батареѣ Б японцевъ... Въ 4 ч. дня 20-го декабря узналъ, что крѣпость капитулировала. Извѣстіе о сдачѣ принято было спокойно. На батареѣ, для 9 пушекъ оставалось 11 патроновъ для скорострѣльныхъ орудій, 15 снарядовъ для другихъ калибровъ и около 400 снар., бронебойныхъ, для морскихъ орудій.

Штабсъ-кап. Ручьевъ.

Шт.-кап. Ручьевъ—что къ 15-му декабря у него оставалось по 7 снарядовъ на орудіе, на четыре 9 дюйм. орудія было 30 челов. прислуги. Днемъ подвозить снаряды было нельзя, ночью же везти было трудно и медленно. Въ общемъ—отказа въ снарядахъ не было. Число снарядовъ нормировалось только въ случаяхъ сосредоточенной стрѣльбы.

Подполковникъ Васильевъ. Свидѣтель былъ командиромъ Курганной батареи. Сперва на ней было 21 орудіе восьми различныхъ калибровъ; къ 18 декабря осталось 5 орудій, 19-го—изъ нихъ подбито три; изъ 50 чел. прислуги осталось 14 чел. Съ занятіемъ Скалистаго кряжа и постановкой тамъ японцами пулемета положеніе батареи стало отчаяннымъ. Японцы отрѣзали сообщеніе батареи съ центромъ, ходить изъ каземата на линію огня стало очень опасно. Гарнизонъ батареи не имѣлъ горячей пищи ни 18-го, ни 19-го декабря. Ген. Бѣлый всегда напоминалъ, что надо беречь снаряды для послѣдняго штурма. Доставка снарядовъ была очень затруднительна. Бывали случаи, что солдаты воровали снаряды съ другихъ батарей.

Капитанъ Ясенскій. Капитанъ Ясенскій разсказываетъ, что 18-го декабря вечеромъ разнесся слухъ, будто на морѣ показалась эскадра Рождественскаго. Солдаты обезумѣли отъ радости, плакали, падали на колѣни, молились и говорили: „Какое это счастье, ваше б-діе, что во-время пришли; вѣдь мы совсѣмъ пропадаемъ“... Въ его батареѣ на Лаперовской горѣ 2 орудія были вовсе разбиты, 2 стояли безъ прицѣловъ и мушекъ, 2 были цѣлы.

Пор. *Кальнинъ*, находившійся на западномъ фронтѣ, показалъ, что снаряды имѣлись въ очень ограниченномъ количествѣ.

Поруч. *Грибовскій*—что 7-го августа ему дали на 6 орудій 500 снарядовъ и сказали, что больше не дадутъ до самаго конца. Изъ этихъ 500—сто потомъ еще отобрали. И болѣе, дѣйствительно, не давали. Послѣ отбитія штурма 17-го октября свидѣтель получилъ выговоръ отъ полк. Мехмандарова за большую трату снарядовъ.

Поруч. *Безсаловъ* показалъ, что снарядовъ было немного, но такого случая, чтобы ихъ не имѣли вовсе,—не было.

По поводу всѣхъ этихъ показаній даетъ объясненіе ген.-м. Мехмандаровъ.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ. Онъ говоритъ, что на совѣщаніи старшихъ артил. н-ковъ у ген. Бѣлаго рѣшено было не состязаться съ японской артиллеріей, а беречь снаряды для штурмовъ. Это неправда, будто артиллерія наша не мѣшала осаднымъ работамъ противника. Мы не допустили японцевъ

поставить орудія на редутахъ №№ 1 и 2 и на форту III. Приказа выпускать по 3, по 5 снарядовъ не было и быть не могло.

XX. 31-е декабря 1907 г. — Засѣданіе 20-е.

Дослѣдованіе обстоятельствъ очищенія Китайской стѣнки и батареи Б. Допросъ свидѣтелей: кап. **Сойманова** и ген. **Горбатовскаго.** Приказъ по раіону № 980. Объясненія ген. **Стесселя, Смирнова и Рейса. Заключеніе капитуляціи 20-го декабря 1904 г.** Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова** и подполк. **Голованя.**

Засѣданіе начинается дослѣдованіемъ обстоятельствъ очищенія Китайской стѣнки и батареи Б. по приказанію ген. Фока.

Допрашивается еще одинъ свидѣтель, капит. *Сойкановъ*. Онъ послѣднимъ отступилъ, въ 5 ч. утра 19-го декабря, съ Китайской стѣнки. Японцы не преслѣдовали. Держаться, по мнѣнію свидѣтеля, долѣе было нельзя, разъ занята была Заредутная батарея.

Затѣмъ оглашается приказъ-диспозиція генерала Стесселя отъ 18-го декабря за № 980. Онъ написанъ самимъ начальникомъ укрѣпл. раіона, о чемъ послѣдній заявляетъ почему-то съ гордостью. Между тѣмъ, гордиться тутъ нечѣмъ. Смѣшеніе въ немъ содержанія благодарственнаго войскамъ приказа съ диспозиціей, т. е. съ указаніемъ новыхъ позицій, которыя должны занять войска, составляетъ нарушеніе элементарныхъ правилъ управленія войсками въ бою. И это нарушеніе привело къ тому, что, получивъ приказъ, начинавшійся искренними выраженіями благодарности доблестнымъ войскамъ Портъ-Артура, пять мѣсяцевъ державшимъ непріятеля на линіи фортовъ II и III и т. д., — въ пылу боя, ген. Горбатовскій отнесся къ нему невнимательно и теперь едва вспоминаетъ о немъ.

— Полученъ онъ былъ поздно,—даетъ свои объясненія по поводу этого приказа бывшій н-къ обороны восточнаго фронта,—и я уже руководствовался не приказомъ, а обстоятельствами.

Генералъ Горбатовскій естественно могъ отнестись къ нему безъ особаго вниманія еще и потому, что приказъ этотъ, полученный имъ весьма поздно, свидѣтельствовалъ о малой освѣдомленности ген. Стесселя о положеніи дѣлъ на фронтѣ. Онъ свидѣтельствовалъ лишь о большой нервности и торопливости, съ которою ген. Стессель принималъ самыя серьезныя рѣшенія.

Дѣло въ томъ, что, отдавая приказаніе войскамъ занять вторую линію обороны, ген. Стессель исходилъ изъ предложенія, что взорвана Курганная батарея, тогда какъ въ дѣйствительности утромъ 18-го декабря погибло отъ взрыва укрѣпленіе 3-е. И только въ послѣдней части приказа, какъ будто самъ усумнившись въ томъ, дѣйствительно ли мы потеряли Курганную батарею, ген. Стессель даетъ указанія войскамъ, какія позиціи занять имъ, если мы еще держимъ эту батарею. Наконецъ, въ приказѣ этомъ нумерація отдѣловъ и участковъ обороны приведена была не та, которая принята была войсками и ихъ боевыми начальниками, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что прочной системы управленія войсками у ген. Стесселя не было и что къ дѣлу обороны онъ стоялъ не такъ близко, какъ онъ стремился это доказать, постоянно заявляя, что онъ — начальникъ, что онъ приказалъ сдѣлать то-то и то-то и что онъ одинъ могъ приказывать.

— Былъ ли исполненъ этотъ приказъ? — спрашиваетъ ген. Стесселя членъ суда, бар. Остенъ-Сакенъ.

— Онъ долженъ былъ быть исполненъ, — уклончиво отвѣчаетъ Стессель.

— „Долженъ“ это — одно, — настаиваетъ на своемъ вопросѣ бар. Остенъ - Сакенъ, — а донесли ли вамъ объ его исполненіи?

— Не повсемѣстно, — отдѣлывается новымъ неяснымъ отвѣтомъ подсудимый.

Времени отданія приказа ген. Стессель также точно не помнитъ.

Бывшій начальникъ его штаба, ген. Рейсъ, припоминаетъ, что отданъ онъ былъ, кажется, около 11 час. вечера 18-го декабря.

Но тогда должно было быть уже точно извѣстно, что

пала не Курганная батарея, а укрѣпленіе 3-е, и, стало быть, нечего было исходить въ своихъ указаніяхъ войскамъ новыхъ мѣстъ ихъ расположенія изъ невѣрнаго положенія.

Вообще, какъ темна редакція этого приказа, какъ теменъ истинный смыслъ его, такъ темно и самое происхожденіе. Характерно и то, что комендантъ крѣпости получилъ его только на другой день, 19-го декабря, около полудня.

Прокуроръ желаетъ выяснить, предписывалось ли этимъ приказомъ очистить и батарею Б.

Защитникъ ген. Фока по этому поводу обращаетъ вниманіе суда, что приказъ отъ 18-го декабря № 980 ясно говоритъ объ отводѣ войскъ на вторую оборонительную линію; стало быть при этомъ должна была быть брошена и батарея Б, входившая въ составъ первой линіи.

Генералъ Горбатовскій, въ свою очередь, также объясняетъ, что если бы приказъ № 980 былъ въ то время ему хорошо извѣстенъ, то онъ вынужденъ былъ бы въ силу его очистить и бат. Б. Но онъ вѣдь этому противился даже вечеромъ 19-го декабря.

— Если же мы, — говоритъ онъ, — признавали возможность держать Курганную батарею, Митрофаньевскую и Владимірскую батареи, то тѣмъ паче надо было намъ держать и батарею Б, которая закрывала доступъ въ Новый городъ и къ питательнымъ погребамъ.

На этомъ изслѣдованіе этого обвиненія и кончается.

Судъ переходитъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ заключенія капитуляціи. Первымъ по этому поводу спрашивается бывшій начальникъ штаба крѣпости.

Полковникъ Хвостовъ.

— Около 4 час. дня 19-го декабря мнѣ доложили, — разсказываетъ онъ, — что видѣли, какъ въ направленіи Казачьяго плаца (въ долинѣ Луньхе) проскакалъ прапорщикъ Мальченко, а за нимъ—казакъ съ бѣлымъ флагомъ. Догадавшись, зачѣмъ поѣхалъ нашъ парламентеръ, я доложилъ объ этомъ коменданту. Ген. Смирновъ отнесся къ моему предположенію скептически. „Если бы дѣло шло о сдачѣ, меня увѣдомили бы“, — сказалъ онъ. Я остался, однако, при своемъ убѣжденіи и сталъ готовиться къ сдачѣ — сортировать бумаги, часть ихъ уничтожать, другую укладывать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я поручилъ офицерамъ

штаба перехватить на обратномъ пути Мальченко и узнать отъ него, зачѣмъ онъ ѣздилъ. Они это исполнили. Мальченко отвѣтилъ имъ, что ѣздилъ поздравлять маршала Ноги отъ имени Стесселя съ Новымъ годомъ. Многіе этому повѣрили и, помнится, даже искренно негодовали на такую неумѣстную и несвоевременную любезность. Но я этому не повѣрилъ. Дѣйствительно, около 7 час. вечера мнѣ стало офиціально извѣстно о томъ, что начаты переговоры о сдачѣ и что въ 8 — 9 часовъ пойдетъ въ Чифу миноносецъ, съ которымъ нужно отправить, что слѣдуетъ.

— Рано утромъ 20-го декабря я получилъ записку изъ штаба раіона о назначеніи меня ген. Стесселемъ сопровождать полков. Рейса, отправляющагося въ Шуйшуинъ для переговоровъ съ японцами. Я спросилъ Смирнова: ѣхать ли? „Поѣзжайте, конечно, вѣдь васъ назначаетъ Стессель, да и не для веденія переговоровъ, а для простого сопровожденія Рейса. По крайней мѣрѣ, узнаете, что тамъ будутъ дѣлать, а то вѣдь я иначе, пожалуй, ничего не узнаю“. Я поѣхалъ въ штабъ раіона, но тамъ мнѣ сказали, что всѣ собрались на квартирѣ ген. Фока. Я отправился туда и засталъ тамъ за столомъ Фока, Стесселя и Рейса. Полковникъ Дмитровскій то входилъ, то выходилъ. Вошелъ я вмѣстѣ съ кап. Голованемъ. Мы поинтересовались узнать, каковы наши полномочія и что намъ предстоитъ дѣлать. Стессель на это сказалъ, что мы будемъ лишь сопровождать Рейса.. — „Я далъ ему письменное полномочіе и всѣ инструкціи“, — добавилъ Стессель. Сущность этихъ инструкцій мы узнали изъ послѣдующаго разговора. Говорилось, что надо добиваться выпуска всего гарнизона съ оружіемъ, а если японцы на это не согласятся, то хотя бы и безъ оружія. При выходѣ изъ квартиры ген. Фока встрѣтили кап. 1-го ранга Щенсновича, назначеннаго делегатомъ отъ флота. Онъ сѣлъ въ экипажъ вмѣстѣ съ Рейсомъ, и мы поѣхали въ Шуйшуинъ. Здѣсь намъ отведена была полуразрушенная снарядами и пулями фанза, наскоро приспособленная. Въ ней, однако, было очень холодно. Минутъ черезъ 10 явился начальникъ штаба арміи Ноги, ген. Идити, который передалъ намъ условія капитуляціи, написанныя на англійскомъ языкѣ, и сказалъ, что даетъ намъ $^3/_4$ часа,

не болѣе, на обсужденіе ихъ. Сначала Рейсъ и Мальченко начали было переводить ихъ на русскій языкъ, но это занимало много времени и потому переводъ ихъ до конца доведенъ не былъ. Рейсъ ознакомилъ насъ въ общихъ чертахъ съ сущностью японскихъ условій. Обсужденія ихъ по пунктамъ не было. Мнѣній не спрашивали; кто хотѣлъ, тотъ ихъ и высказывалъ. Когда по истеченіи срока вошли японцы, Рейсъ передалъ имъ наши условія, т. е. измѣненія, которыя мы вносили. Было много мелкихъ; существеннымъ было лишь требованіе выпуска всего гарнизона съ оружіемъ. Идти категорически въ этомъ послѣднемъ отказалъ и спросилъ, согласны ли мы принять условія сдачи. Рейсъ сказалъ: — „Согласенъ“. Тогда начали переписывать текстъ капитуляціи въ двухъ экземплярахъ. Тянулось это долго. Въ это время японцы услыхали взрывы въ Артурѣ и стали противъ этого протестовать, говоря, что они прервутъ переговоры. Рейсъ сталъ объяснять эти взрывы недоразумѣніемъ и получилъ разрѣшеніе послать казака къ Стесселю съ просьбой о прекращеніи взрывовъ. Съ казакомъ же была имъ отправлена записка, въ которой сообщалось, что выговорить желательныхъ условій не удалось, но что, тѣмъ не менѣе, предложенныя японцами условія почетны; посланъ былъ также и заготовленный текстъ телеграммы Государю о разрѣшеніи офицерамъ, не желающимъ идти въ плѣнъ, дать честное слово не участвовать болѣе въ войнѣ съ Японіей. Посланный вернулся поздно. Стессель телеграмму подписалъ, и черезъ японцевъ она была отправлена. Когда переписка условій была окончена, японцы спросили, кто ихъ подпишетъ. Рейсъ сказалъ: „я“ и представилъ свое полномочіе. „А отъ флота кто?“ — „Капитанъ Щепсновичъ“. У послѣдняго письменнаго полномочія отъ адмираловъ не было, и его обѣщали доставить японцамъ на слѣдующій день. Затѣмъ намъ предложили легкую закуску. Мы были голодны, такъ какъ цѣлый день ничего не ѣли. Выпили по стакану сквернаго вина и около 12 час. ночи вернулись въ Артуръ, гдѣ я тотчасъ же доложилъ обо всемъ коменданту.

— Каково ваше впечатлѣніе отъ хода переговоровъ? — спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ.

— По-моему, дѣло это было рѣшенное, каковы бы условія ни были. И я считалъ безполезнымъ что-либо говорить. Угрозы продолжать борьбу, если наше главное требованіе принято не будетъ, не было. Впослѣдствіи, въ Дальнемъ, я разговаривалъ объ этомъ съ маіоромъ Ямаока, и онъ мнѣ сказалъ, что мы „мало торговались“. И я думаю, что поторгуйся Рейсъ, японцы выпустили бы весь гарнизонъ и съ оружіемъ. Онъ вѣдь былъ для нихъ большой обузой.

— Когда были отправлены изъ Артура знамена?

— 19-го декабря, вечеромъ, на миноносцѣ. Въ военно-исторической комиссіи есть документъ: телефонограмма, которою еще рано утромъ 19-го числа предписывалось знамя 5-го полка доставить безъ церемоній въ штабъ раіона для упаковки.

— Вы хорошо помните, что передъ отправкою въ Шуйшупнъ вы нашли генерала Стесселя въ квартирѣ ген. Фока? — переспрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ.

— Точно помню, что собраніе наше происходило въ квартирѣ ген. Фока, — безъ колебаній и раздумья говоритъ Хвостовъ.

— А я скажу, что въ моей квартирѣ никакого собранія не было, — рѣзко возражаетъ Фокъ.

Ген. Рейсъ этого обстоятельства точно не помнитъ.

Ген. Стессель пытается объяснить, что „все это было рядомъ, что это были все офицерскія квартиры въ казармахъ 10-го полка, — тутъ былъ и штабъ раіона, и квартира ген. Фока“... Но изъ его объясненій нельзя понять, гдѣ былъ штабъ раіона, гдѣ была квартира Фока и гдѣ происходило собраніе...

Подполковникъ Головань. Новый свидѣтель, со свойственной ему опредѣленностью и ясностью своихъ показаній, подтверждаетъ фактъ, что отъѣздъ ихъ въ Шуйшуинъ совершился изъ квартиры ген. Фока.

— Получивъ извѣщеніе, что ген. Стессель приказалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ Рейсомъ къ японцамъ, я направился верхомъ въ штабъ раіона и, подъѣзжая къ нему, увидѣлъ, что лошади стоятъ у квартиры ген. Фока. Войдя туда вмѣстѣ съ полковникомъ Хвостовымъ, я увидѣлъ тамъ генераловъ Стесселя и Фока, полковниковъ Рейса и Дмитревскаго, и

кажется, что тамъ былъ также и ген. Никитинъ. Когда всѣ собрались, ген. Стессель сказалъ, что назначаетъ насъ ѣхать вмѣстѣ съ Рейсомъ къ японцамъ. — Я спросилъ: каковы же условія сдачи? Стессель на это сказалъ: „Я обо всемъ уговорился съ Рейсомъ", — и прочиталъ вслухъ письменное полномочіе ему на веденіе переговоровъ. Я, однако, не удовлетворился этимъ и снова спросилъ: какова же наша роль и каковы условія? можно ли, напр., офицерамъ дать честное слово не участвовать въ войнѣ съ Японіей? На это ген. Фокъ возразилъ мнѣ, что такое обязательство можно дать только съ разрѣшенія Государя. При выходѣ изъ квартиры ген. Фока, мы условились съ полк. Хвостовымъ, что наша роль будетъ заключаться лишь въ сопровожденіи Рейса, но уполномоченными мы себя не считаемъ.

Картину веденія переговоровъ, нарисованную полк. Хвостовымъ, свидѣтель этотъ дополняетъ слѣдующими штрихами:

— Въ Шуйшинѣ, вручая намъ условія, японцы поставили непремѣннымъ требованіемъ, чтобы переговоры были окончательные, закончены были бы въ тотъ же день, и съ момента подписанія капитуляціи послѣдняя вступаетъ въ силу. Полковникъ Рейсъ согласился на это. Говорилъ съ японцами онъ самъ или прапорщикъ Мальченко, при чемъ разговоръ велся по-англійски. Когда всѣ условія капитуляціи были переведены на русскій языкъ, я сказалъ, что надо добиваться, чтобы весь гарнизонъ былъ отпущенъ, а не одни офицеры,—что такое раздѣленіе является несправедливой привилегіей для однихъ и обиднымъ наказаніемъ для другихъ, для нашихъ героевъ-солдатъ. Меня поддержали въ этомъ требованіи и другіе. Когда японцы отвергли это наше условіе, и Рейсъ примирился съ этимъ отказомъ, я подошелъ къ нему и сказалъ, что надо на этомъ условіи настаивать, но онъ мнѣ на это отвѣтилъ: „Тутъ ничего не подѣлаешь, они побѣдители". Когда стали подписывать капитуляцію, я сказалъ Хвостову и Дмитревскому, что не подпишу ее; они сказали, что также не подпишутъ. Нѣкоторыя измѣненія въ японскія условія внесены были полк. Рейсомъ. Японцы требовали выдачи знаменъ и были очень удивлены, узнавъ, что ихъ уже нѣтъ въ Артурѣ.

На предварительномъ слѣдствіи свидѣтель показалъ, что знамена были отправлены изъ Артура 17-го декабря. Теперь онъ склоненъ думать, что ошибся,—что это случилось 19-го, но онъ и до сихъ поръ думаетъ, что приготовлены они были къ отправкѣ ранѣе этого числа. Зайдя однажды въ штабъ раіона, онъ засталъ тамъ укладку знаменъ въ ящики подъ руководствомъ полк. Рейса. Тутъ было и знамя 25-го полка, входившаго въ составъ той дивизіи, начальникомъ штаба которой, онъ, свидѣтель, былъ. Хотя предписанія о доставкѣ знаменъ въ штабъ раіона свидѣтель и не получалъ, но, увидя одно изъ нихъ здѣсь, ни на минуту не усомнился въ законности его нахожденія здѣсь и, по предложенію полк. Рейса, подписалъ протоколъ объ отправкѣ знаменъ въ Чифу, къ нашему военному агенту въ Китаѣ.

XXI. 2-е января 1908 г.—Засѣданіе 21-е.

Сдача крѣпости. Допросъ свидѣтелей: к.-адм. **Лащинскаго, Григоровича** и **Щенсновича**, полк. **Дмитревскаго** и ген.-м. **Бѣлаго.** Заявленіе полк. **Хвостова.**

Продолжается выясненіе обстоятельствъ, при которыхъ старшимъ начальствующимъ лицамъ въ крѣпости стало извѣстно о томъ, что начаты переговоры о капитуляціи, а равно и обстоятельствъ, при которыхъ капитуляція эта была заключена.

Контръ-адмир. Лащинскій и Григоровичъ.

Однако, показанія контръ-адмираловъ Лащинскаго и Григоровича не прибавляютъ ничего новаго, ничего существеннаго къ тому, что уже извѣстно изъ объясненія ген. Смирнова, показаній полковниковъ Хвостова и Голованя и контръ-адмирала Вирена [1]).

---

[1]) Контръ-адм. **Виренъ** допрошенъ былъ по этому поводу еще 17-го декабря 1907 года и тогда же былъ уволенъ судомъ изъ Петербурга по дѣламъ службы. Онъ показалъ:

— Въ 4 ч. дня 19-го декабря я получилъ отъ полк. Рейса письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что настало время сдѣлать съ судами то, что было рѣшено. Я положительно не вѣрилъ этой бумагѣ, только три дня назадъ выслушавъ мнѣніе ¾ начальниковъ о возможности дальнѣйшей борьбы... Я отправился къ адм. Лащинскому и Григоровичу. Они ничего не знали. Пошелъ къ Бѣлому. И онъ не зналъ. Иду къ

Оба адмирала показываютъ согласно, что въ полдень 19-го декабря получена была отъ начальника штаба раіона полк. Рейса записка, въ которой извѣщалось, по порученію ген. Стесселя, что крѣпость находится въ критическомъ положеніи, что нельзя поручиться и за нѣсколько часовъ ея существованія, и спрашивалось у адм. Лащинскаго, можетъ ли быть приготовленъ миноносецъ для отправки знаменъ и документовъ въ Чифу. Лащинскій отвѣтилъ утвердительно— и около 5 ч. вечера получилъ отъ Рейса новую записку съ указаніемъ, что надобность въ отправкѣ миноносца уже наступила. Около этого же времени на квартиру адмира-

---

Смирнову—и для него это письмо новость. Тогда пошелъ къ Стесселю. Тамъ застаю уже Бѣлаго. Спрашиваю Стесселя:—„неужели это правда“?—„Да, офицеръ уже вернулся...“, отвѣчаетъ онъ мнѣ. Что было дѣлать? Ноги вѣроятно, уже предупредилъ адм. Того, который усилилъ блокаду... Арестовать Стесселя? Но раньше надо было собрать офицеровъ, чтобы приказать имъ все-таки уничтожать суда... Войска уже отступали.. Арестовывать было уже поздно.

— Видѣли вы полк. Рейса въ этотъ день?—спрашивалъ свидѣтеля прокуроръ.

— Видѣлъ и высказалъ ему относительно капитуляціи, что это измѣна... Крѣпость могла и должна была продолжать оборону... Комендантъ предполагалъ назначить меня командовать послѣднимъ резервомъ... Объ этомъ онъ со мною много разъ говорилъ и вмѣстѣ со мною объѣхалъ часть позиціи... Онъ говорилъ мнѣ, что при защитѣ центральной ограды мы, вѣроятно, уже не увидимся, такъ какъ оба тутъ лягемъ.

— По чьей иниціативѣ вы были приглашены на военный совѣтъ?

— Мы, адмиралы, просили ген. Смирнова указать ген. Стесселю, что флотъ такъ тѣсно связанъ съ гарнизономъ крѣпости, что намъ важно все знать... Насъ и пригласили.

Ген. Стессель напоминаетъ свидѣтелю, что онъ самъ спрашивалъ его на совѣтѣ 16-го декабря, когда надо топить суда, и тѣмъ, стало быть, допускалъ возможность сдачи...

— Послѣ паденія Высокой горы, — возразилъ ему к.-адм. Виренъ,—я понялъ, что Артуръ не будетъ освобожденъ ни съ суши, ни съ моря, а, стало быть, настанетъ время, когда надо будетъ топить суда. Объ этомъ я и напоминалъ ген. Стесселю на совѣтѣ 16-го декабря, видя, что наступаютъ послѣднія минуты обороны.

— Какія условія сдачи считали вы почетными?—спрашиваютъ свидѣтеля.

— Никакія. Сдачи не должно было быть. Предложенныя нами условія надо было поддерживать. Разъ мы не могли этого сдѣлать, нечего было и предлагать.

ловъ, жившихъ вмѣстѣ, явился контръ-адмиралъ Впренъ, страшно взволнованный, и показалъ полученную имъ отъ Рейса записку, въ которой глухо говорилось, что судьба крѣпости уже рѣшена и что остается одна ночь для того, чтобы сдѣлать съ судами эскадры то, что было предположено, т. е., взорвать ихъ. Впренъ затѣмъ уѣхалъ объясняться по поводу этой записки со Стесселемъ, а когда часа черезъ два онъ вернулся и прибылъ ген. Смирновъ, уже освѣдомленный о посылкѣ парламентеровъ то состоялось совѣщаніе всѣхъ четырехъ о томъ, можно ли помѣшать сдачѣ крѣпости. Пришли къ отрицательному выводу. Часовъ въ 9—10 веч. получено было изъ штаба раіона предложеніе назначить для переговоровъ о капитуляціи делегата отъ флота. Выборъ палъ на командира брон. „Ретвизанъ“, кап. 1 ранга Щенсновича, который одинъ хорошо зналъ англійскій языкъ. Послали за нимъ. Онъ занятъ былъ подрываніемъ своего корабля и прибылъ только утромъ 20-го декабря.

— Никакихъ особыхъ инструкцій мы дать ему не могли,— говорятъ адмиралы,—такъ какъ не мы были хозяевами положенія; флота не было, ибо корабли были взорваны, орудія же и команды давно уже переданы были сухопутному начальству и составляли силу сухопутной обороны. Къ тому же сдача застала насъ врасплохъ и мы не знали, чего можемъ требовать. Просили Щенсновича только объ одномъ: добиваться возможно выгодныхъ условій.

Контръ-адмир. Щенсновичъ.

Свидѣтель, бывшій делегатомъ флота при переговорахъ о капитуляціи Артура, показалъ, что около 10 ч. утра 20-го декабря онъ совершенно случайно зашелъ на квартиру контръ-адмирала Григоровича, гдѣ засталъ адмираловъ Впрена и Лащинскаго.

— Меня встрѣтили словами:—„А, вотъ и вы, хорошо! Нуженъ делегатъ отъ флота для заключенія капитуляціи. Поѣзжайте въ штабъ раіона“... Я спросилъ адмираловъ, что мнѣ тамъ, на переговорахъ, дѣлать. Мнѣ ничего опредѣленнаго не сказали, говорили только о желательности вывезти бумаги, выговорить свободный выѣздъ изъ крѣпости портовымъ мастеровымъ... Я понялъ, что надо добиваться возможно выгодныхъ условій... Письменной инструкціи мнѣ не дали. Прибывъ къ штабу раіона, я хотѣлъ представиться

ген. Стесселю и спросить его: какой же я представитель флота, когда послѣдняго болѣе нѣтъ,—нѣтъ ни людей, ни кораблей, ни орудій. Но видѣть Стесселя мнѣ не удалось. Я спрашивалъ Рейса, каковы должны быть условія капитуляціи и выпустятъ ли насъ японцы свободными, какъ хотѣли это сдѣлать въ августѣ. Рейсъ сказалъ, что условій японцевъ не знаетъ, но капитуляція должна быть заключена, такъ какъ мы въ такомъ уже положеніи, что не сегодня-завтра японцы ворвутся въ городъ и будетъ рѣзня. Дѣйствительное положеніе обороны я плохо зналъ. По дорогѣ въ Шуйшуинъ я ни о чемъ Рейса не спрашивалъ, а онъ самъ ничего не говорилъ. По прибытіи на мѣсто, японцы передали намъ письменныя условія и дали, насколько помнится, 55 минутъ на ихъ разсмотрѣніе. Рейсъ и Мальченко переводили ихъ съ англійскаго языка на русскій; отдѣльные пункты условій не обсуждались, а по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ мы просто разговаривали.

Свидѣтель не представлялъ себѣ ясно и не пытался выяснить, кто собственно долженъ рѣшать вопросъ о пріемлимости японскихъ условій и на какихъ правахъ присутствуютъ при переговорахъ остальные офицеры.

— Я полагалъ, что ѣдетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ полк. Рейса, въ которой я—представитель отъ флота. Въ Шуйшуинѣ — съ виду это и была комиссія. Рейсъ внимательно выслушивалъ мнѣнія другихъ и многія предложенныя поправки были имъ приняты. Но рѣшенія по голосамъ не постановлялись. Рейсъ игралъ главную роль.

Потомъ началось совмѣстное съ японцами обсужденіе условій. Требованіе японцевъ выдать эксцентрики кораблей свидѣтель отклонилъ, сказавъ, что корабли уже уничтожены; отклонилъ и требованіе выдать планы минныхъ заграждений, сказавъ, что они погибли на „Петропавловскѣ“. По его, свидѣтеля, настоянію мастеровымъ порта разрѣшено было вернуться въ Россію; домогательства же его о признаніи кондукторовъ флота пользующимися офицерскими правами успѣха не имѣли. Потомъ стали переписывать условія капитуляціи, и, когда это было окончено, полк. Рейсъ, вызвавъ свидѣтеля въ другую комнату, предложилъ ему подписать договоръ. Полагая, что всѣ присутствующіе съ нашей сто-

роны его подпишутъ, свидѣтель подписалъ, хотя и не имѣлъ требуемаго японцами письменнаго полномочія. Всѣ остальные, кромѣ Рейса, капитуляціи не подписали.

— Я счелъ тогда возможнымъ это сдѣлать потому, что флота собственно не существовало... Впослѣдствіи я ни отъ кого, ни отъ адмираловъ, ни отъ товарищей не слыхалъ ни одного слова, которое навело бы меня на мысль, что я поступилъ дурно, что капитуляція—позорна. Я почувствовалъ себя неловко только тогда, когда при сдачѣ увидалъ число людей...

Число это было для всѣхъ неожиданно велико.

По словамъ адм. Лащинскаго, къ укрѣпленію № 5 собралось вмѣсто ожидавшихся 8—10 тыс. чел. гарнизона—17 тыс. сухопутныхъ войскъ и 6 тыс. моряковъ. Люди въ общемъ имѣли еще достаточно бодрый видъ и прошли отсюда къ станціи желѣзной дороги 19 верстъ.

— Здѣсь, обходя моряковъ, Вренъ прямо ругался.

— Такіе здоровые жеребцы,—говорилъ онъ раздражительно,—и должны идти въ плѣнъ! Намъ пришлось его сдерживать.

— А слыхали ли вы,—спрашиваетъ адмирала защитникъ ген. Стесселя, подполк. Вельяминовъ,—что часть этихъ людей, которые, по вашему выраженію, „слава Богу, были здоровы“, умерла по дорогѣ?

— Не слыхалъ,—отвѣчаетъ свидѣтель,—и сомнѣваюсь въ этомъ, такъ какъ японцы очень строго принимали военноплѣнныхъ и сомнительныхъ по здоровью возвращали въ госпитали.

Свидѣтель вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко убѣжденъ, что если бы мы преждевременно не очистили батареи Б, а простояли на ней еще нѣсколько дней, то японцы согласились бы выпустить весь гарнизонъ на коммерческихъ пароходахъ въ Россію, какъ это и было предложено ими въ августѣ мѣсяцѣ

Полковникъ Дмитревскій.

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Рейса въ Шуйшуинъ на переговоры, былъ и начальникъ штаба ген. Фока. Но у этого свидѣтеля ничего не сохранилось въ памяти и отъ этого крупнаго историческаго дня когда отечеству, его гордости, его славѣ, нанесенъ такой жестокій ударъ.

Онъ не помнитъ, по чьему приказанію онъ поѣхалъ съ Рейсомъ въ Шуйшуинъ.

— ...Столько въ этотъ день получалъ различныхъ приказаній, что въ памяти не сохранилось...

— Но вѣдь вами подписана записка, извѣщавшая капитана Голованя о таковомъ же назначеніи,—спрашиваетъ его членъ суда, ген. Рузскій.—Кто же вамъ приказалъ ее написать?

— Точно не помню. Возможно, что я написалъ записку...

— Высказывали ли вы свои мнѣнія по поводу японскихъ условій капитуляціи?—спрашиваетъ его предсѣдатель.

Свидѣтель мнется.

— Да, помнится, говорили, но что именно,—не могу припомнить.

— Да вы-то лично что-нибудь высказывали?

— Нѣтъ... Помнится, мнѣній своихъ никакихъ не выражалъ.

— Вы относились къ этому съ безразличіемъ?

— Да, съ апатіей.

Въ публикѣ и въ судѣ движеніе...

— Какъ же, однако, вы понимали тамъ свою роль?—спрашиваетъ свидѣтеля членъ суда, бар. Остенъ-Сакенъ.—Въ свитѣ что ли только были?

— Да,—мнется свидѣтель,—почти такъ... Я точно объяснить не могу.

— Послушайте, полковникъ,—говоритъ бар. Остенъ-Сакенъ,—вѣдь такія событія случаются разъ въ жизни. Какъ же вы ничего не можете объяснить?!

— Да вѣдь ничего необычайнаго предложено японцами не было,—отвѣчаетъ свидѣтель,—и потому, быть можетъ, это не произвело на меня впечатлѣнія...

Допросъ адмираловъ Лащинскаго и Григоровича выяснилъ еще одно интересное обстоятельство.

Въ предшествовавшемъ засѣданіи генералы Стессель и Рейсъ утверждали, что всеподданнѣйшая телеграмма отъ 16-го декабря, въ которой доносилось, что „крѣпость продержится лишь нѣсколько дней, снарядовъ почти нѣтъ...“, отправлена была ими до военнаго совѣта и на джонкѣ съ китайцемъ, вызвавшимся доставить ее въ Чифу.

Адмиралы показали, что около 5 ч. дня, 16-го декабря, они дѣйствительно получили изъ штаба раіона почту для отправки въ Чифу на спасательномъ катерѣ подъ командою лейт. (нынѣ кап. 2-го ранга) Елисѣева, но такъ какъ 16-го числа въ морѣ былъ штормъ, то Елисѣевъ въ этотъ день изъ Артура не вышелъ. Объ этомъ штабъ раіона былъ поставленъ въ извѣстность командиромъ порта. Елисѣевъ ушелъ 17-го декабря, вечеромъ, и 18-го былъ въ Чифу.

Оба адмирала отлично помнятъ, что никакія джонки въ эти дни уже не уходили изъ Артура.

Изъ оглашенной на судѣ выписки изъ журнала исходящихъ бумагъ также оказывается, что рядъ телеграммъ отъ 16-го декабря (въ томъ числѣ и одна телеграмма на имя Государя Императора) былъ отправленъ именно на спасательномъ катерѣ.

Такимъ образомъ, если инкриминируемая ген. Стесселю, какъ служебный подлогъ, всеподданнѣйшая телеграмма о критическомъ состояніи крѣпости была составлена имъ до военнаго совѣта, то ушла она изъ Артура только черезъ сутки послѣ совѣта, и, стало быть, имѣлось время для того, чтобы дополнить или видоизмѣнить ее, согласно съ постановленіемъ военнаго совѣта. Генералъ Стессель этими сутками не воспользовался.

Ген. Рейсъ послѣ этого болѣе не настаивалъ на томъ, что телеграмма была отправлена на джонкѣ.

— Разъ въ журналѣ записано, что на спасательномъ катерѣ, — стало быть, такъ оно и было, — признаетъ онъ, — что же касается увѣдомленія, что катеръ 16-го выйти не можетъ, то, можетъ быть, таковое и получалъ; теперь, черезъ три года, не помню [1]).

---

[1]) По поводу отчета, напечатаннаго объ этомъ засѣданіи въ „Нов. Вр“, кап. 2 ранга Елисѣевъ помѣстилъ въ № 11431 этой газеты слѣдующее письмо въ редакцію, которое мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь воспроизвести:

„Въ отчетѣ сказано, что интересующая судъ телеграмма ген. Стесселя Государю Императору была послана въ Чифу на миноносцѣ подъ моей командой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я доставилъ ее туда на шлюпкѣ подъ парусами. Къ тому времени миноносцевъ оставалось немного, и они были очень нужны, такъ что жертвовать миноно-

Другимъ важнымъ моментомъ этого засѣданія было показаніе, которое далъ генералъ-маіоръ Бѣлый о количествѣ снарядовъ.

Генер.-маіоръ Бѣлый.

— 19-го декабря я поѣхалъ на Безымянную гору, — разсказываетъ свидѣтель, чтобы осмотрѣть тѣ мѣста, на которыхъ надо было поставить батареи при занятіи войсками второй оборонительной линіи. Часамъ къ 5 вечера я вернулся домой. Не успѣлъ я еще раздѣться, является адмиралъ Вирень и сообщаетъ, что получилъ приказъ взрывать корабли. У себя на столѣ я нашелъ также записку полк. Рейса, который сообщалъ мнѣ распоряженіе ген. Стесселя испортить ночью на 20-е декабря 10-дюймовыя пушки. Считая это распоряженіе нецѣлесообразнымъ, я поѣхалъ къ Стесселю. Послѣдній сперва подтвердилъ было мнѣ это приказаніе и даже распространилъ было его и на другія орудія, но я указалъ ему, что переговоры о капитуляціи могутъ быть еще и прерваны, — съ чѣмъ же мы тогда останемся? Спѣшить тѣмъ болѣе не слѣдовало, что Ноги еще не увѣдомилъ о принятіи предложенія о переговорахъ. Тогда Стессель отмѣнилъ свое приказаніе относительно орудій, а относительно кораблей подтвердилъ его пріѣхавшему вслѣдъ за мною адм. Вирену. Вечеромъ въ тотъ же день я получилъ отъ полк. Рейса новую записку: прекратить стрѣльбу, пока японцы сами на насъ не полѣзутъ. Часа въ 2 ночи меня по телефону вызвалъ капитанъ Вахнѣевъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ орудіями, такъ какъ пѣхота наша очищаетъ укрѣпленіе 2-е. Я приказалъ ему оставаться хотя бы одному. Затѣмъ меня по теле-

---

сцемъ для посылки телеграммы, безъ надежды на его возвращеніе, представлялось невозможнымъ.

„Показаніе адмирала Григоровича записано такъ: „... 16-го декабря пакетъ не могъ быть отправленъ на миноносцѣ, такъ какъ лейтенантъ Елисѣевъ вслѣдствіе шторма отказался идти, миноносецъ же отправился 17-го декабря“. На самомъ же дѣлѣ въ своемъ показаніи адм. Григоровичъ называлъ не „миноносецъ“, а „спасательный ботъ“, т. е., другими словами, шлюпка, и въ такомъ случаѣ вполнѣ понятно, что 16-го декабря я не отправился, такъ какъ въ штормъ шлюпка въ открытомъ морѣ плавать не можетъ, а вѣтеръ былъ со снѣжной пургой отъ норда балловъ 10, по уменьшеніи котораго, балловъ до 6, я на другой день и отправился.“

фону вызывалъ еще начальникъ одного изъ боевыхъ участковъ, подполк. Малыгинъ. Онъ доносилъ, что отъ начальника сухопутной обороны, ген. Фока, получено приказаніе—пѣхотѣ уходить... Онъ спрашивалъ меня, что ему дѣлать. Я отвѣтилъ, что ничего не могу ему посовѣтовать. — „Въ такомъ случаѣ, я остаюсь“,—отвѣтилъ Малыгинъ. Въ 5 час. утра, 20-го декабря, японцы открыли огонь по батареѣ А. Я велѣлъ нашимъ батареямъ отвѣчать. Но скоро пришло приказаніе прекратить огонь. Прекратили. Японцы остановили наступленіе. Когда разсвѣло совершенно, мы увидѣли, что на батареѣ Б, Куропаткинскомъ люнетѣ и укрѣпленіи 2-мъ расхаживаютъ вмѣстѣ наши и японцы. Затѣмъ началась сдача японцамъ орудій, снарядовъ и лошадей.

Къ 20-му декабря у насъ оставалось годныхъ къ дѣйствію орудій: пушекъ 6-дюйм. и большаго калибра — 82; пушекъ 120-мм., 42-лин., 9-ти-фунт. и батарейныхъ — 39; 4-хъ-фунт. морскихъ, легкихъ и китайскихъ—87; 75 и 73-мм.—87; 3-дюйм. полевыхъ, скорострѣльныхъ—50; 57-мм., полев., капопирн. и береговыхъ — 42; 61, 43, 47, 37-мм. и пушекъ Барановскаго—206; 75-мм. морскихъ—50; мортиръ: 11-дюйм. и 9-дюйм.—29; 5-дюйм. полевыхъ—14; 87-мм. китайскихъ—1, а всего орудій — 610 (въ томъ числѣ морскихъ — 284) и пулеметовъ — 9. Къ нимъ оставалось снарядовъ — всего 208,000; въ томъ числѣ: крупнаго калибра — 9,000; средняго—36,000, малаго калибра—163,000 и патроновъ ружейныхъ — отъ 6 до 8 милліоновъ. Были снаряды еще и безъ трубокъ, которыя постепенно къ нимъ подгонялись, да въ порту ежедневно отливалось по 30 — 50 большихъ снарядовъ.

Защита подсудимыхъ Стесселя и Рейса доказываетъ, что въ части, касающейся морскихъ снарядовъ, цифры эти невѣрны, и совершенно неизвѣстно, на какихъ данныхъ эти свѣдѣнія основаны.

Тогда полковникъ Хвостовъ заявляетъ суду, что, работая въ военно-исторической комиссіи по описанію русско-японской войны, онъ провѣрилъ цифры отчета генерала Бѣлаго и свидѣтельствуетъ о точности ихъ во всѣхъ частяхъ.

Въ удостовѣреніе своихъ словъ свидѣтель предъявилъ

суду составленную имъ самимъ вѣдомость. Ея общій итогъ—207 тысячъ снарядовъ.

XXII. 3-е января.—Засѣданіе 22-е.

Артиллерійскія средства обороны. Объясненія генераловъ **Смирнова** и **Стесселя.** Допросъ свидѣтелей: ген. **Бѣлаго,** полковниковъ **Бжозовскаго** и **Романовскаго,** подполк. **Блохина,** кап. **Ясенскаго,** г. **Азарова,** кап. 2-го ранга **Лепко,** шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича** и **Васильева,** лейт. **Подгурскаго.—Заключеніе капитуляціи.** Объясненіе ген.-м. **Рейса,** Показаніе г.-л. **Никитина.**

Предметомъ судебнаго засѣданія является прежде всего тотъ же вопросъ объ артиллерійскихъ средствахъ обороны.

Начинается оно оглашеніемъ, по просьбѣ защитника ген. Стесселя, телеграммы ген. Смирнова на имя главнокомандующаго, генер.-адъютанта Куропаткина, отъ 19-го ноября 1904 года.

— Изъ этой телеграммы судъ усмотритъ,—говоритъ защитникъ ген. Стесселя, подполк. Вельяминовъ,—что еще въ ноябрѣ самъ ген. Смирновъ признавалъ недостатокъ въ спарядахъ и доносилъ о томъ по начальству. Теперь же онъ стремится доказать, что спаряды были, и въ большомъ количествѣ...

Въ телеграммѣ, между тѣмъ, сказано было вотъ что: „...Чтобы поддержать жизнь артиллеріи, отливаемъ снаряды, подбираемъ и переснаряжаемъ непріятельскіе...“.

Предсѣдатель суда предлагаетъ подсудимому, ген. Смирнову, дать объясненія по содержанію этой телеграммы.

Генер.-лейтен. Смирновъ.

Смирновъ разъясняетъ, что сообщеніемъ объ отливкѣ снарядовъ и переснаряженіи непріятельскихъ онъ хотѣлъ лишь показать, что избытка снарядовъ въ крѣпости нѣтъ и что крѣпостнымъ начальствомъ принимаются мѣры къ пополненію расходуемыхъ средствъ обороны. Это должно было побудить Куропаткина, въ свою очередь, поспѣшить доставкою въ крѣпость тѣмъ или инымъ путемъ снарядовъ, о чемъ онъ неоднократно увѣдомлялъ защитниковъ Артура, сообщая, между прочимъ, объ отправкѣ особаго парохода со снарядами.

Прокуроръ, въ свою очередь, обращаетъ вниманіе суда, что въ телеграммѣ рѣчи нѣтъ о недостаткѣ снарядовъ; доносится о недостаткѣ въ перевязочныхъ и лечебныхъ средствахъ.

Защита ген. Стесселя послѣ этого заявляетъ, что о недостаткѣ въ снарядахъ говорилъ теперь... самъ ген. Смирновъ, въ своихъ объясненіяхъ... Очевидно-де, что онъ самъ такъ именно и понималъ выраженіе своей телеграммы— „чтобы поддержать жизнь артиллеріи...“.

Оглашается затѣмъ часть протокола, составленнаго слѣдственной комиссіей на основаніи данныхъ артиллерійскаго отдѣла штаба крѣпости, изъ котораго видно, что на батареяхъ Портъ-Артура, вооруженныхъ морскими орудіями, т. е. снятыми съ судовъ эскадры, къ 11-му декабря состояло орудій 276, а снарядовъ къ нимъ—139,793; собственно же крѣпостныхъ орудій было—къ 18-му декабря—312 (въ томъ числѣ 55 пулеметовъ и 29 китайскихъ пушекъ), а снарядовъ къ нимъ—31,845.

Прокуроръ обращаетъ вниманіе суда на то, что цифры эти выведены комиссіей самостоятельно еще въ іюнѣ 1905 г., почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Нагоѣ, въ Японіи, составлялъ свой отчетъ ген. Бѣлый. И, тѣмъ не менѣе, данныя обоихъ этихъ документовъ между собою совпадаютъ.

— Почему же вы, генералъ Стессель, доносили Государю Императору, что снарядовъ почти нѣтъ?—спрашиваетъ послѣ этого подсудимаго прокуроръ.

Генералъ Стессель. — Я всегда вѣрно доносилъ своему Государю,—отвѣчаетъ Стессель.—Я и теперь говорю, что снарядовъ не было. Когда 15-го декабря я приказалъ ген. Бѣлому бить по III-му форту, не жалѣя снарядовъ, онъ долженъ былъ исполнить мое требованіе, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что снарядовъ у насъ почти пѣтъ. И всѣ батарейные командиры покажутъ, что снарядовъ имъ не давали. Если они и были, то мнѣ неизвѣстно, гдѣ они хранились. Когда получены были морскіе снаряды, мнѣ также неизвѣстно. 2-го или 3-го августа ко мнѣ пришелъ к.-адмиралъ Лащинскій и сказалъ, что моряки намѣрены принять участіе всѣми своими артиллерійскими средствами въ сухопутной оборонѣ. Я отвѣтилъ адмиралу, что флотъ не имѣетъ права разоружаться, что онъ всегда

долженъ быть готовъ выйти въ море—и тогда, когда подойдетъ эскадра Рожественскаго, и тогда, когда Куропаткинъ будетъ атаковывать цзиньчжоускую позицію, чтобы пробиться къ Артуру... Однако, 6-го августа состоялся совѣтъ флагмановъ и капитановъ, на которомъ рѣшено было, что флоту нельзя болѣе выходить въ море и что онъ долженъ всѣми своими силами и средствами помогать крѣпости. Но объ этомъ мнѣ стало извѣстно только 26-го ноября... Я никогда бы не позволилъ себѣ ложно донести моему Государю, хоть бы мнѣ голову отрѣзали!—кончаетъ свое объясненіе Стесселъ.

— А повѣрили ли вы заявленію ген. Бѣлаго на совѣтѣ 16-го декабря, что снарядовъ хватитъ на два штурма?—спрашиваетъ его снова прокуроръ.

— Нѣтъ, не повѣрилъ, да Бѣлый и не говорилъ этого. Онъ сказалъ только, что снаряды у него еще есть.

— Но если вы не повѣрили ему, то почему же не провѣрили его словъ?

— Какъ же я сталъ бы провѣрять,—возражаетъ Стесселъ.—Это значило бы оказать явное недовѣріе генералу!

Генер.-маіоръ Бѣлый.

Генералъ Бѣлый энергично отстаиваетъ точность своего отчета.

— Защита все время не желаетъ придавать значенія документа моему отчету, но я долженъ еще разъ заявить суду, что все, въ немъ изложенное, основано на документахъ, и противъ опорочиванія моего отчета я протестую. Я ясно сказалъ на военномъ совѣтѣ, что снарядовъ хватитъ у меня на два штурма. Это всѣ слышали и всѣ подтвердятъ. Относительно приказа обстрѣливать и день, и ночь фортъ III-й, я сказалъ, что нѣтъ снарядовъ, въ томъ смыслѣ, что для такого обстрѣливанія цѣлыми сутками у насъ не хватитъ запасовъ. Но и я, и мой помощникъ, ген. Мехмандаровъ, тогда же поручились въ томъ, что не позволимъ непріятелю поставить орудія на этомъ форту, и это обѣщаніе сдержали. Утвержденіе же ген. Стесселя, что наша артиллерія вовсе не стрѣляла по III-му форту, невѣрно. Могу представить документы, рапорты командировъ батарей, въ томъ, что стрѣльба велась.

Предсѣдатель суда предлагаетъ затѣмъ ген. Рейсу дать

объясненія, какія инструкціи получилъ онъ отъ Стесселя для веденія переговоровъ о капитуляціи.

Генер.-маіоръ Рейсъ.

— Ген. Стессель,—отвѣчаетъ подсудимый,— сказалъ мнѣ, что я долженъ требовать выпуска всего гарнизона съ оружіемъ, а если японцы на это не согласятся, то можно принять и менѣе выгодныя условія.

— Вамъ не было точно указано, что надо разумѣть подъ этими послѣдними словами?

— Нѣтъ, мнѣ только было прибавлено—„разъ они, эти условія, не будутъ унизительны“.

— А почему вы ничего не сообщили о полученныхъ инструкціяхъ представителю флота?

— Онъ меня объ этомъ не спрашивалъ...

Затѣмъ ген. Рейсъ подробно разсказываетъ о ходѣ переговоровъ въ Шуйшунѣ и о томъ, что побудило его принять предложенныя японцами условія.

— Когда мы пріѣхали въ Шуйшунъ, ген. Идитти передалъ мнѣ уже заготовленныя имъ условія капитуляціи, при чемъ на обсужденіе ихъ предоставилъ 50 минутъ. Я согласился на этотъ срокъ потому, что текстъ этихъ условій не былъ обширенъ. Мы, дѣйствительно, успѣли ихъ перевести съ англійскаго языка на русскій и даже составить наши контръ-предложенія. Среди послѣднихъ первое мѣсто занимало требованіе о выпускѣ всего гарнизона съ оружіемъ. Очевидно, стало быть, что мною приняты были при этомъ во вниманіе мнѣнія другихъ лицъ, высказывавшихся за это условіе. Но ген. Идитти заявилъ мнѣ, что основныя условія капитуляціи продиктованы изъ Токіо и что измѣнять ихъ онъ не можетъ. Мнѣ оставалось одно: или прервать переговоры, или согласиться на эти условія. Не вѣрить словамъ японскихъ делегатовъ, что эти условія продиктованы изъ Токіо, я не имѣлъ основаній... Объ унизительности подписанныхъ мною условій я ни отъ кого тогда не слыхалъ ни слова. Условія эти стали извѣстны въ Россіи на другой же день, но и здѣсь не говорили объ ихъ унизительности до тѣхъ поръ, пока это слово не появилось въ докладѣ генерала Смирнова. Но съ его взглядами трудно считаться, разъ въ томъ же докладѣ онъ призналъ оборону форта II-го позорною, а очищеніе Большого Орлинаго Гнѣзда слѣд-

ствіемъ минутной слабости. Для опредѣленія характера условій капитуляціи, мнѣ приходилось руководствоваться только примѣрами военной исторіи, и я помнилъ, что болѣе тяжелыя условія, на которыхъ сдался Османъ-паша подъ Плевною, не считались позорными. Также и условія сдачи нашихъ крѣпостей—Кинбурна и Бомарзунда. Капитанъ Головань говорилъ здѣсь о тяжеломъ впечатлѣніи, которое произвело различіе условій для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Я полагаю, что оставленіемъ оружія офицерамъ и разрѣшеніемъ имъ подъ честнымъ словомъ вернуться въ Россію дана милость всему гарнизону за его доблесть. Что же касается ссылки здѣсь на слова маіора Ямаоки, что мы мало торговались и что, вѣроятно, весь гарнизонъ былъ бы выпущенъ съ оружіемъ, то я разсматриваю это только какъ личное его мнѣніе. Полагаю, что японцы на это никогда бы не согласились. Стоитъ только вспомнить тѣ трудности, съ которыми былъ бы сопряженъ для нихъ возвратъ всего гарнизона въ Россію: расходы, продолжительность этой операціи, необходимость содержать въ Артурѣ для надзора за гарнизономъ весьма значительныя силы и т. п. Наконецъ, я считаю нужнымъ добавить, что я принялъ вмѣняемое мнѣ въ вину рѣшеніе не единолично. Я сообщилъ ген. Стесселю о несогласіи японцевъ на предложенныя имъ условія, и онъ выразилъ мнѣ свое согласіе на принятіе японскихъ условій. Я обязанъ былъ это сдѣлать...

— Стало быть, вы во что бы то ни стало должны были заключить капитуляцію?—спрашиваетъ Рейса прокуроръ.

— Да,—отвѣчаетъ онъ,—разъ условія не были унизительными.

— А были ли эти условія почетны?

— Я просилъ бы самого г-на прокурора указать мнѣ, есть ли гдѣ-нибудь въ законѣ признаки почетныхъ условій?—парируетъ вопросъ подсудимый.

— Я васъ спрашиваю объ этомъ потому,—возражаетъ ему прокуроръ,—что въ письмѣ къ Стесселю вы сами употребили это слово („условія, предложенныя намъ японцами, вполнѣ почетны“...); стало быть, вы и должны сказать теперь суду, что вы разумѣли подъ почетными условіями...

— Разъ офицерамъ возвращается оружіе и дается раз-

рѣшеніе уѣхать на родину, то я признаю такія условія почетными,—заявляетъ ген. Рейсъ.

Генер.-лейтен. Никитинъ. Ген. Никитинъ разсказываетъ, какъ онъ узналъ о началѣ переговоровъ съ японцами.

— Ночь съ 19-го на 20-е декабря была очень тревожна. Съ разныхъ пунктовъ доносили мнѣ мои артиллеристы, что пѣхота наша покидаетъ укрѣпленія, уходитъ... Утромъ 20-го я самъ поѣхалъ на позицію. Встрѣчаю толпы солдатъ, которыя идутъ въ городъ. Они мнѣ говорили, что „война кончена“... Я вернулся въ крѣпость и отправился къ Стесселю, чтобы узнать, что случилось. Нашелъ его у ген. Фока. Тамъ же былъ полк. Рейсъ. Я спросилъ ихъ, въ чемъ дѣло? Стессель мнѣ отвѣтилъ:—„Артуръ капитулировалъ“.—„Развѣ есть Высочайшее на то повелѣніе?“—спросилъ я, такъ какъ не допускалъ мысли, чтобы можно было сдать крѣпость безъ Высочайшаго соизволенія, получить же таковое было невозможно. Стессель сказалъ мнѣ на это, что онъ все принимаетъ на себя. Тогда я потребовалъ, чтобы моя полевая артиллерія была выпущена изъ Артура съ пушками и зарядными ящиками. Стессель сказалъ, что такъ и будетъ... Солдаты приняли извѣстіе о сдачѣ покорно, офицеры же съ возмущеніемъ.

Про генерала Стесселя свидѣтель, по предложенію защиты, сказалъ, что „это человѣкъ властный, съ большимъ команднымъ апломбомъ и былъ въ горячихъ объятьяхъ Кондратенко“. — „И онъ не ошибался“, — добавилъ ген. Никитинъ.

Относительно порядка передачи гарнизона японцамъ свидѣтель, между прочимъ, показалъ, что у укрѣпленія № 5 былъ поставленъ японцами шатеръ съ надписью: „Мѣсто для клятвы“. Здѣсь наши офицеры, не желавшіе идти въ плѣнъ, давали подписку въ томъ, что они не будутъ принимать участія въ войнѣ съ Японіей и вообще вредить ей какимъ-либо образомъ. То обстоятельство, что многіе офицеры давали эту подписку, возмутило генерала Никитина, и онъ сталъ рѣзко и громко говорить, что это нехорошо.

— Тутъ у меня,—показываетъ свидѣтель,—вышло разногласіе съ ген. Фокомъ. Послѣдній говорилъ, что разъ Государь разрѣшилъ давать такую подписку, то надо предоставить это

дѣло совѣсти каждаго, что форма подписки взята съ англійскаго образца и не слѣдуетъ толковать ее казуистически. Но я полагалъ, что это онъ толкуетъ ее такъ, а я толкую ее по духу; что на насъ, старшихъ начальникахъ, лежитъ обязанность разъяснить молодымъ офицерамъ, что нельзя злоупотреблять милосердіемъ Монарха, что надо, наконецъ, не упускать изъ вида и конца Высочайшей телеграммы, гдѣ говорилось, что предоставляется или вернуться на родину, или раздѣлить участь нижнихъ чиновъ.

Рядъ слѣдующихъ свидѣтелей, вызванныхъ судомъ по ходатайству ген. Стесселя,—полк. *Бжозовскій*, г. *Азаровъ*, шт.-кап. *Васильевъ*, полк. *Романовскій*, кап. *Ясенскій*, подполк. *Блохинъ*, кап. 2-го ранга *Лепко*, шт.-кап. *Дебогорій-Мокріевичъ* и лейт. *Подгурскій* свидѣтельствовали, что генерала Стесселя нижніе чины и молодые офицеры любили, что приказы его поднимали духъ, что онъ посѣщалъ батареи и даже былъ однажды раненъ въ голову, что цынга сильно валила защитниковъ, что надежда попасть на родину и боязнь остаться въ японскомъ Артурѣ заставила больныхъ и раненыхъ идти изъ госпиталей на 19-ю версту, что снарядовъ на батареяхъ было мало и что имъ постоянно твердилось генераломъ Бѣлымъ, что снаряды надо беречь и не тратить попусту, и, наконецъ, что генерала Смирнова въ Артурѣ мало знали, а нѣкоторые солдаты и офицеры вовсе не знали его въ лицо.

XXIII. 4-е января — засѣданіе 23-е.

О духѣ гарнизона и средствахъ обороны. Допросъ свидѣтелей: капит. **Аноева**, шт.-капитановъ: **Соломонова, Гудима, Ручьева, Карамышева** и **Вознесенскаго**, подпор. **Садыкова**, г.-м.: **Бѣлаго, Горбатовскаго** и **Третьякова**, полк. **Жеребцова**. Объясненія генераловъ **Смирнова** и **Стесселя.**

Продолжается допросъ свидѣтелей, выставленныхъ генераломъ Стесселемъ и долженствующихъ удостовѣрить, что снарядовъ не было, что ген. Стесселемъ исчерпаны были всѣ средства обороны, что оборона обязана ему всѣмъ, а ген. Смирнову — ничѣмъ, что духъ гарнизона былъ подор-

ванъ болѣзнями и утомленіемъ и что капитуляція являлась логическимъ, естественнымъ концомъ доблестной обороны.

Первымъ допрашивается, уже многократно спрошенный кап. Аноевъ.

Капитанъ Аноевъ. Онъ показываетъ, что 10-го іюня, отправляясь изъ Артура въ Ляоянъ, онъ получилъ отъ ген. Бѣлаго свѣдѣнія для доклада командующему манчжурскою арміею, что въ крѣпости имѣется 330 тыс. годныхъ снарядовъ и 22 милліона патроновъ. Однако съ сентября мѣсяца началъ чувствоваться недостатокъ снарядовъ. Такъ, онъ, свидѣтель, получилъ отъ полк. Мехмандарова выговоръ за излишнюю трату снарядовъ при отраженіи штурма на Сигнальную гору, хотя результаты его дѣятельности были признаны блестящими и онъ получилъ за нихъ благодарность отъ генерала Стесселя.

Свидѣтель находился на укрѣпленіи 3-мъ и свидѣтельствуетъ о тѣхъ трудностяхъ, въ которыхъ приходилось вести оборону. Одно 37-мм. орудіе стояло въ потернѣ и стрѣляло день и ночь, дѣйствуя въ абсолютной темнотѣ по японцамъ, бывшимъ въ разстояніи 15 шаговъ. Вслѣдствіе газовъ, скапливавшихся въ узкой темной потернѣ отъ своихъ и непріятельскихъ выстрѣловъ, прислугу этого орудія приходилось мѣнять черезъ каждыя 15 мин. Онъ выпустилъ изъ этого орудія 30,000 снарядовъ, но они были совершенно безобидны,—„хуже пули“. Одно только давало ему преимущество предъ ружьемъ, что „громко бьетъ и все-таки пушка“. Духъ нижнихъ чиновъ на укрѣпленіи былъ выше похвалъ. Даже раненые не хотѣли уходить, хотя знали, что японцы ведутъ подъ него минныя работы и рано или поздно оно взлетитъ на воздухъ.— „Мы защищаемъ артурскую губернію — и погибать, такъ уже лучше здѣсь“ — говорили солдаты. Изъ батареи свидѣтеля уцѣлѣлъ только одинъ человѣкъ.

— Всѣ нижніе чины знали ген. Стесселя,—говоритъ свидѣтель, и знали, что дерутся „подъ его флагомъ“. Только теперь мы узнали, что въ Артурѣ всѣмъ распоряжался ген. Смирновъ. 22-го декабря, когда ген. Смирновъ объѣзжалъ войска, уходившія въ плѣнъ, и здоровался съ ними — „здорово молодцы, здорово родные“!—солдаты спрашивали:—

„а откуда ты, родненькій, взялся?“ Смирнова въ Артурѣ не знали въ лицо и нигдѣ не видали.

Въ чрезвычайно лестныхъ выраженіяхъ свидѣтель отзывается о ген. Фокѣ.

— Послѣ смерти ген. Кондратенко, — говоритъ онъ, — другого назначенія на его мѣсто, кромѣ Фока, и быть не могло.

Генер.-маіоръ Бѣлый.

Поднимается ген. Бѣлый и заявляетъ суду, что съ такимъ отзывомъ о дѣйствіи 37-мм. пушекъ онъ встрѣчается впервые. Правда, какъ сухопутныя орудія, онѣ особаго значенія не имѣли. Но ихъ было много и уже однимъ своимъ числомъ онѣ очень сильно содѣйствовали ружейной оборонѣ. Недаромъ и капит. Аноевъ изъ одной только такой пушки на укрѣпленіи 3-мъ выпустилъ 30 тысячъ снарядовъ [1]).

---

[1]) По поводу отчетовъ, появившихся въ „Нов. Вр.“ и „Бирж. Вѣд.“, кап. Аноевъ напечаталъ въ № 11429 первой изъ названныхъ газетъ „письмо въ редакцію“, которое приводимъ здѣсь въ дополненіе къ его показанію: „Я былъ командиромъ артиллеріи укрѣпленія № 3-й съ 18-го октября до самаго конца паденія Артура. За это время на укрѣпленіи разновременно перебывало довольно много офицеровъ. Постоянный гарнизонъ доходилъ до 360 человѣкъ, въ томъ числѣ 50—60 артиллеристовъ. Убыль была непрерывная, въ дни штурмовъ гарнизонъ выбывалъ почти цѣликомъ. Говоря о „моихъ людяхъ“, я имѣю въ виду лишь артиллеристовъ, понесшихъ потери за 2 мѣсяца болѣе 300 человѣкъ, весь же гарнизонъ понесъ значительно большія потери. Послѣ взрыва 18-го декабря изъ артиллеристовъ остались: бомбардиръ-наводчикъ Ивановъ—невредимъ; фейерверкеръ Виноградовъ съ искалѣченными ногами и еще 3 раненыхъ нижнихъ чина, назначенныхъ на укрѣпленіе 10-го декабря, когда я былъ уже отнесенъ въ госпиталь, остальные артиллеристы погибли во время взрыва. Изъ офицеровъ, бывшихъ разновременно на укрѣпленіи и отбивавшихъ штурмы, въ настоящее время живы: капитанъ Романовъ, капитанъ Малышкинъ, капитанъ Либисъ, штабсъ-капитанъ Поповъ, штабсъ-капитанъ Спѣсивцевъ, штабсъ-капитанъ Левандовскій и поручикъ Поповъ. Изъ офицеровъ же, бывшихъ на укрѣпленіи въ моментъ взрыва, въ настоящее время остался живъ только инженеръ-подполковникъ Затурскій, который пробылъ со мной на укрѣпленіи болѣе 1½ мѣсяца и велъ всю инженерную оборону укрѣпленія; во время взрыва онъ былъ раненъ въ ногу и въ голову и заваленъ обломками съ остаткомъ гарнизона. На укрѣпленіи же послѣ взрыва былъ отрытъ японцами изъ-подъ труповъ въ безсознательномъ состояніи и подпоручикъ Имнадзе, который по возвращеніи изъ плѣна былъ убитъ на Кавказѣ. Взрывъ укрѣпленія послѣдовалъ 18-го декабря; я же, хотя и оставался командиромъ артиллеріи укрѣпленія, но съ 10-го числа уже

Капитана Аноева смѣняетъ другой батарейный командиръ, шт.-кап. Соломоновъ.

Штабсъ-капит. Соломоновъ.

Защитникъ ген. Стесселя рекомендуетъ его суду, какъ автора статей въ „Военномъ Сборникѣ“ о дѣйствіи артиллеріи въ Артурѣ. Ему предлагается сообщить свѣдѣнія о количествѣ снарядовъ къ концу осады. По словамъ свидѣтеля, недостатокъ въ снарядахъ чувствовался съ августа. Ген. Бѣлый самъ говорилъ ему еще въ сентябрѣ, что снаряды подходятъ къ концу. Былъ даже приказъ, въ которомъ говорилось, что у насъ только по 300 снарядовъ на орудіе и что намъ нужно тратить по 5—6 снарядовъ въ день. Число это совершенно безполезное. И вообще мы никогда не получали возможности состязаться съ артиллеріей противника...

Однако, свидѣтель призналъ, что хотя имъ, артиллеристамъ, и говорилось постоянно о необходимости беречь снаряды, но въ дѣйствительности имъ предоставлена была широкая самостоятельность въ тратѣ снарядовъ.

— Я тратилъ въ зависимости отъ обстоятельствъ и цѣлей и могъ выбрасывать столько снарядовъ, сколько считалъ нужнымъ, и отвѣчалъ при этомъ только за вѣрность пониманія цѣли.

Въ подкрѣпленіе этого свидѣтель приводитъ случай стрѣльбы по горной японской батареѣ, когда онъ выпустилъ болѣе 50 снарядовъ.

— Были у васъ случаи, что снарядовъ вамъ не хватало, что у васъ ихъ не было вовсе? — спрашиваетъ прокуроръ.

— Нѣтъ, не было, — признается свидѣтель.

— А откуда вы знаете, что снарядовъ нужно было тратить не болѣе 5—6 въ день? — спрашиваетъ защитникъ генер. Рейса, присяжный повѣренный Нечаевъ.

— По слухамъ, — признается свидѣтель.

Генералъ Бѣлый возражаетъ и этому свидѣтелю.

лежалъ въ госпиталѣ Краснаго Креста раненый и нужныя распоряженія давалъ по телефону фейерверкеру Румянцеву, оставленному мною вмѣсто себя. Помимо командованія артиллеріей, я былъ назначенъ помощникомъ коменданта укрѣпленія, штабсъ-капитана Спредова (убитъ). Вообще въ Артурѣ артиллерійскихъ офицеровъ комендантами фортовъ, кажется, не назначали“.

— Я не могъ говорить свидѣтелю, что снаряды подходятъ къ концу. Я говорилъ всегда только про то, что снарядовъ у меня мало. Мы и войну начали съ недостаткомъ снарядовъ. Отдѣльные случаи, когда число снарядовъ опредѣлялось, были, но вѣдь такая нормированная стрѣльба велась по одной и той же цѣли недѣлями.

Свидѣтель также отзывается о ген. Стесселѣ съ самой благопріятной стороны. Приказы его производили чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, особенно послѣдній прощальный приказъ; генералъ Смирновъ былъ почти неизвѣстенъ въ Артурѣ.

Штабсъ-капит. Гудимъ.

Шт.-кап. Гудимъ также признаетъ, что на его батареѣ не было момента, чтобы снарядовъ совсѣмъ не было. Хотя немного, но они всегда были. Свидѣтель расходовалъ ихъ, сберегая для штурмовъ, и къ 19-му декабря у него осталось на 2 годныхъ орудія 113—130 снарядовъ, не считая большого числа морскихъ. Свидѣтель призналъ также пользу 37-мм. орудій при обстрѣливаніи окоповъ.

Штабсъ-капит. Ручьевъ.

Начавъ съ указанія, что снаряды доставлялись очень неаккуратно и въ небольшомъ количествѣ, свидѣтель, въ отвѣтъ на вопросы прокурора, долженъ былъ сознаться, что только разъ, 9-го августа, онъ очутился безъ снарядовъ, разстрѣлявъ ихъ по штурмующимъ колоннамъ. Послѣ этого снаряды подвозились всегда, хотя и понемногу. Но вѣдь онъ и просилъ ихъ всегда въ большемъ количествѣ, имѣя, очевидно, въ виду, что „тамъ все равно сократятъ требованіе“...

Подпоручикъ Садыковъ.

Садыковъ также говоритъ, что въ маѣ былъ секретный приказъ по артиллеріи крѣпости, въ которомъ говорилось, что если мы будемъ тратить по 5—6 снарядовъ въ день, то ихъ хватитъ на три мѣсяца.

Генералъ Бѣлый возражаетъ, что такого приказа не было, и проситъ указать его номеръ.

Защита ген. Стесселя настаиваетъ, что такой приказъ былъ.

— На чемъ вы основываете это ваше утвержденіе? — спрашиваетъ предсѣдатель.

— На газетной статьѣ, за подписью „Артурецъ“...

— Это не судебное доказательство, — заявляетъ предсѣдатель.

Свидѣтель, въ концѣ концовъ, отказывается поручиться въ томъ, что это былъ именно приказъ. Можетъ быть, это была бумага и какого-либо другого наименованія.

— Вы говорите, что въ этомъ приказѣ указывалось, что если тратить по 6 снарядовъ въ день, то ихъ хватитъ на 3 мѣсяца. 6 снарядовъ въ день на орудіе, это 180 снарядовъ въ мѣсяцъ и въ три мѣсяца — 540. Соотвѣтствовало ли это положенному комплекту? Каковъ былъ комплектъ?

— Не знаю, — отвѣчаетъ свидѣтель.

Штабсъ-капит. Карамышевъ. Шт.-кап. Карамышевъ показываетъ, что у него на батареѣ западнаго фронта оставалось утромъ 19-го декабря по 20 снарядовъ на орудіе. Это число было у него и 17-го и 18-го декабря, хотя въ эти дни онъ стрѣлялъ. Свидѣтель просилъ о пополненіи этихъ запасовъ, полагая, что оборона будетъ продолжаться еще долго, но ему въ этомъ было отказано, за недостаткомъ ихъ. Увидавъ, что начались штурмы на Б. Орлиное гнѣздо, свидѣтель приказалъ не жалѣть снарядовъ, такъ какъ понималъ, что отъ паденія этого пункта зависитъ участь крѣпости.

Штабсъ-капит. Вознесенскій. Бывшій адъютантъ Квантунской крѣпостной артиллеріи по строевой части, свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ матеріаломъ пользовался генералъ Бѣлый при составленіи своего отчета. Матеріала этого было вполнѣ достаточно; итоги брались изъ еженедѣльныхъ вѣдомостей, представлявшихся во время осады ген. Бѣлымъ въ штабъ укр. раіона и въ штабъ крѣпости.

Затѣмъ судъ переходитъ къ выясненію численности сданнаго японцамъ гарнизона. Первымъ допрашивается генералъ-маіоръ Горбатовскій, завѣдывавшій передачею гарнизона.

Генер.-маіоръ Горбатовскій. Свидѣтель показалъ, что подъ его предсѣдательствомъ была образована комиссія для установленія порядка сдачи гарнизона и выполненія его. Особымъ приказаніемъ было предписано всѣмъ частямъ портъ-артурскаго гарнизона прибыть къ 9 час. утра 23-го декабря къ укрѣпленію № 5.

— Когда я самъ туда прибылъ, я засталъ уже тамъ ге-

нерала Фока, бесѣдовавшаго съ японскими офицерами. Японскій маіоръ выразилъ мнѣ свое неудовольствіе на то, что я опоздалъ. Выяснилось, однако, что просто мы считали время по различнымъ часамъ: они—по японскимъ, я—по русскимъ. Между тѣми и другими есть разница. Затѣмъ японскій маіоръ спросилъ меня о количествѣ людей, идущихъ въ плѣнъ. Я затруднился точнымъ отвѣтомъ. „Тысячъ пятнадцать“,—сказалъ я. Но тутъ вмѣшался генералъ Фокъ и, сколько мнѣ помнится, опредѣлилъ это число въ 9—10 тысячъ. Самая передача войскъ происходила три дня — 23-го, 24-го и 25-го декабря. Сдано было всего 747 офицеровъ, чиновниковъ и заурядъ-прапорщиковъ и 23,131 чел. нижнихъ чиновъ. Первая цифра не вполнѣ точна, такъ какъ часть офицеровъ, принадлежавшихъ къ штабамъ укрѣпленнаго раіона и крѣпости, на передаточный пунктъ не явилась и оставалась въ Артурѣ. Цифра здоровыхъ нижнихъ чиновъ, въ смыслѣ годности къ бою, была, вѣроятно, очень мала. Я сужу объ этомъ по тому, что въ октябрѣ, на укрѣпленіи № 3, цынготныхъ было 25 проц., а черезъ мѣсяцъ ихъ было уже 75 проц. Въ октябрѣ и ноябрѣ люди на четверенькахъ ползли на позицію, ихъ уже некому было вести. Впрочемъ я говорю все это только о восточномъ фронтѣ; на западномъ—люди были гораздо менѣе утомлены, и процентъ здоровыхъ былъ значительно больше. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что съ дороги въ Японію было возвращено тысячи полторы больныхъ обратно въ госпитали Портъ-Артура. Здѣсь оставалось во время передачи 7—10 тыс. больныхъ и раненыхъ, да столько же почти выписалось изъ госпиталей, когда стало извѣстно, что крѣпость капитулируетъ. Эти люди, боясь оставаться въ своемъ безпомощномъ состояніи въ рукахъ японцевъ, вышли изъ госпиталей и явились на передаточный пунктъ, чѣмъ, конечно, и повысили цифру гарнизона. До 19-й версты, гдѣ производилась посадка людей въ вагоны желѣзной дороги, для отправки въ Дальній, а оттуда въ Японію, всѣ нижніе чины и офицеры шли пѣшкомъ. Были, конечно, при этомъ отсталые. Сортировку больныхъ отъ здоровыхъ японцы дѣлали сперва въ госпиталяхъ, а подробный осмотръ всѣхъ плѣнныхъ произвели только въ Нагасаки.

— Какъ отнесся къ факту сдачи ген. Смирновъ? — спрашиваетъ его защита ген. Стесселя.

— Онъ очень возмущался, но веселаго духа не терялъ. Этотъ веселый, бодрый видъ былъ обычнымъ для ген. Смирнова. Онъ никогда, въ самыя тяжелыя минуты, не унывалъ, не падалъ духомъ и шутилъ.—„Мы должны быть благодарны ген. Стесселю за сохраненіе нашихъ жизней, иначе бы мы не вернулись“,—сказалъ онъ мнѣ шутливо и въ этотъ разъ.

Ген. Стессель проситъ свидѣтеля удостовѣрить, что въ числѣ 23,000 чел., явившихся на сдаточный пунктъ, были денщики, конюхи, кашевары...

— Да вообще всѣ нестроевые, — подтверждаетъ Горбатовскій.

— Я вѣрно доносилъ Государю, что число штыковъ осталось у меня 8,600, такъ какъ если выкинуть человѣкъ 800 денщиковъ, тысячу слишкомъ конюховъ, тысячи двѣ другихъ нестроевыхъ да 10 тыс. больныхъ, явившихся къ сдачѣ изъ госпиталей, то и будетъ то число бойцовъ, о которомъ доносили мнѣ Горбатовскій и Ирманъ.

Генер.-маіоръ Третьяковъ. Бывшій к-ръ 5-го вост.-сиб. стр. полка показалъ, что ко времени сдачи у него на позиціи оставалось около 1000 чел.; изъ госпиталей вышло къ сдачѣ 500 чел.; въ Дальній пошло — 1500 чел., а дошло около 1200 чел. Онъ свидѣтельствуетъ также, что снарядовъ на его участкѣ было „страшно мало“, что до подхода непріятеля къ Артуру онъ часто видѣлъ у себя на позиціи ген. Стесселя; а потомъ — всего два раза, и что сдача произвела на солдатъ удручающее впечатлѣніе.

Полковникъ Жеребцовъ. Бывшій к-ръ Квантунской саперной роты даетъ въ своемъ показаніи очеркъ хода минныхъ работъ, интересный самъ по себѣ, но прямой связи съ дѣломъ не имѣющій.

Генер.-лейтен. Смирновъ. На вопросъ прокурора, сколько было въ плѣну портъ-артурцевъ, бывшій комендантъ крѣпости отвѣчаетъ:

— 32 тысячи. Это число мнѣ удалось установить офиціально вслѣдствіе переписки, веденной со мною еп. Никономъ и французскимъ посланникомъ, Армандомъ, относительно пособій нашимъ плѣннымъ. У меня имѣется записка о томъ,

подписанная японскимъ начальникомъ. Въ докладѣ же своемъ военному министру я писалъ, что взята была въ плѣнъ въ Артурѣ 41½ тысяча. Въ этомъ числѣ было 12½ тыс. стрѣлковъ, 5 тыс. артиллеристовъ, 500 чел. саперъ, 1 тыс. нестроевыхъ, итого 19 тысячъ. Больныхъ въ госпиталяхъ было 15 тыс., а въ околоткахъ 7½ тыс. Эти цифры взяты мною изъ ежедневныхъ вѣдомостей, мною веденныхъ во все время осады.—Изъ 23 тысячъ, сданныхъ японцамъ близъ укрѣпленія 5-го, тысячи полторы возвращено было обратно въ госпитали, но зато и изъ госпиталей было переведено немало въ плѣнъ, въ Японію, выздоровѣвшихъ, что и составило впослѣдствіи указанную мною цифру 32 тысячи. Она сходится и съ данными японскаго отчета, который впослѣдствіи сталъ мнѣ извѣстенъ. Въ этомъ числѣ было около 20 проц. больныхъ. Болѣе 300 человѣкъ мы оставили въ Японіи, на кладбищѣ.

Далѣе ген. Смирновъ даетъ оцѣнку показаній о немъ шт.-кап. Васильева, кап. Аноева и шт.-кап. Соломонова.

— Вчера, — говоритъ онъ, — шт.-кап. Васильевъ разсказалъ случай, свидѣтельствующій, что меня не знали въ Артурѣ ни солдаты, ни офицеры. Онъ сказалъ, что самъ онъ видѣлъ меня только разъ. Немудрено. Шт.-кап. Васильевъ очень много времени провелъ въ госпиталяхъ и посѣщать его тамъ у меня не было времени [1])... Сегодня кап. Аноевъ разсказывалъ, какъ я говорилъ солдатамъ послѣ сдачи: „здорово, родные“, а они спрашивали: „а ты кто такой, родненькій?“... Дѣло въ томъ, что, прощаясь съ солдатами, я возглашалъ только: „здорово, братцы! здорово, друзья!“ — „Здорово, родные!“ я говорилъ только тогда, когда бывалъ доволенъ какою-либо частью послѣ боя. Все это сообщеніе заимствовано, очевидно, кап. Аноевымъ изъ памфлета ген. Фока. Что касается, наконецъ, шт.-кап. Соломонова, то онъ, какъ дающій показаніе подъ присягой, вѣроятно, вспомнитъ, что мы съ нимъ часто встрѣчались. Онъ говорилъ, что часто видѣлъ ген. Стесселя, объѣзжавшаго

[1]) Шт.-кап. Васильевъ, письмомъ въ редакцію „Нов. Вр.“ (№ 11434) по поводу этихъ словъ ген. Смирнова заявилъ, что за все время осады Портъ-Артура онъ ни въ одномъ изъ госпиталей не лежалъ.

позиціи, но онъ не сказалъ, что 5-го октября видѣлъ и меня, сопровождавшаго Стесселя въ его вояжѣ. Видѣлъ меня также шт.-кап. Соломоновъ на позиціи и 14-го октября. Вообще въ теченіе 147 дней осады я выѣзжалъ на позицію 44 раза. У меня записаны дни моихъ выѣздовъ. Я дѣлалъ это, конечно, не для того, чтобы показываться капитанамъ Васильевымъ и Аноевымъ, а тогда, когда по обстоятельствамъ дѣла считалъ необходимымъ ознакомиться лично на мѣстѣ съ мѣстностью, состояніемъ укрѣпленій и лично указать, какіе пункты надо занять, укрѣпить и какъ именно. Здѣсь же я вижу стремленіе защиты ген. Стесселя набросить тѣнь на мою дѣятельность. Вслѣдствіе этого и на основаніи 64 ст. положенія объ управленіи крѣпостями, я прошу, чтобы моя дѣятельность, какъ коменданта, была освѣщена на судѣ всесторонне, между тѣмъ до сихъ поръ она выясняется только путемъ заподозриванія ея. Я прошу разобрать, какія укрѣпленія возведены были въ Портъ-Артурѣ по моему указанію, какія распоряженія я отдавалъ по оборонѣ и какова вообще была моя боевая дѣятельность. Боевой дѣятельности генерала Стесселя ни въ Артурѣ, ни здѣсь я не признавалъ и не признаю. Дѣла обороны онъ не касался. Все ограничивалось награжденіемъ солдатъ и офицеровъ и лирическими приказами.

— Считаете ли вы, что приказы намѣстника за №№ 239 и 339 слагали съ васъ, какъ коменданта, отвѣтственность за оборону? — спрашиваетъ Смирнова предсѣдатель.

— Я полагалъ, — отвѣчаетъ Смирновъ, — что надо мною былъ начальникъ, который долженъ былъ контролировать мои дѣйствія и давать мнѣ руководящія указанія. Самъ же я въ своей дѣятельности руководствовался положеніемъ объ управленіи крѣпостями. Хотя приказы эти и ограничивали мои права и я оказался комендантомъ „въ изъятіе изъ закона“, но я имѣлъ въ виду не возстановленіе своихъ правъ, а интересы дѣла, интересы обороны и ради нихъ поступался своими правами, предполагая возстановить ихъ впослѣдствіи.

— Но разъ ген. Стессель стѣснялъ вашу дѣятельность, ваши права, почему же вы не донесли письменно объ этомъ ген. Куропаткину?

— Я не считалъ удобнымъ дѣлать это письменно, но я полагалъ, что устные доклады офицеровъ генеральнаго штаба будутъ имѣть значеніе, что отсутствіе № на ихъ докладахъ не лишитъ ихъ силы. Да такъ вѣдь и было. Доклады эти имѣли послѣдствіемъ депеши ген. Куропаткина объ отозваніи ген. Стесселя изъ Артура. О томъ, что одна такая депеша на мое имя была похищена, я узналъ только здѣсь. Кто же могъ думать, что это случится... Въ отвѣтъ на мои устныя представленія я видѣлъ награжденіе ген. Стесселя высшимъ званіемъ генералъ-адъютанта и предоставленіе ему права награждать другихъ...

— Почему же вы просили Куропаткина только въ декабрѣ сложить съ васъ обязанности коменданта, разъ сознавали, что рано или поздно вамъ придется понести отвѣтственность за нихъ?

— До сентября я не видѣлъ особаго вреда отъ вмѣшательства Стесселя въ мои распоряженія. Правда, они иногда отмѣнялись, но такъ какъ затѣмъ Стессель забывалъ о нихъ, то я продолжалъ дѣлать свое дѣло, связывая кое-какъ концы своихъ намѣреній и плановъ. Я полагалъ, что такъ будетъ идти и впредь. Когда же я увидѣлъ, что онъ намѣренъ свернуть съ пути долга, я и донесъ главнокомандующему. Это случилось послѣ очищенія форта II-го. Защита его была дѣломъ геройскимъ, но таковымъ долженъ былъ быть и конецъ ея. Фортъ долженъ былъ быть взятъ, а не очищенъ, да, главное, тайкомъ отъ меня, безъ моего, коменданта, вѣдома. Какой бы я ни былъ неполномочный комендантъ, какимъ бы оригинальнымъ способомъ ни поселился въ моемъ домѣ другой хозяинъ, но, разъ я увидѣлъ, что цѣли его измѣнились, я долженъ былъ протестовать...

Генералъ Стессель.

Стессель возражаетъ Смирнову рѣзкимъ, повышеннымъ тономъ.

— Я былъ назначенъ начальникомъ, я всѣмъ распоряжался, — говоритъ онъ волнуясь, почти крича, ударяя на мѣстоименіи „я“. — Фортъ II-й палъ геройски; по моему приказу остатки его доблестнаго гарнизона были выведены съ форта, въ числѣ 17 человѣкъ. Да форта уже и не было, а было только мѣсто его. Ген. Смирновъ неправду говоритъ,

что тутъ былъ сговоръ между мной и Фокомъ. Тутъ сговора никакого не было. А онъ это написалъ въ своемъ докладѣ, легшемъ въ основу обвинительнаго акта. До сихъ поръ меня спрашивали только какъ свидѣтеля, теперь я впервые говорю, какъ обвиняемый (?!). И тутъ у меня оказалось два прокурора: одинъ — передо мною, онъ за тѣмъ столомъ; другой—справа отъ меня. Я прошу судъ выслушать моихъ свидѣтелей и вѣрить имъ...

Предсѣдатель суда успокаиваетъ подсудимаго заявленіемъ, что судъ съ полнымъ довѣріемъ относится къ показаніямъ всѣхъ свидѣтелей, доблестныхъ участниковъ портъ-артурской обороны.

Защитникъ ген. Рейса, прис. пов. Квашнинъ-Самаринъ, отъ имени своихъ товарищей по защитѣ генераловъ Стесселя, Фока и Рейса, благодаритъ предсѣдателя суда за эти слова.

— Они облегчаютъ наше положеніе, — говоритъ онъ, — они устраняютъ сомнѣніе, которое у насъ было зародилось, подъ вліяніемъ вашихъ предложеній нашимъ свидѣтелямъ говорить короче, воспрещеніемъ нѣкоторымъ говорить о томъ, что они хотѣли показать... Генералъ Смирновъ жалуется на обиды, будто бы наносимыя ему нами, но мы просимъ васъ вспомнить, что ничего подобнаго никогда не было. Мы никогда не выступали обвинителями противъ генерала Смирнова и никогда не касались его дѣятельности...

Судъ постановляетъ разсмотрѣть боевую дѣятельность ген. Смирнова, какъ коменданта.

XXIV. 7-е января.—Засѣданіе 24-е.

О дѣятельности ген.-лейт. Смирнова въ Портъ-Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: к.-адм. **Лащинскаго** и **Григоровича**, ген.-маіоровъ **Мехмандарова**. **Бѣлаго** и **Костенко**, полк. **Григоренко**, подполковниковъ **Достовалова** и **фонъ-Шварца**, поручика **Гаммера**. **Японскія свѣдѣнія** о взятыхъ въ Артурѣ артиллерійскихъ средствахъ обороны.

24-е засѣданіе всецѣло было посвящено выясненію дѣятельности генерала Смирнова по оборонѣ крѣпости.

Начинается оно съ представленія суду защитникомъ ген.

Смирнова, кап. 2 ранга фонъ-Шульцемъ, печатныхъ записокъ ген. Фока, существованіе которыхъ первоначально вовсе отрицалось защитою этого генерала, а затѣмъ ею же отрицалось изложеніе въ одной изъ этихъ записокъ факта, разсказаннаго на судѣ кап. Аноевымъ, будто на привѣтствіе Смирнова солдатамъ: „здорово, родные“! послѣдніе отвѣчали: „а кто ты, родненькій?“.

Теперь, когда эти записки представлены и на одной изъ страницъ ихъ указанъ и этотъ фактъ, защита ген. Фока возражаетъ лишь противъ утвержденія кап. фонъ-Шульца, будто показаніе кап. Аноева основано не на дѣйствительности, а именно на этихъ запискахъ. Ген. Домбровскій изъявляетъ готовность подтвердить этотъ фактъ новымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній.

Генералъ Фокъ заявляетъ, въ свою очередь, что записки эти имъ составлялись и разсылались начальствующимъ лицамъ и въ части, которыми онъ раньше командовалъ и въ которыхъ служилъ, съ цѣлью реабилитаціи своего добраго имени.

Затѣмъ судъ переходитъ къ допросу свидѣтелей. Первымъ допрашивается к.-адм. Лащинскій.

Контръ-адмиралъ Лащинскій.

— Послѣ 28-го іюля, когда эскадра вернулась въ Артуръ, испытавъ новую неудачу въ попыткѣ прорваться во Владивостокъ,—говоритъ свидѣтель,—я былъ назначенъ помощникомъ коменданта по морской и минной оборонѣ. Генералъ Смирновъ весьма внимательно относился къ этому дѣлу и давалъ мнѣ непосредственно указанія, гдѣ ставить минныя заграждения. Онъ обращалъ самое серьезное вниманіе на минную оборону съ моря праваго фланга нашей позиціи. Очень интересовалъ также комендантa вопросъ о стрѣльбѣ съ моря. Для разрѣшенія его и выбора позицій ген. Смирновъ выходилъ даже вмѣстѣ съ ген. Кондратенко на миноносцѣ „Сердитый“.—Вообще,—заявляетъ свидѣтель,—я встрѣчалъ всегда у коменданта полное содѣйствіе и поражался при этомъ его всегдашней жизнерадостности и бодрости духа. — Да позволено будетъ мнѣ здѣсь сказать, — заключаетъ свой отзывъ свидѣтель,—что дай Богъ побольше намъ такихъ генераловъ. И тѣмъ не менѣе, ген. Стессель еще лѣтомъ 1904 года заявилъ Смирнову: „Вы здѣсь лишній

и васъ, собственно говоря, нужно упразднить. Я здѣсь начальникъ...". Ген. Смирновъ отвѣтилъ ему тогда на это, что онъ назначенъ комендантомъ по Высочайшему соизволенію и упраздненъ быть не можетъ. Стессель отказался отъ мысли оформить это дѣло „упраздненія коменданта", но ген. Смирновъ отнынѣ съ этимъ намѣреніемъ Стесселя долженъ былъ уже считаться и говорилъ, что если Стессель его и въ самомъ дѣлѣ отрѣшитъ, то онъ соберетъ старшихъ начальниковъ и спроситъ ихъ, кому они болѣе довѣряютъ дѣло обороны: ему или Стесселю. Если послѣднему, то онъ сейчасъ же уѣзжаетъ изъ Артура въ армію на шаландѣ, если же вѣрятъ больше ему, Смирнову,—то онъ арестуетъ Стесселя.

Контръ-адмир. Григоровичъ.

Адм. Григоровичъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ фактъ и свидѣтельствуетъ, что онъ отговаривалъ Смирнова отъ этого шага, считая неудобнымъ арестовывать генералъ-адъютанта, и, виня въ разладѣ двухъ старшихъ начальниковъ въ крѣпости полк. Рейса, признавалъ послѣдняго ординарнымъ офицеромъ, непригоднымъ для занятія должности начальника штаба укрѣпленнаго раіона въ такую трудную минуту. Но Смирновъ съ этимъ взглядомъ не соглашался, виня во всемъ ген. Стесселя и признавая Рейса вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

Контръ-адмиралъ Григоровичъ также свидѣтельствуетъ о всегдашней большой готовности коменданта помочь ему, какъ командиру порта, чѣмъ возможно.

Оба адмирала вполнѣ согласно показываютъ также о томъ, что послѣ засѣданія совѣта обороны 25-го ноября, когда впервые возбужденъ былъ Рейсомъ вопросъ о предѣлѣ сопротивленія, ген. Смирновъ, предвидя возможность, что въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій совѣта будетъ прямо внесено предложеніе о сдачѣ, совѣтовалъ имъ, адмиралам, подать рапорты о томъ, чтобы ихъ впредь приглашали на всѣ совѣты и совѣщанія по оборонѣ крѣпости.

— Все-таки будутъ лишніе голоса противъ такихъ предложеній,—говорилъ имъ Смирновъ.

Они послушались его, подали о томъ рапорты—и въ результатѣ были приглашены на военный совѣтъ 16-го декабря.

Защита ген. Стесселя пытается дискредитировать показанія конт.-адм. Лащинскаго рядомъ вопросовъ, „на кото-

рые онъ въ правѣ не отвѣчать, если они въ чемъ-либо его самого уличаютъ".

— Правда ли,—спрашиваетъ подполк. Вельяминовъ,—что за вылавливаніе минъ назначалась матросамъ награда въ 25 рублей?

— Да, назначалась,—кратко отвѣчаетъ свидѣтель, не задумываясь.

— Правда ли, что вы получили отъ адм. Витгефта выговоръ за то, что, будучи высланы съ миноносцами въ море, вы взяли съ собою лишь по 20 снарядовъ на орудіе и, разстрѣлявъ ихъ, быстро вернулись, не исполнивъ задачи?

— Да это было, но это замѣчаніе было слѣдствіемъ недоразумѣнія, такъ какъ такое именно количество снарядовъ установлено было приказомъ самого адм. Витгефта, что я ему и указалъ.

— А кому вы считали себя подчиненнымъ?—спрашиваетъ, наконецъ, защитникъ кон.-адм. Лащинскаго.

— Генералу Смирнову,—не колеблясь отвѣчаетъ тотъ.

— А почему же адм. Лащинскій ходилъ ко мнѣ за приказаніями и съ докладами?—спрашиваетъ свидѣтеля ген. Стессель.—Когда же я приказалъ ему не выпускать Ножина изъ Артура, онъ приказанія моего не исполнилъ,—жалуется Стессель суду на свидѣтеля.

Генер.-маіоръ Мехмандаровъ.

Въ залъ суда приглашается бывшій начальникъ артиллеріи восточнаго фронта. Онъ приводитъ рядъ распоряженій коменданта по артиллерійской части обороны. По его указаніямъ поставлены были батареи на Лаперовской горѣ, на Митрофаньевской и въ другихъ пунктахъ. Разъ въ недѣлю или въ десять дней ген. Смирновъ посѣщалъ штабъ восточнаго фронта. Свидѣтель видѣлъ его дважды на позиціяхъ во время августовскихъ штурмовъ, дважды въ сентябрѣ и дважды на форту II-мъ и близъ Большой горы.

— Я вынесъ такое впечатлѣніе, что ген. Кондратенко, какъ начальникъ сухопутной обороны, обо всемъ докладывалъ ген. Смирнову.

— Допускаете ли вы возможность,—спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ,—чтобы командиры батарей не знали въ лицо коменданта?

— Признаюсь, не могу этого допустить,—говоритъ ген. Мехмандаровъ.—Единичные случаи этого могли, конечно, быть... Что ген. Смирнова вообще меньше знали, чѣмъ Стесселя, это понятно. Стессель долго жилъ въ Артурѣ до войны,—ген. Смирновъ же прибылъ туда только въ мартѣ, когда война уже началась и войска были уже на позиціяхъ.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія даетъ о дѣятельности коменданта бывшій начальникъ артиллеріи крѣпости.

Генер.-маіоръ Бѣлый.

— Прибывъ въ Артуръ 4-го марта,—показываетъ онъ,—ген. Смирновъ сейчасъ же предпринялъ объѣздъ всей крѣпости съ участіемъ всѣхъ старшихъ начальниковъ. Предварительно онъ ознакомился съ расположеніемъ вѣрковъ по плану. Объѣздъ продолжался нѣсколько дней. Ген. Смирновъ на мѣстѣ давалъ соотвѣтствующія указанія. Послѣ этого онъ установилъ у себя два раза въ недѣлю собранія старшихъ начальниковъ, на которыхъ ими дѣлались доклады по состоянію обороны и о ходѣ оборонительныхъ работъ, а комендантъ давалъ намъ свои руководящія указанія. Эти собранія были очень полезны, такъ какъ объединяли всѣхъ насъ и создали дружную общую работу.

Точно также, тотчасъ по пріѣздѣ въ Артуръ, ген. Смирновъ быстро завязалъ отношенія съ флотомъ. Дѣятельность его и адм. Макарова объединила флотъ и сухопутныя войска. Обширныя познанія ген. Смирнова въ военномъ дѣлѣ были очень цѣнны и много помогали дѣлу. Они позволяли ему часто предугадывать намѣренія противника. Такъ, напр., онъ съ совершенной точностью предсказалъ пунктъ, на который поведутъ японцы свои первыя атаки на восточномъ фронтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не стѣснялся и отмѣнять свои распоряженія, когда ему указывали на ихъ нецѣлесообразность. Онъ часто объѣзжалъ позиціи и бывалъ на батареяхъ во время стрѣльбы. Онъ ѣздилъ на позиціи не для того, чтобы показываться войскамъ, а всегда точно указывалъ намъ, ради какой цѣли онъ ѣдетъ. И когда я сопровождалъ его, разговоръ всегда касался только дѣла обороны. Артиллерійскими вопросами онъ очень интересовался. Такъ, напримѣръ, его очень интересовалъ вопросъ о способахъ закрытой и сосредоточенной стрѣльбы. Къ послѣдней онъ хотѣлъ привлечь и флотъ. Адм. Макаровъ

очень сочувствовалъ этому намѣренію, и его штабъ уже разработалъ, было, условія и планъ такой стрѣльбы. Гибель „Петропавловска“ всему этому помѣшала... Ген. Смирновъ предполагалъ вести оборону Артура до конца и говорилъ, что послѣднимъ мѣстомъ защиты будетъ Ляотешань...

— А какъ же на военномъ совѣтѣ 16-го декабря ген. Смирновъ предполагалъ совершенно очистить отъ войскъ Ляотешань? — спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ генер. Стесселя. — Стало быть, оборонять его было не нужно?

— Слово „не нужно“ не было сказано ген. Смирновымъ на совѣтѣ, — отвѣчаетъ ген. Бѣлый.

Послѣ допроса этого свидѣтеля прокуроръ дѣлаетъ суду слѣдующее заявленіе:

— Вчера мы выслушали о дѣятельности ген. Смирнова свидѣтельство ряда молодыхъ офицеровъ—поручиковъ, штабсъ-капитановъ—а сегодня—показанія о томъ же двухъ адмираловъ и двухъ генераловъ. Я считаю вопросъ этотъ достаточно выясненнымъ и желалъ бы теперь спросить генерала Стесселя, по чьимъ представленіямъ награжденъ генералъ Смирновъ за боевую дѣятельность въ Артурѣ орденами св. Анны 1-й ст. съ мечами и св. Владиміра 2-й ст. съ мечами? А также—признаетъ ли ген. Стессель, что имъ донесено было 10-го августа Государю Императору о ген. Смирновѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Но среди достойныхъ есть достойнѣйшіе; это генералы Кондратенко, Смирновъ“... и др.?

— Это по моему представленію ген. Смирновъ награжденъ... Онъ вѣдь комендантъ былъ... Когда же онъ ослушался моего приказа и выпустилъ Ножина, то я не считалъ возможнымъ болѣе представлять его... Да вѣдь и орденъ св. Владиміра 2-й ст. съ мечами, кажется, довольно большая награда...—говоритъ Стессель.

— Въ этомъ никто не сомнѣвается, — замѣчаетъ предсѣдатель.

Что же касается донесенія, сдѣланнаго имъ о Смирновѣ, какъ о достойномъ изъ достойнѣйшихъ, то ген. Стессель далъ такое сбивчивое объясненіе, что выходило, будто донесеніе это сдѣлано имъ было только для того, чтобы по-

ставить Петербургъ въ извѣстность, что въ Артурѣ есть генералъ Смирновъ.

Затѣмъ оглашаются свѣдѣнія о количествѣ снарядовъ и оружія, взятыхъ японцами въ Артурѣ, добытыя нашимъ военнымъ агентомъ въ Японіи, полковн. Самойловымъ. По этимъ свѣдѣніямъ, японцы получили годныхъ ружей 36,800, патроновъ къ нимъ 4,640,800, орудій 357 и снарядовъ 133,799, въ томъ числѣ безъ пороха 84,939.

Послѣдняя цифра, надо полагать, касается бронебойныхъ снарядовъ, не имѣющихъ разрывного заряда.

Защита ген. Стесселя и Рейса склоняется отдать предпочтеніе этимъ цифрамъ предъ данными отчета ген. Бѣлаго. Но послѣдній стоитъ на своемъ и разъясняетъ, что цифры орудій и снарядовъ, собранныя имъ къ 19-му декабря, могутъ отличаться отъ тѣхъ, которыя вывели японцы послѣ пріема имущества. Прежде всего надо принять въ расчетъ фактъ порчи нами послѣ сдачи орудій и уничтоженія снарядовъ, которые топились въ морѣ и зарывались въ землю. Орудія портились сбитіемъ мушекъ и прицѣловъ, налитіемъ въ каналы кислоты,—и портились основательно. Это призналъ предъ свидѣтелемъ и самъ начальникъ осадной японской артиллеріи, когда они осматривали вмѣстѣ наши орудія уже въ японскомъ паркѣ. Наконецъ, понятіе годности орудій и снарядовъ, существовавшее во время обороны въ Артурѣ, существенно разнится отъ понятія, установленнаго японцами при оцѣнкѣ своихъ трофеевъ. Нигдѣ и никогда, кромѣ Артура, тѣ орудія, изъ которыхъ велась стрѣльба, не были бы признаны годными. Такъ сильно они были попорчены отъ постоянной стрѣльбы. То же слѣдуетъ сказать и про снаряды.

— Во всякомъ случаѣ, я утверждаю, — заявляетъ суду ген. Бѣлый, — что къ 19-му декабря въ Артурѣ оставалось 610 орудій. Другой цифры я поставить въ отчетѣ не могъ, такъ какъ она выведена мною изъ донесеній батарейныхъ командировъ.

Возобновляется допросъ свидѣтелей.

Генер.-маіоръ Костенко. Ген. Костенко показываетъ, что, сопровождая Смирнова въ его поѣздкахъ по позиціямъ, онъ пришелъ къ выводу, что ген. Смирновъ является главнымъ

руководителемъ обороны. Онъ усмотрѣлъ это изъ докладовъ начальниковъ участковъ, отдѣловъ и фронтовъ обороны и изъ распоряженій, которыя отдавалъ имъ ген. Смирновъ.

Затѣмъ свидѣтель разсказываетъ, что ген. Смирновъ, встрѣтившись съ нимъ на панихидѣ по ген. Кондратенко, сказалъ съ грустью, что въ лицѣ погибшаго Романа Исидоровича онъ потерялъ лучшаго своего помощника. По поводу назначенія ген. Фока начальникомъ сухопутной обороны, ген. Смирновъ сказалъ: „Я предвижу, что въ скоромъ времени крѣпость перестанетъ существовать. У меня нѣтъ болѣе помощника на сухопутномъ фронтѣ. И вы скоро будете свидѣтелемъ сдачи крѣпости, или, по крайней мѣрѣ, сдачи фортовъ“. Слова эти были пророческими.

Полковникъ Григоренко.

Бывшій начальникъ инженеровъ крѣпости свидѣтельствуетъ о дѣятельности ген. Смирнова по инженерной части обороны.

— Ежедневно въ 7 час. утра, рѣдко въ 8, я шелъ съ докладомъ къ коменданту о томъ, что сдѣлано за ночь, и получалъ отъ него распоряженія на предстоящій день. Онъ вникалъ въ дѣло лично и очень подробно. Мы ѣздили вмѣстѣ на позиціи; на форту II-мъ комендантъ лично спускался въ минный колодецъ, выслушивалъ минную работу японцевъ, а на другой день самъ взорвалъ камуфлетъ на этомъ форту. Вообще ген. Смирновъ очень интересовался ходомъ минной войны и весьма сочувственно относился къ нашимъ контръ-минным работамъ. Такъ какъ по Высочайше утвержденному плану крѣпости, голова водопровода не была прикрыта никакимъ укрѣпленіемъ, то ген. Смирновъ поѣхалъ со мною туда, осмотрѣлъ мѣстность и указалъ на ней мѣсто для прикрывающаго голову редута, который и принесъ намъ огромную пользу. Осмотрѣвъ нашъ правый флангъ, отъ форта I-го до бухты Тахе, ген. Смирновъ вполнѣ цѣлесообразно приказалъ вынести его впередъ и устроить редутъ Тахе съ траншеями вправо и влѣво. Укрѣпленіе Высокой горы также очень заботило коменданта; но главною его заботою была организація 2-й и 3-й линіи обороны.

Защитникъ ген. Фока обращаетъ вниманіе суда на одну страницу изъ отчета ген. Бѣлаго, гдѣ говорится, что планъ дѣйствій нашей артиллеріи противъ прорыва на во-

сточномъ фронтѣ, одобренный и комендантомъ, предусматривалъ уже возможность, а, пожалуй, и неизбѣжность очищенія укрѣпленія 3-го и первой линіи до батареи Б включительно, и что осуществленію этого плана помѣшала капитуляція.

Противъ этого заявленія энергично и рѣзко протестуетъ ген. Смирновъ.

— Я присутствую при странномъ извращеніи понятій и фактовъ и при такой логикѣ освѣщенія ихъ, что я отказываюсь понимать ихъ. Я предусматривалъ не только, что наступитъ время, когда придется очистить батарею Б, но и паденіе Артура. Но это не значитъ, что Артуръ сдалъ я, а не генералъ Стессель!...

И дѣйствительно, вѣдь обвиненіе ген. Фоку поставлено не въ томъ смыслѣ, что онъ приказалъ очистить батарею Б, а въ томъ, что онъ приказалъ это сдѣлать послѣ посылки уже парламентера, что создавало для насъ невыгодную обстановку при выработкѣ условій капитуляціи и ставило въ невыгодное положеніе, если бы переговоры были прерваны.

Подполковникъ Достоваловъ. Бывшій крѣпостной интендантъ свидѣтельствуетъ рядомъ фактовъ о заботахъ коменданта по довольствію войска и увеличеніи запасовъ продовольствія.

Свидѣтелемъ сдано японцамъ 21-го декабря: муки пшеничной—8,256 пуд., муки крупчатки—32,050 пуд., муки сѣялки—1,020 пуд., рису — 63 пуда, крупы пшеничной — 3,820 пуд., крупы кукурузной—522 пуда, чумизы—140 пуд., сухарей—30,373 пуда, чаю—2,351 пудъ, сахару—981 пудъ, сушеныхъ овощей—3,016 пуд., консервовъ мясныхъ—1,767 порцій, бобовъ—28,810 пуд., овса—580 пуд. Это количество продовольствія, по подсчету интенданта, приходилось на 32,000 чел., считая въ томъ числѣ бойцовъ, больныхъ, дружинниковъ и моряковъ, бывшихъ на сухопутномъ фронтѣ.

Поручикъ Гаммеръ. Бывшій ординарецъ генер. Смирнова, по своей записной книжкѣ, устанавливаетъ совершенно точно дни выѣздовъ коменданта на позиціи и пункты, которые при этомъ онъ посѣтилъ. Оказывается, что въ августѣ комендантъ выѣзжалъ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14, 24 и 31; въ сентябрѣ—4, 9, 13, 18, 22, 24, 27 и 29; въ октябрѣ—2, 3,

5, 8, 9, 13, 14, 19, 25, 27 и 30; въ ноябрѣ — 4, 6, 7, 10, 15, 19, 23, 24 и 30 и въ декабрѣ—8, 11, 12 и 13.

Инж.-подполк. фонъ-Шварцъ

Фонъ-Шварцъ дополняетъ показаніе начальника инженеровъ крѣпости, полк. Григоренко весьма существенными данными.

— Мнѣ приходилось,—говоритъ онъ,—видѣть ген. Смирнова на позиціи много разъ и исполнять его распоряженія по инженерной части. Однажды я былъ вызванъ комендантомъ на 3-й капониръ, гдѣ онъ велѣлъ мнѣ выстроить батарею на 2 орудія. Нѣсколько разъ я встрѣчалъ коменданта на форту III-мъ, гдѣ онъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на срѣзъ гласиса, чтобы уменьшить мертвое пространство передъ фортомъ. Я доложилъ, было, ему, что это трудно сдѣлать, но онъ приказалъ мнѣ постараться, и гласисъ былъ нѣсколько срѣзанъ. Затѣмъ 11-го августа я получилъ отъ ген. Кондратенко предписаніе, въ которомъ онъ, именемъ коменданта, приказывалъ мнѣ немедленно приступить къ устройству 2-й оборонительной линіи. Въ іюнѣ ген. Смирновъ пріѣхалъ къ намъ на III-й фортъ и присутствовалъ при стрѣльбѣ изъ 6-дюйм. орудій. Послѣ стрѣльбы офицеры форта собрались вокругъ него и завязался разговоръ о томъ, долго ли крѣпость продержится.—Трудно отвѣтить точно,—сказалъ комендантъ,—но думаю, что японцамъ потребуется 2 мѣсяца, чтобы сбить наши батареи и 2 мѣсяца на штурмъ.

XXV. 8-е января—Засѣданіе 25-е.

О дѣятельности ген. Смирнова въ П.-Артурѣ. Показанія к.-адм. **Григоровича** и полк. **Хвостова,** объясненіе ген. **Стесселя.—О санитарномъ состояніи войскъ, численности ихъ ко дню сдачи и о положеніи госпиталей.** Допросъ свидѣтелей: д-ровъ **Гюббенета, Кржевца, Александрова, Кочетова** и **Иванова,** от. ген.-маіоровъ **Некрашевича-Поклада** и **Петруши.**

Продолжается разсмотрѣніе боевой дѣятельности ген. Смирнова.

Первоначально дастъ дополнительное показаніе бывшій к-ръ порта „Артуръ“.

Контръ-адмир. Григоровичъ. Онъ говоритъ, что въ порту осталось провизіи до конца января на 12,000 числившихся на довольствіи въ немъ человѣкъ, правда, при уменьшенной порціи. Объ этомъ количествѣ запасовъ онъ ген. Стесселю не допосилъ, а донесъ коменданту крѣпости.

— Почему вы не сообщили эти свѣдѣнія ген. Стесселю?—спрашиваютъ ген. Смирнова.

— Ни предписанія донести, ни запроса объ этомъ я не получалъ,—отвѣчаетъ онъ,—а самъ не считалъ нужнымъ это сдѣлать, такъ какъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ „Положеніемъ объ управленіи крѣпостями“.

Затѣмъ допрашивается бывшій начальникъ его штаба.

Полковникъ Хвостовъ. Онъ систематически очерчиваетъ дѣятельность коменданта, выражавшуюся въ работѣ его совмѣстно съ чинами крѣпостныхъ управленій и обороны, въ выѣздахъ на позицію и въ формированіи, размѣщеніи и соотвѣтственномъ употребленіи резервовъ.

Относительно первыхъ двухъ функцій свидѣтель подтвердилъ то, что суду уже извѣстно изъ показаній ген. Бѣлаго и поручика Гаммера. Полковникъ Хвостовъ добавилъ только къ этому, что, оставаясь во время выѣздовъ коменданта на позицію въ штабѣ, онъ былъ въ постоянной и непрерывной связи съ ген. Смирновымъ, получая отъ него различныя распоряженія, вызывавшіяся усмотрѣнными на мѣстѣ обстоятельствами: выслать туда-то столько-то мѣшковъ, передвинуть резервъ и т. п.

— Организація резервовъ и распоряженіе ими было дѣломъ сложнымъ и важнымъ,—говоритъ свидѣтель.—Ко времени перваго штурма (въ августѣ) у насъ было въ резервѣ два полка—13-й и 14-й; но въ дни штурма они влились въ боевую линію и въ резервѣ осталась только рота 13-го полка. И уже тогда былъ снятъ съ судовъ десантъ, но по окончаніи штурма возвращенъ обратно. Такъ какъ это оказалось неудобнымъ, то впослѣдствіи десантъ этотъ по окончаніи штурмовъ на суда уже не возвращался. Коменданту крѣпости приходилось самому заботиться о снабженіи его теплою одеждою, объ его размѣщеніи, довольствіи, а впослѣдствіи, когда съ судовъ стали присылать въ составъ его уже не-

строевыхъ (квартирмейстеровъ и др.), то и объ обученіи его. Резервомъ этимъ никто, кромѣ коменданта, не распоряжался, и только однажды, во время обороны Высокой горы, ген. Кондратенко самостоятельно взялъ изъ него одну роту, о чемъ сейчасъ же донесъ коменданту, объясняя это крайнею спѣшностью. Благодаря ген. Смирнову, мы во все время осады имѣли хотя и небольшой, но постоянно находившійся подъ рукою резервъ, который всегда и выручалъ насъ въ трудныя минуты.

— Память ген. Кондратенко,—продолжаетъ свидѣтель,—для всѣхъ насъ священна. Мы всѣ цѣнили его дѣятельность, его заслуги въ оборонѣ крѣпости. Однако, это не лишаетъ насъ права сказать, что и Кондратенко былъ человѣкъ и дѣлалъ иногда ошибки, какъ дѣлали ихъ Наполеонъ и Суворовъ. И ген. Смирновъ имѣлъ иногда основанія съ нимъ не соглашаться, Такъ, во время атаки японцами Кумирнскаго и Водопроводнаго редутовъ, ген. Кондратенко просилъ у Смирнова разрѣшенія ихъ очистить. Ген. Смирновъ настаивалъ на продолженіи обороны ихъ—и настоялъ. Мы продержали послѣ этого эти важные редуты еще мѣсяцъ. Кондратенко былъ самъ этимъ впослѣдствіи доволенъ и извинялся за свои требованія, объясняя ихъ настроеніемъ минуты. Очищеніе Угловыхъ горъ было сдѣлано по приказанію ген. Кондратенко. И когда комендантъ потомъ пенялъ ему за это, Кондратенко соглашался, что поторопился. Въ отбитіи августовскихъ штурмовъ ген. Смирновъ игралъ вполнѣ самостоятельную, руководящую роль, и то, что эти ужасные штурмы были отбиты, составляетъ его крупную заслугу, такъ какъ неудача ихъ заставила японцевъ перейти отъ атаки крѣпости открытой силой къ инженерному способу и затянуло осаду надолго. Двоевластіе, которое создано было въ управленіи обороною крѣпости, конечно, вредно отражалось на дѣлѣ. Въ крѣпости было два самостоятельныхъ начальника артиллеріи—генералы Никитинъ и Бѣлый; два завѣдывающихъ медицинскою частью—д-ра Рябининъ и Субботинъ. Крѣпостной интендантъ получалъ приказанія отъ двухъ начальниковъ, которымъ сразу былъ непосредственно подчиненъ. Правда, ген. Никитинъ не тормозилъ дѣла артиллерійской обороны, но оно, конечно,

шло бы успѣшнѣе и скорѣе, если бы было сосредоточено въ чьихъ-либо однѣхъ рукахъ.

— Вступивъ въ права коменданта, будучи комендантомъ „по существу“, какъ самъ ген. Стессель называлъ себя, — несъ ли онъ и обязанности коменданта?—спрашиваетъ свидѣтеля прокуроръ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ полк. Хвостовъ.—Я знаю, что систематической связи съ начальникомъ артиллеріи крѣпости и начальникомъ инженеровъ ген. Стессель не установилъ. Они приглашались имъ для докладовъ лишь отъ времени до времени, по какимъ-либо случайнымъ поводамъ. Чаще сносился ген. Стессель въ начальникомъ сухопутной обороны и рѣдко съ крѣпостнымъ интендантомъ. Во время первыхъ августовскихъ штурмовъ, всѣ обязанности коменданта фактически исполнялись Смирновымъ. Генералъ Стессель въ руководство оборопою тогда не вмѣшивался. Ему только докладывали о ходѣ дѣла. Да и вообще, по моему мнѣнію, обязанностей коменданта такъ, какъ я ихъ понимаю на основаніи положенія объ управленіи крѣпостями, ген. Стессель не несъ.

Поднимается ген. Стессель и дастъ свою оцѣнку дѣятельности ген. Смирнова.

Генер. Стессель. — Генералъ Смирновъ сказалъ вчера, что мое пребываніе въ Артурѣ было излишне. Пріѣхавъ въ Артуръ и объѣхавъ крѣпость, онъ полагалъ, что все уже знаетъ и можетъ критически относиться къ дѣятельности Кондратенко. Такъ какъ я хорошо зналъ Кондратенко и ввѣрилъ ему всю оборону, то я рѣшилъ отчислить ген. Смирнова отъ должности коменданта и назначить въ свое распоряженіе. Но меня отъ этого отговорили... Ген. Смирновъ противился укрѣпленію Угловыхъ горъ и настаивалъ на укрѣпленіи Высокой, а я приказалъ сдѣлать наоборотъ... Когда мы стояли еще на передовыхъ позиціяхъ, Смирновъ полагалъ, что войска надо отвести съ нихъ въ крѣпость и расположить въ казематахъ, которыхъ хватитъ на весь гарнизонъ. Это была неправда. Казематы были готовы только на одинъ полкъ, да и очищеніе передовыхъ позицій было намъ невыгодно, такъ какъ, стоя на нихъ, мы задержали непріятеля на два мѣсяца. Наши же позиціи передъ крѣ-

постью не были готовы... Ген. Смирновъ взялся укрѣплять Дагушань и укрѣпилъ его такъ примитивно, что я потомъ очень сожалѣлъ, что позволилъ Кондратенко долго оставаться на передовыхъ позиціяхъ. Если бы онъ тамъ не былъ, Дагушань былъ бы укрѣпленъ, какъ слѣдуетъ... Ген. Смирновъ сказалъ, что я остался въ крѣпости путемъ похищенія телеграммы. Это неправда. Я остался въ ней по Высочайшему повелѣнію. Куропаткинъ же не былъ обо мнѣ хорошо освѣдомленъ... 7-го декабря, послѣ очищенія форта II-го, Смирновъ послалъ телеграмму, въ которой писалъ, что фортъ очищенъ безъ боя. Это неправда. Бой былъ — и я считаю его славной страницей русской исторіи... Въ минныхъ работахъ я не знатокъ, не саперъ,—я полевой офицеръ, но я зналъ, что работы эти должны вестись отъ фортовъ, а не отъ полевыхъ окоповъ. Объ этомъ мнѣ говорилъ Кондратенко. Если бы онѣ такъ и велись, то закончились бы не фугасами, а минными галлереями... Въ Портъ-Артурѣ еще до войны всѣ орудія поставлены были на возвышенностяхъ. Это было неправильно—и послѣ Тюренчена Куропаткинъ прислалъ инструкцію, какъ ихъ надо ставить... Но ген. Смирновъ (а можетъ быть, оговариваюсь, и не онъ) установилъ двѣ пушки Канэ на самой вершинѣ Большого Орлинаго Гнѣзда. Кончилось это тѣмъ, что во время августовскихъ штурмовъ обѣ онѣ были подбиты. И такихъ отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности коменданта было много.

— На совѣтѣ 16-го декабря онъ совершенно невѣрно говорилъ, что можно взять резервъ съ Сигнальной горы и Ляотешаня, что тамъ тысяча человѣкъ... Я думалъ, что онъ шутитъ; вѣдь тамъ было всего 400 человѣкъ... Ген. Смирновъ вѣроятно зналъ, что 6-го августа былъ совѣтъ флагмановъ и капитановъ...

— Почему—вѣроятно?—спрашиваетъ его предсѣдатель.

— Потому, что я не зналъ; полагаю, что и онъ не зналъ,— отвѣчаетъ Стесселъ.—Я узналъ объ этомъ только 26-го ноября... Когда ко мнѣ пришелъ Лащинскій, я сказалъ, что флотъ долженъ быть въ готовности къ выходу... А они уже, оказывается, еще 6-го августа постановили передать все — орудія, снаряды и команды—на сухопутный фронтъ. И ген.

Смирновъ мнѣ объ этомъ не донесъ..., если зналъ объ этомъ, —спохватывается Стессель, вспомнивъ, вѣроятно, вопросъ предсѣдателя.

Но рѣчь его еще не кончена.

– Относительно обстрѣла Высокой горы 9 сентября,— добавляетъ онъ,—я долженъ сказать, что распоряженіе объ этомъ, дѣйствительно, сдѣлано комендантомъ, но свѣдѣніе, что надо выслать взводъ артиллеріи, далъ шт.-кап. Ерофѣевъ. Указаніе же, гдѣ нужно поставить его, сдѣлалъ подполковникъ Романовскій, которому я еще въ августѣ указалъ мѣсто.

Слѣдуетъ рядъ показаній врачей о санитарномъ состояніи войскъ и положеніи госпиталей. Всѣ они вызваны по ходатайству Стесселя.

Д-ръ Гюббенетъ. Д-ръ Гюббенетъ разсказываетъ, что почти всѣ зданія въ городѣ были взяты подъ госпитали. Въ нихъ было всего 5,500 мѣстъ. Но ихъ не хватило уже послѣ августовскихъ штурмовъ. Пришлось искать новыя помѣщенія, класть больныхъ и раненыхъ между койками, сдвигать 2 койки и класть на нихъ по 3 человѣка. Среднее число раненыхъ во всѣхъ госпиталяхъ Артура было въ ноябрѣ около 7 тыс. Въ санитарномъ персоналѣ ощущался страшный недостатокъ. Для отстаиванія Высокой горы было взято 75% госпитальныхъ служителей, и черезъ 48 часовъ всѣ они вернулись ранеными. Ихъ мѣста въ госпиталяхъ заняли дружинники, которые, конечно, не были подготовлены къ уходу за больными. Для несенія санитарной службы подготовлялись выздоравливающіе раненые. Самоотверженно служили сестры милосердія. Въ началѣ осады теченіе процесса заживленія ранъ было очень благопріятно. Этому способствовалъ высокій духъ гарнизона, поднятый удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ на передовыхъ позиціяхъ и отбитіемъ августовскихъ штурмовъ. Въ серединѣ сентября начали развиваться инфекціонныя заболѣванія—дисентерія, тифъ, цынга—и раны стали заживляться туго. Въ ноябрѣ ихъ не могла уже заживлять никакая медицинская наука. Раскрывались даже старыя раны. Объясняется это страшнымъ утомленіемъ гарнизона и упадкомъ духа послѣ взятія японцами Высокой горы. Смертность росла по мѣрѣ продолженія осады. За ноябрь умерло 1,260

чел., въ декабрѣ еще болѣе. Въ слабосильныхъ командахъ и околоткахъ къ концу осады было 16,000 чел. Когда послѣдовала сдача крѣпости, то многіе изъ нихъ выписались изъ госпиталей. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ недѣль умерло въ госпиталяхъ 1,540 чел. Со сдаточнаго пункта японцы вернули 1,400 чел., потому что они не въ состояніи были идти въ Дальній.

— Стессель былъ раненъ 17 октября. Когда свидѣтель явился къ нему вмѣстѣ съ д-ромъ Рябининымъ и снялъ повязку, то оказалось, что пуля рикошетомъ пробила кожу черепа и причинила контузію. Вечеромъ у генерала сдѣлалось головокруженіе, но на другой день онъ былъ уже на ногахъ, хотя и жаловался на головную боль. Въ теченіе 6 дней рана совершенно зажила.

Д-ръ Кржевецъ также свидѣтельствуетъ, что положеніе госпиталей было „невозможное“, потому что въ госпиталяхъ вмѣсто 300 чел. помѣщалось 800 и даже 1,000. Цынга началась въ августѣ, въ сентябрѣ усилилась, а къ концу осады госпитали стали очагами цынги. **Д-ръ Кржевецъ.**

Когда свидѣтель принялъ госпитали послѣ капитуляціи, будучи назначенъ завѣдывающимъ медицинскою частью, вмѣсто уѣхавшаго вмѣстѣ съ ген. Стесселемъ въ Россію д-ра Рябинина и въ обходъ старшаго д-ра Субботина, то онъ зарегистрировалъ въ госпиталяхъ 12,000 больныхъ и раненыхъ. Большинство вышедшихъ изъ госпиталей было здорово только по виду.

— Въ какомъ психическомъ состояніи были люди, здоровые и больные, къ концу осады?—спрашиваетъ свидѣтеля защитникъ ген. Стесселя, прис. пов. Сыртлановъ.

— Въ беззавѣтной преданности долгу.

— Вы меня не поняли,—говоритъ ему защитникъ и повторяетъ вопросъ.

— Насъ всѣхъ угнетало сознаніе, что выручка не идетъ.

— Ген. Стессель видѣлъ такое состояніе госпиталей и ихъ переполненіе?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Видѣлъ.

— Принималъ противъ этого мѣры?

— Да.

— Что же имъ дѣлалось?

— Больше предпринять ничего было нельзя. Состояніе раненыхъ было ужасное и напоминало бредни знаменитаго Вересаева въ „Красномъ Смѣхѣ“ (?!).

— Кому подчинялся медицинскій инспекторъ Рябининъ?

— Не знаю.

— А почему онъ уѣхалъ въ Россію?

— Говорятъ, нездоровъ былъ.

— Кого-нибудь еще изъ санитарнаго персонала выпустили японцы изъ Артура?

— Доктора Гюббенета — по постановленію комиссіи врачей. Онъ заболѣлъ тифомъ.

— А относительно д-ра Рябинина было такое же постановленіе комиссіи?

— Не знаю.

Поднимается Стессель.

— Я посѣщалъ госпитали, потому что это былъ мой послѣдній резервъ.

— Это понятно всѣмъ, почему старшій начальникъ посѣщаетъ госпитали, -замѣчаетъ ему предсѣдатель.

Д-ра Александровъ, Кочетовъ и Ивановъ. Д-ра Александровъ, Кочетовъ и Ивановъ также говорятъ о переполненіи госпиталей, о постепенномъ развитіи цынги, осложнявшей и затягивавшей излеченіе ранъ, о недостаткѣ санитарнаго персонала и о томъ, что въ числѣ 23 тысячъ, вышедшихъ на сдаточный пунктъ, было много больныхъ и раненыхъ, ушедшихъ изъ госпиталей, околотковъ и слабосильныхъ командъ, чтобы не разставаться съ товарищами, отправляемыми въ Японію.

Въ то время, какъ д-ръ Кочетовъ полагаетъ, что снаряды японцевъ попадали въ госпитали случайно, д-ръ Ивановъ утверждаетъ, что госпитали подвергались спеціальной бомбардировкѣ.

Генер. Стессель. На послѣдней точкѣ зрѣнія стоитъ и ген. Стессель.

— Госпитали,—говоритъ онъ,—были источникомъ моихъ резервовъ, и японцы нарочно по нимъ стрѣляли. Поэтому я велѣлъ снять съ нихъ флаги и замѣнить знакомъ Краснаго Креста на стѣнахъ зданій. 6-й и 9-й госпитали были совершенно разрушены. Я даже посылалъ нарочно къ Ноги оберъ-егермейстера Балашева съ письмомъ, въ которомъ

писалъ, что безсовѣстно стрѣлять по раненымъ. Ноги отвѣчалъ, что японцы—цивилизованный народъ и стрѣлять по госпиталямъ нарочно себѣ не позволятъ, но что же дѣлать, если госпитали близко расположены къ боевой линіи; къ тому же ихъ орудія отъ продолжительной стрѣльбы потеряли мѣткость и даютъ случайныя отклоненія снарядовъ отъ цѣли.

Допрашиваются еще два бывшихъ командира полка: 25-го — отст. ген.-м. Некрашевичъ-Покладъ и 27-го — отст. ген.-м. Петруша.

Отст. ген.-м. Некрашевичъ-Покладъ.

Первый изъ нихъ показываетъ, что изъ полка ушло въ плѣнъ 1,200 человѣкъ, убито и ранено за время осады—500 чел., въ расходѣ было 100 человѣкъ, стало быть, считая, что къ началу обороны численность полка была въ 3,300 чел., — въ госпиталяхъ оставалось нижнихъ чиновъ полка — 1,500 чел.

На всей позиціи свидѣтель считаетъ бойцовъ ко дню сдачи—8 –9 тысячъ, а на своемъ участкѣ—900—1,000 человѣкъ.

Отст. генер.-м. Петруша.

Отвѣчая на тѣ же вопросы о количествѣ штыковъ ко дню сдачи и ушедшихъ въ плѣнъ, свидѣтель говоритъ, что въ его отдѣлѣ, на западномъ фронтѣ, было до 3,000 человѣкъ; явилось къ сдачѣ 2,096 чел. нижнихъ чиновъ и 33 офицера. Неспособныхъ ни къ какой службѣ среди нихъ было до 400 чел., а всѣ почти остальные, въ большей или меньшей степени, были тронуты цынгою.

Затѣмъ свидѣтель очень пространно говоритъ о ген. Смирновѣ, Стесселѣ и послѣднемъ днѣ обороны.

— Съ ген. Смирновымъ я былъ знакомъ еще по службѣ въ одной дивизіи и пользовался его гостепріимствомъ. Въ апрѣлѣ, когда осматривали Угловую, Длинную, Высокую и Дивизіонную горы, ген. Смирновъ сказалъ, что всей этой системѣ горъ онъ вообще не придаетъ значенія, но, уступая общему мнѣнію, соглашается укрѣпить Высокую. Между тѣмъ на Высокой японцы положили 5,000 человѣкъ.

Относительно Стесселя свидѣтель говоритъ, что по возвращеніи изъ плѣна, въ Харбинѣ, солдаты спрашивали его съ недоумѣніемъ: — „Неужели ген. Стесселева судить будутъ?“

О сдачѣ крѣпости свидѣтель узналъ около 2-хъ часовъ ночи на 20-е декабря. Ему принесли записку, въ которой сообщалось, чтобы утромъ военныхъ дѣйствій противъ японцевъ не начинать, а если ихъ начнутъ сами японцы, то сообщить имъ о посылкѣ парламентера. Будучи занятъ содержаніемъ этой записки, свидѣтель „не поинтересовался“ посмотрѣть, кѣмъ она подписана. Возмущенія противъ сдачи онъ не замѣтилъ, а видѣлъ „покорность судьбѣ“.

XXVI. 9-е января.—Засѣданіе 26-е.

Положеніе мирнаго населенія Портъ-Артура во время осады и послѣ капитуляціи. Показаніе подполк. **Вершинина.—Состояніе крѣпости ко дню сдачи ея и отношеніе къ этому факту гарнизона.** Допросъ свидѣтелей: шт.-кап. **Васильева** и **Дунина-Слѣпца**, подполк. **Жуковскаго**, полк. **Галицинскаго**, кап. **Булгакова**, пор. **Линденвальда**, подпор. **Гринцевича**, поруч. **Лофицкаго**, подполк. **Шпаковскаго** и **Затурскаго**, гг. **Гладова** и **Дылевскаго** и шт.-кап. **Соломонова.**

Засѣданіе начинается показаніемъ бывшаго гражданскаго комиссара Квантунской области и предсѣдателя Портъ-Артурскаго городского совѣта подполковника Вершинина о положеніи мирнаго населенія Портъ-Артура послѣ капитуляціи и объ отношеніи къ нему ген. Стесселя во время осады.

Подполковникъ Вершининъ. — Когда стало извѣстно, что 16-го декабря состоялся военный совѣтъ,—говоритъ онъ,—я явился къ коменданту крѣпости съ вопросомъ: долго ли еще будетъ держаться крѣпость. На вопросъ ген. Смирнова, для чего мнѣ это нужно знать, я отвѣтилъ:—чтобы сообразовать съ этимъ временемъ городскіе запасы продовольствія.—„А на сколько времени ихъ у васъ хватитъ?“—спросилъ комендантъ.—„До февраля мѣсяца мирное населеніе бѣдствовать не будетъ“.—„Можно ли растянуть эти запасы еще на полтора мѣсяца?“—„Можно и до марта“,—отвѣчалъ я.—„Такъ, пожалуйста, такъ и растягивайте“,—сказалъ ген. Смирновъ.—Санитарное состояніе мирнаго населенія было настолько хорошо, что эпидемій и не возникало среди него. Област-

ной санитарный совѣтъ и городской совѣтъ съ первыхъ жедней войны были озабочены принятіемъ мѣръ противъ желудочныхъ заболѣваній и возможности появленія чумы. Удалось получить изъ Одессы дезинфекціонныя камеры. На площадяхъ и дорогахъ, гдѣ проходили войска, были устроены безплатныя чайныя и столовыя. Кромѣ того, городской продовольственный комитетъ организовалъ болѣе 20 подвижныхъ чайныхъ, которыя и были отправлены на позиціи. Въ содержаніи этихъ учрежденій принимали участіе многія торговыя фирмы и частныя лица. На довольствіе конницы мирное населеніе перешло одновременно съ гарнизономъ. Ко дню капитуляціи у насъ оставалось еще 250 лошадей. Коровьяго мяса достать было почти невозможно. Коровъ было мало и онѣ цѣнились по 800 рублей, свинья—по 500. Съ іюля мѣсяца сталъ ощущаться недостатокъ въ зелени. Я думаю, что запасы продовольствія, имѣвшіеся у крѣпостного интендантства, были вообще разнообразнѣе нашихъ. Тѣмъ не менѣе, цынга у насъ совсѣмъ не развилась. Развитіе ея въ гарнизонѣ многіе врачи объясняли мнѣ чисто нравственными причинами: тоской по родинѣ, утомленіемъ и т. п. Послѣ капитуляціи положеніе мирнаго населенія стало крайне безотраднымъ. Всѣ старанія обезпечить интересы мирнаго населенія разбивались объ условія капитуляціи. Японская же администрація создала невозможныя условія для жизни въ Портъ-Артурѣ. Она ограничила право выхода обывателей изъ своихъ домовъ очень краткимъ временемъ; она запретила базарную торговлю, закрыла всѣ столовыя и чайныя, запретила китайцамъ говорить по-русски; чины ея являлись въ наши квартиры и побуждали насъ къ скорѣйшему выходу изъ Артура. Для отъѣзда японцы открыли 8-го января 1905 г. Голубиную бухту, но средствъ для перевозки туда имущества не предоставляли никакихъ. Приходилось нести его 8 верстъ на себѣ, вслѣдствіе чего почти все имущество было брошено обывателями въ Артурѣ; черезъ Дальній пропускали только съ ручнымъ багажомъ. Я самъ принадлежу къ числу тѣхъ лицъ, которыя вышли изъ Артура съ тѣмъ, съ чѣмъ, напримѣръ, я вышелъ сегодня сюда, въ судъ, изъ своей квартиры. Мы сдѣлали, было, попытку принять мѣры къ охранѣ имущества, оставляемаго въ Артурѣ,

но и она было неудачна. Нельзя было найти лицо, которому можно было бы довѣрить это имущество, такъ какъ, по условіямъ капитуляціи, японской администраціи предоставлялось право выселять изъ Артура всѣхъ, кого она почему-либо признаетъ нужнымъ выслать. И когда мы просили японскую администрацію гарантировать, что оставляемое нами для охраны имущества лицо не будетъ выслано изъ Артура безъ особо уважительныхъ и законныхъ причинъ, то она намъ въ такой гарантіи категорически отказала. Вмѣстѣ съ тѣмъ японцы разъяснили, что все имущество, хотя бы и принадлежащее частнымъ лицамъ, но находящееся въ казенныхъ помѣщеніяхъ, такъ наз., казенныхъ квартирахъ,—принадлежитъ казнѣ. 24-го декабря 1904 года передъ моей квартирой собралась толпа женщинъ и дѣтей свыше 100 чел. Это были семьи солдатъ. Ранѣе онѣ жили въ казармахъ. Теперь японцы ихъ оттуда выгнали, такъ какъ капитуляція не обезпечила за ними ни квартиръ, ни продовольствія. Къ укрѣпл. 5-му ,гдѣ были собраны ихъ мужья, японцы ихъ не пропускали. И онѣ были теперь въ совершенно безпомощномъ положеніи. Первый день онѣ питались отбросами, теперь же у нихъ не было ни корки хлѣба. Женщины и дѣти буквально голодали. Онѣ плакали, рыдали и умоляли меня помочь имъ. Я отправился въ гражданскій комитетъ и просилъ японцевъ помочь имъ, но они пожимали плечами и говорили, что виноваты не они, а русскій начальникъ, не предусмотрѣвшій это въ условіяхъ капитуляціи. Тѣмъ не менѣе, они обѣщали мнѣ сдѣлать, „что можно“, и дали мнѣ для раздачи голодающимъ нѣсколько записокъ на полученіе продовольствія изъ интендантскихъ складовъ. Наконецъ, у солдатокъ не было никакихъ документовъ, удостовѣряющихъ ихъ личность. Выдавать таковые было дѣломъ войскового начальства, но оно уже ничѣмъ не распоряжалось. Пришлось это дѣлать мнѣ, хотя я считался военнопленнымъ. А когда я уѣзжалъ изъ Артура, то оставилъ кипу такихъ подписанныхъ мною удостовѣреній женѣ санитарнаго инспектора, г-жѣ Субботиной, которая и взяла на себя трудъ выдачи ихъ. Жены офицеровъ очутились не въ лучшемъ положеніи. Онѣ явились ко мнѣ въ городской совѣтъ съ заявленіемъ, что получили отъ японцевъ приказаніе

отправиться къ мужьямъ на 19 версту. Но пройти 19 верстъ съ дѣтьми и имуществомъ пѣшкомъ было имъ не подъ силу. Перевозочныхъ же средствъ не было. И опѣ также плакали, умоляя помочь имъ. Я обратился къ японской администраціи, но представители ея отвѣтили мнѣ, что перевозочныхъ средствъ достаточно въ госпиталяхъ и объ этомъ должны были позаботиться русскіе военачальники. Отправился къ инспектору госпиталей, д-ру Субботину, но онъ сказалъ, что безсиленъ помочь дѣлу, такъ какъ Стессель назначилъ вмѣсто него д-ра Кржевца. Кржевца же я не нашелъ. Тогда я снова обратился къ японцамъ и просилъ ихъ исходатайствовать у ген. Ноги для женъ русскихъ офицеровъ нѣсколько китайскихъ арбъ. Ноги скоро отвѣтилъ, что распоряженіе объ этомъ сдѣлано. Дѣйствительно, часовъ въ 5 веч., ко мнѣ явились два японскихъ офицера и сказали, что въ распоряженіе офицерскихъ семействъ назначено 18 арбъ. Я сейчасъ же оповѣстилъ объ этомъ просительницъ. Но часовъ въ 9 вечера снова явились ко мнѣ два японскихъ офицера и, извиняясь, объявили мнѣ, что въ нарядѣ арбъ произошло измѣненіе, что всѣ 18 арбъ не могутъ быть предоставлены офицерскимъ женамъ, такъ какъ ген. Стессель просилъ ген. Ноги предоставить часть ихъ ему, что Ноги не счелъ возможнымъ ему въ этомъ отказать и предоставилъ изъ 18 арбъ 10 въ распоряженіе Стесселя. Какъ выбрались изъ Артура офицерскія семьи, я уже не знаю. Безспльный помочь имъ, я уже избѣгалъ встрѣчи съ ними, такъ невыносимо тяжело было видѣть ихъ слезы, ихъ безпомощное положеніе. Во все время осады я не видѣлъ болѣе тяжелыхъ, ужасныхъ сценъ, чѣмъ послѣ капитуляціи. По словамъ поставщика мяса, г. Циммермана, начальникъ укрѣпленнаго раіона приступилъ къ укладкѣ своего имущества еще въ концѣ ноября или въ началѣ декабря. Для этого были потребованы плотники изъ полка Савицкаго. Циммерману же было предложено купить живность ген. Стесселя, но онъ отъ этого уклонился, такъ какъ цѣны были очень высоки. Всего въ распоряженіе ген. Стесселя было предоставлено 32 арбы; арба же можетъ поднять, въ зависимости отъ числа запряженныхъ въ нее животныхъ, отъ 60 до 70 пудовъ.

— И такъ ген. Стессель ни разу не поинтересовался судьбой мирнаго населенія?—спрашиваетъ прокуроръ.

— Да,—коротко и твердо отвѣчаетъ свидѣтель.

Допросъ его переходитъ къ защитнику ген. Стесселя, подполковнику Вельяминову.

— Вамъ поручено было собирать припасы и разводить овощи?—спрашиваетъ онъ свидѣтеля.—Отчего же вы этимъ не озаботились и что вообще вами было сдѣлано?

— Какъ же, мнѣ,—отвѣчаетъ Вершининъ и разсказываетъ, какъ въ трехъ окрестныхъ деревняхъ имъ были устроены огороды, но ген. Стессель выселилъ оттуда китайцевъ-огородниковъ. Послѣ двукратнаго доклада свидѣтеля Стесселю китайцы эти были возвращены, но нашли огороды свои разореннымп, вытоптанными.

— Но у васъ были для этой цѣли площади въ самомъ городѣ,—замѣчаетъ защитникъ.

— Да, но наше право собственности на нихъ не уважалось. Насъ выгоняли съ нашихъ владѣній. Примѣръ тому—паровая прачешная, устроенная городомъ и сданная имъ въ аренду одному лицу. Она приносила огромную пользу населенію, госпиталямъ и войскамъ. Но Стессель взялъ ее въ свое распоряженіе, а въ октябрѣ приказалъ взорвать, не вывезя оттуда даже машинъ и парового двигателя.

— Въ „Новомъ Краѣ“ писали,—возражаетъ защита,—что прачешная эта плохо работаетъ.

— Я замѣтки этой не помню, но полагаю, что ген. Стессель долженъ былъ потребовать отъ города отчета, а не довѣрять каждой репортерской замѣткѣ.

— Что касается организаціи доставки китайцами овощей и припасовъ,—продолжаетъ Вершининъ,—то, когда это дѣло было налажено, ген. Стессель взялъ бухты, куда приходили шаланды съ продуктами, въ свое вѣдѣніе и назначилъ туда офицеровъ, чиновниковъ и нижнихъ чиновъ, которые своимъ невѣдѣніемъ дѣла, своимъ отношеніемъ къ нему погубили его. Система осмотра шаландъ, система „пробы“ припасовъ и несоотвѣтствующая оцѣнка ихъ отбили у китайцевъ охоту рисковать жизнью для доставки продуктовъ въ Артуръ, такъ какъ японцы зорко слѣдили въ морѣ за всѣми судами.

То же самое разсказываетъ свидѣтель о постановкѣ дѣла съ продовольствіемъ рыбой, которая должна была восполнить недостатокъ въ мясѣ.

— На Южномъ Квантунѣ уловъ рыбы достигалъ въ весенніе мѣсяцы нѣсколькихъ сотенъ тысячъ пудовъ. Но еще въ самомъ началѣ весны рыбакамъ-китайцамъ было воспрещено выходить въ море изъ опасенія шпіонства. Ихъ лодки были вытащены на берегъ, на нихъ срублены мачты и пробиты днища. Когда, наконецъ, ген. Стессель разрѣшилъ рыбную ловлю, то было уже поздно, время улова пропущено, такса же, установленная имъ для рыбы, была такъ низка, что изъ всего этого ничего не вышло.

— Вообще, приказы начальника укрѣпленнаго раіона очень часто шли въ разрѣзъ съ потребностями и не отвѣчали дѣйствительности,—замѣчаетъ свидѣтель.

— Какъ относился ген. Стессель къ дѣятельности гражданской администраціи, видно изъ слѣдующаго факта,—продолжаетъ онъ.—Ген. Стессель мнѣ прямо сказалъ: „Ни вы, ни ваши чиновники, ни вся ваша штатская сволочь мнѣ не нужны. И я въ одно прекрасное утро выгоню васъ всѣхъ, какъ стадо барановъ. Мнѣ крѣпость нужна для моихъ войскъ“. Я докладывалъ объ этомъ коменданту.

— А чѣмъ вы объясните, свидѣтель, тотъ фактъ, что японцамъ досталось 297 тыс. руб. городскихъ суммъ?—спрашиваетъ Вершинина защитникъ Стесселя.

— Они имъ не достались. Деньги эти хранятся въ русско-китайскомъ банкѣ и служатъ теперь предметомъ дипломатическихъ переговоровъ. Они владѣютъ только документами на нихъ, расписками о вкладѣ ихъ въ банкъ, но безъ передаточныхъ надписей, которыя я категорически отказался сдѣлать, такъ какъ по Женевской конвенціи, подписанной и Японіей, общественные капиталы, наравнѣ съ частною собственностью, не составляютъ военной добычи. Но лица, подписавшія съ нашей стороны капитуляцію, очевидно, не знали этого или забыли и передали въ руки японцевъ и общественныя суммы. И вотъ теперь японцы ссылаются на условія капитуляціи какъ на мѣстный законъ, отмѣняющій общее правило Женевской конвенціи.—Еще въ

ноябрѣ мѣсяцѣ по городу распространились слухи, что начальникъ укрѣпленнаго раіона получилъ какую-то телеграмму отъ Государя Императора, въ которой ему давались указанія относительно того, какъ прекратить тяжелое положеніе крѣпости. Разумѣлось Высочайшее разрѣшеніе ей капитулировать. Пускалась молва, что капитулировать не позорно. При этомъ ссылались на Османа-пашу, который получилъ отъ нашего Государя обратно свою саблю и не лишился милостей султана.—Но, въ общемъ, въ городѣ никто не ждалъ капитуляціи. Опасеній рѣзни со стороны японцевъ не было даже среди женщинъ. Между тѣмъ, бывая часто у коменданта съ докладомъ, я самъ слышалъ отъ него и имѣлъ даже порученіе передать это населенію, что онъ комендантъ—„роковой“ и крѣпости не сдастъ: стало быть, надо быть готовымъ ко всему. И населеніе было ко всему готово. Одна часть его рѣшила раздѣлить судьбу гарнизона, принявъ участіе въ послѣднемъ актѣ обороны, другая—предполагала уйти на Ляотешань и даже частью туда уже переселилась; третья, наконецъ, рѣшила отдаться на волю японцевъ, если они завладѣютъ городомъ. — 22-го декабря мнѣ сказали, что начались уличные безпорядки. Было часовъ 5 вечера. Я вышелъ на улицу и замѣтилъ толпу. Какой-то нижній чинъ пробѣжалъ мимо меня съ бутылкою въ рукахъ. Я видѣлъ, что онъ выбѣжалъ изъ лавки, и, предполагая, что это грабитель, остановилъ его, выхватилъ у него бутылку и разбилъ ее. Но солдатъ сказалъ мнѣ, что онъ получилъ ее отъ самого хозяина и провелъ меня въ складъ Чурина. Я увидалъ тамъ, что управляющій складомъ, дѣйствительно, раздаетъ товаръ толпѣ. Онъ плакалъ и говорилъ: „Берите, братцы, все, что хотите, пусть не достается это нашему врагу“. Я попытался, было, сказать, что по капитуляціи частное имущество неприкосновенно и не будетъ взято японцами, но понялъ, что это принято съ недовѣріемъ и что у толпы можетъ возникнуть подозрѣніе, что Артуръ не палъ, а проданъ японцамъ...— Со стороны японцевъ мнѣ извѣстенъ одинъ только случай грабежа съ насиліемъ. Вообще же японцы, воспользовавшись растерянностью населенія и полнымъ отсутствіемъ нашихъ властей, группами, даже съ офицерами

во главѣ, ходили по квартирамъ и просили себѣ вещи и деньги „на память“.

— Если полковникъ Вершининъ заявляетъ здѣсь, что населеніе готово было раздѣлить участь гарнизона, то почему онъ самъ отказался принять въ командованіе батарею, когда я это ему приказалъ? — спрашиваетъ свидѣтеля Стесселъ.

— Если вы можете чѣмъ нибудь опровергнуть показаніе свидѣтеля, то опровергайте,—говоритъ подсудимому предсѣдатель. — А этотъ вопросъ къ дѣлу не относится. Свидѣтель, вы можете на него не отвѣчать.

Но свидѣтель не уклоняется отъ отвѣта.

— Я буду кратокъ въ отвѣтѣ,—говоритъ онъ.—Получивъ по телефону приказаніе ген. Стесселя принять въ свое командованіе батарею, я отъ этого не отказывался, да и не могъ бы отказаться. Я только сейчасъ же спросилъ начальника штаба раіона, состоялся ли приказъ объ моемъ отчисленіи отъ должностей гражданскаго комиссара и предсѣдателя городского совѣта, такъ какъ безъ этого приказа, безъ передачи дѣлъ другому лицу, мой уходъ на батарею повлекъ бы для меня отвѣтственность по суду за оставленіе должности. Полк. Рейсъ отвѣтилъ мнѣ, что такого приказа не состоялось. Тогда я сказалъ, что какъ только приказъ состоится, я съ удовольствіемъ приму батарею въ командованіе. Справившись на другой день въ штабѣ раіона, состоялся ли этотъ приказъ, я получилъ отвѣтъ, что нѣтъ и что надобность въ офицерахъ миновала. Что я вообще не уклонялся отъ даваемыхъ мнѣ порученій, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, по приказанію ген. Стесселя, я производилъ подъ огнемъ осмотръ полей сраженія и уборки труповъ.

Допрашивается рядъ боевыхъ офицеровъ объ общемъ состояніи крѣпости ко дню ея сдачи, объ отношеніи къ этому факту гарнизона и о дѣятельности генераловъ Стесселя и Смирнова.

Штабсъ-капит. Васильевъ.

На вопросъ ген. Смирнова свидѣтелю, почему онъ не видѣлъ его, Смирнова, на позиціяхъ, шт.-кап. Васильевъ отвѣчаетъ кратко:

— Ночью стрѣлялъ, утромъ — отдыхалъ, потому могъ и не видѣть.

Шт.-капит. Дунинъ-Слѣпецъ. Одинъ изъ защитниковъ III форта, шт.-кап. Дунинъ-Слѣпецъ показываетъ, что когда, 17-го сентября, онъ прибылъ на фортъ, тамъ уже чувствовался недостатокъ снарядовъ; было по 6 — 8 снарядовъ на орудіе; поэтому, когда появлялись непріятельскія цѣпи и другія выгодныя цѣли, то офицеры сильно возмущались, что не могутъ ихъ хорошо обстрѣлять. Больныхъ на форту было много, но въ госпитали они не шли, говоря: — „и тамъ убьютъ, такъ ужъ лучше здѣсь“. 15-го декабря генералу Горбатовскому было послано нѣсколько донесеній, выяснявшихъ положеніе форта. Такъ какъ отвѣта на нихъ не было, то офицеры гарнизона форта собрались и поручили свидѣтелю пройти къ Горбатовскому и лично просить его помочь артиллерійскимъ огнемъ отбить у японцевъ передній брустверъ. Это было часа въ два пополудни. Мехмандаровъ сказалъ, что и такъ уже вся артурская артиллерія стрѣляетъ по III форту.

Въ примѣръ заботливости Стесселя о войскахъ, свидѣтель разсказываетъ, что, будучи комендантомъ Кумирнскаго редута, онъ получилъ отъ него для солдатъ 100 паръ бѣлья, а въ другой разъ — поросенка.

Подполковникъ Жуковскій. Свидѣтель былъ послѣ 10-го августа начальникомъ 6 и 7 артиллерійскихъ секторовъ. Онъ всегда видѣлъ ген. Стесселя на Электрическомъ утесѣ, когда шла бомбардировка съ моря и подходили японскіе брандеры... Къ началу войны у него было подъ командою около 500 чел., изъ нихъ онъ вывелъ на сдаточный пунктъ 183 чел., половина которыхъ была больна. Снаряды на батареяхъ сектора всегда были, хотя и понемногу. Малое Орлиное Гнѣздо, какъ и батарея Б, были очищены согласно приказанія, полученнаго около 7 часовъ вечера 19-го декабря. Огонь былъ, но не сильный; штурма не было. Уходя, и спортили орудія. Японцы появились на бат. Б. рано утромъ 20-го. О томъ, что приказаніе объ очищеніи этой батареи было отдано послѣ посылки парламентера, свидѣтель не зналъ. Онъ полагаетъ, что со взятіемъ Малаго Орлинаго Гнѣзда батарея Б не могла долго про-

держаться. Это было „несчастное артиллерійское укрѣпленіе,—даже не укрѣпленіе, а какой то колодецъ“...

Полковникъ Галицинскій.

Бывшій комендантъ Б. Орлинаго Гнѣзда говоритъ, что геройскій духъ гарнизона сталъ понижаться со времени паденія Высокой горы подъ вліяніемъ разсказовъ матросовъ о томъ, какъ гибли ихъ суда. Въ декабрѣ надежда на выручку окончательно исчезла, а прежде въ нее вѣрили и въ этой вѣрѣ даже галлюцинировали... Утомлялъ войска не бой, а работа по укрѣпленію позицій. Для этой работы не хватало мѣшковъ, доставали ихъ съ боемъ у непріятеля... Въ послѣдніе дни обороны солдаты безучастно относились къ жизни. Свидѣтель видѣлъ стрѣлка Гордѣева, который, бросивъ винтовку, усленно „билъ земные поклоны“.—„Мы всѣ покойники, сказалъ онъ,—надо и о душѣ подумать“... 23-го декабря, на сдаточномъ пунктѣ, свидѣтель видѣлъ генераловъ Фока, Смирнова и Горбатовскаго. Словъ утѣшенія солдатамъ не слыхалъ; не слыхалъ, чтобы и Стессель прощался съ войсками. Командиръ полка, отъ имени ген. Фока, разъяснялъ офицерамъ, что возвратиться въ Россію могутъ только тѣ, у кого есть рублей 800 на путевые расходы.

Ген.-лейт. Фокъ.

— Меня спрашивали: идти ли въ плѣнъ, или воспользоваться царской милостью?—объясняетъ ген. Фокъ.—Я отвѣчалъ: „я иду въ плѣнъ“. Навязывать своего мнѣнія другимъ я не могъ прежде всего потому, что я человѣкъ холостой. Другіе должны были поступать согласно своимъ убѣжденіямъ. Къ тому же я и не полагалъ, что милость Государя будетъ такъ велика, что повезутъ домой даромъ... Ничего подобнаго, что говорилъ ген. Никитинъ, не было...

Далѣе, полк. Галицинскій показалъ, что тогда же 23-го декабря унт.-оф. Земсковъ спросилъ его, указывая на Смирнова, — кто это? — „Ишь когда пріѣхалъ родниться,— говорили солдаты, — а къ намъ въ окопы и на Китайскую стѣнку не шелъ!“

Свидѣтель говоритъ, что окопы восточнѣе Митрофаньевской горы были очень плохи, — только для стрѣльбы съ колѣна,—и солдаты проклинали тѣхъ, кто ихъ строилъ.

Капитанъ Булгаковъ.

Георгіевскій кавалеръ, бывшій безсмѣнный комендантъ III форта за все время его существованія,

показалъ, что уже послѣ отбитія штурма 12-го ноября стало чувствоваться, что держаться на 1-й линіи безъ минныхъ работъ нельзя; можно было ждать, что, обрушивъ своими минами брустверъ, японцы станутъ такъ близко къ нему, что существованіе на форту станетъ невозможнымъ. Этому, по мнѣнію Булгакова, способствовало и устройство форта. 15-го декабря, дѣйствительно, произошелъ взрывъ, столь сильный, что мѣшки, груды земли, куски желѣза и человѣческія тѣла все было поднято на воздухъ и дождемъ падало на головы уцѣлѣвшихъ отъ взрыва защитниковъ. Дежурная часть гарнизона вся погибла на брустверѣ. Взрывъ обрушилъ половину бруствера и завалилъ выходъ изъ казармы, гдѣ отъ упавшей желѣзной печи произошелъ еще, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, пожаръ... Послѣдствіемъ взрыва было то, что разстояніе отъ казармы, гдѣ находился уцѣлѣвшій гарнизонъ, оказалось втрое большимъ, чѣмъ разстояніе до бруствера отъ противника. Къ тому же послѣдній къ моменту взрыва приготовилъ пулеметъ, который и открылъ убійственную трескотню по внутренности форта. Положеніе стало отчаяннымъ, надежды на поддержку не было, и тогда свидѣтель донесъ, что фортъ III онъ болѣе удерживать не можетъ. Разрѣшено было отступить. Единственнымъ путемъ отступленія было окно каземата, но и оно обстрѣливалось японцами. Однако кое-какъ черезъ него удалось вынести раненыхъ, пулеметъ, снаряды и телефонъ... Изъ роты осталось всего 9 — 10 человѣкъ, хотя на сдаточный пунктъ явилось 50 — 60 человѣкъ. Вначалѣ на форту было 4 большихъ орудія и 3 полевыхъ, рвы обстрѣливались морскими десантными орудіями, но уже къ 1-му октября изъ числа большихъ орудій оставалось только одно, а ко дню послѣдняго штурма—всего лишь 2 полевыхъ орудія и 1 китайское.

Поручикъ Линденвальдъ.

Саперный офицеръ, работавшій на III форту, также свидѣтельствуетъ, что до 12-го ноября духъ гарнизона былъ хорошъ, но когда непріятель сталъ работать подъ брустверомъ, онъ понизился. Хотя солдаты и ждали покорно взрыва, какъ обреченные на смерть, но мысль о немъ ихъ угнетала. Гарнизонъ, во время штурмовъ, несъ тяжелыя потери, такъ какъ прихо-

дилось проходить изъ казармы къ брустверу 150 шаговъ открытаго пространства.

Подпоручикъ Гринцевичъ.

Послѣдній защитникъ Б. Орлинаго Гнѣзда свидѣтельствуетъ, что отношеніе солдатъ къ смерти въ дни передъ сдачей было безразличное.—„Намъ все равно, скорѣе бы добивали“, говорили они. Когда свидѣтелю пришлось отбивать одинъ изъ штурмовъ на Орлиное Гнѣздо и онъ вышелъ со своими стрѣлками къ банкету изъ блиндажа, въ послѣднемъ осталось 15 человѣкъ цынготныхъ, — безучастныхъ, неподвижныхъ, казалось, вовсе не понимающихъ обстановки. Они стали выходить изъ блиндажа только тогда, когда штурмъ былъ уже отбитъ. — „Куда вы?“ спрашивали ихъ. — „Штурмъ отбивать“, отвѣчали они, какъ будто ничего не видя и не слыша... Видъ ихъ былъ ужасенъ. Они шли на костыляхъ...

Далѣе свидѣтель описываетъ ужасное состояніе Китайской стѣнки въ послѣдніе дни обороны. Горы труповъ, на которыхъ копошились черви и мухи. Страшный смрадъ... Отъ 14-го вост.-спб. стр. полка осталось 237 человѣкъ, а въ плѣнъ пошло 850. Объясняется это увеличеніе числа людей выходомъ больныхъ и раненыхъ изъ госпиталей.

Поручикъ Лофицкій.

Свидѣтель — стрѣлковой офицеръ, участникъ боя за Сигнальную горку, послѣдняго эпизода обороны крѣпости.

— Когда японцы, въ ночь на 21-е декабря, обошли насъ на шаландахъ и взяли Сигнальную горку, Стессель приказалъ намъ отобрать ее назадъ. Охотничья команда поручика Золотухина пошла въ атаку — и я съ нею, Золотухинъ былъ раненъ, изъ 67 чел. команды выбыло 20... Пришлось отойти и залечь... Всю ночь дрались бомбочками. Утромъ прибылъ начальникъ участка, подполковникъ Малыгинъ, и именемъ Стесселя приказалъ взять горку. Бросились въ штыки — и взяли ее при поддержкѣ батарей №№ 21 и 22-й.

Свидѣтель удостовѣряетъ, что послѣ взрыва 3-го укрѣпленія отъ роты его осталось 8 чел., на сдаточный пунктъ явилось — 40.

Подполковникъ Шпаковскій.

Свидѣтель до войны служилъ по административному управленію областью и былъ начальни-

комъ Портъ-артурскаго участка. Онъ говоритъ, что солдаты очень любили Стесселя.—„Они чувствовали въ немъ мощь, цѣнили въ немъ способность повелѣвать“. Онъ утверждаетъ, что въ его участкѣ по реквизиціи было „безусловно все собрано — овощи, скотъ“...—Во время сдачи состояніе духа гарнизона было подавлено, какъ результатъ безсилія. отчаянія, но не позора...—О позорѣ я не слыхалъ ни тамъ, ни въ Японіи, добавляетъ свидѣтель. – На сдаточный пунктъ явилось 23,000 человѣкъ, но эти 23 тысячи ползли, а не шли, и умирали по дорогѣ кучами...

Инж. - подполк. Затурскій. Свидѣтель завѣдывалъ инженерными работами на укрѣпленіи 3-мъ. Минныя работы начались на немъ послѣ штурма 17-го октября; сперва повели ихъ изъ капонира, но такъ какъ японцы вѣчали уже гласисъ, то продолжать ихъ въ прежнемъ направленіи признано было безполезнымъ и галлереи повели подъ брустверомъ. Укрѣпленіе было взорвано японцами около 9 часовъ утра 18-го декабря. Свидѣтель былъ обломками тяжко раненъ и въ безсознательномъ состояніи взятъ въ плѣнъ.

Г-нъ Гладовъ. Свидѣтель работалъ въ мастерскихъ порта и знаетъ, что тамъ уже въ іюлѣ изготовляли 6-дюйм. снаряды. Потомъ выдѣлка ихъ была пріостановлена и возобновлена въ сентябрѣ.

Г-нъ Дылевскій. По словамъ свидѣтеля, литейнаго мастера въ порту, арсенальныя работы для артиллеріи начались съ февраля и шли параллельно съ работами по исправленію судовъ. Портовые рабочіе дѣлились на двѣ смѣны: одна работала, другая служила въ дружинахъ. Работы были тяжелыя, а довольствіе—плохое.

Штабсъ-капит. Соломоновъ. Свидѣтель подтверждаетъ фактъ равнодушнаго отношенія нижнихъ чиновъ къ сдачѣ крѣпости.

Въ засѣданіи оглашены по ходатайству защиты ген. Стесселя приказы по укрѣпленному раіону за №№ 139 и 146 отъ 15 и 16 апрѣля 1904 г. (объ устройствѣ противочумной станціи и объ обезпеченіи продовольствіемъ войскъ и населенія); по ходатайству защиты ген. Фока — рапортъ

начальника 7-го артил. сектора отъ 20-го декабря № 135, находящійся въ числѣ приложеній къ отчету ген. Бѣлаго; въ ходатайствѣ же ген. Стесселя объ истребованіи изъ воен. истор. комиссіи „санитарнаго дѣла“ крѣпости судъ отказалъ, считая вопросъ о санитарномъ состояніи ея достаточно выясненнымъ.

Судомъ получена отъ Главнаго Штаба переписка со свѣдѣніями о количествѣ оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, сданныхъ японцамъ при капитуляціи. Такъ какъ свѣдѣнія эти изложены на французскомъ языкѣ, то судъ препроводилъ ихъ для перевода въ Главное Артиллерійское Управленіе.

XXVII. 11-е января — засѣданіе 27-е.

О состояніи крѣпости къ дню сдачи ея: допросъ свидѣтелей: к.-адм. **фонъ-Эссена**, кап. 2 р. **Лепко**, полк. **Верховскаго**, поручика **Яфимовича**, г-на **Серебренникова**, полк. **Павловскаго**, д-ра **Гюббенета**, поручика **Костюшко-Валюжинича**, поручика кн. **Гантимурова**, полк. **Бжозовскаго**, подполк. **Романовскаго** и отст. ген.-м. **Петруши**.

Передъ судомъ проходитъ рядъ свидѣтелей, говорящихъ все о томъ же — о недостаткѣ въ продовольствіи и снарядахъ, о маломъ числѣ людей, развитіи среди нихъ цынги, о любви къ Стесселю и пр.

Первымъ допрашивается бывшій командиръ броненосца „Севастополь“.

Контръ-адмир. Эссенъ.

Онъ показываетъ, что Стессель требовалъ отъ флота активныхъ дѣйствій. Послѣ возвращенія эскадры изъ боя 28-го іюня, онъ настаивалъ на новой попыткѣ ея прорвать блокаду. Съ этимъ былъ согласенъ и свидѣтель, остававшійся всегда при особомъ мнѣніи на совѣщаніи морскихъ начальниковъ. 10-го августа онъ сдѣлалъ попытку выйти на рейдъ съ „Севастополемъ“, но наскочилъ на мину. Починивъ корабль, онъ рѣшилъ повторить ее въ октябрѣ. Просилъ на это разрѣшеніе у адмирала Вирена. Но послѣдній долго отказывалъ, а потомъ сказалъ: дѣлайте, какъ знаете. Однако, прорвать блокаду онъ все-таки воспретилъ. Свидѣтель едва набралъ 100 человѣкъ команды. Бралъ

откуда могъ. Вирепъ прислалъ ему впослѣдствіи еще 200 человѣкъ. Все-таки это была только половина штатнаго числа команды.

Свидѣтелю удалось оставить на „Севастополѣ“ по 25 снарядовъ на орудіе. Всѣ остальные снаряды адмиралъ Вирепъ приказалъ отдать на сухопутный фронтъ.

Духъ команды на бронепосцѣ былъ хорошъ, по свидѣтель полагаетъ, что на позиціяхъ онъ былъ хуже.

Съ состояніемъ верковъ адмиралъ знакомъ не былъ, но, проѣзжая по городу, убѣдился, что японцы стрѣляютъ даже по отдѣльнымъ всадникамъ и прохожимъ. Пристрастнаго отношенія къ морякамъ со стороны Стесселя свидѣтель не замѣчалъ. Среди 23 тысячъ человѣкъ, явившихся на сдаточный пунктъ, было много больныхъ.

Капит. 2 ранга Лепко. Свидѣтель жилъ въ минномъ городѣ, былъ подчиненъ командиру порта и вынесъ впечатлѣніе, что запасовъ въ порту было мало. По крайней мѣрѣ, на его глазахъ умеръ отъ голода одинъ портовый мастеровой. Самъ свидѣтель питался также очень скудно: ѣлъ червивыя галеты и покупалъ себѣ на обѣдъ конину (иногда палыхъ лошадей) и бутылку молока въ день. Молоко стоило дорого—30 коп. бутылка. Ген. Стесселя узналъ только изъ приказовъ и разсказовъ матросовъ, которые передавали ему восторженные отзывы солдатъ о генералѣ Стесселѣ. Подъ впечатлѣніемъ стесселевскихъ приказовъ офицеры и матросы, по словамъ свидѣтеля, рвались на позицію. Самъ свидѣтель, встрѣтивъ однажды генерала Стесселя въ городѣ, просилъ его взять командуемый имъ миноносецъ въ свое распоряженіе и употреблять его для перевозки почты, для захвата японскихъ коммерческихъ судовъ и т. п. порученій, но ген. Стессель отвѣтилъ ему: „да вѣдь мнѣ васъ не дадутъ“. Пристрастіе къ матросамъ было не со стороны Стесселя, а съ другой. Адм. Вирепъ отдалъ въ приказѣ благодарность всѣмъ командирамъ судовъ, исполнившимъ свой долгъ, кромѣ Эссена, блестящій выходъ котораго съ „Севастополемъ“ на рейдъ былъ отмѣченъ только приказомъ ген. Стесселя.

— О томъ положеніи, въ которомъ находились ваши

люди, умиравшіе съ голоду, вы кому-нибудь доносили, — спрашиваетъ свидѣтеля предсѣдатель.

— Никому, — отвѣчаетъ Лепко.

Полковникъ Верховскій.

Новый свидѣтель, георгіевскій кавалеръ, подробно разсказываетъ объ укрѣпленіи Волчьихъ горъ. По его словамъ, окоповъ было тамъ вырыто очень много (на одной горѣ ихъ было пять ярусовъ), но всѣ они были мелки и узки. Пришлось ихъ уширять и углублять. Работали сами стрѣлки шанцевымъ инструментомъ, который нашли въ изобиліи, видимо брошеннымъ, на самой позиціи. Свидѣтель винитъ во всемъ этомъ ген. Смирнова и полк. Григоренко.

Генерала Стесселя онъ часто видѣлъ въ госпиталѣ: генерала Смирнова онъ въ лицо не зналъ и никто не могъ ему его указать. На сдаточномъ пунктѣ много было людей, явившихся изъ госпиталей.

Поручикъ Яфимовичъ.

Завѣдывавшій слабосильной командой и командой цынготныхъ нижнихъ чиновъ 16-го полка, поручикъ Яфимовичъ, также георгіевскій кавалеръ, показалъ о постепенномъ увеличеніи состава этихъ командъ людьми, которыхъ на позиціяхъ косила цынга и другія болѣзни. На вопросъ, что ему извѣстно о количествѣ снарядовъ, свидѣтель показалъ, что въ сентябрѣ командиръ мортирной батареи на Курганной говорилъ, что получилъ всего по 14 снарядовъ на орудіе, съ предупрежденіемъ, что больше не дадутъ. Генерала Стесселя свидѣтель встрѣчалъ и на передовыхъ позиціяхъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Юшилазскій отрядъ, и во время первыхъ обстрѣловъ Артура съ Волчьихъ горъ, а именно 25-го іюля 1904 г., когда ген. Стессель, проѣзжая во время стрѣльбы отъ Кумирнскаго редута, здоровался съ 3-й ротой 16-го полка, которою свидѣтель временно командовалъ. Изъ остальныхъ старшихъ начальниковъ, за исключеніемъ генераловъ Фока и Надѣина, свидѣтель никого не встрѣчалъ. Ген. Смирнова свидѣтель вообще до суда нигдѣ не видѣлъ.

Г. Серебренниковъ.

Бывшій секретарь портъ-артурскаго городского управленія опровергаетъ показаніе своего бывшаго начальника, подполковника Вершинина. Онъ разсказываетъ, будто бы японцы предложили Вершинину, какъ лицу, хорошо знакомому съ дѣломъ городского управленія, остаться

въ Портъ-Артурѣ для управленія городомъ; будто бы они же чествовали его обѣдомъ, на которомъ Вершининъ пилъ за японскую армію. Выѣхалъ Вершининъ изъ Портъ-Артура, по словамъ свидѣтеля, не черезъ станцію Чилиндзы, какъ ѣхали всѣ офицеры, а на шаландѣ съ артурскими купцами. Въ Чифу свидѣтель видѣлъ въ комнатѣ Вершинина много вещей. Сохранить свое имущество была для всѣхъ полная возможность. Такъ, свидѣтель передалъ сундукъ съ книгами въ контору Добровольнаго флота и получилъ его обратно. Японцы вообще вели себя корректно. Свидѣтель просилъ ихъ не уничтожать царскіе портреты, и они ему заявили, что уважаютъ нашего Государя такъ же, какъ и Микадо. Случаевъ вмѣшательства генерала Стесселя въ дѣятельность полковника Вершинина свидѣтель не знаетъ. Интересы мирнаго населенія ген. Стесселю никогда не были чужды.

Полковникъ Павловскій. Свидѣтель разсказываетъ о заботахъ ген. Стесселя увеличить запасы продовольствія рыбою и объ организаціи рыбной ловли, которою онъ и завѣдывалъ. Одно время ловля эта была воспрещена изъ опасенія шпіонства. Рыбаки-китайцы цѣнами на рыбу были довольны, потому что сами ихъ установили. Исполняя до войны обязанности начальника Годзалинскаго участка, свидѣтель никогда не замѣчалъ вмѣшательства Стесселя въ дѣятельность Вершинина, а также и презрительнаго отношенія къ гражданскому населенію. Многіе офицеры, уѣзжая изъ Артура, отдали свое имущество на сохраненіе частнымъ лицамъ. Въ день капитуляціи онъ видѣлъ на дворѣ у Стесселя 10—15 японскихъ двуколокъ, но китайскихъ арбъ не видѣлъ.

Полковникъ Вершининъ проситъ судъ разрѣшить ему возразить по существу на показаніе Серебренникова.

Генералъ Стессель. Поднимается Стессель и отрицаетъ все сказанное Вершининымъ. По мнѣнію подсудимаго, судебное слѣдствіе ведется не по обвинительному акту.

— Но я этому радъ, — говоритъ онъ, — потому что могу теперь опровергать клеветы, взведенныя на меня газетами. Говорили о домахъ и имѣніяхъ, которыя, будто бы, купилъ и я, и моя жена, о моихъ многократныхъ поѣздкахъ за границу... Ничего подобнаго не было. За границу ѣздить я не могъ, потому что не владѣю ни однимъ иностраннымъ языкомъ.

Начало этой клеветы я вижу въ докладѣ генерала Смирнова, а распространитель ея — Вершининъ.

Предсѣдатель напоминаетъ подсудимому о необходимости воздерживаться отъ оскорбленія свидѣтелей.

Противъ заявленія Стесселя, что судебное слѣдствіе ведется не въ рамкахъ обвинительнаго акта, какъ о томъ еще недавно постановилъ самъ судъ, — возражаетъ представитель обвинительной власти, ген.-лейт. Гурскій. Онъ полагаетъ, что имущественные и семейные интересы ген. Стесселя подлежатъ разсмотрѣнію суда, — такъ какъ, говоритъ онъ, — во всеподданнѣйшемъ докладѣ Частнаго Присутствія Военнаго Совѣта, на основаніи коего ген. Стессель преданъ суду, было изложено, что онъ остался въ Портъ-Артурѣ вопреки приказанія генерала Куропаткина именно потому, что надъ нимъ тяготѣли имущественные и семейные интересы.

Эта ссылка прокурора на всеподданнѣйшій докладъ Частнаго Присутствія Военнаго Совѣта вызываетъ большое волненіе среди подсудимыхъ—Стесселя, Рейса и Фока— и ихъ защитниковъ.

Всѣ они заявляютъ, что документъ этотъ имъ не извѣстенъ и требуютъ его оглашенія.

Ген. Гурскій возражаетъ имъ, что докладъ этотъ, какъ содержащій свѣдѣнія о преданіи подсудимыхъ суду, оглашенію не подлежитъ. Но подсудимые и ихъ защитники настаиваютъ, указывая, что разъ обвинительная власть на этотъ документъ ссылается, то и они въ правѣ на него ссылаться, а для этого они должны ознакомиться съ его содержаніемъ.

Предсѣдатель суда объявляетъ, что по этому ходатайству судъ составитъ опредѣленіе. Послѣ перерыва таковое оглашается.

Принимая во вниманіе, что для состава преступленія, въ которомъ, по 255 ст. XXII кн. С. В. П., обвиняется ген. Стессель, совершенно безразлично, съ какою цѣлью, по какимъ мотивамъ начальникъ удержалъ командованіе вопреки распоряженію начальства о передачѣ такового другому лицу; что соображенія Частнаго Присутствія Военнаго Совѣта, приведенныя военнымъ прокуроромъ, касаются именно этого,

предусмотрѣннаго 255 ст. преступленія и что по военно-судебному уставу соображенія военнаго начальства о необходимости преданія военному суду не подлежатъ оглашенію, разъ они не указываютъ фактическихъ данныхъ, подлежащихъ провѣркѣ, и притомъ въ обвинительный актъ они не внесены, — верховный военно-уголовный судъ постановилъ: въ ходатайствѣ защиты объ оглашеніи всеподданнѣйшаго доклада Частнаго Присутствія отказать.

Д-ръ Гюббенетъ. Свидѣтель, однажды уже допрошенный, даетъ дополнительное показаніе о развитіи болѣзненности въ войскахъ гарнизона крѣпости и иллюстрируетъ его графическимъ чертежомъ. Онъ представляетъ также суду экземпляръ приказаній по раіону, въ которыхъ содержится рядъ распоряженій ген. Стесселя по санитарной части. Приказанія эти пріобщаются къ дѣлу.

Поруч. Костюшко-Валюжиничъ. Поручикъ Костюшко былъ подъ конецъ обороны адьютантомъ 5-го полка. Онъ говоритъ, что слышалъ въ штабѣ разговоры о возможности рѣзни со стороны японцевъ. Самъ онъ также вѣрилъ въ возможность ея. На Цзиньчжоу изъ 5-го полка безъ вѣсти пропало 550 человѣкъ. Въ плѣну ихъ не оказалось. Свидѣтель полагаетъ, что ихъ перерѣзали японцы. Въ этомъ предположеніи свидѣтеля укрѣпляетъ слѣдующій фактъ. Стрѣлка 8-й роты Тихомирова, раненаго пулей въ грудь, японцы докалывали штыками, но неудачно: штыкъ прокололъ мякоть шеи, не задѣвъ ни горла, ни позвонковъ. Тихомировъ, очнувшись, поползъ къ бухтѣ по наружной сторонѣ окопа, и къ разсвѣту доползъ до нашихъ сторожевыхъ постовъ, которые доставили его въ госпиталь, въ Артуръ. По выздоровленіи Тихомировъ продолжалъ служить въ строю 8-й роты. Этотъ случай былъ извѣстенъ многимъ офицерамъ въ Артурѣ.

За капитуляцію никого изъ начальствующихъ лицъ никто не упрекалъ, всѣ были къ ней подготовлены. На 10 человѣкъ былъ одинъ здоровый. Состояніе госпиталей было ужасное, и солдаты боялись въ нихъ идти. Снарядовъ было мало: артиллеристы говорили, что болѣе какъ по пяти снарядовъ изъ орудія они стрѣлять не будутъ.

Поручикъ кн. Гантимуровъ. Бывшій адъютантъ генерала Стесселя объясняетъ происхожденіе большого количества ящиковъ,

увезенныхъ генераломъ Стесселемъ съ собою въ Россію такъ: японцы разрѣшили генералу взять сколько угодно вещей, вслѣдствіе этого подъ его именемъ увезли свои вещи почти 18 человѣкъ чиновъ его штаба. На всѣхъ ящикахъ съ этими вещами стояло однако имя генерала Стесселя.

Полковникъ Бжозовскій.

Свидѣтель завѣдывалъ хозяйственной частью крѣпостной артиллеріи и показываетъ, что въ декабрѣ почти всѣ хранилища снарядовъ были опустошены. Снаряды могли оставаться только на батареяхъ, откуда ген. Бѣлый и приказывалъ брать ихъ для выдачи на другія батареи, нуждавшіяся въ снарядахъ. Первоначальный запасъ снарядовъ—и довольно значительный—по словамъ свидѣтеля, образовался случайно: только потому, что опоздало распоряженіе Главн. Артил. Управленія о продажѣ китайскихъ снарядовъ, военной добычи 1900 года. Снарядовъ этихъ было очень много. Свидѣтель $1^1/_2$ года перевозилъ ихъ изъ Мукдена въ Артуръ. На вырученныя отъ продажи этихъ снарядовъ деньги предполагалось оборудовать цзиньчжоускую позицію. Но эти снаряды очень намъ пригодились и во время обороны.

Свидѣтель признаетъ, что отчетъ генерала Бѣлаго заслуживаетъ довѣрія.

— У генерала Бѣлаго могли быть данныя очень точныя. Расходъ снарядовъ учитывался самимъ генераломъ очень аккуратно. Отъ его вниманія могли ускользнуть только тѣ спаряды, которые выдавались на батареи „по знакомству“, но таковыхъ, конечно, не могло быть очень много

Ген. шт. подполк. Романовскій.

Свидѣтель подъ конецъ обороны былъ начальникомъ боевого участка на западномъ фронтѣ и охранялъ Голубиную бухту. На его участокъ, растянутый на 4 версты (отъ Голубиной бухты до дер. Яхунзуй) и охранявшійся отрядомъ въ 1200 чел., японцы повели 19-го декабря энергичное наступленіе превосходными силами. Оно и лишило возможности взять съ западнаго фронта что-либо для поддержки въ критическій моментъ войскъ восточнаго фронта [1]).

[1]) По поводу отчета, появившагося въ „Рус. Инв.“ объ этомъ показаніи, подполк. Романовскій напечаталъ тамъ же (въ № 13 за 1908 г.)

Свидѣтель показываетъ между прочимъ, что онъ былъ назначенъ въ комиссію по сдачѣ артиллерійскаго имущества. 22-го декабря онъ былъ приглашенъ на квартиру генерала Бѣлаго, куда прибыли начальникъ японской осадной артиллеріи Ишима, начальникъ его штаба Иппуе и начальникъ японскихъ инженеровъ. Генералъ Бѣлый передалъ Иппуе вѣдомость артиллерійскихъ запасовъ, относившуюся къ концу ноября, а можетъ быть и къ началу декабря, послѣ чего предложилъ имъ у себя завтракъ. Фактически засѣданія комиссіи не было, и передавалъ ли Бѣлый японцамъ какія-либо другія вѣдомости, свидѣтель не знаетъ.

Отст. генер.-м. Петруша. Бывшій командиръ 27-го полка говоритъ о томъ, что если бы была увеличена дача конины, то пришлось бы уничтожить всѣхъ лошадей, которыя возили на позиціи пищу, воду, патроны и т. п. На 23,000 человѣкъ потребовалось бы конины 15,000 пудовъ; если бы давать ее ежедневно по $^1/_2$ ф. на человѣка, то имѣвшихся въ крѣпости лошадей хватило бы лишь до октября, а такъ какъ солдаты за уничтоженіемъ лошадей должны были бы нести на себѣ еще обязанности вьючныхъ животныхъ, то крѣпость

„письмо въ редакцію“, которое мы считаемъ не лишнимъ здѣсь воспроизвести.

„Въ № 11 газеты „Рус. Инв.“, въ отчетѣ по дѣлу о сдачѣ П.-Артура, между прочимъ, сказано: „Генералъ Смирновъ, поясняя показанія подполк. Романовскаго относительно боя 19-го декабря на западномъ фронтѣ, говоритъ, что вѣроятно передъ нашимъ западнымъ фронтомъ была не вся 7-я японская дивизія, а лишь ея части, около бригады, а можетъ быть и полкъ“. Фраза эта можетъ быть истолкована въ томъ смыслѣ, что я былъ склоненъ преувеличивать силу японцевъ, наступавшихъ 19-го декабря 1904 г. на ввѣренный мнѣ боевой участокъ западнаго фронта; между тѣмъ, на судѣ я показалъ дословно слѣдующее: „Сколько тогда наступало японцевъ, точно я сказать не могу; во всякомъ случаѣ я видѣлъ, что по сравненію съ моимъ отрядомъ наступаютъ значительно превосходныя силы. Судя по англійскимъ источникамъ и по разсказамъ японскихъ офицеровъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать послѣ капитуляціи крѣпости, 19-го декабря противъ западнаго фронта оперировала вся 7-я японская дивизія“. Изъ этихъ словъ видно, что я указалъ категорически лишь на наступленіе превосходныхъ силъ японцевъ по сравненію съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, насчитывавшимъ въ своихъ рядахъ лишь около 1,200 человѣкъ и растянутымъ на фронтѣ въ 4 версты отъ Голубиной бухты до д. Яхуцзуй включительно; предположеніе же мое о томъ, что въ этотъ день противъ западнаго фронта оперировала

продержалось бы лишь до октября. Выдача же конины по 1/4 ф. на человѣка черезъ каждые нѣсколько дней, по мнѣнію свидѣтеля, не могла поправить надорванныхъ силъ гарнизона.

XXVIII. 12-е января.—Засѣданіе 28-е.

Общее состояніе крѣпости къ концу осады. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Романовскаго**, ген.-м. **Бѣлаго**, шт.-капитановъ **Ерофѣева** и **Невельского**, полк. **Дмитревскаго**, пор. **Кишинскаго**, шт.-кап. **Калинина**, пор. **Руссау**, д-ра **Кржевца**, подполк. **Вершинина**, кап. 1-го р. **Криницкаго**, лейтенантовъ **Подгурскаго**, **Максимова 7-го** и **Витгефта 2-го**, подполковниковъ **Вадина** и **Андреева**, от. полк. **Малыгина**, кап. **Студитова** и подполк. **Бенуа**.

Послѣ заявленія защитою генерала Стесселя ходатайства о занесеніи въ протоколъ судебнаго засѣданія словъ военнаго прокурора о значеніи семейныхъ и имущественныхъ интересовъ ген. Стесселя въ вопросѣ о невыѣздѣ его изъ Ар-

---

вся 7-я дивизія, основано на англійскихъ источникахъ. Источниками этими являются труды англійскихъ корреспондентовъ: Бартлетта, Джемса и Норригарда, состоявшихъ при осадной арміи генерала Ноги. Кстати сказать, труды эти являются до настоящаго времени единственными источниками, по которымъ мы можемъ судить о дѣйствіяхъ осаждающаго подъ Портъ-Артуромъ. Изъ перечисленныхъ корреспондентовъ, Бартлеттъ и Джемсъ указываютъ, что 19-го декабря противъ Западнаго фронта наступала дивизія, а Норригардъ хотя и не указываетъ силы наступавшихъ, но говоритъ, что въ этомъ направленіи было поведено рѣшительное наступленіе. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе, что только на крайній лѣвый флангъ ввѣреннаго мнѣ участка, который оборонялп охотники 28-го в.-сиб. полка, бывшіе подъ начальствомъ шт.-кап. Ерофѣева, обрушилось не менѣе 2—3 баталіоновъ, а наступленіе велось и на окопы вправо отъ нихъ, цѣпи же японцевъ разсыпались передъ фронтомъ всего участка, я склоненъ думать, что японцы выслали 19-го декабря въ боевую часть не менѣе бригады. Если же предположить, что за боевой частью держались резервы, то указанія Бартлетта и Джемса на наступленіе цѣлой дивизіи будутъ вполнѣ справедливы. Всего до 19-го декабря 1904 года выбыло изъ состава ввѣреннаго мнѣ отряда свыше 250 человѣкъ, что въ связи съ прорывомъ японцевъ берегомъ моря и принудило насъ очистить этотъ участокъ, прикрывавшій Лаятешань и часть западнаго фронта крѣпости отъ укрѣпленія № 5 до берега моря".

тура, сдѣланнаго ею „въ ограждепіе своихъ правъ“ и судомъ уваженнаго, первымъ допрашивается спрошенный наканунѣ ген. шт. подполковникъ Романовскій.

Подполковникъ Романовскій. Защитникъ Стесселя напоминаетъ свидѣтелю его показаніе на предварительномъ слѣдствіи о томъ, что ген. Бѣлый передалъ японцамъ вѣдомость артиллерійскаго имущества, составленную къ половинѣ ноября, а вчера онъ показалъ, что она была составлена къ концу ноября или къ первымъ числамъ декабря... Что же вѣрнѣе?

Свидѣтель отвѣчаетъ, что два года назадъ, когда онъ былъ спрошенъ на слѣдствіи, память у него была свѣжѣе, а потому тогдашнее показаніе слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ.

Генер.-маіоръ Бѣлый. Подполковнику Романовскому возражаетъ по поводу его послѣднихъ показаній бывшій начальникъ Квантунской крѣпостной артиллеріи.

— Когда мы собрались вмѣстѣ съ японцами для сдачи артиллерійскаго имущества,—говоритъ онъ,—японцы спросили у меня свѣдѣнія о немъ. Я отвѣтилъ, что сейчасъ у меня точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Они сказали: дайте хоть какія-нибудь, они намъ нужны для предварительныхъ соображеній, точный же подсчетъ мы сдѣлаемъ потомъ. Я далъ имъ планъ и вѣдомости за ноябрь и начало декабря. Вечеромъ они ихъ мнѣ вернули, сказавъ, что теперь имъ трудно въ нихъ разобраться и что они подсчитаютъ орудія и снаряды сами при пріемкѣ. Все это доказывается помѣтками, которыя японцы сдѣлали по-японски на планѣ и нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ.

Еще разъ утверждая передъ судомъ, что отчетъ его основанъ на донесеніяхъ батарейныхъ командировъ и что заподозриваніе его со стороны защиты кажется ему страннымъ, ген. Бѣлый объясняетъ, что разница въ числѣ орудій, сданныхъ японцамъ (по его отчету 610, а по неофиціальнымъ свѣдѣніямъ, нынѣ доставленнымъ суду нашимъ военнымъ агентомъ въ Токіо—528), могла произойти отъ того, что онъ исчислялъ орудія по день сдачи, японцы же—послѣ таковой, когда нашими войсками не мало орудій было уже испорчено, согласно первоначально отданному приказанію, а потомъ отмѣненному.

Прокуроръ заявляетъ, что онъ довѣряетъ свѣдѣніямъ ген. Бѣлаго и обращаетъ вниманіе суда на то, что въ примѣчаніи къ одной изъ страницъ своего отчета, составленнаго въ Японіи въ 1905 году, ген. Бѣлый также указываетъ на цифру 528 орудій, заимствованную изъ офиціальнаго японскаго отчета.

Затѣмъ прокуроръ спрашиваетъ ген. Смирнова, правда ли, какъ показалъ наканунѣ подп. Романовскій, что 19 декабря, когда на участокъ, защищаемый Романовскимъ, наступала почти цѣлая японская дивизія, онъ взялъ оттуда почти весь резервъ, въ количествѣ пяти ротъ.

Генер.-лейтен. Смирновъ.

Ген. Смирновъ объясняетъ, что роты эти были взяты имъ не 19-го, а 18-го декабря, около 3-хъ часовъ дня. Къ 19-му декабря у подполк. Романовскаго было до тысячи человѣкъ. Съ ними онъ сдержалъ натискъ если не всей 7-й японской дивизіи, то бригады ея, за что и награжденъ георгіевскимъ крестомъ.

Штабсъ-капит. Ерофѣевъ.

Слѣдующій свидѣтель, штабсъ-капитанъ Ерофѣевъ, также георгіевскій кавалеръ, подробно разсказываетъ о томъ, какъ этотъ натискъ былъ отраженъ. Подготовляясь къ встрѣчѣ противника и роя окопы, солдаты говорили: „Рой, рой, все равно пригодится для могилы, скоро крышка будетъ“.

Около 12 часовъ ночи на 19-е декабря получено было извѣстіе, что замѣтно движеніе японцевъ. Свидѣтель обратился по телефону въ штабъ западнаго фронта съ просьбой о поддержкѣ его огнемъ батарей, которыя всегда энергично ему помогали. Но на этотъ разъ онѣ не помогли. Японскія цѣпи сильно потѣснили наши посты и заняли окопы.—Тогда, разсказываетъ Ерофѣевъ,—я приказалъ открыть огонь изъ пулемета, приготовить бомбочки, обрѣзавъ фитили ихъ до минимума,—и бросился въ атаку. Штыковая работа была кончена быстро—и японцы выгнаны изъ окопа.

Штабсъ-капит. Невельской.

Бывшій ординарецъ ген. Стесселя, поручикъ Невельской показалъ, что Стессель въ числѣ своихъ вещей и подъ именемъ ихъ вывезъ вещи чиновъ своего штаба и шести сиротъ, бывшихъ на попеченіи его жены, а также вещи ген. Кашталинскаго и документы штаба раіона. Все это было увезено на 12—14 двуколкахъ.

Полковникъ Дмитревскій. Полковникъ Дмитревскій допрашивается о числѣ нестроевыхъ въ полкахъ 4-й дивизіи ко дню сдачи. Свидѣтель, вооруженный на этотъ разъ какими-то бумажками, все-таки точныхъ цифръ представить не можетъ. Къ 18 іюля, въ общемъ числѣ 15,000 нижнихъ чиновъ 4 дивизіи нестроевыхъ было 1,445 челов., а къ 23 ноября изъ 7,806 чел. нестроевыхъ было 1,359.

Прокуроръ проситъ ген. Смирнова объяснить, почему имъ указано, что ко дню сдачи число нестроевыхъ во всемъ гарнизонѣ было около 1000 человѣкъ.

Ген. Смирновъ объясняетъ это тѣмъ, что, согласно ряду приказовъ, много нестроевыхъ было взято въ строй, въ спискахъ же они попрежнему числились нестроевыми.

Поручикъ Кишинскій. Бывшій полковой адъютантъ 14-го полка, пор. Кишинскій показываетъ, что полковыя знамена были собраны и отправлены въ Чифу 19-го декабря, что число защитниковъ къ этому времени очень порѣдѣло и иллюстрируетъ упадокъ силъ гарнизона слѣдующимъ фактомъ: на погребеніе ген. Кондратенко паряжено было отъ полка 18 рядовъ, но дошло до мѣста только 9 рядовъ.

Штабсъ-капит. Калининъ. Бывшій комендантъ Чайной горы и командиръ сводной роты 5 полка показываетъ, что въ ней было ко дню сдачи только 75 человѣкъ, да и то почти всѣ больные. Извѣстіе о сдачѣ встрѣчено было съ безразличіемъ.

Поручикъ Руссау. Свидѣтель показываетъ, что 21-го декабря онъ былъ назначенъ съ своей командой для охраны порядка въ городѣ, обходилъ его и видѣлъ много людей, которые, будучи больны, оставались еще на позиціяхъ, такъ такъ не въ силахъ были ходить; ихъ увозили оттуда на двуколкахъ. Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ нижніе чины на привѣтствіе ген. Смирнова—„здорово родные“—спрашивали, кто онъ такой и когда успѣлъ съ ними породниться.

По ходатайству ген. Стесселя судъ допускаетъ снова къ допросу доктора Кржевца, уже освобожденнаго отъ обязанности свидѣтеля, но присутствующаго въ залѣ суда.

Докторъ Кржевецъ. Свидѣтель разсказываетъ, что когда 23-го декабря онъ былъ назначенъ инспекторомъ госпиталей, то

ген. Стессель предложилъ ему по своемъ отъѣздѣ поселиться въ его квартирѣ.

— Въ ней оставались запасы продовольствія, мебель и одежда. Послѣ голодухи мы чувствовали себя въ ней недурно. Г-жа Стессель предложила мнѣ пользоваться всѣмъ, что нужно, что можно—отдать въ госпитали, а что не надо—продать.

По вопросу о молокѣ, которое продавалось будто бы со двора начальника укрѣпленнаго раіона, свидѣтель показалъ, что, занявъ домъ ген. Стесселя, онъ убѣдился въ недобросовѣстности прислуги, которая могла это дѣлать безъ вѣдома хозяевъ.

По ходатайству прокурора передопрашивается бывшій гражданскій комиссаръ Квантунской области и предсѣдатель городского Портъ-Артурскаго совѣта объ имущественномъ положеніи Стесселя и объ отношеніи его къ дружинникамъ и гражданскому населенію крѣпости. Онъ иллюстрируетъ отношеніе ген. Стесселя къ дружинникамъ слѣдующимъ фактомъ:

Подполковникъ Вершининъ.

— Замѣтивъ, что дружинники, во время отдыха, читаютъ газеты, Стессель раскричался на нихъ и спросилъ подъѣхавшаго на крикъ начальника дружины, подполковника Дювернуа, наказываетъ ли онъ ихъ. Получивъ въ отвѣтъ, что ихъ не за что наказывать, Стессель сказалъ, что онъ самъ будетъ ихъ пороть. Пороли на пожарномъ дворѣ.

— Какъ? Даже интеллигентныхъ людей?—спрашиваетъ прокуроръ.

— О раздѣленіи я не слыхалъ,—отвѣчаетъ Вершининъ.

Относительно показаній г. Серебренникова, полк. Вершининъ категорически заявилъ, что они являются или тенденціознымъ искаженіемъ фактовъ, или прямо вымысломъ. Онъ предложилъ ген. Такеучи, назначенному управлять городомъ, предсѣдательство въ городскомъ комитетѣ только послѣ того, какъ сдалъ ему всѣ городскія дѣла. Такъ было условлено. До тѣхъ же поръ предсѣдательствовалъ и подписывалъ протоколы въ качествѣ предсѣдателя онъ самъ. Обѣдъ, которымъ онъ угощалъ Такеучи, былъ актомъ простого гостепріимства и не имѣлъ офиціальнаго характера. Просто

японцамъ, пріѣхавшимъ въ городъ, негдѣ было пообѣдать. Заранѣе рѣшено было никакихъ тостовъ за Высочайшихъ особъ, за арміи и вообще касающихся событій войны не провозглашать. Поэтому онъ, какъ хозяинъ, предложилъ выпить за Такеучи и его сотрудниковъ. Относительно вмѣшательства ген. Стесселя въ дѣятельность гражданской администраціи подп. Вершининъ, въ поясненіе къ тому, что имъ уже ранѣе было показано, разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ перевезти изъ Тафашина бывшіе тамъ въ карантинѣ запасы медикаментовъ и санитарныхъ средствъ, но ген. Стессель лично приказалъ ихъ выбросить изъ вагоновъ, и эти запасы, были испорчены прошедшимъ ливнемъ. Впрочемъ черезъ три дня Стессель приказалъ собрать остатки этихъ запасовъ и доставить въ Артуръ. Въ фактѣ посылки Стесселемъ бѣлья Вершининъ не видитъ никакой жертвы съ его стороны. Все женское населеніе Артура было обложено натуральною повинностью—шить бѣлье для войскъ и госпиталей, мыть его въ прачешной, устроенной г-жей Стессель, и быть сестрами милосердія. Бѣлье шилось въ огромномъ количествѣ и передавалось г-жѣ Стессель или г-жѣ Субботиной. Шили даже гимназистки первыхъ двухъ классовъ.

Ко времени сдачи крѣпости населеніе Артура было въ достаточной степени обезпечено продовольствіемъ. Имѣлся городской складъ, запасы котораго распредѣлялись по магазинамъ; были столовыя, изъ которыхъ бѣднымъ обѣды отпускались безплатно. Случай голодной смерти, о которомъ разсказывалъ суду кап. 2-го ранга Лепко, свидѣтель считаетъ невозможнымъ, то же обстоятельство, что этотъ штабъ-офицеръ питался гнилыми галетами, онъ объясняетъ только легкимъ отношеніемъ его къ личнымъ своимъ интересамъ.

Имущественное положеніе ген. Стесселя опредѣлялось размѣрами той казенной квартиры, которую онъ занималъ. Что имъ было вывезено изъ Артура и что оставлено, свидѣтелю неизвѣстно. Онъ знаетъ только, что за нѣсколько дней до сдачи, въ домъ Намѣстника явились отъ Стесселя нижніе чины и взяли нѣсколько вещей, между прочимъ, коверъ, который, адм. Алексѣевымъ однако не былъ полученъ.

Стессель вскакиваетъ.

— Я имѣю письмо отъ Намѣстника, въ которомъ онъ

благодарить меня за доставку ковра. Какъ въ мартѣ, когда я просилъ Намѣстника разрѣшить мнѣ уѣхать изъ Артура, такъ и въ декабрѣ, — мое семейное и имущественное положеніе было одинаково.

Кап. 1-го ранга Криницкій.

Каштанъ 1-го ранга Криницкій, показываетъ, что въ маѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ Стессель часто просилъ адм. Витгефта о поддержкѣ флотомъ дѣйствій сухопутныхъ войскъ, но безуспѣшно... Вмѣстѣ съ судами эскадры было потоплено много и морскихъ снарядовъ.

Лейтенантъ Подгурскій.

Герой Высокой горы, георгіевскій кавалеръ, свидѣтельствуетъ о состояніи позицій къ концу обороны. На III-мъ форту еще въ октябрѣ защитники его каждую минуту ждали взрыва японской мины... На Китайской стѣнкѣ люди были совершенно открыты выстрѣламъ противника— траверсовъ и укрѣпленій не было. Люди были страшно утомлены физически и морально.

Лейтенантъ Максимовъ 7-й.

Командиръ десантной роты съ броненосца „Пересвѣтъ“ показываетъ, что рота была списана съ корабля на сухопутный фронтъ въ концѣ ноября. Сразу же убыль людей отъ цынги стала большою, а когда роту послали работать на форты и укрѣпленія, то къ этому присоединилась еще убыль и отъ огня... Рота стала быстро таять. Пища, отпускавшаяся портомъ, была невысокаго качества. Матросы ѣли ее неохотно и, если видѣли гдѣ-нибудь походную кухню сухопутныхъ войскъ, то спрашивали тамъ, не осталось ли чего-нибудь отъ обѣда,—и доѣдали... Наоборотъ, и солдаты спрашивали у матросовъ, не осталось ли у нихъ каши, которой они не получали, — и тоже доѣдали остатки. О невысокомъ качествѣ пищи свидѣтель докладывалъ начальству.

— Я докладывалъ также начальству, — говоритъ свидѣтель, что если форты будутъ взяты, то начнется агонія Артура; что съ паденіемъ Б. Орлинаго Гнѣзда сопротивленіе крѣпости надо считать часами... Когда меня спрашивали о 2-й линіи обороны, я говорилъ, что окопы на ней хуже, чѣмъ на 1-й, и если на послѣдней они обращены въ развалины, то тамъ отъ нихъ и слѣда не останется. Мнѣ говорили на это:—„вы пессимистъ, вы разсуждаете по-армейски“... И нашъ разговоръ всегда кончался какъ-то неопредѣленно... На мой во-

просъ командиру судна, какъ онъ представляетъ себѣ конецъ Артура,—онъ отвѣчалъ:—„Мы будемъ драться въ городѣ...“ —„Но вѣдь это все-таки кончится плѣномъ“, возражалъ я ему.—„А намъ, пока у насъ есть миноносцы и капоперскія лодки попадать въ плѣнъ нежелательно...“—„Это дѣло адмираловъ“,—отвѣчали мнѣ. Когда я доложилъ, что матросы просятъ разрѣшить имъ попытку прорвать блокаду и уйти изъ Артура, объ этомъ было доложено к.-адм. Вирену, къ которому я и былъ приглашенъ 27-го ноября.—„Откуда вы слышали, что крѣпость будетъ скоро взята?“—спросилъ меня адмиралъ. Я отвѣчалъ, что слуховъ объ этомъ я не слышалъ, но что я самъ предвижу это по состоянію фортовъ и что намъ, морякамъ, надо знать, кому изъ оставшихся въ живыхъ при послѣднемъ штурмѣ, на какое судно надо явиться... На это адмиралъ сказалъ мнѣ: — „Стыдно думать объ оставленіи родной твердыни, когда ее другіе защищаютъ. Передайте вашимъ матросамъ, что ни одинъ морякъ не оставитъ Артура“... Тогда я рѣшилъ, въ случаѣ сдачи крѣпости, бѣжать изъ нея на парусной шлюпкѣ, но передъ самымъ концомъ осады я былъ раненъ въ ногу и не могъ этого сдѣлать. Однако, это удалось другимъ морскимъ офицерамъ, Цвингману и Мясникову, которые послѣ извѣстія о сдачѣ крѣпости, бѣжали изъ нея... [1]).

— Посѣщалъ ли адм. Виренъ позиціи?—спрашиваетъ свидѣтеля защита ген. Стесселя.

— Нѣтъ, не посѣщалъ,—отвѣчаетъ Максимовъ.

---

[1]) По поводу этого показанія лейт. Максимова, капитанъ 1-го ранга Цвингманъ напечаталъ въ № 11438 „Нов. Вр.“ слѣдующее: „письмо въ редакцію“: „По дѣлу о сдачѣ Портъ-Артура лейт. Максимовъ показалъ, что я по полученіи извѣстія о сдачѣ оставилъ Артуръ съ лейтенантомъ Мясниковымъ; это не соотвѣтствуетъ истинѣ: я не бѣжалъ, но оставилъ Артуръ по иниціативѣ генерала Кондратенко, 2-го декабря, въ 7 часовъ вечера, съ лейтенантомъ Мясниковымъ и 6-ю матросами, подъ парусами на 10-тн весельномъ катерѣ съ „Бобра“, съ вѣдома штаба крѣпости, съ секретными телеграммами и почтой, согласно секретной инструкціи командира порта, адмирала Григоровича, отъ 27-го ноября за № 1996. Въ то время никакихъ разговоровъ о сдачѣ въ той средѣ, гдѣ я находился, не было. По моемъ прибытіи въ Мукденъ къ главнокомандующему, генералъ-лейтенанту (?) Куропаткину, 14-го декабря, докладывая лично о тяжеломъ состояніи Портъ-Артура, у меня и мысли не было о возможной сдачѣ его“.

Лейтенантъ Витгефтъ 2-й.

Свидѣтель показалъ, что „въ Артурѣ весь гарнизонъ былъ боленъ“. Пока шли 4 версты къ 5-му укрѣпленію, на сдаточный пунктъ, у него въ ротѣ было три смертныхъ случая.

Подполковникъ Вадинъ.

Свидѣтель былъ начальникомъ 5-го артиллерійскаго сектора. Онъ говоритъ, что съ самаго начала онъ получалъ снаряды съ большими затрудненіями и очень рано началъ пользоваться снарядами морскими, которые отпускались ему очень охотно въ силу особыхъ его отношеній къ нѣкоторымъ чинамъ флота. Цынготныхъ было очень много. Іодъ (для смазки десенъ) покупался для нихъ фунтами... Костылей было сдѣлано для нихъ сначала 20 паръ, но ихъ скоро не хватило—и дѣлали все новые... Приказы Стесселя, написанные коротко и ясно, поднимали духъ гарнизона. Самъ генералъ постоянно бывалъ на участкѣ свидѣтеля, особенно на форту I-мъ и батареѣ А... Послѣднія свѣдѣнія о снарядахъ доставлены были свидѣтелемъ ген. Бѣлому 10-го декабря.

Подполковникъ Андреевъ.

Свидѣтель—георгіевскій кавалеръ, командовалъ батареей Электрическаго утеса. Принимая 5-го сентября батарею, онъ нашелъ на ней очень мало снарядовъ, отъ ген. Бѣлаго же онъ получилъ указанія расходовать ихъ экономно, за исключеніемъ, конечно, чрезвычайныхъ случаевъ. Въ среднемъ, приходилось выпускать 5—8 снарядовъ. Ко дню сдачи оставалось на батареѣ 125 снарядовъ для 10-ти дюймовыхъ пушекъ и 100 бронебойныхъ для дѣйствія по непріятельской эскадрѣ. Въ день сдачи, по приказанію ген. Бѣлаго, они были уничтожены,—сброшены въ море.

Отст. полковн. Малыгинъ.

Свидѣтель—бывшій стрѣлковый офицеръ, находился на западномъ фронтѣ.

— Пища у людей была отвратительная—говоритъ онъ. — Я люблю солдатскія щи, но въ сентябрѣ ихъ нельзя было попробовать... Какая-то мыльная вода!.. Такъ какъ мяса было мало, то солдаты просили меня разрѣшить имъ стрѣлять собакъ. Разрѣшилъ,—сказалъ только: „въ общій котелъ не кладите“. Офицерамъ также плохо жилось... Питаться было нечѣмъ... Обносились всѣ... Генералъ Стессель помогалъ, чѣмъ могъ. Такъ, поручику Дьяконову онъ прислалъ однажды новые шаровары и сапоги... Дай Богъ, чтобы у насъ было

больше такихъ начальниковъ, какъ ген. Стессель... Если ген. Стессель у насъ не былъ на участкѣ дня два, то офицеры и солдаты начинали волноваться... Мы только и жили генераломъ Стесселемъ...

— А доносили ли вы о бѣдственномъ положеніи солдатъ командиру полка?—спрашиваетъ свидѣтеля членъ суда, ген. бар. Остенъ-Сакенъ.

— Доносилъ.

— Что же онъ отвѣчалъ?

— Ничего. Нечего было говорить.

Въ заключеніе, капитанъ Студитовъ и подполковникъ Бенуа также говорятъ о недостаткѣ снарядовъ и о большой болѣзненности въ гарнизонѣ.

XXIX. 14-е января.—Засѣданіе 29-е.

По разнымъ вопросамъ: заявленіе ген. **Стесселя** и объясненіе ген.-м. **Никитина**. Допросъ свидѣтелей: пор. **Яфимовича**, полковниковъ **Галицинскаго** и **Сейфулина**, кап. **Твердаго**, шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича** и подполк. **Андреева**. **Оглашеніе документовъ:** письмо адм. Алексѣева г-жѣ Стессель, наградной листъ на полк. Рейса, всеподданѣйшая телеграмма ген. Стесселя 19-го декабря 1904 г., условія капитуляціи, показанія ген.-м. **Ирмана** и об.-егерм. **Балашева**.

По открытіи засѣданія, ген. Стессель проситъ свидѣтеля, ген.-лейт. Никитина разрѣшить ему огласить выдержку изъ его письма, написаннаго по возвращеніи свидѣтеля изъ плѣна, 19-го января 1906 года.

Ген. Никитинъ изъявляетъ на это полную готовность.

Ген. Стессель читаетъ выдержку изъ письма ген. Никитина, въ которомъ послѣдній сообщаетъ ему о состоявшемся, будто бы, въ плѣну сговорѣ нѣкоторыхъ лицъ относительно его, ген. Стесселя.

Генер.-лейтен. Никитинъ. Послѣ этого къ эстрадѣ суда выходитъ самъ ген. Никитинъ и даетъ по поводу этой выдержки объясненіе.

— Въ плѣну,—говоритъ онъ,—мы жили двумя колоніями. Одну составляли: я, ген. Фокъ, Ирманъ, Мехмандаровъ и

наши адъютанты; въ другой жили остальные генералы и адмиралы. Однажды, въ концѣ января 1905 года, къ намъ явился атташе французскаго посольства при японскомъ дворѣ, г. Мартини. Когда мы выразили ему сожалѣніе, что посланникъ не нашелъ возможности посѣтить насъ лично,— г. Мартини заявилъ намъ, что онъ уполномоченъ посломъ выразить намъ его сожалѣніе и негодованіе по поводу появленія въ печати односторонних сообщеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми чинами бывшаго Портъ-Артурскаго гарнизона о событіяхъ осады. По мнѣнію посла, эти сообщенія марают честь не только гарнизона, но и всей русской арміи. Возмущенные этимъ обвиненіемъ, мы заявили г. Мартини, что никто изъ насъ ничего въ газеты не писалъ: „Я говорю вамъ это потому, сказалъ онъ, что изъ другой колоніи были посланы такія корреспонденціи“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, къ намъ оттуда явился полковникъ Жеребцовъ и предложилъ намъ подписать телеграмму, отправлявшуюся имъ въ „Новое Время“. Я отказался. Прежде всего—вслѣдствіе заявленія французскаго посланника, во-вторыхъ, я не могъ допустить, чтобы мы писали что-либо, касающееся обороны ранѣе суда, который долженъ былъ состояться въ силу закона и, наконецъ, въ третьихъ, вслѣдствіе строгой цензуры японцевъ. Порядокъ отправки нашей корреспонденціи былъ таковъ, что я предпочелъ никому не писать; посылалъ жене только открытыя письма. Наша корреспонденція по нѣскольку мѣсяцевъ валялась въ бюро военнопленныхъ. Тамъ она переводилась и дословно записывалась въ особыя книги. Мартини еще раза два пріѣзжалъ къ намъ и указывалъ на неудобство появленія въ газетахъ статей объ Артурѣ.—«C'est la honе d'Arthur!»—говорилъ онъ намъ. Что въ нихъ писалось, я не знаю; но знаю, что особенно усердствовалъ въ этомъ отношеніи полковникъ Чхеидзе. Что касается ген. Фока, то въ плѣну онъ былъ занятъ все время изученіемъ англійскаго языка и ничего не писалъ.

Поднимается ген. Стессель и заявляетъ, что благодарственную телеграмму г. Меньшикову въ „Новое Время“, по поводу статьи его „Въ защиту героевъ“, подписали: генералы Смирновъ и Бѣлый, адмиралъ Впренъ, полковники Жеребцовъ и Чхеидзе.

— Такимъ образомъ,—говоритъ онъ—„Новое Время“, односторонними писаніями введено было въ заблужденіе.

— По этому поводу никто не обвиняется,—говоритъ предсѣдатель суда, ген. Водаръ, прекращая разслѣдованіе этого эпизода.

Поручикъ Яфимовичъ. Слѣдующій свидѣтель разсказываетъ, что, возвращаясь изъ Артура на пароходѣ „Австралія“ вмѣстѣ съ ген. Стесселемъ, онъ наблюдалъ въ Портъ-Сандѣ за перегрузкой вещей. Было нѣсколько чемодановъ, два—три ящика и вещи, принадлежавшія чинамъ штаба. Когда въ Россіи онъ прочиталъ въ „Бирж. Вѣд.“, что Стессель, будто бы, вывезъ изъ Портъ-Артура весь свой домашній скарбъ, онъ хотѣлъ напечатать опроверженіе, но военная цензура его не пропустила.

Затѣмъ свидѣтель говоритъ о недостаткахъ внутренней ограды и снова—о цынгѣ и куриной слѣпотѣ, развившихся у офицеровъ и нижнихъ чиновъ на почвѣ утомленія и недоѣданія.

Полковникъ Галицинскій. Полковникъ Галицинскій снова говоритъ о недостаткѣ снарядовъ и о томъ, что на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ была всего одна 47-мм. пушка и къ ней около сотни снарядовъ.

Полковникъ Сейфулинъ. О томъ же показываетъ полковникъ Сейфулинъ. Свидѣтель слышалъ, что въ ноябрѣ снарядовъ оставалось на одинъ, два штурма. Затѣмъ онъ говоритъ, что ген. Стессель былъ ранѣе командиромъ 5-го полка, который въ цзиньчжоускомъ бою доказалъ свои традиціи, переданныя ему его старымъ командиромъ. При капитуляціи выяснилось, что изъ того состава полка, въ которомъ онъ началъ войну, осталось всего 10—15 чел., да и то всѣ раненые.

Капитанъ Твердый. Ген. Стессель предлагаетъ свидѣтелю разсказать, тормозилъ ли онъ, Стессель, разслѣдованіе объ оскорбленіи нѣсколькими морскими офицерами подполковника Вершинина.

Предсѣдатель отклоняетъ этотъ вопросъ, какъ не относящійся къ дѣлу.

Тогда ген. Стессель предлагаетъ свидѣтелю разсказать о томъ, какъ его, кап. Твердаго, хотѣлъ, было, арестовать ген. Смирновъ.

— Это дѣло личное,—говоритъ свидѣтель,—но если судъ прикажетъ, я разскажу.

Судъ не находитъ въ этомъ надобности.

Далѣе, свидѣтель сообщаетъ фактъ, свидѣтельствующій о крайней нервности гарнизона: одинъ матросъ бросился съ ножомъ на капитана Янушевскаго безъ всякаго къ этому повода.

Штабсъ-капит. Дебогорій-Мокріевичъ.

Свидѣтель показываетъ, что начальникъ укрѣпленнаго раіона не только сочувствовалъ, но и содѣйствовалъ активнымъ дѣйствіямъ. Такъ, съ цѣлью развитія ихъ, сформированъ былъ на Зеленыхъ горахъ отрядъ подполковника Киленина. Сформированъ былъ также отрядъ для захвата японскаго осаднаго парка въ Таліенванѣ. Передъ 13-мъ іюня и передъ 13-мъ іюля въ гарнизонѣ распространились слухи о переходѣ нашемъ въ наступленіе. Въ августѣ также былъ слухъ, что готовится общее наступленіе. Для этого былъ даже сформированъ передовой отрядъ подъ начальствомъ полковника Ирмана, съ конно-піонерной командой подъ начальствомъ свидѣтеля. Но въ сентябрѣ уже никакихъ разговоровъ и слуховъ о переходѣ въ наступленіе не было.

— Мы думали сдѣлать прорывъ,—объясняетъ по этому поводу Стессель,—и хотѣли войти въ связь, хотя бы передовыми частями, съ арміей Куропаткина, который, по свѣдѣніямъ китайцевъ, послѣ ляоянскаго сраженія продвинулся впередъ; но свѣдѣнія эти оказались ложными.

Подполковникъ Андреевъ.

Свидѣтель разъясняетъ данное имъ наканунѣ показаніе въ томъ смыслѣ, что хотя имъ, батарейнымъ командирамъ, и говорилось все время о сбереженіи снарядовъ, но для отбитія штурмовъ разрѣшалось не жалѣть ихъ. Никакой особой инструкціи по расходованію снарядовъ онъ не имѣлъ.

Судъ постановляетъ занести въ протоколъ судебнаго засѣданія изъ показанія ген. шт. подполк. Романовскаго, что пріема какой-либо комиссіей сданныхъ японцамъ орудій и снарядовъ не было.

Допросъ свидѣтелей оконченъ. Судебное слѣдствіе дополняется оглашеніемъ различнаго рода документовъ и показаній

неявившихся или невызванныхъ для личнаго допроса свидѣтелей.

Первымъ оглашается по ходатайству Стесселя представляемое имъ, въ опроверженіе даннаго наканунѣ показанія подполк. Вершинина, письмо бывшаго намѣстника, адмирала Алексѣева, адресованное женѣ подсудимаго, съ благодарностью за доставку какого-то ковра и возвращеніемъ 12 р. за его перевозку.

Оглашается наградной листъ, составленный ген. Стесселемъ, 22-го декабря 1904 г. (т. е. уже послѣ капитуляціи) на полковника Рейса, представляемаго къ ордену Георгія 4-й степени, за то, во 1-хъ, что во время боевъ 13-го и 14-го іюня на передовыхъ позиціяхъ полк. Рейсъ, на протяженіи 23-хъ верстъ, слѣдилъ постоянно за точнымъ исполненіемъ распоряженій ген. Стесселя и, во 2-хъ, за то, что, произведя по его, Стесселя, приказанію самую обстоятельную рекогносцировку подступовъ къ нашей позиціи, открылъ такіе тропы и подступы, которые, будучи наблюдаемы и заняты, способствовали тому, что непріятель понесъ большія потери.

Ген. Стессель добавляетъ теперь къ этому, что рекогносцировки эти произведены были полк. Рейсомъ подъ огнемъ непріятеля и онъ проявилъ при этомъ мужество и храбрость.

Оглашается всеподданѣйшая телеграмма ген.-адъют. Стесселя отъ 19-го декабря 1904 года:

Вчера утромъ японцы произвели громадный взрывъ подъ укрѣпленіемъ 3-мъ и сейчасъ же открыли бомбардировку по всей линіи. Небольшой гарнизонъ укрѣпленія частью погибъ внутри его, частью успѣлъ выйти. Послѣ 2-хъ часовой бомбардировки японцы повели штурмъ на Китайскую стѣнку отъ форта III-го до Орлинаго Гнѣзда. Два штурма были отбиты. Наша полевая артиллерія нанесла японцамъ много вреда: держаться на Китайской стѣнкѣ нельзя. Я приказалъ ночью отойти на горы за Китайской стѣнкой, уперевъ правый флангъ въ Большую гору. Большая часть восточнаго фронта въ рукахъ японцевъ. На новой позиціи долго не продержимся, а затѣмъ должны будемъ капитулировать. Но все въ рукѣхъ Бога. У насъ большія потери: два командира полковъ—Гандуринъ и Семеновъ ранены [1]), герой Гандурпнъ очень тяжело; коман-

[1]) Во время печатанія настоящей книги, начальникъ 6-й Закаспійской стрѣлковой бригады, Свиты Его Величества, ген.-м. Семеновъ 24-го августа 1908 г. скоропостижно скончался въ г. Асхабадѣ.

диръ 3-го укрѣпленія, шт.-кап. Спредовъ погибъ при взрывѣ. Великій Государь, Ты прости насъ. Сдѣлали мы все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво.

Почти одиннадцать мѣсяцевъ безпрерывной борьбы истощили наши силы; лишь одна четверть защитниковъ, изъ коихъ половина больныхъ, занимаетъ 27 верстъ крѣпости, безъ помощи, даже безъ смѣны для малаго хотя бы отдыха. Люди стали тѣнями.

На вопросъ прокурора, кто писалъ и кто отправлялъ эти телеграммы, ген. Стессель заявляетъ, что телеграммы на Высочайшее Имя писалъ всегда онъ самъ. Ген. Рейсъ признаетъ, что исправленія въ подлинникѣ, чисто редакціоннаго характера, сдѣланы имъ, для удобства шифрованія. На вопросъ прокурора, когда посланы были телеграммы: до капитуляціи или послѣ капитуляціи, ген. Стессель отвѣчаетъ, что единственная возможность послать эти телеграммы представлялась вечеромъ 19-го декабря, когда отправлялись въ Чифу миноносцы со знаменами.

Затѣмъ оглашаются акты капитуляціи.

Согласно условіямъ ея, русскіе армія и флотъ, добровольцы и чиновники въ крѣпости и на веркахъ Портъ-Артура становятся военноплѣнными (ст. 1); всѣ форты и батареи, военные корабли; пароходы и шлюпки, оружіе, склады, лошади и всѣ прочіе военные матеріалы, равно какъ деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, подлежатъ сдачѣ въ настоящемъ ихъ видѣ японской арміи (ст. 2); гарантируя точное исполненіе первыхъ двухъ статей, русскіе армія и флотъ должны вывести гарнизонъ изъ всѣхъ фортовъ на Шу-занѣ, Шо-ан-шизанѣ, Тай-ан-ши-занѣ и на всемъ хребтѣ холмовъ, расположенныхъ къ юго-востоку отъ послѣднихъ, передать эти форты и батареи японской арміи до наступленія полудня (21 декабря 1904 г.—3 января 1905 г.) (ст. 3); если русскіе армія и флотъ станутъ разрушать или измѣнять въ какомъ-либо отношеніи современное состояніе предметовъ, указанныхъ въ ст. 2, и существующее въ моментъ подписанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и получитъ свободу дѣйствій (ст. 4); русскія военныя и морскія власти Портъ-Артура должны собрать и передать японской арміи планъ укрѣпленія Портъ-Артура, карту, указывающую мѣста, въ которыхъ положены подземныя и подводныя мины и другіе опасные предметы, вѣдомость организаціи арміи и флота, расположенныхъ въ Портъ-Артурѣ, списокъ военныхъ и морскихъ офицеровъ съ указаніемъ ихъ чиновъ и должностей, такой же списокъ военныхъ и гражданскихъ судовъ, пароходовъ и шлюпокъ съ поименнымъ спискомъ ихъ экипажей и вѣдомость, указывающую число, полъ, національность и профессію жителей обыкновеннаго населенія (ст. 5); все оружіе (включая и носимое отдѣльными лицами), боевые

припасы, принадлежащіе правительству, лошади, военные суда, пароходы, военные матеріалы, зданія, деньги и другіе предметы, шлюпки вмѣстѣ съ предметами, находящимися внутри этихъ судовъ (за исключеніемъ предметовъ частной собственности) должны быть сохранены въ порядкѣ на мѣстахъ, на которыхъ они находятся въ настоящее время. Способъ ихъ передачи долженъ быть опредѣленъ русскими и японскими комиссіями (ст. 6); чтобы почтить мужественную защиту Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ позволяется сохранить холодное оружіе и взять съ собою предметы ихъ частной собственности, необходимые для жизни, при чемъ тѣмъ изъ офицеровъ, добровольцевъ и чиновниковъ, которые подпишутъ письменную присягу не поднимать болѣе оружія или дѣйствовать какимъ-либо образомъ противъ интересовъ Японіи въ теченіе настоящей войны, будетъ разрѣшено вернуться на родину. Каждому офицеру будетъ разрѣшено взять съ собою одного вѣстового, который будетъ освобожденъ отдѣльно по снятіи присяги (ст. 7); вооруженные унтеръ-офицеры, солдаты и матросы русскихъ арміи и флота, равно какъ и добровольцы, отправятся отрядами, подъ командою своихъ офицеровъ, къ мѣсту сбора, указанному японскою арміею, въ своемъ форменномъ одѣяніи, имѣя съ собою переносныя палатки и необходимѣйшіе предметы ихъ частнаго имущества. Подробности этой процедуры будутъ опредѣлены японской комиссіей (ст. 8); для ухода за больными и ранеными, а также для нуждъ военнопленныхъ, санитарный и комиссаріатскій составъ русскихъ арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должны оставаться до тѣхъ поръ, пока это будетъ признано необходимымъ японской арміей, и исполнять свои функціи подъ руководствомъ японскихъ санитарныхъ и комиссаріатскихъ офицеровъ (ст. 9); размѣщеніе гражданскаго населенія, перевозка административныхъ дѣлъ и финансовъ, принадлежащихъ городу, вмѣстѣ съ документами, къ нимъ относящимися, равно какъ и другія дѣла, относящіяся къ исполненію настоящей капитуляціи, будутъ указаны въ дополненіи, имѣющемъ ту же самую обязательную силу, какъ и настоящая капитуляція (ст. 10), и, настоящая капитуляція должна быть подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ дѣйствіе непосредственно послѣ подписанія (ст. 11). Подлинная капитуляція подписана 2 января 1905 года (20 декабря 1904 года) въ Суй-шп-іей полковникомъ Рейсомъ, начальникомъ штаба укрѣпленнаго раіона Квантунской области, капитаномъ Щенсновичемъ, генералъ-маіоромъ Коске Идити и командиромъ Данпро Повакура [1]).

Генер.-маіоръ Ирманъ. Оглашается показаніе появившагося въ судъ свидѣтеля, комендапта Владивостокской крѣпости

[1]) Для приведенія въ исполненіе капитуляціи, тогда и тамъ же было составлено и подписано тѣми же лицами „Дополненіе къ капитуляціи Портъ-Артура, подписанной 2 января 1905 года“, состоящее изъ 12 статей.

ген.-м. Ирмана, данное имъ въ слѣдственной комиссіи генерала Роопа, въ 1906 году.

Генералъ Ирманъ показалъ тогда, что планъ мобилизаціи, по которому ввѣренный ему Забайкальскій стрѣлк. артил. дивизіонъ развертывался въ 4-ю вост.-сиб. стр. арт. бригаду, до него не дошелъ и о немъ онъ узналъ случайно, отъ атамана отдѣла, ген. Путилова. Бригада вступила въ Портъ-Артуръ, имѣя въ батареяхъ и паркѣ полный комплектъ снарядовъ, но уже послѣ боя на Зеленыхъ горахъ въ нихъ начался ощущаться недостатокъ. Послѣ высадки японцевъ, по мнѣнію свидѣтеля, связь съ противникомъ была утрачена ген. Фокомъ, и мы не знали, куда онъ пошелъ: на югъ или на сѣверъ. Ее пытались было возстановить маневромъ 26-го апрѣля, но неудачно. Послѣ боя 3-го мая она была снова потеряна. Свидѣтель подтверждаетъ, что диспозиціи для боя на Цзинь-чжоу отдано ген. Фокомъ не было, все ограничилось словесными указаніями, кому, гдѣ и какъ стать. Онъ подтверждаетъ также, что ген. Надѣинъ 13-го мая послалъ, было, на поддержку 5-му полку 6-пъ и батарею, но въ это время пріѣхалъ ген. Фокъ и отмѣнилъ распоряженіе Надѣина. Очищеніе позиціи свидѣтель объясняетъ тѣмъ, что непріятель силою выбилъ съ нея 5-й полкъ, но неизвѣстно еще, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы была двинута впередъ вся 4-я дивизія. По мнѣнію свидѣтеля, оставлять Тафашинскую позицію также не слѣдовало. Отступленіе съ позиціи на 11-ю версту отъ Артура производилось также безъ диспозиціи. По отходѣ войскъ съ передовыхъ позицій въ крѣпость свидѣтель былъ назначенъ начальникомъ обороны западнаго фронта, на которомъ разыгралась эпическая борьба за обладаніе Высокой горой.

Въ сентябрѣ она осталась за нами, благодаря удачному дѣйствію артиллерійскаго взвода поручика Ясенскаго. Идея высылки его для стрѣльбы по резервамъ штурмующихъ гору японскихъ войскъ пришла въ голову, по словамъ свидѣтеля, одновременно ему, коменданту крѣпости и коменданту Высокой горы, капитану Стемпневскому.

Такъ какъ ген. шт. кап. Романовскій, въ составъ отряда котораго на Голубиной бухтѣ входилъ взводъ Ясенскаго, отказался выслать его „на вѣрную гибель“, то свидѣтель

отдалъ Ясенскому распоряженіе именемъ ген. Смирнова. Генералу Кондратенко не сообщили объ этомъ изъ боязни, что японцы перехватятъ телефонограмму. Дѣйствія Ясенскаго были поддержаны огнемъ по всему фронту и отсрочили паденіе Высокой на два мѣсяца... Дѣятельность коменданта крѣпости на западномъ фронтѣ, по свидѣтельству ген. Ирмана, проявлялась въ распоряженіи резервами, снабженіи войскъ шанцевымъ инструментомъ и боевыми припасами и въ руководствѣ обороной Высокой горы. Дѣятельность ген. Фока—ничѣмъ. Свою замѣтку о свидѣтелѣ, въ которой говорилось, что онъ безразсудно водитъ людей на смерть, ген. Фокъ разослалъ всѣмъ командирамъ полковъ западнаго фронта, что, конечно, было нетактично... Взрывъ форта II и очищеніе его произвели на войска „скверное“ впечатлѣніе... Къ 16-му декабря положеніе западнаго фронта было „довольно прочное“... На военномъ совѣтѣ 16-го декабря свидѣтель высказался въ томъ смыслѣ, что „пусть японцы берутъ крѣпость,—но съ бою... Надо думать о чести“... Послѣ засѣданія ген. Стессель не пригласилъ къ себѣ свидѣтеля ужинать, и такъ какъ это считалось признакомъ немилости, то свидѣтель недоумѣвалъ, чѣмъ заслужилъ таковую:—„кажется, говорилъ хорошо—за продолженіе обороны“. Стесселя въ Артурѣ хорошо знали, и Кондратенко говорилъ свидѣтелю, что его надо беречь, такъ какъ безъ него „все разсыплется, а онъ всѣхъ держитъ и давитъ“. На Смирнова мало обращали вниманія... Къ 19-му декабря на западномъ фронтѣ оставалось защитниковъ тысячи три... Духъ ихъ былъ хорошъ.—„Готовы были еще долго драться“... О посылкѣ парламентера къ ген. Ноги свидѣтель узналъ рано утромъ 20-го декабря, когда получилъ приказаніе прекратить огонь... Приказано было также ничего не уничтожать, но такъ какъ въ то же самое время взрывали суда, то свидѣтель распорядился портить орудія, закапывать снаряды, убивать лошадей, рубить сѣдла и конскую амуницію. Вѣсть о сдачѣ произвела нехорошее впечатлѣніе, но „измѣны“ въ дѣйствіяхъ ген. Стесселя свидѣтель не видитъ. На вопросъ, сдалъ ли бы онъ крѣпость при тѣхъ же условіяхъ, ген. Ирманъ отвѣтилъ: — „Въ рѣзню я не вѣрилъ и крѣпости бы не сдалъ, потому что это во всякомъ случаѣ уни-

женіе славы нашего оружія. Дрался бы въ городѣ за каждый домъ и кончилъ бы защиту Портъ-Артура съ оружіемъ въ рукахъ". Свидѣтель показалъ въ заключеніе, что въ дни капитуляціи ген. Стессель обратился къ нему съ вопросомъ, куда бы спрятать золотыя вазы, чтобы онѣ не достались японцамъ.

— Я посовѣтовалъ бросить ихъ въ море,—говоритъ въ своемъ показаніи Ирманъ.—Стессель на это ничего не сказалъ. Я въ этотъ день былъ у него по службѣ и просилъ отпустить меня пробраться въ Чифу, а оттуда, черезъ Монголію, въ отрядъ ген. Мищенко. Я не хотѣлъ ни домой возвращаться, дабы не давать слово японцамъ не служить противъ нихъ, ни въ плѣнъ идти. Стессель однако меня не отпустилъ. Тогда я предпочелъ идти въ плѣнъ въ надеждѣ бѣжать изъ него... Пытался было это сдѣлать, но побѣгъ не удался....

По поводу этого показанія ген. Фокъ заявляетъ, что оно составлено Ирманомъ еще въ Японіи (?). Отдавая должное личной храбрости свидѣтеля, ген. Фокъ, въ свою очередь, высказываетъ нелестное мнѣніе объ его распорядительности, какъ боевого начальника.

По поводу показанія ген. Ирмана о золотыхъ вазахъ, ген. Стессель объясняетъ, что это были чеканныя серебряныя и золотыя вазы, хранившіяся въ складахъ 12-го полка и распредѣленныя бывшимъ военнымъ министромъ, ген. Куропаткинымъ, по различнымъ офицерскимъ собраніямъ въ Артурѣ. При посредствѣ капитана Посникова и купца Релля, вазы эти были вывезены изъ Артура въ Шанхай и сданы тамъ нашему военному агенту полк. Десино.

На вопросъ предсѣдателя, откуда эти вазы взялись, ген. Стессель отвѣчаетъ, что онѣ были взяты во время пекинскаго похода въ одной богатой китайской фанзѣ...

Об.-егермейст. Балашевъ.

Оглашается показаніе бывшаго уполномоченнаго Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ, оберъ-егермейстера Балашева. Въ немъ содержится мало фактическихъ данныхъ и очень много разсужденій, особенно по адресу ген. Смирнова, котораго онъ обвиняетъ въ бездѣйствіи власти, считая его законнымъ комендантомъ, главнымъ хозяиномъ

крѣпости, облеченнымъ правами командира отдѣльнаго корпуса. Что касается ген. Стесселя, то онъ считаетъ его, во-первыхъ, человѣкомъ, совершенно не отвѣчавшимъ своему назначенію и не обладавшимъ надлежащей подготовкой къ веденію сложнаго дѣла обороны крѣпости, и, во-вторыхъ, человѣкомъ по существу мало самостоятельнымъ, легко поддававшимся вліянію разныхъ лицъ. Между прочимъ, какъ участникъ переговоровъ о капитуляціи въ дер. Шуйшушиъ, оберъ-егерм. Балашевъ удостовѣряетъ, что при выработкѣ условій капитуляціи, нашими уполномоченными—полковникомъ Рейсомъ и капитаномъ 1-го ранга Щепиновичемъ не было проявлено надлежащаго упорства и что переговоры эти произвели на него такое впечатлѣніе, что рѣшено было во что бы то ни стало, на какихъ бы то ни было условіяхъ, непремѣнно въ этотъ же день сдать крѣпость.

По этому поводу ген. Рейсъ объяснилъ, что, вѣроятно, физическій недостатокъ, которымъ страдаетъ Балашевъ (глухота), лишилъ его возможности слышать веденные переговоры.

Ген. Смирновъ, въ свою очередь, объясняетъ заблужденіе свидѣтеля Балашева относительно объема его, Смирнова, правъ, какъ коменданта, тѣмъ, что, уже послѣ капитуляціи, свидѣтель хорошо изучилъ существующее положеніе объ управленіи крѣпостями, но плохо зналъ фактическую обстановку, въ силу которой, онъ, Смирновъ, былъ комендантомъ, въ изъятіе изъ закона, лишеннымъ своихъ правъ командира отдѣльнаго корпуса.

Наконецъ, ген. Стессель обращаетъ вниманіе суда на то мѣсто показанія свидѣтеля, гдѣ послѣдній передаетъ слова, сказанныя ему генераломъ Идитти и полковникомъ Санто, что черезъ 5—6 дней послѣ занятія Орлинаго гнѣзда они собирались учинить такую бомбардировку Артура, „какой мы еще не видали“.

XXX. 15-е января.—Засѣданіе 30-е.

Оглашеніе документовъ: показанія д-ра **Субботина,** полк. **Тыртова,** д-ра **Розанова,** ген.-л. **Надѣина** и д-ра **Рябинина;** инструкція ген. Бѣлаго для дѣйствія крѣп. артиллеріи на сухопут. фронтѣ; журналы совѣта обороны 9-го августа и 28-го сентября 1904 года и рапортъ ген. Фока отъ 17-го августа 1904 года о производствѣ вылазокъ. Объясненія подсудимыхъ.

Засѣданіе открывается оглашеніемъ постановленія суда по ходатайству защиты о дополнительномъ разслѣдованіи вопроса о количествѣ сданныхъ японцамъ орудій и снарядовъ и объ отсрочкѣ окончанія судебнаго слѣдствія до полученія изъ Японіи, черезъ нашего военнаго агента, официальныхъ данныхъ. Считая вопросъ о снарядахъ достаточно разъясненнымъ и всякое дальнѣйшее разслѣдованіе его лишь затягивающимъ дѣло,—верховный военно-уголовный судъ постановилъ въ ходатайствѣ защиты отказать. Вслѣдствіе такого постановленія, защита ген. Стесселя отказывается отъ допроса послѣднихъ четырехъ свидѣтелей.

Затѣмъ судъ приступаетъ къ оглашенію различныхъ документовъ и показаній свидѣтелей, не вызывавшихся въ судебное засѣданіе для личнаго допроса ихъ. Первымъ оглашается показаніе санитарнаго инспектора и крѣпостного врача, д. с. с. Субботина.

Д-ръ Субботинъ.

Показаніе это рисуетъ безотрадную картину въ осажденной крѣпости санитарной и медицинской части. Во главѣ ея стояли три лица: крѣпостной врачъ — д-ръ Субботинъ, корпусный врачъ 3-го сибирскаго корпуса—д-ръ Рябининъ, назначенный Стесселемъ на непредусмотрѣнную положеніемъ о крѣпостяхъ должность завѣдующаго медицинскою частью укрѣпленнаго раіона, и главноуполномоченный Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ, оберъ-егермейстеръ Балашевъ. Между всѣми этими лицами было очень мало согласія, отъ чего часто страдали больные и раненые. Красный Крестъ, и самъ по себѣ, какъ располагавшій наибольшими сред-

ствами и хорошо оборудованный, и по личности своего представителя, занималъ, конечно, привилегированное положеніе, но не всегда оказывался на высотѣ положенія, отказывая военнымъ госпиталямъ то въ перевозочныхъ средствахъ, то—въ перевязочныхъ, то—въ продовольственной помощи. И чѣмъ дальше и глубже шла рознь между старшими въ крѣпости начальниками, тѣмъ сильнѣе разгорались страсти у подчиненныхъ. Дошло до того, что г. Балашевъ позволилъ себѣ въ отношеніи свидѣтеля „поведеніе, не достойное сановника“. Онъ, не стѣсняясь даже присутствіемъ другихъ лицъ, осыпалъ д-ра Субботина непристойными выраженіями и махалъ передъ его лицомъ кулаками. Такая несдержанность главнаго представителя Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ, по выраженію свидѣтеля, „ложилась чернымъ пятномъ“ на дѣятельность почтеннаго учрежденія. Несчастіе—капитуляція крѣпости—не только не умѣрило эти страсти, но дало только новый поводъ къ ихъ проявленію. Вмѣсто уѣхавшаго съ ген. Стесселемъ, въ Россію, д-ра Рябинина, завѣдывающимъ медицинскою частью назначенъ былъ не д-ръ Субботинъ, имѣвшій на это права, какъ крѣпостной врачъ, а д-ръ Кржевецъ. Послѣдній пользовался особымъ расположеніемъ ген. Стесселя. Японцы, однако, не хотѣли признать этого назначенія и не допускали д-ра Кржевца въ засѣданія госпитальной комиссіи. Д-ръ Кржевецъ добивался осуществленія своихъ правъ, г. Балашевъ его въ этомъ поддерживалъ, и, такимъ образомъ, дѣятельность этой комиссіи осложнялась и тормозилась личными счетами русскихъ врачей, что, конечно, не могло не отразиться на положеніи нашихъ раненыхъ и больныхъ. Въ то же время эти распри, и притомъ въ такой моментъ, конечно, еще болѣе унижали честь русскаго имени въ глазахъ японцевъ.

По показанію д-ра Субботина, къ 20-му декабря въ портъ-артурскихъ госпиталяхъ находилось 8,336 человѣкъ, а въ околодкахъ 5,313, всего 13,649 человѣкъ больныхъ и раненыхъ; если прибавить къ этому числу 1,468 человѣкъ, присоединившихся къ больнымъ крѣпости до 29-го декабря (дня отправки плѣнныхъ въ Японію), то будетъ всего больныхъ и раненыхъ 15,117 человѣкъ; оставлено было въ Портъ-Артурѣ

1,468 больныхъ, возвращенныхъ японцами съ позицій и сборныхъ пунктовъ [1]).

---

[1]) По поводу показанія д-ра Субботина об.-егерм. Балашевъ напечаталъ въ № 363 газеты „Слово“, отъ 25-го января с. г., обширное „письмо въ редакцію“, которое мы приводимъ въ извлеченіи наиболѣе существенныхъ частей его.

„Обращаюсь къ посредству вашей уважаемой газеты съ просьбою не отказать мнѣ въ любезности напечатать нижеслѣдующее мое заявленіе въ виду того, что военный судъ не счелъ возможнымъ огласить его, послѣ того какъ судебное слѣдствіе объявлено имъ законченнымъ. Но при этомъ г. предсѣдатель означеннаго суда указалъ мнѣ на печать, какъ на единственный, по его мнѣнію, путь къ осуществленію моего права защиты отъ неправильнаго обвиненія, и мнѣ остается лишь послѣдовать его совѣту.

„Въ засѣданіи 15-го декабря, въ верховномъ уголовномъ судѣ по дѣлу о сдачѣ Портъ-Артура, было оглашено свидѣтельское показаніе бывшаго портъ-артурскаго крѣпостного врача, лекаря Субботина. Въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи г. Субботинъ отзывается отрицательно о дѣятельности Краснаго Креста и его уполномоченнаго въ Артурѣ и, въ оправданіе своего взгляда, приводитъ два случая—будто бы отказа послѣдняго въ присылкѣ перевязочныхъ и перевозочныхъ средствъ для раненыхъ и больныхъ, а затѣмъ онъ повѣствуетъ о томъ, какъ подвергся отъ меня оскорбленіямъ.

„На это я заявляю категорически, что всѣ означенныя обвиненія г. Субботина невѣрны—по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ и въ томъ освѣщеніи, которые онъ имъ придалъ. Во-первыхъ, ни я, и никто изъ спрошенныхъ мною по этому случаю, служившихъ въ Артурѣ въ Красномъ Крестѣ, не помнятъ указанныхъ случаевъ отказа и всѣ могутъ подтвердить, что во все время совмѣстнаго пребыванія нашего въ Портъ-Артурѣ г. Субботинъ намъ объ нихъ не говорилъ и жалобъ не предъявлялъ; между тѣмъ, мы видѣлись съ нимъ въ то время безпрестанно.

„Я, конечно, не позволю себѣ произвести оцѣнку дѣятельности Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ, но полагаю, что судить о ней довольно трудно такому мало компетентному лицу, какимъ представлялся намъ въ Артурѣ лекарь Субботинъ.

„Если бы г. Субботинъ былъ, дѣйствительно, въ курсѣ всего того, что дѣлалъ Красный Крестъ и его служащіе въ трудные дни обороны Портъ-Артура, то, вѣроятно, и онъ, подобно многимъ другимъ, не находилъ бы словъ для выраженія благодарности и похвалы нашему обществу. Во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что никто изъ артурцевъ не присоединится къ отрицательному его отзыву о дѣятельности Краснаго Креста и не подтвердитъ его заявленія суду, будто бы „мои отношенія къ нуждамъ гарнизона во время осады легли чернымъ пятномъ на дѣятельность Краснаго Креста“. Но г. Субботинъ, видимо, находился—да находится и по сіе время подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, выра-

Полковникъ Тыртовъ.

Ярко освѣщаетъ также положеніе дѣлъ въ Артурѣ и личности его главныхъ начальниковъ показаніе другого свидѣтеля, исп. об. военнаго прокурора во врем. воен. судѣ въ Портъ-Артурѣ, полк. Тыртова. Такъ же, какъ и подполк. Вершининъ, свидѣтель, иллюстрируя свое показаніе фак-

---

зившагося, между прочимъ, на судѣ въ описываемыхъ имъ дрязгахъ и ненормальныхъ отношеніяхъ къ поставленнымъ надъ нимъ лицамъ во время пребыванія въ Артурѣ высшаго медицинскаго начальства 3-го сибирскаго корпуса, командиромъ коего состоялъ, какъ извѣстно, генералъ Стессель.

„Но затѣмъ, когда крѣпость пала, роли рѣзко измѣнились, и г. Субботинъ попалъ тогда въ число представителей русской военно-медицинской администраціи въ „японскую больничную комиссію“, гдѣ сумѣлъ какимъ-то способомъ снискать къ себѣ расположеніе побѣдителя. И тутъ—не въ похвалу ему будь сказано онъ сталъ уже вымѣщать, на комъ попало, свою злобу и, въ свою очередь, оттирать назначеннаго генераломъ Стесселемъ исправляющимъ должность инспектора госпиталей доктора медицины Крживецъ и не допускать его въ означенную комиссію. Подобное дѣйствіе было уже само по себѣ неправильно, но оно стало вскорѣ прямо преступнымъ въ виду того, что лекарь Субботинъ, будучи мало свѣдущимъ въ хозяйственныхъ вопросахъ, окончательно пренебрегъ этою частью въ обсужденіи ея комиссіею. Слѣдствіемъ сего было то, что наши люди гибли отъ безобразнаго обхожденія съ ними въ японскихъ больничныхъ трущобахъ, куда ихъ перемѣщали изъ нашихъ госпиталей и больницъ, съ согласія, между прочимъ, и члена японской больничной комиссіи того же Субботина.

„Долгое время протесты и настоянія вышеупомянутаго инспектора госпиталей и меня самого, какъ представителя Краснаго Креста, не помогали, такъ какъ японцы, незнакомые съ нашими административными порядками, требовали, очень естественно, чтобы русскія медицинскія власти сговорились между собою раньше, чѣмъ входить съ ними въ обсужденіе вопросовъ, касающихся нашихъ больныхъ. Между тѣмъ, г. Субботинъ, съ одной стороны, препятствовалъ инспектору госпиталей въ исполненіи имъ своего дѣла, а съ другой—самъ этого дѣла не дѣлалъ; страдали же отъ этого наши больные.

„И вотъ, на этой-то почвѣ возникло мое съ нимъ столкновеніе, о которомъ онъ упомянулъ въ своемъ показаніи передъ судомъ.

„Желая положить конецъ столь преступному и позорному для насъ положенію, я пригласилъ къ себѣ гг. Крживца и Субботина, при чемъ болѣе часа убѣждалъ послѣдняго согласиться на законное ходатайство перваго о допущеніи его въ „санитарную комиссію“. Я просилъ его оставить въ сторонѣ неумѣстное самолюбіе и вспомнить о судьбѣ нашихъ несчастныхъ страдальцевъ; указывалъ на ужасную отвѣтственность, падающую на насъ вслѣдствіе нашихъ постыдныхъ несогласій

тами, называетъ отношеніе ген. Стесселя къ гражданскому населенію Портъ-Артура „презрительнымъ“. Отъ этого презрительнаго отношенія не избавляло гражданъ Артура даже вступленіе ихъ въ ряды дружинъ. Вообще, какъ умѣлъ ген. Стессель объединить дѣло обороны въ своемъ лицѣ,

---

жертвою коихъ становятся неповинные въ нихъ герои защиты. Но ничѣмъ не удалось его тронуть, и онъ остался непоколебимъ въ своемъ мелочномъ и черствомъ эгоизмѣ. Тогда я всталъ и, указавъ ему на дверь, объявилъ, что, въ виду его поведенія, порываю съ нимъ всякія отношенія и впредь съ нимъ незнакомъ. Вотъ и все, что произошло. Свидѣтелемъ этого случая былъ и. д. инспектора госпиталей, докторъ Крживецъ, котораго, какъ выше сказано, я пригласилъ къ себѣ одновременно съ бывшимъ крѣпостнымъ врачомъ Субботинымъ, въ надеждѣ уладить ихъ отношенія и сговориться о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, съ цѣлью упорядочить, наконецъ, вмѣшательство японцевъ въ содержаніе и леченіе нашихъ больныхъ.

„Съ тѣхъ поръ я съ г. Субботинымъ болѣе не говорилъ, тѣмъ болѣе что вскорѣ удалось убѣдить и самихъ японцевъ въ его неправотѣ и устроить, помимо его, все дѣло, согласно моему желанію. Но, однако, я счелъ нужнымъ — для вящаго его назиданія и вразумленія относительно моего взгляда на его поступокъ -написать ему тогда же письмо, въ которомъ высказалъ весьма опредѣленно, что на его совѣсти лежитъ не мало напрасныхъ страданій и смертей среди нашихъ несчастныхъ больныхъ и раненыхъ, и что онъ этимъ навлекъ на насъ лишній разъ позоръ въ глазахъ японцевъ, а самъ—заслужилъ презрѣніе со стороны всѣхъ русскихъ. Черновикъ этого письма моего къ г. Субботину, вѣроятно, найдется у меня, если, паче чаянія, оно вышло у него изъ памяти. Впрочемъ, свое осужденіе бывшему артурскому крѣпостному врачу Субботину—равно какъ и другимъ его товарищамъ по больничной комиссіи—я выразилъ впослѣдствіи еще въ своемъ отчетѣ о дѣятельности Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ.

„Въ виду вышеизложеннаго я счелъ долгомъ протестовать передъ верховнымъ воен.-уголовн. судомъ противъ несправедливыхъ обвиненій, взведенныхъ на Красный Крестъ и на меня лично бывшимъ портъ-артурскимъ крѣпостнымъ врачомъ, лекаремъ Субботинымъ, и просить настоящее мое заявленіе приложить къ дѣлу и огласить наравнѣ съ показаніемъ моего противника, въ видахъ осуществленія моего права защиты и удовлетворенія чувства справедливости, нарушеннаго оглашеніемъ на судѣ односторонняго обвиненія одного свидѣтеля другимъ въ отсутствіи перваго. Но, какъ выше сказано, судъ встрѣтилъ къ исполненію моей просьбы формальное препятствіе, вслѣдствіе чего мнѣ остается лишь обратиться къ печати„.

Бывшій главноуполномоченный россійскаго общества Краснаго Креста на Квантунѣ П. Балашевъ.

свидѣтельствуетъ его собственное признаніе, очень характерное. Онъ говорилъ, что ему очень трудно оборонять Артуръ, такъ какъ приходится воевать на пять фронтовъ: съ японцами, съ комендантомъ, съ начальникомъ эскадры, командиромъ порта и гражданскимъ комиссаромъ. Въ созданіи такой невозможной обстановки для своей дѣятельности свидѣтель винитъ самого ген. Стесселя, какъ человѣка грубаго, безтактнаго и невѣжественнаго въ военномъ дѣлѣ. На нижнихъ чиновъ ген. Стессель производилъ впечатлѣніе своей фигурой и голосомъ. Что касается офицеровъ, то многіе изъ нихъ, знакомые съ ген. Стесселемъ по китайскому походу, не питали къ нему никакого довѣрія и относились къ нему отрицательно. Свидѣтельствуя о довѣріи, которое внушалъ ген. Смирновъ своимъ солиднымъ военнымъ образованіемъ, полковникъ Тыртовъ особенно подчеркиваетъ тактичность ген. Смирнова по отношенію къ ген. Стесселю. На свидѣтеля, какъ и на многихъ другихъ офицеровъ, хорошо знавшихъ взаимныя отношенія главныхъ начальниковъ, произвела большое впечатлѣніе рѣчь, сказанная генер. Смирновымъ на парадѣ войскамъ, въ честь новаго генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества. Что касается ген. Фока, то его считали настолько страннымъ человѣкомъ, что, по словамъ свидѣтеля, дали ему прозвище „сумасшедшаго муллы“. Въ военные его таланты не вѣрили, а послѣ Цзиньчжоу всѣ стали относиться къ нему отрицательно, какъ къ боевому генералу. На похоронахъ Кондратенко свидѣтель слышалъ выраженія недоумѣнія: почему начальникомъ сухопутной обороны назначенъ ген. Фокъ, а не ген. Горбатовскій, и тогда же стали говорить, что дни крѣпости сочтены. А когда укрѣпленія стали падать одно за другимъ, всѣ говорили, что пошла въ ходъ „фоковская тактика“.

Еще до 16-го декабря, завѣдующій хозяйствомъ 14-го полка, капитанъ Протопоповъ, говорилъ свидѣтелю, что есть вѣрный признакъ, что скоро крѣпости настанетъ конецъ: г-жа Стессель укладываетъ вещи и изъ полка потребованы слесари и плотники. Впослѣдствіи свидѣтель видѣлъ на желѣзнодорожной станціи 70 мѣстъ вещей ген. Стесселя, „запакованныхъ такъ, что могли выдержать не одно кругосвѣтное плаваніе“.

Впечатлѣніе, произведенное на гарнизонъ и на населеніе вѣстью о сдачѣ, по словамъ свидѣтеля, было тяжелое. Всѣ вѣрили, что крѣпость можетъ продержаться до Новаго года, а многіе полагали, что отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ. Впечатлѣніе это выразилось въ безпорядкахъ и пожарахъ, которые прекратились лишь со вступленіемъ въ Артуръ японцевъ. Отношеніе Стесселя къ офицерскимъ и солдатскимъ семьямъ и ихъ имуществу было крайне безучастное. Будучи ктиторомъ церкви штаба крѣпости, свидѣтель просилъ ген. Стесселя помочь ему спасти церковное имущество и просилъ написать по этому поводу письмо ген. Ноги, но ген. Стессель отказалъ въ этомъ. Когда же священникъ церкви, о. Глаголевъ, въ присутствіи свидѣтеля, спросилъ указанія ген. Стесселя, что ему дѣлать, то получилъ въ отвѣтъ: „дѣлайте, что хотите.“ Для жены полковника Тыртова не нашлось мѣста ни въ поѣздѣ, везшемъ ген. Стесселя съ семьей и штабомъ, ни на пароходѣ, везшемъ ихъ въ Россію. Въ первой просьбѣ отказалъ ему самъ генералъ, а во второй— его супруга. Между тѣмъ, квартира г-жи Тыртовой была занята и разграблена японцами, и ее даже туда не впустили. Бѣдная женщина не мало поскиталась и выстрадала, пока случайно не встрѣтилась на сборномъ пунктѣ, на 19-й верстѣ, съ своимъ мужемъ. На сборномъ пунктѣ было, по выраженію полковника Тыртова, больно и стыдно присутствовать, видя, какъ со всѣхъ сторонъ выходили нижніе чины для сдачи и какъ японцы фотографировали ихъ. Никто не зналъ точной цифры ихъ, что объясняется тѣмъ, что отчетности о личномъ составѣ не придавалось должнаго значенія. 23-го числа ген. Смирновъ объѣзжалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ. Полк. Тыртову люди, бывшіе на сборномъ пунктѣ, казались здоровыми и способными еще защищать крѣпость. Извѣстіе объ освобожденіи офицеровъ отъ плѣна также вызвало волненіе среди нижнихъ чиновъ, которые успокоились лишь тогда, когда узнали, что большая часть офицеровъ пойдетъ съ ними въ плѣнъ. Впослѣдствіи японскіе офицеры спрашивали свидѣтеля, почему онъ, какъ юристъ, не былъ въ числѣ уполномоченныхъ по заключенію капитуляціи, тогда какъ среди японцевъ былъ профессоръ международнаго права въ Токійскомъ университетѣ. Немало страницъ показанія Тыртова

посвящено обрисовкѣ непріязненнаго отношенія ген. Стесселя къ печати, въ лицѣ газеты „Новый Край“ и ея военнаго корреспондента, г-на Ножина. Вредное значеніе этой трижды подцензурной газеты въ дни осады полковникъ Тыртовъ категорически отрицаетъ и свидѣтельствуетъ, напротивъ, о большой популярности газеты даже среди нижнихъ чиновъ.

По поводу этого показанія ген. Стессель даетъ объясненіе. Онъ указываетъ на родство полковника Тыртова съ издателемъ „Новаго Края“, полковникомъ Артемьевымъ. Онъ заявляетъ, что газету эту находилъ вредной и адмиралъ Макаровъ. Онъ отрицаетъ признаніе имъ церковнаго имущества военной добычей и утверждаетъ, что въ руки японцевъ не попалъ ни одинъ церковный подсвѣчникъ. Онъ заявляетъ также, что никакихъ ящиковъ капитану Протопопову не приказывалъ дѣлать, и никакихъ 70 мѣстъ вещей съ нимъ не было.

— Не чинамъ судебнаго вѣдомства,—говоритъ онъ въ заключеніе,—не бывшимъ на позиціяхъ, судить о нашихъ дѣйствіяхъ.

Оглашается представленная защитникомъ ген. Стесселя, г. Сыртлановымъ, секретная инструкція ген. Бѣлаго для дѣйствій крѣпостной артиллеріи. Защита придаетъ этому документу огромное значеніе, между тѣмъ, едва ли онъ таковое въ цѣляхъ защиты имѣетъ. Исходя изъ того положенія, что подвозъ въ осажденную крѣпость прекращенъ, что весь запасъ артиллерійскихъ средствъ обороны измѣряется лишь тѣмъ, что имѣется въ данный моментъ на батареяхъ, что время осады—величина неопредѣленная и что, судя по состоянію Портъ-Артура, она не протянется болѣе двухъ мѣсяцевъ, ген. Бѣлый высказываетъ въ инструкціи соображеніе, что расходы снарядовъ, въ общемъ, должны составлять 6—8 выстрѣловъ на орудіе въ день. Онъ предлагаетъ батарейнымъ командирамъ имѣть это въ виду, вести снарядамъ точный учетъ, но руководиться имъ только въ случаяхъ обыкновенной нужды. Въ дни же штурмовъ на крѣпость онъ требуетъ отъ артиллеріи самаго усиленнаго огня и разрѣшаетъ для отпора непріятеля не стѣсняться указанными рамками.

Инструкція эта не имѣетъ ни даты, ни № приказа, которымъ она объявлена къ руководству. Такимъ образомъ,

время ея составленія остается неизвѣстнымъ, и прокуроръ не безъ основанія полагаетъ, что она была составлена еще до войны.

Оглашается показаніе бывшаго старшаго врача Маріинской больницы Краснаго Креста въ Портъ-Артурѣ, д-ра Розанова, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Самъ Розановъ, вызывавшійся въ судъ изъ Харбина, къ личному допросу не явился. **Д-ръ Розановъ.**

Въ своемъ показаніи онъ говоритъ, что въ началѣ осады больныхъ почти не было. „Было много солнца, воздуха и былъ приказъ быть здоровыми... Въ мирное время мы считали бы такихъ людей больными, поясняетъ онъ, но въ военное — надо было считать ихъ здоровыми и по крайней мѣрѣ, лечить ихъ амбулаторно...“ До августа были только раненые, въ августѣ появились и больные, даже — цынгою; въ сентябрѣ и октябрѣ раненые уже умирали отъ истощенія, а въ концѣ осады въ крѣпости не было уже ни одного здороваго человѣка... Были даже единичные случаи тифа.... Процентъ смертности отъ цынги былъ — 30; изъ числа раненыхъ излечивалось отъ 7 до 12%. Врачи считали своею обязанностью дѣлать операціи всѣмъ раненымъ, казалось бы, даже самымъ безнадежнымъ въ надеждѣ на счастье—и она иногда оправдывалась. Чудомъ выжили подпоручикъ Садыковъ и капитанъ Миньe.

Нижніе чины въ госпиталяхъ безусловно не залеживались. Среди офицеровъ попадались единичные случаи. Залеживаться и нельзя было. Стессель часто посѣщалъ больницу и приказывалъ не задерживать легко раненыхъ. Послѣ его посѣщенія на позиціи сейчасъ же уходило 50—100 человѣкъ... Смирновъ былъ въ больницѣ одинъ разъ; Кондратенко—два раза, Фокъ—одинъ, а Надѣинъ самъ долго лежалъ въ больницѣ. Въ періодъ отъ 16-го до 19-го декабря видъ войскъ представлялъ тяжелую картину. Изъ оконъ больницы видно было, какъ на позицію шли резервы, человѣкъ 50—70; люди плелись, опираясь на палки, и поддерживая другъ друга... Послѣ смерти Кондратенко чувствовался сильный упадокъ духа. Выражалось это не въ какихъ-либо отрицательныхъ явленіяхъ, а въ тупомъ равнодушіи людей. Въ послѣднее время цынга развилась и среди офицеровъ. Главной при-

чиной голодовки было не отсутствіе запасовъ, а невозможность подчасъ доставить ихъ на позиціи, — было некогда и опасно. Цыфра 23 тысячи человѣкъ, явившихся на сдаточный пунктъ, всѣхъ поразила. Свидѣтель не думаетъ, чтобы она явилась слѣдствіемъ щедрой раздачи нижнихъ чиновъ въ штабы, управленія, госпитали и въ вѣстовые къ офицерамъ. Вѣстовыхъ было мало. Офицеры, даже генеральнаго штаба, дѣлали себѣ все сами...

— *Тамъ* намъ казалось,—говоритъ свидѣтель,—что крѣпость могла еще продержаться недѣли три. Солдаты и мы всѣ плакали при вѣсти о сдачѣ крѣпости. Съ Артуромъ всѣ сжились...

Прощался ли Стесселъ съ войсками, свидѣтель не знаетъ, но знаетъ, что Балашевъ получилъ отъ него записку о томъ, что онъ не можетъ, не въ состояніи, посѣтить госпитали и проститься. Фокъ былъ странный человѣкъ. Онъ искалъ популярности и въ началѣ, кажется, ее имѣлъ, но потомъ къ нему стали относиться равнодушно. Кондратенко былъ душою обороны, но, останься онъ въ живыхъ, крѣпость все таки пала бы. Свидѣтель и его товарищи по работѣ имѣли убѣжденіе, что японцы щадили тѣ госпитали, мѣстоположеніе которыхъ они знали, и обстрѣлъ ими госпиталей былъ дѣломъ случая или невѣдѣнія.

Генер.-лейтен. Надѣинъ. Оглашается показаніе генер.-лейтен. Надѣина, умершаго во время процесса.

Въ началѣ обороны свидѣтель командовалъ 1-ю бригадою въ дивизіи ген. Фока. Онъ хорошо отзывается о качествахъ полковыхъ, баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, офицеровъ, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ своей бригады.— „Хорошіе надежные люди; офицеры — почти наполовину воспитанники военныхъ училищъ; вообще, составъ бригады— очень недурной“...

Послѣ смерти генерала Кондратенко, свидѣтель принялъ въ командованіе его 7-ю вост.-спб. стр. дивизію. Духъ войскъ 18-го декабря онъ называетъ „твердымъ“. Войска приняли извѣстіе о сдачѣ крѣпости стойко, безъ протеста, но съ сожалѣніемъ. Единоличное рѣшеніе ген. Стесселя сдать крѣпость, вопреки рѣшенія военнаго совѣта 16-го декабря, свидѣтель объясняетъ вліяніемъ полковника Рейса;

ген. Фока онъ считаетъ для этого слишкомъ осторожнымъ человѣкомъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась крѣпость 19-го декабря, свидѣтель „все-таки крѣпости бы такъ не сдалъ: собралъ бы 25-й и 27-й полки и далъ бы послѣдній бой“...

Поднимается Стесселъ и говоритъ взволнованнымъ голосомъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти этого свидѣтеля.

— Надѣинъ — нынѣ уже покойникъ. Я зналъ его съ Шипки. Я и всѣ мы знали, что генералъ Надѣинъ вездѣ всегда устраивается прочно. Такъ и на восточномъ фронтѣ, гдѣ онъ былъ недолго начальникомъ обороны этого фронта, онъ устроился тамъ, какъ будто навсегда. Это хорошо подѣйствовало. И всѣ мы знали, что это человѣкъ надежный, твердый...

Оглашается показаніе д-ра Рябинина, вызывавшагося въ судъ для личнаго допроса, но не явившагося по дѣламъ службы. **Д-ръ Рябининъ.**

Свидѣтель прибылъ въ Портъ-Артуръ 10-го апрѣля 1904 г. на должность корпуснаго врача 3-го спб. арм. корпуса и остался здѣсь при командирѣ корпуса, ген. Стесселѣ, хотя корпусъ былъ уже въ Маньчжуріи, на Ялу. 6-го апрѣля онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ медицинскою частью Квантунскаго укрѣплен. раіона, а 26-го ноября, послѣ смерти ген. Церпицкаго [1]),—и инспекторомъ госпиталей. Прямымъ своимъ начальникомъ онъ считалъ ген. Стесселя, а къ коменданту обращался не по службѣ, а по собственной инпціативѣ. Къ ген. Церпицкому, бывшему инспекторомъ госпиталей, отношенія его опредѣлялись тѣмъ, что онъ, свидѣтель, завѣдывалъ медицинскою частью, въ смыслѣ распредѣленія больныхъ и раненыхъ и распоряженія медицинскимъ персоналомъ, а ген. Церпицкій вѣдалъ хозяйственной частью. Вообще же точно опредѣленнаго круга обязанностей у него не было.

До войны въ Артурѣ были: 5-й запасный госпиталь (для венериковъ), Сводный госпиталь, Городская больница и Община Краснаго Креста, только что устраивавшаяся. Въ

---

[1]) Умеръ отъ раны, полученной при оборонѣ Высокой горы.

мартѣ были открыты 5-й и 8-й запасные госпитали на 400 и 200 мѣстъ; потомъ 7-й, 10 и 11-й запасные, — послѣдній на 1,200 чел., и 5-й и 6-й подвижные госпитали при 4-й дивизіи. Всѣ они могли вмѣщать 5 — 6 тысячъ человѣкъ. Это не удовлетворяло всей потребности. Кредита на оборудованіе госпиталей не открывалось, суммъ у свидѣтеля также никакихъ не было. Наличныхъ запасовъ едва-едва хватило до августа, а потомъ — во всемъ уже чувствовался недостатокъ; особенно—въ ноябрѣ—въ перевязочныхъ средствахъ. Расчетъ запасовъ былъ составленъ на 3 тысячи раненыхъ, — и никто не предполагалъ, что осада такъ затянется и будетъ такъ кровопролитна. Вопросы эти даже и не обсуждались. Аптечныхъ припасовъ хватило до сентября; для борьбы съ эпидеміями средствъ было заготовлено немного. Мало было лимонной кислоты и очень немного кислой капусты, а между тѣмъ, уже съ 1-го сентября стали давать конину. Хирургическаго набора—и очень хорошаго—было достаточно, но не было стерилизованнаго матеріала и шприца для инъекцій. Зданія госпиталей были хороши и для предположеннаго въ началѣ числа раненыхъ—просторны; потомъ въ нихъ стало тѣсно. Казармы были грязны; происходило это отъ частой смѣны стоявшихъ въ нихъ частей. Не было одного постояннаго хозяина, стало быть, не было и постоянной заботы о нихъ. Госпитали посѣщали и ген. Смирновъ и ген. Стессель. Послѣдній—чаще. Остальные генералы навѣщали преимущественно офицеровъ. Иногда заѣзжалъ Кондратенко; онъ былъ очень занятъ. Фока свидѣтель не видѣлъ.—„Мы же просили генераловъ посѣщать госпитали чаще, такъ какъ это поднимало духъ больныхъ“. Выздоравливающіе не только не задерживались, но, наоборотъ, выписывались часто ранѣе полнаго выздоровленія. Послѣдніе два мѣсяца врачи вовсе не имѣли возможности осматривать части: онѣ были очень разбросаны, да и на позиціяхъ для этого не было мѣста. Правда, на каждомъ форту, укрѣпленіи и даже въ окопахъ жили врачи, но они не могли помочь дѣлу. О возможно лучшемъ довольствіи войскъ всячески заботились. Горячая пища варилась два раза въ день, но не всѣ и не всегда своевременно могли ею воспользоваться. Хлѣбъ, большею частью, былъ весьма удовле-

творительнаго качества. Ощущался недостатокъ въ хорошей водѣ. Ее не вездѣ можно было достать и не всюду подвезти. На каждаго госпитальнаго отпускалось интендантствомъ 80 коп. въ сутки. Муку отпускали въ изобилiи, особенно въ ноябрѣ. Больнымъ и раненымъ давали водку, красное вино, цынготнымъ — пиво съ завода Нюпкса, пока онъ могъ его изготовлять. Это было всего 2—3 недѣли. Потомъ требованiе превысило выработку—и заводъ прекратилъ работы. Пища въ госпиталяхъ была вообще удовлетворительна. Почти ежедневно давали по 1/4 фунта конины каждому, бѣлый хлѣбъ, овощи, китайскую капусту, масло замѣнялось маргариномъ. Красный Крестъ помогалъ, чѣмъ могъ: перевязочными средствами, консервами, вещами, бѣльемъ. Моряки принимали сухопутныхъ въ свои госпитали неохотно, т. к. берегли мѣста для своихъ.

Психическое состоянiе войскъ до середины ноября, пока надѣялись на выручку, было очень повышенное, а потомъ, особенно послѣ паденiя Высокой горы,—духъ сильно упалъ. На 42,000 чел. гарнизона ежедневно заболѣвало отъ 600 до 800 человѣкъ. Съ начала августа, подъ вліянiемъ жаровъ и дурной воды, — появилась дезинтерiя, а въ сентябрѣ — и тифъ. Эти болѣзни предрасположили людей къ цынгѣ. Послѣдняя была слѣдствiемъ тяжелой работы, житья въ темныхъ блиндажахъ и нравственнаго состоянiя (неврастенiи). Въ серединѣ декабря было около 7 тысячъ больныхъ въ госпиталяхъ и около 3—4 тысячъ—при частяхъ войскъ. Развитiю цынги способствовало еще отсутствiе чая. Чай-то былъ, но не было для него горячей воды, потому что на позицiяхъ не было для этого дровъ.

На военные совѣты свидѣтеля не приглашали, а требовали отъ него лишь письменныя свѣдѣнiя. О сдачѣ крѣпости онъ узналъ въ 3 часа ночи на 20-е декабря, отъ начальника штаба раiона. По мнѣнiю свидѣтеля, для продолженiя защиты крѣпости не было уже ни офицеровъ, ни нижнихъ чиновъ.

Затѣмъ оглашается журналъ совѣта обороны 9-го августа 1904 г., заключающiй въ себѣ длинный перечень недостатковъ крѣпостныхъ сооруженiй.

— Здѣсь говорится только о недостаткахъ,—обращается членъ суда, ген. бар. Остенъ-Сакенъ къ ген. Смирнову,—а что же предполагалось сдѣлать для ихъ устраненія?

— Совѣтъ обороны,—отвѣчаетъ ген. Смирновъ,—былъ собранъ по иниціативѣ генерала Стесселя совершенно несвоевременно, въ самый разгаръ штурмовъ на сѣверо-восточный фронтъ. Полк. Рейсъ явился на совѣтъ обороны съ готовою уже запиской, въ которой были указаны недостатки крѣпости, и оспаривать то, что было имъ написано, я не сталъ, а ограничился лишь редакціонными поправками. Журналу совѣта обороны ген. Стессель далъ своеобразное употребленіе: онъ послалъ его командующему арміей и въ Петербургъ и, такимъ образомъ, какъ бы подготовлялъ умы къ сдачѣ крѣпости.

Ген. Стессель разъясняетъ, что совѣтъ обороны былъ собранъ имъ для того, чтобы обсудить вопросъ, какія мѣры необходимо принять для исправленія недостатковъ; такъ, напримѣръ, необходимо было что-нибудь сдѣлать для утолщенія бетона, потому что отъ 6-ти дюйм. снарядовъ онъ уже откалывался. Никакого взгляда на сдачу у него тогда не было.

Ген. Рейсъ заявляетъ, что никакого готоваго перечня недостатковъ крѣпости имъ предварительно не составлялось, но, предвидя обсужденіе этихъ вопросовъ на совѣтѣ обороны, онъ записъ кое-что въ записную книжку. Цѣли созыва этого совѣта свидѣтель точно не помнитъ, но полагаетъ, что цѣлью его было зарегистрировать недостатки крѣпости, чтобы возможно было принять мѣры къ ихъ исправленію.

— Неужели въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ,—спрашиваетъ ген. Стесселя членъ суда, ген. Рузскій,—не встрѣчалось необходимости собрать совѣтъ обороны, чтобы обсудить мѣры для исправленія обнаружившихся уже къ тому времени недостатковъ?

Ген. Стессель на это отвѣчаетъ, что совѣтъ обороны не собирался имъ потому, что предполагалось разрушить планы японцевъ на передовыхъ позиціяхъ.

Ген. Рейсъ добавляетъ, что имъ и въ голову не приходило, что японцы могутъ подвезти къ Артуру такую массу

орудій крупныхъ калибровъ, какъ это оказалось въ дѣйствительности.

— Мы думали, -говорятъ онъ,—что будемъ имѣть дѣло лишь съ 5—6 дюйм. орудіями, а объ 11-тп дюйм. никто и не думалъ.

Изъ дальнѣйшихъ вопросовъ прокурора, обращенныхъ къ ген.-м. Рейсу, оказывается, что журналъ совѣта обороны 9-го августа, дѣйствительно, былъ отправленъ въ Петербургъ, другіе же журналы совѣта обороны въ Петербургъ не представлялись.

Оглашается журналъ совѣта обороны 28-го сентября. Въ немъ, между прочимъ, содержится указаніе на то, что крупныя вылазки производить не слѣдуетъ.

По поводу вылазокъ, а въ частности одной изъ нихъ, организованной генераломъ Смирновымъ подъ начальствомъ подполковника Дюверпуа, даетъ разъясненіе ген. Стессель. —„Большія вылазки,—говоритъ онъ,—мною не запрещались, но я требовалъ, чтобы онѣ происходили подъ руководствомъ полк. Хвостова, хорошо знакомаго съ мѣстностью. Отъ вылазки подъ начальствомъ воинскаго начальника, да еще и съ моряками, конечно, ничего путнаго ожидать было нельзя, потому я ее и запретилъ.

По просьбѣ защиты ген. Смирнова оглашаются нѣкоторые документы, которые должны установить, что ген. Стессель былъ вообще противъ вылазокъ большими силами. Ихъ дополняетъ своими разъясненіями ген. Смирновъ.

— Послѣ неудачнаго выхода нашего флота 28-го іюля,— говоритъ онъ,—необходимо было сбить непріятельскія орудія, которыя обстрѣливали рейдъ; необходимо было дать возможность флоту починиться, почему мною и задумана была большая вылазка подъ начальствомъ подполковника Дюверпуа, доблестнаго офицера и къ тому же отлично знавшаго мѣстность, потому что онъ былъ Квантунскимъ воинскимъ начальникомъ. Рѣшеніе мое было одобрено совѣтомъ обороны, но ген. Стессель два дня продержалъ у себя журналъ совѣта обороны, и вылазка не состоялась.

Ген. Рейсъ добавляетъ къ этому разъясненію, что члены

совѣта обороны согласились на производство этой вылазки лишь при условіи, если рекогносцировка выяснитъ возможность ея производства.

— Я и другіе члены были того мнѣнія, что рекогносцировка докажетъ именно противное.

Въ заключеніе оглашается черновикъ рапорта ген. Фока къ ген. Стесселю отъ 17-го августа за № 1039, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что вылазки деморализуютъ войска, что если ранѣе на вылазку люди просились, то теперь отъ вылазокъ они отказываются.

По поводу этого рапорта, написаннаго и подписаннаго ген. Фокомъ, послѣдній заявляетъ, что не помнитъ, отправилъ ли онъ его по назначенію...

Ген. Стессель говоритъ, что онъ его не получалъ.

Тогда прокуроръ обращаетъ вниманіе суда, что на отпускѣ этого рапорта проставлены число и №. Очевидно, онъ былъ отправленъ.

— Я писалъ, посылалъ въ штабъ, а что дальше дѣлалось, не знаю,—замѣчаетъ Фокъ.

XXXI. 16-е января.—Засѣданіе 31-е.

Окончаніе судебнаго слѣдствія: оглашеніе документовъ: приказы ген. Стесселя о производствѣ вылазокъ; справка ген. Бѣлаго по артил. части къ 20-му декабря 1904 г.; письмо маршала Ноги отъ 3-го августа 1904 г.; Высочайшая телеграмма ген.-адъют. Алексѣеву отъ 22-го мая 1904 г.; всеподданнѣйшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина отъ 12-го ноября 1904 г.; 43 приказа ген. Стесселя; справка о количествѣ оружія, взятаго японцами въ Портъ-Артурѣ; письмо ген. Кондратенко къ ген. Стесселю отъ 18-го сентября 1904 г. и др. Объясненія подсудимыхъ.

Судебное засѣданіе начинается съ слѣдующаго заявленія Стесселя, которое онъ читаетъ по своей записной книжкѣ.

— До сихъ поръ, судъ охотно выслушивалъ все, что говорилось обвиненіемъ и нѣкоторыми свидѣтелями, которые давали оцѣнку мнѣ, хотя по роду своей службы и складу понятій не могли судить о моей дѣятельности и не въ правѣ

были этого дѣлать. Поэтому я прошу прочитать мои приказы, которые являются единственнымъ средствомъ общенія начальника съ войсками. Они касаются всѣхъ отраслей боевой жизни, крѣпостной и административной. Списокъ приказовъ, которые я прошу огласить, при семъ представляю.

— Ваше заявленіе объ одностороннемъ отношеніи суда, о томъ, что онъ охотно выслушивалъ только то, что представлялось обвиненіемъ,—неправильно,—говоритъ предсѣдатель.—Судъ выслушивалъ все съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ то, что представлялось обвиненіемъ, такъ и то, что представлялось защитой [1]).

По ходатайству защиты ген. Смирнова оглашаются приказы ген. Стесселя, отъ 18-го августа, № 552, и 28-го августа, № 590, касающіеся производства вылазокъ. Ген. Смирновъ хочетъ ими доказать, что отрицательное отношеніе начальника укрѣпленнаго раіона къ вылазкамъ парализовало первопачально имѣвшееся у коменданта и совѣта обороны стремленіе къ широкому развитію этого средства активной обороны. Одинъ изъ этихъ приказовъ дѣйствительно очень характеренъ и объясняетъ намъ, почему люди прежде сами просились на вылазки, а потомъ стали отъ нихъ отказываться. Вотъ что онъ гласитъ:

„Въ ночь съ 26-го на 27-е августа, 26-го вост.-сиб. стрѣл. полка поручикъ Ендржіевскій, не доложивъ даже командиру полка, самовольно взялъ половину—100 челов. охотничьей команды и пошелъ производить различные геройскіе поступки, цѣли, разумѣется, никакой не имѣющіе, а показывающіе только, что: 1) есть офицеры, которые жизнь солдата, его командѣ ввѣреннаго, считаютъ ни за что и считаютъ себя въ этомъ неотвѣтственными. Такому господину для совершенно безсмысленнаго предпріятія ничего не значитъ загубить нѣсколько человѣкъ, да потомъ еще доказываетъ, что онъ молодецъ; 2) что въ нѣкоторыхъ частяхъ нѣтъ твердаго порядка; подобное явленіе, какъ уходъ команды изъ бивака безъ вѣдома командира, явленіе очень странное. Предписываю отрѣшить этого офицера отъ должности за то, что самовольно взялъ команду и безцѣльно потерялъ 5 убитыми и 19 ранеными, къ наградамъ его отнюдь ни къ какимъ не представлять, а для несенія службы

[1]) По поводу этого заявленія въ публикѣ стало извѣстно, что еще 3-го января ген. Стессель отправилъ Государю Императору всеподданнѣйшую телеграмму, въ которой указывалось, что въ отношеніи его судъ дѣйствуетъ пристрастно,—и что по этой телеграммѣ предсѣдателемъ суда даны военному министру соотвѣтствующія объясненія.

прикомандировать къ 27-му вост.-сиб. стрѣлк. полку. Командиру 26-го вост.-сиб. стрѣлковаго полка флигель-адъютанту полковнику Семенову ставлю на видъ недостатокъ внутренняго порядка“ [1]).

— Такое отношеніе начальника укрѣпленнаго раіона къ вылазкамъ,—заявляетъ защитникъ ген. Смирнова,—въ связи съ значительнымъ приближеніемъ противника къ укрѣпленіямъ, и побудило совѣтъ обороны 28-го сентября отказаться отъ дальнѣйшихъ вылазокъ, и потому нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія съ ранѣе высказаннымъ взглядомъ совѣта на этотъ способъ обороны.

Генералъ-лейт. Фокъ. — Я не понимаю,—говоритъ ген. Фокъ,—къ чему защита ген. Смирнова выдвинула эти вопросы. Мнѣ кажется, что защитникъ ген. Смирнова хочетъ установить, что я имѣлъ вліяніе на ген. Стесселя. Я не

---

[1]) По поводу этого приказа, поручикъ Ендржіевскій напечаталъ въ № 31-мъ газеты „Русь“, за 1908 г., слѣдующее „письмо въ редакцію“: „Отдавая свой приказъ, генералъ Стессель въ то время, видимо, имѣлъ неточныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Приказъ гласитъ: „Самовольно взявъ съ бивака половину команды въ 100 человѣкъ (какая это команда въ 200 человѣкъ?), пошелъ производить различнаго рода подвиги“.. Охотничья команда 26-го вос.-сиб. полка была сформирована въ окончательномъ видѣ приказомъ по дивизіи ген. Кондратенко еще въ началѣ осады крѣпости, не въ 200 чел., а въ 320; начальникомъ этой команды былъ назначенъ я. Команда до августовскихъ и въ періодъ августовскихъ штурмовъ находилась не на бивакѣ, а безсмѣнно въ окопахъ между Кумирнскимъ и Водопроводнымъ редутами, въ постоянномъ и ближайшемъ соприкосновеніи съ японцами. Мои охотники на вылазку ходили ежедневно, за что неоднократно удостаивались похвалы своего командира, тогда фл.-ад. полковника Семенова. Что же касается послѣдней вылазки, то она была произведена не самовольно, но съ вѣдома нач. боевого участка, подполковника Бутусова и при такихъ условіяхъ, когда не было возможности разсуждать, требуется ли дальнѣйшій докладъ. Въ ночь съ 26-го на 27-е августа, изъ личной развѣдки, мнѣ стало извѣстно, что часть японцевъ покинула люнетъ, находившійся впереди дер. Сюгпцина. Немедля, я съ третью команды перешелъ цѣпи и бросился въ непріятельскій люнетъ. Цѣль была: выбить японцевъ изъ люнета, закопать его и тѣмъ, хотя на время, парализовать работы непріятеля въ траншеѣ къ Кумирнскому редуту. Но предупрежденные японцы успѣли къ тому времени подвести резервы, силою не менѣе баталіона. Борьба была слишкомъ неравна, а потому, подобравъ всѣхъ раненыхъ и убитыхъ, я вернулся въ свои окопы. Подробно донести о вылазкѣ сейчасъ же я не могъ, такъ какъ былъ раненъ въ голову, ногу и грудь, а на слѣдующій день состоялся приказъ генерала Стесселя“.

отвергаю, что мои замѣтки ген. Стессель принималъ во вниманіе, такъ же какъ и ген. Кондратенко; съ ними тѣсно связаны главные моменты всей нашей борьбы; наприм., назначеніе на восточный фронтъ инженера Рашевскаго, а на западный—Дубицкаго, послѣ чего началась правильная оборона крѣпости въ инженерномъ смыслѣ. Къ несчастью, она опоздала на двѣ недѣли. Моя замѣтка о важномъ значеніи Ляотешаня произвела свое дѣйствіе. Занятіе горъ Высокой, Угловой, Дивизіонной и Панлуншаня принадлежитъ также мнѣ. Держаться на передовыхъ позиціяхъ—моя идея и, благодаря ей, удалось привести крѣпость въ такое состояніе, что она могла продержаться до декабря. Но осуществленіе этой идеи принадлежитъ ген. Стесселю, такъ какъ онъ тверже меня. Разъ онъ усвоилъ себѣ что-нибудь, онъ проводитъ это твердо. Я потомъ поколебался, а онъ—нѣтъ—и довелъ дѣло до конца. Отсюда видно, что мои замѣтки принимались во вниманіе какъ ген. Стесселемъ, такъ и ген. Кондратенко. И я не отрицаю этого вліянія, а горжусь этимъ.

— Къ чему все это говорится? —спрашиваетъ подсудимаго предсѣдатель.

— А къ тому, ваше высокопревосходительство,—отвѣчаетъ ген. Фокъ,—что въ томъ вліяніи, которое я оказывалъ на ген. Стесселя своими тактическими взглядами, нѣтъ ничего общаго съ вліяніемъ на него относительно сдачи крѣпости. Я не могъ вліять на своего начальника, чтобы онъ сдалъ крѣпость; для этого нужно быть нечестнымъ человѣкомъ,—вѣдь онъ за это отвѣчалъ, а я, который ему бы это подсказывалъ,—нѣтъ.

— Тутъ, дѣйствительно, нѣтъ никакой связи между вопросами—почему не производились вылазки и почему произошла сдача крѣпости, — замѣчаетъ защитникъ ген. Смирнова, кап. 2-го ранга фонъ-Шульцъ.—Но я вовсе и не хотѣлъ ставить въ связь сдачу съ вопросомъ о вліяніи ген. Фока.

Предсѣдатель прекращаетъ эти объясненія, а прокуроръ заявляетъ, что по вопросу о вылазкахъ никто ни въ чемъ не обвиняется.

Затѣмъ оглашается рядъ документовъ: 1) рапортъ инж.-полк. Дубицкаго, отъ 27-го ноября 1904 г. № 111—объ осмотрѣ имъ позицій; 2) телефонограмма полк. Ирмана ген.-лейт. Фоку отъ, 10½ часовъ вечера 4 декабря; 3) донесеніе командира 9-й роты 15-го вост.-сиб. стр. полка отъ 1 час. 5 мин. ночи 18-го декабря, и 4) донесенія о снабженіи крѣпости припасами отъ 6-го, 8-го и 19-го августа.

Защита ген. Стесселя ходатайствуетъ о прочтеніи нѣкоторыхъ документовъ, въ которыхъ выражаются взгляды и мнѣнія нѣкоторыхъ высшихъ начальниковъ о значеніи Портъ-Артура. По словамъ защиты, эти мнѣнія могутъ восполнить отсутствіе Высочайше утвержденной инструкціи для крѣпости. Защитникъ ген. Смирнова заявляетъ тогда, что если судъ удовлетворитъ это ходатайство, то онъ проситъ огласить протоколъ показанія, даннаго при предварительномъ слѣдствіи, ген.-лейт. Волкова, состоявшаго до войны помощникомъ намѣстника и разрабатывавшаго мобилизаціонный планъ для крѣпости. Прокуроръ высказывается противъ оглашенія всѣхъ этихъ документовъ—и судъ отклоняетъ оба эти ходатайства защиты.

———

Оглашается нѣсколько телефонограммъ отъ 20-го декабря и справка по части артиллерійской къ 20-му декабря 1904 г., составленная ген. Бѣлымъ 28-го декабря того же года.

По справкѣ этой оказывается:

1) Орудій:

	Состояло въ началѣ.	Подбито.
6-ти дюймовыхъ	68	48
42-хъ линейныхъ.	24	16
6-ти дюйм. мортиръ	27	11
6-ти дюйм. пушекъ Канэ.	38	14
11-ти дюйм. мортиръ.	10	3
9-ти дюйм. „	32	13
57-мм. берег. пушекъ	28	11
57-мм. капонирныхъ	12	4
3-хъ лин. пулеметовъ.	58	38

75-мм. морскихъ	40	20
47-мм. „	55	16
37-мм. „	84	16

2) Снарядовъ:

10-ти дюйм. пушекъ. . . . . 130 на всѣ орудія.
9-ти „ „ . . . . . 270 „ „ „
6-ти „ крѣп. бомбъ. . . . 450; шрапнелей 1400.
42-хъ лин. бомбъ . . . . . 270; „ 970.
6-ти дюйм. пушекъ Канэ . . . 900; „ 1400.
Легкихъ: гранатъ . . . . . 1400 „ 3900.
Картечей 400
11-ти дюйм. мортир. бомбъ . . 130 (только японскія).
9-ти „ „ „ . . 230
6-ти дюйм. пол. мортир. бомбъ 300
57-мм. берег. пушекъ, гранатъ 4000, шрапнелей 4000, картечей 500.
57-мм. капонир. картечей . . . 2000
75-мм. мор. пушекъ по . . . . . 200 гранатъ на орудіе
37-мм. и 47-мм.—большой запасъ только бронебойныхъ гранатъ.

Матеріальная часть артиллеріи—пушекъ и снарядовъ—изображена въ этой справкѣ въ чрезвычайно печальномъ состояніи.

Оглашается письмо маршала Ноги отъ 3-го (16-го) августа 1904 года къ ген. Стесселю съ предложеніемъ сдать крѣпость.

Письмо слѣдующаго содержанія:

„Господину высшему начальнику портъ-артурской россійской арміи.

„Господину высшему начальнику портъ-артурскаго россійскаго флота.

„Имѣемъ честь почтительно представить нижеслѣдующее: блестящая оборона Портъ-Артура заслуживаетъ похвалы всего міра. Однако, будучи крѣпостью, находящеюся въ изолированномъ положеніи, окруженною съ суши и съ моря превосходными силами и, кромѣ того, теряющею надежду получить своевременно выручку, она въ концѣ-концовъ не можетъ не пасть, какъ бы ни были талантливы и преданы своему дѣлу начальствующія въ ней лица, какъ бы ни были доблестны ея солдаты. Наша же армія окончила приготовленія къ общему штурму, недалеко то время, когда она начнетъ рѣшительныя дѣйствія. Когда же это случится, судьба Портъ-Артура будетъ рѣшена. Въ виду этого мы сообщаемъ вашимъ превосходительствамъ, что если у васъ есть мысль вступить въ перего-

воры, то настоящій моментъ является самымъ подходящимъ. Мы поступаемъ такъ во имя человѣчности, потому что, когда мы приступимъ къ рѣшительному штурму крѣпости, мы лишены будемъ возможности остановиться до полнаго ея паденія, иначе это будетъ противно военнымъ интересамъ нашей арміи. И хотя никогда не можетъ быть закрытъ путь къ сдачѣ безъ условій, но приведеніе въ исполненіе приказа объ остановкѣ военныхъ дѣйствій, развитыхъ на широкомъ фронтѣ, требуетъ времени и не можетъ не обойтись безъ излишнихъ жертвъ людьми и имуществомъ. Въ случаѣ же паденія крѣпости отъ штурма, наша армія будетъ строго соблюдать правила войны между цивилизованными народами. Но ваши превосходительства, какъ военные люди, изволятъ понимать, что существуетъ большая разница между сдачею крѣпости на капитуляцію, между сдачею крѣпости безъ условій и насильственнымъ ея овладѣніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о томъ, что побѣжденныя войска должны осуществить всѣ принадлежащія имъ права и средства, конечно, въ предѣлахъ дозволенныхъ международнымъ правомъ. Итакъ, хотя выборъ дѣйствій—приступить ли къ капитуляціи или нѣтъ—въ полной волѣ вашихъ превосходительствъ, но если вы остановитесь на капитуляціи, то потрудитесь въ промежутокъ времени отъ настоящаго момента дня до первой минуты десятаго часа завтрашняго дня, т. е. семнадцатаго августа 37-го года мейди (1904 г.), отправить парламентера въ первую линію японской арміи, находящуюся сѣвернѣе флотскаго экипажа, по дорогѣ отъ Портъ-Артура къ Цзиньчжоу. По истеченіи же означеннаго срока всякіе переговоры должны быть прекращены, о чемъ мы и считаемъ долгомъ формально васъ увѣдомить. 16-го августа 37-го мейди. Главная квартира портъ-артурской осадной арміи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ командующій осадною портъ-артурскою арміею баронъ *Ноги*.

Командующій флотомъ, блокирующимъ Ліатонскій полуостровъ *Того, Хейхачиро*.

По прочтеніи этого письма, членъ суда, баронъ Остенъ-Сакенъ, обращается къ ген. Стесселю съ слѣдующимъ словомъ:

— А скажите, ваше превосходительство, ген. Стессель, тогда вы не боялись рѣзни?

— Нѣтъ, не боялся,—раздраженнымъ тономъ отвѣчаетъ подсудимый.—Я вообще ничего не боюсь.

— Благодарю васъ, — мягко говоритъ баронъ Остенъ-Сакенъ,—я только это и хотѣлъ знать.

Оглашается телеграмма Государя Императора генералъ-адъютанту Алексѣеву отъ 22-го мая 1904 года:

„Мукденъ. Генералъ-адъютанту Алексѣеву. Участь Портъ-Артура вызываетъ серьезныя опасенія, почему Я признаю безусловно необходимымъ принять самыя рѣшительныя мѣры для отвлеченія отъ него удара японскихъ войскъ. Не указываю ни способа, ни направленія, ни средствъ для осуществленія помощи Портъ-Артуру, такъ какъ это предоставляю власти лица, облеченнаго полномочіями главнокомандующаго, но считаю, что вопросъ о переходѣ манчжурской арміи къ активной дѣятельности является по сложившимся обстоятельствамъ вполнѣ назрѣвшимъ, ибо дальнѣйшее выжиданіе подкрѣпленій можетъ привести къ тому, что къ началу періода дождей мы все будемъ въ выжидательномъ положеніи, и Портъ-Артуръ никакого содѣйствія со стороны арміи не получитъ; передайте генералъ-адъютанту Куропаткину, что отвѣтственность за участь Портъ-Артура Я возлагаю всецѣло на него".

„НИКОЛАЙ".

Оглашена обширная всеподданнѣйшая телеграмма генералъ-адъютанта Куропаткина отъ 12-го ноября 1904 года, въ которой, между прочимъ, говорится, что—

„Для облегченія положенія крѣпости Портъ-Артуръ, продолжается отправка снарядовъ и продовольствія, какъ изъ китайскихъ портовъ, такъ и изъ Владивостока. При усиленной блокадѣ, новыя попытки могутъ тоже не имѣть успѣха. Положеніе крѣпости, дѣйствительно, становится серьезнымъ, вслѣдствіе малаго запаса патроновъ къ скорострѣльнымъ орудіямъ и вѣроятности овладѣнія японцами почти разрушенными фортами № 2 и 3. Но и послѣ овладѣнія японцами этими фортами оборона можетъ продолжаться съ большимъ упорствомъ по отстаиванію промежуточныхъ позицій, между главною оградою или, вѣрнѣе, редюитомъ, и линіею фортовъ, при чемъ на сосѣднихъ фортахъ мы будемъ продолжать держаться. Ружейныхъ патроновъ достаточно. Продовольственныхъ запасовъ въ мукѣ и сухаряхъ, чаѣ и сахарѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, хватитъ еще на пять мѣсяцевъ. Участь Портъ-Артура, какъ и до сихъ поръ, будетъ во многомъ зависѣть отъ степени упорства войскъ... Утомленныхъ стрѣлковъ, вѣроятно, скоро начнутъ смѣнять моряки, подобно тому, какъ то было въ Севастополѣ. Духъ гарнизона до сихъ поръ прекрасный, и начальники войскъ, начиная съ ген.-адъют. Стесселя, проявляютъ истинное геройство. Тѣмъ не менѣе, главная надежда отстоять Портъ-Артуръ заключается въ выручкѣ славнаго гарнизона войсками манчжурской арміи съ суши и дѣйствіями 2-й тихоокеанской эскадры съ моря. Выручка настолько необходима, что важенъ каждый день... Поэтому, въ цѣляхъ болѣе быстрой выручки Портъ-Артура, я предполагаю уже въ первыхъ числахъ декабря, не дожидаясь даже стрѣлковъ, перейти въ наступленіе. Рискъ большой, но оправдываемый положеніемъ Портъ-Артура"...

Оглашаются приказы ген. Стесселя по Квантунскому укрѣп. раіону, долженствующіе служить доказательствомъ его общенія съ войсками и его заботъ по продовольственной и санитарной части [1]). Приказы, относящіеся къ первому періоду войны, свидѣтельствуютъ о большой самонадѣянности ген. Стесселя, незнакомствѣ его съ противникомъ и презрительномъ къ нему отношенію. Приказы второго періода стремятся ослабить впечатлѣніе гарнизона отъ неудачъ и поддержать духъ его надеждой на выручку и превознесеніемъ геройскаго поведенія войскъ. Тѣ же приказы, которые касаются боевыхъ и административныхъ распоряженій ген. Стесселя, вызываютъ объясненія ген. Смирнова, который указываетъ на нецѣлесообразность однихъ и несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью другихъ. Такъ, по поводу приказа о „свинствѣ и грязи“ на улицахъ города и возлѣ „Дальнинской больницы“ ген. Смирновъ заявляетъ, что онъ самъ провѣрялъ приказъ, ѣздилъ по улицамъ, осматривалъ и нашелъ все настолько въ отличномъ состояніи, что счелъ долгомъ объявить за это благодарность въ приказѣ по крѣпости.

— Я докладываю суду, — вскакиваетъ Стессель, — что разъ я писалъ, то была правда. Я самъ видѣлъ грязь, никто не имѣетъ права говорить, что это невѣрно.

По поводу приказа, которымъ начальнику инженеровъ крѣпости, полк. Григоренко, давались указанія относительно глубины ложементовъ передъ фортомъ III и укрѣпленіемъ 3-мъ, а также относительно приказа о томъ, какъ слѣдуетъ батареямъ крѣпостной артиллеріи поступать, когда на какой-либо изъ нихъ сосредоточивается огонь противника, — ген. Смирновъ обращаетъ вниманіе суда на вмѣшательство ген. Стесселя въ его права коменданта путемъ отдачи помимо него приказаній непосредственно подчиненнымъ ему, коменданту, лицамъ и частямъ.

— Я считалъ это всегда своимъ правомъ и буду счи-

---

[1]) №№ 196, 217, 258, 315, 386, 430, 436, 437, 540, 676, 754, 780, 798, 814, 829, 848, 859, 878, 931, 351, 310, 519, 807, 831, 953, 689, 698, 729, 746, 672, 675, 763, 942, 949, 139, 201, 146, 661, 530, 714, 919, 545 и 561.

тать таковымъ и впредь, если придется... — заявляетъ Стесселъ.

По ходатайству защиты ген. Рейса оглашается итогъ перечня войскъ на сухопутномъ фронтѣ обороны крѣпости къ 13-му декабря 1904 года; онъ равенъ: на восточномъ фронтѣ — 5,397 штыкамъ и на западномъ—6,783 штыкамъ; всего стало быть, на всемъ сухопутномъ фронтѣ было — 12,180 штыковъ.

Предсѣдатель суда объявляетъ, что отъ начальника главнаго штаба получено имъ письмо со справкою, добытою нашимъ военнымъ агентомъ въ Японіи, ген. шт. полк. Самойловымъ отъ японскаго военнаго министерства, о количествѣ оружія, взятаго японцами въ Портъ-Артурѣ. Справка эта оглашается. Сдано: орудій годныхъ — 357, негодныхъ— 352; снарядовъ годныхъ — 145, 705 [1]); негодныхъ — 46,948; ружей разныхъ сортовъ: годныхъ—36,800, негодныхъ—21,500; патроновъ: годныхъ—4,640,800; негодныхъ—4,344,800.

Въ заключеніе, оглашается письмо ген. Кондратенко къ ген. Стесселю отъ 18-го сентября 1904 года:

Въ настоящее время, пока Портъ-Артуръ держится, наши неудачи на другихъ театрахъ войны нельзя еще считать особенно унизительными, но если къ этимъ неудачамъ присоединится потеря Портъ-Артура и находящагося здѣсь флота, то въ сущности кампанія безвозвратно проиграна, и нашъ военный неуспѣхъ принимаетъ унизительные для нашего государственнаго достоинства размѣры. Разсчитывать на своевременную выручку Портъ-Артура нашей арміей или флотомъ едва ли возможно. Единственнымъ почетнымъ выходомъ является заключеніе теперь, до паденія Портъ-Артура, мирныхъ условій, которыя несомнѣнно можно до паденія Портъ-Артура установить не унизительными для народнаго самолюбія. Очень вѣроятно, что Государю доносятъ о событіяхъ, освѣщая ихъ нѣсколько въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Истинное, правдивое вѣрноподданническое донесеніе, можетъ быть, устранитъ большую бѣду отъ нашей родины. Посему, какъ высшій представитель

---

[1]) Въ этомъ числѣ 85,000 бронебойныхъ снарядовъ.

здѣсь государственной власти и лицо, облеченное царскимъ довѣріемъ не признаете ли вы возможнымъ шифрованной телеграммой на Высочайшее Имя донести объ истинномъ положеніи дѣла здѣсь на Дальнемъ Востокѣ. Настоящее письмо мое и написано только въ виду постояннаго сердечнаго отношенія вашего ко мнѣ и моей глубокой увѣренности въ необходимости такого шага для блага Россіи".

— Кондратенко самъ привезъ мнѣ это письмо, — заявляетъ по поводу его ген. Стесселъ. — Я сказалъ, что писать Государю не могу: пойдетъ черезъ главнокомандующаго; слова же Кондратенки всегда были той правдой, которую мнѣ пришлось теперь вынести на себѣ.

— Не желаютъ ли стороны чѣмъ-нибудь еще дополнить слѣдствіе? — спрашиваетъ послѣ этихъ словъ предсѣдатель.

Стороны отвѣчаютъ отказомъ.

— Судъ постановилъ, — провозглашаетъ ген. Водаръ, — считать судебное слѣдствіе оконченнымъ и перейти къ заключительнымъ преніямъ.

По ходатайству сторонъ, для подготовки къ преніямъ имъ дается пять дней [1]).

XXXII. 22-е января. — Засѣданіе 32-е.

Заключительныя пренія: рѣчь представителя обвиненія, генералъ-лейт. **Гурскаго.**

— 20-го декабря 1904 года, въ нашу войну съ Японіей, — начинаетъ свою рѣчь прокуроръ, — была сдана врагу наша твердыня на Дальнемъ Востокѣ, крѣпость Портъ-Артуръ. Какою славною, какою геройскою представлялась намъ оборона этой крѣпости! Съ какимъ вниманіемъ слѣдили мы за нею! Съ какою жадностью читали мы правдивыя, какъ намъ тогда казалось, донесенія генерала Стесселя! Картина, создаваемая ими, была ясна и потрясающа, и чѣмъ дальше, тѣмъ виднѣе становилось тяжелое и критическое положеніе гарнизона. И когда пришла роковая вѣсть о сдачѣ Портъ-Ар-

---

[1]) Всѣ рѣчи приводятся нами въ сокращеніи въ виду обширности ихъ.

тура, хотя и больно защемило сердце, но ни съ чьихъ устъ не сорвалось слово упрека по отношенію къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ обороны. Имена Стесселя и другихъ защитниковъ произносились съ благоговѣніемъ. Мы ими гордились. Мы думали, что въ нашу военную исторію вписана новая страница, на которой ярче всѣхъ будетъ сверкать имя Стесселя. Но это было горькое, обидное заблужденіе... Скоро до насъ стали доходить вѣсти ужасныя, позорныя, и намъ пришлось испытать тяжелыя чувства горечи и униженія. Вѣсти эти росли, множились и задолго до сегодняшняго дня, когда я открыто, громко, во всеуслышаніе, по чистой совѣсти и глубокому убѣжденію, основанному на обстоятельствахъ дѣла, могу и долженъ сказать, что крѣпость сдана врагу и сдана въ то время, когда она была еще способна защищаться и притомъ на условіяхъ, позорнѣе которыхъ еще исторія не видѣла,—я говорю: задолго до сегодняшняго дня—изъ вѣнка, сплетеннаго Россіею Стесселю, не осталось ровно ничего! Мы узнали, что передъ самымъ концомъ обороны Артура поднялось тамъ то темное, что таилось гдѣ-то на днѣ человѣческой души, и привело къ столь позорному концу доблестной обороны.

Прокуроръ напоминаетъ о другихъ генералахъ и комендантахъ, которыхъ судьба ставила въ положеніе Стесселя,—о томъ, какъ они выходили съ честью изъ этого положенія: Бореперъ, Массена, Бернье, прапорщ. Щербина, шт.-кап. Лико и Архипъ Осиповъ и, наконецъ, Штоквичъ, герой Баязета; одни изъ нихъ сами кончали съ собой, не будучи въ состояніи пережить сдачу; другіе взрывали крѣпости и пробивались; третьи угрозой врагу драться до послѣдней возможности выговаривали себѣ почетныя условія; четвертые погибали подъ развалинами. Малодушные же коменданты погибали отъ руки своихъ,—вѣрныхъ долгу и чести (Пацевичъ). Прокуроръ особенно долго останавливается на геройской оборонѣ Баязета; онъ говоритъ, что тамъ угроза турокъ перерѣзать гарнизонъ была дѣйствительной, а не фиктивной, и она не можетъ идти въ уровень съ опасеніями Стесселя и Рейса, что японцы перерѣжутъ жителей и раненыхъ, ворвавшись въ Портъ-Артуръ.—„То былъ Штоквичъ, маіоръ гарнизоннаго полка, а здѣсь мы имѣемъ дѣло съ генералъ-маіо-

ромъ генеральнаго штаба, генералъ-лейтенантами и даже генералъ-адъютантомъ Его Величества".

Далѣе прокуроръ напоминаетъ о судьбѣ тѣхъ комендантовъ, которые не исполнили своего долга: въ Лондонѣ былъ повѣшенъ Бингъ за сдачу Минорки, нашему Шепну отрубили голову за сдачу Смоленска, Базену хотя и сохранили жизнь, но казнили его невыразимымъ презрѣніемъ всей націи.

Онъ напоминаетъ далѣе, какъ смотрѣли на комендантовъ и ихъ долгъ Наполеонъ и Петръ Великій. Первый говорилъ, что „есть только одинъ почетный путь сдѣлаться военноплѣннымъ,—это быть взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ, не имѣя возможности употребить его въ дѣло. Дать право слагать оружіе и капитулировать—значило бы разрушить въ корень духъ націи, открыть дверь трусамъ и ослабить національную честь". — „Язвы чести неизлѣчимы"... — „Солдатъ найти можно, но честь невозвратима". Петръ Великій же называетъ коменданта „божьимъ человѣкомъ", т. е. такимъ, жизнь котораго принадлежитъ одному Богу.

Прокуроръ указываетъ на связь дѣянія Стесселя со сдачей эскадры Небогатова, на связь его съ нашимъ пораженіемъ подъ Мукденомъ и со всей смутой послѣдующихъ лѣтъ.

Онъ спрашиваетъ, не былъ ли правъ генералъ Стессель, сдавшій крѣпость во имя гуманности? „Нѣтъ", — говоритъ онъ. — „Солдатъ долженъ умирать, а не разсуждать о гуманности. На войнѣ, какъ бы къ ней ни относиться, приносятся жертвы тысячами жизней во имя будущаго націи и государства. Но будущее—не только въ матеріальныхъ благахъ, а въ сохраненіи нравственныхъ понятій, воспитывающихъ духъ народа въ самопожертвованіи во имя отечества".

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствующаго законодательства и его взглядовъ на коменданта и оборону крѣпости, прокуроръ указываетъ, что дѣйствующій законъ нашъ (положеніе объ управленіи крѣпостями) не знаетъ „сдачи", а лишь паденіе крѣпости, т. е. полное истощеніе средствъ ея обороны.

— Все это ясно, опредѣленно. И ген. Стессель, и его сподвижники не могли этого закона не знать, но они его не

исполнили, они его сознательно нарушили и тѣмъ самымъ не исполнили своей обязанности по долгу присяги. Если бы законъ былъ исполненъ въ точности, то Портъ-Артуръ не сдался бы, онъ могъ пасть подъ грохотъ орудій, подъ стонъ послѣднихъ усилій, могъ пасть достойно великой нашей арміи, но не быть сданъ подъ лепетъ взаимныхъ комплиментовъ, подъ рукопожатія за стаканами вина, какъ это на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто въ д. Шуйшушѣ. И тотъ, кто сдалъ крѣпость, долженъ отвѣтить и, конечно, отвѣтитъ.

— Но, кромѣ сдачи крѣпости, возбужденъ рядъ другихъ менѣе важныхъ обвиненій, предшествовавшихъ сдачѣ, и вотъ, желая быть хронологически послѣдовательнымъ, я и перейду къ изложенію этихъ обвиненій. Раньше, при слѣдствіи, я отказался отъ обвиненія по этимъ пунктамъ, но въ виду того, что они есть въ обвинительномъ актѣ, я по обязанности прокурора поддерживаю по нимъ обвиненіе.

Слѣдуя хронологическому порядку, прокуроръ переходитъ къ обвиненію генерала Фока въ отдачѣ цзинь-чжоуской позиціи, не употребивъ всѣхъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ.

Несмотря на точныя и ясныя директивы, полученныя ген. Фокомъ отъ ген. Стесселя,—удерживать до послѣдней возможности Цзинь-чжоускую позицію, ген. Фокъ не использовалъ всѣхъ находившихся въ его распоряженіи средствъ, въ самый разгаръ боя уѣхалъ въ бухту Инчеицзы и не послалъ подкрѣпленій, хотя къ тому представлялась полная возможность. — „Если судъ признаетъ эти факты, говоритъ прокуроръ, онъ долженъ примѣнить къ генералу Фоку не 251 ст. воинскаго устава о наказ., по которой квалифицирована его виновность Частнымъ присутствіемъ Военнаго Совѣта, а по 3 ч. 104 ст. того же устава, предусматривающей неисполненіе приказаній въ виду непріятеля“.

Говоря далѣе о виновности Стесселя въ томъ, что онъ самовольно остался въ Портъ-Артурѣ, о вмѣшательствѣ его въ права и обязанности коменданта, повлекшемъ за собою обвиненіе ген. Стесселя въ превышеніи власти, прокуроръ предоставляетъ суду разобраться, кто виноватъ въ этихъ треніяхъ, и высказываетъ свой взглядъ, что если виновать

въ нихъ ген. Стессель, то виноватъ и ген. Смирновъ. Оправданія послѣдняго въ томъ, что онъ не посылалъ письменныхъ докладовъ ген. Куропаткину, а ограничивался устными, потому что онъ „старый кадетъ", который не хочетъ выносить сора изъ избы, прокуроръ находитъ неудобными. — „По-кадетски", говоритъ онъ, поступаютъ кадеты, а не генералы".

Относительно сокрытія телеграммы прокуроръ сказалъ, что ген. Рейсомъ въ данномъ случаѣ былъ допущенъ служебный подлогъ. Кап. Головань далъ на судѣ показаніе, что ген. Рейсъ отъ имени ген. Стесселя объявилъ считать телеграмму на имя ген. Смирнова неполученной. — „Для меня лично и для суда важно было бы знать, получена ли ген. Стесселемъ эта телеграмма объ отозваніи или нѣтъ; могло вѣдь быть и другое: полк. Рейсъ могъ не пойти къ ген. Стесселю и взять на себя смѣлость не доложить даже ему объ этой телеграммѣ; я этого не утверждаю, это лишь мое предположеніе,—ясно только, что ген. Рейсъ зналъ объ этой телеграммѣ и приказалъ подчиненному ему офицеру ее скрыть". — Прокуроръ говоритъ, что онъ поддерживаетъ обвиненіе по этому пункту не по 255 ст., а по 141 и 145 ст. воинск. уст. о наказ.

Переходя къ обвиненію ген. Стесселя во вмѣшательствѣ его въ права коменданта крѣпости, прокуроръ считаетъ толкованіе ген. Стесселемъ приказа намѣстника, разграничившаго права его и коменданта,—въ смыслѣ подтвержденія правъ его, ген. Стесселя, на все, что предоставлено младшему, — неправильнымъ: — „Такое толкованіе отнимаетъ у подчиненныхъ инициативу, убиваетъ въ нихъ энергію и чувство отвѣтственности".

Обвиненіе это поддерживается имъ по тѣмъ же 141 и 145 статьямъ.

Далѣе прокуроръ переходитъ къ разсмотрѣнію обвиненія ген. Стесселя въ бездѣйствіи власти относительно увеличенія средствъ питанія гарнизона, выразившемся въ томъ, что онъ не пополнилъ запасовъ вещей, поздно началъ реквизицію лошадей и не увеличилъ дачу конины.

Признавая, что большая часть „замѣтокъ" ген. Фока имѣла цѣлью выставить самого себя болѣе свѣдущимъ и способ-

нымъ и унизить другихъ генераловъ—участниковъ обороны, прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе ген. Стесселя въ томъ, что онъ не принялъ мѣръ къ прекращенію изданія этихъ замѣтокъ, относя и это къ бездѣйствію власти начальника укрѣпленнаго раіона.

Поддерживая и остальныя обвиненія генераловъ Стесселя и Фока по выводамъ обвинительнаго акта, прокуроръ измѣняетъ квалификацію обвиненія ген. Фока въ томъ, что онъ сдалъ фортъ № II безъ вѣдома коменданта—„Это, говоритъ онъ, не превышеніе власти, потому что разрѣшеніе сдать этотъ фортъ далъ ему ген. Стессель, а неисполненіе приказанія коменданта упорно отстаивать форты“.

Всѣ событія, начиная съ совѣта обороны 25-го ноября, прокуроръ объединяетъ умысломъ трехъ лицъ,—генераловъ Стесселя, Фока и Рейса—сдать крѣпость. Онъ видитъ проявленіе его въ назначеніи ген. Фока начальникомъ сухопутной обороны 3-го декабря, въ сдачѣ форта II 5-го декабря, на военномъ совѣтѣ 16-го декабря, въ отправкѣ Государю телеграммы, что крѣпость продержится нѣсколько дней и что снарядовъ нѣтъ, 16-го декабря, въ приготовленіи знаменъ къ отправкѣ въ Чифу 17-го декабря, въ очищеніи Китайской стѣнки 18-го декабря, въ заблаговременномъ написаніи письма маршалу Ноги, въ очищеніи 19-го декабря, уже послѣ отправки парламентера, батареи Б и другихъ укрѣпленій, въ посылкѣ парламентера безъ созыва военнаго совѣта, въ отъѣздѣ уполномоченныхъ къ подписанію капитуляціи изъ квартиры ген. Фока, въ выборѣ уполномоченнымъ ген. Рейса, въ неснабженіи послѣдняго письменной инструкціей относительно пріемлемыхъ условій, наконецъ, въ той поспѣшности, съ которою ген. Рейсъ велъ эти переговоры, и въ той готовности, съ какою онъ подчинился всѣмъ требованіямъ японцевъ, объясняя ихъ тѣмъ, что „тутъ ничего не подѣлаешь; они—побѣдители“.

— Смерть генерала Кондратенко,—говоритъ прокуроръ,—развязала имъ руки, и напрасно защита тревожитъ прахъ героя чтеніемъ его письма къ ген. Стесселю отъ 18-го сентября 1904 г. Въ этомъ письмѣ говорится не о сдачѣ, а о почетномъ выходѣ изъ тяжелаго положенія путемъ заключенія мира до паденія П.-Артура.

Опредѣляя роль ген. Стесселя въ сдачѣ крѣпости, какъ

зачинщика,—Рейса, какъ сообщника,—Фока, какъ пособника, содѣйствіе котораго было необходимо, прокуроръ требуетъ примѣненія ко всѣмъ тремъ 251 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, карающей виновныхъ смертью за сдачу крѣпости.

Правильность своего взгляда на наказуемость въ данномъ случаѣ генераловъ Фока и Рейса прокуроръ подтверждаетъ ссылкою на дѣло о сдачѣ миноносца „Бѣдовый“ 15-го мая 1905 г. японскому миноносцу „Сазанами“. Въ сдачѣ этого миноносца, какъ извѣстно, обвинялись и признаны виновными, кромѣ командира его, кап. 2-го ранга Баранова, также и флагъ-капитанъ, кап. 1-го ранга Клапье-де-Колонгъ и штурманскій полковникъ Филипповскій.

— Намъ, конечно, скажутъ,—замѣчаетъ прокуроръ,—что крѣпость не была вполнѣ оборудована въ инженерномъ отношеніи, не имѣла въ достаточномъ количествѣ орудій, снарядовъ, припасовъ и людей, что все это было извѣстно высшему начальству, что, назначивъ ген. Стесселя начальникомъ укрѣпленнаго раіона, намѣстникъ недостаточно точно и опредѣленно разграничилъ его права и обязанности отъ правъ и обязанностей коменданта, а законъ и вовсе не регламентируетъ эти отношенія; что существовавшія вслѣдствіе этого тренія между ген. Стесселемъ и морскими и гражданскими властями, а также комендантомъ крѣпости, создавали для Стесселя неблагопріятныя условія дѣятельности; что, несмотря, однако, на это, онъ и ген. Фокъ, во главѣ славныхъ войскъ, долго и упорно защищали крѣпость, и она сыграла въ общемъ ходѣ войны громадную роль, оттянувъ на себя треть японской арміи; что ген. Стессель предыдущею своею службою и боевыми отличіями недаромъ заслужилъ оказанное ему довѣріе, а ген. Фокъ еще молодымъ офицеромъ, на Шипкѣ, въ рядахъ славной „желѣзной бригады“, заслужилъ георгіевскій крестъ... Да, все это справедливо, но все это не можетъ оправдать позорной сдачи ими крѣпости? Все это лишь обстоятельства, умѣньшающія вину и наказаніе, признать которыя составляетъ право суда, а не его обязанность. Въ отношеніи же ген. Рейса и такихъ обстоятельствъ нѣтъ: весь его послужной списокъ и все то, что мы знаемъ изъ дѣла, говоритъ лишь о быстрой блестящей его карьерѣ по службѣ; мо-

лодой полковникъ генеральнаго штаба получаетъ въ командованіе славный 27-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, вскорѣ, по личному избранію ген. Стесселя и даже безъ вѣдома коменданта, онъ становится начальникомъ штаба ген. Стесселя, вмѣсто умершаго ген. Разнатовскаго. Находясь на такомъ высокомъ посту, полковникъ, затѣмъ ген. Рейсъ сдѣлалъ себѣ, по словамъ прокурора, быструю карьеру только тѣмъ, что скрылъ телеграмму, т. е. совершилъ подлогъ, произносилъ на совѣтахъ малодушныя рѣчи и подписалъ позорныя условія капитуляціи.

Въ немногихъ словахъ прокуроръ коснулся виновности ген. Смирнова въ томъ, что онъ не принялъ болѣе энергичныхъ мѣръ противъ сдачи крѣпости.

— Если вы признаете, господа судьи,—сказалъ онъ,—что ген. Смирновъ имѣлъ возможность принять мѣры, то вы должны будете примѣнить къ нему ту часть статьи о бездѣйствіи власти, которая предусматриваетъ происшедшія отъ сего важныя послѣдствія; она же караетъ виновнаго отдачей въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

— Заканчивая исполненіе возложенной на меня по закону обязанности,—говоритъ прокуроръ въ заключеніе своей обширной рѣчи,—я въ сознаніи исполненнаго по мѣрѣ силъ и разумѣнія и по совѣсти долга не могу не замѣтить, что настоящее дѣло имѣетъ исключительное значеніе. Своимъ приговоромъ вы скажете всѣмъ, имѣющимъ честь носить военный мундиръ, что позорной сдачею Портъ-Артура обезславлена русская армія, и что изъ-за малодушія немногихъ не забыты геройскіе подвиги тѣхъ, которые пожертвовали жизнью за Царя и родину, отстаивая нашу твердыню. Этими героями гордится родная земля и если не всѣмъ дано быть героями, то всѣ должны быть честными солдатами, готовыми умереть на своемъ посту, если обстоятельства того потребуютъ. Своимъ приговоромъ вы отдѣлите доблестныхъ героевъ славной обороны Портъ-Артура отъ героевъ позорной сдачи. Осуждая эту безславную сдачу Портъ-Артура, вы напомните всѣмъ и каждому полныя гордаго достоинства и силы слова незабвеннаго императора Николая I: „Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, тамъ онъ не спускается“.

XXXIII. 23-е января.—Засѣданіе 33-е.

Заключительныя пренія. Рѣчи защитниковъ ген. Стесселя—присяж. повѣр. **Сыртланова** и подполк. **Вельяминова.**

— Пережитыя нашей родиной боевыя испытанія 1904 — 1905 гг., —говоритъ первый защитникъ ген. Стесселя, членъ Государств. Думы, прис. повѣр. Сыртлановъ,—еще не нашли себѣ безпристрастной оцѣнки, они еще слишкомъ свѣжи въ нашей памяти; еще не выяснены и причины нашихъ неудачъ. Одни винятъ въ нихъ режимъ, другіе — отдѣльныхъ лицъ. Въ минувшую войну Портъ-Артуръ занималъ выдающееся мѣсто. Какъ свѣтлая звѣздочка на темномъ фонѣ неудачъ въ Манчжуріи, онъ приковывалъ къ себѣ наше вниманіе своей геройской защитой. На него обрушился первый ударъ противника, и его же паденіе показало, что кампанія нами проиграна. И тогда чувство досады и обиды мы стали срывать на отдѣльныхъ личностяхъ. Я понимаю соображенія прокурора, что не будь Артура, не было бы Небогатова, не было бы Мукдена; но я скажу еще: не будь Артура—не было бы и самой войны. Нѣтъ, не эти лица, сидящія теперь на скамьѣ подсудимыхъ,—виновники; они лишь сами жертвы, виновники—иныя лица. Виновата вся Россія.

— Мы проглядѣли моральную силу противника, мы проглядѣли его патріотическій пылъ, желѣзную дисциплину, не оцѣнили возбужденіе японскаго народа противъ насъ. Въ то время, какъ у насъ война была не популярна, вся Японія сочувствовала ей. Силу Японіи составляло единеніе арміи съ народомъ. И тѣмъ не менѣе русскіе солдаты показали себя тѣми же беззавѣтными героями, достойными всякой похвалы, и если гдѣ японцы могли оцѣнить ихъ доблесть, то именно въ Артурѣ.

Переходя къ фактической части обвиненій, предъявленныхъ къ Стесселю, защитникъ начинаетъ съ опредѣленія юридическаго положенія Стесселя въ Артурѣ. Оно представляется ему яснымъ. 12-го марта 1904 г. ему было Высочайше ввѣрено руководство оборонои раіона Цзиньчжоу—Артуръ съ подчиненіемъ коменданта послѣдняго. Слѣдовательно, все въ Артурѣ должно было ему подчиняться.

Между тѣмъ, Стессель волей-неволей долженъ былъ вести войну съ комендантомъ, начальниками флота и гражданскимъ комиссаромъ. Они не только не оказывали ему содѣйствія, но всячески мѣшали. И такъ какъ Стессель былъ въ сущности не комендантомъ, а командующимъ арміей на Квантунѣ, то положеніе объ управленіи крѣпостями къ нему относиться не можетъ, и онъ не долженъ былъ бы отвѣчать за сдачу крѣпости, если бы самъ не взялъ на себя этой отвѣтственности.

Касаясь вопроса объ отозваніи Стесселя и комментируя относящіеся сюда документы и статьи закона, защитникъ приходитъ къ выводу, что, оставшись въ Артурѣ, Стессель правъ нравственно и юридически и что ст. 255 къ нему примѣнена быть не можетъ.

Затѣмъ защитникъ переходитъ прямо къ обвиненію въ сдачѣ крѣпости. — „Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе произвела на всякаго вѣсть о сдачѣ,—говоритъ онъ;—войска шли сражаться, а не сдаваться. Но на судѣ надо скорбь забыть, ибо она плохой руководитель въ статьяхъ закона. Законъ нашъ вовсе не считаетъ сдачу крѣпости преступленіемъ „позорнымъ“ и не приравниваетъ ее къ „измѣнѣ“. Преступность сдачи крѣпости зависитъ отъ условій, при которыхъ или во имя которыхъ она сдана. Она будетъ правомѣрной, „если будутъ исчерпаны всѣ средства обороны“. А это именно и случилось въ Артурѣ.

При какихъ же обстоятельствахъ совершена сдача Портъ-Артура? Цитируя мнѣнія по этому поводу многихъ участниковъ обороны, защитникъ приходитъ къ убѣжденію, что „никакой крѣпости Портъ-Артура и не было“. Крѣпость должна быть обезпечена отъ штурма и бомбардировокъ, должна быть въ состояніи оказать продолжительное сопротивленіе блокадѣ. Но ни одному изъ этихъ условій Портъ-Артуръ не удовлетворялъ. Были лишь использованы нѣкоторыя природныя условія. Въ Артурѣ не знали закрытыхъ позицій, и это повело къ быстрому уничтоженію артиллеріи. Сравнительно же грозный видъ Портъ-Артура созданъ исключительно работами гарнизона, и заслуга въ этомъ принадлежитъ всецѣло покойному ген. Кондратенко.

На вопросъ: „что же представлялъ собою Артуръ“? —

защитникъ отвѣчаетъ:—„Портъ-Артуръ былъ полевой укрѣпленной позиціей, оборона которой была обставлена непомѣрно тяжкими условіями“.

Отмѣчая исключительное значеніе дѣла о сдачѣ П.-Артура, защитникъ находитъ, что въ данномъ случаѣ приходится защищать не столько самихъ подсудимыхъ, сколько событія. Защитникъ еще разъ обращаетъ вниманіе судей на то, что „въ основѣ дѣла лежитъ крупное недоразумѣніе: обвиненіе формулировано неправильно: ибо 251 ст. воин. уст. о нак. говоритъ о крѣпости, а П.-Артуръ не былъ крѣпостью, къ моменту же сдачи пересталъ быть и укрѣпленнымъ мѣстомъ. 20-го декабря П.-Артуръ долженъ былъ бы пасть, какъ падаетъ съ дерева перезрѣлый плодъ“. Защитникъ цитируетъ записки японскаго маіора Дзунода, свидѣтельствующія о плачевномъ состояніи крѣпости, о массѣ больныхъ въ гарнизонѣ. „У Стесселя были солдаты, но не было бойцовъ“. И потому,—„не вѣрнѣе ли, по мнѣнію того же Дзунода, — принести ген. Стесселю благодарность во имя гуманности, чѣмъ карать его“.

Въ заключеніе защитникъ выражаетъ увѣренность, что верховный военно-уголовный судъ поступитъ подобно римскому сенату, который послѣ битвы при Каннахъ вышелъ навстрѣчу разбитаго Теренція Варрона и выразилъ ему благодарность за то, что онъ не утратилъ вѣры въ силу римскихъ легіоновъ и въ возможность успѣха.

Послѣ г. Сыртланова слово переходитъ къ другому защитнику ген. Стесселя, подполк. Вельяминову. Онъ началъ свою рѣчь съ характеристики обвинительнаго акта, въ которомъ, по его словамъ, „замѣчаются слѣды сведенія съ ген. Стесселемъ личныхъ счетовъ всѣхъ, кто былъ имъ почему-либо недоволенъ.“

Защитнику всегда казалось страннымъ, что къ такому крупному факту, какъ сдача крѣпости, приплетенъ цѣлый рядъ побочныхъ обвиненій, подчасъ столь мелочныхъ, что, казалось бы, о нихъ не стоило и говорить. И только изъ рѣчи прокурора онъ узналъ, что это сдѣлано по требованію Частнаго присутствія Военнаго Совѣта, и такимъ образомъ

поддержаніе этихъ обвиненій сдѣлалось для прокурора долгомъ службы.

Цѣлью своей защиты подполк. Вельяминовъ ставитъ очистить Стесселя отъ всѣхъ обвиненій. И онъ начинаетъ съ главнаго,—съ обвиненія въ сдачѣ крѣпости. Онъ отвергаетъ обвиненіе прокуроромъ ген. Стесселя, Фока и Рейса въ сговорѣ, какъ недоказанное, основанное лишь на томъ, что такой-то генералъ держалъ въ рукѣ, а затѣмъ спряталъ въ карманъ бумагу, которую никто не читалъ.—„Она написана была чернилами, а на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ бойцы кровью написали вѣрность ген. Стесселя долгу и присягѣ“. Вопросъ о предѣлѣ сопротивленія, поднятый на совѣтѣ обороны 25-го ноября,—вовсе не вопросъ о „сдачѣ“, и очень жаль, что его тогда не обсудили. Прослѣдивъ всѣ послѣдующія событія, защитникъ находитъ, что усматриваемыя въ нихъ обвинителемъ улики—„не болѣе, какъ грязныя сплетни“. Онъ не видитъ въ нихъ и тѣни заговора. Если бы признать наличность такового, то пришлось бы признать и то, что въ теченіе всего декабря оборона Артура была фиктивная... Но судебное слѣдствіе показало, что она таковою не была.

Переходя къ вопросу о численности гарнизона, защитникъ говоритъ:„—Г. прокуроръ трижды высчитывалъ цифры, но я, признаюсь, ихъ не понялъ. По моему расчету, не 38 тыс., а $7^1/_2$ тыс. человѣкъ“. Число больныхъ, раненыхъ и слабосильныхъ ген. Смирновымъ опредѣлено въ 21 тыс. человѣкъ, и защитникъ не имѣетъ основанія уменьшать ее.

„Къ 20-му декабря Артуръ держался только грознымъ именемъ ген. Стесселя“. При такихъ условіяхъ мысль о сдачѣ была естественной. Исторія знаетъ сдачи при такихъ условіяхъ, и не только она, но и современники не осуждаютъ сдавшихся комендантовъ. Въ Пруссіи оправдали Блюхера, сдавшагося въ 1806 г.,—и въ 1815 году, подъ Ватерлоо, онъ съ лихвою заплатилъ за это своей родинѣ. „Приводимый прокуроромъ примѣръ Баязета неудаченъ,—говорилъ подполк. Вельяминовъ.—Тамъ въ сердцѣ каждаго солдата жило слово „выручка“. А тамъ, гдѣ есть выручка, солдатъ будетъ стоять до конца“.

Ген. Стессель никогда не произносилъ словъ: „Портъ-

Артуръ будетъ моей могилой". Слова же его „съ трехъ сторонъ море, съ четвертой—врагъ"—„желѣзной сталью заковывали сердца защитниковъ. Развѣ солдатъ долженъ знать, что думаетъ его военачальникъ?—Солдатъ долженъ умереть". По словамъ защитника, прорывъ изъ крѣпости возможенъ былъ въ августѣ, но никакъ не въ декабрѣ, когда пришлось бы идти черезъ Цзиньчжоу и Ляоянъ.

Защитникъ требуетъ, чтобы слова 251 ст. воин. уст. о пак. „когда исчерпаны всѣ средства обороны", не были толкуемы казуистически. Зачѣмъ же было тогда высчитывать людей, снаряды, продовольственные запасы?—спрашиваетъ онъ. Защитникъ проситъ судей встать въ трудное положеніе ген. Стесселя.—„На судѣ полк. Хвостовъ говорилъ, что въ Портъ-Артурѣ было 2,500 лошадей; на совѣтѣ же обороны 25-го ноября онъ считалъ ихъ 900". Защитникъ касается вопроса о превышеніи власти и говоритъ, что если бы ген. Стессель не принялъ мѣръ, за которыя его теперь обвиняютъ,—его обвинили бы въ бездѣйствіи власти. „Какъ смѣлъ рѣшить вопросъ о рѣзнѣ ген. Стессель,—говоритъ подполк. Вельяминовъ,—когда онъ не смѣлъ арестовать Ножина, смѣстить брандмейстера. Я заявляю, что будь рѣзня въ Артурѣ, я защищалъ бы ген. Стесселя такъ же, какъ и теперь, но по обвиненію въ допущеніи рѣзни. Ген. Стессель хорошо зналъ, что городское населеніе не хочетъ выпить смертную чашу".

Вообще, всѣ случаи превышенія и бездѣйствія власти со стороны ген. Стесселя защитникъ его находитъ нормальными и неизбѣжными въ виду осаднаго положенія крѣпости и сложности дѣла ея обороны.

— „Вамъ здѣсь рисуютъ ген. Стесселя, какъ деспота,—говоритъ подполк. Вельяминовъ далѣе.—А я вамъ скажу,—не было человѣка болѣе безпомощнаго: всюду автономія,—гражданское управленіе, портъ, эскадра, комендантъ"...

Защитникъ указываетъ, что ген. Смирновъ до 18-го декабря не былъ стѣсненъ въ своихъ правахъ и распоряжался резервами.—„Ген. Стессель вовсе не упразднялъ коменданта, а давалъ ему лишь директивы. И я не понимаю, почему ген. Стесселя, а не коменданта судятъ за сдачу". Если ген. Смирновъ находилъ, что сдаваться было нельзя, то никто не мѣшалъ ему съ 3 ч. дня 19-го декабря, когда посланъ

былъ парламентеръ, до 3-хъ часовъ ночи, когда очищена была бат. Б принять противъ сдачи какія угодно мѣры.— „Двѣнадцать часовъ времени въ военное время—это вѣчность". Говорятъ, что Смирновъ и Вирепъ мечтали умереть на развалинахъ Артура. Но кто мечталъ умереть, тотъ и умеръ; живы тѣ, кто не мечталъ объ этомъ. Ген. Стессель, по словамъ защитника, не сдалъ крѣпости, онъ лишь прекратилъ оборону на сухопутномъ фронтѣ своего раіона, ибо есть предѣлъ всему, даже—доблести.

Горячо отрицаетъ защитникъ обвиненіе ген. Стесселя въ подлогахъ, считая это вопросомъ чести: — „Награжденіе ген. Рейса состоялось не 22-го декабря, а 24-го октября 1904 г.",—поправляетъ онъ прокурора.

Далѣе защитникъ указываетъ на слабость укрѣпленій Портъ-Артура и на недостатокъ снарядовъ; признавая, что отчетъ ген. Бѣлаго составленъ безусловно вѣрно въ ариѳметическомъ отношеніи, онъ сомнѣвается, можетъ ли составитель сказать, что цифры отвѣчаютъ дѣйствительности. — Слухъ идетъ отъ праваго до лѣваго фланга, что снарядовъ нѣтъ, а намъ говорятъ: „посмотрите въ отчетѣ". Величину японскихъ цифръ снарядовъ защитникъ объясняетъ присутствіемъ китайскихъ. Большихъ снарядовъ было не болѣе 6—7 тыс.

Упомянувъ о тяжеломъ нравственномъ состояніи гарнизона, о прежнихъ боевыхъ заслугахъ Стесселя, защитникъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Прокуроръ требуетъ Стесселю смертной казни... Ген. Стессель не проситъ ни о снисхожденіи, ни о смягченіи его участи, онъ проситъ только правды, и „если вы, гг. судьи, сможете хотя бы на двѣ минуты перенестись въ ту обстановку, въ которой находился ген. Стессель,—вы вынесете ему оправдательный приговоръ".

XXXIV. 24-е и 30-е января.—Засѣданія 34-е и 35-е.

Заключительныя пренія. Рѣчи защитниковъ подсудимаго ген. Рейса—присяж. повѣренныхъ **Нечаева** и **Квашнина-Самарина.**

Начавшаяся въ засѣданіи 24-го января рѣчь защитника ген.-маіора Рейса—прис. повѣр. Нечаева была прервана вне-

запною болѣзнью предсѣдателя, ген.-отъ-инф. Водара. Засѣданіе суда было отложено до выздоровленія послѣдняго и возобновилось лишь 30-го января, когда прис. пов. Нечаевъ и закончилъ свою обширную рѣчь.

Онъ началъ ее съ признанія, что шелъ въ верховный судъ „съ страннымъ чувствомъ“.

— Когда насъ, россійскихъ обывателей, грабятъ, оскорбляютъ, убиваютъ, мы смѣло идемъ въ судъ, зная, что въ немъ насъ ожидаетъ правда. Но въ настоящемъ дѣлѣ, когда ограбленнымъ и оскорбленнымъ оказался весь народъ въ сознаніи своей безопасности и чести, нами овладѣваетъ смущеніе. Не сомнѣваясь въ высокихъ качествахъ этого чрезвычайнаго трибунала—верховнаго военно-уголовнаго суда, я все-таки полагаю, что для правильнаго разрѣшенія настоящаго дѣла судьи должны обладать сверхчеловѣческимъ безстрастіемъ, которое можетъ быть присуще лишь потомству. Судъ современниковъ всегда ошибоченъ.

Напомнивъ о томъ, что современники Аустерлицкаго сраженія въ нашемъ пораженіи винили генераловъ Пшебышевскаго и Ланжерона, историки же нашихъ дней видятъ, что причины этой катастрофы лежали глубже, защитникъ указываетъ на особенно тяжелую отвѣтственность судей въ данномъ случаѣ, такъ какъ „здѣсь много человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, освободиться отъ котораго трудно“.

Между тѣмъ приговоръ верховнаго суда не подлежитъ никакой кассаціи и будетъ разсматриваться лишь исторіей.

Своей задачей защитникъ ставитъ прежде всего разобраться въ томъ самосознаніи Артура, которое проявилось на военномъ совѣтѣ 16-го декабря.

— Ген. Рейсу ставится въ вину,—говоритъ Нечаевъ,—его свободно и откровенно высказанное мнѣніе. Въ первый разъ мнѣ приходится считаться съ такимъ обвиненіемъ, ибо сказать правду было долгомъ ген. Рейса. Это чувствовалось и обвинительной властью, которая, чтобы квалифицировать его, какъ преступленіе, бросила на это мнѣніе тѣнь: „въ своей рѣчи онъ преувеличивалъ тяжелое положеніе Портъ-Артура“. Что же преступнаго сказалъ ген. Рейсъ на военномъ совѣтѣ? Онъ предложилъ держаться сперва на 1-й линіи, затѣмъ отойти на 2-ю, и только если послѣдней будетъ

угрожать серьезная опасность,—вступить въ переговоры. Это мнѣніе ген. Рейса квалифицировали, какъ предложеніе сдаться. Представитель обвиненія указывалъ, что это предложеніе зародилось еще раньше и выразилось въ томъ вопросѣ, который ген. Рейсъ, по порученію ген. Стесселя, предложилъ на обсужденіе совѣта обороны 25-го ноября,— о предѣлѣ сопротивленія. Этимъ вопросомъ совѣту обороны предложено было взглянуть въ глаза дѣйствительности, но отъ этого тогда отказались, и вопросъ о приведеніи въ соотвѣтствіе периметра крѣпости съ численностью ея гарнизона не былъ тогда разрѣшенъ. И [вотъ тогда, когда отъ обсужденія этого насущнаго вопроса отказались верхи артурскаго гарнизона, Стессель, этотъ простой армейскій плебей, перессорившійся съ аристократіей Артура, на военный совѣтъ пригласилъ „низы“ артурскаго гарнизона, непосредственныхъ защитниковъ Артура, а не тѣхъ, кто бывалъ на фортахъ мѣсяца за два, за три до ихъ паденія.

Классифицируя мнѣнія членовъ совѣта, по отчетливости ихъ сознанія о дѣйствительномъ положеніи Портъ-Артура, защитникъ къ первой группѣ относитъ мнѣнія 5 человѣкъ, въ общемъ согласныхъ съ ген. Рейсомъ: полк. Дмитревскаго, Грязнова и ген. Надѣина, говорившихъ, что 2-я и 3-я линіи не представляютъ серьезной защиты, и полк. Гандурина и ген. Фока, думавшихъ, что надо держаться Китайской стѣнки и считавшихъ все остальное бутафоріей.

Шесть другихъ членовъ совѣта основывали свои соображенія о продолженіи обороны на слабости врага: это капитанъ Головань, полковники Григоренко, Петруша, Мехмандаровъ и Хвостовъ и ген. Горбатовскій (высказавшій, впрочемъ, мысль, что пресловутую 3-ю линію можно удержать всего 3—4 дня); они разсчитывали на то, что послѣ каждаго штурма японцы даютъ намъ отдыхъ.

Но тактика и стратегія, основывающіяся не на подсчетѣ собственныхъ силъ и средствъ борьбы, а на слабости непріятеля,—давно осуждены военной наукой.

Адмиралы Вирѣнъ и Лащинскій присоединились къ мнѣнію Смирнова, но они съ тѣмъ уже шли на совѣтъ. Полк. Семеновъ предлагалъ поставить въ строй цынготныхъ и видѣлъ спасеніе въ пулеметахъ, которые предлагалъ ему

изготовить по своей системѣ какой-то изобрѣтатель; но изъ свидѣтельскихъ показаній суду уже извѣстно, можно ли было разсчитывать на этихъ цынготныхъ, а что касается пулеметовъ, то пробный долженъ былъ быть готовъ лишь черезъ двѣ, три недѣли. Ген. Бѣлый импонировалъ увѣренностью и массой цифръ. Но снаряды были негодные. Онъ говорилъ, что ихъ хватитъ на два штурма, но не сказалъ, хватитъ ли ихъ на отбитіе штурма.

Ген. Смирнова защитникъ характеризуетъ, какъ необычайно абстрактно мыслящій умъ.—„Это цѣнное качество,—говоритъ защитникъ,—но не всегда; всякое практическое дѣйствіе идетъ на компромиссъ, такъ какъ надо считаться съ жизнью, съ другими событіями“. Въ силу этой логичности ума, для приведенія въ соотвѣтствіе периметра крѣпости съ численностью гарнизона, ген. Смирновъ хотѣлъ пожертвовать цѣлою дивизіею на Цзиньчжоу.

Другою характерною чертою ген. Смирнова защитникъ считаетъ необычайную своеобразность взглядовъ его, желаніе быть всегда оригинальнымъ. Напр., всѣ утверждали, что нужно оборонять Цзиньчжоу, а ген. Смирновъ хотѣлъ выдвинуть войска впередъ и противодѣйствовать высадкѣ; всѣ придавали огромное значеніе Большому Орлиному Гнѣзду, а ген. Смирновъ—какой-то Безымянной Горѣ, которая на какую-то десятую долю фута не то выше, не то ниже Орлинаго Гнѣзда. И, наконецъ, у ген. Смирнова замѣчается странная идеологія числа; онъ стремится все свести къ одному знаменателю; и этимъ знаменателемъ были для него цифры интендантской вѣдомости о запасахъ продовольствія.

Разбирая далѣе по существу мнѣніе ген. Смирнова, высказанное имъ на военномъ совѣтѣ 16-го декабря и сводившееся къ тому, что интендантскій листокъ—вотъ предѣлъ сопротивленія, что если не будетъ пуль,—останутся штыки, защитникъ иронически замѣчаетъ, что тутъ обычная логика ген. Смирнова его, повидимому, оставила: — онъ упустилъ изъ виду, что, съѣвъ послѣдній сухарь, человѣкъ можетъ еще голодать нѣкоторое время, а послѣ штыковъ остаются приклады, кулаки, зубы и тому подобныя средства сопротивленія.

Сдѣлавъ общій выводъ изъ мнѣній, высказанныхъ на

военномъ совѣтѣ 16-го декабря, прис. пов. Нечаевъ переходитъ къ разбору взгляда, что крѣпость никогда не должна сдаваться.

— Воспитывайте, удесятеряйте примѣры доблести, приведенные прокуроромъ,—говоритъ онъ,—подавайте личный примѣръ, но не дѣлайте этого на головахъ тѣхъ, кто преданъ суду. У суда свои законы.

Защитникъ указываетъ, что и Наполеонъ считалъ возможной сдачу, когда возникало опасеніе за участь стариковъ, женщинъ и дѣтей.—„Здѣсь же,—говоритъ защитникъ,—опасеніе рѣзни въ Артурѣ называлось сантиментальностью; но не будемте же, господа, Наполеонами больше, чѣмъ самъ Наполеонъ“.

— Въ нашихъ законахъ слова „сдача“ дѣйствительно нѣтъ, а есть „паденіе, но законъ умышленно умалчиваетъ о „сдачѣ“.—Въ 63 ст. пол. объ упр. кр. говорится о „паденіи“; но тутъ же говорится—„комендантъ долженъ выговорить выгодныя условія“; стало быть, подъ „паденіемъ“ здѣсь можно понимать „сдачу“.

Защитникъ считаетъ важнымъ вопросъ, „когда и при какихъ обстоятельствахъ допускается сдача“. Въ „Артикулѣ“ Петра Великаго защитникъ находитъ отвѣтъ:—„когда крѣпость уже по всѣмъ видамъ удержать будетъ невозможно“. Защитникъ считаетъ, что въ новѣйшемъ законодательствѣ сохранился тотъ же принципъ, выраженный лишь въ другой формѣ.

— „Требованіе сдачи лишь въ виду полнаго истощенія всѣхъ силъ,—говоритъ защитникъ,—ведетъ къ отрицанію всякой сдачи. Слѣдовательно, нужно создать критерій:—таковой опредѣленъ Петромъ и другого быть не можетъ“.

Вопросъ, по мнѣнію защитника, въ томъ, сколько еще Портъ-Артуръ могъ продержаться:—„Самъ г. прокуроръ призналъ, что Портъ-Артуръ находился въ агоніи; Кондратенко сказалъ, что агонія началась съ паденія Высокой горы; а съ тѣхъ поръ прошелъ цѣлый мѣсяцъ“!

Оцѣнивая оставшіяся укрѣпленія, защитникъ находитъ, что „дѣло шло о нѣсколькихъ часахъ“.—„Измѣнники же не ждутъ послѣднихъ часовъ, они сдаютъ крѣпость во что бы то ни стало“. На указаніе обвинителя, что Артуръ не могъ

считаться выполнившимъ свою задачу убѣжища флота, защитникъ возражаетъ, что „никому и въ голову не приходило, что Портъ-Артуръ будетъ базой еще для какой-то эскадры; эскадра Рожественскаго была бы также разстрѣляна, какъ портъ-артурская".

— Въ Портъ-Артурѣ были увѣрены, что армія Куропаткина сосредоточилась, а представитель обвиненія говоритъ, что таковая не сосредоточилась, и что еще въ маѣ 1905 г. къ манчжурской арміи подходили корпуса; но это было не сосредоточеніе, а подкрѣпленіе, и съ этимъ естественнымъ фактомъ Портъ-Артуръ считаться не могъ. Артуръ спасалъ армію Куропаткина въ самое критическое время; онъ обезпечилъ ей отступленіе отъ Ляояна, онъ далъ возможность ей перейти въ наступленіе на Шахе; и, конечно, не онъ виноватъ въ пораженіи ея подъ Мукденомъ. Всѣ слышали, какъ Куропаткинъ на судѣ благодарилъ Артуръ за все то, что онъ сдѣлалъ для него. Но воспользоваться этой заслугой Артура Куропаткинъ не сумѣлъ. Обѣщаніе выручить крѣпость не выполнялось. — Каждый день промедленія Куропаткина стоилъ жизни Артуру, но кто повѣритъ, что каждый лишній день обороны Артура могъ спасти Куропаткина? Между тѣмъ, именно отъ дѣйствій свободной арміи зависитъ участь осажденной крѣпости. И потому отвѣтственность, юридическая и историческая, лежитъ не на Портъ-Артурѣ. Но Артуръ въ чемъ-то дѣйствительно провинился.— Онъ провинился противъ *естетики* войны. Онъ виноватъ въ томъ, что не было треска, бенгальскаго огня, эффектнаго конца? Но такой конецъ нуженъ лишь безучастному зрителю. Оглядываясь на нашу военную исторію, мы видимъ, что неэстетиченъ былъ военный совѣтъ въ Филяхъ, рѣшившій вопросъ объ оставленіи Москвы, неэстетично было и очищеніе Севастополя, безъ взрыва на воздухъ Малахова кургана, въ сѣрое, пасмурное утро. И хотя въ Севастополѣ было оставлено при этомъ больше 3000 орудій и больше 400 тысячъ снарядовъ, однако, онъ живъ въ памяти народной.

— Участіе ген. Рейса въ оборонѣ Артура и въ судебномъ дѣлѣ невелико,—продолжаетъ его защитникъ,—а въ обвинительной рѣчи ему отведено несоразмѣрно много мѣста,

но я отдалъ ему свои симпатіи и взялся его защищать — за честность и смѣлость мысли, проявленныя имъ 25-го ноября и 16-го декабря 1904 года. Вѣдь онъ могъ оставаться въ тѣни, дѣйствовать закулисно, но онъ предпочиталъ и говорить, и дѣйствовать открыто.

Останавливаясь на обвиненіи ген. Рейса въ сокрытіи телеграммы, защитникъ говоритъ, что если доказанъ служебный подлогъ, то „нужно выставлять формальное обвиненіе, не ограничиваясь полунамеками".

Но подлогъ этотъ не можетъ быть доказанъ при разногласіи свидѣтелей, не увѣренныхъ даже, кому именно, Стесселю или Смирнову, адресована была телеграмма. Но и въ томъ случаѣ, если эта телеграмма была получена Стесселемъ, то, онъ, по мнѣнію защитника, имѣлъ право представить ген. Куропаткину свои основанія, остаться въ крѣпости и до полученія отвѣта отъ Куропаткина—не передавать содержанія ея Смирнову, такъ какъ послѣдствіемъ этого могла быть гражданская междоусобная война.—„Тутъ нѣтъ преступленія, — говоритъ г. Нечаевъ, — это печальная необходимость".

Переходя къ обвиненію ген. Рейса въ соучастіи въ сдачѣ крѣпости, защитникъ утверждаетъ, что „такового въ этомъ дѣлѣ не было и вся отвѣтственность за сдачу лежитъ на ген. Стесселѣ".—„Но если мы допустимъ, что соучастіе возможно, то ген. Рейса нельзя винить въ составленіи письма къ ген. Ноги, въ веденіи переговоровъ о сдачѣ, въ разговорахъ о тяжеломъ положеніи крѣпости. Все это—исполненіе приказаній ген. Стесселя, а насколько преступны были эти приказанія—мы рѣшаемъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ". Защитникъ приходитъ къ выводу, что юридически никакой отвѣтственности на ген. Рейсѣ не лежитъ. Переговоры велись имъ насколько возможно энергично; были выработаны и представлены японцамъ наши контръ-требованія. Угрожать отчаянной обороной, до послѣдняго человѣка, наши уполномоченные не могли. Массена, осажденный въ Генуѣ, могъ угрожать австрійцамъ, потому что къ нему шла на выручку французская армія, Портъ-Артуръ же потерялъ надежду на помощь.

— Всякая сдача крѣпости, конечно, унизительна для госу-

дарства, ибо свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у него мощи, позволяющей отстоять свое достояніе. Но можетъ ли быть поставленъ вопросъ о почетности условій сдачи? Кельнъ сдался à discretion; несмотря на это, слѣдственная комиссія признала сдачу его цѣлесообразной; Османъ-паша сдался безъ условій, но сдачу его мы не считаемъ позорной, а когда въ 1814 г. на самыхъ почетныхъ условіяхъ сдался Суассонъ—его сдача произвела взрывъ негодованія.—„Такимъ образомъ, въ вопросѣ о требуемыхъ закономъ наиболѣе выгодныхъ, почетныхъ условіяхъ все зависитъ отъ реальнаго соотношенія силъ, и прокуроръ не доказалъ, что возможно было добиться другихъ условій". Да это и трудно, по мнѣнію защитника, доказать, памятуя общее положеніе враждующихъ сторонъ; у японцевъ былъ всюду перевѣсъ надъ нами, и они могли не торопиться со взятіемъ Портъ-Артура. Считая, что приведенными соображеніями исчерпывается по существу роль защиты ген. Рейса, г. Нечаевъ, тѣмъ не менѣе, въ нѣсколькихъ словахъ касается тѣхъ деталей обвиненія, которыя дѣйствуютъ на чувство, напр., обвиненія въ невыработкѣ условій, касавшихся гражданскаго населенія крѣпости. Защитникъ указываетъ, что это уже оговорено международными законами и въ невыполненіи ихъ виноваты японцы, а не ген. Рейсъ. Если же и есть пробѣлы въ условіяхъ капитуляціи, то они, свидѣтельствуя о поспѣшности, съ которой капитуляція вырабатывалась, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что умысла сдать крѣпость ранѣе не возникало, иначе можно было заблаговременно къ этому и подготовиться.

— Оборона и конецъ ея—сдача—нераздѣлимы,—говоритъ въ заключеніе г. Нечаевъ,—и потому осудить подсудимыхъ, значитъ, осудить всю оборону и всѣхъ защитниковъ Артура. Между тѣмъ, еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ, послѣ паденія Севастополя, императоръ Александръ II въ манифестѣ своемъ объ окончаніи Крымской войны призналъ, что „и для героевъ есть невозможное". Эти золотыя слова великодушнаго монарха надо вырѣзать и на памятникахъ, которые впослѣдствіи, конечно, будутъ воздвигать Артуру и его героямъ.

Второй защитникъ ген. Рейса, прис. пов. Квашнинъ-Самаринъ, сказалъ сравнительно немного.

Онъ началъ съ выясненія роли и значенія начальника штаба въ Артурѣ.

— Въ Артурѣ, гдѣ было столько славныхъ, доблестныхъ героевъ, гдѣ геропзмъ сталъ явленіемъ обыденнымъ, боевая дѣятельность начальника штаба незначительна. Онъ не могъ состязаться въ храбрости съ тѣми богатырями, которые залили своею кровью позиціи и укрѣпленія Артура. Мѣсто его дѣйствія—штабъ раіона; его работа—скучная, бумажная, канцелярская, требующая точности и порядка. Во время боевъ онъ сидитъ у телефона, онъ принимаетъ донесенія, передаетъ ихъ своему начальнику, получаетъ приказанія и сообщаетъ ихъ войскамъ. Онъ свѣтитъ не собственнымъ свѣтомъ, а отраженнымъ свѣтомъ своего начальника. Слава начальника падаетъ своими лучами и на него, безславіе начальника отражается и на немъ, а преступленіе начальника приводитъ и его на скамью подсудимыхъ. Кто можетъ дать вѣрную и справедливую оцѣнку дѣятельности ген. Рейса? Только Стессель. Но Стессель на скамьѣ подсудимыхъ—и его голосъ не имѣетъ болѣе для васъ значенія.

— Генералу Рейсу предъявленъ рядъ обвиненій и по его адресу прокуроромъ направленъ рядъ упрековъ за блестящую карьеру. Но развѣ „блестящая“ карьера есть синонимъ „безчестной“ карьеры? Давно ли стали требовать отъ человѣка, носящаго мундиръ русской арміи, особыхъ доказательствъ его честности?

Защитникъ доказываетъ, что ст. 97-я Положенія о крѣпостяхъ обязывала начальника штаба поставить на совѣтѣ обороны 25-го ноября вопросъ о предѣлѣ обороны не въ томъ субъективномъ смыслѣ, что защитники крѣпости пали духомъ, а въ томъ,—объективномъ—что нельзя будетъ остановить вторженія японцевъ въ городъ... На военномъ совѣтѣ 16-го декабря мнѣніе ген. Рейса ничѣмъ не отличалось отъ мнѣній другихъ членовъ совѣта, и нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять его въ особую категорію и обвинять въ нарушеніи долга присяги и правилъ воинской чести.

Чтобы дать правильное освѣщеніе факту сокрытія Рейсомъ телеграммы Куропаткина, по мнѣнію защитника, надо вник-

нуть въ тѣ отношенія, которыя создались къ тому времени между Стесселемъ и Смирновымъ на почвѣ пресловутаго двоевластія.

Отозваніе Стесселя изъ Артура было результатомъ тайнаго доклада ген. Смирновымъ Куропаткину о неспособности, даже трусости Стесселя—и надо было дать послѣднему оправдаться. Пусть Рейсъ поступилъ опрометчиво, приказавъ считать телеграмму Куропаткина временно не полученной. Винить его за это все же трудно. Двоевластіе въ Артурѣ отзывалось тяжело на подчиненныхъ: имъ приходилось лавировать между двумя враждующими начальниками и примыкать или къ Стесселю, или къ Смирнову. Рейсъ былъ начальникомъ штаба у Стесселя и ихъ связывали взаимное довѣріе, взаимныя симпатіи—основа ихъ личныхъ и служебныхъ отношеній.

Указывая далѣе, что законъ говоритъ только о выгодности или невыгодности условій капитуляціи, прис. повѣр. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что едва ли было можно и удобно выпрашивать почести у врага — побѣдителя. Отъ того, что азіатскій народъ не пожелалъ ихъ оказать портъ-артурскому гарнизону, доблесть послѣдняго не потускнѣла.— „Да и рано еще молодой японской арміи, опьяненной недавними успѣхами и похвалами, судить о славѣ арміи Старой Европы“...

— Вы, гг. судьи, держите теперь эту славу въ своихъ рукахъ,—закончилъ свою рѣчь Квашнинъ-Самаринъ. Пусть же ни одно звено изъ этой цѣпи не будетъ вами выброшено, дабы не умалить портъ-артурской славы...

XXXV. 1-е и 2-е февраля.—Засѣданія 36-е и 37-е.

Заключительныя пренія: рѣчь защитника подсудимаго ген.-лейт. Фока,— отст. ген.-лейт. **Домбровскаго.**

Рѣчь этого защитника начинается *pro domo sua*:

— Два съ половиной года назадъ, — говоритъ онъ, — я прочелъ въ газетахъ, что мой старый другъ, мой товарищъ дѣтства, Фокъ преданъ суду по обвиненію въ измѣнѣ.

Я былъ пораженъ. Я зналъ, я понималъ его душу. Я зналъ и понималъ ген. Фока до турецкой войны, въ турецкую войну и послѣ нея, когда его имя стало принадлежать всей Россіи.

Ген. Домбровскій увѣренъ, что причиной обвиненія Фока является или интрига, или ложный доносъ и потому онъ безъ колебанія принялъ на себя защиту стараго друга, увѣренный, что искреннее убѣжденіе замѣнитъ талантъ.

Затѣмъ защитникъ даетъ характеристику ген. Фока. — „Привлеченъ лучшій русскій генералъ, честнѣйшій генералъ русской арміи"! — восклицаетъ генералъ Домбровскій. Ал. Викт. Фокъ — человѣкъ не шаблонный; одни называютъ его эксцентричнымъ, другіе оригиналомъ, третьи чудакомъ, нѣкоторые даже психически больнымъ. Его рѣзкость объясняется его прямолинейностью; но она проявляется лишь тогда, когда ген. Фокъ подозрѣваетъ въ комъ-либо корысть или индифферентизмъ въ исполненіи своего служебнаго долга; внѣ служебныхъ обязанностей ген. Фокъ— человѣкъ чрезвычайной скромности и деликатности. Фокъ, дѣйствительно, эксцентриченъ, но эксцентричны были Суворовъ, гр. Евдокимовъ, Драгомировъ; Фокъ не подражалъ Суворову, а лишь поклонялся ему; стремленіе же къ чудачеству было замѣтно въ ген. Фокѣ съ дѣтства. Внѣ сомнѣнія его храбрость и фанатическая любовь къ военному дѣлу. Съ нимъ нельзя говорить ни о чемъ, кромѣ военной исторіи; онъ даже теперь часто забываетъ и о процессѣ, и о разстрѣляніи, которымъ грозитъ ему прокуроръ. Война — стихія ген. Фока; и немыслимо, чтобы такой человѣкъ могъ хотѣть скорѣе сдать Артуръ! Наконецъ, ген. Фокъ — патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: онъ не говорилъ на торжественныхъ обѣдахъ громкихъ рѣчей, но онъ участвовалъ въ четырехъ кампаніяхъ. И въ „Замѣткахъ" ген. Фока ничего кромѣ патріотизма видѣть нельзя.

Защитникъ заканчиваетъ характеристику ген. Фока указаніемъ на его правдивость и заявляетъ, что ему необходимо реабилитировать нравственную личность ген. Фока передъ общественнымъ мнѣніемъ, введеннымъ въ заблужденіе докладомъ ген. Смирнова, обвинительнымъ актомъ и печатью.

Первый пунктъ обвиненія касается цзиньчжоускаго боя.

Ген. Домбровскій читаетъ рядъ донесеній, телеграммъ и записокъ изъ „полевыхъ книжекъ“, подробно разбираетъ географическое положеніе позиціи и обстановку боя, и приходитъ къ убѣжденію, что обвиненіе, предъявленное ген. Фоку въ томъ, что онъ неупорно оборонялъ позицію, неосновательно. Защитникъ упрекаетъ слѣдственную комиссію ген. Роопа въ томъ, что она не допросила непосредственныхъ бойцовъ, младшихъ офицеровъ, которые были на позиціяхъ; тогда, по мнѣнію защитника, „обвинительный актъ былъ бы другой“.

Въ частности, защитникъ опровергаетъ обвиненіе ген. Фока въ томъ, что онъ не послалъ на цзиньчжоускую позицію резервъ и вернулъ 2 баталіона 14-го полка, посланные въ боевую линію ген. Надѣинымъ. По мнѣнію защитника, обвиненіе основано на показаніи ген. Надѣина, явно спутавшаго факты. Ген. Надѣинъ никакихъ двухъ баталіоновъ на позицію не посылалъ, и Фокъ вернулъ одинъ изъ двухъ баталіоновъ 13-го полка, посланныхъ Надѣинымъ, чтобы помѣшать ожидавшейся высадкѣ японцевъ. Ген. Домбровскій подробно излагаетъ расположеніе частей на цзиньчжоуской позиціи и доказываетъ, что ген. Фокъ принялъ всѣ мѣры къ удержанію ея. И хотя адмиралъ Алексѣевъ предписывалъ сохранить 4-ю дивизію для Портъ-Артура, но Фокъ не давалъ приказа объ отступленіи: 5-й полкъ отступилъ самъ, подъ натискомъ непріятельскихъ силъ.

Второй пунктъ обвинительнаго акта, гласящій о неисполненіи ген. Фокомъ приказа ген. Смирнова относительно высылки резерва во время августовскихъ штурмовъ,—защитникъ считаетъ мелкимъ и послѣ нѣсколькихъ возраженій переходитъ къ слѣдующему пункту,—о „замѣткахъ“ ген. Фока... Онъ отрицаетъ ихъ деморализующее значеніе потому, что „замѣтки“ издавались въ количествѣ 2—3 и не болѣе 5-ти экземпляровъ и разсылались только старшимъ начальникамъ въ крѣпости. Ген. Смирновъ, называющій „замѣтки“ „подпольной литературой“, самъ одобрялъ эту „подпольную литературу“, такъ какъ съ „замѣткой“ отъ 27-го августа онъ вполнѣ согласился. О полезности „замѣтокъ говорили на судѣ многіе свидѣтели. Съ негодованіемъ отвергаетъ защитникъ обвиненіе ген. Фока въ малодушіи.

Затѣмъ ген. Домбровскій переходитъ къ обвиненію ген. Фока въ сдачѣ форта № II, форта № III, очищеніи Китайской стѣнки и батареи Б.

Защитникъ не отрицаетъ моральнаго значенія отъ паденія форта № II, но напоминаетъ о блестящей оборонѣ его. Что же касается очищенія батареи Б, то она была очищена по приказанію ген. Стесселя; если же она, дѣйствительно, имѣла рѣшающее значеніе для обороны въ глазахъ ген. Смирнова, то послѣднему надлежало запросить ген. Горбатовскаго объ очищеніи ея. Удержать ее зависѣло всецѣло отъ коменданта; но дѣло въ томъ, что удерживать-то ее было и невозможно, и безцѣльно. Защитникъ приходитъ къ выводу, что литера Б была сдана не съ измѣнническою цѣлью, иначе поведеніе ген. Смирнова и адмираловъ необъяснимо.

Касаясь обстоятельствъ, при которыхъ ген. Фокъ былъ назначенъ начальникомъ сухопутной обороны, защитникъ полагаетъ, что ген. Стессель руководился въ этомъ случаѣ не личными своими симпатіями, а исключительно интересами обороны, предпочтя ген. Смирнову, не имѣвшему боевого опыта и неизвѣстнаго гарнизону, ген. Фока, котораго солдаты любили и которому они вѣрили. Правда, у ген. Фока было много враговъ. Причина этого—въ интригѣ и въ рѣзкомъ, вспыльчивомъ темпераментѣ ген. Фока. „Надо его знать и понимать, надо съ нимъ жить, чтобы относиться къ нему иначе".

Обращаясь къ дѣятельности ген. Фока, какъ начальника сухопутной обороны, защитникъ указываетъ, что ген. Фокъ посѣщалъ позиціи ежедневно, иногда по нѣскольку разъ.

— Исторія обороны П.-Артура съ 5-го декабря, — говоритъ защитникъ,—показываетъ, что черты характера ген. Фока остались тѣ же: безпримѣрная храбрость, безпримѣрное исполненіе долга, умѣніе вести въ бой солдатъ. Послѣ смерти ген. Кондратенко оборона крѣпости сохранила тотъ же характеръ, хотя обстоятельства измѣнились къ худшему. Но это былъ естественный результатъ долгой борьбы съ неравными силами. Можно ли связать съ этой дѣятельностью обвиненіе въ измѣнѣ? -спрашиваетъ защитникъ.— Для того ли, чтобы сдать крѣпость, принималъ ген. Фокъ такъ близко къ сердцу ея интересы?!

Ни одинъ фортъ, ни одно укрѣпленіе не были очищены по иниціативѣ ген. Фока; онъ лишь, съ санкціи ген. Стесселя, далъ согласіе на очищеніе того или иного укрѣпленія. Въ чемъ же въ такомъ случаѣ выразилось содѣйствіе ген. Фока сдачѣ крѣпости? Говорятъ, что ген. Фокъ совѣтовалъ ген. Стесселю написать письмо ген. Ноги;—это неправда; ген. Фокъ представилъ лишь докладъ ген. Стесселю, въ которомъ описывалъ положеніе крѣпости, правда, въ пессимистическихъ чертахъ, но вѣдь такова была дѣйствительность, доложить о которой составляло долгъ ген. Фока. Но если даже и предположить обратное, что ген. Фокъ совѣтовалъ ген. Стесселю сдать крѣпость, то какой законъ воспрещаетъ давать совѣты начальнику?.. Совѣтовать еще не значитъ склонять, убѣждать, принуждать...

Считая прямыя обвиненія, взведенныя на ген. Фока, опровергнутыми, и обвиненіе его въ измѣнѣ—оскорбленіемъ всего портъ-артурскаго гарнизона, защитникъ переходитъ къ разбору косвенныхъ уликъ въ соучастіи Фока Стесселю въ сдачѣ.

Во-первыхъ, ген. Фоку ставится въ вину его мнѣніе на военномъ совѣтѣ 16-го декабря. Обвиненіе основано на словахъ свидѣтелей, что „ген. Фокъ выражался неясно, какъ будто хотѣлъ сказать не то, что сказалъ“. Дѣйствительно, ген. Фокъ могъ выражаться неясно, такъ какъ насколько прекрасно онъ владѣетъ перомъ, настолько плохо владѣетъ словомъ; но какъ мы можемъ догадаться о томъ, что онъ хотѣлъ сказать?—спрашиваетъ защитникъ.

Далѣе говорятъ о какой-то бумагѣ, которую держалъ въ рукахъ не то ген. Стессель, не то ген. Фокъ. Если даже она была написана ген. Фокомъ, какъ мы можемъ знать, что въ ней содержалось?

Видятъ, наконецъ, улику въ томъ, что делегаты для переговоровъ съ японцами выѣхали изъ квартиры ген. Фока. Защитникъ объясняетъ это случайностью. Защитникъ говоритъ далѣе о томъ, что показанія ген. Фока въ комиссіи ген. Роопа цѣны не имѣютъ: „онъ былъ возмущенъ, нервничалъ и вслѣдствіе этого противорѣчилъ себѣ на каждомъ словѣ“.

Кончая свою рѣчь, ген. Домбровскій говоритъ, что, какъ

бывшій судья, онъ проникнутъ къ верховному суду глубочайшимъ уваженіемъ, но не можетъ не тревожиться, за приговоръ такъ какъ все дѣло протекло въ чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ для подсудимаго.

— Я прошу васъ, гг. судьи, отрѣшиться отъ тѣхъ обвинительныхъ тенденцій противъ моего кліента, которыми насыщена общественная атмосфера и наша печать. Противъ вліянія ихъ не могла устоять даже слѣдственная комиссія ген. Роопа... Но вы, я убѣжденъ, вы вынесете доблестному Александру Викторовичу Фоку оправдательный приговоръ. Если же я въ этомъ ошибусь, то все же, зная ген. Фока,— заканчиваетъ ген. Домбровскій,—я умру съ убѣжденіемъ, что онъ невиновенъ".

Рѣчь ген. Домбровскаго, занявшая два засѣданія, полна мелкихъ подробностей, цитатъ всевозможныхъ документовъ (даже изъ не оглашеннаго на судебномъ слѣдствіи секретнаго доклада ген. Смирнова) и тщательнаго, кропотливаго сопоставленія ихъ по содержанію и датамъ.

XXXVI. 4-е февраля.—Засѣданіе 38-е.

Заключительныя пренія: рѣчь защитника подсудимаго ген.-лейт. Смирнова,—кап. 2-го ранга фонъ-**Шульца.**

Защитникъ ген. Смирнова начинаетъ свою рѣчь съ признанія, что когда ген. Смирновъ обратился къ нему съ предложеніемъ взять на себя его защиту, то, ознакомившись съ дѣломъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что сама по себѣ защита его не представляетъ большихъ трудностей, но что его кліенту придется вынести много непріятностей отъ защиты другихъ подсудимыхъ за свой докладъ военному министру. Онъ высказалъ это свое предположеніе ген. Смирнову, но послѣдній отвѣтилъ, что уже въ Портъ-Артурѣ онъ выпилъ глубокую чашу обиды и теперь способенъ все вынести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, защитникъ пришелъ къ убѣжденію, что: 1) существенныя черты доклада ген. Смирнова подтвердились данными слѣдственной комиссіи ген. Роопа,

обвинительнаго акта и частнаго присутствія военнаго совѣта и это ослабляетъ отвѣтственность ген. Смирнова за нѣсколько рѣзкіе выводы его доклада, и 2) обвиненіе ген. Смирнова въ противозаконномъ бездѣйствіи власти очень слабо обосновано фактически. Только на судебномъ слѣдствіи рѣчи защитниковъ другихъ подсудимыхъ восполнили пробѣлъ обвинительнаго акта въ этомъ отношеніи, но это зато облегчило задачу самого кап. фонъ-Шульца.

Переходя къ разбору этого новаго фактическаго матеріала, защитникъ прежде всего останавливается на оцѣнкѣ секретнаго доклада ген. Смирнова военному министру, вызвавшаго на него столь страстныя нападки другихъ подсудимыхъ, которые видятъ въ этомъ документѣ причину всѣхъ ихъ бѣдъ теперь.

Кап. фонъ-Шульцъ находитъ, что представить этотъ докладъ военному министру было обязанностью ген. Смирнова, ибо всякій военный обязанъ доносить начальнику о выполненіи даннаго ему порученія. Онъ напоминаетъ признаніе на судѣ ген. Куропаткина, что, какъ командующій арміей, онъ былъ поставленъ въ трудное положеніе именно тѣмъ, что не получилъ своевременно доклада о боѣ при Цзиньчжоу. Вліянія же на возникновеніе дѣла о сдачѣ крѣпости докладъ ген. Смирнова не имѣлъ, такъ какъ былъ представленъ въ январѣ 1906 года, когда слѣдствіе уже началось.

Между тѣмъ докладъ этотъ создалъ для Смирнова очень тяжелое положеніе на судѣ, особенно когда этотъ секретный докладъ начали цитировать, допуская въ то же время его неправильное толкованіе; напримѣръ, ген. Смирнову приписываютъ употребленіе эпитета „измѣна“ въ приложеніи къ дѣятельности остальныхъ подсудимыхъ, тогда какъ во всемъ докладѣ ген. Смирнова этого слова нѣтъ; относительно названія ген. Смирновымъ „замѣтокъ“ ген. Фока „подпольной литературой“, защитникъ замѣчаетъ, что то, что ген. Смирновъ согласился съ одной „замѣткой“, не значитъ, чтобы онъ одобрялъ способъ изданія и распространенія этихъ „замѣтокъ“ вообще.

Защитникъ переходитъ далѣе къ существу обвиненія. Ген. Смирновъ обвиняется по 142 ст. воин. уст. о нак. въ

бездѣйствіи власти; представитель обвиненія, не раскрывая смысла этого понятія и его фактическаго содержанія въ данномъ случаѣ, прямо перешелъ къ ст. 145 того же устава, опредѣляющей наказанія за это преступленіе. Но прежде чѣмъ говорить о наказаніи, слѣдуетъ установить наличность преступленія и связь между преступленіемъ и вредомъ, отъ него происшедшимъ. Обращаясь къ квалификаціи преступленія, въ которомъ обвиняется ген. Смирновъ,—„противозаконное бездѣйствіе власти“,—защитникъ указываетъ, что для того, „чтобы власть бездѣйствовала, необходимо, чтобы она существовала; между тѣмъ, имѣетъ ли подчиненный власть надъ своимъ начальникомъ? Конечно, нѣтъ; слѣдовательно, онъ не можетъ быть и виновенъ въ бездѣйствіи власти; виновенъ въ бездѣйствіи власти можетъ быть лишь начальникъ, когда его подчиненный, вслѣдствіе этого бездѣйствія, совершаетъ преступленіе. Подчиненный, можетъ быть, и можетъ принять нѣкоторыя мѣры противъ начальника, совершающаго преступленіе, но онъ не можетъ принять противъ него рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ это составляетъ одно изъ тягчайшихъ преступленій на военной службѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, защитникъ приходитъ къ выводу, что генералъ Смирновъ не можетъ быть признанъ юридически виновнымъ въ противозаконномъ бездѣйствіи власти.

Но, кромѣ того, ген. Смирновъ не имѣлъ и фактической возможности законными или противозаконными средствами воспрепятствовать своему начальнику въ сдачѣ крѣпости.

На судѣ говорили, что всѣ средства ко времени сдачи ея были исчерпаны, что крѣпость пала, а не сдана, и т. д. Все это было бы очень выгодно признать защитнику ген. Смирнова, но онъ признаетъ для себя обязательной точку зрѣнія своего подзащитнаго, а именно, что сдача крѣпости всегда есть преступленіе,—и будетъ доказывать, что даже и въ томъ случаѣ, если бы крѣпость и могла еще держаться, ген. Смирновъ все-таки не могъ воспротивиться сдачѣ.

Прежде всего защитникъ считаетъ невыясненнымъ положеніе, которое занималъ въ Портъ-Артурѣ ген. Смирновъ. Было ли это положеніе естественнымъ и опредѣленнымъ?

Нѣтъ; это явствуетъ изъ фактовъ, вліявшихъ на положеніе Смирнова: когда въ Портъ-Артуръ былъ назначенъ адм. Макаровъ и ген. Куропаткинъ, тогда военный министръ, не согласился предоставить ему начальство надъ ген. Стесселемъ, — уже тогда въ Артурѣ установилось двоевластіе, принесшее много вреда дѣлу обороны; когда же въ Артуръ пріѣхалъ ген. Смирновъ, двоевластіе смѣнилось троевластіемъ. Гибельныя послѣдствія этого явно сказались и въ цзиньчжоускомъ бою, и въ выходѣ эскадры 28-го іюля; эскадрѣ не нужно было выходить до прибытія флота Рожественскаго, но... начальники говорили на разныхъ языкахъ, на флотъ смотрѣли, какъ на приманку,—и онъ долженъ былъ выйти и дать бой; флотъ погибъ не послѣ взятія Высокой горы, какъ утверждаютъ многіе, а именно 28-го іюля, когда въ Артуръ возвратилась лишь небольшая часть эскадры.

На судѣ ген. Куропаткинъ находилъ, что ген. Смирновъ могъ устранить ген. Стесселя, когда войска вошли въ раіонъ крѣпости,—но мнѣ думается,—говоритъ защитникъ,—что законъ о воинской дисциплинѣ и военный бытъ не допускаютъ этого; если бы ген. Смирновъ поступилъ такъ, какъ теперь ему рекомендуетъ ген. Куропаткинъ, — онъ былъ бы преданъ суду даже не за превышеніе власти, а за захватъ ея. Да и помимо этого соображенія, „устранить“ ген. Стесселя было очень трудно: онъ не только былъ извѣстенъ всему гарнизону, но съ нимъ сносился самъ Куропаткинъ, онъ говорилъ съ войсками отъ имени Государя. Смирновъ дважды дѣлалъ попытку устранить ген. Стесселя, посылая Куропаткину донесенія о „треніяхъ“ въ крѣпости черезъ офицеровъ генер. штаба—Гурко и Одинцова, но эти доклады результатовъ не имѣли, такъ какъ посланныя Куропаткинымъ двѣ телеграммы, каждая въ двухъ экземплярахъ, въ Портъ-Артурѣ были не получены, чтобы не сказать, скрыты. Ген. Куропаткинъ считаетъ некорректными эти устныя донесенія, но они дошли по назначенію и являются теперь доказательствами, что ген. Смирновъ пытался измѣнить существовавшее положеніе вещей.

На судѣ говорили объ интригѣ, которая началась, будто бы, путемъ разговора ген. Смирнова съ ген. Кондратенко и

полк. Рейсомъ о взаимоотношеніяхъ начальника укр. раіона и коменданта крѣпости. Но всякому ясно, что не начальника сухопутной обороны крѣпости и не начальника штаба укр. раіона привлекъ бы ген. Смирновъ, если бы хотѣлъ начать интригу. Указывалось далѣе „добровольцами отъ обвиненія“ и то, что лишь ген. Смирнову, безъ вѣдома ген. Стесселя, были переданы морскія команды, орудія, снаряды; но могъ ли ген. Стессель не знать, что цѣлыя роты „Ретвизана“, „Пересвѣта“ и др. судовъ участвуютъ въ бояхъ, и что въ теченіе одного августа на восточномъ фронтѣ было установлено болѣе 100 морскихъ орудій?!

Защитникъ говоритъ о заслугахъ ген. Смирнова въ отбитіи августовскаго штурма, когда онъ ежедневно бывалъ на позиціяхъ, распоряжался установкой артиллеріи и высылкой резервовъ; ген. Горбатовскій на судѣ удивлялся необычайной проницательности, съ которой ген. Смирновъ угадалъ мѣсто главнѣйшей атаки японцевъ.

Защитникъ переходитъ къ дѣятельности совѣта обороны. „Всего—этотъ совѣтъ былъ созванъ 4 раза, и притомъ съ большими промежутками; объясняется это тѣмъ, что рѣшенія совѣта обороны постоянно отмѣнялись ген. Стесселемъ, какъ, напр., постановленіе 31-го іюля о вылазкѣ, не состоявшейся вслѣдствіе запрета ген. Стесселя. Но и эти неудачи не ослабили энергіи ген. Смирнова; онъ участвовалъ въ укрѣпленіи Высокой горы, самъ рекогносцировалъ, и оборонялъ ее цѣлыхъ 2 мѣсяца. У ген. Смирнова ежедневно бывали доклады, онъ стремился быть въ курсѣ дѣла и посредствомъ совѣта коменданта объединялъ дѣятельность разныхъ начальниковъ; въ этомъ совѣтѣ участвовалъ ген. Кондратенко, и въ него не пожелалъ войти лишь замѣститель ген. Кондратенко, ген. Фокъ.

Останавливаясь на выводахъ обвинительнаго акта, защитникъ перечисляетъ всѣ мѣры, которыя могъ принять Смирновъ противъ сдачи: напр., арестовать ген. Стесселя, созвать совѣтъ обороны и т. д., и доказываетъ, что посылка телеграммы ген. Куропаткину 7-го декабря 1904 г. съ просьбой „или снять отвѣтственность, или возстановить въ правахъ коменданта“—была самой рѣшительной мѣрой, которую

могъ принять ген. Смирновъ, основываясь на однихъ подозрѣніяхъ.

Другою мѣрою, принятою ген. Смирновымъ противъ сдачи, защитникъ его считаетъ мнѣніе коменданта, рѣшительно высказанное на военномъ совѣтѣ 16-го декабря.

Что касается характеристики ген. Смирнова, сдѣланной однимъ изъ защитниковъ другихъ подсудимыхъ, то кап. Шульцъ находитъ, что математическая складка, образованность и хладнокровіе, это—положительныя стороны военачальниковъ, которыми отличались и Наполеонъ, и Мольтке и Ояма.

Защитникъ переходитъ къ послѣднему моменту обороны.

Узнавъ о посылкѣ парламентера, ген. Смирновъ поѣхалъ искать поддержки у адмираловъ, такъ какъ они были независимы и только въ ихъ распоряженіи оставалась физическая сила, которая могла попадобиться ген. Смирнову. Но положеніе крѣпости за три дня—съ 16-го по 19-е декабря—рѣзко измѣнилось и путь переворота едва ли былъ цѣлесообразенъ, всѣ же остальныя мѣры были лишь палліативами.

— Много пришлось вынести защитникамъ Портъ-Артура,—говоритъ въ заключеніе своей рѣчи кап. фонъ-Шульцъ,—но тяжелѣе всѣхъ было положеніе ген. Смирнова, лишеннаго правъ коменданта, но несшаго всѣ его обязанности. И тѣмъ не менѣе ген. Смирновъ не нарушилъ закона дисциплины, которою держится не только армія, но и государство. И если вы, гг. судьи, примете все это во вниманіе, то вынесете справедливый, оправдательный приговоръ бывшему коменданту Портъ-Артура, ген.-лейт. Смирнову.

XXXVII. 5-е февраля.—Засѣданіе 39-е.

Заключительныя пренія: дополнительныя рѣчи подполк. **Вельяминова,** прис. пов. **Нечаева** и кап. 2-го ранга **фонъ-Шульца. Послѣднее слово подсудимыхъ:** генераловъ **Стесселя, Рейса** и **Смирнова.**

Такъ какъ всѣ уже защитники подсудимыхъ сказали свои рѣчи, то предсѣдатель предложилъ прокурору возра-

зить имъ. Ген. Гурскій отказался отъ этого права. На этомъ пренія сторонъ, казалось бы, и должны были кончиться, но защитникъ ген. Стесселя, подпол. Вельяминовъ, и защитникъ ген. Рейса, прис. пов. Нечаевъ, просятъ судъ предоставить имъ право слова для возраженія на рѣчь защитника ген. Смирнова, кап. 2-го ранга фонъ-Шульца. Послѣдній также заявляетъ ходатайство о томъ, чтобы и ему предоставлено было право дополнить свою рѣчь, если будутъ уважены просьбы Вельяминова и Нечаева.

Судъ удовлетворяетъ всѣ эти ходатайства.

Дополнительная рѣчь подполков. Вельяминова почти вся посвящена выясненію роли ген. Смирнова въ дѣлѣ превращенія ген. Стесселя изъ народнаго героя въ подсудимаго. Онъ сдѣлалъ это путемъ своего доклада военному министру, который полностью былъ напечатанъ въ англійскомъ „Standard'ѣ“, перепечатанъ въ официозной „Россіи“, въ „Офицерской Жизни“ и вообще получилъ широкое распространеніе. Вслѣдствіе этого защита не могла молчать объ этомъ документѣ, хотя онъ и не былъ оглашенъ на судѣ. Пока этого доклада не было, Стессель признавался героемъ, исполнившимъ свой долгъ; оборона П.-Артура признавалась доведенною до конца—и о позорѣ сдачи никто не говорилъ.

Путь Стесселя въ Россію былъ рядомъ овацій. Военный министръ, ген.-адъют. Сахаровъ, выѣхалъ ему навстрѣчу и обнималъ его, императоръ германскій пожаловалъ ему орденъ „Pour les mérites“, ген. Стессель былъ принятъ милостиво Государемъ... И вдругъ все это рѣзко измѣнилось.

— „Здѣсь много говорилось о допустимости или недопустимости сдачи крѣпости,—продолжаетъ подполк. Вельяминовъ.—Но вѣдь противъ принятаго ген. Стесселемъ рѣшенія никто изъ начальниковъ не протестовалъ, и онъ одинъ взялъ на себя полную отвѣтственность за судьбу крѣпости, сказавъ: „я одинъ виноватъ, судите меня“. И если вы, гг. судьи, признаете ген. Стесселя виновнымъ въ измѣнѣ, то ему должно быть назначено одно лишь наказаніе—смертная казнь,—безъ всякаго снисхожденія; онъ его у васъ не проситъ, но я прошу васъ вникнуть въ его тогдашнее положеніе. Ген. Стессель сдѣлалъ все то, что подсказывала ему его совѣсть“.

Защитникъ ген. Рейса, прис. повѣр. Нечаевъ, возражаетъ

защитнику ген. Смирнова потому, что не можетъ согласиться съ его мнѣніемъ, будто онъ и его товарищи по защитѣ другихъ подсудимыхъ строили доказательства невиновности своихъ кліентовъ на обвиненіи ген. Смирнова, что они явились, такимъ образомъ, „добровольцами—обвинителями". Они касались ген. Смирнова, какъ свидѣтеля, давали ему характеристику и оцѣнивали его дѣйствія лишь для уясненія силы и достовѣрности его показаній, а вовсе не для очерненія его, какъ подсудимаго.

Защитникъ ген. Фока, ген. Домбровскій, отказывается отъ слова, такъ какъ считаетъ, что доводы его въ пользу своего подзащитнаго ни въ чемъ не поколеблены рѣчью кап. фонъ-Шульца.

Послѣдній въ краткой рѣчи отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ по всѣмъ пунктамъ ихъ возраженія и выясняетъ исключительно тяжелое положеніе ген. Смирнова на судѣ въ положеніи свидѣтеля и подсудимаго одновременно.

Пренія кончены.

Предсѣдатель предлагаетъ подсудимымъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ послѣдняго слова.

Первымъ говоритъ ген. Стессель.

— 19-го декабря 1904 года, въ 3 часа 40 мин. дня, — начинаетъ свою рѣчь генералъ Стессель, — Большое Орлиное Гнѣздо было взято послѣ шести штурмовъ японцами. Со 2-го по 18-е декабря взяты были форты второй и третій, Китайская стѣнка и укрѣпленіе № 3-й. Когда крѣпость съ паденіемъ первой линіи обороны и Большого Орлинаго Гнѣзда фактически находилась въ рукахъ японцевъ, мнѣ предстояло рѣшить вопросъ: что дороже для Россіи: нѣсколько часовъ существованія Артура, уже безполезнаго, при чемъ цѣною этого существованія явилась бы смерть всѣхъ защитниковъ Портъ-Артура и жителей, или сохраненіе этихъ еще полезныхъ для Россіи героевъ и передача Портъ-Артура во власть непріятеля. И то, и другое было мнѣ Царемъ ввѣрено. Я рѣшилъ, что 20,000 истерзанныхъ, преданныхъ родинѣ борцовъ дороже,—и послалъ парламентера. Утверждаютъ, что Портъ-Артуръ не сдался, а былъ сданъ мною. Это совершенно вѣрно. Армія—не парламентъ и разговаривать не имѣетъ права. Я лично рѣшилъ сдачу.

Я увѣренъ, что офицеры и солдаты не отказались бы, если бы я ихъ послалъ на смерть. Но и они также были увѣрены, что я не сдѣлаю этого, въ угоду своему честолюбію. Борьба за Портъ-Артуръ была не такова, чтобы защитники должны были загладить ее своею смертью. Они сдѣлали все, что могли, и заслужили, чтобы потомство сохранило ихъ имена въ ореолѣ славы. Я увѣренъ, что этотъ ореолъ славы не сниметъ никто. Если правосудіе требуетъ искупительныхъ жертвъ, то для меня легче быть казненнымъ, нежели поставить на карту жизнь героевъ защиты. Меня защищаетъ одинъ изъ главныхъ героевъ Портъ-Артура, полк. Вельяминовъ—говоритъ въ заключеніе ген. Стессель.—Если бы этотъ человѣкъ не былъ увѣренъ въ моей честности, онъ не сталъ бы меня защищать.

Затѣмъ поднимается ген. Рейсъ.

— Прочитавъ два года назадъ въ докладѣ ген. Смирнова о какомъ-то соглашеніи или заговорѣ между мною и ген. Стесселемъ и Фокомъ, — говоритъ онъ, я былъ крайне изумленъ и рѣшительно не понималъ, на чемъ это предположеніе основано. Прослушавъ теперь обвинительный актъ, судебное слѣдствіе и рѣчь прокурора, я остаюсь въ томъ же недоумѣніи. Все обвиненіе основано на какихъ-то слухахъ, на произвольномъ толкованіи того, что я говорилъ, и даже того, что я хотѣлъ сказать, и, наконецъ, какъ это ни странно, на приписываніи свидѣтелямъ того, чего они не говорили. На первомъ мѣстѣ стоитъ показаніе ген. Бѣлаго о томъ, что я, зайдя къ нему 25 ноября, что-то говорилъ о трудности положенія Артура послѣ паденія Высокой горы. Тяжелое положеніе Артура лежало тогда у всѣхъ на сердцѣ и естественно служило главной темой разговоровъ; объ этомъ шла рѣчь и съ ген. Кондратенко, у котораго я былъ передъ этимъ; онъ самъ сказалъ мнѣ, что съ паденіемъ Высокой начинается агонія Артура. Очень возможно, что подъ впечатлѣніемъ его словъ я что-нибудь и сказалъ ген. Бѣлому о тяжеломъ положеніи, но я вѣдь говорилъ не съ нижнимъ чиномъ, даже не съ молодымъ офицеромъ, а съ лицомъ, занимавшимъ одинаковое со мною служебное положеніе и одинаково освѣдомленнымъ о состояніи Артура, а потому и не допускалъ мысли, что мои слова могутъ ввести его въ

соблазнъ. Совершенно необъяснимымъ является и тотъ фактъ, что, желая, будто бы, добиться извѣстнаго рѣшенія совѣта обороны, изъ всѣхъ его членовъ я пытался уговорить одного ген. Бѣлаго, мнѣніе котораго вообще никогда не пользовалось въ Артурѣ большимъ авторитетомъ. Правда, прокуроръ сказалъ какъ-то перѣшительно, что заходили и къ другимъ членамъ; но изъ показанія ген. Смирнова видно, что кромѣ ген. Бѣлаго онъ ни отъ кого объ этомъ не слыхалъ.

Вопросъ о предѣлѣ обороны можно считать уже достаточно выясненнымъ, но, чтобы придать моимъ словамъ характеръ призыва къ сдачѣ, котораго они, конечно, не имѣли, прокурору пришлось, по его выраженію, перевести ихъ на русскій языкъ: однако, при помощи такихъ вольныхъ переводовъ можно кого угодно обвинить въ любомъ преступленіи.

Мнѣніе, высказанное мною на военномъ совѣтѣ 16-го декабря о невозможности продолжительнаго сопротивленія съ потерей двухъ фортовъ и Китайской стѣнки, было основано исключительно на численности и состояніи бойцовъ и слабости укрѣпленій второй и третьей линій. Кромѣ того, что я сказалъ на этомъ совѣтѣ, я отдѣльно ген. Стесселю о капитуляціи никогда и ничего не говорилъ, такъ какъ не считалъ себя въ правѣ подавать по этому поводу какіе-либо совѣты; съ одной стороны, я зналъ объ юридической отвѣтственности, которой онъ подвергается въ случаѣ капитуляціи, а съ другой—понималъ и ту нравственную отвѣтственность, которую онъ взялъ бы на себя, допустивъ истребленіе остатковъ гарнизона, больныхъ, раненыхъ и мирныхъ жителей. Поэтому я считалъ, что то или другое рѣшеніе можетъ принять только самъ Стессель—и никто болѣе.

— Приказаніе ген. Стесселя, отданное мнѣ 19-го декабря, перевести на англійскій языкъ письмо ген. Ноги съ предложеніемъ вступить въ переговоры, я считалъ закономѣрнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, ст. 62 положенія о крѣпостяхъ указываетъ, что окончательное рѣшеніе старшій начальникъ принимаетъ единолично, а съ другой—я не могъ не согласиться, что крѣпость фактически пала, а потому и не видѣлъ никакого основанія отказаться отъ исполненія полученнаго приказанія.

— Что касается унизительности принятыхъ условій капитуляціи, то я полагаю, что унизительной можетъ считаться капитуляція на волю побѣдителя, т. е. безъ всякихъ условій, или же сопряженная съ какими-либо обрядами, оскорбительными для самолюбія побѣжденнаго. Въ данномъ случаѣ, ничего подобнаго не было, сохраненіе же оружія офицерамъ и разрѣшеніе имъ вернуться на родину несомнѣнно являлись выраженіемъ признанія доблести гарнизона.

— Переходя къ формальной сторонѣ подписанія условій капитуляціи, я долженъ напомнить, что, получивъ отъ ген. Стесселя согласіе на принятіе предложенныхъ намъ условій, всякія сомнѣнія съ моей стороны относительно пріемлемости ихъ были бы совершенно неумѣстны.

— Требовать болѣе выгодныхъ условій можетъ тотъ, кто въ состояніи поддержать свое требованіе силой, но сила была не на нашей сторонѣ; поэтому отвѣтъ мой кап. Голованю, который прокуроръ назвалъ историческимъ, вовсе не заслуживаетъ такого громкаго названія и является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ.

Затѣмъ ген. Рейсъ еще разъ категорически заявляетъ, что телеграммы ген. Смирнову отъ г.-ад. Куропаткина онъ никогда не видалъ. Относительно словъ прокурора о блестящей карьерѣ подсудимаго, послѣдній говоритъ, что двигался онъ по службѣ наравнѣ со своими сверстниками, никого не обогналъ и получилъ полкъ, пробывъ въ чинѣ полковника шесть лѣтъ. Возвращаясь въ концѣ своей рѣчи къ вопросу о томъ какъ возникло предположеніе о соглашеніи, заговорѣ, подсудимый спрашиваетъ: какую же цѣль имѣли въ виду участники этого соглашенія? Вопросъ этотъ на судѣ не обсуждался, и только въ докладѣ ген. Смирнова имѣется указаніе, что цѣлью его было спасеніе жизни отъ грозившей опасности.

— Но почему же только въ ноябрѣ, къ которому ген. Смирновъ относитъ возникновеніе заговора, эта опасность была нами замѣчена, зачѣмъ мы ждали еще мѣсяцъ и привели въ исполненіе нашъ замыселъ только тогда, когда опасность въ сущности уже миновала. Вѣдь въ случаѣ прорыва непріятеля и рѣзни на улицахъ, ген. Стессель и вообще старшіе начальники подвергались наименьшему

риску, такъ какъ несомнѣнно японцы предпочли бы захватить ихъ живыми, какъ трофеи, да, наконецъ, можно было, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, уѣхать назападный фронтъ или на Ляотешань и тамъ спокойно переждать, пока рѣзня въ городѣ окончится.

— Если будетъ признано преступнымъ, что на совѣтѣ 16-го декабря я откровенно высказалъ свое мнѣніе о положеніи Артура, а затѣмъ исполнилъ приказаніе ген. Стесселя относительно посылки письма и подписанія капитуляціи, то я совершенно не понимаю, — заканчиваетъ ген. Рейсъ, — почему только мнѣ это вмѣняется въ вину, а и не тѣмъ также, кто мыслилъ со мной одинаково на совѣтѣ и ѣздилъ со мной въ Шуйшуинъ.

Къ каѳедрѣ подходитъ ген. Смирновъ. Его „послѣднее слово“ еще обширнѣе „послѣдняго слова“, сказаннаго ген. Рейсомъ.

Онъ начинаетъ его съ общаго очерка тѣхъ неправильностей и отступленій отъ закона, которыя учинены были въ отношеніи крѣпости П.-Артура и въ отношеніи его, подсудимаго, лично, какъ коменданта крѣпости, — отступленій поставившихъ его въ ложное положеніе, препятствовавшее ему исполнить свои обязанности во всей ихъ полнотѣ.

— Въ послѣднюю нашу кампанію военныя дѣйствія могли развиться на обширномъ фронтѣ въ 1000 верстъ протяженіемъ, отъ П.-Артура до Владивостока, при чемъ болѣе вѣроятнымъ являлось развитіе ихъ въ первый періодъ войны въ зонахъ, прилегающихъ къ правому флангу стратегическаго фронта, а потому совершенно естественнымъ являлось сосредоточеніе нашихъ сухопутныхъ силъ въ Ляоянѣ, а морскихъ—въ П.-Артурѣ.

— Вмѣсто того, чтобы быть въ непосредственномъ подчиненіи главнокомандующаго, вслѣдствіе своей важной служебной роли въ отношеніи флота, крѣпость была почему-то подчинена командующему манчжурской арміей, хотя прямой связи съ арміей она не имѣла и только косвенно могла оказывать ей содѣйствіе, отвлекая ту часть непріятельскихъ сухопутныхъ силъ, которую непріятелю угодно было бы выдѣлить противъ Артура. Въ то же время эта крѣпость, вслѣдствіе сосредоточенія въ ней нашей эскадры,

приковывала къ себѣ главную часть морскихъ силъ Японіи. Какъ теперь, такъ и тогда ясно было, что въ этой войнѣ доминирующее значеніе принадлежало флоту. При побѣдѣ нашего флота мы могли помѣшать высадкѣ японскихъ армій, обезвредить высадившіяся войска и, наконецъ, только при побѣдѣ нашего флота мы могли бы добиться рѣшительныхъ результатовъ кампаніи, перенеся театръ военныхъ дѣйствій на острова метрополіи, т. е. прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для заключенія мира. Вотъ какое важное значеніе имѣлъ нашъ флотъ, въ отношеніи котораго П.-Артуръ, будучи убѣжищемъ и базой, игралъ служебную роль первостепенной важности. Японцы поняли это важное значеніе флота и съ нарушеніемъ международныхъ правилъ напали на него до объявленія войны. Если бы манчжурская армія взяла на себя служебную роль въ отношеніи нашей эскадры,—она принесла бы ей большую пользу, что доказывается тѣмъ, что диверсія на Вафангоу отсрочила наступленіе японцевъ на Артуръ на цѣлыхъ два мѣсяца.

— Адмиралъ Макаровъ, прибывъ въ Артуръ, возбудилъ передъ намѣстникомъ-главнокомандующимъ ходатайство о подчиненіи коменданта непосредственно командующему эскадрой. Однако, несмотря на сочувствіе намѣстника этому проекту, онъ не осуществился, вслѣдствіе противодѣйствія военнаго министра, ген. Куропаткина, и тогда же былъ учрежденъ Артуръ-Цинъчжоускій или Квантунскій укр. раіонъ, съ подчиненіемъ коменданта крѣпости и всѣхъ войскъ, въ раіонѣ расположенныхъ, начальнику этого раіона. Въ свою очередь, послѣдній былъ подчиненъ не главнокомандующему и не командующему эскадрой, а командующему манчжурской арміей. Я утверждаю, что учрежденіе Квантунскаго укр. раіона было нецѣлесообразно, такъ какъ онъ составлялъ площадь, вдвое меньшую нормальнаго крѣпостного раіона, а по своему замкнутому положенію и непосредственной связи съ П.-Артуромъ являлся просто естественнымъ раіономъ крѣпости. Едва ли можно выдумать что-либо болѣе искусственное, чѣмъ этотъ пресловутый Квантунскій укр. раіонъ. Несмотря на то, что онъ былъ образованъ изъ части крѣп. раіона и игралъ по отношенію къ нему служебную роль,— комендантъ крѣпости былъ подчиненъ начальнику укрѣпл.

раіона, а для этого потребовалось отнять у коменданта, въ нарушеніе закона, права командира отдѣльнаго корпуса.

— Исходя изъ требованій, предъявляемыхъ чинившейся эскадрѣ и укрѣплявшему Артуру, — долѣе не дать врагу проникнуть на полуостровъ, — слѣдовало подготовить полевыя позиціи на бухтахъ, минировать ихъ, разработать къ нимъ дороги, усиливать укрѣпленія Цзиньчжоу и укрѣпить позиціи на Тафашинскихъ и Нангалинскихъ высотахъ, чѣмъ прочно запирался бы единственный сухопутный путь и обезпечивался бы гор. Дальній отъ безпрепятственнаго его захвата: слѣдовало, наконецъ, эшелонировать на полуостровѣ войска съ такимъ расчетомъ, чтобы въ кратчайшій срокъ можно было сосредоточить къ угрожаемому пункту значительную часть всѣхъ силъ полуострова. Ничего подобнаго сдѣлано не было. Потерпѣвъ пораженіе на Цзиньчжоу, гдѣ подъ удары цѣлой арміи былъ подставленъ одинъ только доблестный полкъ, и отдавъ безъ сопротивленія Дальній, мы заняли невыгодную позицію между бухтами Хэси и Бицдао, гдѣ простояли 2 мѣсяца, въ теченіе которыхъ японцы успѣли оборудовать Дальній, какъ базу, и сосредоточить противъ насъ новую армію, ген. Ноги. Этотъ выигрышъ времени 2-хъ мѣсяцевъ, позволившій подготовить Портъ-Артуръ къ оборонѣ, явился, однако, результатомъ диверсіи къ Вафангоу, отвлекшей армію Оку отъ Квантуна. Дѣйствія же наши въ укрѣпленномъ раіонѣ по отношенію къ флоту и крѣпости представляются для меня явленіемъ отрицательнымъ. Сдѣланныя организаціонныя ошибки и отступленія отъ закона я могу выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) противорѣчащее требованіямъ дѣла подчиненіе Портъ-Артура не главнокомандующему и не командующему эскадрой, а командующему манчжурской арміей: эта грубая ошибка, въ своемъ конечномъ результатѣ, привела къ небывалому въ военной исторіи факту истребленія непріятельскими сухопутными войсками судовъ нашей эскадры: 2) учрежденіе особаго укрѣпл. раіона въ предѣлахъ самаго крѣпостного раіона и назначеніе туда особаго начальника съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, что привело къ крайне невыгодному использованію въ военномъ отношеніи Квантунскаго полуострова, послѣдствіемъ чего, не будь ди-

версіи на Вафангоу, была бы произведена атака на неготовый къ ея отраженію Артуръ: 3) отнятіе у коменданта предоставленныхъ ему по закону правъ командира отдѣльнаго корпуса и 4) невозстановленіе этихъ правъ послѣ того, какъ войска вошли въ крѣпость.

Но если перечисленныя ошибки и отступленія отъ закона пагубно отразились на оборонѣ Квантуна и на нашемъ флотѣ, то преступленіе, выразившееся въ похищеніи и сокрытіи депешъ, адресованныхъ на мое имя, принесло для государства въ конечномъ своемъ результатѣ унизительную сдачу той крѣпости, доблестная защита которой является свѣтлой страницей въ исторіи нашей послѣдней кампаніи.

Затѣмъ ген. Смирновъ перешелъ къ разсмотрѣнію предъявленныхъ къ нему обвиненій по существу ихъ.

— По обвинительному акту—говоритъ онъ,—я подлежу отвѣтственности за то, что, заподозривъ послѣ сдачи японцамъ форта II-го о существованіи между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашенія привести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, я не устранилъ тотчасъ же ген.-л. Фока отъ командованія, а ограничился лишь посылкою главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить меня въ полныхъ правахъ коменданта, или сложить съ меня обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости.

— По общежитейскимъ понятіямъ, проявлять дѣйствіе власти можетъ тотъ, кто властью фактически обладаетъ. Въ данномъ случаѣ, властью обладалъ относительно меня ген. Стессель, которому я былъ подчиненъ. Я могъ лишь *захватить* власть, но это дѣяніе не карается лишь тогда, когда начальникъ учинилъ безспорный фактъ измѣны интересамъ Государя и Отечества. Однако въ сдачѣ форта II доказать это было невозможно; слѣдовательно, захватить власть я не могъ. Не могъ я и устранить ген. Фока, такъ какъ приказаніе мое объ устраненіи ген. Фока явилось бы отмѣною приказа моего непосредственнаго начальника, при чемъ самымъ мотивомъ такого моего распоряженія было бы исполненіе имъ приказанія, отданнаго нашимъ общимъ на-

чальникомъ. Такое мое распоряженіе было бы противно дисциплинѣ, практически не помогло бы дѣлу и лишь ухудшило бы оборону крѣпости. Вообще же мною былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, къ сожалѣнію, по независѣвшимъ отъ меня причинамъ, не увѣнчались успѣхомъ. Таковыми мѣрами были: 1) предложеніе взять на себя послѣ смерти ген. Кондратенко оборону сѣверо-восточнаго фронта, 2) рѣзкое внушеніе, которое я сдѣлалъ ген. Фоку за сдачу форта II помимо меня, 3) посылка телеграммы главнокомандующему, гдѣ я категорически ставилъ вопросъ или о возстановленіи меня въ полныхъ правахъ коменданта, или о сложеніи съ меня обязанностей такового. Былъ также принятъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью предупредить сдачу форта II вопреки моей волѣ, какъ-то: двукратный докладъ ген. Куропаткину о вмѣшательствѣ ген. Стесселя въ предѣлы моей власти, устраненіе подъ благовиднымъ предлогомъ ген. Фока отъ дѣлъ послѣ 8 августа и т. д. Итакъ, мѣръ я принималъ много, но онѣ не приводили къ желанному результату. Единственная же радикальная мѣра, лишеніе власти ген. Стесселя, не могла быть предпринята за отсутствіемъ явнаго факта преступленія.

— По 2-му пункту обвин. акта, я обвиняюсь въ томъ, что, узнавъ о посылкѣ ген. Стесселемъ парламентера къ ген. Ноги, я не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ передъ ген.-адъют. Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ ст. 62 пол. об. упр. крѣп., а равно на исполненіи рѣшенія воен. сов. 16 декабря 1904 г. продолжать упорную оборону крѣпости. Въ статьѣ 69 кн. XXII свода воен. пост., по которой я обвиняюсь, идетъ рѣчь о подчиненномъ, исполнившемъ явно преступное приказаніе начальника. Такимъ образомъ, ст. 69 въ прямомъ смыслѣ ко мнѣ непримѣнима, такъ какъ я не участвовалъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ 19 декабря, — посылкѣ парламентера, отдачѣ безъ боя М. Орлинаго Гнѣзда, Куропаткинскаго люнета и батареи Б. Что касается того, что я не собралъ совѣта обороны, то собирать его въ цѣляхъ противодѣйствія совершившейся уже сдачѣ было бы несоотвѣтственно. Докладывать ген. Стесселю о соблюденіи имъ ст. 62 положенія и исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16 декабря было совершенно неумѣстно,

такъ какъ послѣ очищенія, вопреки моему приказанію, Китайской стѣнки, посылки парламентера и очищенія Мал. Орл. Гнѣзда и батареи Б, передо мной открылся планомѣрный обманъ, послѣ котораго умѣстна была одна только мѣра— полное устраненіе ген. Стесселя отъ власти. Напомню, что возможно было лишь путемъ созванія военнаго совѣта, а это отвлекло бы всѣхъ старшихъ начальниковъ съ находившагося въ критическомъ положеніи фронта. Убѣдивъ большинство военнаго совѣта въ томъ, что совершается преступленіе противъ государства, слѣдовало бы произвести аресты генераловъ Стесселя, Фока и Рейса; затѣмъ въ одну ночь слѣдовало смѣнить нѣкоторыхъ военачальниковъ и измѣнить расположеніе войскъ, при чемъ новая линія, на которой предстояло бы организовать оборону, была съ уступкой японцамъ Малаго Орл. Гнѣзда, Куроп. люнета и особенно бат. Б обнажена съ своего праваго фланга, на который японцы всю ночь насѣдали. Осуществленіе всѣхъ перечисленныхъ мѣропріятій въ теченіе нѣсколькихъ ночныхъ часовъ являлось дѣломъ неисполнимымъ. Къ тому же и ген. Стессель при помощи своихъ сообщниковъ успѣлъ бы принять противъ меня свои мѣры. Рѣшивъ узнать мнѣніе наиболѣе независимыхъ начальниковъ, я изложилъ адмираламъ обстановку, и они признали, что нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ предпріятія. Несмотря на то, что въ нашемъ военномъ законодательствѣ не имѣется закона, требующаго отъ подчиненнаго устраненія начальника въ случаѣ совершенія послѣднимъ преступленія, я считалъ бы себя въ силу нравственнаго императива обязаннымъ совершить переворотъ, если бы можно было этимъ достигнуть такой важной цѣли, какъ защита крѣпости. Предѣльнымъ для сего срокомъ было 16 декабря.

— Оканчивая свою защиту, я повторю основанія, на которыя опирался.

— Доминирующее значеніе имѣетъ законъ, требующій отъ подчиненныхъ безпрекословнаго повиновенія начальнику. Единственное изъ этого исключеніе допускается ст. 69 воен. уст. о нак., каковая статья даетъ подчиненному право не исполнить явно преступнаго приказанія начальника. Противъ этой статьи я не погрѣшилъ, такъ какъ при сдачѣ крѣпости

я никакого преступнаго приказанія не исполнялъ: напротивъ, все сдѣлалось помимо меня и скрыто отъ меня.

— Созваніе военнаго совѣта при той обстановкѣ, которая имѣла мѣсто вечеромъ 19 декабря, практически ни къ чему бы не повело.

— Какъ по первому, такъ и по второму пунктамъ обвиненія я неповиненъ въ бездѣйствіи власти, ибо требуемыя и дозволенныя закономъ мѣры были мною исчерпаны, а мѣры, переступающія предѣлы закона, не привели бы къ достиженію цѣли.

— Я исполнилъ свой долгъ по чистой совѣсти,—закончилъ свою рѣчь ген. Смирновъ.

Затѣмъ засѣданіе было прервано до слѣдующаго дня.

XXXVIII. 6-е февраля.—Засѣданіе 40-е.

Отказъ ген. Фока отъ послѣдняго слова. Судъ удаляется для постановленія резолюціи.

Засѣданіе этого дня непродолжительно.

Ген. Фокъ, на предложеніе предсѣдателя воспользоваться правомъ послѣдняго слова, отвѣчаетъ отказомъ.

— Судъ удаляется для постановленія резолюціи,—объявляетъ предсѣдатель въ 11 ч. 20 м. утра и приглашаетъ подсудимыхъ и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ прибыть для выслушанія ея къ 11-ти часамъ утра слѣдующаго дня.

Залъ и офицерское собраніе Арміи и Флота пустѣютъ. Въ помѣщеніи суда остаются дежурить по очереди одинъ изъ секретарей суда и одинъ изъ комендантскихъ адъютантовъ. Двери комнатъ, отведенныхъ для совѣщанія судей, наглухо закрытыя, охраняются парными унтеръ-офицерами...

XXXIX. 7-е февраля.—Засѣданіе 41-е.

Резолюція суда.

Къ 11-ти часамъ утра помѣщеніе офицерскаго собранія Арміи и Флота вновь наполняется публикою, явившеюся

выслушать резолюцію суда. Общее настроеніе повышенное, возбужденное, нервное, особенно среди бывшихъ участниковъ обороны. Скоро однако становится извѣстно отъ секретарей суда, что судъ вынесетъ резолюцію не ранѣе 2-хъ часовъ дня. Часть публики покидаетъ собраніе, другая остается—и всѣ снова собираются къ означенному часу. Новая отсрочка: судъ выйдетъ не ранѣе 4-хъ часовъ дня... Потомъ—не ранѣе 6-ти часовъ вечера... Потомъ—не ранѣе 8-ми часовъ... И чѣмъ далѣе откладывается заключительный актъ грандіознаго процесса, тѣмъ напряженнѣе становится атмосфера ожиданія... Продолжительность совѣщанія судей, вполнѣ естественная въ такомъ сложномъ и серьезномъ дѣлѣ, имѣющемъ государственное, историческое значеніе,— комментируется на разные лады.

Разносятся тревожные слухи о готовящихся по объявленіи резолюціи манифестаціяхъ и демонстраціяхъ... Спѣшно принимаются мѣры ихъ предупрежденія и пресѣченія... Налицо почти весь составъ С.-Петербургскаго комендантскаго управленія...

Двери въ залъ суда тщательно охраняются гвардейскими унтеръ-офицерами.

Наконецъ, въ 8 часовъ вечера онѣ распахиваются, и публика широкою волною наполняетъ обширный залъ суда и хоры въ немъ. Никто не садится. Всѣ въ нервномъ возбужденіи, стоя, ждутъ появленія суда... Одинъ за другимъ всходятъ судьи на эстраду—и въ 8 ч. 25 м. веч. предсѣдатель суда, ген.-отъ-инф. Водаръ оглашаетъ резолюцію суда:

„Съ 1907 года ноября 27-го по 1908 г. февраля 7-го дня верховный военно-уголовный судъ, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель ген-отъ-инф. Водаръ: члены: ген.-отъ-инф. Гончаровъ, г.-отъ-кав. бар. Бильдерлингъ, г.-отъ-инф. Аникѣевъ, г.-л. бар. Остенъ-Сакенъ, г.-л. Щербовичъ-Вечоръ, г.-л. Саранчовъ, г.-л. Рузскій, выслушалъ дѣло объ отставномъ г.-л. Стесселѣ, ген.-лейтенантахъ Смирновѣ и Фокѣ и ген.-м. Рейсѣ, преданныхъ суду Высочайшею властью по обвиненію въ разныхъ служебныхъ преступленіяхъ во время минувшей войны съ Японіею.

„По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, разъясненныхъ на судебномъ слѣдствіи и заключительными

преніями, верховный военно-уголовный судъ призналъ изъ числа подсудимыхъ виновными: отст. г.-л. Стесселя—въ томъ, что 20-го декабря 1904 года, состоя начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и главнымъ начальникомъ войскъ въ Портъ-Артурѣ, съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, г.-л. Смирнова, сдалъ крѣпость японцамъ, не употребивъ всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей ея оборонѣ, въ бездѣйствіи власти и въ дисциплинарномъ проступкѣ, и г.-л. Фока—въ дисциплинарномъ проступкѣ, почему, на основаніи 251 ст. XXII кн. и 33 ст. XXIII кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 3-е, верховный военно-уголовный судъ опредѣляетъ: подсудимаго, отст. г.-л. Стесселя подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, а г.-л. Фоку объявить выговоръ. По обвиненію же ген.-лейтенантовъ Стесселя и Фока въ остальныхъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ, г.-л. Смирнова и г.-м. Рейса—въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ—по недоказанности этихъ дѣяній, на основаніи 910 ст. XXIV кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 3, считать по суду оправданными. Вещественныя по дѣлу доказательства возвратить по принадлежности, откуда таковыя получены. Судебныя по дѣлу издержки, буде таковыя окажутся, обратить на признанныхъ виновными подсудимыхъ, съ круговой ихъ другъ за друга отвѣтственностью, согласно 1149 ст. XXIV кн. Св. В. П. 1869 г., изд. 3-е. Настоящій приговоръ, прежде обращенія его къ исполненію, представить черезъ военнаго министра на Высочайшее благоусмотрѣніе, согласно 1277[13] ст. той же книги и свода, по редакціи, объявленной въ прик. по воен. вѣд. 1906 г. № 285. Опредѣливъ отст. ген.-лейт. Стесселю наказаніе на точномъ основаніи закона, верховный военно-уголовный судъ, принимая во вниманіе, что крѣпость П.-Артуръ, осажденная съ моря и съ суши превосходными силами противника, выдержала, подъ руководствомъ ген.-л. Стесселя, небывалую по упорству въ лѣтописяхъ военной исторіи оборону и удивила весь міръ доблестью своихъ защитниковъ; что нѣсколько штурмовъ были отбиты съ громадными для противника потерями; что въ теченіе всей осады ген.-лейт. Стессель поддерживалъ геройскій духъ защитниковъ крѣпости, а также его прежнюю боевую службу и участіе въ трехъ кампаніяхъ,—

верховный военно-уголовный судъ Всеподданнѣйше ходатайствуетъ передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи отст. ген.-л. Стесселю опредѣленнаго судомъ наказанія заточеніемъ въ крѣпости на десять лѣтъ, съ исключеніемъ его изъ службы и съ лишеніемъ чиновъ и съ послѣдствіями, указанными въ 38 ст. XXII кн. св. в. пост., 1869 г., изд. 3-е.

— Генералъ лейтенантъ Смирновъ и генералъ-маіоръ Рейсъ, вы свободны, — говоритъ предсѣдатель, окончивъ чтеніе резолюціи, и объявляетъ затѣмъ, что о времени объявленія приговора въ окончательной формѣ подсудимые будутъ своевременно оповѣщены.

Въ 8 час. 40 мин. вечера засѣданіе объявлено закрытымъ.

11-го февраля ген. Стессель подалъ въ верховный военно-уголовный судъ прошеніе, въ которомъ, заявляя о своемъ желаніи „воспользоваться предоставленнымъ подсудимымъ правомъ прошенія на Высочайшее Имя“, ходатайствовалъ о выдачѣ копіи приговора и о разрѣшеніи ему и его защитникамъ ознакомиться съ вопроснымъ листомъ и резолюціей, а также просмотрѣть для справокъ протоколъ и все слѣдственное производство.

Верховный судъ, разсмотрѣвъ это прошеніе въ распорядительномъ засѣданіи 13-го февраля, постановилъ отклонить ходатайство ген. Стесселя о разрѣшеніи ему ознакомиться съ перечисленными выше документами, такъ какъ для подачи на Высочайшее Имя просьбы о помилованіи или облегченіи его участи никакой надобности въ ознакомленіи съ этими документами не встрѣчается (ст. 1277^{14} воен. судеб. уст.), просимую же имъ копію приговора постановилъ выдать [1]).

---

[1]) Согласно 1277^{12} ст. воен.-суд. уст. (по редакціи, объявленной въ приказѣ по воен. вѣд. 1906 г. № 285), приговоры постановляются верх. воен.-угол. судомъ окончательно, безъ допущенія протестовъ и жалобъ на нихъ; согласно же 1277^{14} ст. того же устава, со стороны осужденныхъ допускаются лишь просьбы о помилованіи или облегченіи ихъ участи, каковыя подаются въ верх. судъ и черезъ воен. министра представляются вмѣстѣ съ приговоромъ на Высочайшее усмотрѣніе.

XL. Приговоръ.

22-го февраля, въ 1 часъ дня, въ зданіи главнаго военно-судпаго управленія, въ залѣ судебныхъ засѣданій главнаго военнаго суда, состоялось объявленіе приговора въ окончательной формѣ. Присутствовали осужденные верховнымъ военно-уголовнымъ судомъ генералы Стессель и Фокъ.

Печатаемъ ниже изъ этого документа только ту его часть, которая содержитъ опредѣленіе суда относительно виновности генераловъ Стесселя и Фока въ однихъ преступленіяхъ и проступкахъ и оправданіе ихъ и генераловъ Смирнова и Рейса по остальнымъ предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ [1]).

По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ они выяснились на судебномъ слѣдствіи и заключительными преніями, верховный военно-уголовный судъ призналъ виновными:

Отставного генералъ-лейтенанта Стесселя въ томъ:

1) что, состоя въ должности начальника Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и главнымъ начальникомъ войскъ въ Портъ-Артурѣ, съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, генералъ-лейтенанта Смирнова, онъ, безъ предварительнаго собранія военнаго совѣта для рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ способѣ обороны крѣпости и вопреки мнѣнія военнаго совѣта 16-го декабря 1904 г., на которомъ большинство членовъ высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія, 19-го декабря того года послалъ, черезъ парламентера, командовавшему японской осадной арміей, генералу Ноги, предложеніе вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, а затѣмъ на другой день, 20-го декабря, черезъ своего начальника штаба, полковника, нынѣ генералъ-маіора Рейса, въ деревнѣ Шуйшуинъ заключилъ окончательную капитуляцію, тогда какъ въ то время положеніе крѣпости и ея храбрыхъ защитниковъ хотя и было весьма тяжелымъ, но, однако, къ тому времени не были еще употреблены всѣ средства къ дальнѣйшей ея оборонѣ и численность наличнаго состава гарнизона, состояніе его духа и количество боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ давали возможность продолжать таковую, при чемъ послѣ посылки парламентера распорядился объ очищеніи батареи лит. Б, хотя удержаніе ея представлялось возможнымъ и необходимымъ для дальнѣйшей обороны крѣпости;

---

[1]) Нами опущено изъ приговора, во избѣжаніе повторенія, изложеніе предъявленныхъ къ подсудимымъ обвиненій, каковыя приведены на страницахъ 68—76 настоящаго отчета.

2) что во время обороны крѣпости, зная о томъ, что генералъ-лейтенантъ Фокъ составляетъ и разсылаетъ начальствующимъ лицамъ, а также въ нѣкоторые штабы и управленія свои „замѣтки“, въ которыхъ, на ряду съ полезными указаніями относительно необходимыхъ способовъ веденія обороны, позволялъ себѣ въ рѣзкомъ и насмѣшливомъ тонѣ критиковать дѣйствія неподчиненныхъ ему лицъ и оскорблять ихъ, онъ, отставной генералъ-лейтенантъ Стессель, не принялъ, однако, мѣръ къ прекращенію распространенія этихъ замѣтокъ, и

3) что въ телеграммѣ, отправленной имъ 16-го декабря 1904 года на имя Его Величества Государя Императора, вслѣдствіе недостаточно тщательной провѣрки имѣвшихся у него свѣдѣній, помѣстилъ свѣдѣнія, несогласныя съ дѣйствительнымъ состояніемъ крѣпости къ 16-му декабря 1904 года.

Генералъ-лейтенанта Фока въ томъ, что во время обороны крѣпости составлялъ и разсылалъ начальствующимъ лицамъ, а также въ нѣкоторые штабы и управленія свои „замѣтки“, въ которыхъ на ряду съ полезными указаніями относительно необходимыхъ способовъ веденія обороны позволялъ себѣ въ рѣзкомъ и насмѣшливомъ тонѣ критиковать дѣйствія неподчиненныхъ ему лицъ и оскорблять ихъ.

По обвиненіямъ же отставного генералъ-лейтенанта Стесселя и генералъ-лейтенанта Фока въ другихъ указанныхъ выше противозаконныхъ дѣяніяхъ, а генералъ-лейтенанта Смирнова и генералъ-маіора Рейса въ совершеніи вообще противозаконныхъ дѣяній, въ учиненіи которыхъ они обвинялись, верховный военно-уголовный судъ постановилъ считать ихъ по суду оправданными, по недоказанности совершенія ими этихъ противозаконныхъ дѣяній, и притомъ по слѣдующимъ основаніямъ:

I. *Отставного генералъ-лейтенанта Стесселя:*

По 1 пункту предъявленнаго къ нему обвиненія: потому, что на полученное имъ отъ командовавшаго манчжурской арміей предписаніе, онъ, генералъ Стессель, 21-го іюня послалъ ему ходатайство объ оставленіи его, для пользы службы, въ Портъ-Артурѣ командовать войсками и на это свое ходатайство не только не получилъ подтвержденія сдать командованіе войсками генералу Смирнову, но даже впослѣдствіи получалъ разныя адресованныя на его имя, какъ начальника войскъ крѣпости, телеграммы, которыя давали ему основаніе быть убѣжденнымъ, что ходатайство его было уважено.

По 2 пункту: по недоказанности того обстоятельства, чтобы вмѣшательства генерала Стесселя въ права и обязанности коменданта и его распоряженія не оправдывались обстоятельствами дѣла и вносили неопредѣленность въ отношенія административныхъ лицъ и учрежденій, подрывали авторитетъ коменданта, вѣру въ него и порождали несогласія между старшими начальствующими лицами и вообще наносили вредъ обороноспособности крѣпости, тѣмъ болѣе, что верховнымъ военно-уголовнымъ судомъ признано, что вмѣшательства эти не выходили изъ предѣловъ власти, предоставленной генералу Стесселю.

По 3 пункту: по недоказанности вообще того обстоятельства, что

несмотря на представлявшуюся къ тому возможность, въ крѣпости Портъ-Артуръ не было принято всѣхъ мѣръ къ увеличенію нѣкоторыхъ продовольственныхъ средствъ гарнизона.

По 5, 6 и 7 пунктамъ: по недоказанности, что въ донесеніяхъ отставного генералъ-лейтенанта Стесселя отъ 14-го и 18-го мая на имя командовавшаго манчжурской арміей и намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ о боѣ при Цзинь-Чжоу, отъ 15-го мая на имя командовавшаго манчжурской арміей объ отступленіи отряда генерала Фока къ Волчьимъ горамъ и отъ 1-го іюня на имя командовавшаго манчжурской арміей о дѣятельности его, генерала Стесселя, въ Портъ-Артурѣ, помѣщены свѣдѣнія, не согласныя съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла.

По 8 пункту: вслѣдствіе признанія верховнымъ военно-уголовнымъ судомъ доказаннымъ, что отставной генералъ-лейтенантъ Стессель въ телеграммѣ своей на имя Его Величества Государя Императора отъ 16-го декабря 1904 г. помѣстилъ свѣдѣнія, несогласныя съ дѣйствительнымъ состояніемъ крѣпости къ 16-му декабря не умышленно, а лишь потому, что недостаточно тщательно провѣрилъ имѣвшіяся у него свѣдѣнія, въ чемъ онъ и признанъ виновнымъ.

По 9 пункту: потому что, хотя верховный военно-уголовный судъ и призналъ доказаннымъ, что въ бою при Цзинь-Чжоу генералы Фокъ и Надѣинъ не оказали отличій, которыя давали бы право генералу Стесселю представлять ихъ за этотъ бой къ награжденію орденами св. Георгія 3 степени, тѣмъ не менѣе въ то же время призналъ, что это представленіе ихъ къ наградамъ не было учинено генераломъ Стесселемъ завѣдомо неправильно и ложно: относительно же генералъ-маіора Рейса признано, что на это представленіе генералъ Стессель имѣлъ свои законныя основанія.

По 10 пункту, по которому отставной генералъ-лейтенантъ Стессель, между прочимъ, обвинялся въ томъ, что, уполномочивъ своего начальника штаба полковника, нынѣ генералъ-маіора Рейса окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не далъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условій, почему эти условія капитуляціи крѣпости оказались невыгодными и унизительными для достоинства Россіи, на томъ основаніи, что условія капитуляціи хотя и были не почетны, однако, верховный военно-уголовный судъ призналъ недоказаннымъ, чтобы по обстоятельствамъ дѣла представлялось возможнымъ добиться болѣе выгодныхъ условій.

II. *Генералъ-лейтенанта Фока:*

По 1 пункту предъявленнаго къ нему обвиненія на томъ основаніи, что при признаніи даже доказаннымъ, что генералъ-лейтенантъ Фокъ въ бою при Цзинь-Чжоу не оказалъ надлежащей распорядительности, верховный военно-уголовный судъ тѣмъ не менѣе не нашелъ возможнымъ поставить ему въ вину неисполненіе приказанія генерала Стесселя упорно оборонять Цзинь Чжоускую позицію, доведя дѣло до штыковыхъ свалокъ, съ одной стороны, потому, что ему, генералу Фоку, были

извѣстны также директивы командовавшаго манчжурской арміей и намѣстника Его Величества на Дальнемъ Востокѣ, коими указывалось, что главная цѣль его отряда своевременно отойти къ Портъ-Артуру, а не удерживать Цзинь-Чжоу, а, съ другой, что характеръ обстановки, обнаружившейся во время боя, былъ неблагопріятенъ для упорной обороны.

По 2 пункту: по недоказанности самыхъ фактовъ, чтобы генералъ-лейтенантъ Фокъ во время боя 8-го августа 1904 г. не тотчасъ исполнилъ приказаніе коменданта крѣпости двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверо-восточнаго фронта два баталіона, а предварительно вошелъ по сему предмету въ неумѣстное съ нимъ пререканіе, и что кромѣ того не пошелъ самъ туда съ этою послѣднею частью командуемаго имъ въ то время резерва.

По 3 пункту, по которому генералъ-лейтенантъ Фокъ, между прочимъ, обвинялся въ томъ, что онъ распространялъ свои „замѣтки“ изъ малодушнаго тщеславія и въ этихъ „замѣткахъ“ проводилъ мысль, что укрѣпленія и форты слѣдуетъ защищать безъ большихъ жертвъ, чѣмъ колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность и необходимость держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности, по недоказанности этихъ обстоятельствъ; то же обстоятельство, что въ этихъ „замѣткахъ“ генералъ Фокъ позволялъ себѣ въ рѣзкомъ и насмѣшливомъ тонѣ критиковать дѣйствія неподчиненныхъ ему лицъ и оскорблять ихъ, верховный военно-уголовный судъ призналъ доказаннымъ и поставилъ ему въ вину.

По 4 пункту: потому что, несмотря на доказанность распоряженія генералъ-лейтенанта Фока очистить фортъ № II и взорвать его не только безъ испрошенія на то разрѣшенія своего непосредственнаго начальника, коменданта крѣпости, но даже безъ предварительнаго ему доклада о полученномъ имъ, генераломъ Фокомъ, на это согласіи генерала Стесселя, верховный военно-уголовный судъ, тѣмъ не менѣе, не призналъ возможнымъ вышеизложенное поставить въ вину генералу Фоку, такъ какъ на очищеніе форта № II и взрывъ его онъ получилъ приказаніе старшаго своего начальника, генерала Стесселя; за то же, что не доложилъ предварительно коменданту о полученномъ приказаніи, послѣдній ему сдѣлалъ уже въ свое время замѣчаніе.

По 5 пункту: по недоказанности тѣхъ обстоятельствъ, чтобы генералъ-лейтенантъ Фокъ чѣмъ-либо содѣйствовалъ генералу Стесселю въ сдачѣ крѣпости и докладывалъ ему о необходимости немедленно послать парламентера съ предложеніемъ сдать таковую; затѣмъ, несмотря на доказанность, что очищеніе безъ боя Куропаткинскаго люнета, Малаго Орлинаго Гнѣзда и батареи литера Б послѣдовали по распоряженію генералъ-лейтенанта Фока, верховный военно-уголовный судъ не призналъ, однако, возможнымъ поставить ему это въ вину, такъ какъ на очищеніе этихъ укрѣпленій онъ получилъ приказаніе своего начальника, генерала Стесселя, и, исполняя таковое, не сознавалъ, что этимъ дальнѣйшая оборона крѣпости ставится въ невыгодныя условія.

III. *Генералъ-лейтенанта Смирнова:*

По 1 пункту обвиненія: по недоказанности, чтобы генералъ-лейте-

нантъ Смирновъ проявилъ въ то время бездѣйствіе власти, и къ тому же верховный военно-уголовный судъ нашелъ, что по одному лишь подозрѣнію, не подтвержденному реальными данными, онъ, генералъ Смирновъ, не имѣлъ даже права принять другихъ мѣръ, кромѣ той, которую онъ принялъ, пославъ телеграмму главнокомандующему.

По 2 пункту: потому что, по мнѣнію верховнаго военно-уголовнаго суда, при существовавшей въ то время обстановкѣ въ крѣпости, генералъ-лейтенантъ Смирновъ не имѣлъ уже возможности принять мѣръ, указанныхъ въ этомъ пунктѣ обвиненія, а также другихъ какихъ-либо мѣръ къ воспрепятствованію сдачи крѣпости.

IV. *Генералъ-маіора Рейса:*

Съ одной стороны, вслѣдствіе недоказанности, что онъ, генералъ Рейсъ, зналъ заранѣе о предположеніи генерала Стесселя сдать крѣпость и оказывалъ ему въ томъ содѣйствіе, а съ другой, что хотя ген.-маіоръ Рейсъ перевелъ на англійскій языкъ составленное самимъ генераломъ Стесселемъ письмо на имя генерала Ноги съ предложеніемъ сдать крѣпость и послалъ это письмо по назначенію, но сдѣлалъ это по приказанію генерала Стесселя, при чемъ, исполняя таковое приказаніе, не видѣлъ, что этимъ совершаетъ что-либо явно преступное (69 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3). Что же касается до тѣхъ сужденій, которыя были высказаны генералъ-маіоромъ Рейсомъ на совѣтѣ обороны 25-го ноября и военномъ совѣтѣ 16-го декабря 1904 года о тяжеломъ положеніи крѣпости и безцѣльности дальнѣйшей ея обороны, то вышеизложенныя сужденія, по мнѣнію верховнаго военно-уголовнаго суда, не могутъ быть признаны уголовными дѣяніями, такъ какъ они высказывались не съ цѣлью убѣдить членовъ означенныхъ совѣтовъ въ необходимости скорой сдачи крѣпости, а лишь потому, что генералъ Рейсъ долженъ былъ, какъ и другіе члены совѣтовъ, высказать свое мнѣніе о положеніи крѣпости, при чемъ вѣрилъ въ правоту своего мнѣнія. Равнымъ образомъ, при доказанности, что условія капитуляціи были непочетны, верховный военно-уголовный судъ не призналъ возможнымъ поставить въ вину генералу Рейсу подписаніе капитуляціи на непочетныхъ условіяхъ, потому что призналъ недоказаннымъ, чтобы по обстановкѣ дѣла ему представлялось возможнымъ добиться болѣе выгодныхъ условій.

Независимо отъ этого, несмотря на доказанность того обстоятельства, что полученная 13-го іюня 1904 г. въ штабѣ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона телеграмма командовавшаго манчжурской арміей на имя коменданта крѣпости, генералъ-лейтенанта Смирнова, въ которой предписывалось ему вступить въ командованіе войсками крѣпости вмѣсто генерала Стесселя, была скрыта и не доставлена по назначенію, верховный военно-уголовный судъ не призналъ, однако, возможнымъ поставить вышеизложенное въ вину ни генералу Стесселю, по распоряженію котораго телеграмма эта не была передана генералу Смирнову, ни генералъ-маіору Рейсу, который не передалъ ея по назначенію, такъ какъ по отношенію генерала Стесселя призналъ не доказаннымъ, чтобы, дѣлая

это распоряженіе, онъ дѣйствовалъ изъ личныхъ видовъ, а напротивъ доказаннымъ, что таковое распоряженіе было сдѣлано имъ по служебнымъ соображеніямъ, что и подтверждается письмомъ его отъ 21-го іюня командовавшему манчжурской арміей, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ оставленіи его, генерала Стесселя, для пользы службы, командовать войсками въ Портъ-Артурѣ, а по отношенію генералъ-маіора Рейса вслѣдствіе признанія не доказаннымъ, что, исполняя отданное ему по сему предмету приказаніе своего начальника, онъ сознавалъ, что такое приказаніе является явно преступнымъ (69 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3).

Переходя затѣмъ къ опредѣленію свойствъ, учиненныхъ отставнымъ генералъ-лейтенантомъ Стесселемъ и генералъ-лейтенантомъ Фокомъ противозаконныхъ дѣяній, указанію законовъ, которыми они предусмотрѣны, и назначенію имъ наказаній верховный военно-уголовный судъ находитъ, что первое дѣяніе, въ которомъ признанъ виновнымъ отставной генералъ-лейтенантъ Стессель и выразившееся въ томъ, что, будучи старшимъ начальникомъ войскъ въ крѣпости Портъ-Артуръ съ подчиненіемъ ему коменданта крѣпости, онъ 20-го декабря 1904 г. сдалъ эту крѣпость японскимъ войскамъ, не употребивъ всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей ея оборонѣ, тогда какъ численность наличнаго состава гарнизона, состояніе его духа и количество боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ давали возможность продолжать оборону, по признакамъ своимъ, вполнѣ подходитъ подъ преступленіе, предусмотрѣнное 251 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, на основаніи которой комендантъ или военный начальникъ, сдавшій непріятелю крѣпость или иное укрѣпленное мѣсто, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести или не употребивъ всѣхъ средствъ обороны, подвергается смертной казни, каковое наказаніе верховный военно-уголовный судъ и назначилъ отставному генералъ-лейтенанту Стесселю за указанное преступленіе. Второе противозаконное дѣяніе, выразившееся въ томъ, что во время обороны крѣпости, зная о составленіи генералъ-лейтенантомъ Фокомъ и разсылкѣ имъ начальствующимъ лицамъ, а также въ нѣкоторые штабы и управленія „замѣтокъ", въ которыхъ на ряду съ полезными указаніями относительно необходимыхъ способовъ веденія обороны, генералъ-лейтенантъ Фокъ позволялъ себѣ въ рѣзкомъ и насмѣшливомъ тонѣ критиковать дѣйствія неподчиненныхъ ему лицъ и оскорблять ихъ, онъ, отставной генералъ-лейтенантъ Стессель, тѣмъ не менѣе, не принялъ мѣръ къ прекращенію распространенія этихъ замѣтокъ, по признакамъ своимъ, является бездѣйствіемъ со стороны его, генерала Стесселя, предоставленной ему власти, такъ какъ несомнѣнно, что, бывъ старшимъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ осажденной крѣпости, ему надлежало, въ интересахъ службы и поддержанія внутренняго порядка въ войскахъ, предупреждать всякія неправильныя дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ, могущія вызвать неудовольствія среди чиновъ ввѣреннаго ему гарнизона крѣпости. Такое бездѣйствіе со стороны отставного генералъ-лейтенанта Стесселя власти, въ виду признанія верховнымъ военно-уголовнымъ судомъ доказаннымъ

что въ данномъ случаѣ оно не было и не могло быть важнымъ, предусмотрѣно 147 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, на основаніи которой виновные подвергаются или содержанію на гауптвахтѣ отъ одного до шести мѣсяцевъ или взысканію дисциплинарному. Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, верховный военно-уголовный судъ избралъ генералу Стесселю за второе противозаконное дѣяніе арестъ на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ. Третье противозаконное дѣяніе, выразившееся въ томъ, что въ телеграммѣ, отправленной 16-го декабря 1904 года Его Величеству Государю Императору, онъ, вслѣдствіе недостаточно тщательной провѣрки имѣвшихся у него данныхъ, помѣстилъ свѣдѣнія о состояніи крѣпости, не согласныя съ дѣйствительнымъ состояніемъ таковой къ этому дню, несомнѣнно, должно быть признано нарушеніемъ со стороны его, генерала Стесселя, служебныхъ обязанностей, тѣмъ болѣе, что донесеніе это было послано Его Величеству Государю Императору, почему генералъ Стессель обязывался съ большимъ вниманіемъ отнестись къ своему донесенію. Вышеуказанное нарушеніе служебныхъ обязанностей предусмотрѣно 417 ст. улож. о наказ. угол. и исправит., изданія 1885 года, согласно которой должностное лицо, составляя рапортъ или донесеніе о какомъ-либо дѣлѣ, не удостовѣрится надлежащимъ образомъ въ истинныхъ обстоятельствахъ и существѣ онаго и представитъ сіе дѣло въ видѣ неполномъ или невѣрномъ, впрочемъ безъ всякаго противозаконнаго намѣренія, подвергается за сіе, смотря по важности дѣла и винѣ его: или выговору, со внесеніемъ сего въ послужной его списокъ, или же вычету отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года изъ времени службы, или и удаленію отъ должности. А посему и принимая во вниманіе, что отставной генералъ-лейтенантъ Стессель нынѣ на службѣ не состоитъ и никакой должности не занимаетъ, верховный военно-уголовный судъ избралъ ему изъ числа указанныхъ выше наказаній за допущенное имъ нарушеніе служебныхъ обязанностей выговоръ, со внесеніемъ такового въ послужной его списокъ.

Что же касается до генералъ-лейтенанта Фока, то противозаконное дѣяніе его, выразившееся въ томъ, что во время обороны крѣпости онъ составлялъ и разсылалъ начальствующимъ лицамъ, а также въ нѣкоторые штабы и управленія свои „замѣтки“, въ которыхъ, на ряду съ полезными указаніями относительно необходимыхъ способовъ веденія обороны, позволялъ себѣ въ рѣзкомъ и насмѣшливомъ тонѣ критиковать дѣйствія не подчиненныхъ ему лицъ и оскорблять ихъ, по признакамъ своимъ составляетъ дисциплинарный проступокъ, за каковой онъ и подлежитъ отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго устава, а потому и, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, верховный военно-уголовный судъ изъ числа указанныхъ въ 33 ст. XXIII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, дисциплинарныхъ взысканій избралъ ему выговоръ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, верховный военно-уголовный судъ п о с т а н о в и л ъ: отставного генералъ-лейтенанта Анатолія Михайловича Стесселя, 59 лѣтъ, какъ признаннаго виновнымъ въ томъ, что, состоя начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и главнымъ начальникомъ войскъ въ крѣпости Портъ-Артуръ, съ подчиненіемъ ему

коменданта крѣпости, генералъ-лейтенанта Смирнова, онъ, отставной генералъ-лейтенантъ Стессель, 20-го декабря 1904 года сдалъ эту крѣпость японскимъ войскамъ, не употребивъ всѣхъ средствъ къ дальнѣйшей ея оборонѣ, а также въ бездѣйствіи власти и маловажномъ нарушеніи служебныхъ обязанностей, согласно 3, 13, 147, и 251 ст. ст. XXII кн. Св. Воен. Пост. 1869 года, изд. 3, а также 152 и 417 ст. улож. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подвергнуть смертной казни черезъ разстрѣляніе, безъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, а генералъ-лейтенанта Александра Викторовича Фока, 64 лѣтъ, хотя и признаннаго виновнымъ въ дисциплинарномъ проступкѣ и приговореннаго за таковой къ выговору, отъ сего дисциплинарнаго взысканія освободить, въ силу давности, согласно 92 ст. XXII кн. и 2 п. 910 ст. XXIV кн. Св. В. П. 1869 г. изд. 3, по редакціи, объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 1903 года № 489, такъ какъ со времени учиненія имъ дисциплинарнаго проступка прошло болѣе шести мѣсяцевъ.

По обвиненію же отставного генералъ-лейтенанта Стесселя и генералъ-лейтенанта Фока въ остальныхъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ, а равно генералъ-лейтенанта Константина Николаевича Смирнова, 53 лѣтъ, и генералъ-маіора Рейса, 43 лѣтъ, въ предъявленныхъ къ нимъ обвиненіяхъ, по недоказанности таковыхъ обвиненій, на основаніи 1 п. 910 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3, считать ихъ по суду оправданными.

Вещественныя по дѣлу доказательства возвратить по принадлежности, откуда таковыя получены. Судебныя по дѣлу издержки, буде таковыя окажутся, обратить на признанныхъ виновными подсудимыхъ съ круговою ихъ друга за друга отвѣтственностью, согласно 1149 ст. XXIV кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3. Настоящій приговоръ, прежде обращенія его къ исполненію, представить черезъ военнаго министра на Высочайшее благоусмотрѣніе, согласно 1277[13] ст. той же книги и свода, по редакціи, объявленной въ приказѣ по военному вѣдомству 1906 г. № 285.

Опредѣливъ отставному генералъ-лейтенанту Стесселю наказаніе на точномъ основаніи закона, верховный военно-уголовный судъ, принимая во вниманіе, что крѣпость Портъ-Артуръ, осажденная съ моря и съ суши превосходными силами противника, выдержала подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Стесселя небывалую по упорству въ лѣтописяхъ военной исторіи оборону и удивила весь міръ доблестью своихъ защитниковъ, что нѣсколько штурмовъ были отбиты съ громадными для противника потерями, что въ теченіе всей осады генералъ-лейтенантъ Стессель поддерживалъ геройскій духъ защитниковъ крѣпости, а также его прежнюю боевую службу и участіе въ трехъ кампаніяхъ, верховный военно-уголовный судъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи отставному генералъ-лейтенанту Стесселю опредѣленнаго судомъ наказанія, заточеніемъ въ крѣпости на десять лѣтъ, съ исключеніемъ его изъ службы и съ лишеніемъ чиновъ и съ послѣдствіями, указанными въ 38 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 3.

Подлинный подписали: Предсѣдатель, генералъ-отъ-инфантеріи *Водаръ*. Члены: генералъ-отъ-инфантеріи *Гончаровъ*, генералъ-отъ-кавалеріи

баронъ *Вильдерлингъ*, генералъ-отъ-инфантеріи *Аникѣевъ*, генералъ-лейтенантъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*, генералъ-лейтенантъ *Щербовичъ-Вечоръ*, генералъ-лейтенантъ *Саранчовъ*, генералъ-лейтенантъ *Русскій*, исп. обязанности секретаря полковникъ *Апушкинъ*.

XLI.

Высочайшая конфирмація приговора. - Высочайшій приказъ Арміи и Флоту отъ 5 марта 1908 г. — Приведеніе приговора въ исполненіе.

24-го февраля осужденному генералу Стесселю выдана была копія приговора, а 27-го февраля онъ представилъ въ верховный военно-уголовный судъ свое всеподданнѣйшее прошеніе, которое вмѣстѣ съ приговоромъ въ тотъ же день, 27-го февраля, чрезъ военнаго министра, было представлено на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе.

Въ 4-й день марта мѣсяца 1908 года воспослѣдовала Высочайшая конфирмація приговора, по коей опредѣленное судомъ отставному генералу Стесселю наказаніе всемилостивѣйше смягчено въ предѣлахъ ходатайства суда, и 5-го марта въ Высочайшемъ приказѣ по военному вѣдомству было объявлено:

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ: опредѣленное приговоромъ Верховнаго военно-уголовнаго суда отставному генералъ-лейтенанту **Стесселю** наказаніе за преступленія, совершенныя имъ въ бытность начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона и предусмотрѣнныя 147 и 251 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3, и 417 ст. Улож. о наказ. угол. и испр., замѣняется заточеніемъ его въ крѣпости на десять лѣтъ, съ исключеніемъ его изъ службы, лишеніемъ чиновъ и послѣдствіями, указанными въ 38 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3.

ПО ПРИГОВОРУ *Верховнаго военно-уголовнаго суда:* бывшаго коменданта крѣпости Портъ-Артуръ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта **Смирнова** по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 142 и 145 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3, опредѣлено считать по суду оправданнымъ, по недоказанности таковыхъ; бывшаго начальника 4-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, генералъ-лейтенанта **Фока** по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 104, 141, 145, 262 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3, 13 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. и 251 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3, опредѣлено считать по суду оправданнымъ, по недоказанности таковыхъ; за признанный же за нимъ судомъ дисциплинарный проступокъ опредѣлено считать его освобожденнымъ отъ назначеннаго ему дисциплинарнаго взысканія, за давностью, на основаніи 92 ст. той же XXII, С. В. П., изд. 3 (по ред. прик. по воен. вѣд.

1903 г. № 489); исполнявшаго должность начальника штаба Квантунскаго укрѣпленнаго раіона, генеральнаго штаба генералъ-маіора Рейса по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 ст. Улож. о наказ. угол. и испр. и 251 ст. XXII, С. В. П. 1869 г., изд. 3, опредѣлено считать по суду оправданнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованъ былъ и слѣдующій Высочайшій приказъ Арміи и Флота:

„Геройская оборона Портъ-Артура, удивлявшая весь міръ стойкостью и мужествомъ гарнизона, внезапно была прервана позорною сдачею крѣпости.

„Верховный судъ, карая виновника сдачи, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полномъ величіи правды возстановилъ незабвенные подвиги храбраго гарнизона.

„Доблестные защитники Портъ-Артура! Геройскими подвигами вашими, беззавѣтною храбростью и вѣрностью присягѣ, проявленными вами при оборонѣ нашей твердыни на Дальнемъ Востокѣ, вы стяжали себѣ безсмертную славу и вписали новую блестящую страницу въ лѣтопись подвиговъ русскаго воинства. Благодарная Россія гордится вами и не забудетъ вашихъ подвиговъ, какъ не забывали и вы свой долгъ передъ нею“.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Н И К О Л А Й».

Въ Царскомъ Селѣ, 5-го марта 1908 года.

Въ тотъ же день 5-го марта главный военный прокуроръ препроводилъ помощнику Главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа копію Высочайше утвержденнаго 4-го марта приговора верховнаго военно-уголовнаго суда для безотлагательнаго приведенія такового въ исполненіе въ отношеніи осужденнаго Стесселя, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ Канцлеру Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ объ имѣющихся у генерала Стесселя орденахъ, которыхъ онъ въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 4-го марта и согласно 38 ст. воин. уст. о наказ. нынѣ лишенъ.

7-го марта, въ 10 час. утра, Стесселъ доставленъ былъ въ С.-Петербургскую (Петропавловскую) крѣпость и заключенъ въ отдѣльную камеру Екатерининской куртины [1]).

2-го апрѣля 1908 года Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству уволены отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ, съ пенсіею, генералъ-лейтенанты Смирновъ и Фокъ и генералъ-маіоръ Рейсъ.

---

[1]) Подробности этого заключительнаго акта процесса находимъ въ офиціальномъ письмѣ въ редакцію „Нов. Времени“ (№ 11491), за подписью и. д. секретаря комендантскаго управленія С.-Петербургской крѣпости капитана Нарбекова. Въ опроверженіе невѣрныхъ свѣдѣній, проникшихъ въ печать о заключеніи Стесселя въ крѣпость, кап. Нарбековъ сообщаетъ слѣдующее: „1) О прибытіи дворянина А. М. Стесселя комендантскому управленію крѣпости сообщено было наканунѣ, то-есть 6-го марта, и помѣщеніе для него, отдѣльная камера, было приготовлено заранѣе. 2) Прибывъ въ сопровожденіи адъютанта С.-Петербургскаго комендантскаго управленія къ подъѣзду комендантскаго управленія крѣпости, дворянинъ А. М. Стессель, по болѣзненному состоянію, не могъ вмѣстѣ съ адъютантомъ подняться на лѣстницу (комендантское управленіе во второмъ этажѣ) и по просьбѣ сопровождавшаго его адъютанта ему былъ вынесенъ изъ канцеляріи стулъ. 3) По докладѣ дежурнымъ по крѣпости адъютантомъ коменданту крѣпости пакета С.-Петербургскаго коменданта о прибытіи дворянина А. М. Стесселя для заключенія въ крѣпость, немедленно послѣдовало приказаніе принять его въ Екатерининскую куртину. 4) Необходимый для принятія въ крѣпость документъ приговоръ верховнаго военно-уголовнаго суда, былъ доставленъ въ комендантское управленіе крѣпости не болѣе какъ черезъ часъ времени. 5) Камера заключенія представляетъ высокое помѣщеніе не „около 8 квадр. аршинъ“, а болѣе 8 аршинъ въ квадратѣ (64 кв. арш.) 6) Обстановка комнаты: кровать, столъ и стулья, какъ и во всѣхъ прочихъ камерахъ крѣпости, въ полной исправности“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. Предварительное слѣдствіе. Дѣятельность слѣдственной по Высочайшему повелѣнію комиссіи о сдачѣ крѣп. Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ. 1

Дѣятельность исправл. обяз. военнаго слѣдователя, д. т. с. Быкова 51

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. Преданіе суду 63

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. Приготовительныя къ суду распоряженія . 77

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Судъ.

I. 27-е ноября 1907 г. Засѣданіе 1-е. Открытіе засѣданія.— Повѣрка свидѣтелей. Допускъ къ допросу новыхъ свидѣтелей.— Чтеніе обвинительнаго акта 107

II. 29-е ноября. — Засѣданіе 2-е. Окончаніе чтенія обвинительнаго акта.— Приводъ свидѣтелей къ присягѣ.— **Изслѣдованіе обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя.** — Допросъ свидѣтелей: ген.-адъют. **Куропаткина** и подпоруч. **Музалевскаго** 113

III. 30-е ноября.— Засѣданіе 3-е. Изслѣдованіе обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя. — Допросъ свидѣтелей: ген.-адъют. **Куропаткина**, ген.-м. **Третьякова**, ген.-лейт. **Никитина**, ген.-м. **Грязнова** и кап. **Ясенскаго**. 120

IV. 1-е декабря. -Засѣданіе 4-е. Изслѣдованіе обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя: допросъ свидѣтелей: генераловъ **Бѣлаго, Никитина** и **Третьякова**, полковника **Дмитревскаго**, подполковниковъ **Романовскаго, Одинцова** и **Гурко** 135

V. 3-ед екабря.—Засѣданіе 5-е. Изслѣдованія обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя. Допросъ свидѣтелей: нижн.-подполковника **фонъ-Шварца**, нижн. десятника **Янова**, кап. 2-го ранга **Шельтинга**, к.-адм. **Лащинскаго**, ген. шт. подполк. **Одинцова**, подполк. **Бончъ-Осмоловскаго**, г-на **Курилова**, подполк. **Сычева**, подпоруч. **Сады-**

Стр.

кова, шт.-кап. **Соломонова** и поруч. **Костюшко-Валюжинича.** Объясненія ген.-лейт. **Смирнова** 148

VI. 4 декабря.— Засѣданіе 6-е. Окончаніе изслѣдованія обстоятельствъ Цзиньчжоускаго боя. Допросъ свидѣтелей: подполковника **Бѣлозора**, ген. **Бѣлаго**, шт.-кап. **Ручьева**, полк. **Хвостова**, г-на **Курилова**, полк. **Романовскаго**, ген.-м. **Мехмандарова**, капитановъ **Аноева** и **Карамышева**, шт.-кап. **Ратайскаго**, **Руссау** и **Кишинскаго**, поруч. **Орелъ**, подпор. **Козина.** Показаніе ген.-м. **Надѣина.** Объясненіе ген. **Стесселя**. 159

VII. 5-е декабря. — Засѣданіе 7-е. Объ отозваніи Стесселя изъ Портъ-Артура. Допросъ свидѣтелей: ген.-адъют. **Куропаткина**, поруч. **кн. Гантимурова**, кап. **Аноева**, подполковниковъ **Голованя, Степанова, Одинцова** и **Гурко** 166

VIII. 7-е декабря. Засѣданіе 8-е. „Замѣтки" ген. Фока. Допросъ свидѣтелей: ген.-маіоровъ **Горбатовскаго** и **Семенова**, к.-адм. **Григоровича**, полк. **Хвостова**, инж.-подполк. **фонъ-Шварца**, инж.-кап. **Родіонова.** Показаніе ген.-м. **Ирмана.** Вопросъ о предѣлахъ крѣпостного раіона. 194

IX. 8-е декабря.— Засѣданіе 9-е. Продолжается **выясненіе предѣловъ крѣпостного раіона.** Допросъ полк. **Дмитревскаго.** Слова — **о замѣткахъ ген. Фока.** Допросъ свидѣтелей: подполк. **Романовскаго**, ген.-м. **Грязнова**, полк. **Дмитревскаго**, отст. ген.-м. **Петруши**, полк. **Гандурина**, полк. **Верховскаго** и полк. **Галицинскаго. — Невысылка ген. Фокомъ резерва 8 августа 1904 г.** — Объясненія ген. **Смирнова** и **Фока** 202

X. 10-е декабря.— Засѣданіе 10-е. Дослѣдованіе факта о невысылкѣ резерва ген. Фокомъ 8-го августа 1904 г. Допросъ поручика **Гаммера. — Вмѣшательство ген. Стесселя въ дѣятельность коменданта крѣпости.** Объясненіе ген. **Смирнова.** Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова**, подполк. **Вершинина**, инж.-полк. **Григоренко**, подполк. **Достовалова** и ген.-м. **Бѣлаго** 208

XI. 11-е декабря.— Засѣданіе 11-е. Изслѣдованіе дѣятельности ген. Стесселя въ Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: г-на **Успенскаго**, инж.-кап. **Родіонова**, ген.-м. **Костенко**, полк. кн. **Микеладзе**, г-на **Ножина**, полковниковъ **Крестинскаго, Павловскаго, Верховскаго** и **Галицинскаго**, г-на **Серебренникова.** Показанія свидѣтелей: врачей **Рябинина** и **Субботина** и подполковника **Дювернуа** . 217

XII. 12-е декабря.— Засѣданіе 12-е. О дѣятельности ген. Стесселя въ Портъ-Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: кап. 1-го р. **Криницкаго**, кап. 2-го р. **Лепко.** Объясненія ген. **Стесселя** и **Смирнова.** Показанія кап. **Флорова**, шт.-кап. **Васильева**, подполк. **Романовскаго**, поруч. **Кальнина**, г-на **Курилова**, г-на **Дылевскаго**, шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича**, кап. **Аноева**, поруч. **Линденвальда**, подполковника **Музеуса**, отст. ген.-м. **Петруши**, к.-адм. **Вирена**. . . . 226

Стр.

XIII. 14-е декабря. Засѣданіе 13-е. О неправильномъ награжденіи Стесселемъ подчиненныхъ ему лицъ. Объясненія ген. **Стесселя** и **Рейса**. Показаніе полк. **Хвостова**. — Предписаніе ген. Стесселя о прекращеніи работъ на 2-й и 3-ей оборон. линіяхъ. **Совѣтъ обороны 25-го ноября.** — Объясненія генераловъ **Смирнова, Фока, Стесселя** и **Рейса**. Допросъ свидѣтелей: полковниковъ **Хвостова** и **Григоренко**, ген.-м. **Горбатовскаго** и **Бѣлаго**, ген.-л. **Никитина** и поруч. **Гаммера**.—**Назначеніе ген.-лейт. Фока начальникомъ сухопутн. обороны.**— Объясненія ген. **Смирнова, Рейса, Стесселя**. — Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова**, ген.-м. **Третьякова** и **Мехмандарова**, к. адм. **Григоровича** и **Лащинскаго** 231

XIV. 15-е декабря. — Засѣданіе 14-е. Оборона и очищеніе форта № II-й. Объясненія подсудимыхъ генераловъ **Смирнова, Фока** и **Стесселя**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго** и **Мехмандарова**, полковниковъ **Хвостова, Григоренко** и **Дмитревскаго**, подполк. **Степанова**, кап. **Кватца** и лейт. **Витгефта 2-го**. . 241

XV. 17-е декабря.—Засѣданіе 15-е. Военный совѣтъ 16-го декабря 1904 г. — Объясненія подсудимыхъ генераловъ **Смирнова** и **Рейса**. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Голованя**, полковниковъ **Дмитревскаго, Гандурина, Хвостова, Григоренко**, к.-адм. **Вирена**, ген.-м. **Семенова** и отст. ген.-м. **Петруши**. 254

XVI. 18-е декабря. — Засѣданіе 16-е. Военный совѣтъ 16-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Мехмандарова**, отст. ген.-м. **Некрашевича-Поклада**, ген.-маіоровъ **Грязнова** и **Горбатовскаго**, ген.-л. **Никитина**, подполк. **Голованя**. Объясненія подсудимыхъ ген.-м. **Рейса**, ген.-л. **Фока** и **Смирнова** и ген. **Стесселя** . . 263

XVII. 19-е декабря. — Засѣданіе 17-е. Очищеніе форта II-го 5-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: капитановъ **Мацкунаса** и **Флорова**, лейтенантовъ **Подгурскаго** и **Максимова 7-го**, подпоруч. **Садыкова**. **Очищеніе Скалистаго кряжа и Китайской стѣнки 18-го декабря 1904 г.** Объясненіе ген. **Смирнова**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго**, полк. **Дмитревскаго** и подполковника **Степанова**. — **Послѣдній день обороны — 19-е декабря.** Объясненіе ген. **Смирнова**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Горбатовскаго**, подполк. **Степанова** и полк. **Дмитревскаго**. 272

XVIII. 28-е декабря. — Засѣданіе 18-е. Очищеніе Китайской стѣнки 18-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: полк. **Гандурина** и ген.-м. **Мехмандарова**.— **Оборона и паденіе Большого Орлинаго Гнѣзда** 19-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: полковника **Галицинскаго** и подпоруч. **Гринцевича**. 283

XIX. 29-е декабря.—Засѣданіе 19-е. Событія 18-го и 19-го декабря 1904 г. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Мехмандарова**, подполковника **Степанова**, полк. **Галицинскаго**. Объясненіе ген. **Фока**. Показанія ген.-м. **Горбатовскаго**, полк. **Лебединскаго**, подполков-

Стр.

пика **фонъ-Шварца**, кап. **Курдюкова**, пор. **Падейскаго**, подполковниковъ **Бончъ-Осмоловскаго** и **Васильева**, кап. **Ясенскаго**, шт.-кап. **Ручьева**, поручиковъ **Грибовскаго**, **Кальнина** и **Безсалова**. 289

XX. 31-е декабря. — Засѣданіе 20-е. Дослѣдованіе обстоятельствъ очищенія Китайской стѣнки и батареи Б. Допросъ свидѣтелей: кап. **Сойманова** и ген.-м. **Горбатовскаго**. Приказъ по раіону № 980. Объясненія ген. **Стесселя**, **Смирнова** и **Рейса**. **Заключеніе капитуляціи 20-го декабря 1904 г.** Допросъ свидѣтелей: полк. **Хвостова** и подполк. **Голованя**. 297

XXI. 2-е января 1908 г. — Засѣданіе 21-е. Сдача крѣпости. Допросъ свидѣтелей: к.-адм. **Лащинскаго**, **Григоровича** и **Щенсновича**, полк. **Дмитревскаго** и ген.-м. **Бѣлаго**. Заявленіе полк. **Хвостова** 304

XXII. 3-е января. — Засѣданіе 22-е. Артиллерійскія средства обороны. Объясненія генераловъ **Смирнова** и **Стесселя**. Допросъ свидѣтелей: ген.-м. **Бѣлаго**, полковниковъ **Бжозовскаго** и **Романовскаго**, подполк. **Блохина**, кап. **Ясенскаго**, г. **Азарова**, капитана 2-го ранга **Лепко**, шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича** и **Васильева**, лейт. **Подгурскаго**. — **Заключеніе капитуляціи.** Объясненіе ген.-м. **Рейса**. Показаніе г.-л. **Никитина** 313

XXIII. 4-е января. — Засѣданіе 23-е. О духѣ гарнизона и средствахъ обороны. Допросъ свидѣтелей: капит. **Аноева**, шт.-капитановъ: **Соломонова**, **Гудима**, **Ручьева**, **Карамышева** и **Вознесенскаго**, подпоруч. **Садыкова**, г.-м.: **Бѣлаго**, **Горбатовскаго** и **Третьякова**, полк. **Жеребцова**. Объясненіе генераловъ **Смирнова** и **Стесселя**. 319

XXIV. 7-е января. — Засѣданіе 24-е. О дѣятельности ген.-лейтенанта Смирнова въ Портъ-Артурѣ. Допросъ свидѣтелей: к.-адм. **Лащинскаго** и **Григоровича**, ген.-маіоровъ **Мехмандарова**, **Бѣлаго** и **Костенко**, полк. **Григоренко**, подполковниковъ **Достовалова** и **фонъ-Шварца**, поруч. **Гаммера**. **Японскія свѣдѣнія** о взятыхъ въ Портъ-Артурѣ артиллерійскихъ средствахъ обороны. 330

XXV. 8-е января. — Засѣданіе 25-е. О дѣятельности ген. Смирнова въ Портъ-Артурѣ. Показаніе полк. **Хвостова**. Объясненіе ген. **Стесселя**. — **О санитарномъ состояніи войскъ, численности ихъ ко дню сдачи и о положеніи госпиталей.** Допросъ свидѣтелей: д-ровъ **Гюббенета**, **Кржевца**, **Александрова**, **Кочетова** и **Иванова**, от. ген.-маіоровъ **Некрашевича - Поклада** и **Петруши**. . 339

XXVI. 9-е января. — Засѣданіе 26-е. Положеніе мирнаго населенія Портъ-Артура во время осады и послѣ капитуляціи. Показаніе подполк. **Вершинина**. — **Состояніе крѣпости ко дню сдачи ея и отношеніе къ этому факту гарнизона.** Допросъ свидѣтелей: шт.-кап. **Васильева** и **Дунина-Слѣпца**, подполк. **Жуковскаго**, пол-

Стр.

ковника **Галицинскаго**, капит. **Булгакова**, поруч. **Линденвальда**, подпоруч. **Гринцевича**, поруч. **Лофицкаго**, подполк. **Шпаковскаго** и **Затурскаго**, гг. **Гладова** и **Дылевскаго** и шт.-кап. **Соломонова** . 348

XXVII. 11-е января. Засѣданіе 27-е. О состояніи крѣпости къ дню сдачи ея: допросъ свидѣтелей: к.-адм. **фонъ-Эссена**, капит. 2-го ранга **Лепко**, полк. **Верховскаго**, поруч. **Яфимовича**, г. **Серебренникова**, полк. **Павловскаго**, д-ра **Гюббенета**, поручика **Костюшко-Валюжинича**, поруч. **кн. Гантимурова**, полк. **Бжозовскаго**, подполк. **Романовскаго** и отст. ген.-м. **Петруши** 361

XXVIII. 12-е января.—Засѣданіе 28-е. Общее состояніе крѣпости къ концу осады. Допросъ свидѣтелей: подполк. **Романовскаго**, ген.-м. **Бѣлаго**, шт.-капитановъ **Ерофѣева** и **Невельского**, полк. **Дмитревскаго**, поруч. **Кишинскаго**, шт.-кап. **Калинина**, поручика **Руссау**, д-ра **Кржевца**, подполк. **Вершинина**, капит. 1-го р. **Криницкаго**, лейтенантовъ **Подгурскаго**, **Максимова 7-го** и **Витгефта 2-го**, подполковниковъ **Вадина** и **Андреева**, отст. полк. **Малыгина**, кап. **Студитова** и подполк. **Бенуа** 369

XXIX. 14-е января.—Засѣданіе 29-е. По разнымъ вопросамъ: заявленіе ген. **Стесселя** и объясненіе ген.-л. **Никитина.** Допросъ свидѣтелей: поруч. **Яфимовича**, полковниковъ **Галицинскаго** и **Сейфулина**, кап. **Твердаго**, шт.-кап. **Дебогорія-Мокріевича** и подполковника **Андреева. Оглашеніе документовъ:** письмо адм. Алексѣева къ г-жѣ Стессель, наградной листъ на полк. Рейса, всеподданнѣйшая телеграмма ген. Стесселя 19-го декабря 1904 г., условія капитуляціи, показанія ген.-м. **Ирмана**, и оберъ-егерм. **Балашева** 378

XXX. 15-е января. Засѣданіе 30-е. Оглашеніе документовъ: показанія д-ра **Субботина**, полк. **Тыртова**, д-ра **Розанова**, ген.-л. **Надѣина** и д-ра **Рябинина**; инструкція ген. Бѣлаго для дѣйствія крѣп. артиллеріи на сухопут. фронтѣ; журналы совѣта обороны 9 августа и 28 сентября 1904 г. и рапортъ ген. Фока отъ 17-го августа 1904 г. по поводу производства вылазокъ. Объясненія подсудимыхъ. 389

XXXI. 16-е января. – Засѣданіе 31-е. Окончаніе судебнаго слѣдствія: оглашеніе документовъ: приказы ген. Стесселя о производствѣ вылазокъ; справка ген. Бѣлаго по артилл. части къ 20-му декабря 1904 г.; письмо маршала Ноги отъ 3-го августа 1904 г.; Высочайшая телеграмма ген.-адъют. Алексѣеву отъ 22-го мая 1904 г.; всеподданнѣйшая телеграмма ген.-адъют. Куропаткина отъ 12-го ноября 1904 г.; 43 приказа ген. Стесселя; справка о количествѣ оружія, взятаго японцами въ Портъ-Артурѣ; письмо ген. Кондратенко къ ген. Стесселю отъ 18-го сентября 1904 г. и др. Объясненія подсудимыхъ. 404

XXXII. 22-е января. — Засѣданіе 32-е. Заключительныя пренія: рѣчь представителя обвиненія, ген.-лейт. **Гурскаго**. 414

Стр.

XXXIII. 23-е января.—Засѣданіе 33-е. Заключительныя пренія. Рѣчи защитниковъ ген. Стесселя — присяж. повѣр. **Сыртланова** и подполк. **Вельяминова** 422

XXXIV. 24-е и 30-е января.—Засѣданія 34-е и 35-е. Заключительныя пренія. Рѣчи защитниковъ подсудимаго ген. Рейса — присяж. повѣренныхъ **Нечаева** и **Квашнина-Самарина** 427

XXXV. 1-е и 2-е февраля.—Засѣданія 36-е и 37-е. Заключительныя пренія: рѣчь защитника подсудимаго ген.-лейт. Фока,— отст. ген.-лейт. **Домбровскаго** 436

XXXVI. 4-е февраля.—Засѣданіе 38-е. Заключительныя пренія: рѣчь защитника подсудимаго ген.-лейт. Смирнова, кап. 2-го ранга **фонъ-Шульца** 441

XXXVII. 5-е февраля. Засѣданіе 39-е. Заключительныя пренія: дополнительныя рѣчи подполк. **Вельяминова**, прис. пов. **Нечаева** и капит. 2-го ранга **фонъ-Шульца. Послѣднее слово подсудимыхъ:** генераловъ **Стесселя, Рейса** и **Смирнова** 446

XXXVIII. 6-е февраля.—Засѣданіе 40-е. Отказъ ген. Фока отъ послѣдняго слова. Судъ удаляется для постановленія резолюціи . 458

XXXIX. 7-е февраля.—Засѣданіе 41-е. Резолюція суда . . . .

XL. Приговоръ 462

XLI. Высочайшая конфирмація приговора. Высочайшій приказъ Арміи и Флоту отъ 5 марта 1908 г.— Приведеніе приговора въ исполненіе 470

Паденіе Портъ-Артура.

Полковн. *Клеманъ-де-Грандпре.* Переводъ съ французскаго и примѣчанія генер. штаба полковн. *Хвостова.* Спб. 1907 г. . . . . **1 р. 50 к.**

„Хорошую книжку перевелъ полковникъ Хвостовъ и перевелъ ее прекрасно. Совѣтую прочесть ее каждому, интересующемуся правдой о Портъ-Артурѣ. Г. Тимченко-Рубанъ. *„Рус. Инв." 1907 г. № 261.*

... Это талантливое свѣдѣніе (компиляція) лучшихъ данныхъ англійской литературы о Портъ-Артурѣ, разсказанное кратко и выразительно, съ дѣльной оцѣнкой фактовъ въ военномъ отношеніи...

А. Шеманскій. *„Рус. Инв." 1907 г. № 39.*

... Интересная книга Грандпре заканчивается общими выводами автора относительно причинъ побѣды японцевъ, изъ которыхъ главная—желаніе достичь этой побѣды какой бы то ни было цѣной.

Книга переведена легкимъ, красивымъ языкомъ и издана безупречно.

„Кавказ. армія" 1908 г. № 14.

Великая осада.

Портъ-Артуръ и его паденіе. *Б. В. Норригаардъ*, корреспондентъ при японской арміи. Съ иллюстраціями и чертежами. Перевелъ съ англійскаго *Борисъ Серебрянниковъ.* 1907 г. **2 р.**

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

... Она по характеру изложенія вполнѣ доступна пониманію массы большой публики и способна заинтересовать ее. Кромѣ того, книга эта написана настолько обстоятельно и съ знаніемъ дѣла, что многіе иностранные военные писатели пользовались ею въ качествѣ источника.

К. Адариди. *„Развѣдчикъ" № 845.*

... Авторъ строго объективенъ, тонъ изложенія лишенъ страстности, событія слѣдуютъ одно за другимъ въ видѣ художественныхъ эскизовъ, полныхъ силы и блеска литературнаго таланта.

Бой. *„Голосъ Москвы" 1907 г. № 273.*

... Размѣръ замѣтки, къ сожалѣнію, не позволяетъ остановиться подробно на замѣчательной книгѣ Норригаарда, каждая страница ея имѣетъ для насъ значеніе, наглядно свидѣтельствуя, что доблесть русскаго солдата жива, и намъ остается лишь заботливо оберегать этотъ драгоцѣнный даръ, эту основу нашего будущаго могущества.

М. Галкинъ. *„Война и Миръ" № 11.*

Уроки Русско-Японской войны: Борьба за обладаніе моремъ.

Разборъ и критика. *Рэнэ Давелюи,* капитанъ 2 ранга. Переводъ со 2 фр. изд. лейтенантовъ: *В. Альтфатеръ и Б. Давыдовъ.* 1908 г. . . . . **1 р. 25 к.**

... Книжка капитана Рэнэ Давелюи очень содержательна и интересна, въ особенности въ томъ, что касается изложенія и разбора сраженія 10-го августа и Цусимскаго.

Е. У. *„Рус. Инв." 1908 г. прил. № 11.*

Осада и сдача Портъ-Артура. *Эллисъ Ашмедъ Бартлеттъ.* Пер. съ англ. подъ ред. и съ прим. ген. штаба полк. *Хвостова.* Съ рисунк., карт. и план. 1907 г. . 3 р.

... Вся книга проникнута горячимъ чувствомъ симпатіи къ японцамъ и антипатіи къ русскимъ, но авторъ умѣетъ быть справедливымъ. Онъ пророчитъ, по своимъ впечатлѣніямъ, Россіи великую будущность.

Ник. Ставрогинъ. *„Рус. Слово“ 1907 г. № 196.*

Борьба за Портъ-Артуръ. Приложеніе къ австрійскому воен. журн. *Штрефлера* съ 4 план. подъ редакц. и съ прим. *А. Ф. фонъ-Шварцъ* и *Ю. Д. Романовскаго.* 1907 г. 2 р. 50 к.

... благодаря прекрасному изложенію, великолѣпнымъ приложеніямъ, характернымъ и чрезвычайно цѣннымъ примѣчаніямъ переводчиковъ, принимавшихъ видное участіе въ оборонѣ крѣпости, книга читается съ захватывающимъ интересомъ.

Прекрасный переводъ и замѣчанія переводчиковъ придаютъ австрійскому подлиннику новизну матеріала и правдивость изложенія...

Особую цѣнность книгѣ придаютъ приложенія, составленныя частью военнымъ географическимъ (австр.) институтомъ, частью техническимъ комитетомъ. Большей ясности, тщательности и точности едва ли можно требовать. ***В. Н.*** *„Братская помощь“ 1908 г. № 1.*

На позиціяхъ Портъ-Артура. Изъ дневника ротнаго и баталіоннаго командира *А. Н. Голицинскаго.* 1907 г. Съ планомъ. . . . . 80 к.

Пусть самъ читатель найдетъ и продумаетъ остальное изъ столь откровенно и правдиво записаннаго, свѣжаго боевого опыта, и мы увѣрены, что, познакомившись ближе съ драмой, совершившейся въ Артурѣ, по этимъ воспоминаніямъ строевого офицера, читатель, даже если онъ не былъ на войнѣ, воскликнетъ вмѣстѣ съ авторомъ слѣдующія заключительныя слова книги:

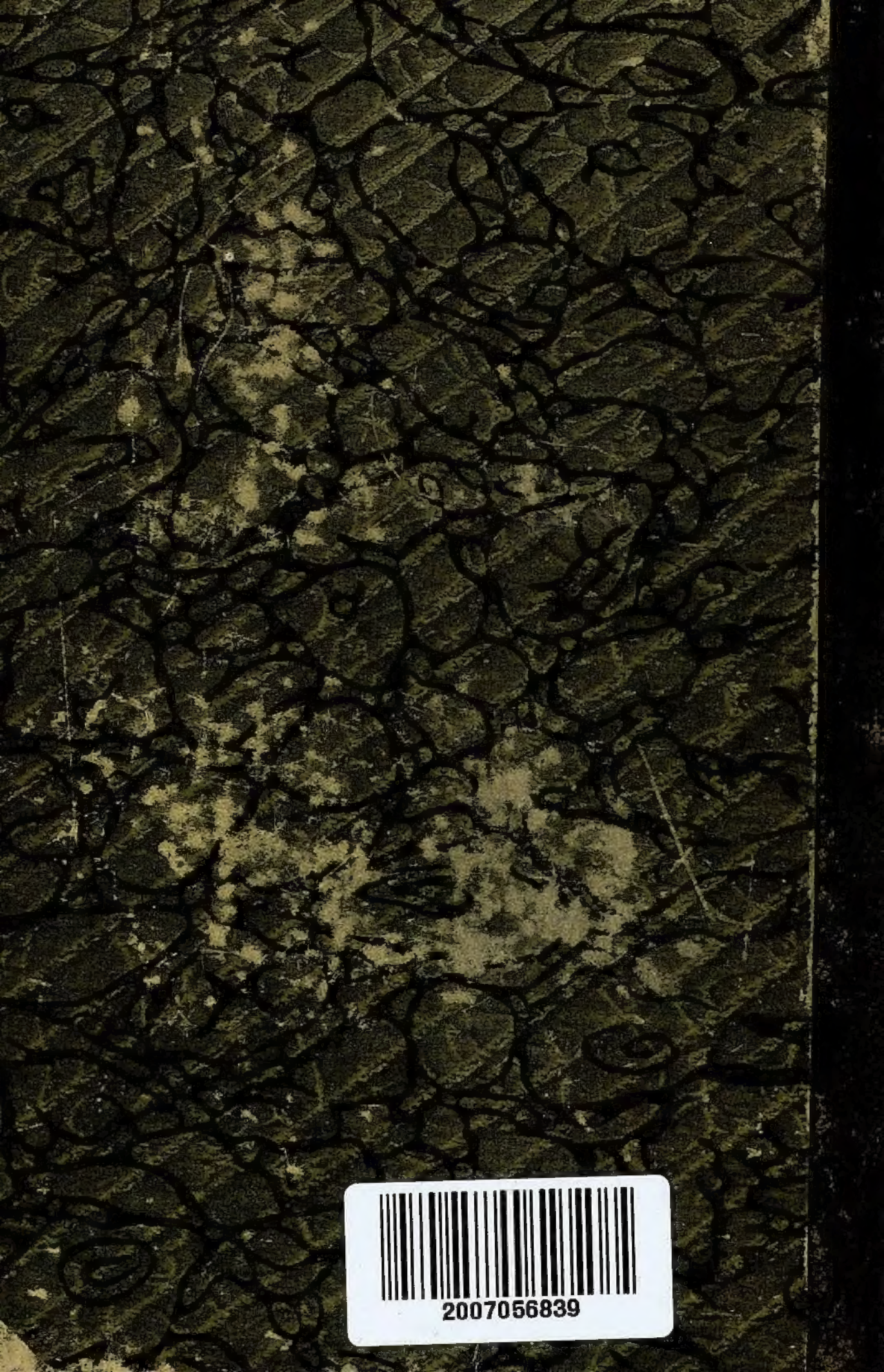
„Ужасы и эпизоды осады неизгладимой „чертой“ останутся на всю жизнь въ памяти каждаго, а затаенная горечь, досада и обида подвинутъ насъ къ тому, чтобы смыть этотъ позоръ“.

Ш—й. *„Развѣдчикъ“ № 884.*

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная, 14.


20070056839